

ГОЛОСА СИБИРИ

Выпуск седьмой

Кемерово
Кузбассвузиздат
2008

ББК 84-44

Г61

Составители:

Мэри *Кушникова* (Кемерово), Вячеслав *Тогулев* (Кемерово)

Адрес альманаха в сети Интернет:

<http://www.golosasibiri.narod.ru>

Слово к читателю

Редакционная коллегия номера:

Элеонора *Абрамова* (Ясная Поляна), Светлана *Ананьева* (Казахстан), Виктор *Вайнерман* (Омск), Светлана *Василенко* (Москва), Сеит *Каскабасов* (Казахстан), Виктория *Кинг* (США), Александр *Лейфер* (Омск), Елена *Логиновская* (Румыния), Мирослава *Метляева* (Молдова), Сергей *Папков* (Новосибирск), Дмитрий *Шагиахметов* (Кемерово)

Г61

Голоса Сибири: литературный альманах.-
Вып. седьмой/ сост. М. Кушникова, В. Тогулев. -
Кемерово: Кузбассвузиздат, 2008. - 1168с.

Выход в свет седьмого номера литературно альманаха «Голоса Сибири» приурочен к 180-летию юбилею Л.Н. Толстого, учение которого героически и трагично чтити в сибирских коммунах его имени в 30-е годы XX века.

ISBN

© Коллектив авторов. 2008
© Брагин А.В. - компьютерная верстка. 2008
© Издательство «Кузбассвузиздат». 2008

Седьмой выпуск «Голосов» выходит невольне после презентаций нашего альманаха в Бухаресте, Кракове и Варшаве.

Презентация в Бухаресте проходила в рамках мероприятий, посвящённых юбилею одного из наших самых любимых авторов – председателя Румынского Общества *Ф.М. Достоевского* и Румынского Фонда «Восток-Запад», члена-учредителя Международного Общества *Ф.М. Достоевского Альберта Ковача* (только-только из печати вышел полный русский перевод его книги «Поэтика *Достоевского*»). На юбилейные торжества из Калифорнии прилетела член редколлегии «ГС» *Виктория Кинг*, о чём она рассказывает в материале «Презентация продолжается...» (см. рубрику «Сибирь – Восточная Европа»).

Из наиболее приметных результатов бухарестской акции – установление контактов с Румынским Институтом Культуры и, конечно, более тесное знакомство с «румынскими» авторами «Голосов Сибири». Как раз перед презентацией Ясский журнал «Китеж-Град», который редактируется известнейшим поэтом *Никитой Даниловым*, вышел с обложкой публикаций, посвящённых русской культуре и литературе, напечатана в нём и обширная рецензия *Ливии Которча* на 4 и 5 выпуски «Голосов», равно и большой фрагмент готовящихся в настоящее время к печати «Сказок виртуального мира» *Виктории Кинг*. Не перестаём удивляться кругозору составителей и читателей «Китеж-Града»; в последнем его номере находим обширные материалы, посвящённые главам творчества *Александра Пушкина, Фёдора Достоевского, Владимира Маяковского, Михаила Булгакова, Иосифа Бродского, Александра Меня*, блестящего представителя старообрядческой поэзии *Сергея Клычкова*, в журнале приводятся удивительные сведения из истории и современности старообрядчества. Множество исследований о русской литературе печатают также Ясские «*Studii de Slavistica*» (номер XI вышел в свет

Многие люди читают лишь для того, чтобы иметь право не думать.

Георг Кристоф Лихтенберг

в 2006 году), а в последнем номере Яского журнала «Convorbiri Literare» мы обнаружили обстоятельную статью *Ливии Которча «Достоевский в прочтении Альберта Ковача»* (февраль 2008г.). Совершенно очевидно, что весь этот массив публикаций, равно и подвижность таких видных культуртрегеров Восточной Европы, как *Альберт Ковач, Елена Логиновская, Никита Данилов, Мирча Динеску*, которые постоянно иницируют и поддерживают диалог культур и литератур, не должен оставаться незамеченным в России.

Как уже было сказано, вслед за презентацией «Голосов» в Бухаресте последовали аналогичные презентации в Польше. Наш альманах регулярно печатал на своих страницах переводы с польского и, в частности, главы литературного наследия *Шимона Токажевского*, полтора века назад отбывавшего каторгу в Сибири (объемный том сочинений Токажевского вышел недавно в Кемерово в издательстве «Кузбассвуиздат»). Кроме того, в прошлом году был опубликован перевод на польский язык романа нашего автора *Светланы Василенко «Дурочка»*, и в декабре в ряде польских городов (Варшава, Познань, Краков и др.) успешно прошли презентации этой книги, организованные издательством «Чарне» и Российским Центром Науки и Культуры в Варшаве (подробнее см. рубрику «Роман *Светланы Василенко* – в Польше»).

Польская поездка *Светланы Василенко* послужила детонатором особого интереса нашего альманаха к польской истории и культуре. В марте по приглашению Российского Центра Науки и Культуры в Варшаву прибыл наш постоянный автор *Анастасия Романова* и члены редколлегии *Виктория Кинг* и *Мирослава Метляева* (её подробный отчёт о поездке см. в рубрике «Сибирь – Восточная Европа»). *Мирослава* озвучила перед участниками презентаций приветственное слово председателя Союза писателей Молдовы *Михая Чимноя*, и это вполне закономерно, поскольку именно в Кишинёве на

симпозиуме, посвящённом проблемам поэзии и перевода, в октябре 2007г. впервые были представлены номера нашего альманаха и сибирские переводы с польского языка книг *Токажевского*. И именно Молдова и Румыния стали местом проведения постоянных встреч авторов альманаха «Голоса Сибири». Вот почему мы так радуемся творческим успехам наших «румын» и «молдаван». Как было не порадоваться, например, когда конференция Международного Литературного Фонда, состоявшаяся 15 апреля с.г., подтвердила полномочия СПМ как самого авторитетного представителя литературы Молдовы на международном уровне. И как было не присоединиться к поздравлениям в адрес нашего молдавского автора *Валериу Бабански*, роман которого о верованиях древней Иудеи (см. «ГС» №5), написанный с опорой на труды главного раввина Кишинёва и Республики Молдова *Залмана Лэйб Абельского*, в течение прошлого года регулярно зачитывался на молдавском языке по Национальному радио. Как сообщает один из сайтов в Интернете со ссылкой на газету «Истоки жизни», редактируемую членом нашей редколлегии *Мирославой Лукьянчиковой*, главы названного романа «привлекли в городах и сёлах республики немало слушателей, знакомых с основами православия, но до сих пор и понятия не имевших ни о древней Иудее, ни о фарисеях, ни о Каббале, ни о Машиахе».

Во время поездки нашей делегации в Краков и Варшаву завязались контакты с рядом культурных, литературных, исследовательских организаций: Русской Общиной в Варшаве, Российским Центром Науки и Культуры, Музеем «Королевский Замок», Ягеллонским университетом, газетой «Российский Курьер Варшавы»; состоялись встречи авторов альманаха с председателем Союза польских писателей *Мареком Вавжкевичем* и Советником Посольства РФ в Республике Польша, директором РОНИКа *С.Г. Скачко* (см. ниже статью *Мирославы Метляевой* «Русский аспект польской “Сибириады”»).

Наши постоянные читатели знают, конечно, и о «казахстанском» крыле альманаха, представленном, в основном, сотрудниками Института литературы и искусства им. *М.О. Ауэзова*, которые за последние годы смогли организовать удивительно стройную систему международных литературных и литературоведческих связей. Из последних новостей – журнал «Керуен», издающийся Институтом, выпускает уже второй номер с рубрикой «“Голоса Сибири” представляют...», чести быть опубликованными в этом издании удостоились *Альберт Ковач*, *Елена Логиновская* и *Елена Дутьгеру* (Румыния), равно и один из сибирских авторов, написавший книгу на материалах казахского фольклора; приведены в этом журнале и главы литературного наследия поляка *Шимона Токажевского*. Поражаемся кипучей энергии и работоспособности наших коллег из Казахстана: после выхода шестого номера «ГС» они провели целый ряд приметных акций, и, в частности, отметили 110-летний юбилей *Мухтара Ауэзова* (подробнее см. №09 «Керуена» за 2007г.), а к 100-летию юбилею виднейшего фольклориста *Н.С. Смирновой* Институт готовит к изданию однотомный свод её сочинений.

В этом выпуске «Голоса Сибири» приводят материал, посвящённый 75-летию казахстанского литературного журнала «Простор», с которым сибиряков, равно как и сотрудников Института связывают немало общих тем и общих знакомых; светлой памяти известнейший казахстанский пушкинист *Николай Алексеевич Раевский*, долгое время находившийся в Чехословацкой эмиграции, был знаком с сибиряками и оставил о себе самую добрую память, как в Сибири (ниже см. очерк «Встреча с прошлым»), так и в Казахстане (см. серию публикаций в журнале «Простор» за 2007г.).

Собственно в Сибири за прошедшие полгода прошло несколько знаковых для «ГС» событий. В ряды Союза российских писателей приняты наши авторы-сибиряки

Наталья Елизарова, *Вольдемар Горх* и *Игорь Иванченко*. Омский альманах «Складчина» отметил 30-й, юбилейный, номер творческим вечером в Центральном Доме Литераторов в Москве (см. пресс-релиз в рубрике «Сибирский альманах»), а также на презентации в Омске (см. фотоклейки). Наиболее впечатляющими событиями на литературной сцене Кузбасса стали награждения наших авторов: *Игоря Иванченко* – всероссийской премией «Золотое перо Руси», а *Игоря Петрова* – всероссийской макушинской премией (на церемонии вручения присутствовали гости из Томска и Омска). А состоявшаяся 13 декабря 2007г. презентация поэтического сборника члена СРП *Петра Кузнецова* «*Ama Fatum*» стала самой значительной из тех, что когда-либо проводились в Доме Литераторов Кузбасса. Таким образом, с открытием ещё одного сибирского представительства СРП, на этот раз в городе Кемерово, местная литературная жизнь стала понемногу выходить из перманентной спячки, что в феврале 2008г. было подчёркнуто и на творческом вечере нашего автора *Вольдемара Горха* – едва ли не единственного романиста России, который пишет о сосланных в Сибирь в ходе Сталинских депортаций немцах Поволжья.

Итак, представляем читателю седьмой номер «Голосов Сибири», который мы приурочили к 180-летию юбилею *Л.Н. Толстого*. Учение, ставшее поистине интернациональным, героически и трагично чтит в сибирских коммунах его имени в 30-е годы XX века (см. рубрику «*Лев Толстой* и Сибирь»).

Таким образом, «Голоса Сибири» вновь собирают под своей обложкой произведения авторов самых разных стран и времён.

Мир, как известно, тесен, а плетения судьбы загадочны. Один из составителей альманаха в начале 50-х годов оказался в Дрогобыче на Западной Украине, которая ещё так недавно была частью Польши. В особняке польского мецената, графа *Ленцкоронского* новые

власти устроили краеведческий музей, в экспозиции которого фигурировали, в основном, обрамлённые в аккуратные рамочки цитаты из классиков марксизма-ленинизма, фотографии «героев войны и труда», муляжи гигантских снопов пшеницы, бутафории бураков необыкновенных размеров – на них была политическая «сельскохозяйственная мода» – а также макеты нефтяных вышек (рядом «нефтяной» Борислав). Что касается бесценных антикварных коллекций польского мецената *Ленцкоронского*, удивительных собраний живописи, фарфора, майолики, китайских и японских ваз, нумизматики, геологических пород и букинистики самых разных времён и стран – то всё это за ненадобностью было как попало свалено в помещении бывшей конюшни, и потребовалось личное вмешательство одного из нынешних авторов «Голосов Сибири», чтобы уберечь коллекцию *Ленцкоронского* от истребления и препроводить её в музей города Львова, так что хочется верить, что уникальные вещи находятся там по сию пору.

Мы не знаем, как сложилась судьба польского мецената графа *Ленцкоронского* из Дрогобыча, но память о его подвижнической деятельности неизгладима. Этот человек понимал: нет «неинтересных» стран и нет «малых народов», люди всего мира и их деяния создавали и создают общую сокровищницу культур. Поэтому «диалог культур» и является основным стержнем альманаха «Голоса Сибири». Ибо только сейчас в российской провинции стало возможным попытаться в литературе сделать то, что так блестяще удалось на ниве искусства и просвещённого собирательства более полувека тому назад упомянутому польскому меценату.

Итак, мы продолжаем наш скромный проект, стараюсь, по примеру графа *Ленцкоронского*, «собирать страны и времена»...

*Кемерово.
Май 2008г.*

Из первых уст

Светлана Василенко
ОТЧЁТ О РАБОТЕ ПРАВЛЕНИЯ
СОЮЗА РОССИЙСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ
ЗА ПЕРИОД С МАЯ 2004 г. ПО
ДЕКАБРЬ 2007 г.¹

Дорогие коллеги, друзья, уважаемые сопредседатели, члены Координационного совета, члены правления! Я рада приветствовать вас здесь, в Подмоскowie, в Переделкино, доме творчества спустя три с половиной года после съезда. За это время правлением СРП, региональными организациями СРП много сделано, много чего предстоит сделать, и появилась потребность скоординировать наши совместные действия между правлением, сопредседателями и региональными отделениями СРП, выработать план дальнейших совместных действий по организации творческой жизни в нашем правлении и наших отделениях, не забывая, конечно, и об их хозяйственно-финансовой деятельности. Для этого мы с вами здесь сегодня и собрались.

Вы знаете, что за это время наша организация понесла тяжёлую утрату: ушли из жизни: в 2006 году – член Правления СРП – Андрей Косёнкин, председатель Иркутской организации СРП Анатолий Кобенков, а в этом году мы потеряли другого председателя Иркутской организации СРП – Бориса Ротенфельда, и весной этого года сопредседателя СРП, главного редактора красноярского журнала «День и ночь» – Романа Солнцева. Почтим их память минутой молчания. Спасибо.

Но жизнь продолжается, и наша организация растёт. За отчетный период в СРП принято 206 новых членов. Приёмная комиссия в составе 7-ми человек, очень уважаемых и талантливых писателей, которых мне хочется назвать поименно: председатель приёмной комиссии, лауреат премии «Ясная поляна», Горьковской премии и итальянской премии Кавура – Владислав Отрошенко, известный русский критик, заведующий отделом культуры правительственной газеты «Российская газета» Павел Басинский, лауреат премии Солженицына, Антибукера и Большой книги Алексей Варламов, лауреат Горьковской премии, поэт, прозаик, главный редактор

Писатель не тот, кто пишет, а тот, кого читают.

Михаил Генин

издательства Хронограф, Борис Евсеев, доктор философских наук, профессор, писатель Владимир Кантор, лауреат премии «Ясная поляна», обозреватель «Литературной газеты» Александр Яковлев, и поэт, прозаик Ефим Бершин. Как видите, состав приёмной комиссии очень солидный, это сегодняшнее лицо русской литературы и потому приём новых членов в наш союз писателей идёт очень тщательный и пристальный. Хотя нагрузка у них большая. Есть у приёмной комиссии и проблемы: наряду с яркими талантливыми книгами, которые встречаются приёмной комиссией как праздник, организации присылают и довольно часто – книги некачественные, как правило, издаются они за свой счет, малым тиражом, при отсутствии у кандидата на прием публикаций в серьёзных региональных и центральных толстых журналах. Что говорит о некачественном отборе кандидатов в члены СРП на местах. То ли потому что отказать человеку трудно, то ли потому что человек для организации – «нужный» – или хороший организатор, или спонсор, или издатель. Да, мы согласны. «Нужные» люди нужны, но при наличии у них таланта. Наш союз не гонится и за количеством членов, мы – за качеством. Но есть и другой крен. Иногда от таких крупных организаций, как, скажем, Екатеринбургская, за три года было прислано на приём только два дела. Это говорит о том, что организация не уделяет должного внимания выращиванию молодых талантов, их поиску. Председатель Приёмной комиссии, член правления СРП Владислав Отрошенко, я думаю, сам ещё расскажет о приёме и приёмной комиссии.

2. Мы растём не только численно. На местах появляются всё новые и новые организации СРП. За отчетный период Правлением Союза российских писателей были учреждены 4 представительства, таких, как С-Петербургское региональное представительство (председатель Михаил Кураев), Карельское республиканское представительство (председатель Надежда Васильева), Новокуйбышевское городское, Кемеровское региональное представительство (председатель Вячеслав Тогулев). В городе Муравленко Ямало-Ненецкого округа создано Ямало-Ненецкое региональное отделение (председатель Александр Овсянников), и вновь создано закрытое ранее по заочному суду Вологодское региональное отделение (председатель Елена Волкова). Радует, что новые представительства и отделения

сразу же с ходу активно включаются в активную работу Союза российских писателей: так Ямало-Ненецкое отделение СРП уже несколько лет проводит литературные фестивали, куда съезжаются писатели Москвы, С-Петербурга, Ямала, Тюмени, и других городов России. Карельское представительство ведёт большую работу с читателями в сёлах отдалённых районов – медвежьих углов республики, куда обычно писатели не заглядывали. Кемеровское представительство за два года выпустило шесть объёмных номеров альманаха «Голоса Сибири», без которого уже культурную жизнь Сибири не представишь.

3. По-прежнему СРП всё это время занимался продолжением строительства помещения для СРП и оформлением его в собственность СРП, что заняло некоторое время, – с последующей сдачей его в аренду, для того, чтобы у СРП наконец-то появилась бы материальная база для выполнения уставной деятельности. И эта база появилась, а с ней и экономическая самостоятельность организации. За всё постсоветское время наш союз единственный из творческих союзов, который что-то создал, а не продал то, что ему досталось ещё из советских времен, как это делают другие писательские союзы и фонды. Об этом подробнее расскажет Людмила Абаева, оргсекретарь СРП, которой в 1999 году на съезде СРП было поручено это большое важное дело и она его с блеском завершила. Строительство потребовало от правления СРП огромной выдержки, терпения, интеллектуальной концентрации, потому что мы столкнулись со многими вещами впервые. Давайте поблагодарим Людмилу Абаеву и всё правление, которые работали над этим проектом не покладая рук.

4. СРП продолжило свою издательскую деятельность. На гранты Министерства печати в издательстве СРП вышли любовно составленные и прекрасно изданные книги Анатолия Жигулина, Евгения Блажеевского (издание осуществляли Владимир Коробов и Людмила Абаева). На частные пожертвования друзей и благодаря участию СРП вышли две книги Николая Голуба в издательстве Звонница Молодой гвардии. Союзом писателей были организованы презентации этих книг в Малом зале ЦДЛ. Там же недавно прошёл вечер памяти Евгения Блажеевского. Благодаря участию СРП Московское правительство выпустило детскую книгу Полетаевой о

Москве. В будущем правление намерено в издательстве СРП издавать ежегодный альманах, где публиковались бы стихи, проза, критика, публицистика писателей, членов СРП. Я думаю, что часть времени члены Координационного совета на своём заседании посвятят обсуждению этого альманаха. Создание альманаха СРП стало бы очень важным событием для нашей организации, он сплотил бы наши региональные отделения не только организационно, но и творчески. Ведь до сих пор, кроме интернета, провинциальные писатели не имеют выхода к читателям Москвы и других регионов. Думаю, что Владимир Коробов – секретарь Правления по издательским программам, выступит на заседании и дополнит меня. У него есть очень интересные мысли, как этот альманах оформить и назвать.

5. Правлением СРП и в частности секретарём правления СРП, председателем Воронежского отделения СРП Галиной Митрофановой Умывакиной была проделана большая работа по увековечиванию памяти писателей. Так по инициативе Воронежского отделения СРП на частные пожертвования была создана и открыта в Воронеже памятная доска Анне Ахматовой на доме, куда она приезжала в тридцатые годы навестить опального поэта Осипа Мандельштама. Сейчас по инициативе той же Воронежской организации и Галины Умывакиной идёт работа по возведению в Воронеже памятника самому Осипу Мандельштаму.

Этот воронежский опыт требует к себе пристального внимания со стороны других членов Координационного совета, председателей региональных отделений. Инициатива воронежских писателей говорит о том, что культурный облик наших городов напрямую зависит и от наших скромных усилий, если работать над этим, сосредоточенно и кропотливо. Думаю, что Галина Умывакина расскажет о своей работе.

Теперь о премиях, конкурсах, фестивалях, совещаниях молодых писателей. На правлении СРП было решено учредить совместно с Мандельштамовским обществом премию им. Осипа Мандельштама. Сейчас идут переговоры с Мандельштамовским обществом. Так же уже в течение 5-ти лет в Коктебеле в Крыму проходит Волошинский конкурс и фестиваль поэзии, прозы и критики, координатором которого является член нашего союза, бывший тульский,

ныне московский поэт Андрей Коровин. Соучредителем этого конкурса является СРП, сопредседатель СРП, поэт Юрий Кублановский является председателем поэтического жюри, в которое входит также член правления СРП – Владимир Коробов, а я являюсь там председателем прозаического жюри. В этом году решено учредить Волошинскую литературную премию, где будут два соучредителя – СРП и Волошинский дом-музей в Коктебеле.

СРП входит также в различные государственные Оргкомитеты по празднованию юбилеев великих русских писателей: Н.В. Гоголя, А.Т. Твардовского. Раньше СРП входил в Оргкомитет по празднованию 100-летнего юбилея М.А. Шолохова. 30 писателей, членов СРП получили тогда Шолоховские медали, посвящённые этой знаменательной дате. К Гоголевскому юбилею правление СРП учредило свою премию под названием «Нос».

К сожалению, уже давно не проводилось Всероссийское совещание молодых писателей. Многие из вас, наверное, помнят поистине историческое для нашей организации совещание молодых писателей в Ярославле в 1996 году, по итогам которого было принято около ста писателей. Последнее такое совещание силами двух союзов – СРП и СПР при финансовой поддержке Минкультуры проводилось в Малеевке в 2001 году. Филатовский фонд ежегодно проводит такие совещания в Липках, но приезжают туда из года в год одни и те же писатели, уже состарившиеся в этих Липках. Обычно Союзы писателей проводили такие совещания раз в пять лет. Время уже пришло. Думаю, что Координационный совет поддержит правление в стремлении собрать молодых талантливых писателей. Пора уже проводить следующее совещание, чтобы встряхнуть нашу пишущую молодежь, чтобы открыть новые имена.

7. Правление СРП продолжает укреплять связи между центром и регионами. За отчётный период были проведены литературные встречи, конференции, региональные семинары молодых писателей, презентации книг и других изданий с участием представителей правления и местных региональных организаций. Назову самые яркие из них: «Славянский венок» – в г. Кирове с участием СРП, Союза писателей Белоруссии, Союзов композиторов России и Белоруссии (организатор – Кировское региональное отделение СРП – председатель Ю.В. Панченко), 70-летний юбилей Ставропольской

писательской организации (председатель Ставропольского отделения – Т.К. Третьякова-Суханова), прошлогодняя конференция женщин-писательниц в Твери, проводившаяся на пароходе, с последующими литературными чтениями в Москве в Доме журналистов, организованная СРП и СЖР, и где побывали многие писательницы нашей организации; юбилей Владимирского отделения СРП в г. Владимире, ежегодный Байкальский фестиваль поэзии, основателем которого была Иркутская писательская организация СРП и её председателя Анатолия Кобенкова, юбилейный творческий вечер Галины Умывакиной в Воронеже, проходящий при полном зале и являющийся настоящим примером, как чтят поэта в провинции, если тот не предаёт её, живёт ею, пишет о ней. Особо запомнились всем участникам литературные праздники в г. Муравленко на Ямале, подготовленные Ямало-Ненецким региональным отделением СРП (председатель – А.В. Овсянников) и Тюменским региональным отделением (председатель – Н.М. Шамсутдинов). Выездное заседание правления прошло в Тюмени. Интересный опыт проведения литературных чтений в библиотеках города появился у Нижегородского представительства (председатель – М.О. Кулакова), куда приглашаются поэты и прозаики из разных регионов России. В Липецкой области в селе, где жил отец М.Ю. Лермонтова, прошли I Лермонтовские чтения, которые организовал и провёл председатель Липецкого регионального отделения Н.Н. Калтыгин. И, конечно, одни из самых ярких встреч происходят почти ежегодно в г. Тольятти, где действует молодая активная команда под председательством Б.А. Скотневского, издающая прекрасный литературный журнал «Город».

8. Особо хочется сказать о наших провинциальных изданиях. Это тот же очень профессионально издаваемый тольяттинский журнал «Город» (гл. редактор Вл. Мисюк), и много лет издающийся в г. Омске всё время видоизменяющийся, живой, современный альманах «Складчина» (отв. за выпуск – председатель Омского регионального отделения А.Э. Лейфер), Красноярский журнал «День и ночь», одно из главных детищ нашего покойного Романа Харисовича Солнцева, журнал, попавший в рейтинг самых престижных журналов России и стоящий в Журнальном зале рядом с такими известными журналами как Новый мир, Знамя, Октябрь и другими

толстыми журналами. Сейчас главным редактором стала член нашего союза Марина Саввиных, журнал нуждается в нашей помощи. Отмечу также журналы и альманахи нашего союза: «Под часами» (г. Смоленск), из маленького тонкого журнала ставший толстым журналом, «Литературное Ставрополье» (г. Ставрополь), где печатаются и члены СРП и члены СПР, журнал «Местное время» в г. Владимире, маленький компактный, но очень объёмный по содержанию; журнал «Тула» (ред. Овчинников), пятый номер которого недавно был представлен столичной публике, тульская «Писательская газета», регулярно выходящий журнал «Изба-читальня» во Владивостоке (гл. ред. Борис Мисюк), журналы, выходящие в Оренбурге (председатель рег. отделения Вячеслав Моисеев), Калининграде («Янтарный берег»), новый альманах «Каменный мост» в Томске; объёмный, со множествами разделов – и литературным, и историческим, и публицистическим – альманах «Голоса Сибири», издающийся в Кемерово (гл. ред. Вяч. Тогулев и Мэри Кушникова), Волгоградский альманах «Лазоревый цвет» (гл. ред. Геннадий Коробков), вологодская «Свеча», мурманский журнал «Мурманский берег» (гл. редактор Иван Бессонов), издающийся вот уже много лет, очень профессиональный литературный журнал, давно не видела и не держала в руках журнал «Глагол Кавказа», издавался в Майкопе в Адыгее (гл. ред. – Каплан Кесебежев). Когда-то горела в Иркутске и «Зелёная лампа», альманах, издаваемый в Иркутске.

Так что кое-что у нас есть. Но вы знаете, как сложно в провинции, да и не только в провинции, издавать журналы и альманахи. Всё опять упирается в финансы, дадут местные власти деньги на журнал или альманах в следующем году или не дадут, – вот главный вопрос для редакторов этих журналов. Но в последнее время положение с финансированием на местах изменилось, именно в провинции сейчас начала расцветать потихоньку культура, литература, благодаря вниманию к ней местных властей. Но, повторяю, нам нужен альманах, издающийся в Москве, где были бы представлены писатели всех региональных отделений и представительств СРП. На одном из заседаний правления обсуждалось создание такого альманаха под названием «Русский жанр», где помимо регионов, были бы представлены и разные жанры, в которых работают наши писатели. Главная трудность, как для местных журналов,

так и столичных, сейчас – это не только финансирование. Например, деньги есть, таланты тоже, журнал издан, но как его реализовать? К сожалению, в Москве нет магазина, где бы продавали провинциальные журналы, газеты, книги, изданные в регионах. А потребность прочитать, узнать из первых рук, что происходит в провинции, в глубине России, – у современных читателей растёт.

9. И правление СРП выступило с инициативой проведения в Москве в ЦДЛ (Центральный дом литераторов) и в других московских клубах «Провинциальных литературных вечеров», где принимали бы участие писатели региональных отделений СРП и где бы проводились презентации тех книг, журналов и альманахов, которые издаются в провинции, силами отделений и представительств СРП. Инициатива эта была встречена с большим интересом, и за год прошло уже несколько таких вечеров. Первые «Провинциальные вечера» были посвящены тольяттинской писательской организации СРП и презентации журнала «Город», который выпускают тольяттинцы. Это был замечательный вечер, где выступали как сами тольяттинцы, так и известные московские критики, поэты и прозаики, высоко оценившие уровень журнала и потенциал тольяттинской организации. Вторые провинциальные вечера были посвящены Воронежскому отделению СРП, где упор был сделан не только на поэзии и прозе воронежских писателей, но и на краеведении. Чтения эти так и были названы: «Литературные прогулки по Воронежу». Третьи провинциальные чтения были проведены меньше чем неделю назад, и были посвящены Омскому отделению СРП, и презентации их детища – альманаха «Складчина». Был полный зал, чтения прошли на одном дыхании. Его посетил депутат Государственной Думы Олег Смолин, вдова известного поэта Леонида Мартынова. То есть эти чтения становятся уже заметным явлением культурной жизни. Деньги на дорогу и проживание в доме творчества, как правило, даёт губернатор (в каких-то отделениях могут появиться и спонсоры), с организацией вечера, зала, проезда в городе, рекламой в СМИ и другими необходимыми, сопутствующим этим вечерам, мелочами, включая фуршет для гостей и журналистов, – помогает правление и аппарат СРП. Второй вечер, как правило, проходит в Булгаковском центре, с которым у нас давние дружеские связи. Там уже другая публика: творческая молодежь, причём не

только столичная и очень важно сделать эти вечера популярными именно у неё, сделать эти вечера и провинциальную литературу – не побоюсь этого слова, – модными. Создать моду на провинцию, – это так хорошо!

Ещё хочу сказать об обратной связи между центром и регионами. Иногда она есть, иногда она отсутствует. Скажем, прекрасные отношения у правления со многими организациями. Мы знаем, кто кто пишет, кто кто издаёт в региональных организациях. Списываемся, созваниваемся, приезжаем друг к другу в гости, в командировки. Но есть организации, которые годами не дают о себе знать. Это Магнитогорская организация, которая сменила председателя и зачахла. Это Курганское представительство СРП. Это Челябинское представительство СРП. Очень слабая связь с Екатеринбургским региональным отделением. Там создана Уральская ассоциация писательских союзов, и наша организация занята исключительно ею. О многих мероприятиях мы узнаем за несколько дней до мероприятия, как, например, в этом году, о вручении премии Мамина-Сибиряка в г. Муравленко правление СРП узнало за три дня до начала фестиваля. Звонил и приглашал координатор Ассоциации Уральских писателей А. Кердан, обещал прислать приглашение, но так и не прислал. Мне кажется, что должен был всё же позвонить и пригласить членов правления на мероприятие наш председатель Екатеринбургского отделения СРП. Многие писатели, члены СРП, жалуются, что руководство отделений СРП, вступив в такие ассоциации, увлечённые новыми открывшимися возможностями из-за притока денег от губернатора, забывают о своих прямых обязанностях и своих членах и занимаются уже только сугубо делами ассоциации. Есть и прямая угроза, что такие ассоциации могут поглотить наши организации. Мне кажется, что Координационный Совет должен выработать свод правил для своих отделений для вступления в такого рода ассоциации. Например, Уральская ассоциация имеет одного координатора – Александра Кердана, члена СПР. А Арсен Титов – его заместитель. Думается, что это неправильно. Все должно строиться на паритетных началах. У такой ассоциации должно быть два координатора – члены СПР и СРП. О Питерской ассоциации, я думаю, мы услышим от нашего сопредседателя М.Н. Кураева. О Сибирской, быть может, расскажет А.Э. Лейфер.

10. В идеале нам всем необходим журнал, альманах, издательство, которые издавались бы в Москве, но публиковали бы провинциальных авторов. Об этом мы ещё поговорим, поскольку проблема эта назрела настолько остро, что требует отдельного специального и серьёзного разговора. Думаю, что нам сейчас пока по силам издавать альманах, где публиковались бы члены СРП.

11. Расскажу ещё об очень важном для всех нас решении правительства – создать на базе издательства «Художественная литература» государственное издательство. Представитель СРП входит в попечительский совет этого издательства и месяц назад в Министерстве печати состоялось первое заседание попечительского совета, куда вошли представители многих союзов писателей (не всех), а также редактора «толстых» журналов обоих направлений. Посмотрим, как дальше пойдет работа попечительского совета, но пока у него есть реальная возможность создать издательство, издающее не коммерческую литературу, а художественную, которой мы все с вами и занимаемся.

14. Правление СРП много времени уделяет и связям с другими писательскими организациями. Так несколько лет мы просто не вылезали из судов, борясь за Международный Литфонд, который его бывший директор Роман Голумян из общественной организации незаконно преобразовал в благотворительную, – из чего следовало, что всё многомиллионное имущество Международного Литфонда, которое было создано в советское время, и на которое писатели отчисляли 10 процентов с каждого издания, – можно было отчуждать, то есть продать, а сам Литфонд закрыть, решением тройки: самого директора, юриста и бухгалтера (а именно такой устав у благотворительных организаций). Но правда восторжествовала (за неё пришлось очень сильно побороться), и теперь Международный литфонд снова стал общественной организацией, то есть нашей с вами, и мы ей можем управлять путём демократическим, на конференции Литфонда, куда приглашаются представители всех писательских организаций и литфондов республик. Теперь Международный литфонд возглавляют сами писатели: председателем его избран Феликс Кузнецов, а его заместителем – Иван Иванович Переверзин, много помогавший и помогающий как членам СРП, так и самому СРП. С ними у нас постоянный контакт, оргсекретарь

правления Людмила Абаева входит в исполком Международного Литфонда, несколько человек из нашего союза – в президиум Международного Литфонда. Скоро состоится конференция Международного литфонда, куда СРП направит своих делегатов.

Почти такая же детективная история была с продажей Дома Ростовых Арсением Ларионовым, бывшим заместителем председателя МСПС два года назад. Правление СРП заняло тогда принципиальную позицию: поддержало С.В. Михалкова, председателя МСПС в его борьбе с мошенником, с его же собственным заместителем. Дом Ростовых возвращён писателям. В феврале 2005 года решением правления СРП вошёл в состав МСПС наравне с другими писательскими организациями. В МСПС сейчас благодаря усилиям его руководства вошли практически все писательские организации, кроме самостийного союза писателей Украины и не менее самостийного союза писателей Москвы. Последнее обстоятельство мешает получить МСПС правопреемство Союза писателей СССР, что было бы в интересах всех писателей. С руководством Союза писателей Москвы мы ведём об этом переговоры, но ни до чего конкретного пока не договорились. И это особенно обидно, потому что наши организации создавались практически вместе, одними и теми же людьми демократических убеждений. Но думаю, что если сделан первый шаг, то будет и второй и третий.

13. Вы все знаете и о положении дел с Законом о творческих союзах и творческом работнике. Его попросту нет. Но в предвыборные месяцы случился новый всплеск инициатив. По поводу этого Закона все творческие союзы были созваны к министру культуры А.С. Соколову, собирались также и у председателя Совета федерации Миронова. И там и там состоялся серьёзный разговор, и хочется верить, что если такие серьёзные люди взялись за дело, – то результат будет. Правда, Соколов сказал на этой встрече, что тот, принятый Думой, но возвращённый на доработку президентом, Закон уже устарел, и надо выдвигать в Думу новый закон – о культуре, куда бы составной частью входили бы некоторые статьи нашего многострадального закона о творческих союзах и творческом работнике. Кстати, даже в моём докладе, он стоит 13-ым пунктом.

Правительство России также в этом году издало указ о субсидиях творческим союзам, выделенных на нужды членов союзов, а,

значит, и писателям, – пенсионерам, инвалидам, и малообеспеченным писателям. Этот указ напечатан в Российской газете, о нём Координационному совету доложит бухгалтер СРП.

14. О международной деятельности СРП. О ней полнее расскажет Левон Осемян – секретарь Правления по международным связям со странами СНГ. Скажу только, что СРП участвовал в важных встречах, конференциях, которые прошли в Армении, Литве, Латвии, Украине, Белоруссии, Болгарии, Индии, Южной Кореи. В Москве СРП также принимал писательские делегации Армении, Латвии, Белоруссии, Болгарии, Китая, Южной Кореи. Многие из них выступали в Малом зале ЦДЛ, в конференц-зале Дома на Поварской, в армянском посольстве. С армянскими писателями нас связывает многолетняя дружба. Каждый год делегация СРП ездит в Армению на дни, посвященные армянской письменности, писатели выступают там в Брюсовском университете и Союзе писателей Армении. СРП был приглашён также в новую Библиотеку МГУ на первую конференцию стран СНГ и стран Азии, посвящённую русскому языку, где с докладом о необходимости сближения наших культур выступал президент России. Особенно запомнилась прекрасная встреча русских и южнокорейских писателей, которая проходила в начале декабря этого года в одном из престижных залов Москвы – «Толстой» гостиницы Рэдиссон-Славянская. На ней присутствовал посол Республики Южная Корея в России. Думаю, что теперь, когда наш Союз окреп и стал играть заметную роль в литературной и общественной жизни страны, наши международные связи будут расти. Надо активней обращаться в Минпечати, которое организует книжные ярмарки в различных странах, с просьбами и даже требованиями включить в состав делегаций наших писателей, членов СРП. Так в Москве в марте месяце пройдёт международная книжная ярмарка, на которой мы могли бы на отдельном стенде представить свои провинциальные журналы. Это был бы такой пробный шар. В дальнейшем СРП мог бы представлять на своих стендах книги, журналы и альманахи, изданные в регионах России.

Вот все направления деятельности СРП за отчётный период. Если есть вопросы – задавайте их. Спасибо.

Изящная словесность

Виктория Кинг
ВИДЕНИЕ

Из нового романа «Мачехи»

Мариям с семьёй жила в большой усадьбе. В подвале находился спортивный зал с тренажерами, бассейном, сауной и просторной комнатой для отдыха. Поправившись, она чаще обычного проводила время в тренинге: растягивалась, качала пресс или плавала часами. Массажистка приходила два раза в неделю и трудилась усердно. Вот и сегодня, после очередного сеанса, мышцы приятно побаливали.

Мариям стояла, не шевелясь, возле зеркала. Недавно она прочитала в журнале, что если разглядывать отражение достаточно долго и представлять себя, какой ты хочешь быть, то с телом происходит нечто магическое и мозг посылает команду организму: «поменяться». Таким экспериментом она решила заниматься каждый день после утренних процедур, потому что свято верила: это не самовнушение, основанное на последних научных исследованиях, а вполне реальная и достижимая цель: преобразиться! В её тридцать четыре года она выглядела хорошо, ей иногда давали не более двадцати, но Мариям знала: ей необходимо претерпеть некую внутреннюю метаморфозу, чтобы жить в мире со своим «Я» и научиться сосуществовать с мужем.

В роли домохозяйки, матери и жены она пребывала слишком долго, интеллект и раненая душа требовали «перезагрузки».

«О каком-то обновлении я думаю, зачем себе врать... просто я хочу развестись с Каримом!».

Внутри зеркала что-то дрогнуло, помутнело, и вдруг из ниоткуда проявился чёткий образ древней старухи.

Седые космы падали на плечи и шевелились, словно от лёгкого ветерка. Серый хитон ниспадал почти до земли и из-под него выглядывали жилистые с синюшными венами ступни. Руки крест на крест закрывали иссохшую грудь под складками одежды. Глаза на морщинистом лице сияли мрачным светом мудрости. Впавшие губы приоткрылись, голос женщины напоминал шелест листвы в осеннюю ночь.

– Сад, взрасти сад! И цветы счастья оживут..., – шептало видение.

Слова, которые рождаются в сердце, доходят до сердца, а те, что рождаются на языке, не идут дальше ушей.

Аль-Хусри

От перенапряжения на лбу Мариям выступил пот, внезапно наворачившиеся слёзы мешали, но она не смела моргнуть, застыла и ждала...

Старуха развела руки, разжала кулаки и из её ладоней посыпались сверкающие ядрышки. Трепеща светлячками во мраке ночи, они падали ей под ноги:

– Дорога в саду легче, чем в пустыне... А камень тяжелее цветка... Разотри камни в прах, ороси водой и семя взойдёт...

Громкий стук в дверь привёл Мариям в чувство. Вздрогнув, она очнулась. Старуха истаяла... исчезла...

– Мариям, ты у себя? – как гром с ясного неба прозвучал голос младшей падчерицы Муслимы.

Сердце мачехи заколотилось в смятении. Суеверный страх смешался с отчаянной злостью: вторжение в то таинственное и сокровенное, что происходило с ней, казалось непростительным. Общение с духами никак не предполагало постороннего присутствия. «Давненько не появлялась, что ей понадобилось?» – мелькнула мысль.

– Сейчас открою! – нехотя отозвалась Мариям.

В проёме двери стояла Муслима в шубке нараспашку, в ярко-розовом укороченном свитерке, приоткрывавшем голый пуп, джинсы заправлены в такие же ярко-розовые зимние сапожки.

– Где отец? Не могу до него дозвониться который день! – раздраженно заявила девушка.

– Он с утра по делам уехал, а в офис ты обращалась?

– Конечно, обычно он мне сразу перезванивает, а тут ни звонка, ни приветов, ни ответа, – кипятилась Муслима.

– Что случилось, может, я чем помогу?

– Мне деньги нужны!

– У меня есть немного наличных, я могу дать, – с удивлением ответила мачеха. И вдруг...

Поток слов мощной рекой забурлил, всё более отдаляя женщин. Эмоции сбрасывались в стремнину, и сплав их мог закончиться только грозovým исходом. Попытка Мариям добраться до беснующегося сознания девушки оказалась тщетной. Чего только не довелось услышать!

А всё дело в том, что Муслиме край как загорелось купить яхту.

– Таких средств у тебя никогда не было, и вообще ты нищая, так что уясни, наконец, кто есть кто в этом доме!

«Ох...», – безмолвно простонала Мариям.

– Охмурила отца, а теперь живёшь за его счет! – неистовствовала Муслима.

«О-о-о...», – бежала обида по жилам.

Подержанный катер у причала на реке Белой Муслиму уже устраивал – её положению в обществе, мол, соответствовала бы только модная американская яхта, за которую не пришлось бы стыдиться, и из окон летней усадьбы будет чем полюбоваться, а членство в яхтклубе таким, как Мариям, и во сне не приснится, так что всё – зряшный разговор, мачеха совсем отсталая, ничего не понимает...

Сердце сжималось, как лист белой бумаги в огне, что, сгорая, превращается в черные хлопья – она любила гадать по ним: что было, что будет, чем сердце успокоится. И ей вдруг впервые в жизни мучительно захотелось иметь сестру или подругу, которой полностью можно довериться.

Взбалмошная Муслима была младшей дочерью Карима, очень капризной, и если ей чего-то хотелось, часами напролёт хныкала и требовала, сперва игрушки, потом наряды; рыдала у отца на плече, добиваясь дорогих зарубежных туров, бриллиантов и бог знает ещё чего. Родня называла её «папулиным солнышком», Карим к ней нежно привязан. Сколько раз Мариям уговаривала его относиться к Муслиме построже, но – тщетно. Девочка грубила мачехе за спиной у папеньки и широко распахивала невинные глазёнки, если Карим пытался строжиться. Не ребенок, а колючий чертополох: вонзает шип исподтишка, и радуется, когда удаётся кого-нибудь больно оцарапать.

Однако сегодня циничные откровения падчерицы зашли слишком далеко и глубоко ранили сердце. Хотя в её словах содержалась и толика правды...

Значит, она, Мариям, нищая! Но так ли это? Ведь по закону ей принадлежит половина состояния мужа, а университетский диплом придавал уверенность в завтрашнем дне, она без труда нашла бы неплохой заработок. Есть ещё драгоценности на крупную сумму, их дарили в разное время: родители, Карим, его партнеры, – в основном, на праздники. Да и не в деньгах лишь одних черпает женщина покой души и бодрость духа...

«Охмурила мужика!»... Неправда, она его любила! Но, конечно, думала: выйдет замуж, станет миллионершей, всем на зависть, и наступит красивая и лёгкая жизнь. Карим сам ей сразу же запретил работать, хотя в его маркетинговом отделе, например, она могла вкалывать и получать не хуже других специалистов. Но как бы ни оборачивалась жизнь, свою душу она никому и никогда не продавала.

Возмущение поднималось горячей волной, сжимало горло, мысли мешались, и Мариям пока никак не реагировала на хлесткие и грубые обвинения. Когда, наконец, заговорила, собственный голос показался чужим – спокойным, грудным и тяжёлым.

– Муслима, в моём доме не принято оскорблять хозяев. Прощу тебя, уходи немедленно!

– Что? Это дом моего отца! – вспыхнула падчерица.

– Но и мой тоже. Уходи!

– Ха! Раскомандовалась! Да кто ты такая?! Веры Игнатъевны на тебя нет, но ничего, скоро будет!

«Причём здесь главный менеджер Карима? Ничего не понимаю!» – удивилась Мариям.

– Ещё не знаешь, с кем связалась! – злобно бросила ей в лицо Муслима и убежала вниз по ступенькам в вестибюль. Громко хлопнула входная дверь.

«Что всё это значит?» Недоумение Мариям, нащупывая во всплывших памяти разные события жизни, превращалось в подозрение и – о, боже! – разрасталось, как раковая опухоль.

«Стоп... стоп... думай... анализируй... Яхта... Вера Игнатъевна... Нет. Начни с начала... О... Не может быть... Мне надо с кем-то посоветоваться. Родителей годами не вижу. Их редко сюда приглашали... Стеснялась я, что ли? Сколько лет не навещала, и по телефону им почти не звонила. И вот теперь поговорить не с кем и пожаловаться никому... Но как узнать правду... У кого спросить? Кто подскажет... не боится... Фёдка?»

Мариям второпях накинула куртку, втиснула ноги в тёплые сапоги и уверенным шагом направилась через обширный двор в сторону подсобных построек. В дальней каморке обитал Фёдор, садовник и неизменный её помощник по хозяйству. Менялась охрана, горничные и кухарки, но Федор «прирос» к дому, к нему привыкли и он казался незаменимым. Вся прислуга побаивалась его, Мариям же

поддерживала с ним сугубо деловые отношения, основанные на взаимном уважении. Весною они вместе высаживали цветы и овощи на грядках в дальнем углу огромного участка, и тот прикипел к ней душой. Или, – помнил добро. Она никогда не забывала посылать ему маленькие подарки на праздники и наказывала повару отправлять каждый день еду.

Фёдор – сухонький, но крепкий старик с окладистой бородой и гривой седых волос. Он редко выходил за пределы ограды и только на Пасху брал три дня отпуска, исчезал неизвестно куда и возвращался с корзинкой крашеных яиц и куличами. Никто никогда не видел его пьяным или без работы. Фёдка появился в доме за несколько лет до женитьбы Карима.

На её требовательный стук никто не ответил. Толкнув дверь, она увидела, что комната пуста. Обошла вокруг дома и заметила меж деревьев старую армейскую куртку. Фёдор подгрёбал снег к яблоням. Услышав шаги, старик обернулся и с улыбкой поприветствовал хозяйку.

– С утречком, Мариям Айдаровна!

– Здравствуй... Фёдор, поговорить надо, – доверительно сказала женщина, пугливо озираясь по сторонам, и кивнула ему в сторону построек.

Он внимательно посмотрел на неё, воткнул лопату в сугроб и, мотнув головой в знак согласия, не спеша направился к каморке. Твёрдо вышагивая следом, она всем своим видом показывала наблюдавшей за ними охране, что мужику якобы грозит выволочка.

В хозяйстве у Фёдки не было ничего лишнего: узкая кровать, застеленная красным ватным одеялом, стол, два стула, старая тумбочка и печка. На стене полка с чашками и тарелками, на двухкомфорочной газовой плите чайник с отбитой кое-где тёмно-синей эмалью. Иконка Богородицы в правом углу, а на полу обтёртый персидский ковёр и два массивных кресла, возле одного из них переносной телевизор. У двери – вешалка с рабочей одеждой и разный садовый инвентарь в баде.

Когда они оказались в его обители, он, снимая верхнюю одежду, вежливо предложил:

– Может, чайку поставить?

– Не знаю, – растерянно прозвучал ответ.

– Присаживайтесь, матушка моя... Присаживайтесь. Да и в моих ногах правды нет, – дед пододвинул стул поближе. Мариям села на краешек и крепко стиснула пальцы.

– Фёдор... расскажи мне всё-всё про Веру Игнатьевну.

– Вот-те на!... Что рассказывать-то!... Ты уже девять лет с мужем, двух деток-сынов нажила, мужних дочерей замуж выдала, зачем старое ворошить! – с неподдельным удивлением выпалил дед.

– Старое ворошить? А какое оно, это «старое»... знать хочу, Фёдор!... Сейчас... не уйду, пока не расскажешь!

– Так и говорить-то вроде нечего. Что так запалилась, мила дочь? Ну, попивает хозяин иногда, однако ж добрый он, многим помогает... Над тобой сильно по... покуражился, грех был... так ведь отец он твоим деткам... ничего не поделаешь... перетерпеть надо... Он и до тебя был сильно злой... лютой...

– Говори... всё говори!

– Да ты совсем, что ли, ничего не...

– Нет, знала, был дважды женат, но никогда про подробности не спрашивала, – Мариям задыхалась от охватившего её волнения. – Что у него с Верой?

– Хм... Вера Игнатьевна уважаемый человек, богатая женщина, работает с Каримом Ильясовичем долгие годы. Замужем, двое детей, муж известная личность в городе.

– Фёдор!

– А я, матушка, хозяину был продан вместе с этими гектарами, так что – верный пёс ему, до гроба. Плохого не скажу, а правда моя никому не нужна. Так-то вот! – словно закругля разговор, веско подытожил старик.

– Как продан? Несуразица полная! Ты же не раб и не скотина...

– Раб, раб... до конца дней своих. Да, Карим Ильясович меня от многого уберёт. Верен я ему...

Тут Мариям нутром почуяла – ничего он больше не скажет. По телу пробежал холодок, она предприняла ещё одну попытку проникнуть в тайны мужа:

– А что у Карима с сестрой произошло?

– Давняя история. Уж лет десять мир их не берет...

– Я её дважды видела у свекрови, случайно. Спрашивала о ней у мужа... Отвечал странно: не твоего ума дело, не суйся. За все годы ни

разу к нам не пришла. Отрезанный ломоть в семье, да и только... Будто её и вовсе на свете не существует...

– Да... дела... Душа моя скорбела, когда в госпиталь тебя увозили..., – старик пристально посмотрел на хозяйку.

– О чём ты? Я совсем о другом говорю...

Фёдор встал и покопался за иконой в углу. Мариям молча наблюдала за ним. Вытащил какую-то бумажку и протянул ей. На клочке тетрадного листа были нацарапаны номера телефонов, адрес и внизу имя – «Раиса».

Мариям быстро переделалась, распорядилась по внутренней связи:

– Подогнать машину к подъезду через пятнадцать минут!

На вопрос, в какую сторону ехать, велела:

– В салон.

Она регулярно совершала такие поездки, делала маникюр, лежала в паровых капсулах и подставляла лицо под маски престижных парфюмерных фирм мира. Да, да, всё как в лучших домах, как принято у жён магнатов...

В шубе из чернобурки до пят, в сапожках на высоком каблуке, без шапки, с высоко поднятой головой и легкой улыбкой прошествовала она к серо-голубой «Ауди», села на заднее сиденье и выехала со двора.

Протяжно зазвучала медитационная успокаивающая музыка, навевающая скуку и удивление, каким образом композитору удалось составить мелодию из трёх без конца повторяющихся звуков.

Заведующая Светлана Карповна уже спешила навстречу Мариям с распростёртыми руками. Пожилая располневшая дама обожала свою постоянную посетительницу и всегда была счастлива угодить. Но сегодня Мариям Айдаровна повела себя более чем странно. Она отозвала Светлану вглубь салона, потребовала у той ключи от машины и дублёрку, сказав, что исчезает часа на три и чтобы ни гу-гу...

Заведующая, нечаянно прикоснувшись к тайнам богатой клиентки, находилась в крайнем возбуждении и заговорщически кивала головой.

В тесной подсобке обменялись верхней одеждой.

«Ах... у неё любовник! Свидание... Батюшки мои! Кто? Молодой, нет? Интрига... За тайны платят... и много...», – возникали коварные мысли.

Мариям выскользнула с чёрного хода. Водить она умела, но за руль не садилась уже давно, поэтому часто ошибалась, то и дело нажимала на тормоза и ехала, как лягушонка в коробчонке: рывками и скачками на колдобинах разбитой дороги.

Улицу, на которой жила Раиса, нашла сразу, припарковалась и, миновав консьержа без единого вопроса, поднялась на третий этаж.

В тишине громко процокали каблуки. Наконец, она у цели. Остановилась и... не смогла нажать на кнопку звонка. Отступила на шаг. Задумалась. Уйти восвояси? Повернулась, рука потянулась к горящему глазку слева от лифта.

Вдруг дверь квартиры распахнулась, – на пороге стояла Раиса. Седые волосы тщательно зачёсаны назад и крепко стянуты резинкой. Длинный серый халат с широкими рукавами, распахнутые от удивления глаза. Кого-то она напоминала...

Внезапное сравнение повергло в трепет: «Ни дать, ни взять – старуха из зеркала!»

– Мариям?! Что случилось? Я из окна видела, как ты на машине подъехала, – в голосе Раисы слышалось беспокойство.

– Здравствуйте! – смутилась Мариям.

– Проходи, проходи скорее. Как дети, Карим? Почему сама вела машину, и без охраны?

– Так получилось. Всё хорошо. Ничего ужасного! – ответила, продвигаясь вглубь квартиры.

– Чаю хочешь?

Слова прозвучали почти заученно, ритуально.

– Нет! Второй раз за день почаёвничать приглашают, а я..., – и тут Мариям смешалась: стало неловко от своей причуды, этого визита и вмиг взбудораживших сомнений. Паника охватывала каждую клеточку тела и сковывала движения. Не снимая дублёнку и шапку, позаимствованные у заведующей салона, села на диван. Раиса молча за ней наблюдала.

– Вера Игнатьевна..., – выдавила из себя Мариям.

– Вера!? Она что, опять объявилась?

– Расскажите... пожалуйста. Правду.

– Надо же, столько лет... ни слова, ни полслова, ни звонка по телефону... и вдруг – «расскажите правду!». А с чего ты, собственно, взяла, что я тебе её как на духу выложу?

На Раису смотрели умоляющие глаза невестки, которые постепенно наполнялись слезами. Мариям закрыла лицо руками, её решительность улетучивалась, уступая место обжигающему унижению.

«Зачем она сюда примчалась? В её частной жизни никто не сможет разобраться, кроме неё самой. Перед замужеством была очарована Каримом, буквально ослеплена сумасшедшей страстью. Ничего не видела и не слышала, кроме него. Ради Карима честно пыталась заменить его дочерям родных матерей, но разве это возможно? Никакие книжки по психологии не помогут преодолеть неприязненного чувства к чужому по духу и крови...».

Мариям посмотрела в глаза Раисе. Молчаливый диалог продолжался. «Не знаю, – подумала гостья, – почему я решила, что смогу вжиться в роль мачехи. Девочки меж собой не ладили, относились ко мне – вот оно, прозрение! – как к временному явлению. Я так их озадачила – задержалась на целых девять лет!».

На лице Раисы отразились недоумение, досада, жалость. Она-то хорошо знала подоплеку визита: «Ведь как всё было? Вера Игнатьевна в доме Карима гостила часто. Умела нравиться детям. Младшая, Муслима, просто прилипла к ней, а та её засыпала подарками, секретничали вместе, запирались в комнате. Мариям, конечно, ревновала...».

«А что потом? – вспоминала Раиса. – С первой женой Карим прожил всего три года, потом выгнал, а дочь Санию оставил у себя. Никто не знал о причине развода... Женился вторично, прожили пару лет, и опять разошёлся – не сошлись характерами...».

Наконец, Мариям прервала затянувшееся молчание:

– Дура я, дура, решила: вот она я, судьба Карима и настоящая его любовь!

– И ты решила, что до тебя все женщины были ошибкой? Не задумываясь о будущем, сыновей нарожала, терпела Каримовы выходыки...

– Я думала, всё это минет, а он то пьяным придёт и отношения выясняет, то устал и хочет один побыть, то исчезнет на несколько дней и не найдешь, а то вообще на корпорационные совещания уедет куда-нибудь в Таиланд, на тёплый песочек...

– И ты верила? Тебя никогда не удивляло, что свекровь выказывает такое почтение и уважение Вере?

– Конечно, муж вёл себя странно. Наверное, это бросалось каждому в глаза. Я ведь тоже всё замечала, только не хотелось верить дурным предчувствиям... Неужели я была таким посмешищем? – не отрывая рук от лица, спросила женщина.

Рая вздохнула. Посещение Мариям явно застало её врасплох и взволновало, а, может, много чего на душе накопилось. Она решила сказать правду:

– Слушай, четверть века назад Карим встретил у меня в доме Веру, жену моего школьного друга – он привез её издалека. Красивая, стройная, миниатюрная, непохожая на других, голубые с зелёными прожилками глаза, изящные манеры. В общем, покоряла всех мужчин без разбору. Карим её на десять лет моложе.

– И что, между ними сразу возникло чувство?

– Да нет! Роман развивался медленно. Брат появлялся иногда на наших вечеринках, собиралось несколько семей, мы все праздники проводили вместе. Веселились от души, ходили в роддома с поздравлениями, отмечали дни рождения первенцев...

Раиса умолкла, на лице засветилась мягкая улыбка. Она словно погрузилась в светлое, тёплое марево.

– Да, да, успевали и детей покачать, и песни спеть, о политике поговорить и потанцевать. На дачах отдыхали, если кто их имел. Зимой на санках и даже на картонках с горок спускались, летом на реку, на рыбалку...

– Кариму, кажется, исполнилось двадцать, когда он повел под венец первую жену, – уточнила Мариям. Он говорит, свадьбу гуляли несколько дней, и что институт они закончили вместе, а потом первая дочка появилась...

– Вот-вот! И вдруг разбежались... Чужая жизнь потёмки, из родни и знакомых так никто и не понял, что произошло. Только он начал пить в обществе каких-то странных собутыльников. Даже мне приходилось спускать их с лестницы... Сании несладко жилось, девочка намаялась, многое ей довелось увидеть, старшей-то...

– А Вера, Вера-то причём? Она когда появилась?

– В то же время. Карим и Вера работали в одной конторе. Она же и свела твоего мужа с его будущей, новой, супругой. Мы думали – одумается, остепенится, заживёт по-человечески, но не тут-то было! Через полтора года после рождения второй дочери он опять развёлся.

Я беспокоилась за брата, считала, не везёт ему с женщинами. Тогда в стране, сама помнишь, крупные перемены назревали, люди потянулись к бизнесу и, чёрт меня попутал, я вдруг пригласила Веру пойти ко мне в партнёрши.

– Зачем же ты их сблизила?

– Не виновата я! Сразу видно, что ты не в курсе дела. Она долго упиралась, я её целый месяц уговаривала. А дальше – с нами стал сотрудничать Карим. Однажды я застала их вдвоём и поняла... что сделала огромную ошибку. Можешь теперь меня ненавидеть или презирать, но тогда я взаправду думала – брат нашёл свою судьбу, свою большую любовь.

– Представляю, как ты им потакала, прикрывала их тайные свидания, отпускала её вроде как на обед, а она, конечно, бежит со всех ног к нему на квартиру, не чаёт поскорее в его кровати очутиться! Слушай, что она за оболыстительница такая, ведь на десять лет его старше!

– Она всегда окружала себя поклонниками, обожатели оспаривали место у её ног, до брата были другие и, хочешь верь, хочешь нет, мужики лебезили перед ней, таяли от восхищения, поклонялись ей, как иконе. Вот умела она соткать вокруг каждого персональную паутину: выведывала привычки очередной жертвы, играла на слабостях, потакала им – и вот бедняга увязает в её сетях на годы!

– По-моему, ей просто хотелось казаться романтической. Девочкам, например, она читала стихи, рассуждала о добре, о вечном. И действительно – выглядела иногда вполне искренней!

– Ну ты и скажешь! По-моему, она дьявольски умная и притом садистка, мучительница! Брат несколько раз предлагал сойтись, жениться, но она терзала его, отказывалась, постоянно притворялась, несла какую-то чушь о долге перед обманутым мужем!

– А мужа она любила?

– Важно, что он любил безоглядно, поэтому и служил ей пристойной ширмой. Но вскоре наступил предел и Верину терпению – Карим попилвал, уходил в загулы по нескольку дней. Мы с ней дружили, она откровенничала со мной: дура, мол, я дура, зачем поменяла послушного и доброго мужа на пьяницу! Меня такие слова обижали, но я её понимала, уговаривала брата завязать с его алкашами. Потом я отошла от бизнеса, а Карим с Верой остались. Производство

разрасталось и когда он встретил тебя, он уже был известной личностью.

– Но на мне-то он зачем женился? И как хитроумная Вера допустила такой прокол?

– Вера, узнав, забеспокоилась. Нет, она даже испугалась, возмутилась, плакала. Не хотела верить в измену. Но прежде, чем предложить тебе выйти за него замуж, Карим всё-таки снова попросил её развестись с мужем. Однако она упорно отказывалась.

– О, Господи, если б знать раньше..., – простонала Мариям.

– Нет, ты не думай, конечно, он пытался уйти от неё, убежать от этой роковой связи, потому и женился всякий раз, когда она ему давала от ворот поворот.

– Женился столько раз, чтобы... что? Раиса, но ведь Вере пятьдесят лет исполнилось, не молоденькая девушка, под Новый год стала бабушкой. Чем она его держит? Объясни... Если любит, почему не ушла от мужа? Да и муж, как он терпит? Не семья, а дурдом какой-то!

– Перед самой твоей свадьбой Карим решил со мной объясниться. Я набралась храбрости и спросила, почему он мирится с таким распутством. Всему городу известно об этом треугольнике. Вера поступала странно: на светских тусовках появлялась вместе с мужем, а деньги для себя и детей брала от Карима. Он ничего для неё не жалел, дом помог отстроить, обставить... Конечно, она и сама зарабатывает хорошо, и работник отличный, каких ещё поискать – при её-то уме и хваткости! Но муж-то догадывался, что к чему, а Вера... Вера никогда не разведётся!

– Значит, просто удобно жить при муже и именитом любовнике. Но тайное всегда становится явным! Их отношения уже ни для кого не секрет, тем более для партнёров по бизнесу, друзей, родственников. Но что её удерживает с мужем – не пойму.

– Ты думаешь, на чём держатся браки? На лени. Жалко нарушать сложившиеся привычки, распорядок дня. Да, да, не смейся. Что такое эгоцентризм? Прежде всего – леность духа и нежелание побеспокоить себя, любимого. Кому охота собирать какие-то вещи, что-то складывать, увозить.

– Обрётённый финансовый и бытовой комфорт не дадут Вере разбить, разметать налаженную жизнь. А вот твой брат – слепец, ничего не осознает. Околдован, заморочен...

– Да, дорогая моя, сколько семей связывает только одна ниточка – боязнь поменять заведённый порядок, ритм повседневного бытия: утром чашка горячего кофе, поцелуй, «доброе утро», «устала, было много работы»! И муж Веры, заметь, тоже не внакладе: любимая жена, всегда сытый, всё в доме есть. Нет внутреннего покоя, конечно. Именно поэтому он вместе с братом девок снимал, оргии устраивали. Он ведь тоже вроде как друг Кариму. Вдвоем баб драли, чтоб Вере досадить или себе доказать, что могут и без неё обходиться. Не разберёшься...

– Как гнусно! Достоевщина какая-то! – выпалила Мариям.

– Знаешь, в тот вечер откровений я долго ему рассказывала, как и кто выглядит в их треугольнике. Так он под утро звонил Вере и попросил тотчас же явиться к нам. Я тогда расхохоталась: «Не придет! Шутка ли, в пять утра разбираться с подвыпившим придурком, она в тёплой постели спит, это надо ж усилие приложить, умыться, одеться, сесть в машину, мчаться кого-то успокаивать!». Тогда Карим потребовал к телефону её мужа. Вера спокойненько ответила, что супруг о её любовных похождениях от неё же и наслышан. И тут брат впал в ярость...

– Взял бы, да от обиды поколотил Веру... и её мужа!

– Ага! Это он меня избил, синяки с ладонь месяц не сходили. А самое страшное в то утро – схватил ружье и нацелил мне в лоб. Видно, решил одним махом избавиться от главного свидетеля его позора, слабости, никчёмности. Раскусила я его! К тому моменту челядь и охрана сбежалась, но все они взяли его сторону, никто меня не защитил. Жуткое чувство – беззащитность, когда понимаешь: ждать помощи неоткуда. Он крикнул: «У меня нет больше сестры». Вот с тех пор мы и не общаемся. В тот день я подумала: «Куплено всё: люди, отношения... и продано всё, даже собственным эгоизмом и обидой торговать можно!».

– За меня тоже никто не вступился, когда Карим из-за Сании избивал. Стояли, сволочи, как немые, и наблюдали, как слабую женщину дубасили! – возмутилась Мариям.

– Фёдор увёз меня домой, утешал: Вере, мол, тяжело будет умирать с такими грехами, на том свете все её мерзости бумерангом вернуться. Ненавидят её простые люди, видят, как она подпаивает Карима, как открыто встречается с ним. Грязно и противно! К тому же

молва идёт: хочешь от Карима чего-то добиться, надо Верочку убажить, понравиться ей, а она всё представит ему так, что он не откажет. Смешно сказать – один старый приятель, хороший финансист, на вечеринке случайно вместо своей тарелки обглоданную куриную кость в Верину бросил. Она рассердилась, с тех пор брат с ним не работает. И со мной никто из его свиты не общается – боятся. Только Фёдор иногда объявляется, про тебя и племянников рассказывает, да мать украдкой на каждую Пасху кулички присылает. Мариям, зря ты сюда приехала, Кариму доложат... плохо всё обернется...

– Уже и так – хуже некуда, Раиса, – со слезами в голосе ответила Мариям. Лицо её горело, на щеках выступил болезненный румянец, руки стиснулись в кулаки.

– Он с Верой на старой квартире встречается, обычно в обеденный перерыв... Зачем я тебе это говорю, сама не понимаю, – тяжело вздохнув, ответила золовка.

– Ну, прощай, пора мне...

Дверь хлопнула, каблук дороги модельных сапожек торопливо зацокали по лестнице.

Продолжение следует...

Евгений Асташкин **СТАРОЕ КЛАДБИЩЕ**

Сегодня даже не сделаешь доброй фотографии – все детали на снимке сольются в серые неразличимые пятна. Бессолнечный осенний день, располагающий к дремоте. Поле за моим домом ещё не совсем обветрилось от прежнего дождя, и уже чернильно набухают новые тучи.

Говорят, в прибрежных тальниках Ишима (неслыханное дело!) завелись грузди и волнушки. Кто-то искал отставшую от стада бурёнку и случайно обнаружил грибы под взгорбленными пластами прошлогодних почерневших листьев.

Сходить, что ли, и мне на Ишим. Наш дом сторожит околицу городка: даже из окна можно разглядеть вдаль за истоптанным и бесстрастным полем верхушки упрятавшихся в пойме низкорослых тальников. Они темнеют волнистой полосой на фоне буроватых пологих

сопок, примыкающих к противоположному берегу невидимого отсюда, но угадываемого Ишима. Конечно, поблизости искать грибы бесполезно, здесь уже побывали взбудораженные новостью грибники. И тем не менее... Пусть это будет просто прогулка. Я давненько не был на реке...

В такую погоду вряд ли кто захочет составить мне компанию – кому охота попасть под студёный душ в открытой степи? Это занятие для чудаков. А, впрочем, у нас есть такой оригинал – Генка Черенцов. Ему четвертак. Он всего на два года старше меня, но даже в начальную пору знакомства с ним мне безотчётно трудно было называть его просто по имени – до того у него самоуглублённый вид, почти как у Николая Рериха в пору его старчества. Видно, есть такие люди, которых чуть ли не с детства хочется называть лишь по имени-отчеству.

Черенцов обожает излагать свои разветвлённые и всеобъемлющие философские теории. Надо терпеливо слушать и во всём соглашаться, иначе он обидится, хотя в этом не признается ни за какие пряники. Его теории преломляются в моём сознании, превращаясь в конкретные вещи, и перед глазами всякий раз предстаёт хитроумный лабиринт, в котором, однако, обязательно найдётся запасной выход. Лирические отступления Черенцова – это рассуждения о том, как ведут себя великие люди в быту. Они лишены условностей и предрассудков, они обворожительно рассеянны и в отличие от простых смертных могут себе позволить прийти на работу в разных штиблетах или сварить всмятку карманные часы. Черенцов постоянно подчёркивает, что странности украшают человека. А то, что странности – часто признак незаурядности и спутник таланта, это предоставляется домысливать мне. Черенцов прекрасно знает, что я это знаю, и культивирует личные странности, впрочем, зорко следя, чтобы не перегнуть палку. Выслушивая курьёзные случаи из жизни гениев, я всякий раз вспоминаю, что у гениев, кроме балласта чудачеств и шокирующих привычек, были ещё и труды...

Черенцов любит, как бы, между прочим, покровительственно заметить мне не без оттенка иронии:

– Нет в тебе, Коля, романтики... То ли дело я – могу ночь напролёт гулять по улицам под дождём, когда все нормальные люди видят десятый сон...

Вот и предоставим тебе возможность подтвердить свою неординарность – только попробуй испугаться дождя!..

До Черенцова идти не ближний свет – через весь городок. Но чтобы рекрутировать попутчика в грибных делах, можно и не тяготиться такими мелочами: вдруг Черенцов возьмёт и подтвердит собственное представление о себе...

Черенцов поставил у себя во дворе старый рассохшийся киоск, который раньше стоял возле почты и где продавали разную канцелярскую мелочь. Он сначала хотел разобрать отслуживший киоск на дрова, но потом передумал. Он сделал его своим «кабинетом». Здесь Черенцов любит впадать почти в сомнамбулическое состояние, постигая ускользящий смысл вещей. Так и есть – он и сегодня сидит в своём расшатанном, лишённом остекления киоске и пьёт чёрный кофе, в который из пузатой заморской бутылки с надписью «Абу симбел» подливает напёрсток бальзама. Что ж, у оригинального человека всё должно быть оригинальным – даже напитки...

Захожу в одомашненный киоск и говорю с некоторой надеждой одарить новостью:

– Пойдём на Ишим... за грибами!

Черенцов и бровью не повёл. Да, промашка. Я забыл, что он предпочитает не удивляться, а сам всех удивлять. Черенцов ставит на перевернутый фанерный ящик, служащий ему столом, стаканчик с остатками кофе и говорит своим обычным тоном, когда трудно определить чересчур подвижную границу, за которой начинается ирония:

– Скучные вещи ты толкуешь. Что может быть прекраснее наблюдать вот в это окно унылую пору – очей очарованье?.. А ты мне о каких-то грибах...

Ясно, что Черенцова не вытащишь со двора даже трактором.

– Природу продуктивней созерцать в первозданном виде, а не из кадрирующего безбрежный мир окошка, – пытаюсь я найти аргумент в свою пользу, невольно принаравливаясь к его тону.

– Мудрец способен постичь мир в одной капле росы, – невозможно отвечает Черенцов, выгягивая ноги в угол киоска.

– А как же насчёт твоей хвалёной романтики?..

– Романтично эпатировать публику, – разворачивает Черенцов свою новую идею. – Взять, например, громадный мешок и отправиться собирать бутылки. Или, как известный американский

исполнитель рока Джим Моррисон, обосноваться на городской свалке. Вот это будет романтично...

– Но Моррисон, как выражалась наша пресса, насмеялся над фальшивыми буржуазными ценностями, – игнорирую я иронию приятеля. – А кого ты предлагаешь эпатировать, а?..

Черенцов готов продолжать подобное словесное фехтование, но я чувствую, что оно может оказаться бесконечным во времени и пространстве, поэтому благоразумно удаляюсь, чему он даже не удивляется. Беда с этими оригиналами. От них одни убытки. Зря только время потерял.

Дома я одеваюсь потеплее, на всякий случай кладу в карман плаща продовольственную сетку. Открываю калитку и, перейдя грунтовую, накатанную до чёрного глянца, дорогу, выхожу в поле. Спустя четверть часа миновал два длинных оврага, заваленных разным мусором, и вот уже шествую вдоль старицы, что весной соединяется с Ишимом. Лёгкий ветерок студенит затылок – придётся поднять воротник плаща. С высоты берега видно, что старица по краям затянута ряской и камыш вознамерился наступать – отвоевал себе добрую площадь под нависающим красноталом. Миновав старицу, подхожу к Ишиму и вижу, что пастух Сагат, наш сосед, гонит с переправы стадо. Чтобы не столкнуться с бестолковыми коровами, сворачиваю налево и иду по течению реки, заглядывая под каждый встречный куст тальника. Подобрал сохлую хворостину, ковыряю среди зарослей крапивы, волчьих ягод и хмеля. Грибами здесь не пахнет, зато назойливо лезут в глаза ржавые консервные банки. Да, грибы, пожалуй, лучше искать на той, дикой стороне реки, но попасть туда не так-то просто: до моста далековато, а брод в этом году глубок, непременно зачерпнёшь воды голенищем сапога.

Любо мне бродяжничество в такую погоду – на речке ни души. Было бы потеплее – у каждой заводи стояла бы легковушка или мотоциклетка. А сейчас благодатное безмолвие. Лишь изредка в отдалении Сагат своим отпето низким и каким-то карябающим голосом поругивает бурёнок, которые на ходу торопливо берут скупые взятки с исхоженного вдоль и поперёк поля – щиплот ненасытными мокрыми губами редкие кудряшки сероземной польни, почти стелющиеся по суглинку, который ближе к берегу усеян камешками, отмытыми от вечной пыли дождём.

Дальше кусты теснее прижимаются друг к другу, и среди них протоптана тропка. Тальник кончается у песчаной косы. Подхожу к земляной насыпи, круто обрывающейся у самой воды. Раньше здесь после каждого ледохода наводили понтонный мост. Потом километром дальше поставили капитальный мост – вон он виднеется длинной полосой бетона, покоящейся всего на трёх опорах. А о прежнем мосте напоминают лишь массивные железные конструкции, навеки увязшие в прибрежном песке, да толщиной с кулак ржавый трос, уходящий в воду.

Жителю глухих степей, которого с детства окружал столь скудный ландшафт, любо задерживать взгляд на этих приметах родной сторонки, которые не могут не быть милы его сердцу. Особенно если знаешь здесь буквально каждый бугорок.

Ни одного гриба я так и не нашёл, а идти через мост на ту сторону нет ни малейшего желания – проходишь до сумерек, ещё неизвестно с каким успехом. Пора возвращаться домой, но я ещё не чувствую усталости и насыщенности пребыванием на безлюдьи. Сверну-ка к этому крохотному озерцу – идти-то всего сотню шагов. Это озеро осталось после строительства моста – отсюда брали глину для отсыпки полотна. Края сгладились, поросли лозняком, весенний разлил заполнил яму – вот и получилось на вид вполне природное озерцо. Даже караси завелись. Правда, безжалостные рыбаки иной раз прочёсывают его целиком своим бреднем: ломятся через кусты сразу по двум берегам, тянут в дюжину рук за края бредня-исполина, трёхэтажно ругаются, подзадоривая друг друга. Дикость.

Люблю я сюда летом приезжать на велосипеде. Когда мчишься по грунтовке, тебя ждёт сюрприз. В одном месте есть песчаный участок, здесь надо резко сбавлять скорость. Чуть заезаешь – и кубарем летишь через руль, так как колёса разъезжаются в разные стороны и тебя начинает неостановимо бросать-вертеть. Мне больше всего нравится ближний край озерца, он пологий и открытый, здесь бархатной мягкости дно. Купаться одно наслаждение. Спустишься к воде, и мир покидает тебя – ты в окружении немых берегов, а над тобой совершают свой вековечный марафон облака.

На берегу озерца порожние бутылки – следы давнего пикника. На какой-то миг всплывают в памяти сегодняшние слова Черенцова о бутылочном эпатаже, но природа властно вытесняет эти никчемные думы

из головы: природа, хотя бы и такая скучная, требует гармонии во всём, даже в мыслях.

Снова взбираюсь на берег, и вдали до головокружения мгновенно вырастает мой одноэтажный городок – длинная вереница белеющих шиферных пирамидок, выглядывающих из-за кленово-тополиных куп. Пойду домой полем мимо заброшенного кладбища. Здесь давно уже запретили хоронить, так как весной сюда часто докатываются взбодренные паводками волны Ишима, летом замирающего и обнажающего валуны переправ. Сколько раз я проезжал на велосипеде мимо этого кладбища из полсотни могилки и ни разу не переступил его границы!..

А вообще-то ещё в четвёртом или пятом классе мы забредали сюда, когда с учителем ходили в поход на озеро. Но это было слишком давно. Теперь же не совсем прилично рыскать среди могилки – летом рядом купаются на озере. А зимой сюда никто не ходит, разве что лыжники проезжают мимо.

Угрозы туч оказались ложными. В облачные иллюминаторы на миг выглядывает солнце, и всё становится нестерпимо ярким, предметы снова обретают тени. Хочется бродить и бродить до изнеможения. Эх, были бы здесь горы или какие-нибудь древние развалины!.. Поброжу-ка среди могилки...

На краю кладбища – ряд безликих бугорков, почти сглаженных безжалостным временем. Возле одного из них распростёрт ниц деревянный подгнивший крест. Вот она, последняя наша пристань!.. Утешайся на здоровье книжным пафосом о том, что после каждого человека остаётся на земле хоть какой-то след. Попробуй узнай, чей прах покоится вот под этим глиняным бугорком или под тем. Задача с дюжиной неизвестных. А ведь целинному городку всего сорок лет. Ясно лишь одно: у этих простых людей, не совершавших особых подвигов, здесь не осталось ни родственников, ни хороших знакомых, которые могли бы ухаживать за могилками.

Остальные могилки в более утешающем виде – ощерились пиками ржавых оградок, поблекшим штaketником. Лишь на двух могилках памятники свежескрашенны и на оградках висят венки.

Меня почему-то всегда волнует мирская память. Жили когда-то до тебя предки. Почему от них не осталось даже имён? Не тех имён, что для скрижалей. Истории это совсем не нужно. А просто

захочешь вдруг узнать что-нибудь про неких пращуров, и окажется, что это невозможно – людская память обрывается на определённом, словно отмеренном отрезке. Заводили бы, что ли, в семьях специальные журналы, которые заполняли бы из поколения в поколение, на это не надо много времени и бумаги. Тогда бы доходили весточки из иных времён. Или ещё вот так. Скажем, чинишь старый сундук или кресло, и вдруг из-под обшивки выпадут бумаги. А в них говорится, что эти вещи сработал имярек, он увлекался тем-то и тем-то, имел такие-то чудачества. И хорошо бы ещё ко всему этому фотографию. Вот и подмигнёт тебе лукаво сквозь толщу лет этакий Кола Брюньон...

А здесь же на большинстве захоронений не сохранилось даже надписей. Вот на кресле маслянистые следы олифы – осталось всего несколько букв от фамилии. «Повезло» лишь обладателям нержавеющей табличек с выгравированной надписью – их не заметили сборщики ценного металла.

Надо приглядеться к табличкам, может быть, встретится знакомое имя. Вряд ли я здесь кого знал, ведь кладбище закрыли, когда мне было всего лет десять. Стоп! Здесь же похоронены оба сына бабки Никулиной, как я забыл!..

Здорово было, когда рядом с нами жила бабка Никулина вместе со своими сыновьями Сашкой и Лёшкой! Их дом – одна из самых первых построек нашего юного городка. Не повезло старушке – оба её сына не отличались смиренным нравом. Постоянно ввязывались в разные авантюры и свою правоту доказывали с помощью кулаков. Сашка сильно пил, не дотянул и до сорока. Отдал концы на вечеринке у приятеля: вышел в палисадник просвежиться, споткнулся и ударился головой о зуб перевёрнутой бороны.

Лёшку я помню лучше. Он постоянно ходил в сопровождении огромной овчарки Пальмы. Заходит в магазин – очередь бранится и испуганно жмётся к прилавку. В будние дни умная овчарка лежала на стружках под дверями столярного цеха и терпеливо ждала, пока её хозяин не кончит пилить и строгать.

У меня даже сохранилась фотография, сделанная моим отцом: в зарослях цветущей картошки на корточках возле Пальмы сидит Лёшка, а рядом стоим мы с сестрой Алёнкой. На Лёшке лихая кепка, надвинутая на глаза. Лицо тёмное, бугрятся своевольные желваки на

скулах, как у отпетого тюремщика. Рубаха держится на одной пуговице.

У Лёшки не было на правой руке мизинца – по неосторожности отхватил на пилораме. Но это его несколько не смущало. Даже любил подшутить над кем-нибудь: приставит обрубок мизинца к ноздре, и кажется, что весь палец утоплен в носу, до самых мозгов. А потом резко отдернет руку, и все видят, что мизинца-то нет...

Лёшка часто приходил к моему отцу, и Пальма ждала его за калиткой. Раз к ней подбежал какой-то беспородный пёс, и они закружились по полю, игриво покусывая друг друга и поднимая пыль. Плохо, что Лёшка «заводился с полоборота». Подбежал к штатетнику, нервно смотрит на поле и отчаянно ругается – Пальма не торопится на зов. Метнулся к моему отцу:

– Терентич, дай ружьё!..

Не дождавшись ответа, Лёшка забежал на веранду, сорвал со стены ружьё и выскочил за калитку. Пальма и облезлый пёс волчком крутились возле телеграфного столба. Лёшка прицелился с расстояния десяти шагов. Грохнул выстрел, рванулся к небу жалобный визг. Беспородный пёс метнулся в поле, а Пальма завертелась на месте, болезненно скуля. Из рук Лёшки выпало ружьё, до него дошло, что он промахнулся. Никогда не забуду, как Пальма подползла к его ногам, вопросительно заглядывая в глаза хозяина. Так она и застыла, уткнувшись умной мордой в его ботинок.

Отец подобрал ружьё с земли, но Лёшка опять кинулся к двустволке, ревя от горя. Еле удержал отец в руках ружьё, иначе Лёшка, чего доброго, в горячах покончил бы с собой.

Вскоре после этого и Лёшки не стало. Он на базаре сцепился с приезжими южанами, которые торговали апельсинами. Те обсчитали одну женщину, Лёшка заступился. Дело дошло до драки. Его пырнули в бок ножом, и местные врачи не смогли справиться с такой раной.

Бедная бабка! Много ли хорошего она видела в жизни? Уже во время освоения целины она была в пенсионном возрасте. На тридцать рублей колхозной пенсии сильно не разживёшься. В самую пору опереться бы на сыновей, но они пошли не в неё – на аркане было не удержать дома, дай только разгуляться душе. Корила, корила их, призывала на помощь соседей, чтобы вразумили непутёвых. А с возрастом стала и побаиваться их.

После смерти сыновей у Никулиной на всём белом свете больше не осталось родных. Но я не помню её унывающей. Всё время от неё слышалось и даже в самый неподходящий момент: «Где наша не пропадала!..»

Никулина развела удивительный огород. Понасажала немисли-мых овощей, всяких патиссонов, которых здесь сроду не видывали. Достала где-то семян метровых китайских огурцов, от которых прямо на грядке можно отрезать понемногу. Каждый год несла эти страшилища на местную выставку «Дары природы» и занимала призовые места с помещением заметки о ней в местной газетёнке. Стала завсегдатаем базара. Ни разу не видел, чтобы она просила займы у людей, перебивалась собственными силами.

Внезапно бабка надумала продать дом и уехать на родину в Пензу. Повесила на заборе объявление, но никто не позарился на дом с отставшей штукатуркой, больше похожий на барак. Помню, Никулина уехала, наказав нам приглядывать за её домом. Весь её скарб поместился в одном контейнере.

Чего греха таить, нам с Алёнкой интересно было бродить по заброшенному и поросшему высокой лебедой соседскому двору. В этой лебедке можно было играть в прятки. Окна Никулинского дома были заколочены горбылями. Одну из досок мы оторвали, выставили стекло в самой большой щёлке и проникли внутрь, чувствуя себя шпионами. Первая комната была пуста и походила на большой чулан. В углу стояла лестница, по которой можно было забраться на чердак. Это мы и сделали с превеликим удовольствием. Среди пыли и паутины на слежавшихся опилках всюду высились кучки старой обуви. Носки многих башмаков ощерились гвоздями. Экономной старушке, видно, было жалко выбрасывать поношенную обувь, и она складировала её здесь. Кое-что перекочевало сюда и со свалки. Желтые лучики из щелей буравили эти бесполезные кучи хлама; здесь были также стулья с трёх ножках, треснутые зеркала, дырявые тапки и ведра, мотки проволоки, рваные чемоданы.

В одном из таких чемоданов лежали клубки тесьмы, сделанной из кусков старой материи. Из этой тесьмы старушка вязала круглые половички. Для интереса Алёнка размотала один из клубков, в нём оказалась янтарная бусина. Я тоже, потратив с полчаса, размотал другой клубок и обнаружил в нём медный пятак, вышедший из обращения.

Мы заглянули во все другие комнаты, там тоже громоздились кучи бесполезных вещей, которые были милы сердцу старушки. Во дворе нас кругом ждали сюрпризы. С крыши плоского сарая свисал провод от радиоприёмника. Я дёрнул за него – с крыши упала дешёвая цыганская серьга в виде подковки. За сараем у забора земля странно пружинила под ногами. Мы копнули и выгнали из-под земли обвёрнутый плёнкой патефон с помятой мембраной. Я его починил, и он целое лето услаждал моих ровесников из ближних дворов дребезжащими звуками – мы крутили допотопные, вышедшие из моды грампластинки прямо на улице. Патефон и ночевал там же, домой «эту рухлядь» мать заносить не разрешала.

Да, колоритная была эта бабка Никулина. Но сколько ни напрягаю память, не припомню её лица. Её облик обобщённо определяется для меня одним словом – кумушка. Раз кумушка, значит, должно быть тёмное, до пят платье и такой же платок. Да, она и летом часто ходила в платке. И что-то лукавое было в её лице.

В нашем дворе осталась от стройки куча розоватого крупнозернистого песка. Куча сгладилась, затвердела, и в ней мы с Алёнкой прорыли длинные ходы, насколько хватало руки. В этот лабиринт мы иногда запускали свою или соседскую кошку и закрывали за ней дыру, чтобы она нашла другой выход. Раз Никулина зашла в наш двор и пошла напрямик по этой куче, лежавшей на проходе. Не успел я предупредить её, как она по колено провалилась и старомодно вскрикнула: «Ой, батюшки!..»

Почему я с такой теплотой вспоминаю старушку? Не припомню, чтобы она в детстве одарила меня ласковым словом или угостила чем. Но в какой бы грустной компании она ни оказывалась, она могла мгновенно всех растормошить и утешить, если надо. Начнёт сыпать прибаутками – любого человека к себе расположит. Расскажет о своём горе, пустит слезу, но тут же вспомнит свою извечную при сказку и... рассмеётся.

Остаться одной как перст, да ещё в таких годах – откуда тут браться оптимизму? Но старушка Никулина всегда бодрилась, суежилась, пока ноги носили. Внезапно приедет среди зимы из Пензы, спросит, не обращались ли на счёт её дома? Продаст на базаре мешок прихваченных с собой семечек, выручит несколько кредиток на пропитание и снова уедет. Писем она не присылала – её грамотёшки хватало

лишь на то, чтобы поставить свою подпись в пенсионной ведомости. Штукатурка её саманного дома со временем стала отпадать. Пришлось старушке продать дом за смешные деньги.

Когда же я видел Никулину в последний раз? А, на родительский день. Была тёмная ночь, в стёкла хлестал ливень. Свет внезапно погас, видно, ветром оборвало провода. Мы при керосиновой лампе ужинали. Вдруг раздался стук в наружную дверь. В тёмной веранде мать испуганно спросила:

– Кто там?

За дверью, заглушаемый ветром, раздался знакомый старческий с шепелявинкой голос:

– Александровна, открывай, это я – Никулина!..

Открыли дверь, ветер кинул в лицо пригоршню дождевых капель. Молния высветила на каменном пороге закутанную в плащ фигуру. Так и есть, бабуся собственной персоной! Я зажгёт спичку, Никулина робко наступила на половичок облепленными глиной сапогами и тут же застрекотала:

– Батюшки, что творится на улице!.. Да ты, Александровна, не хлопчись. Я сегодня днём продала на базаре мешок семечек, а теперь хочу напоследок посадить на могилках акацию.

– Куда ты в такую погоду? – ужаснулась мать.

– А, где наша не пропадала! – махнула рукой энергичная старушка. – Завтра мне надо на поезд. Переночевать-то не откажешь?..

– О чем разговор?.. Всё же не пойму, как ты в такую темень пойдёшь на кладбище? Дождалась бы утра...

– Ничего, мы не такое видали, мне не страшно. Дай мне лопату, у моей сломался черенок.

Никулина взяла нашу штыковую лопату, взвалила на плечо оставленный у крыльца мешок с торчащими из него ветками акации, которые выкопала на своём дворе. И напрямик по полю двинулась под навесой дождя наугад в сторону озера.

Через пару часов она вернулась вся вымокшая. Села ужинать прямо к печке, отогрелась, поплакала на свою судьбу, а потом прошамкала, утешая саму себя: «От печали нет прибытку». И потихоньку отошла, повеселела, стала расспрашивать меня с сестрой про учёбу и даже припоминать весёлые истории из нашей общей жизни. Мать

поставила ей раскладушку за печкой. Бабка, ожив, ходила по сумрачной комнате, отбрасывая густую тень от настольной лампы, и сыпала своими прибаутками. Внезапно останавливалась и смотрела на фотографии, развешенные по стенам. В то время была мода вставлять дюжину снимков в одну рамку. Когда бабка зашла за печку, я случайно увидел, что она украдкой достала из кармашка кофты карамельку, развернула её и быстро положила себе в рот.

Не так давно мы узнали, что бабку разбил паралич, и её теперь тоже нет на свете.

«Акация!» – вспомнил я, очнувшись от раздумий. Надо искать могилку с акациями. Вот сдвоенная могилка, усаженная акациями. Надписей на крестах не видно, но здесь наверняка покоятся Сашка с Лёшкой. Подхожу к дверце. Вдруг из-под кустов выскакивает заяц. От испуга он скачет по полю не в сторону речных тальников, а к городу. Потом, опомнившись, дугой поворачивает к спасительной речной чаще. Что он тут делал на могилках? Ах, чёрт, он обглодал одну акацию – бахромится её искусанная кора и свежо белеет обнажившийся ствол. И вот ещё одна акация стоит давно сухая. Надо будет заделать щель в оградке. Я выравниваю обломки штaketника, закрывая щель, и куском кирпича стучу по старым гвоздям. Закрываю калитку и привязываю её проволокой – не то заяц погубит и остальные акации. Их сажала бабуся под проливным дождём. Что ещё она могла сделать для своих сыновей?..

Внезапно выплянуло солнце – аж глазам стало больно. Покидаю обитель усопших и иду домой. На поле уже работает трактор – роет траншею под новый водопровод. Если бы не этот железный трудяга, могло бы показаться, что весь город погружен в беспробудный сон – ни единой души на околице. Иду домой с каким-то новым, не поддающимся определению чувством. Одиночество в больших дозах быстро набивает оскомину. Теперь нестерпимо охота быть в гуще людей.

Но как здорово, что я сегодня побродил именно в одиночестве. Хорошо, что со мной не пошёл этот умник Черенцов. При всей своей начитанности он не захотел бы понять самых простых вещей. Все мои мысли насчёт людской памяти ему показались бы невыносимо наивными. Он бы резюмировал, что её величество История помнит лишь великих. А я и не пытаюсь оспаривать этой истины. Вообще не хочу ни с кем спорить. Я даже никому не расскажу о том, что был на

кладбище. Там я вспомнил простых людей, которые незаметно живут и незаметно умирают. Таких подавляющее большинство. Я сам их завтра забуду, пока что-то вновь не напомнит мне о них. Я их вспомнил просто так. Вспомнил сам для себя. И как было бы некстати, если бы кто-то стоял рядом у могилки и напыщенно рассуждал о том, как проходит мирская слава...

Александр Аханов
ДОЦЕНТ
Из цикла «Легенды Карской экспедиции»

И опять была пурга. Дул ветер, нёс снег, не спешно, равномерно, не зло, но убедительно, а убедительность заключалась в той основательности, с которой снег заносил громадину промёрзшего полуострова. И балки, и технику, не говоря уже о чахлой растительности – всё залепило, залило, словно ледяным клейстером и только шестьдесят седьмая буровая оказалась непогоде не по зубам.

Буровой станок, так и хочется сказать – в гордом одиночестве, тускло подсвечивая больнично-серую мглу мерцающими и тлеющими под толстым слоем снега светильниками, один царствовал в бело-сером мраке. Даже факел сторающего попутного газа, болтающийся как грязная оранжевая тряпка, давал сегодня немощный, бледный свет. И было с чего – снежный заряд постепенно набирал силу. Но ко всему привыкают люди – привыкли и к беспрестанно летящему белому потоку, как, скажем, привыкают к комарам и мухам. Неприятно, но неотъемлемо...

И всё же – мокрый снег в лицо – противная штука, особенно когда пора идти в отгулы.

Дороги за две недели непогоды столь основательно замело, что колёсной технике в глубинах полуострова делать было совершенно нечего. Даже гусеничные тягачи далеко не отходили от Базы – стёкла кабин покрывались плотной коростой и не помогали никакие отопители. Однако скорые на подъём буровики шестьдесят седьмой, те, что собрались в отгулы, всыпались-таки в вездеход в надежде

проскочить хоть до Подбазы, что была рядом – километрах в пятидесяти – всё ближе к Большой Земле. «Газушка» – вездеход, рыкнув двигателем, воткнулась в пургу и – как не бывало.

– Не доедут, – сказал Доцент, сидя в балке – столовой и ковыряя лениво надоевшую яичницу, – вон с моря прёт как из трубы, или заглохнут через час-два или вернутся.

С ним согласились все. Доцента – крановщика и тракториста экспедиции Бессонова Толю знали многие. Невысокий, плотный, с разбойного вида рыжей бородой, он действительно напоминал некоего учёного из неведомого универсального института, и особенно во время дискуссий, стихийно возникающих в коллективе. А споры случались по любому поводу: будет или нет метель сегодня к вечеру, а если будет, то какая, хороший или нет будет в этом году подлёдный лов, разводиться или нет, если твоя жена тебе изменила, как делать аборт.

Наш Доцент ошибся ненамного – «газушка», проплував часа четыре и спалив горючее в баках, хлопая коллектором, остановилась, не доехав до балков. Напоминала она айсберг на гусеницах и за собой притащила ещё один айсберг – выловленный по пути автомобиль ГАЗ-66. Из машин выползли на чём свет стоит клянущие погоду и приложение к ней – тундру буровики, и разошлись по своим вагончикам, обречённо волоча мокрые рюкзаки.

И стали заваривать чай, без которого на Севере никто и не мыслил существования. Чай и Север, либо Север и Чай – эти два полярных и географически и биологически понятия здесь, в промёрзшей «до костей» тундре соединились в одно целое. Чай это напиток, согревающий душу, в том, правда, случае, если таковая имеется у индивида, чай – это кратчайший путь к знакомству, чай это признак гостеприимства... словом: чай – это чай! И восславим потому не столь уж наших дальних соседей-китайцев за их поистине великолепный подарок, загмевающий всё – и компас, и порох, и бумагу! Хотя, если подумать... последние три вещи тоже не без надобности разошлись по миру.

В балок вполз Игорь, неудачный отпускник, с размаху швырнул рюкзак под кровать:

– Вот гадство, ни хрена не видать, до сотой вышки дорога есть – дальше хоть вешайся! Тридцать километров три часа ползли! Стерва,

а не погода! Водила газует, железяку до полика жмёт, а толку никакого!

Он пнул рюкзак, смиренно лежащий под кроватью:

– Ведь в кино хотел! На Харасавэе «Пираты XX-го века». Говорят, картина, что надо! На «сотой» какую-то машину подбазовскую на буксир взяли. Чёрта ли ему в пургу мотаться... Вездеход и тот не идёт! Ух!

– Э! Брось ты это, – отозвался Доцент, – я вот помню, как в восьмидесятом году мы месяца три торчали по маковку в снегу без всяких там культурных штучек, зато уж потом...

– Потом! Ты, Доцент, какой-то отсталый, хоть и Доцент! Мне уже за тридцать, а всё не женат. А хочется! Тебе хорошо – дом и всё такое... в нём... и дети тоже. А у меня нету! Каждый раз, как в Тюмень выберусь – думаю: где жену эту самую найти. На первой подряд не женишься... пробовал раз... С другой познакомился – курит! С третьей – тоже! Ну, сучки, думаю, ну, дуры! Терпеть не могу! А третья – ещё и пьёт! Каждую неделю чтобы в ресторан и дым коромыслом! Дура! Но красивая, к сожалению...

Доцент усмехнулся: состарится – поумнеет... может быть...! Если не сопьётся – бабы они к алкоголю враз привыкают...

Глеб, молча слушавший до сих пор разговор, обратился к ним:

– Ну, мужики, раз уж зашло про них... расскажу, как я познакомился с одной девушкой. Жил тогда в Новороссийске, в районе Восьмая Щель, есть такой интересный участок города в горах, а в свободное от работы время посиживал за передатчиком, любительским, само собой. Ну, включаю как-то радиостанцию – слышу в эфире женский голос. Натурально – мужики-операторы устроили в эфире свалку, зовут, орут ей со всех сторон, двое, аж из Южного полушария – мощные такие станции, в ушах закладывает: «Young lady, young lady» – девушка, значит, – «Ear signals fading» – «сигнал замирает», мол «See you», встретимся снова, как всё в норму придёт. А она работает с кем-то, будто за углом сидит, местная, точно! Потому что слышу гул переменного тока, фильтрация неважная, а ещё микрофон на столе постукивает, когда она говорит. Слышно, словно в студии. Точно местная...

Ну, думаю – сейчас прямо на частоту её корреспонденту сяду! Нельзя, конечно, так делать, это очень неприлично в радиолобительской

среде, да заинтересовала она меня. А летом у нас духота-а! Открываю дверь – аппарат проветрить...

В коридорчике-прихожей балка что-то грохнуло, упала лопата, ведро и ещё что-то – оттого, что некто затопал ногами, отряхивая снег, и Доцент закричал на невидимку:

– Ты, фрукт – редиска! Поаккуратней можно? Растопался как лось! Щас ка-ак...

Дверь распахнулась, и в комнатку в облаке пара вошла повариха Верка. Все от изумления потеряли дар речи, однако быстренько пришли в себя, а Глеб обратился к ней:

– Ты-ы... что здесь делаешь, дитя кулинарной книги? Решила и нас потравить? Не-ет! Я лично – не дамся! Буду сухари грызть, но организму сохраню в целости!

Он имел в виду случай, когда будучи на Подбазе, съел в тамошней столовой нечто такое, отчего два дня маялся животом. Тогда он шибко обиделся на общепит и слегка поругался с его представительницей Вероникой.

Не устаивая его ответом, что было удивительно, Верка обратилась к Анатолию:

– Доцентик! Миленький! зуб! Ой, проклятый, как дёргает! Сил нет! Специально добиралась сюда – «газушка» нашу машину подобрала – говорят, ты умеешь лечить? Ой-ой!

Полная её физиономия выражала крайнюю степень отчаяния. Обеими руками она стискивала щёки и мотала головой, как раненая моржиха.

– Ой! Десять лет не болели! Ой, проклятый, на мою голову! Как пурга началась, так и заныл, а вчера ночью так закрутил – хоть голову руби! Ничего не помогает... ой-ой!

Игорь и Глеб посмотрели друг на друга. Игорь закурил сигарету и прочно уселся на кровати, всем своим видом показывая, что ему нет дела до врачебной практики Доцента. Глеб... потирая лоб, думал, как Бессонов выкрутится из этого, столь щекотливого, положения. О его неисчислимых талантах знали, конечно, даже в Канаде... но ещё и зубы?!

Доцент, нисколько, однако, не удивившись просьбе Верки, сказал, обращаясь к игреву рюкзаку под кроватью:

– Что? зуб? Щас сделаем!

Он встал со своего ложа и стал копаться в его недрах. Под кроватью и в ней вечно лежали какие-то шестерёнки, обрывки проводов, гайки, банки тушёнки. Под кроватью же можно было отыскать в случае крайней необходимости и «бычок» – мелких размеров окурков – бывало, на буровой кончалось курево, а в бородище Доцента теплился огонёчек!

– Куда же я его дел, – озадаченно спрашивал он сам себя, выгаскивая из-под матраца, из подушки какое-то тряпье, промасленное до черноты, гаечные ключи, уронил на пол и зачихал под кровать фару.

– А-а-а! Вот оно! – Доцент вытащил из дальнего угла ком относительно чистых тряпок и развернул его бережно и любовно. На свет явилось тракторное магнето – таким, вернее с его помощью заводят тракторный вспомогательный двигатель – пускач, который затем заводит – пускает в ход собственно тракторный дизель.

Верка меж тем плюхнулась тяжёлым телом на табурет, отчего бедная деревяшка затрещала всеми суставами.

– Ой! Ой, как дёргает, паразит! Ой-ой... – она была готова разреваться.

Толя извлёк из того же источника высоковольтный провод и приладил его к магнето. Глеб слышал раньше о таком способе лечения, но не видел в действии, да и не очень верил в целительную силу «электрического анальгина». Но сейчас лечение близко.

– Держи! – Доцент поставил на полную, в ватных штанах, ногу Верки аппарат с торчащим из него проводом. – Держи рукой, да крепко, чтобы не упало! Пощипет, и твой зубик как миленький затихнет, навсегда. Только потом, дома, обязательно запломбируешь. Ясно? Где он?

– Та-амм! – она легонько прикоснулась пальцем к щеке.

– Та-амм! – передразнил её Доцент. – Я же не рентген и не Роза Кулешова! Рот открой, кадра!

Верка открыла рот – хорошие белые зубы поблёскивали в свете трехсотваттной лампочки.

– Да такими зубами можно болты перекусывать! – поставил диагноз Доцент и вложил в её правую руку провод – вот, поставь на самый зуб... ага! вот и трещина! Хорошо! Ставь сюда! И минут через пятнадцать – как рукой! Так шаманы говорят, во всяком случае... И Лёша так говорит...

Постанывающая Верка прижала провод к зубу и тут «врач» крутанул ротор магнето! Сухо щёлкнул ускоритель. Верка вздрогнула и вскочила с табуретки. Та упала.

Со стуком упало и магнето.

Игорь и Глеб с интересом смотрели на происходящее, ожидая чего угодно, но отнюдь не исцеления страждущей.

– Тт-ты! Ппаа-разитт! Сукк-кинсын! – Верка дрожащими губами еле выговаривала слова. – Ты что это? Я к тебе как к человеккуу! Ой! – она снова схватилась за щеку, – ну что ты будешь делать! Бол-лииттт! Изверггт!

Доцент полез под кровать, достал магнето, ладонями отёр пыль:

– Дура! Дура! Дура! Сама припёрлась, сама просила, теперь ещё и лаешься?! И чёрт с тобой! Всё равно прибежишь ещё! Я тебе говорю! Дура!!!

Он возмущённо тряс головой, нежно прижимая к себе железяку:

– Кому говорю – садись! Не больше, чем в вашем кресле! Ассистенты! Посадите больную на место! Будем продолжать!

«Больная»... мелко подрагивая крутыми бёдрами, села на табуретку под лампочку, обречённо глядя в стену, оклеенную вырезками из журналов с изображёнными там разнообразными девицами, и тихонько постанывала. Девки нисколько не сочувствовали ей, нагло ухмыляясь и выпячивая тощие груди.

Доцент указал Глебу глазами на дверь, и они вышли. Доцент шёпотом:

– Сейчас раза три подряд крутану, чтобы нерв убить наверняка, а ты её крепче держи! Вон она, какая здоровая! – Он тихонько засмеялся. И повторил: – Здоровая. Ухх!

– А ты ей мозги не скрутишь набок? Всё же худо-бедно, а тысячу пятнадцать развивает? А впрочем, нет... сила тока небольшая...

– Да проверено! – Доцент махнул рукой – на себе испытано, тем более такую и тридцать тысяч не возьмёт – моща-аа! Меня вон сколько раз трескало! То 380 с крана, то с катушки зажигания! А тебя, думаю, тоже не раз прикладывало, ага? А Верка – её так просто не прибьёшь! Моща-аа!

Он так уважительно протянул это – «моща-аа», что Глеб перестал сомневаться вообще. Они вошли. Верка, как агнец пред закланием, как кролик перед удавом, так и сидела на табурете, а Игорь так же

лежал на кровати и, пуская дым кольцами, разглядывал наклеенных длинноногих девиц в платьях, купальниках и без таковых, и сравнивал их с Веркой.

Она проигрывала им в своём «костюме» образца тридцатых годов, победно шагнувшем в своё сорокалетие, и не потому, что была так уж толста. Нет, она, как выражались мужики – была «в порядке», но эти её одёжки! А волосы? Что это за причёска? Нн... даа... если её намазать как бабу, штаны дурацкие сдёрнуть – будет вполне ничего себе.

Верка сидела на удивление покорно, смиренно, безучастно следя за приготовлениями «стоматологов». Она покорно раскрыла рот, приложила к зубу провод, прижала к бедру магнето. Глеб зашёл к ней за спину и положил руки на плечи. Доцент сильно крутанул ротор! Ещё! Ещё! Верка издала вопль дикого акустического состава и воспарила над табуретом вместе с повисшим на ней Глебом.

Лопнула разбитая лампочка, осколки посыпались во все стороны. Не удержавшись на ногах, Верка вместе с Глебом рухнули на кровать Доцента. Тот со своим аппаратом отлетел в угол на Игоря, выбив у него сигарету изо рта.

Кровать «кладовщика» от соединённой тяжести двух тел подломилась и немедленно перешла в состояние, именуемое «хлам». В темноте ярко светился в другом углу трёхкиловаттный «козёл» и в свете спирали из кучи хлама поднялась Верка и заплакала:

– Ты... ты... – сквозь хлынувшие слёзы она шарила руками, пытаясь найти дверь, потом зарыдала горько, безутешно. Глеб гладил её по голове, путаясь в распутившихся по плечам роскошных чёрных волосах и в растерянности повторял:

– Вера... Вера... успокойся, успокойся... оно и вправду убивает нервы... Это пройдёт... успокойся... нервы они...

– Идите вы со своими нервами! – крикнула Верка и кинулась к двери. – Я чёрт знает откуда притащилась... как дура! Дура и есть! А они...

Хлопнула дверь, в тамбуре снова грохнуло и звякнуло железо. Некоторое время в балке осмысливали произошедшее – было тихо так, что слышалось гудение спирали в «козле». Вдруг балок перекосило от хохота...

– Ну, Доцент, – гоготал Игорь, потирая обожжённую сигаретой руку, – ты без славы не умрёшь, угробят тебя твои же знания! Кто на

Подбазе будет готовить? Убыют тебя мужики! Хоть и неважный она повар – а женщина!

Глеб, умирая от смеха, стал называть Доцента почему-то Флором:

– Ты, Толя-Флор! Флор! Был такой святой врачеватель... Даже борода такая! Рыжая и растрёпанная! Вы, часом, не родственники? В Новгороде, в музее есть такая икона! Только тот без магнето врачевал... травками и наложением рук! Тёмный был человек! Да и то – средние века! Ха-ха-хаа...

Они уже заменили лампочку и ещё с полчаса веселились, изнемая от воспоминаний. Уже засобирались лечь спать, как дверь балка отворилась и на пороге появилась женщина в лёгком плаще, небрежно накинутом на ослепительно красное платье. Тёмные её волосы усеивали снежинки, поблёскивающие в лучах мощной лампы крохотными драгоценными камушками, красные сапожки на высоких каблуках и роскошный иностранный пластиковый пакет дополняли ансамбль.

– Совсем не болит, не болит совсем! – постучав каблучком о каблук, обратилась красавица к Доценту, взмахивая длинными ресницами и улыбаясь очаровательной улыбкой. – Помогло ведь! Зря я вас обругала!

Троица, как вдохнула воздух, так и забыла его выдохнуть. Доцент, открывши рот, чтобы изречь нечто мудрое, так ничего и не сказал, задумчиво почесывая в необъятной своей бороде. Глеб, по инерции продолжая улыбаться, обалдело глядел на незнакомку, явившуюся к ним в облаке пара – словно Афродита тундры возникла вдруг из снежной круговерти.

Сияющая, красивая, крупная женщина, яркая, словно летний день, была та самая Верка, над которой они смеялись?! Он мотнул головой:

– Эй, слушай, ты это или не ты, Вероника?

– Это я, я самая, что ли, – передразнила она, приближаясь к столу, за которым сидел Игорь. У того сладко заныло сердце, мелко задрожали колени, он вскочил, протянул к ней руки, выхватил пакет, искал глазами, куда бы его пристроить – рукавом «незаметно» сгребая со стола окурки, кружки с недопитым чаем, смятые порванные газеты и совершенно растерянный сел, наконец, на кровать.

Он перевёл взгляд на картинки на стенах – они тут же сморщились и завяли, и ему вдруг до безумия захотелось по-старомодному, но совершенно правильному обычаю поцеловать ей руку.

– Ну, мужички-матершиннички, – делая вид, что не замечает их смятенного состояния, пропела она (и голос-то другой!), сбрасывая плащ и раскрывая пластиковый пакет, – заработали вы сегодня на чай, да не на какой-нибудь – это английский «Серый герцог!» По страшному знакомству в Тюмени достала! Мне знакомая переводчица из Англии привезла!

– Аа?.. – Доцент раскрыл, было, рот.

– Ну, да, – Верка вытащила банку варенья, – кизиловое, кубанское, моё любимое. Я ведь родом из Геленджика, знаете такой город? Вот оно самое и есть.

Глеб удивлённо посмотрел на Верку, но сказать ничего не сказал, лишь пожал плечами, удивляясь про себя неожиданно обрётённой землячке. То-то он замечал почти неистребимое «гэ» в её речи! Да, бывают встречи, оказывается!

– Аа?... – снова раскрыл рот Доцент, сглотнув набежавшую слюну.

– Ну, да! – она вытащила бутылку коньяка. – В Москве брала, по случаю, давно – это «Камю». Настоящий, французский! Где у вас тут тёплая вода и тряпка? Мужики вы – одно слово!

...Едва ли не до рассвета они пили чудесно заваренный чай, Доцент, прикрыв глаза, смаковал коньяк, а Игорь не сводил с неё глаз... Кажется, и она пару раз бросила на поклонника внимательный взгляд.

– Да, – вспомнил вдруг Доцент, – ты, Глеб, так и не закончил ту историю о девушке в эфире. Что там было дальше?

Глеб кратко рассказал гостю предыдущий эпизод и закончил так:

– А что было? Договорились о свидании. Всё как полагается.

Сейчас у меня с ней двое детей – Анна и Денис.

И подмигнул Игорю.

Виктор Богданов **КЛЮЧ**

Однажды ночью ты проснёшься, оттого что какой-то маленький холодный предмет скользнёт по твоей груди. Ты откроешь глаза и нащупаешь ключ, упавший в складки белья. Ты подумаешь, что вчера его не было, и сон мгновенно отхлынет. Ты попытаешься выбраться из постели как можно тише, но человек,

лежащий рядом, пробормочет тебе что-то нежное и удерживающее. Ты вздрогнешь. Но человек снова уснёт. Ты будешь долго искать одежду в прокуренном мраке дома, боясь наткнуться на стул, гитару или угол трюмо и, загремев, разрушить не только своё намеренье, но и что-то другое – то, что уже не исправить. Наконец, ты оденешься и, крадучись, вытянув руки вперёд, дойдёшь до дверей. Замок оглушительно щёлкнет, и, не помня себя от ужаса, ты выбежишь в безлунную морозную ночь огромного города. Мимо мрачных спящих домов ты пойдёшь прямым и пустынным проспектом к центру, и бугристый мартовский лёд будет гулко хрустеть у тебя под ногами. Внезапно ты что-то вспомнишь, у тебя закружится голова, но ты ринешься вперёд – чтобы успеть, и ключ в твоём кармане забьётся от быстрого бега, как второе тяжёлое сердце. Ты выбежишь на залитый искусственным светом перекрёсток, минуешь сквер и окажешься перед старым кирпичным домом. Ты согласишься в знакомое окно последнего этажа и не увидишь огня. Переведя дух, ты зайдёшь в подъезд, медленно поднимешься по грязной сумрачной лестнице и, прислушиваясь, замрёшь у моих дверей. В какой-то миг тебе почудится, что там, в жилье, мякнула кошка, но потом ты поймёшь, что в квартире никого нет. Из-за дрожи в пальцах и полумрака ты долго не сможешь попасть ключом в скважину. Ступив в пустой коридор, на цыпочках, ты сделаешь пару шагов и отворишь комнату. Не дыша, ты пристально всмотришься в её унылую темноту, боясь зажечь свет. Слова – слова обрушатся на тебя со всех сторон, едва ты коснёшься клавиши выключателя. Слова будут везде: на стенах, на потолке, на оконных стёклах. Слова будут на полу, на торцах и дверках шкафов, и тебе покажется, что слова висят даже в воздухе. У тебя зарябит в глазах, и ты бессильно опустишься на диван, на котором тоже будут слова. И тогда слова набросятся на тебя, точно скопища алчущих насекомых. И они будут плакать, кричать, зудеть. Они будут молить, хохотать и ругаться. Будут прощать, будут жалить, будут жалеть. И будут любить, забывать, воскрешать... И в этом бесконечном рое их смыслов – их рвущихся к тебе жизнью – ты, наконец, услышишь великое отчаяние их одиночества. И они покажутся тебе птицами, покажутся отблесками обрётённых времён, покажутся существами, похожими на тебя, покажутся частью тебя самой – и откровеньем, которое ты не можешь ни вместить в себя, ни отринуть. И почувствовав, что от их

голосов, слившихся в невыносимый звенящий гул, у тебя разрывается голова, ты швырнёшь ключом в стену. Слова, как искры, брызнут с неё и осядут на пол серыми хлопьями пепла – и тебя навсегда охватит бездна чужого молчания. Спотыкаясь на оббитых ступенях, ты выбежишь вон и глотнёшь морозную свежесть рассвета. Что-то заставит тебя обернуться, и ты увидишь, что комната, словно воздушный шар, отделилась от дома и висит в пустоте. Тебе станет жутко, и, боясь обернуться снова, ты побредёшь унылой маленькой тенью по странным предутренним улицам, забыв дорогу домой. А комната будет сумрачной тушей плыть за тобой и медленно подыматься над городом, пока не исчезнет в светлеющей высоте...

11 мая 2001

Вольдемар Горх ЛЮБОВЬЮ ОБВИНЯЮ...

Поверь мне – счастье только там,
Где любят нас, где верят нам!

М.Ю. Лермонтов

Тот день, день своего рождения, Жарову показался самым трудным в его жизни. Он и предположить не мог, что именно сегодня вместо цветов и шампанского обрушится на него обвинение из далёкой юности. И чем дальше вчитывался он в строки письма, тем всё больше и больше укреплялось в нём чувство вины за участие в изломе судьбы этой женщины, которую он и вспомнить-то не мог. С беспокойной совестью и каким-то внутренним, не осознанным до конца раскаянием, читал Виктор Павлович...

В каждой строке послания искал он тот разящий приговор, который мог бы укрепить его в осознании виновности. Не найдя – вновь и вновь вчитывался в каждое слово, ища определение поступкам, которые, видит Бог, он не замыслил во зло. Жаров находился в том состоянии, когда всё промелькнувшее в прошлом не укладывалось в сознании.

– А было ли это вообще? – поймал он себя на трусоватой мысли и тут же отогнал её, вздохнув. – Наверное, было! Что-то припоминается!

– Что-то, что-то, – мурлыкал себе под нос Виктор Павлович, отложив письмо на журнальный столик, механически раскладывая салфетки и вилки для гостей.

Взгляд его оценивающе скользнул по столу и внезапно «споткнулся» на ярко-красной салфетке, напоминающей пионерский галстук.

– Стоп! Стоп! – приказал себе Виктор. – А ведь действительно была в нашей пионерской организации голенастая девчонка в галстук такого же цвета. Была!

Жаров, в который уж раз, принялся за чтение.

...Мне страшно подумать, что мои откровения могут вызвать у тебя улыбку и даже смех. Сомкни губы и читай, читай: восстанавливай это прошлое шаг за шагом. Пройдись тропой моей жизни, и ты обязательно почувствуешь её зигзаги и рытвины, возникшие из-за тебя.

Господи! Я даже назвать не могу тебя по имени, с которым ложилась и просыпалась, молилась и проклинала, каялась и мечтала. А ты ведь почти всегда был где-то рядом: красивый и гордый, обидим взглядом заставлявший трепетать не одно женское сердце. Только меня ты не замечал, и ни разу не взглянул в мою сторону, хотя я всё делала для того, чтобы попасться тебе на глаза.

Смешно, но однажды я просимулировала прямо перед тобой падение на тротуаре. Ты помог подняться, даже не удосужившись взглянуть мне в лицо. Как стыдно теперь сознавать, что эта слепая, обессиливающая меня любовь могла всецело овладеть сознанием, заставляя делать глупость за глупостью. Но мне совсем не стыдно за то, что моя детская влюблённость в тебя переросла в огромное, светлое чувство – Любовь. Нет на свете ничего более радостного, чем это чувство, пусть даже одностороннее, неразделённое!

Стрепетом даже сейчас вспоминаю то время, когда ты – пионервожатый в моем лагере – учил нас плавать. Мы ложились животом на твою надёжную руку и гребли руками и ногами и плыли, окружая тебя. Я плакала ночами, когда с какой-нибудь девчонкой ты возился на тренировках больше, чем со мной. А вообще ты на нас, «малышек», почти не обращал внимания. У тебя была пассия из соседнего пионерского лагеря. Я даже захотела утонуть, когда однажды увидела ваши страстные поцелуи.

А помнишь ли ты, как через год провожали тебя в Армию? Я об этом узнала с опозданием. Вот и бежала все двенадцать километров к военкомату, чтобы ещё раз увидеть тебя. А ты на прощание поцеловал свою маму, даже не взглянув на меня (я стояла рядом), и пошёл на построение. Долго все прощально махали вам вслед. И я – тоже. Ведь никто не мог знать, кого провожает девчонка-подросток...

Я даже и теперь сама себе нравлюсь за принятое после того решение. Оно созрело неожиданно: надо закончить медучилище и работать вместе с твоей мамой.

Пока ты служил на своём флоте, я так и сделала. В год, когда ты отправился в Армию, поступила в училище и перед твоим прибытием уже работала вместе с мамой. Её любовь к тебе и моя влюблённость позволяли мне читать твои письма, узнавать твои планы и целовать, целовать украденную фотографию.

Неописуемый восторг охватил меня, когда узнала время твоего возвращения. На радостях схватила свою забытую скрипку и начала играть. Из-под моих пальцев вырывалась на простор вся моя радость и жажда встречи. От волшебных звуков, словно от вечернего ветра, трепетала листва деревьев, моё ликование отзывалось далёким эхом. Звуки сливались в победоносный гимн ожидания и счастья встречи. Никогда больше не ощущала я себя во власти такой фантастической близости с любимым, как в эти минуты. Звуки, разлетаясь, возвращались и оборачивались жгучими слезами.

Уняв своё волнение музыкой, наспех переоделись, заспешила на вокзал.

И опять я опоздала. Тебя обнимали и целовали, с визгом вили на шее девчонки в коротких юбочках, размалёванные и надушенные. Вся эта шумливая, восторженная ватага меня оттеснила, уводя тебя на автобусную остановку. На меня ты даже не глянул. Лишь один раз скользнул взором по цветам моего яркого букета. Опустошённая, вся в слезах, поплелась я со своим никому не нужным букетом, спотыкаясь на ровном месте.

Внезапно зародилась мысль, которая всё сильнее и сильнее захватывала моё сознание:

– Не быть по-вашему! Сегодня я его уведу, и он будет моим и только моим!

Когда я добралась до вашего дома, там повсюду уже шло застолье с поздравлениями и поцелуями. Толкая друг друга, особенно старались девчонки. С трудом оттеснив всех, я всё же вручила тебе букет и попыталась поцеловать, но тут же тебя отвлекла наша молодая учительница, красавица, и ты резко от меня отвернулся. Хорошо, что в это время подошла твоя счастливая мама и попросила помочь на кухне. Если бы не эта «выручка», наверное, я бы при всех разревелась от обиды.

Когда застолье потихоньку стало затихать, ты взял гитару и запел. От твоей мамы я знала, что ты поёшь, но чтобы услышать такую чистоту и мелодичность голоса – для меня было откровением.

Вокруг тебя собралась полукругом толпа парней и девчонок, к ним присоединились старшие, а песни одна за другой вырывались из этого окружения, обволакивая радостью всех присутствующих и уличных зевак.

В этот момент ты был не просто красив, ты был неотразим.

Внезапно произошло то, чего никто не ожидал. Вдруг, отложив в сторону гитару, ты подошёл к своей маме, обнял её и на украинском языке запел, глядя ей в глаза. Зазвучали слова, бьющие по сердцу, исторгая слезы:

...Ридна маты моя, ты ночей нэ диспала...

Слова песни звучали из твоих уст с такой нежностью и лаской, на которые способно только истинно любящее сердце сына.

От происходящего очнулась только тогда, когда общая толпа увлекла меня на берег реки.

Всякая попытка приблизиться к тебе тут же пресекалась красавицей-учительницей так неприкрыто, что не понять её желания завлечь статного моряка мог только дурак.

Темнело. Учительница всё откровенней и откровенней прижималась к тебе пышной грудью, всё чаще и чаще целовала. В конце концов, она увела тебя к себе в дом. Я тенью следовала за вами, прислушиваясь к разговору, ведь даже отдельные фразы могут открыть многое. Красавица заманивала тебя в свою постель.

Когда за вами закрылась дверь, и через какое-то время погас свет в окне, я, как никогда, поняла, что теряю тебя окончательно, и с

такой ошеломляющей мыслью долго стояла около этого ненавистного теперь дома.

Часа через два хлопнула дверь, скрипнула калитка, и ты сквозь зубы сказал:

– Шалава! Все одинаковые!

Шагнул на тротуар и, пройдя несколько шагов, наткнулся на меня. Ответ уличного фонаря позволил тебе разглядеть меня и даже заметить мою растерянность.

– Ну, что, душечка, пойдём к тебе, или ко мне? – развязно спросил ты и уверенно обнял меня, как понравившуюся вещь, которая должна принадлежать тебе. Я не сопротивлялась, не отталкивала твои сильные руки, а когда ты поцеловал меня, обвисла в твоих объятиях. Помню лишь, что меня колотило мелкой дрожью.

Всё остальное происходило, как в тумане. Всё перемешалось в эту ночь: боль и стыд, зарождающееся возбуждение, впервые вспыхнувшее желание близости с любимым мужчиной. Твои поцелуи и страсть лавиной накрыли меня, и я неслась им навстречу без сожаления и упрёка, не задумываясь о последствиях.

Насытившись моим телом, уgomонив плоть, ты уснул, прижав меня к себе могучей рукой. А я не спала. То плакала, то смеялась с восторгом и благодарностью за произошедшее, постоянно целуя твою руку.

Под самое утро от усталости и счастья провалилась в глубокий сон, так и не выключив свет.

Проснулась от ощущения одиночества, когда солнце уже вовсю светило в окно. Я не сразу поняла, что тебя нет рядом, а когда увидела отброшенную в сторону простынь – оцепенела. Представь себе моё состояние, мой страх и стыд, когда оказалось, что тебя нигде в доме нет.

Наскоро прибрала в комнате, привела себя в порядок, припудрив синие круги под глазами, и полетела к тебе домой. Разум диктовал: «Не смей! Не ходи!» – а ноги несли вперёд и вперёд. Стыд и испуг в это время как будто отступили, главное – увидеть тебя, прикоснуться к тебе, прижаться и вновь забыться.

– Нет его! – заметив меня издали, и опережая вопрос, заявила твоя мама и укоризненно посмотрела на меня. – Уехал с друзьями в город.

Гром небесный! Только в этот момент я поняла, что для тебя я была в эту ночь лишь забавой, а, может, способом мести кому-то и за что-то. Решение действовать пришло также внезапно, как и эта поразительно безжалостная правда. Через два дня самолёт уносил меня далеко на север, чтобы там забыть и похоронить любовь к тебе.

Тогда, в самолёте, ещё не знала, что лечу не одна...

Сын родился слабеньким. Беременным северянкам необходимо много фруктов, – восполнять витамины. А где их возьмёшь на мою медсестринскую зарплату? Сыночка нашего похоронила через четыре месяца. Вместе с ним померк для меня весь белый свет, оборвалась последняя связь с тобой.

Смерть сына, северная суровая мгла, всё это начало убивать меня: не стало сна, аппетита, охватила беспросветная хандра.

Немного начала отходить, когда мне сделали предложение выйти замуж. Не полностью осознавая последствий – согласилась.

Ещё не старый вдовец окружил меня лаской, заботой, вниманием, заполнив ненадолго сердечную пустоту. Я воспряла духом, появилась какой-то жизненный интерес, заботы о другом человеке. Как перед Богом, клянусь тебе, что изо всех сил пыталась полюбить этого милого, доброго человека. Ничего не получилось. Да и он сам через год нашего брака понял это. Мы расстались.

Не долго думая, упаковала чемоданы и вылетела к тебе. Я не могу жить без тебя! Мне нужно видеть тебя, дышать одним с тобой воздухом.

Читая мои откровения, ты можешь, конечно, подумать, что это бред больного человека. И ты будешь отчасти прав. «Отчасти» оттого, что в моём зрелом возрасте женщина, будучи вполне в здравом уме, может, оказывается, так «заболеть» непреходящей любовью к мужчине!

Когда здесь всё утряслось, и я оказалась рядом с тобой, душевная тревога потихоньку утихла и только прекрасные сны о тебе всё ещё будоражили.

Однажды на одном из городских праздников я даже танцевала с тобой «белый танец». Всего только минуту пребывала я на вершине счастья. Тебя «отбили», и после этого, как ни пыталась я продлить танец, – не удалось. Меня, конечно, ты не узнал, но, как

истинный, галантный кавалер, одарил меня своей дежурной улыбкой. Вскорости тебя куда-то увели женщины, и я опять осталась одна.

Вот уже пять лет мы ходим с тобой параллельными жизненными тропами в поисках счастья и не находим его. Я ведь знаю, что три года тому назад ты развёлся с женой, что сейчас у тебя на примете другая женщина, и вместе вы уже планируете совместную жизнь. Я всё знаю о тебе и всё-таки тешу себя надеждами. Хотя, – понимаю, всё напрасно!

Вчера я уволилась с работы, опять собрала чемоданы и улетаю теперь навсегда от тебя подальше.

Я обвиняю тебя своей любовью! Ты убил во мне человеческое достоинство, женское счастье, радость материнства и загубил мою злосчастную Любовь!

Прощай!

Нет! Нет! Прибуди в аэропорт к 18 часам завтра. Позволь мне на прощание взглянуть на тебя, любимый!

Стреском захлопнулась входная дверь, отдаваясь перезвоном хрустальных фужеров на праздничном столе. Хлопнула дверь парадного, и быстрые мужские шаги вскорости затихли за углом...

От составителей

Наш постоянный автор, доцент кафедры общей зоотехнии Кемеровского государственного сельскохозяйственного института Вольдемар Александрович Горх принят в Союз российских писателей. Поздравляем!

Наталья Елизарова КОГДА ПРИЛЕТАЮТ ЛАСТОЧКИ

Тоненькая девочка, грациозно изогнув спину, мягко, как кошка, ступает по тёмно-зелёному ковру. Вокруг неё вьётся алая лента: то она взлетает крупными кольцами, то опускается зигзагами, подчёркивая каждое движение гимнастки. Лицо девочки сосредоточено и спокойно. Она уверенно завершает упражнение с

лентой. Раздаются рукоплескания зрителей. Глаза девочки вспыхивают, и она улыбается.

Валя улыбается вместе с ней. Она хорошо знает эту юную гимнастку по телевизионным передачам и спортивным газетам. Она следила за её выступлением на последней Олимпиаде, которую транслировали по телевизору. Следующее упражнение должно быть исполнено с мячом. Валя уселась поудобнее. Но тут по экрану побежали шуршащие ломаные линии, возникли помехи, и диктор объявила, что по техническим причинам продолжение передачи переносится на другой день. Далее последовала реклама. Валя обиженно уставилась в телевизор. Разочарованно вздохнув, выключила его.

Некоторое время она сидела в своём кресле, вспоминая выступление гимнастки. Если бы она, Валя, была здорова, она тоже стала бы заниматься спортом; возможно, профессионально. Валя с сожалением взглянула на свои парализованные ноги. Нет, лучше не думать... не надо... Зачем расстраивать себя? Тем более, сегодня так хорошо начинается день: с яркого солнца и весёлого чириканья воробьев. Грустить совсем не хотелось!

Валя покатила своё кресло в другую комнату, к окну, из которого был виден Иртыш. Лёд на реке уже раскололся, кое-где потемнел. На берегу крутились мальчишки. Валя не видела их из окна, но до неё доносились их оживленные голоса... Вчера по радио в милицейской хронике передавали, что в таком-то районе один мальчик провалился под лёд и погиб. Сотрудник, читавший сводку, строгим голосом предупредил ребят не ходить по льду. Вале, слушавшей его, тогда пришло в голову, что прав милиционер – кагаться по весеннему льду опасно, но, если бы она, Валя могла бы ходить, она тоже, как мальчишки, стала бы лазать по льдинам...

Несколько минут она смотрела в окно и жмурилась от резких солнечных лучей. Потом протянула руку к столу, достала из ящичка блокнот и огрызок карандаша, набросала текст:

*Ожил после стужи ледакол,
Долго находился он без дела,
Как хозяин по реке пошёл,
И вода под килем закиела.*

*На куски расколот крепкий лёд,
Так ребят и тянет покататься.
Кто-то крикнет всем: «За мной, вперёд!»
И попробуй тут один остаться.*

*Как смелы вы, юные года,
Не удержит никакая сила.
Только вот проклятая беда
Самых храбрых в бездну уносила.¹*

Валя несколько раз перечитала написанное, расставила знаки препинания. Потом поставила под стихотворением сегодняшнюю дату, а над текстом название «Ледокол».

Валя любила весну, любила за её разнообразие. Зима – та всегда была одинаковой: тусклое солнце, снег, а когда на улице стоял мороз и окна замерзали, то Валя не видала даже хмурого солнца и снега. Лето утомляло своей жарой. Осень надоедала холодными дождями и чем-то унылым, навевающим грусть. А вот весна была желанной всегда. Валя ждала её и ликовала, когда она приходила: сначала радовалась переливающимся на солнце сосулькам, затем клейким зелёньким листочкам и ласточкам, которые прилетали в мае. . . Несколько лет назад, когда Валина мама – Раиса Петровна – ещё не была так занята на работе, она часто вывозила своих дочерей: Валю и младшую Светку за город, на дачу. Валино кресло ставили на сухой пригорок с таким расчётом, чтобы со всех сторон девочку согревало солнце. Её укутывали пледом и оставляли одну. Глядя на мать, которая сутилась вокруг шашлыков, на резвящуюся с собакой Светку, Валя задумчиво улыбалась, и на какие-то мгновения, забыв, что она калекка, начинала мечтать и даже верить в то, что её мечты сбудутся. В такие минуты она сочинила первое стихотворение. . .

Почувствовав за спиной движение, Валя вздрогнула и быстро развернула кресло. Перед ней стояла младшая сестра – шестнадцатилетняя Светка.

– Ты? – проговорила Валя. – Я не услышала, как ты вошла.

Светка не ответила. Её руки рассеянно гладили пса Кузьку, вертевшегося у ног, а глаза смотрели в сторону.

– Кузя ждал тебя, его надо выгулять, – сказала Валя.

– Потом. . . успею ещё. . .

Светка прошла по комнате, остановилась у зеркала, но в него не взглянула, отщипнула листик от цветка, висевшего на стене, скомкала его и бросила на пол. Нервно хрустнув пальцами, стиснутыми в замок, она присела на краешек кровати. Вале пришлось долго ждать, пока она заговорит. Сама она ничего выспрашивать не стала, тем более что уже наполовину знала то, о чём пойдёт речь. «Неужели опять?» . . .

– Валь. . . только не говори матери. . . я продала свою золотую цепочку. . . Да не смотри ты так! – она вскочила, но тут же села. – Мне деньги очень были нужны, понимаешь? . . . Кузя, отстань! Сейчас, сейчас я тебя выведу! . . .

Валя почувствовала спазм в горле.

– Ты же обещала бросить колотья. . . – тихо проговорила она.

– Я бросила! – поспешно проговорила Светка. – Бросила. . . Всё! Окончательно!

– Зачем же тогда? . . .

– У меня были долги, понимаешь? Цепочку нужно было продать, чтобы рассчитаться. Но теперь всё в порядке. . . я никому ничего не должна. . . – Светка жалобно заглянула сестре в глаза. – Осталась мать. . . Что мне сказать ей? Придумай что-нибудь, Вальк. Мать убьёт меня за эту цепочку!

– Скажи, что потеряла, – устало проговорила Валя, смотря на худые Светкины пальцы с обломанными ногтями.

– Ты думаешь, она поверит? – усмехнулась Светка.

– Ну, я правда не знаю, Света. . . Ну, скажи, что сняли.

– Чтобы она меня в ментовку потащила? Больно надо. . . Слушай, а помнишь, она рассказывала, как Верка из третьей квартиры умывалась и одну сережку в раковину уронила?

– Да, помню.

– Это же идея, Вальк! Мать поверит. Она должна поверить!

Валя наблюдала, как радуется сестра, но радость видела только в улыбке. Глаза Светки не смеялись: они были погасшими, равнодушными и пустыми.

. . . Началось всё примерно два года назад, когда Раиса Петровна решила, что ей хватит работать на «чужого дядю» и пора самой открывать собственное дело. Её решение разделил друг семьи Вадик, и они купили коммерческую палатку. Так начались длительные поездки за

товаром, бесконечные задержки на работе, частые отлучки из дома по ночам. Постепенно дела у Раисы Петровны заметно поправились, и она перестала сетовать на злую судьбу «без мужика», когда одной приходится растить двух дочерей и считать каждую копейку. Отправляясь в командировку, Раиса Петровна всегда оставляла дочкам определённую сумму денег – «на всякий случай»... Первой перестала скучать по матери Светка, она даже рада была, когда та уезжала, потому что в её отсутствие можно было прогулять занятия в школе, собрать дома вечеринку. Валя уставала от дикой оглушительной музыки, стала тяготиться присутствием Светкиных друзей, и однажды попросила сестру больше не приводить их в квартиру. Светка надула губки, обиделась, но отныне её приятели перестали появляться у них. Зато она сама стала по любому удобному поводу исчезать из дома... Вале не понравилось, когда Светка впервые в открытую закурила при ней, но запретить сестре она не могла, тем более что их мать и все её знакомые тоже курили.

Однажды Светка пришла домой с окровавленной губой и разодранными коленками. Вале так и не удалось добиться от неё, что случилось. Светка по-детски хлюпала носом и пускала сопли, но ничего вразумительного произнести не могла, – слишком уж была пьяная.

Из школы ей пришлось уйти: очень много было проблем с учителями, пропусков, двоек, да и учиться Светке совсем не хотелось. Раиса Петровна ругала дочь, кричала:

– Дура, куда теперь «с волчьим билетом» пойдешь? Что будешь делать без образования, без специальности?

Светка огрызалась, припомнила, что Раиса Петровна сама-то сразу после «восьмилетки» Валю родила, и без мужа, между прочим. После неоднократных скандалов с матерью, Светка подала документы в ближайшее училище. Раиса Петровна успокоилась, поскольку Светка первое время посещала занятия. На радостях, что «младшенькая наконец-то взялась за ум», Раиса Петровна подарила ей кое-что из золотишка и пообещала пристроить продавцом в свою палатку – работа отвлечёт от глупостей, да и «заблудшая овца» будет на виду. Валя, в отличие от матери, не была спокойна. Она видела, что у сестры не всё так гладко, как та пыталась показать, и как в это хотелось верить матери... Один раз Светка вернулась домой бледная, морщась от боли. Оглядев комнату, со стоном повалилась на кровать, не отвечая на вопросы обеспокоенной

Вали. К вечеру у неё поднялась температура и Валя, не обращая внимания на её протесты, вызвала «скорую». Светку увезли в больницу с сильным кровотечением. Несмотря на слишком очевидное состояние сестры, Валя долго не могла понять, что было с ней. Ей всё стало ясно, когда она услышала, как мать на кухне шушукается с Вадиком.

– Дошлялась, блудня... – говорила Раиса Петровна. – Выпила какую-то гадость – ума же нет – теперь вот лежит, дышит...

– А что бы ты хотела, чтобы она в подоле принесла? – отвечал Вадик.

– А я, как дура, поверила, что она взялась за ум... – сокрушалась Раиса Петровна. – Хоть бы ты ей нашел кого. Выдали бы замуж, а остальное – не наша печаль.

– Да кому она нужна, если она сама на себя плюнула?... Ладно, Рая, хватит, не плачь. В семье не без урода.

– Я вот думаю, если бы Вале – Светкино здоровье. Ведь золотая девчонка!

– Может, потому и золотая, что больная. А была бы здорова, глядишь, так же по подъездам отиралась бы...

Валя, услышав эти слова, возмутилась. Какие глупости болтает Вадик! Да если бы она была здорова, разве стала бы свою жизнь на такую ерунду разменивать? Никогда!

Светка бросила училище. Дома почти не бывала. Раиса Петровна пыталась прибегнуть к крутым мерам: запирала дочь под замок, разлучала с друзьями, лишала карманных денег, но это не помогло, и она махнула рукой, да и Вадик ей советовал особенно не тревожиться. «Погуляет, нагуляется и придёт. Обычное дело. Сами молодыми были, – говорил он. – Брось переживать, Рая, одумается твоя девка, для этого только время нужно».

А время, между тем, летело, как стремительная птица. Светке исполнилось шестнадцать. Валя упрашивала мать отметить это событие, но та наотрез отказалась, заявив, что «Светке от этого много чести будет». Валя решила сама поздравить сестру. Утром, когда Светка ещё спала (редкий случай, когда она ночевала дома), Валя, тихонько пробравшись в её комнату на своем кресле, положила на тумбочку, у изголовья новую книгу Барбары Карлленд – сестра обожала любовные романы. Светка проснулась, посмотрела сонными глазами на Валю. Та протянула ей книгу.

– Это тебе. С днем рождения!
– Спасибо... – растерянно отвечала Светка; она не взглянула на книгу, хотя и взяла её в руки.

И тут Валя заметила на её бледной руке следы укусов... Её вывел из задумчивости телефонный звонок. Трубку сняла Светка.

– Да? Сейчас выхожу... Есть... Хорошо, пока.

Она начала одеваться.

– Ты куда? – спросила Валя.

– Я? – на секунду руки Светки, застёгивающие «молнию» на куртке, замерли. – Пойду, погуляю с Кузькой.

Она ушла.

...Прошло больше четырех часов. Светка не возвращалась. Валя сидела в своём кресле у окна, монотонно барабанила пальцем по стеклу. В двери постучали. Валя поспешила открыть, надеясь увидеть на пороге Светку: заплаканную, пьяную, в крови, какую угодно, но живую.

На лестничной площадке стояла соседка, держа за ошейник Кузьку.

– Шла из магазина, собачку вашу увидела у подъезда. Убежала, наверное?

– Да, он убежал, – проговорила Валя, не глядя на женщину. – Спасибо, что привели.

Едва она захлопнула дверь, как снова раздался стук. Валя открыла. Вошла её сиделка Ирина.

– Валечка, сегодня я опоздала, – неожиданно приехали родственники, – повесив пальто, она прошла в комнату. – Валечка, у вас коврик новый? Очень, очень миленький, неброский такой... О, какая шикарная люстра? Не видела раньше... Сколько отдали?

– Не знаю, мама покупала.

– Знаете, Валечка, у моей свекрови на днях юбилей. Она так любит поздравления в стихах. Вы не могли бы что-нибудь сочинить для неё?

– Кто вам сказал, что я пишу?

– Ваша сестра. Я, когда шла к вам, встретила её.

– Где?

– Возле стройки. Мне показалось, они туда направлялись.

– Кто «они»? Она была не одна?

– С ребятами какими-то.

Валя стиснула пальцы. «Опять! Всё начинается сначала...»

Светка вернулась к вечеру с неузнаваемым, посеревшим лицом, и, не глядя на сестру и на сиделку, заперлась в ванной.

– Что это со Светочкой? – поинтересовалась Ирина.

– Ничего страшного, – выдавила из себя Валя.

– Проблемы на личном фронте? Поругалась с мальчиком? – допытывалась женщина.

– Да, поругалась с мальчиком... – машинально подтвердила Валя.

– Ох, уж эта молодежь! Ссорятся – мирятся... Знаете, Валечка, моё мнение такое: если бы у молодых раньше времени до постели дело не доходило, то и ссор было бы меньше.

Валя бросила на словоохотливую сиделку многозначительный взгляд, но той непременно хотелось закончить.

– Наше поколение в ваши годы вело себя скромнее! – заявила она тоном человека, выложившего на стол козырной туз.

Валя молчала; у неё не было сил продолжать разговор.

Прошло несколько дней.

Валя проснулась от дикого крика матери. Перебравшись с помощью костылей на инвалидное кресло, девушка заторопилась на кухню, откуда был слышен крик.

Раиса Петровна лупила Светку по щекам.

– Тварь! Шалава! Тебе известно, сколько мне пришлось вкалывать на эту норку?! Где она, отвечай, паскуда!

Валя, увидев бледную, перепуганную Светку и разъярённую мать, мгновенно всё поняла.

– Мама, не кричи! – громко сказала она. – Твою шапку разорвал Кузя... Я знала, что ты расстроишься, поэтому выбросила её, как только увидела... Света здесь не при чём.

– В ключья, что ли разорвал? – проговорила Раиса Петровна после длительной паузы.

– В ключья.

Раиса Петровна бросила сердитый взгляд на Кузьку, беспокойно крутившегося возле её ног, хотела что-то сказать, но в это время затрещал телефон. Она взяла трубку, её лицо тут же смягчилось.

– Да? Да, Вадик, я. Слушаю... Товар разошелся прекрасно! Можно ещё взять партию: люди – тьфу, тьфу – хорошо берут...

Светка воспользовалась случаем и прошмыгнула в ванную. Валя закрылась в своей комнате. Она долго сидела у двери, которую сама

заперла. Потом поискала глазами бумагу и авторучку. Ручку она нашла быстро, а вот чистого листа под рукой не оказалось. Валя взяла пустую коробку из-под конфет. Нацарапав внутри неё первые строчки, она вспомнила, что в письменном столе есть ящик, в котором сколько угодно бумаги. . . Очень скоро на коробке появились такие слова:

*День прошёл бесцельно и впустую,
Полный скорби и тоски моей,
Заглушить бы в сердце боль глухую
И забыть клубок несчастных дней.*

*А на улице весна бушует,
Сколько радости другим несёт.
Ласково и нежно ветер дует,
Но с собою в даль не позовёт.*

*С крыши свисают длинные сосульки,
Светятся на солнце, как огни.
Вниз стекают тоненькие струйки,
Словно слёзы горькие мои.*

Написав стихотворение, Валя не стала его перечитывать. Опустив голову, она очень долго сидела в кресле в каком-то странном оцепенении, когда не хотелось думать, страдать, жить. Когда она пришла в себя, то увидела, что строки её стихотворения расплылись от слёз, – ручка оказалась чернильной.

Валя приняла решение. В тот же вечер она поговорила с матерью. Вадик тоже присутствовал при разговоре.

– Мама, Светка попала в беду, – без долгих предисловий сказала Валя. – Она. . . она – наркоманка.

Раиса Петровна неожиданно злобно усмехнулась.

– А-а-а! Вот на что она вещи из дома утянула! Мать, как рыба об лёд, бьётся, чтобы в доме всё было, а она растаскивает, подлюка!

– Мама, при чём тут вещи? – недоуменно воскликнула Валя. – Светку лечить надо, спасать!

– В психобольнице есть неплохое наркологическое отделение. . . – начал Вадик.

– Да что она, ненормальная, что ли? – возмутилась Раиса Петровна. – С друзьями запретить общаться, вот и всё лечение! . . . Я её к сестре своей отправлю, в деревню. Пусть посидит взаперти, глядишь, пройдёт всё само собой, забудется.

Раиса Петровна действительно отвезла Светку в деревню, но через неделю оттуда позвонили и сказали, что Светка сбежала.

– Куда же умотала, дрянь такая? – волновалась Раиса Петровна. – Пусть только придёт домой, я её так отхлещу, – надолго запомнит.

– Может, в милицию заявить? – предложила Валя.

– Какой от неё толк? – пожал плечами Вадик.

Раиса Петровна согласилась с ним. В это время раздался звонок. Она подошла к аппарату.

– Алло? . . . Почему вы молчите? . . . Алло? . . . – она вопросительно посмотрела на трубку и положила её. – Вот так уже в который раз: позвонят, подойду, отвечу – тишина.

– Это Светка! – догадалась Валя. – Я уверена – это она. Ты, мама, не отвечай в следующий раз. Я сама возьму трубку.

– Ну, хорошо. . . – растерянно согласилась мать.

Никогда с таким нетерпением Валя не ждала телефонного звонка. Когда он раздался, она почувствовала, что у неё от волнения задрожали руки.

– Да? Я слушаю вас. Говорите. . . Света, это ты? Пожалуйста, не молчи, ответь. Это я, Валя. . .

– Мать дома? – поинтересовалась на другом конце провода Светка.

Валя облегчённо вздохнула: голос у сестры обычный – значит, ничего не случилось!

– Да, она здесь.

– Скажи, пусть возвращается. Ей ничего не будет, – шепнула Раиса Петровна.

– Светочка, возвращайся. . . Тебя не будут ругать. Мама просит, чтобы ты вернулась. . . Ты слышишь? Возвращайся, Света!

– Хорошо, я приду, – ответила Светка и повесила трубку.

Она явилась на следующий день. Раиса Петровна не сдержала своего слова и набросилась на неё с упреками. Светка не оправдывалась, как это было раньше, не клялась, что «этого больше не повторится». Она сидела на диване, обхватив руками колени, глядя прямо перед собой грустными, и в то же время безучастными глазами.

Два дня Раиса Петровна, поручив все дела Вадику, приглядывала за беглянкой. Светка из дома вырваться не пыталась, подолгу сидела на одном месте на диване, ни с кем не разговаривая и ничего не делая. Лицо её было спокойным, но всё тело была крупная дрожь. Раиса Петровна, когда Светке, по её мнению, стало лучше, снова вышла на работу. А Валя тревожилась.

– Светка... Света, скажи что-нибудь... – пыталась она расшевелить сестру. – Не молчи, скажи...

Светка заговорила, и то, что она произнесла, было неожиданным для Вали.

– Помнишь... однажды, на даче, когда мы были ещё маленькими, мы нашли мёртвого птенца, выпавшего из гнезда...

– Помню, это была ласточка.

– У него были слишком слабые крылья, он не мог взлететь... он долго лежал на земле беспомощный, жалкий комочек, а потом он умер. Никто не заметил, как он умирал.

– Света, перестань. Всё совсем не так было. Птенец умер сразу, потому, что разбился. Ему не было больно.

– Сразу? – она взглянула на сестру и та не узнала её, – глаза Светки были чужими. – Это хорошо.

Валя взяла холодные Светкины руки в свои.

– Светочка, всё образуется. Ты не думай ни о чём... Мы летом поедим на дачу, и Кузьку с собой возьмём... Всё забудется, Светочка, поверь мне.

Светка, казалось, не слышала того, что говорила сестра. Неожиданно она захотела выйти из дома.

– Куда ты, Света? – всполошилась Валя.

– Пойду, пройдусь немного.

– Ты вернёшься?

Светка улыбнулась бесцветной улыбкой.

– Конечно.

И ушла.

Вечером, когда Раиса Петровна уже была дома, в двери квартиры позвонили. Валя была в своей комнате и оттуда услышала незнакомый мужской голос, когда мать открыла дверь, а затем вопль: «Све-точ-ка-а! Све-та-а!»

Валя заторопилась в прихожую. Увидев людей в милицейской форме, она сразу поняла, что случилось страшное. Мать бросилась к ней со слезами.

– Светочка умерла!

Валя почувствовала, как напряглись все мышцы, и тихо спросила:

– Отчего умерла Света?

– Обычное дело – передозировка, – ответил сотрудник милиции.

Валя, почувствовав, как что-то тяжёлое навалилось на неё, потеряла сознание...

Прошёл день.

Валя проснулась в своём кресле. Она не заметила, как до этого заснула. Сон был тяжёлым и мучительным, и после него она ощущала свинцовую тяжесть в голове. Услышав за дверью шёпот матери, Валя прислушалась.

– Свету во всё белое оденем. Я уже и платье подвенечное, и венчик на голову, и туфельки купила, – говорила Раиса Петровна.

– А оркестр, по-моему, не надо заказывать, – сказал Вадик. – И так тошно, а тут ещё эти завывания слушай!

– Почему же... Пускай будет оркестр. А то потом пойдут разговоры. Ты же людей знаешь, скажут: «Не захотела на музыку тратить-ся».

– Это верно, Рая, люди у нас языкатые... Как ты думаешь, ящик водки на всё про всё – хватит?

– Должно хватить. Я планирую так – человек на двадцать будем стол накрывать... Только самые близкие... Я всех подряд кормить-поить не собираюсь. Оно ведь знаешь, как бывает, пока Светка жива была, все соседи на неё ходили жаловаться: то музыку поздно вечером включит, то курит в подъезде, то друзья её детскую коляску украла. А как не стало Светки, так такая прям она хорошая для всех! Сегодня поднимаюсь по лестнице, а соседка из квартиры напротив мне навстречу идёт и говорит: «Ой, как, Рая, мне твою девочку жалко. Такая молоденькая, жить да жить бы...» А я не выдержала и говорю: «Чего распричиталась? Была Светка жива, так ты от участкового не вылезала, всё жалобы на неё строчила, а теперь вон как запела!»

– Брось, Рая, не терзай себя. Язык без костей – пускай мелет!... Давай лучше, что нужно обсудим.

– Ты с автобусом договорился?

– Договорился. Только вот думаю, что один автобус всех не увезёт.

– Увезёт. Двадцать человек всего будет.

– Это своих – двадцать, а Светкины друзья придут...

– Я этих наркоманов на порог не пущу!

– Почему «наркоманов»? С училища, может, кто подойдёт, одноклассники, учителя... Как мы всех в одном автобусе разместим?

Валя, не выдержав, со стуком распахнула дверь.

– Хватит вам, хватит! «Автобус», «туфельки»... А Светки – нет! Была – и нет! И в том, что она умерла, виновата ты, мама! Только ты!

Первым опомнился Вадик.

– Валентина! – прикрикнул он. – Ты чего на мать накинулась! Она и так еле живая от горя! Как у тебя язык поворачивается?!

– Подожди, Вадим Семёныч, – перебила Раиса Петровна, неожиданно назвав Вадика по имени и отчеству. – Пусть говорит. Ну, давай, давай! У тебя мать дура, да? За то, что она, как белка в колесе, крутится, на жаре, на морозе по этим чёртовым палаткам... чтоб им жилось хорошо... чтобы в доме достаток был... – её голос сорвался на крик. – Для кого я эти деньги проклятые зарабатываю? Для себя? Для тебя и для Светки! Чтоб вы ни в чём не нуждались!

– Светке твои деньги больше не нужны, – тихо сказала Валя. – Мне тоже.

– Нет, ты глянь, Вадим, ей деньги не нужны! Да на твои лекарства их больше всего и уходит! Хотела бы я посмотреть, как бы ты пожила на свою пенсию копеечную! – Раиса Петровна заплакала. – Неблагодарная!

– Да, я – неблагодарная! Потому что нам со Светкой не деньги, а ты была нужна... А тебя никогда рядом не было. Тебе же плевать было, что с нами происходит, что у нас на душе, главное, чтобы сыты были и одеты не хуже людей! Тебя не заботило, чем мы живём!... Разошёлся товар, – не разошёлся, есть прибыль, – нет прибыли, – только это и было для тебя важным. Мы даже в праздники тебя не видели, потому что в такие дни навару больше...

– А для кого я старалась? Для вас!

– Будь они прокляты эти твои... эти твои... – Валя зарыдала вслед за матерью.

Светку похоронили.

Валя на похоронах почти не плакала, хотя ей было очень тяжело. «Только бы пережить этот день... только бы скорее всё закончилось... – думала она, прижимаясь к груди матери. – Потом будет легче... будет легче, когда уйдёт этот проклятый холод, и прилетят ласточки...»

Мэри Кушникова **ЧЕРЕЗ СТО ЛЕТ ПОСЛЕ КОНЦА СВЕТА** **Повесть**

Коли все государства, вблизи и вдали,
Покорённые, будут валяться в пыли –
Ты не станешь, великий владыка, бессмертным,
Твой удел невелик: три аршина земли.

Омар Хайям. Рубаи, 3.

Вижу: птица сидит на стене городской,
Держит череп в когтях, повторяя с тоской:
«Шах великий! Где войск твоих трубные клики?
Где твоих барабанов торжественный бой?»

Омар Хайям. Рубаи, 8.

Двоим лучше, нежели одному; потому что у
них есть доброе вознаграждение в труде их.
Ибо, если упадёт один, то другой поднимет
товарища своего. Но горе одному, когда упадёт,
а другого нет, который поднял бы его.

Книга Екклесиаста, глава 9.

ГОД 2150-Й. ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

ту рукопись мы нашли в чугунной литой урне, уцелевшей около парного надгробия на бывшем загородном кладбище. Сейчас урну предстояло убрать – намечалось поставить газетный киоск чуть не вплотную к надгробию, которое, по преданию, сохранилось потому, что окутано было некоей таинственностью. И действительно, сейчас при спецобследовании, под плитами, датированными 13 сентября 1990 года, обнаружилось лишь одно

захоронение. Несмотря на более чем полтора века мужской костяк хорошо сохранился, причём в изголовье нашли дивную безделушку, в виде маленького бронзового зайца, который на вытянутых лапках протягивает поднос, а на подносе – сердце, как его рисуют на детских картинках. Вряд ли похороненный был язычником, но и нельзя поручиться, что он был христианином – крест отсутствовал, а на плите обнаружился искусный горельеф Георгия Победоносца. Второе же захоронение было пусто. Каким чудом сохранились надгробия в черте города, обступившего бывшее кладбище, оставалось лишь гадать...

Вскоре рукопись, которую мы разбирали с большим трудом, потому что быстрый, летящий почерк основной её части словно опережал мысль, приоткрыла завесу над преданием, которое из поколения в поколение передавали друг другу горожане. Да что горожане – скорее земляне, так будет вернее сказать...

Многие, конечно, помнят из истории, что около 2000-го года немало говорили и писали о конце света. В связи с чем в мире происходили престранные явления и даже политические события, – например, всеми любимый и вознесённый на гребне славы глава великой державы после искреннего и прочувствованного обращения к своему народу, в котором предупреждал о грядущих бедах в знак кары за обуявшие всех повальный необыкновенный цинизм и патологическую алчность, был объявлен умалишённым и тут же, на глазах потрясённых телезрителей схвачен и облачен в смирительную рубашу. Телекамера следила за происходящим пристально, и все увидели, как вчерашние почитатели и обожатели закидали своего лидера, кто чем сумел, и повесили на столбе, наскоро вколоченном около главных ворот правительственного дворца. Причем правитель – статный, атлетически сложенный, убелённый голубоватыми сединами, – ничуть не сопротивлялся, а твердил: «Грешен, премного грешен. Я дал вам свободу, но я принес вам не мир, а меч».

Читатель, конечно же, помнит все эти события, описанные в Официальной Истории и произошедшие более 150 лет назад. Впрочем, запомнилось из тех же учебников, что вскоре, официально же, конец света был объявлен несостоявшимся и даже близко никому не грозящим. Причем лжепрорицателя никак нельзя было подвергнуть привычной репрессии, поскольку вещал он свои пророчества более чем полтысячи лет до названных событий. Так что властям лишь

оставалось признать, что и пророки могут ошибаться, причём приводились примеры также из столетней давности отечественной истории, о которых читатель, конечно же, осведомлён из учебников и руководств по «Воспитанию лояльной психологии».

И поскольку в найденной нами рукописи приводились любопытные упоминания и даже попытки неординарной трактовки несостоявшегося конца света, мы сочли полезным и безынтересным вынести её на суд читателя.

Рукопись состояла как бы из двух частей. Дневниковые записи за несколько последних лет минувшего тысячелетия. Два почерка. Женские записки, в которых причудливо сплелись несколько сентиментальные и дотошные описания маленьких каждодневных событий и разговоров: «...он сказал мне... я ему ответила... мы сидели, держась за руки...», – с весьма прагматичными финансовыми расчётами. Как известно, последняя пара десятилетий минувшего века, замыкавшая второе тысячелетие, была для многих фатальной: ломались судьбы, рушился привычный уклад жизни, по присущей нам беспечности и привитой предпоследним строем безответственности. За бортом оказались отнюдь не самые худшие. Записки свидетельствовали об упорной борьбе авторов с обстоятельствами, и, судя по всему, борьба была далеко небезуспешной. Женские записки, пестрившие смешными, ласкательными кличками, вроде «мой Кис», «чешуйчатый Крокодил» и иными в том же роде, перемежались строками, написанными твёрдой мужской рукой. Эти записки походили скорее на судовой журнал. Из них можно было узнать об общей работе обоих авторов, об упорном их противостоянии местной элите – чиновникам и псевдочётным, которых в ту пору расплодилось немалое. По запискам видно было, что авторы всковыривали полусекретные пласты местной новейшей истории, где мелькали фамилии, проросшие в современную авторам пору. Из записей мы узнаём о множестве постигших их неудач, – но и о немногих победах, которые дорогого стоили, поскольку дарованы были им вследствие симпатии таких же бесстрашных оригиналов, как и они сами, и это уже служило им утешением.

Мы узнали так же об их маленьких пристрастиях: они любили и нередко подбирали и подлечивали бездомных животных – собак и кошек, пристраивали их у знакомых; не забывали в морозы насыпать

на подоконники пшено и крошки для мёрзнувших птиц; возились с аквариумом, в котором долго жила старая, толстая красная рыбка, а потом скончалась, и оба переживали и долго думали, пока завели новую, проверяя каждое утро, не случилось ли с ней чего.

На полях дневников то и дело появлялись потешные и трогательные картинки: пузатенький хвостатый зелёный крокодил, почему-то больше похожий на собаку, и розовый пушистый не то заяц, не то кролик – впрочем, из-за длинных ушей вполне похожий на ослика. На картинках зверята ссорились, миловались, распевали песни, угощали друг друга пухлыми булками, тащили с рынка лубяную корзинку с надписью «вкусности».

И вдруг записи обрываются лет на десять, после чего женский почерк вновь появляется в дневнике. И вот в этих последних записках – ключ к разгадке приведённого ниже фрагмента, названного «Побывка».

Мы этот фрагмент позволили себе переименовать. И так – вот дословное повествование.

ИТАЛЬЯНЦЫ В РАЮ

Когда в году 1793-м от рождества Христова в славном городе Париже представился сеньор Карло Гольдони, он, будучи добрым католиком, немедленно вознёсся на небеса, дабы там обрести положенное ему место.

Оказавшись на небесах, сеньор Карло прежде всего решил осмотреться, где что находится, и поискать, к кому бы обратиться по вопросам распределения новопредставившихся. Не торопясь – теперь куда уж было торопиться! – шествовал он по хорошо ухоженной дорожке, проложенной меж голубоватых облаков, и ко всему на пути приглядывался с присущим ему любопытством.

Всю жизнь с самого детства все вокруг твердили ему о царствии небесном, о райских вратах, о престоле Всевышнего и о сонмах окружающих его Херувимов, а в противовес – о Геенне Огненной с чертями и грешниками, и каково же было его удивление, когда вскоре по левую сторону дорожки он увидел три двери. Три обыкновенных одностворчатых двери, обитых чем-то вроде чёрной кожи. На

каждой – по табличке: «Ад». Соответственно на каждой же под этим словом стояло обозначение: «Для христиан», «Для евреев», «Для мусульман». И на всех трёх табличках петитом – примечание: «Безбожникам вход воспрещён».

Сеньор Карло изумился обыденности увиденного. Как старый театрал и мастер острого гротеска, он представлял себе живописный ад с кострами, котлами, с вертелами, на которых нанизаны грешники, с чертями разных мастей и разной значимости, с величественным тронном Сатаны, с запахом гари и серы. Двери его разочаровали, но и успокоили: выглядели они куда безобиднее, чем воображаемые им Врата ада, куда он, по всем соображениям, неминуемо должен был попасть. Не ожидая иного, он, готовясь к худшему, подошёл к двери с табличкой «Для христиан» и учтиво поскрёб чёрную обивку. Приоткрылось окошко, и кто-то гнусаво, сквозь зевоту, сказал: «Ничем не могу помочь. В распределитель идите, в распределитель!».

Сеньор Карло пожал плечами и пошёл дальше. Наискосок от адских дверей обнаружил другие, двустворчатые, выкрашенные блестящей белой краской. Табличка на двери гласила: «Чистилище. Срок очистки отметить в распределителе». Около двери толклись двое дюжих молодцев в белых до пят сорочках и синих рабочих фартуках, как у дворников. С ручной тележки они выгружали бумажные коробки, на которых на старой латыни выведено было: «Моющие средства. Против пятен на совести любого происхождения».

«На широкую ногу поставлено!» – подумал сеньор Карло и пошёл дальше.

Облачная дорожка упёрлась в столик, за которым сидел старичок в коричневой ряске. На крупном носу у него торчали круглые очки в железной оправе, завязанные за ушами тряпицами. Он бойко щёлкал на конторских счетах и длинным белым пером что-то записывал на пухлом облаке, которое повисло перед ним на уровне глаз. Старичок походил на усталого бродячего монаха.

– Прямо беда! – сказал он. – Беда, да и только!

Сеньору Карло стало жаль старичка, потому что вид у того был весьма удручённый, и он участливо спросил:

– Могу я чем-нибудь быть вам полезен, монсеньор? – на всякий случай сеньор Карло решил ему польстить и наделил епископским званием.

– Помочь? – воззрился старичок на сеньора Карло поверх очков. – Вы? Мне? Очень великодушно! А где вы до сих пор околачивались, позвольте спросить? И почему вы явились не с нужной стороны? У вас что, глаз нет? Стрелки «К распределителю» видели? Ну ладно, дисциплина у нас – это не поверишь! Как вас там, по фамилии то есть?

– Я Карло Гольдони, родом из Италии, а сейчас – только что из Парижа.

– Ну, поехал! Очень мне нужно, что из Парижа. Ка... Кай... Кар... Так! Бо... Ву... Го... Есть. Карло Гоцци.

– Что? – вскипел дон Карло. – Гоцци? Вы сказали Гоцци? Да что за наваждение. Мадонна миа. И тут мне от него не отделаться! Гоцци, как же, держи карман! Чтоб Гоцци представился раньше меня! Нет, это вы Гоцци не знаете! Он меня из моего города выжил, из страны выжил, из самой жизни выжил. Этот всегда умел устраиваться! Нет, Гоцци вы, наверное, не скоро увидите.

– Тише, тише, – стукнул старичок сухим кулачком по своему облаку, – не скоро! Много вы знаете. Вот у меня всё уже на него оформлено. Подумаешь, какая ошибка, значит, ещё не его очередь. Менее чем лет через пятнадцать тут же и будет. Значит, вы не Гоцци? Так бы сразу и сказали. Как вы говорите? Карло Го... Гоб... Гог... Голь... Так! Есть! Гольдони. Отлично. Пойдёте в рай. Значит, я отмечаю: весна, 1793-й год, один. Наконец! Я знал, что год предстоит урожайный, один Париж в этом году весь наш план перекроет. Но это ещё когда будет. Гильотину пока только ремонтируют – поработала, дай Бог! – и старичок щёлкнул на счётах и отметил единицу на пухлом облаке.

– Ой, сеньор, что вы! – изумился дон Карло. – Чтобы меня, и вдруг в рай! Я вас уверяю, это чистое недоразумение. Я мало того, что всю жизнь писал комедии, но и сам был изрядным грешником и всякие интриги придумывал, как никто другой, и с комедиантками баловался. Ну, и к тому же я уже давно настроился на ад и даже иначе себе не мыслил пребывание в загробном мире. Я, знаете, старый человек, и мне трудно терпеть такие скачки в своих планах!

– Пойдешь в рай, и никаких! Наказание с вами! Ну, чего вам в рай не охота? Мы туда господина Вольтера перевели, понимаете? Атеиста, безбожника, можете себе представить? У нас недавно Нерон в

рай переселился. Язычник, душегуб, сколько добрых христиан извёл, можете себе представить?

– Не могу! Почему такое смещение? Никогда бы не подумал! Нет, не хочу я с Нероном, и вообще тут что-то не то. Не нравится мне ни ваш тон, ни ваш этот разношерстный рай. Я, знаете, старый интриган. Я сразу чувствую, где что не так – не пойду я в ваш рай!

– Нет, пойдёшь! – опять стукнул кулачком по облаку старичок. – Пойдёшь, никуда не денешься.

Тут откуда-то послышался звон, и старичок снял с облака над левым плечом диковинную длинную штуку, которая висела на толстом длинном же шнуре, и поднёс её одним концом к уху, другим ко рту.

– Аллэ, аллэ, райские врата слушают. Да, я, Пётр. Ну, что ещё?

– ...

– Ну, пришёл, тут он. Да, слонялся около Ада. Все они там слоняются.

– ...

– А что я сделаю? Стрелки бледные, их никто не видит. Я же говорю, надо мегафон. На таком деле экономите!

– ...

– Да, не хочет. Да, и этот тоже. Уж ладно вам, агитация, воспитательная работа! Что я, плясать перед ним буду! Всё! Мне некогда. Меня человек ждет.

– Во, видал? – обернулся старичок к дону Карло. – А ты в рай не хочешь! У нас же комфорт, воздух кондиционированный, телефон, на днях телевизор будет! А в Аду что? До сих пор в кочегарке через трубу орут: «Поддай жару!». Серость!

– Сеньор, всё, что вы сейчас сказали, для меня непостижимо. Слова вы произносите необычные и совсем для меня непонятные.

– А, ну да, я забыл, – сказал старичок. Вы из 18-го? Да. На Земле всё это лет этак через двести войдет в обычай, не раньше. Но мы новинки у себя вперёд пускаем. Пробуем. Для рекламы.

Дон Карло заметно оживился. Реклама – это было по его части. Он сам не раз широко прибежал к рекламе. Но – реклама здесь?

– Сеньор Пьетро, зачем вам реклама? Рай – предприятие солидное. Многие всю жизнь не улыбнутся лишний раз, лишь бы к вам попасть, а вы говорите – реклама!

Старичок крякнул, съехал с высокого облачка, на котором сидел, подошёл к дону Карло и, глядя на него снизу вверх, высоко задрав острую бородёнку, сказал:

– Послушайте, дон Карло, давайте говорить начистоту. Мы с вами оба старики, чего друг перед другом ломаться. Я вам сейчас всё объясню.

Дон Карло приготовился слушать со вкусом и вытащил из кармана своего камзола табакерку. Старичок нетерпеливо заёрзал и, окончательно перейдя «на ты», попросил:

– Слушай, у тебя есть нюхнуть? Пошли за то облако! Я тут, понимаешь, пристрастился. Многие с этой штукой приходят. Знаешь – родственники: давайте, мол, любимую табакерку покойного в камзол ему положим. По правде сказать, язычество ведь никогда на земле не выводилось. Так что многие приходят с разными сувенирами, с табакерками тоже, и угощают. Да! Ну, будем здоровы...

Он глубоко в ноздрю затолкал щепотку табаку и с наслаждением, басом, чихнул.

– Вот, теперь слушай. Понимаешь, – доверительно зашептал он, – у нас – просто катастрофа. В раю одни старушки. Ну, пап сколько-то, ну, епископов, кардиналов даже маловато – очень мы раньше разборчиво принимали. Если кого отравил – сразу отсев.

А между тем, к нам поставили машину. Считает, понимаешь, на полтыщи лет вперёд, что и как будет! Кибернетика! Вот и вышло, что лет через двести, без малого, народишко на земле расплодится до невозможности и умом чрезмерно блудлив станет. И, представь, в небеса пойдёт на ракетах. Спутники ещё будут вокруг земли вертеться. Ну, это я тебе объяснять не стану, поживёшь, кино помотришь, вообще многое узнаешь! Да, так, значит, на ракетах. Про Илью Пророка слышал? На колеснице огненной вознёсся. Вот подобное что-то и будет. Словом, до рая если доберутся, а в раю одни старушки на солнышке дремлют – это же полная дискредитация. Никакого уважения к религии и ко Всевышнему после этого от народишка не дождёшься.

И устроили мы ассамблею. Закрытую. Решили, чтобы в рай – знаменитых побольше. Ну, там, актёров, писателей, убийц поизвестнее, полководцев – словом, кто нашумел погромче. Для весомости. Даже атеистов теперь пускаем. Пожалуйста! У нас полная свобода.

А в Аду что? Живут по старинке: «Для мусульман», «Для христиан», «Атеистам воспрещается!» Тьфу!

– Ну и как? – спросил дон Карло. – Аншлаг?

– Как же! Реклама нас заела, чего только не заводим! А не идут! Скучно, говорят, у вас. И ни в какую! Ну, вот тебя, к примеру, взять. Ну что тебе надо? Сейчас ведь и у нас времена другие. Тоже народ покультурнее стал, поговорить есть с кем, и – можно. Кино показываем. Про будущее.

Ну, не артачься ты, я уже охрип, не могу я больше тебя агитировать. Старый ведь я. Устал. И план ты мне срываешь, вот что. В Париже головы рубить конвейером ещё когда станут, а уже первый квартал на исходе. А то пойдем, а? Вчера к нам Лукрецию Борджиа перевели из ада. Отравительницу. Знаешь, которая с братьями и с отцом... Так такая, я тебе скажу, красавица! Ну, пойдёшь?

– Лады, – сказал дон Карло, – пойду. В конце концов, на Земле, на первый взгляд, тоже не так уж много занятого. А присмотришься – ничего, сносно. И ещё как посмеёшься!

Всю жизнь дон Карло писал смешные и вовсе небезобидные фарсы, но человеком был добрым, и в финале всегда побеждала добродетель, и теперь ему жаль стало старичка и он решил его уважить...

ЗНАКОМСТВО

Первые полста лет он безропотно терпел райские порядки и ко всему приглядывался. Жизнь была, в общем, ничего. Не скучнее, не веселее, чем на земле. У него появились друзья. Он приволокнулся за прелестной сеньорой Лукрецией и увидел, что слава о ней намного преувеличила меру её прегрешений, она была совершенно равнодушна ко всяким ухаживаниям, но будучи чрезвычайно умной особой, предпочитала беседовать не с женщинами, а с мужчинами, и когда дон Карло с ней подружился, она рассказала, что отец и братья постоянно с ней советовались во всех делах, почему она и была заподозрена в прелюбодеянии с ними.

Дон Карло сперва усомнился в этой её версии, но потом полностью поверил. После одного довольно тривиального случая, который вызвал немало толков в поднебесье. А было так, что по поручению райского клуба любителей изящных искусств дон Лукреция пошла

на приём к самому Саваофу – заметим, без всякой предварительной записи! – и он принял её в неприёмный день, и без возражений разрешил использовать на занятиях кружка скульптуры обнажённую натуру. Любители искусства были в восторге, но на следующий же день по всему раю только и было шепотков про то, как некая бесстыжая особа покусилась на Самого, точно так, как некогда поступила с наместником Господа на Земле, папою Александром VI, и про то, что тот, кто выше папы, возможно, ... Вот такое вольнодумство завелось в ту пору в раю в результате чрезмерного либерализма.

* * *

Несколько раз дон Карло беседовал с Нероном. Но тот оказался на редкость бестолковым и недалёким, и все разговоры начинал и кончал примерно так:

– Слушай, ты Рим видел? Я его дотла сжёг! Не знаю, отстроят его когда-нибудь!..

Дон Карло твердил: «Да отстроили, давно отстроили». А Нерон – своё: «Дотла сжёг, понимаешь, до самого дотла! вот это размах!».

* * *

Господин кардинал Ришелье любил беседовать с доном Карло. Он держал его за пуговицу камзола и на изящном вычурном французском справлялся:

– Так мы-то, собственно, с вами коллеги? Глупость и случай – вот что правит человечеством. Согласны?

Сеньор Гольдони, между тем, свято верил в судьбу и не вовсе с кардиналом соглашался.

– А как же предопределение? – спрашивал.

– Ну, друг мой, какое ещё предопределение, когда я, правитель, разыгрываю всю жизнь шахматную партию с этим самым предопределением. И – маг ему. Постоянно. Попробуй меня переиграть...

Со временем дон Карло привык ко всему, что на свежий глаз казалось ему необыкновенным. Так, сперва он находил очень занятным, что русский царь Иван по прозвищу Грозный, высокий, сухонький, желтолицый, с длинными вислокоченными кудрями, опираясь на нелепый остроносый посох, прогуливался с громадным, круглолицым, с пушистыми усами другим русским царем и укорял его за ротозейство:

– При мне бы бомбистов на кол сажали, так не много бы их развелось. А то ведь по первости даже пострадавшие жалобились. Я имею ввиду батюшку твоего, тоже Александром кликали. Который до бабстрах охоч был, ну двоежёнец который.

– Знаете, коллега, вы бы помалкивали. У вас жён было то ли шесть, то ли семь, помнится. А что слабоволен был папенька – суцая правда. Известное дело, ума много – толку мало. «Горе от ума». Народишко распустил, а холопам покажи палец – руку оттяпают. То ли им у помещиков плохо жилось. И сыт и пьян, и нос в табаке. Так нет, долой царя – и не меньше!

Со временем и телефон, и кино, и кондиционер – всё стало для дона Карло настолько будничным, что он заскучал. Как-то господин Вольтер пригласил его заглянуть в ад и навестить там кое-кого из друзей, но он с ним не пошёл – и там, наверное, всё также. Словом, сеньор Гольдони пребывал в апатии, и загробная жизнь стала ему не мила...

Но вот однажды, когда дон Карло отправился на прогулку в малоизвестную часть райских кушей и свернул за большое сизое облако, он вдруг наткнулся на... Карло Гоцци.

– Дон Карло, – вскричал он, – какими судьбами, давно ли? Друг вы мой, да как же я рад! – и бросился его обнимать.

– Простите, сударь, – высокомерно посторонился желчный сеньор Гоцци. – Не вижу причин для столь бурного восторга. Оба мы попали сюда совсем не по своей воле. Чему, собственно, вы радуетесь, встретившись здесь именно со мною! Помнится, мы с вами в друзьях не состояли никогда. Притом, я уже лет сто как пребываю здесь, и слава богу, что случай нас не свёл раньше.

Дон Карло сник, но потом ухмыльнулся – а ну его! – и в последующие двадцать лет, встречаясь с сеньором Гоцци, делал вид, что его не замечает.

ДРУЖБА

Однажды во время прогулки сеньор Гоцци налетел на дону Карло нос в нос и сказал:

– Дон Карло, а не осталось ли у вас табаку?

– Самая чуточка осталась, так, запах один, хотите? – сказал Гольдони и протянул свою табакерку.

– Спасибо, дон Карло, – сказал Гоцци и, понюхав табакерку, чихнул.

– Будьте здоровы, дон Карло! – пожелал Гольдони.

– Послушайте, ну отменнейшая же ситуация, – расхохотался Гоцци. – Представляете: рай, пустая табакерка, спасибо, дон Карло, будьте здоровы, дон Карло, – это мы-то с вами, каково?

* * *

С тех пор они очень подружились и везде бывали вместе. Спорили постоянно, по малейшему поводу.

– Вы жалкий реалист, морализатор! – кричал Гоцци.

– А вы – злой шут, вам бы ваши жестокие безделки в цирке показывать. Для обезьян! – парировал Гольдони.

Однажды, оба заядлые шахматисты, поспорили об исходе одной партии в шахматы, которую когда-то не доиграли ещё при земной жизни и чисто по-итальянски расшумелись на всё небо: стояли посреди божьего рая и размахивали руками, как мельницы, и божились, и «пер бакко!» и «мадонна миа!» взметались под облаками.

Наконец, сеньор Гоцци не выдержал, крикнул: «Вы мужлан!» и в последующие десять лет они не разговаривали.

Но потом обоим стало скучно, и однажды сеньор Гоцци подошёл к сеньору Гольдони и сказал:

– Знаете что, дон Карло, давайте разыграем эту чертову партию, и всё. Иначе мы не переубедим друг друга.

Шахматы по недоразумению вошли в список азартных игр и в раю были запрещены, так что Гольдони лишь горько ухмыльнулся:

– Разыграем! Ха! Чем разыграем?

Сеньор Гоцци немного подумал, потом с присущей ему комедиантской бесцеремонностью ухватился за первую пуговицу камзола и оторвал её.

– Что вы делаете, сеньор Гоцци! – встрепенулся Гольдони. – Мало того, что одежда на вас весьма странная и что вы вообще без парика, а ещё попробуй тут найти иголку с ниткой. Так и будете до самого Страшного Суда ходить неряхой!

Сеньор Гоцци одну за другой поотрывал все пуговицы на своём камзоле, потом ухватился за пуговицы донна Карло.

– Да вы что, сеньор Гоцци, вы что, не в себе?

– В себе, в себе, – ухмыльнулся Гоцци, – у меня пуговицы агатовые, а у вас с перламутром. Ясно? Ну на что вам здесь пуговицы, модник вы этакий? Притом, что мода ваша уже из прошедшего века. Видите: на мне синий фрак и сапоги с отворотами, а на вас что? Шёлковые чулки и башмаки с пряжками. Тоже мне – модник. И вообще, на земле, может, уже давно в каких-нибудь хитонах ходят, а может, в леопардовых шкурах через плечо, почем вы знаете? А вы всё держитесь за вашу отсталую парижскую моду догильотинной поры! Видели последних новоприбывших? Они вообще в каких-то серых стеганых лохмотьях, а один – в длинной до пят хламиде, ну тот, с чёрными выпученными глазами и с острой бородкой, из совсем другой поры.

– Так ведь пуговиц всё равно не хватит, – взмолился Гольдони.

Гоцци был шахматист-фанатик, спорить с ним – пустое занятие, и дон Карло оторвал все свои пуговицы, кроме как на штанах, и они с сеньором Гоцци разыграли на пуговицах отличную партию в шахматы в одном райском закоулке. Выиграл, конечно, более удачливый и слегка жуликоватый Гоцци, и пару десятков лет они дулись друг на друга.

РАЙСКИЕ БУДНИ И МАЛЕНЬКИЕ ИЗМЕНЕНИЯ

И так, первые сто лет наш Дон Карло прожил довольно сносно, на второй сотне заскучал и где-то в 1980-м году вовсе приуныл. Сеньор Гоцци не тужил, он часто нырял в ад, откуда таскал зажигалки-пистолеты, игральные карты, а однажды приволок карманный журнал-стриптиз, чем поверг сеньора Карло в полное оцепенение.

В раю тем временем проходили маленькие изменения, каждое в отдельности малозаметное, но в общем, всё вместе давно перетрясло основы райского климата.

Началось с того, что вскоре после сеньора Гольдони в рай явился господин Робеспьер с головой подмышкой. Праведники оторопели. Царубийц в рай не пускали даже тогда, когда доступ в него получили вольнодумцы. Но потом ничего, привыкли...

Господин Робеспьер приладил голову, отошёл от своих потрясений и, встретив на каком-то собрании прибывшего совсем незадолго до него самого короля Людовика XVI, тоже с наспех прилаженной головой, погрозил ему кулаком и пообещал установить в раю «естественный порядок». Впрочем, через сотню лет они поладили, и нередко их можно было увидеть в дружной беседе. Иногда они согласны кивали друг другу, и головы у них съезжали с плеч, но они привычным жестом их подправляли и вновь мирно беседовали.

Потом в раю появилось несколько декабристов. Эти дону Карло очень понравились. Культурные, воспитанные люди. Настоящие аристократы. С господином же Робеспьером они спорили подолгу и расходились вничью, и все вместе одним фронтом до хрипоты оспаривали лозунги террориста Каракозова, который покушался на царя Александра Второго. Каракозов почему-то в рай допущен не был – вряд ли будучи менее известен, чем Робеспьер, – и потому возразить не мог, а вот миролюбивый Александр Второй вмешивался в их спор, пытаясь всех помирить.

– Ну, господа, позвольте, ведь вы же сами считали, что монархию надобно упразднить. Вы сами чуть не жребий кидали, кому истребить царскую семью. Просто случай отвёл ваши руки от Божьих Помазанников. А вот господин Каховский выстрелил же в Милорадовича. А какой милый человек был генерал, и герой. А мог ведь пальнуть и в Николая Павловича, батюшку моего, разве не так?

Декабристы чуть поджимали губы. Убить царя! Чего не скажешь в запале. Что армеец Каховский стрельнул в Милорадовича и мог, вполне мог убить царя – дело его совести. Ведь он-то не танцевал на детских балах при дворе, не был вхож во дворец, где все друг другу в каком-то колене родня, с него чего взять? Не подали же они ему руки там, на кронверке, у подножия виселицы. Так что о Каракозове и прочих бомбистах лучше спор не вести. И – возмущенно:

– Вы бы ещё, Александр Николаевич, приравняли нас к этому Долгополуму, что с бородкой. Этот миллионы россиян истребил, до таких зверств и Нерон не додумался бы...

Иногда, услышав про убийства, к ним подходил и Нерон. И, поднеся к глазу смарагдовый монокль – конечно же, с ним вместе на жертвенном костре и сожгли (только смарагд, конечно, не сторел и неведомо как нашёл своего хозяина), – Нерон возмущался: «Вы меня

с Долгополым не равняйте. Я пленникам и христианам давал шанс выжить. Они погибали в честном бою между собой или со львами на арене цирка. А этот – слышал я, слышал, – этот загонял смертников тысячами в подвалы, холуи догола их раздевали – и к стенке лицом, и огненный удар в затылок, а потом – на тележку, голыми, как скот с бойни увозили. И зарывали в яму, как падаль. Нет, с этим бородастым меня не равняйте!».

Лет за полста до этого, а, вернее, чуть более, появился в раю не большенький, лысоватый, скуластый человечешко. Никогда с головы не снимал потешную шапочку – и сам называл её «пролетарская кепочка». Он подолгу и тайно совещался в заоблачных закутках то с Долгополым, то с недавно прибывшим, ну, может, лет 30 тому, коренастым, усадым, плоскостопым.

Насчёт этих двух у райской администрации с адской вышли большие споры. Особенно по поводу Усады, поскольку даже мелкие чертенята были наслышаны, что у того на одной ноге раздвоенное копыто, и, стало быть, он бесспорно их роду-племени. А насчёт того, что в кепочке, шум стоял на всю небесную твердь:

– Вы что, не помните, он же сказал: «Чем больше расстреляете священников, тем лучше, попы, мол, все враги», – убеждали адские. – Он же церкви повелел грабить, что, забыли? И вы его – в рай. Для рекламы. Подумаешь, людишки железки свои запустили – вокруг земли вертятся. Ах, ах, скажут, мол, рай никому не нужен, народу мало, вера ослабнет. Им этих железяк ещё пускать да пускать – не скоро до небесной тверди доберутся. А и доберутся – что поймут? У них что – только зеньки лупоглазые во лбу, а где «истинный взор души»? – возмущались адские. – Вы же сами, райские, когда их изгнали, отняли у них «истинный взор души». А теперь забоялись. Нет, в кепочке – это наш, и с копытом – тоже. По-хорошему отдайте!

Райские долго совещались и все-таки не отдали. Который в кепочке и который с копытом, да под райской сенью – это ли не доказательство для земных вольнодумцев, что и в небесах эра либерализма! Но заменили всё же. Правда, много, много позже... На Джека-Потрошителя, который вообще по ошибке как-то затесался в сонме им же порешённых жертв, – тоже для ада неплохая реклама, имя громкое. Но адские ещё потребовали в придачу кого-нибудь поаристократичнее, что, мол, им достаётся одна мелкота. И пришлось уступить

огромного, тучного, гривастого графа, великого мастера морских побед – на его счету грешков водилось немало, но самый на шумевший во время оно – умыкновение некоей лжекняжны по приказу великой императрицы, доброй приятельницы господина Вольтера, поскольку лжекняжна, якобы, посягала на престол. Но просвещённая императрица только пожимала пышными плечами: чего только ей не приписывают. Все добро, ею содеянное, меркнет перед низкой смертью этой авантюрьеры, Прусакова, Комарова, Тараканова или как её, бишь, именовали. . .

Императрице никто не возражал, в раю она пользовалась непрекаемым авторитетом, а князя, не упорствуя, отправили в ад.

Вот такие изменения происходили постепенно под сенью Божьего рая. И, конечно, не могло это пройти беспоследственно.

Однажды на облаке перед самым чертогом Саваофа чья-то дерзкая рука начертала во всю небесную ширь: «Долой опиум религии, смерть попам и королям!».

В раю поднялся переполох. Святой Дух долго летал вдоль этой взрывчатой надписи и крылами сметал с облаков непотребные слова. По этому поводу Саваоф созвал ассамблею.

СПОРЫ И ПОРУЧЕНИЯ

Самого Саваофа дон Карло Гольдони ещё не видел. Все небесные мероприятия и ассамблеи проводил хорошо знакомый ему небесный ключник. Дон Карло ожидал, что откуда-то из лучезарных вершин возникнет некая необъятная, грозная сущность, подобная буре или землетрясению. И каково же он изумился, когда на простенькой облачной трибуне увидел небольшого, лысоватого, круглоголового и как бы со всех сторон обтекаемого и даже расплывчатого Господа Бога без всякой бороды, в которую свято верил весь православный и католический мир десятками столетий, но зато с сияющим нимбом. Глубоко посаженные пронзительно-черные зрачки смотрели пронзительно, тонкие губы улыбались, но от этого лик Господний не светлел, а казался не только всевидящим, но всё замечающим и вряд ли что прощающим. . .

Когда райские жители уселись на округлые, опять же облачные стульчики, Саваоф оглядел всех и сказал негромко приятным баритоном: «Не

все собрались. С такой дисциплиной и точностью, не понимаю, как на земле хоть до колеса додумались!».

В эту минуту, чуть приседая от смущения, как раз появились дон Карло и друг его Гоцци, который как на грех в этот день побывал в аду и теперь чуть не пенился от еле вмещаемых впечатлений – излить их он не успел, потому что собрание уже началось.

– Ну, вот и опять вы, сеньоры, – сказал Саваоф, – я уж давно слышан о вашей противоестественной дружбе, которая и здесь, как и на земле, ни к чему доброму не привела и не приведёт. Там вы враждовали не в меру, а тут чрезмерно дружите.

– Они свободны в своих чувствах и отношениях. Свобода личности – основа любого общества! – веско отпарировал сидевший в дальнем ряду господин Вольтер.

– Свобода личности! – где-то у самой двери фыркнул Усатый с копытом. – Пресловутая личность сперва переколотит зеркала, потом станет рубить головы и пожрёт ближайших соседей, это я вам по опыту говорю. И только тогда эта свободная личность почувствует себя уютно, а свобода подтверждается без труда, – усмехнулся Усатый и показал увесистый кулак.

– Тише вы, ретроград, – загремел всем знакомый бас некогда очень почитаемого писателя, – когда я моего «Альбатроса» писал, уж никак не вас представлял вольнопарящим в поднебесье. Думаете, я не знаю, кто ко мне руку приложил? Так вот, моя личность хоть сейчас может, наконец, высказать, чего вы стоите, рябой карлик! Возомнили себя распорядителем жизней? Это вы-то – альбатрос? Туда, туда, за чёрные двери – там вам место. И отчего, по какой ошибке, дружок ваш своим пенсне поплёскивает в недрах адского котла, а вы – в облаках? Прав был поэт: «Нет правды на земле, но правды нет и выше!».

Бас гудел и гудел, пока Саваоф не хлопнул в ладоши: «На земле спорить надо было. Вы, господин писатель, помните, всё больше на острове, на берегу моря проживали. Тише воды, ниже травы. И почести принимали – не отказывались. Помолчали бы. . .».

И тут, откуда ни возьмись, из всех уголков послышались голоса. Сонм голосов, мужских, женских, детских. «Убийца. Изверг. Где мой отец? За что мужа моего погубил? Зачем детей в арестантский детдом отдал? – вопрошал хор униженных и оскорблённых. – Не в земле тебя хоронить надо было, а мумией оставить, вроде этого, что в

кепочке. Это он всему начало. Да сгниёт в своей стеклянной клетке, неужели перевелись смельчаки – никто увесистый кирпич в неё не кинет?»

Атмосфера накалялась. Вьюнок в кепочке быстренько заменил её на белобрысый кудрявый паричок – ловко, как фокусник, вытащил его из-под полы напрочь поношенного пальтишка. А Усатый сник, но всё же бубнить не переставал.

– Какая профанация лучших идей, порожденных человечеством! – прогремел господин Робеспьер, вскочив и придерживая голову, чтобы от резкого движения она не отвалилась. – Ответ тебе, чудовище, – гильотина! – ткнул он обличающим перстом в сторону Усатого ретрограда, и все обернулись и осудительно оглядели старого невысокого рябого человека. Тот смутился и даже примирительно закивал – после такой перепалки его вполне могли выдворить за чёрные двери. И всё же не унимался:

– Да ну что вы, в самом деле, как взбесились! Я в назидание потомкам говорю, а вы хамите. Вы, там, с отрубленной головой, вы же вашей королеве головку рубанули-успели и не дрогнули, а я – чудовище? Вы ещё увидите, что натворят эти самые свободные личности. К тому, к тому всё идет, уж я знаю...

Тут Саваоф поднялся и простёр длань над сидящими под ним небожителями.

– О, чады мои, успокойтесь, право! Нет в вас уважения к председателю собрания, к авторитету, наконец, к возрасту. Я вам радостную весть сообщить хотел. А теперь не могу, расстроился! – и сел, пригрюбившись.

Помолчав немного, позвал: «Цып, цып, цып», – и откуда-то с высот спустился Святой Дух в виде белого откормленного голубя и закружил над нимбом Всевышнего.

– Душно мне! – сказал тот голубю. – Не началась бы астма!

И Святой Дух попорхал у самого его лица и изо всех сил замахал крыльями, как всеером, и всем было видно, что голубь старый и грузный и летать ему нелегко.

Саваоф отдышался, вытащил из складок своего одеяния горсточку пшена и бросил голубю. Тот поклевал и скрылся.

– Так вот, чады мои, – негромко, усталым голосом сказал председатель собрания. – Я решил всё вам высказать начистоту. Живём мы

нехорошо. Нет у нас ни покоя, ни согласия, ни взаимопонимания, некоторые говорят, что от скуки. Не знаю. Я уже давно перестал понимать, что творится с созданным мною человечеством. Я его выдумал, а оно начало выкидывать непристойности! Мне не хватает информации. Пресса – фикция. Думаете, то, что вы видите в нашем райском кино или по телевизору на большом райском облаке, это правда? Чтобы справиться с таким неуправляемым человечеством, нужна прежде всего информация. Из живых рук, так сказать. Чтобы жизнь – без прикрас. Я могу послать на землю мор, но что толку. Там затеяли такую войну, что после этого, казалось, львы и лани будут пить из одного источника и люди побратаются между собой – они же закоснели в злодеяниях настолько, что не только Ада не боятся, но сами в него просятся. Им там привычнее. А попав в Рай, сеют в нём распри. Мне нужен осведомитель. Я хочу знать, наконец, кого принимаю на собственных небесах. Кто пойдёт на побывку к землянам?

Желающих не было.

– Повторяю, – сжал тонкие губы Саваоф. – На побывку к землянам. Ненадолго. На какие-нибудь полвека – пустяк же! Впрочем, похоже, за последние сто лет время значительно спрессовалось. Так что полувекковые события вполне могут уложиться в полгода. Ну, это уж как вы сами справитесь.

Гольдони и Гоцци переглянулись. Что-то в таком предложении было заманчиво.

– Эй, вы там, комедианты, – может, рискнете?

– А чего мы-то? – всполошился Гольдони и тут же спохватился. – А что надо делать? – ему понравилась эта идея и он заопасался, как бы Всевышний не передумал.

Всевышний высокомерно пожевал губами – такие пустяки развязывать...

– Ну что делать? Придумать надо такие ситуации, чтобы человек с себя скинул хорошие манеры, приличия, привычки и оголился до самого нутра. Чтобы видно стало, какой он на самом деле. Словом, прижать покрепче.

– Интрига? Хорошая, путаная интрига, ну, скажем, с невеселым концом, а? – предложил Гольдони. – Вы же мастер на дурные финалы, а, Гоцци?

– Экстремальная ситуация, понимаете? Вот что требуется, – объяснял Саваоф, – а конец может быть любой, какая разница? Ну, попадут ваши подопечные сюда, уж хуже ничего не будет. Места всем хватит. Вот после войны толпы, толпы ведь шли и ничего – разместились, и все, в общем, сравнительно ладят друг с другом. Хотя там – один другого убивали. Но это, впрочем, не по их вине. Один из главных зачинщиков загорает за чёрными дверями. Другой, правда, с нами! – покосился он на Усатого. – Но это до очередного обмена. И вы там, в паричке, – это и вас касается. Вот подвернётся случай из-за чёрных дверей вызволить порядочного человека, тоже ведь по недоразумению попадают туда – не счесть. Да, так что я говорю. В общем, ограничения никакого, народишко прижать можно до отказа. Ситуации сами придумаете. Если нужны спецэффекты – обеспечим. Ну, там, радуги, затмения, землетрясения или ещё что. Словом, придумывайте, потрясите стариной...

– Я тоже хочу на побывку! – ревниво вскипел Гоцци. – Вы опять, сеньор Гольдони, за старое взялись, да? Опять дорогу перебегаете?

– Оба пойдёте, – опустил веки Саваоф. – Выдумывайте ваши спектакли, резвитесь. Я сказал, поддержка свыше вам обеспечена, так что возможности у вас неограниченные.

Ассамблея закончилась. Гольдони и Гоцци уединились за привычным облаком.

– Значит, так! Идём вместе. Каждый «болеет» за свою команду. Та же шахматная партия... – с горящим взором прошептал Гоцци.

– Только фигуры – это земляне? Ой, не могу, вы из роли не выходите никогда, – хохотнул Гольдони, – идёт. Держитесь же, дон Карло. Игру затеем нешуточную.

– Нет, это вы держитесь, дон Карло! – пригрозил уже совсем по земному Гоцци, – я вас всегда обставлял и сейчас обставлю! Веселее, веселее надо, морализатор вы этакий. И что сейчас в нашей Италии происходит? А в Париже? Вы куда думаете податься?

– Куда и вы. Посмотрим, чья возьмёт. Вот вы всю жизнь пытались вдолбить людям, что весёлое плутовство ничуть не предсудительнее скучного добра. И чем человек свободнее от морали, тем веселее ему и всем окружающим. Этих вот двух безголовых послушать – короля да палача, не много же они выиграли от безграничной свободы...

– Вы, сеньор Гольдони, всем добродетельным выдавали по мешку страданий и – в награду по горсточке радости. Но – что спорить. Пойдём да поглядим. Многому ли люди научились...

Тут, с некоторой робостью, к ним подошёл невысокий, неброской внешности мужчина в строгом тёмном костюме. Они его давно приметили – добродушное холёное лицо, детски-голубые глаза и приятные ямочки на щеках, когда он улыбался, располагали к общению. В небесных кулуарах поговаривали, что он – большой учёный, пострадал, защищая науку от мракобесия, и умер как праведник. Некоторые даже намекали, что в день его похорон наблюдались знамения – за полдня чередой сменили друг друга все времена года от весеннего цветения до листопада и вплоть до заморозков. Лучше всего он ладил с Вольтером, и нередко в их беседах слышны были такие словесные построения:

– Вы, господин Вольтер, говорите об абстрактной свободе, а от неё до губительной анархии – один шаг. Спросите Людовика Капета – не зря он головы лишился. Я же говорю о свободе целенаправленной.

– А я, господин учёный, о свободе вообще. Понимаете, о свободе от условностей, лицемерия света, непосильного труда, чинопочитания...

– Понимаю, господин Вольтер, вы говорите о свободе *от*. А я говорю о свободе *для*. Ну, сработали, предположим, все ваши *от*. А потом? Свободный от всего человек, он же, в сущности, обезьяна. Надо же ему на что-то свободу употребить. Ну, скажем выпренино, для созидания.

– И опять вы всё путаете, – возмущался философ, – всё, что вы говорите, само собой разумеется. Люди вашего времени слишком приземлены и напрочь лишены романтики. От этого все беды так плохо понятой вами свободы. Кстати, добытой морями крови в некоторых отдельно взятых странах. Хотя и у нас во Франции крови было предостаточно, но не столько же, как в иных краях! – и, опираясь на трость с серебряным набалдашником в виде собачьей головы, Вольтер раздражённо мелкими шажками шёл прочь.

Учёный приветливо улыбнулся итальянцам и из верхнего кармана пиджака извлёк визитную карточку, совсем непохожую на те, что были приняты в Италии в пору пребывания там Гольдони и Гоцци, – ни золотого обреза, ни затейливых завитков шрифта.

– Разрешите представиться, господа. Мы хоть визуально и знакомы, но формально друг другу не представлены. Вот, к счастью, когда меня хоронили, жена положила визитку в мой карман. Знаете, причуды оставшихся. Кстати о причудах: в ногах у меня она положила два большущих румяных яблока из нашего любимого сада. Но это так, ни к чему. А вот визитка теперь пришлась кстати. Я хотел посоветовать вам, если позволите, побывать не в Италии. Я попал сюда почти на 200 лет позже вас и смею вас заверить, что после Великой Войны, когда итальянский Дуче оказался в петле – ну знаете, вы его за чёрной дверью встречали, наверное, хотя, в сущности, не вижу, чем он хуже этого смешного человечка в кепочке и с паричком в кармане, помешанного на маскировке и конспирации; или нашего усатого сотоварища, которого Всевышний обещался вскоре обменять на кого-нибудь попримичнее, из тех, кто случайно попали за чёрную дверь. Ну, так вот, после истории с Дуче, поверьте, Италия совсем для настоящей исторической интриги не приспособлена. Интрига переместилась куда как севернее. Есть такая страна. Не знаю, как она сейчас называется. Вот где интрига цвела пышным цветом, по крайней мере, в моё время. Судя по слухам, – вы заметили: опять валом валят пареньки в камуфляже, да вы ведь не знаете, – это защитного цвета пятнистая маскировочная одежда для солдат, – так они мне чего только ни рассказывают. Я так высчитал – там до большого взрыва недалеко. Страна эта парадоксальная. Она – не Азия. Но и не Европа. Что-то вроде Византии. Удар кинжала из-за колонны, яд в кубке. И сплошные улыбки. А если сорвётся с узды, я имею ввиду свободу *от* – вы, наверное, заметили, мы с господином философом часто рассуждаем на эту тему, – тогда уж удержу не будет. На сто лет вперёд моря крови разольются. Вот туда и идите. Вам будет интересно. И, кстати, Всевышнему тоже. Узнать, куда движется придуманное им человечество. И ещё не придётся ли ему подумать, как бы расширить облачную обитель – много, много может явиться неожиданных-негаданных вполне невинных претендентов на место в Раю. Или, на худой конец, можно бы почаще пользоваться Чистилищем. На мой взгляд, оно вообще простаивает. А зря...

– Но страна эта велика, надо же представить, что и где находится, и где можно по первости приземлиться, – озаботились итальянцы.

– О, об этом не беспокойтесь, здесь на визитке обозначены точные данные. И город, и улица. Вы попадёте в дом, где, кстати, сеньор Гольдони, вас глубоко чтити, и вы даже найдёте там своё изображение в бронзе. Конечно, для большой интриги вам потребуется окунуться в гущу событий, то есть отправиться в столицу, но в каждом доме происходят свои маленькие истории, неизбежно отражающие глобальные события. Впрочем, не мне вас учить. Думаю, ваша побывка будет увлекательна. Кстати, расскажите мне, что и как там обернулось после примечательных событий, когда в стране объявлено было торжество свободы. В своё время, когда это слово только шёпотом и произносили, я тоже о свободе мечтал. Вот мне и интересно, совпадают ли идеалы с воплощением. И именно в этой стране.

– Ну да, – хохотнули разом итальянцы, – вот бы ещё у наших двух безголовых спросили и у всех этих аристо, которые наспех прилаживают к туловищу порубленные гильотиной головы, чтобы прилично выглядеть в обществе, как и для кого эта ваша свобода обернулась...

На том и разошлись.

В ГУЩЕ СОБЫТИЙ

Итальянцы решили прислушаться к советам учёного – уж очень он умел внушать доверие. За пару десятков лет ни с кем ни одной размолвки.

Страна оказалась в самом деле большой, ну, не такой, как облачная обитель, – ну, может, с ад с чистилищем, вместе взятыми. Сперва итальянцы чувствовали себя неловко – пуговицы на кафтанах были сорваны лет полтора тому назад для шахматной партии, но потом они уверились, что либо были для окружающих вовсе невидимы, либо на фоне облачённых в бесформенные камуфляжи мужчин их пёстрые кафтаны никого не шокировали.

Сообразуясь с полученными свыше инструкциями, итальянцы загадали очутиться на главной площади страны, и – очутились. А очутившись – остолбенели. Посредине высилось сооружение, хоть и осенённое крестами и сверкающее жарким золотом, но никак не похожее на храм, а, скорее, на свадебный торт, какие мастер был выпекать повар герцога Тосканского, у которого как-то выступали конкурирующие друг с другом труппы обоих комедиографов.

На площади былолюдно и шумно. Но не по-итальянски. Люди злобились друг на друга, размахивая флагами и грозя кулаками в сторону главного дворца. Возгласы слышались странные: «Мы его сами выдумали! Никакой он не вожак, и вообще мышей не ловит!» – оралли одни. «А при Усатом ты тоже такой прыткий был? – возмущались другие. – Давно бы какие-нибудь реки вспять поворачивал!»

Поскольку итальянцы сути событий не понимали, им стало скучно. Они решили проникнуть в главный дворец и оказались в роскошном зале, сверкающем золотом, где в укромном уголке шептались двое: «Убить его – себе дороже! Бородавчатый тут же всё сцапает. А вот если вместо него Щуплеца, притом при его же благословении... Он же доверчивый. Лапоть и лапоть!» – лихорадочно убеждал один. «Не худо, не худо, – соглашался другой, – но надо, чтобы плод созрел. Чтобы Крошку этого, Щуплеца я имею ввиду, толпа сама просила и умоляла – “Спаси, отец родной!”»

– А если не станет?

– Тогда привлечь Главного Астролога. Для чего мы десять лет Астролога на главной дотации держим? И для чего в каждом доме, чуть не в каждой комнате по автоматическому экрану, чтобы даже включать не надо было, когда надо, – сам всё покажет. Так вот, по экрану какие-нибудь ужасы посулить. Все беды, мол, из-за Старика. Одни орут – мало свободы дал, другие – чересчур, мол...

– Вот и будет им свобода. А то, видишь, не потрафили! Сами по своей воле завопят «распни его, распни».

– Лишь бы Крошка не подвел. Не нравится он мне. Глаза у него, у Щуплеца этакого, близко посажены. Скользкий больно. И сумеет ли людей охмурить? А то у него всё вроде «с одной стороны нельзя не сказать, с другой – нельзя не признать». Как в лучшие времена.

– Вот и ладно. Всё новое – хорошо забытое старое. Это как раз всех и подкупит. Явно же соскучились по «светлому прошлому»...

Итальянцы подмигнули друг другу. Здесь, похоже, затевалась большая интрига...

В соседнем зале – амфитеатром – наблюдалось столпотворение. Спор как на итальянском базаре в ярмарочный день. Когда они вошли, кто-то кого-то как раз треснул по уху. Зал гудел: «Мы не имеем права петь как “дубовики”. Мы спутали двери и вошли слева. Кто

виноват, что указателя нет? А раз так, мы обязаны сидеть с “бородавчатыми” и петь с ними хором».

И тут началось несусветное. По обеим сторонам зала «друзья народа» высказывали свои соображения, но не словами, а ариями. Итальянцы просто-таки остолбенели. Кто пел громче, тот, похоже, побеждал в споре. Странно, но, видно, Саваоф сдержал слово и не скупился на спецэффекты. Гоцци и Гольдони хоть этого языка и не знали, но отлично понимали всё, о чём пели «друзья». А пели они о важном сановнике, которого застукали с куртизанками в общественных термах, как раз когда ему положено было судить главных виновных в развале и нищете общества. Некоторые скандировали: «А вы чемодан денег унесли! Чемодан денег унесли!». На этот речитатив другие отвечали речитативом же: «А кто совет пушками разогнал? А кто Хоровую Палату сжёг?».

Те, что вошли не в ту дверь, метались. То с «дубовиками» скандировали про чемодан и сливались в хоре, то с «бородавчатыми» заливались про пушки и поджог палаты.

Итальянцы так ничего и не поняли, но оба решили, что где-то неподалёку должны находиться главные персонажи. У обоих в их замысловатых интригах, злых и весёлых, путаных, но с добрым концом или же, наоборот, с убийственным торжеством порока, всегда имелись скрытые до поры фигуры, которые дёргали верёвочки интриги.

Загадали попасть к такой главной фигуре. Попали. В глубоком кресле, прикрыв глаза, полулежал гигант в свободном домашнем одеянии. Атлетическое сложение, грубоватые, но простодушные черты лица, сверкающие голубоватые седины, всё напоминало вельмож их поры. Вельмож, которых бессовестно обирали управляющие и оклеветывали жуликоватые приживалы. На скамеечке у ног вельможи сидел небольшой гладко причёсанный человечек. Одежда сидела на нём неловко. Видно, чтобы выглядеть солиднее, он носил пиджаки на размер больше – хоть ворот и отставал, но плечи казались шире. Итальянцы догадались: это его те двое, что шептались в укромном уголке соседней залы, называли Крошкой и Щуплецом.

– Боюсь, мне не удастся надолго усмирить такую орду, – задумчиво прошептал он. – Вы, Владыка, слишком много им позволили с самого начала. Поторопились. Не дозрели они до ваших даров.

– В делах свободы «слишком» не бывает, – возразил Старец.

– Вам, с вашим опытом, конечно, виднее. Но я говорю о своих возможностях. Вы назначили меня главным министром. И я могу и даже обязан призвать к порядку хотя бы Хоровую Палату, но добром, добром. Не велеть, а призвать. Однако вы имели неосторожность намекнуть, что назначите меня наследником. И главный лозунг у нас – «свобода». Так что я, как будущий главный правитель, не имею права на них цыкнуть и вообще вмешиваться в их поступки. Их дело – воспевать законы. Моё – утверждать их или не утверждать. А цыкать не имею права. Я же вас первого дискредитирую!

– Ох, и хитромудрый ты человек, оказывается, я и не подозревал, – вздохнул Старец, – ладно, ступай. Сам как-нибудь разберусь. На площадь выйду. С народом поговорю. Неужели забыли, что до меня было? Это они сейчас расшумелись. А когда ты был Начальником Тайной Канцелярии? И тебе в затылок «Бровастый» дышал, и на тебя разве что через лупу смотрел, чтобы тебя заметить, – шумели бы? Да и ты, друг мой преданный, цыкнул бы тогда, или тоже пасьянсы бы раскладывал: к делу это или не к делу?

Итальянцы Старца пожалели. Очевидно было, что он находится на краю гибели вследствие какой-то настолько жестокой интриги, какая им в их времена и в дурном сне бы не привиделась. И значит, пора было подключаться и напомнить Саваофу, что он обещал им любую поддержку, вплоть до землетрясений и затмений. Подкинуть бы Старцу что-нибудь этакое в подмогу. Чтобы смог обуздать крикунов: «Глядите сами! Небо прогневали – пропадёте, если не образумитесь!».

Загадали. Саваоф – высочайшая сущность. Слово держать умеет. И велено им было отправиться на площадь и наблюдать. Однако же, как было не посостязаться?

– Я беру себе Вельможу! – объявил Гольдони.

– А я Щупляка! – усмехнулся Гоцци. – Вот и поглядим, чья возьмёт. А уж потом проведем дом Учёного, что там происходит – тоже не безынтересно.

На том и порешили...»

* * *

Здесь фрагмент рукописи, именуемый «Побывка», прерывается. Отдельной же сколкой к ней приложено что-то вроде дневниковых записей, которые мы и цитируем. Итак:

10 января 2010 г.

...Сегодня день рождения моего ушедшего друга. Но я не поеду на кладбище, снег валит уже неделю. Небо мутное, зеленоватое, враждебное. День за днём чередуются без событий. Сидим, работаем. Только Чика стал неестественно нервным и возбуждённым. Всегда боюсь таких его состояний. При его интуитивности он загодя чувствует малейшие колебания судьбы. Осмысливаю проведённые бок о бок годы. Произошло некое срастание взглядов и убеждений, сгладились шероховатости. Как-то странно стали звучать «зверячьи» смешные клички «Кырка» (Крокодил) и «Зай» (Заяц). Впрочем, их заменили иные. Теперь Чика (постоянно беспечно чирикает, даже если обоим не до смеха, умеет «держат удар») называет меня «Зая». Иногда протестую. Но не очень. В конце концов, ушедший мой друг много лет так меня называл. Пусть будет так.

Но беспокойно, нехорошо на душе. Очередная книга, которую сейчас заканчиваем, не сулит покоя. Особенно сейчас, когда в такой чести у Правителя бывший Начальник Тайной Канцелярии. Сколько ещё поколений должно народиться, чтобы бывшие лидеры, уже успевшие впасть в маразм старцы, привыкли, что минувшие мифы повержены. Моисей 40 лет водил по пустыне свой народ не зря. Чтобы успели забыть о рабстве. Нам до такой поры дожить ли? И ещё эти странные слухи, что ползут по городу. Но страдамус опять у всех на устах. Подумаешь – так от средневековья далеко ли ушли? Иногда кажется, что где-то, весьма высоко, кто-то затеял со всеми нами странную игру в стремлении вновь сломать и перевернуть вверх тормашками едва успокоившееся наше несчастливое поколение.

* * *

...Сегодня проснулась с ощущением – что-то должно произойти. Но до вечера день тянулся как обычно. Бесконечные обговаривания финансовых и прочих дел по телефону – на экране видеотелефона лица всё более лицемерные, хотя улыбками так и сияют. Улыбка стала «орудием производства» – способствует решению деловых вопросов. «Американскую улыбку», вот то немногое, что мы удосужились унаследовать от деловитости западной цивилизации...

Вечером Чика, преодолев прогрессирующую с годами бытовую лень, вышел в магазин за хлебом. Можно, конечно, заказать и по телефону – вот ведь как мы за пару десятилетий привыкли к сервису, раньше кто бы об этом хоть мечтал! – но Чика сам рвался пройтись по воздуху. Приходит: «Около гаражей видел странную парочку. Две дворняжки. Одна трёхлапая. Вроде той, про которую ты рассказывала. А рядом маленькая, чёрненькая, меня увидела, хвостом завиляла. Надо бы им снести какой-никакой корм».

Легла было спать, как обычно, часа в три. И вдруг слышу: у входных дверей собака скулит. Или показалось? Пошла посмотреть – никого.

* * *

...Пишу через несколько дней. Чика меня разбудил весь взъерошенный: «Слушай, там у двери Лямик». Я: «Да он же давно как умер. Они с Тарашкой похоронены около гаражей». Он: «Я тебе говорю – Лямик. Точно как на фотке, что ты показывала». Подошла к двери – никого.

* * *

Прошло ещё несколько дней. Чика вернулся из архива и рассказал: над школой, что напротив дома, повисли на небе три странных багровых шара. Висят неподвижные. Я: «Может, какие-нибудь метеорологические шары?»

К ночи шары ещё висели. Более того, они разгорелись каким-то особым багрянцем, не сияли, не лучились, а просто зависли как три раскалённые глыбы. Как-то жутко стало. Позвонила друзьям, что живут около телевышки. Да, они тоже видят. Что бы это было? Позвонила другим. Они: «А что ты удивляешься? Мы же говорили – у Нострадамуса как раз о трёх багровых светилах и сказано. Это перед концом света. Увидишь, что-то вот-вот случится!». Я разговор свернула. Чушь, конечно!

* * *

Прошла неделя. Светила продолжают висеть на небе. Может, какой-нибудь наш оборонный завод, которыми нашпигован весь город, такой эксперимент проводит? Позвонила друзьям в Москву. Они в

панике. Вот уж который день столица на ушах. Только и слышно про Нострадамуса. И про грядущий конец света, который накликала на всех нас безнравственная политика во главе со стареющим, но всё ещё величественным лидером. «Тьфу на вас!» – сказала я и положила трубку.

* * *

... Уж не знаю, сколько времени прошло, но ночью явственно услышала у двери собачий лай. Заливистый лай покойной нашей Тарашки. Пошла поглядеть. На пороге стояли, прижавшись друг к другу, дрожа от холода, Лямик и Тарашка. Ничего понять не могу и сейчас тоже пишу как под гипнозом. Обе собаки кинулись ко мне, трутся о ноги. Лямик, который скончался чуть не двадцати лет от роду почти слепым и потерявшим «дар речи», не мог лаять, пережив настоящий инсульт, совсем как человек, и Тарашка, у которой от саркомы горла началось мучительное удушье, так что мне пришлось усыпить её хлороформом (в ту пору такой роскоши, как ветеринары для домашних животных, ещё не водилось), – обе они, мои псины, мною в один день усыпленные, потому что Лямик без Тарашки уже не мог ориентироваться, ходил только следом за ней, обе они, мои собачушки, бодрые и очастливленные встречей, никакого зла на меня не тая, ластились, как в былые, лучшие времена.

Я завела их на кухню, и они привычно улеглись под круглым столом. Я тут же принесла им старый полосатый матрас, который с незапамятных времен затесался на антресолях. Они тут же принялись гнеститься и уснули немедля, уткнувшись носами друг в друга, как в предалекую пору. Я же привычно приготовила им плоску с водой и корм на ночь и вот сижу, пишу, – я уже говорила – как бы под гипнозом. Я не испытываю удивления, словно возвращение собак, усыпленных мною чуть не двадцать лет назад, вполне привычное явление.

* * *

Следующий день. Наутро Чика вошёл в кухню, увидел собак, пустые плоски, долил воды и досыпал корм. И тоже как бы не удивился: «Это они тебя пришли защитить, я чувствую. Гроза, гроза над нами». Я: «Какая ещё гроза? Снег валит которые сутки, какая зимой

гроза?». И тут молния прорезала зловещее зеленоватое небо, но грома не было. Только багровые светила так и висели над нами и, похоже, даже как-то странно замигали.

* * *

...Наверное, с полмесяца прошло, утром нас разбудили два звонка, от которых я уже отвыкла. Так обычно звонил мой племянник Марат, который с 18 лет жил у нас в доме. И лишь в 45 внезапно уехал. В разгар национальных вспышек вспомнил о своём гибридном полуказахском происхождении, вспомнил и укатил в Казахстан. Аргумент: «Когда-то же надо мне завести семью, а женюсь я только на казашке, хочу, наконец, вернуться к своим истокам». И вскоре Марат перестал звонить и писать. Что ж, видно, у него всё хорошо, считала я, а то давно бы обозначился. За годы, проведённые в нашем доме, он на каждом шагу советовался со мной и с ушедшим моим другом. Меня называл смешновато «Тётина». Получалось и не «тётя» – мы с ним были почти ровесники – и вроде какое-то особое, им придуманное имя.

Итак, на пороге стоял Марат. Пожилой, несколько обрюзгший, явно выраженный казах, чуть с похмела: «Тётина! Я приехал навсегда, – заявил он. – Жена меня бросила, говорит, помешался на науке. Сын женился. Тётина, мне без тебя плохо. Особенно сейчас. Будет большая беда. Я должен быть здесь. Рядом с тобой».

Из своей комнаты выглянул Чика. От меня он был немало слышан про то, как в самый разгар распада связи времён, Марат покинул этот дом, предоставив мне барахтаться в потоке перемен. И потому к Марату симпатии не питал и его отъезд, так же как и я, считал маленьким предательством.

– Он что, будет жить у нас? – спросил оскорблённо.

Мы с Чикой похожи. Оба сибариты. Особенно он. Малейшее вторжение в привычный ритм жизни воспринимает как личное бедствие.

– А куда денется? Будет жить здесь, – без радости объявила я, – и вообще в приличном доме гостям предлагается чай!

– Я не гость! – вскипел Марат. – Я у себя дома. В родном доме!

– Ну, это как сказать, – хохотнула я. – Но всё равно, пойдём к кормушке.

«Кормушкой» мы испокон веку называли кухню, где, в любом составе, жители дома уютнее всего коротали вечера во время оно и сейчас тоже, – от телефона подальше можно было говорить свободно, не боясь подслушивающих жучков. К тому же в кухне стоял телевизор – неотъемлемый спутник наших застолий.

– Ой! Лямик, Тарашка, и вы тоже тут! – воссиял Марат. – Вот видишь, тётина, перед бедой – все в логово. У нас эти небесные страшила ещё ярче. В Алма-Ате они как будто лежат на вершине гор. Старики днём и ночью вершат молитвы. Так и ходят повсюду с мольными ковриками. И не пять раз на дню, как положено, а чуть не каждый час только и слышишь: «Обло Алла Акбар». И все в зелёных чалмах, уже к смерти приготовились. Я потому и приехал. Хочу умереть около тебя. Поедем на кладбище. Там около дядина (он так называл моего друга) раскинем шалаш в последние дни, как положено по степному закону, и собак возьмём тоже...

– Ты бредишь! – возмутилась я. – Вы что, все с ума посходили с этими идиотскими красными шарами? Какая беда? Кто объявил о беде?

И тут звонок в дверь. «Чика, пойдёшь открой», – попросила я. Марат молча пил горячий янтарный чай. Но никто в кухне не появлялся. Я вышла в вестибюль. Из-под стола собаки слабо твякнули – спали. У дверей – картина. На пороге стоял Эфа. Всклоченный, с синяком под глазом, в очках одно стекло разбито. Чика же – молча перед ним. Обоим неловко и тягостно. Ещё пятнадцать лет назад, как впервые увидели друг друга, так, очевидно, в обоюдной ненависти застенели.

– Ну, что стоите? – возмутилась я. – Может, хватит выяснять отношения? Чика, давай, пригласи Эфу к чаю.

И тут случилось невероятное. Успевший совершенно поседеть Эфа, которого я помнила рыхловатым, полноватым, вальяжным, что, увы, ничуть не помешало мне во время оно испытывать к нему нечто вроде необъяснимого увлечения, а он важничал и, дамский любимец, позволял себя обожать, вдруг опустился на пол около меня и обнял мои колени. Он всхлипывал:

– Мне страшно. Я вернулся в этот дом, потому что здесь моя крепость. Вы хорошо это знаете. Мама умерла. А после нашего с вами разрыва я так и не смог ни с кем поладить. Вы правильно

предостерегали: не привыкать к вам – потом степень сравнения загубит сближение с другими. Так и вышло. Но вы не звали. А вернуться незванным – как я мог? Тем более, этот молодой человек так вас от меня укрывал, – сверкнул взглядом на Чика.

Эфа уже встал с колен, он был достаточно искущён в хороших манерах, чтобы почувствовать нелепую театральность всей этой сцены, и теперь только заискивающе в меня вглядывался.

– Что у вас с глазом? – спросила я.

– Наконец, нашёлся хоть кто-то – фингал ему поставил! – злорадно хихикнул Чика. – Пусть убирается, я ещё не забыл про твой нервный срыв после его отъезда.

– Ну, Чика, будь же великодушен. Ну, в самом деле, видимо, какая-то беда над нами, если все мы вдруг оказались под одной крышей...

Я не успела договорить, как их кухни вышел Марат.

– Ах, хмырь тоже тут? Не зря на небе знамение. Но на этот раз я не уйду. Пусть он убирается из этого дома.

Все мы так и толклись в вестибюле, где воздух просто вибрировал от скопившихся обид и неприязней.

Из кухни выбежали с лаем собаки – видно, решили, что самое время вмешаться, и Чика увёл их. Марат и Эфа так и стояли, просто так убивая друг друга взглядами.

– Вот что, мне эти страсти надоели. Никто из вас в этом доме не имеет никаких прав. Вы здесь – пока я это терплю. Вы оба предали меня. И я это помню. Но сейчас не время обид. Я в самом деле чувствую беду...

Тут из кухни бледный, с трясущимися губами не вышел – выбежал Чика: «Сообщение! – шептал он. – По телеку. Про Нострадамуса. Идите скорее».

Мы ринулись к телевизору. Во весь экран лицо дежурного Правительственного Астролога. Ровным тоном невозмутимого диктора он пересказал правительственное сообщение: «Уважаемые россияне и жители смежных регионов! Предсказание Нострадамуса, тщательно нами проверенное в последние две недели, к сожалению, подтверждается. Мы не можем пока представить полную картину катастрофы, которая нас ожидает, но обязаны предупредить, что она может оказаться неминуемой. А потому мы

просим всех соблюдать спокойствие и достойно встретить всё, что нам уготовано. Враги – примиритесь! Друзья – сойдите ближе и послужите опорой друг другу. Светила не неподвижны. Они, хоть и очень медленно, но опускаются. Чего ожидать, мы пока не знаем. Нам остаётся ждать. Каждые два часа мы будем сообщать о малейших переменах на небосклоне или о новых явлениях, которые, возможно, воспоследуют». Экран тускло замерцал. Астролог исчез.

– Вот так! – сказал Эфа. – Правительство, которое сообщает о грядущем конце света устами астролога, а не Патриарха, это всё, что мы заслужили по грехам нашим от пресловутого Гаранта демократии и свободы.

– Полноте, – возмутилась я. – Когда вы, не успев припрятать ваш партбилет атеиста, вечерами вслух читали молитвослов, вы что – стали апологетом веры? Уж со мной хоть не лицемерьте.

– Никогда не лицемерил! Это вы с первых лет нашей связи нарекли меня Эфой, как будто я не понимал, что вы имели в виду гадюку, а вовсе не по моим инициалам придумали мне кличку. Это вы лицемерили. То приближали, то отдаляли, то обнадёживали, то отпугивали. Это вы – великая грешница. Вы надругались над моей привязанностью и верой в вас. И теперь из-за таких как вы божья кара над нами!

Тут события приняли и вовсе непристойный вид. Марат схватил его за ворот сорочки:

– Заткнись! Втируша! Я из-за тебя бросил её здесь на произвол судьбы и уехал, чтоб с тобой под одной крышей не очутиться. Скажешь, она тебе была нужна? Как бы не так! Ты же остался не у дел. Перестройка тебя сдула с креслица, ты и пригрелся здесь. Думаешь, я не видел? Она продавала перстень за перстнем, а ты жил за её счет. Ладно, я тоже не великий добытчик, но я хоть свою аспирантскую стипендию в дом приносил. Я дяде дал слово, что кандидатскую сделаю, и я слово сдержал. Это ты выдавил меня из этого дома и даже в последний час покоя от тебя опять же никому нет!

Они чуть было не схватились. Чика кинулся их разнимать. Он был намного моложе и ловчее их, так что ему удалось оттолкнуть их друг от друга. Я же стояла, оцепенев. Всё, что говорилось и происходило, походило на искусно сплетённый трагифарс.

Когда-то талисманом нашего дома считался бюстик Карло Гольдони, мой ушедший друг водрузил его на свой письменный стол и, наверное, не зря. В ту предалёкую пору нам всё удавалось. Мелкие неурядицы улаживались сами собой. Наши враги на академическом пятакче, апологеты научных канонов позапрошлогоднего дня, всякий раз оказывались посрамленными в коллизиях с моим другом. Мне удавалось проталкивать самые невероятные проекты по пополнению коллекции музея, где я работала. И всё это неожиданно, всегда вопреки, всегда в последнюю минуту, когда всё казалось потерянным и безнадежным. И мы хихикали: «Старик Гольдони, не иначе, постарался-поколдовал, придумал эффектную развязку!».

Так появился у нас случайно подвернувшийся в столичной закудалой комиссионке бронзовый бюстик, на цоколе которого обозначено: «Карло Гольдони – 1793». Видно, бюстик отлили посмертно, может, в какой-нибудь его юбилей почитатели итальянской комедии. И сейчас я почему-то про Гольдони вспомнила. И у Чики спросила: «Ты не помнишь, куда мы после уборки перед Новым годом поставили Гольдони?». Чика: «Сейчас найду. Я его спрятал в ящик письменного стола, он мешал печатать, машинка за него цеплялась».

– Сама найду! – почему-то обиделась я. – Не трогай ничего на письменном столе. Как было поставлено, пусть так и стоит! – и направилась в кабинет.

– Зая! – кликнул мне вслед Чика, очевидно, никак не горя желанием остаться наедине с теми двумя. Но я уже стояла в дверях кабинета, и от письменного стола тоже послышалось: «Зая!» Это был голос моего ушедшего друга. Его мягкий, бархатистый баритон, который ни с каким голосом не спутаешь. Он сидел за столом спиной ко мне. И я подошла к нему и положила ладони на его округлый куполообразный лоб.

– Ты только не бойся! – сказал он. – Я потому и вернулся, чтобы нам всё пережить вместе. Помнишь, ты говорила: «Ни одного дня без тебя не буду». Я не в обиде. Ты много успела после моего ухода. Ты стояла за двоих против маразма, который так мягко меня удавил. Ты оказалась крепче меня. А Гольдони, наш домашний божок, вот он!

Перед моим другом стоял наш любимый талисман. И тут вдруг я вспомнила про дивный сон, который мне приснился незадолго до

ухода моего друга. Как-то днём, вопреки всем своим привычкам, улеглась на диван с любимым нашим пегим котом-великаном, которого за рост и красоту прозвали Филиппом Великолепным. И нечаянно уснула – так он меня умурлыкал, наш любимец. И проспала я что-то очень долго, так что Марат даже тихонько стал меня будить: «Тёти-на, мы с дядиным ждём – чайник кипит, я принёс зефир в шоколаде, пошли!». И я проснулась мгновенно и, ни слова не сказав, ринулась к своему столу записывать сон.

Мои мужчины потом рассказывали, что вид у меня был как в лихорадке. Я прочитала им написанное, и они хохотали до слёз.

– Это ты на маленького Гольдони насмотрелась, – сказал мой друг и унёс бюстик из моей комнаты к себе в кабинет.

А сейчас маленький Гольдони явственно ухмылялся, стоя на столе перед нами. Могла бы поклясться, что он нам подмигивает.

– А моя чёрная пиала на высокой ножке ещё жива? – спросил мой друг.

– Ну, конечно же, конечно, чай на столе!

Мы вошли в кухню вместе, и я вдруг увидела, что на плече у моего друга гордо и привычно восседает Филипп Великолепный.

– Какой гигант! – восхитился Чика, большой любитель всякой домашней живности. Мой друг подошёл к нему и ласково потрепал по плечу. – Спасибо! За всё! – сказал он, и, гораздо холоднее: – А, Марат, ты, значит, вернулся? Я и то удивлялся: как это ты оставил нашего Зая в самое злое время. Но, однако, познакомьте нас! – обернулся он к Эфе.

Чика сквозь зубы представил их друг другу. И тут мне вновь бросилось в глаза поразительное сходство в лицах этих двоих – моего друга и Эфы. И жесты, и тембр голоса, – всё было сходно. Только Эфа был как бы фантомом моего друга. И это сходство поначалу и стало причиной моего внезапного увлечения, которое я потом долго себе не прощала.

Внезапное появление моего друга как бы утишило кипевшие страсти.

– Ну, давайте, рассаживайтесь, – пригласил он всех на правах хозяина дома. – А смородиновое варенье есть?

– Есть-есть, – заторопился, как всегда, гостеприимный Чика, – я тоже больше всего люблю смородиновое.

И вдруг мы все заметили, что время как-то незаметно быстро пробежало, начало смеркаться. «Зажги свет, Чика», – попросила я. Но свет не зажгётся. Однако же телеэкран светился, хотя ещё без всякой картинки. И вдруг появился Дежурный Астролог и предупредил: «Запасайтесь свечами. Неизвестная нам энергия подействовала на электросети по всей стране. Запасайте питьевую воду, возможны дальнейшие неожиданности». Картинка исчезла.

Срочно принялись запасать воду. Свечи у меня всегда запасены, так что в темноте мы не сидели. Держали совет. Катастрофа катастрофой, но людей и животных полон дом, завтра же утром надо подумать о провианте. Решили к восьми утра, к открытию магазинов, пойти закупаться. Кое-как поужинали. Мой друг с бюстиком Гольдони не расставался, поставил перед собой на кухонный стол и с наслаждением потягивал чай со смородиной, кончиками тонких пальцев держа ножку любимой пиалы.

Самое удивительное случилось вскоре после телепредупреждения. На светившемся экране возникла картинка. Экран показывал плотную толпу на Главной Площади.

– Пре-зи-дента! Пре-зи-ден-та! – скандировала толпа.

В толпу врезалась чёрная машина. Никакого кортежа. Седовласый, «лапотный», и тем самым в течение многих лет всем милый Правитель, немножко увалень, этакий медведеобразный символ страны, с трудом вышел из машины. Ему стукнуло семьдесят, и при всём атлетическом росте и сложении он был вовсе не здоровым человеком, а Хоровая Палата делала всё, чтобы добавить смертоносные рубцы на его много пережившем сердце. Привычным своим провинциальным говорком он обратился к толпе. Толпа привычно умолкла – былая сила, былой «кураж», помогавшие ему выигрывать самые отчаянные политические комбинации, видно, отнюдь не иссякли.

– Вы видите, что делается на небе? – последовала пауза. – Главный Астролог не обманул вас. И я не стану. Я дал вам то, чего сроду здесь не было: свободу. Но для чего? Чтобы вы сошли с печи, где всяк Емеля ждёт, авось за него печь поработает. А вы не сошли – с меня спрашиваете: дай! А на печи лежали – откуда что возьмётся. Думаете, свобода сама вас кормить станет? И я вам объявляю: свобода – не нянечка. Она – оружие. Против вашей лени и мечтаний о милостыньке, которую вы всю жизнь привыкли кланчить!

Народ загалдел: «Да он ненормальный! Из ума выжил!».

И тут откуда-то, чуть не из-под мышки у атлета вынырнул в своём не по мерке костюме Щуплец, он же Крошка. Правитель ему: «Ты, Глава Тайной Канцелярии, зови подмогу, утихомирь площадь!».

Щуплец: «Тайная Канцелярия – это в прошлом. Вы сами провозгласили свободу. Разве я могу послушаться и позатыкать им рты. Я уже говорил – так я вас только дискредитирую. А вы – мой отец и покровитель». И к толпе: «Люди, вы свободны. Правитель тому гарант. Взгляните на небо – вы видите знамение. Не вы ли навлекли неумелым пользованием волей, которую правитель вам даровал, не вы ли навлекли беду на весь мир? Действуйте, искупайте промахи. Правитель даровал вам слишком много. Вы не в силах нести полученное. Он явно поторопился. Горько, но я именно так начинаю думать!».

Правитель остолбенел от столь неожиданного поворота.

– Поторопился, злодей! Вот именно поторопился! Мы столько всего не просили! На что нам свобода, если над нами небеса рушатся! – орала подогретая Крошкой толпа.

Могла бы поклясться, что Щуплец как бы раздвоился, но никто из присутствующих, похоже, этого не заметил. Равно никто из сидящих со мною рядом за столом. Нет, он точно раздвоился, я уверена. Один поддерживал под руку вдруг неловко пошатнувшегося Правителя и что-то успокоительно ворковал. Могла бы поклясться, что звучало: «Учёные постарались... Светила их усмирят... Куда денутся... Разойдутся». Второй же Щуплец, ввинтившийся в толпу, твердил: «Кто-нибудь – смирительную рубашку, скорее, он же не в себе. А ну как вдруг велит палить из пушек, как тогда, по Хоровой Палате?».

Мы, сидящие за столом, замерли. На Правителя навалились и обернули в огромный транспарант – откуда только взяли! – и замотали намертво. Первый Щуплец суетился около Правителя: «Вы только не переживайте, берегите сердце! Сейчас придут Маски, я уже вызвал!».

Толпа, услышав слово «Маски», нарочито громко прозвучавшее, поволокла атлета к пряничному сооружению, которое здесь считалось храмом. Второй Щуплец, что заигрывал с толпой, тут же врос в первого и помогал толпе вязать Старца.

Вдруг вспомнила свой сон и могла бы поклясться, что Гоцци приобнял Щуплеца и шептал: «Ах, молодец, ах, умница, я бы лучше не придумал!». А Гольдони, поддерживая атлета, твердил: «Напомни им, напомни, что при Усатом они были рабами, и площадь уже давно была бы залита кровью. И про Вьюнка в кепочке скажи. Напомни, как он велел жечь церкви и на эту ведь тоже было ощерился».

Но атлет стоял неподвижно. Молча. Потом: «Я принёс вам свободу. Она – меч. Против рабства, которое только вы сами можете сокрушить в себе. И никто больше. Я сделал всё, что мог».

Толпа взвыла. Кто-то приволок столб. Как его вколотили в асфальт – и сейчас не пойму, но весь последующий ужас случился. Правителя повесили и плясали вокруг виселицы: «Спасены, спасены! За *его* грехи, за *его* безумие небо на нас ополчилось!».

Щуплец негромким приятным своим тенорком, в котором вдруг продребезжал металл, объявил: «Всем к Мумии. Из гробницы извлечь и сжечь. А потом – по домам. Маски на подходе».

И все кинулись разбивать давно опостылевшую гробницу и за ноги выволокли так долго почивавшую в ней Мумию. Экран показывал всё без изыятий и даже ворота крематория. Сдав Мумию привратнику, толпа разошлась – «Масок» боялись не на шутку.

А гигант, обмотанный транспарантом, остался один на один с пряничной церковью на пустой площади, на которой ещё несколько лет назад знавал сладостные часы триумфа...

Экран погас. Мы сидели безмолвно. Тем не менее, опасность как нависла над нами, так и висела. Сказано запастись свечи, воду, продукты – надо запастись. Мы дети своего времени. Последняя пара десятков лет никак не высвободила нас из цепкого капкана повиновения.

А между тем съестные припасы из холодильника во время ужина смели начисто. Несмотря на хамовитое предупреждение прижимистого Эфы: «Тормозните, мужики, кто знает, найдём ли завтра что-нибудь. Ведь все умные – все с утра пораньше ринутся за продуктами!».

– Ты мне ещё не указывал! – огрызнулся Марат, а Чика с обычной ехидцей подчеркнул, что гостям вообще пора бы и честь знать, хозяйка никого не звали...

Разместились на ночь кто где. Мы с моим другом на нашем синем диване, Филипп Великолепный между нами, у меня под мышкой. И

вдруг меня как что-то толкнуло. Я встала и пошла к сундуку с архивами, в мою комнату, где сейчас спал Чика.

– Что? Что? – всполошился он.

– Я сейчас, сейчас, только найду кое-что!

– Нашла время, ей богу! И свечку побереги. Да, ещё я забыл тебе напомнить, ты бы этому красному богомольцу хоть компресс на глаз положила бы, что ли. Он рассказал, в столице на вокзале ко всем поездам такая давка, что его кто-то локтем саданул прямо по очкам. Как ещё стекло не попало в глаз.

– Сейчас, сейчас!

Как же это я даже не расспросила, что с Эфой произошло. Ну, хотя бы для приличия. И это про него, человека, звонки которого ждала когда-то, как никакие другие... Рукопись я нашла. Унесла на кухню. В кабинете спал Марат, стонал, что-то бормотал во сне. В зале на надувном матрасе поверх толстого термоковра, свернувшись калачиком, вздыхал и даже как будто всхлипывал во сне Эфа.

Намочив крепкой чайной настойкой несколько тампонов, уселась на низкий пуфик у Эфиного изголовья и тихонько приложила к ушибленному глазу тампон. Очки лежали на полу около него. Он проснулся, нашел губами мою руку и поцеловал.

– Простите меня за всё, – шептал запёкшимися губами, – помните, давно, на даче, вы лечили меня от мигрени, виски мазью натирали. Я все годы помнил тот вечер. Просто я вас боялся. Я знал, что вас потеряю, я знал, что для вас я всего лишь призрак. Сегодня убедился – ваш супруг такой редкий человек! Никогда мне не достичь его спокойствия, его любезности, его вельможности, что ли. Куда мне...

Когда он уснул, я ушла на кухню и прочла ту, многолетней давности рукопись, запись того странного сна. В ней как бы таилась, вернее, на самой поверхности мерцала загадка. Но я сама себе не верила. Тем не менее, дописала свои видения во время телепоказа страшных событий на площади.

Назавтра мужчины разбрелись кто куда и вернулись только к вечеру, нагруженные кто чем.

Чика, конечно, притащил «мяки», так он называл всякие вкусности, которые мы себе позволяли, когда кончали какую-нибудь важную работу. Устраивали себе маленькие ночные «праздники чревоугодия» – благо, теперь не то, что двадцать лет назад, все магазины

работают круглосуточно. И как мы не догадались пойти запастись продуктами ночью, тем более ведь в предвидении катастрофы все сидели, так же как и мы, у экрана – вдруг ещё что-нибудь сообщат. Но не догадались... Так вот. В предвидении ожидаемого конца света – а сколько до него, кто бы знал! – Чика принёс торт, вафли, зефир в шоколаде, мандарины и мороженое. Конечно, продукты не первой необходимости. Но он так мило и трогательно выложил свои покупки передо мной, что я, без устали его хваля, всё затолкала в холодильник.

Марат притащил мешок пельменей – наша с ним любимая еда в тяжёлые времена, когда пельмени считались деликатесом, всё-таки получше варёной колбасы, в которой не раз – не два попадалась даже туалетная бумага, так что Филипп Великолепный, например, от неё наотрез отказывался. Не забыл, значит, Марат те времена, не забыл...

Эфа в холщовой сумке принёс несколько морковок, бураков, картошку, пшено. «Я, вы помните, в основном питаюсь овощами», – сказал стыдливо. И всем почему-то стало его жалко – какая уж сейчас диета, перед самым концом.

Но такой вот он был, несмышлёный какой-то, и именно за это многие его жалели и покровительствовали ему, и сейчас тоже жалели, очевидно, за это же.

Мой друг поискал у себя в ящиках стола, где хранился многолетний запас очков, он их часто менял, и принёс Эфе: «Может, подберёте что-нибудь?». И тот в самом деле нашёл подходящие.

Потом мы с Маратом взялись за пельмени. Эфа уныло жевал тёртую морковку. Чика за обе щеки уплетал любимое вишнёвое мороженое. И тут Марат с обаятельнейшей улыбкой вдруг обратился к Эфе:

– Знаете, все мы на взводе, не сердитесь на меня за давешнее. Давайте, я вам пельмени положу. Надо же хоть раз в день горячее поесть. Вам с бульоном?

– С бульоном, если можно! – курлыкнул Эфа и благодарно поглядел на Марата. По-моему, за те несколько лет, что им доводилось встречаться и даже сосуществовать в моём доме, они ни разу не взглянули друг другу в лицо...

И тут я заметила, что мой друг сидит молча, не ест ничего.

– Пойдём, – позвал он меня. В кабинете сел у стола. Гольдони – около. – А теперь дай-ка мне ту рукопись, помнишь, ты когда-то свой сон записала.

Я дала.

– И не беспокойте меня сейчас, я почитаю.

Филипп Великолепный привычно вспрыгнул на стол и задремал под зелёной лампой. Металлический абажур сильно нагревался – это была личная печка нашего пегого красавца.

Когда я вошла на кухню, все сидели за столом, Лямику и Тарашке со стола доставались Чикины «мяки» и даже прижимистый Эфа, хотя и страдал душой, а тоже протянул каждой собаке по кусочку сыра.

И вдруг Чика, который невидимой нитью связан с неким для нас непостижимым миром, задумчиво глядя в еле мерцающий телеэкран в ожидании новых сообщений, сказал вовсе неожиданно:

– Я сейчас подумал: случись ожидаемая катастрофа пару недель назад, когда все мы толклись в вестибюле, с какими искаженными злобой лицами ушли бы мы в небытие. А вдруг ТАМ есть НЕЧТО или НЕКТО, который по этим нашим лицам судил бы, какие мы были. Да и вообще – какие мы?

– Вот, например, вы-то за что меня так третировали всегда? – спросил его Эфа вполне миролюбиво. – Ведь я никогда вам зла не желал и не причинял.

– Ну, так сколько мне лет тогда было? – усмехнулся Чика. – В мои двадцать пять вы мне казались корыстным и занудным, а сейчас вот, думаю, если бы тут оказался, допустим, сын Марата, он, может, точно так бы и про меня подумал. И вообще, каждый, кто отнимал время и внимание Заи, был для меня враг. Я к ней прилепился душой, мы с ней работали так дружно, так вдохновенно, а тут – вы. С капризами, со ссорами, с объяснениями. Я же тогда многого не понимал. Я и её не понимал. Я считал – у неё обычный дамский нрав. Через много лет понял – ничего о ней не узнаю. Душа её схоронена там, под парным надгробием. Иногда мне даже страшно было, когда она говорила: «В сущности, меня нет, так, оболочка по свету мотается». Потом привык. И какая есть – такую полюбил. К добру ли, к худу – не задумывался...

– Ну, а я так не мог, – вздохнул Эфа. Не мог я всё время оставаться призраком. Она же не меня видела, во мне искала чёрточки сходства, модуляции голоса ушедшего друга. Она же не зря поставила парные надгробия и себе ту же дату обозначила, что и ему. А с той поры – двадцать лет. Ну да теперь всё равно. Ни нас, ни надгробия – всё в

таргарары. Вы меня тоже простите. И вы, Марат. Я так понимаю, вы как бы разбили собственную жизнь из-за меня. Вам не нужно было её покидать. Я помню, как она моталась с талонами из магазина в магазин, сумки таскала, прилавки же были пустые. А я ничем не мог помочь – у меня отслоение сетчатки, тяжести поднимать нельзя. Зря вы так поступили. Но я же не знал, что так вам ненавистен.

– Ну, что поминать сейчас! – усмехнулся Марат. – Мы с ней ровесники, и я её любил. Когда дяди не стало, я для себя решил: вот так до конца жизни будем здесь жить вместе. Как в крепости. Я и вернулся сюда как в крепость. Я бы никогда не женился. А тут вы... Ну, что уж теперь.

– Да уж, делить нечего и некого. Хорошо всё-таки, что все мы оказались в этом доме. Удивительно, правда? Все мы кинулись сюда в ожидании конца, как в последнее прибежище. Я всегда это чувствовал, что-то есть, есть что-то в климате этого дома! – мечтательно вздохнул Эфа.

– Господи, как смешно, – тут же притушил его романтику Чика. – Пару месяцев назад мы страдали около телека – кто нам в новые президенты достанется. И что нас ожидает: лагеря, как сто лет назад, и 9 грамм в затылок или всё та же бесконечная реклама – зубы, волосы, детские попки. Шампунь, прокладки. Одним словом – счастье человечества.

А теперь мгновение – и нет никаких загадок. Жаль только последние пятнадцать лет. Мы столько трудов положили, чтоб хоть через полста лет что-нибудь да узналось, как всё на самом деле произошло на несчастной нашей Атлантиде. А теперь мгновение – ни нас, ни трудов, ни потомков...

Я так в кухню и не вошла. Мне приятно было, что эти трое, которые так недавно готовы были чуть не прибить друг друга, теперь мирно сосуществуют, и если суждена нам гибель, так мы хоть уйдем достойно. А я – так даже уйду счастливой. Мой друг, мои любимые собаки, даже наш красавец Филипп – все со мной. И вот эти близкие мне люди – каждый по-своему, в сущности, прекрасные люди, так что не зря, не зря к каждому из них я так привязана по сю пору.

Мой Чика, как давно не называла я его Леденечиком, и какое это было всё же счастливое время, когда мы только притирались друг к другу и в дневниках рисовали смешных и трогательных зверят. И

едва ли не ещё лучшее наступило, когда меж нами возникла прочная связочка общего творчества...

Тут экран телевизора внезапно посветлел. Но мой друг отозвал меня и, глядя в глаза, протянул ту рукопись.

– В ней – ключ. Маленький Гольдони – божок нашего дома – сыграл со всеми нами мастерский спектакль. Во сне тебе было явление. Ибо спектакль не только в нашем доме, а, знаешь ли, глобальный! И я, оказывается, неплохой наводчик. Больше я ничего тебе не скажу. Ты эту рукопись вели Марату запаять в урну, что у изножия нашего надгробия стоит...

– А когда же я успею и зачем? – изумилась я.

– Успеешь! – усмехнулся мой друг. – Я думаю, Гоцци сыграл-таки задуманный им злобный фарс. И тоже глобальный. – И привычным тихим свистом позвал: «Лямик, Тарашка, гулять!»

Собаки ринулись за ним. Филипп Великолепный, который сидел на привычном месте, на круглом столе в вестибюле, прыгнул на плечи моего друга и они вышли. И только тут я заметила, что мой друг одет совсем не по-зимнему, а в том любимом синем костюме, в котором мы его хоронили, а Лямик и Тарашка – без ошейников и поводков...

Сбежав вниз по лестнице, открыла дверь на улицу и увидела, как все они как бы истаяли в снежной пелене, которая обволокла нас всех, будто навсегда.

Когда вернулась в кухню, экран окончательно ожил, и мы увидели среди злобных, насмешливых, ощеренных лиц его, повешенного Президента. К нему подвели Главного Харизматика из стана «бородавчатых», около него вился Щуплец. Но Бородавчатый его бесцеремонно оттолкнул и, не скрывая торжества, объявил, обращаясь к повешенному:

– Мы позволили тебе в последний раз обратиться к народу. Но твоя эра кончилась. И с тобой канут в лету порожденные тобою беды. Ты объявил о победе свободы личности, плоды свободы ты и пожнёшь!

Всё, что произошло, было неправдоподобно, и всё же произошло. Президента сняли из петли и кинули в кузов грузовика, увезли. Главный Харизматик обратился к Дежурному Астрологу: «Объявите же, наконец, от какой беды мы спасли весь мир, ограничив, наконец, пресловутую свободу».

И вот уж с экрана торжественный голос Правительственного Астролога вещал:

– Дорогие россияне, я счастлив сообщить вам, что предречение Нострадамуса, возможно, оказалось неверным. Нельзя также исключить, что все мы вместе сумели повлиять на предначертание планет, искоренив зло, которое за двадцать лет исковеркало нерушимый порядок в нашей стране. Убедитесь: зловещие светила понемногу поднимаются и уменьшаются зримо, каждый из вас может это увидеть. А это значит, что к нам возвращается привычный для страны миропорядок!

Мы кинулись во двор. Так всё и было. Светила заметно пожелтели и уже не выглядели кроваво-воспалёнными и казались куда меньше. Через минуту все жильцы дома высыпали во двор, а мы вернулись на кухню и разрезали огромный торт, добытый Чикой ещё в тот знаменательный рейд за продуктами.

ВОЗВРАЩЕНИЕ НА КРУГИ СВОЯ

Пока ели, мирный разговор всё острел и острел.

– Ну да, я её покинул в разгар перемен, – усмехнулся Марат, глядя на Эфу. – А вам жалко было смотреть, как она таскается с сумками по магазинам! Так питались бы в столовой. А уж она клюёт как воробей, для себя ей сумки таскать незачем было.

– Ага, – вторил Чика, – очень помню, как она меня просила проводить вас на вокзал, вещи поднести – сетчатка у вас не в порядке и много чего ещё. Никогда не забуду, как мы с вами шпарили прямо по трамвайным рельсам, и я вас догнать не мог, такой вы из себя больной, что аж скакали как лось. Очень вы умеете дам разжалобить. Уж на что у неё ум трезвый, но вы и её сумели...

– Ребята, ну что вы, в самом деле, – пытался успокоить их Марат. – Сидели тихо-мирно, и на тебе. А где дядин?

– Мой друг нас покинул, – объявила я, – и теперь, кажется, навсегда. Марат, ты поможешь мне? Дядя велел запаять эту рукопись в погребальную урну у изножия наших надгробий.

И тут из-за стола вскочил Чика. Выхватил рукопись у меня из рук.

– Чтоб твою рукопись в чужие руки отдать? Сам всё сделаю. Ты мне никогда её не давала, я тоже хочу прочесть. Я тебе не чужой.

– Кукушонок! – фыркнул Марат и, схватив дублёнку и шапку с вешалки в вестибюле, ушёл, хлопнув дверью.

– А вы чего расселись, – распалившись, накинулся Чика на Эфу, – болезный вы наш? Довели её до нервного истощения и были таковы. Я же говорю, как конь скакать – это вам не вредно, а помочь ей – кишка тонка.

– Хам! – огрызнулся Эфа. – Я вам удивляюсь, – взглянул на меня зло, – при ваших изысканных манерах – вы же меня столько лет просто-таки леденили – терпите около себя этого плебея. Ни минуты здесь не останусь. Хотя, не скрою, ехал сюда, чтобы остаться навсегда...

Я стояла молча, чуть усмехаясь. Когда внизу хлопнула входная дверь, дала Чике рукопись. Он долго её читал. А я сидела в любимом кресле и думала, как непростительно дурно устроена человечья душа. Добрые слова только для некрологов. На краю гибели и с удавкой на шее – все братья. Всё простим, всё поймем. А стоит судьбе персты разжать, и вот уже каждый в своём естестве.

Пошла в кабинет и села на стул, на котором вот только сейчас сидел мой друг. Поставила перед собой бюстик нашего божка-кудесника Гольдони. Он явственно мне улыбался, чуть печально.

Вошёл Чика.

– Прочёл! Ну и кошунственные же сны тебе снились в Алма-Атинскую пору! – и, обращаясь к маленькому Гольдони: – Эту партию вы проиграли, господин просветитель и моралист. Переиграл вас лёгковесный знаток червоточин души, дружок ваш Гоцци. А главное, вряд ли Всевышний после вашей побывки получит ту информацию, которую жаждал получить, ничего нового и особо утешительного о роде человеческом вы ему не поведаете. Зря он вас отпускал на побывку!..

– Ну, а ты сам что думаешь? Хороши мы все или дурны?

– Ничтожны. Мы – рабы. Если прижмёшь – паиньки. Только отпустили – звереем.

– А я?

– А ты – самое опасное из всех зло! – сказал Чика, без улыбки глядя на меня, даже с некоторым любопытством. – Смотри – прибежище около тебя оборачивается для всех погибелью. Марат любил тебя – ты не замечала, и жизнь его исковеркана. Эфа любил тебя –

плохонько, как умел! – ты отпугивала, но не отпускала. Он одинок и растерян. По-моему, навсегда. И вряд ли оправится когда-нибудь. Знаешь, иногда думаю: наверное, и меня ждёт та же участь. Пока мы работаем вместе – связочка, вот она, пощупать можно. А вот я сам, нужен ли я тебе? Ты там, под тем надгробием. Только твой друг знал тебя такой, какая ты есть. Для всех остальных ты – туман. Я сделаю, что обещал. Рукопись эту запрячу надёжно. А потом, может, мне лучше уйти? Я боюсь тебя. Ты – фейерверк. Светишь, а не греешь.

И тут около меня явственно возник Гольдони и шепнул: «Ну, ну же, оттай, наконец, душой!»

И я привлекла Чику к себе: «Леденчик, останься! Сейчас грядут беды, может, почище конца света. И нам надо быть с тобой вместе».

И только что весь взъерошенный, Чика сник, потом сверкнули лукавым огоньком его ореховые глаза:

– А ты что, на самом деле думала, что я смогу без тебя? Нетушки. Бог терпел и нам велел. Ничего, я терпеливый, меня не отпугнешь...

ПОЗВОЛИМ СЕБЕ ВТОРЖЕНИЕ

Здесь найденная нами рукопись вновь прерывается. Как уже было сказано, никакой Заи в захоронении не обнаружено. Дата её кончины ничему не соответствует. В приведённой рукописи стоят даты совсем иного порядка. Да и в ГЛАВНОЙ СЕКРЕТНОЙ БИБЛИОТЕКЕ можно увидеть ряд книг за двумя фамилиями – Заи и Чики. Это не сложно было вычислить, поскольку её фамилия значится на надгробной плите, и, по преданию, ни с кем иным кроме Чики она в соавторстве не работала. На книгах же выходные данные доводят читателя вплоть до 2010 года, которые и значатся во второй части дневниковых записей, приведённых выше.

Исчезла она столь же таинственно, как во многом таинственными остались её отношения со многими людьми. Никаких следов её нигде не обнаружено. Как будто в самом деле рассеялась, истаяла, как туман. Впрочем, не больше удалось узнать и о Чике.

А предание о несостоявшемся конце света бытует вот уже полтора века. Многие так красочно описывают события и переживания тех дней, будто сами видели три багровых светила, что повисли над землей, суля гибель вселенной.

И, кстати, сейчас вновь что-то часто стали поминать Нострадамуса...

НАРУШИВ КЛЯТВУ...

Сейчас, через полтора века после несостоявшегося конца света, когда мы знаем всё, что воследовало после той загадочной поры, а герои дневника, о котором мы лишь упомянули, ничего из первой части не цитируя из скромности, чтобы не потревожить память авторов, герои эти и ведать о том не ведали и никогда уже не узнают – мы, почитав найденную нами рукопись, живо представили, как бы облеклись в живую плоть сухие и лаконочные сведения, приведённые о той поре в книгах для чтения, горячо рекомендуемых для широкого читателя.

Не рекомендуемые, как повествует предание, были сожжены вскоре после массового расстрела, о чем ниже, на площади у подножия вновь воздвигнутого гигантского идола вместо снесённого, того, что в кепочке. Нового горожане ласково именуют по сю пору «Наш Крошечка». Весомые книги, написанные авторами приведённой рукописи и дневников, по которым мы вычислили странное несоответствие между датами, обозначенными на парном надгробии и годами издания, сохранены были лишь в вышеназванной ГЛАВНОЙ СЕКРЕТНОЙ БИБЛИОТЕКЕ, как бы в назидание: как писать запрещается. Так что в руки нам дали их тоже секретно, чуть не под клятвой – никому ничего!

Но мы решили клятву нарушить. Более того, мы осмелились представить себе возвращение отпущенных на побывку небожителей после пребывания на грешной нашей земле.

Мы позволили себе вторгнуться в найденную нами рукопись и как бы довершить её по нашему разумению, приняв правила игры, предложенные авторами.

Мы очень живо представили себе высокий небесный свод и приёмную, где древний райский ключник принимает новоприбывших.

...И явились пред очи его утомлённые побывкой и пенящиеся от накопленной информации неразлучные итальянцы Гольдони и Гоцци.

– И всё-таки выиграл я! – торжествовал Гоцци. – Мой Щуплец так одурачил и Правителя и толпу, что и мне лучше бы не придумать. А бородавчатый? Драгоценный их Харизматик? Какой ход! В нужную минуту, в нужном месте и – победа! Каков? Правда, если бы не Вседержитель наш Саваоф, не удалось бы мне вбить в толстолобую башку этого невежи – я Харизматика Бородавчатого имею в виду, – чтобы он потребовал от ракетчиков подсуетиться и подвесить эти три огненные блямбы над землей. Да как ловко всё приурачили!

Тут послышался нестройный хор, и из облачного далёка показалась толпа, которая устремилась к столу небесного ключника.

– Вы кто? – спросил Пётр-ключник сурово.

– Мы «дубовики» и «бородавчатые». После известных событий мы нашли каждый нужную дверь. «Дубовики» горой встали за вождя нашего, Крошку, а «бородавчатые» – за Главного Харизматика. Ну и случилось. Мы состязались до того, что потеряли голос и хором петь не могли, а говорить словами разучились. И принялись выяснять отношения врукопашную. И вот...

– Так что, вы прямо так-таки перебили друг друга? И что вы хотите? Чтобы я вас пустил в рай?

– Конечно, мы же пострадавшие. К тому же обманутые. Крошка привёл Маски. Главного Харизматика повесили на том же крюку, что и Правителя, так что защитить нас от самих себя уж вовсе никого не осталось. А мы Крошке верили. Наш Главный клялся и божился: Крошка – наш человек.

– Сейчас мы спросим кое у кого, где ваше место! – усмехнулся Ключник.

И тут появился Правитель. Лицо его прояснилось, посветлело, голубоватые седины мерцали.

– И вы тут, понимаешь! Праведники сыскались. Убийцы вы самонастоящие. И бездельники. Слышь, Петро, – уж вовсе по-свойски обратился Правитель к Ключнику, – послушай меня, я их как облупленных знаю, намаялся с ними. Не они, я бы ещё лет двадцать на земле пожил. Семья у меня хорошая. Внуки. Я бы их ещё попостовал. Гони их в шею, как старик старика прошу!

– Слыхали? – хихикнул ключник. – Кыш налево, вон по той дорожке, в чёрные двери. Где табличка «для православных». Хотя вы и

безбожники, но в последние годы хоть когда-нибудь в церковь заходили, свечки ставили. Ради моды, конечно, ну да ладно.

Толпа чинно выстроилась и уже без арий, вдруг обретя дар речи, обыкновенными человеческими словами выразила общее возмущённое решение: «Пойдём за то облако, проведем пленарное совещание. А потом обратимся с апелляцией в высшую инстанцию. Посмотрим, чья возьмет. Мы – “друзья народа”!»

– Давайте, давайте, совещайтесь! – хихикнул небесный ключник.

Но тут Правитель наклонился к нему и, облокотившись на стул, указал пальцем на круглоголовую, лысую, топорно скроенную особь:

– Вот того, Петро, стоит взять к нам, Шандыбакин, кажется, он по фамилии. Бо-о-ольшой любитель улицы мести, снег убирать. Всех рекомендовал на такой полезный труд подвигнуть. Говорил, трудовое воспитание облагораживает. Может, его приспособить облака перетряхивать? Периодически, а? Потрудится на облаках – и в чёрную дверь. Опять потрудится – и опять. Для сравнения, так сказать. И в назидание. Может, он ещё на человека походить станет.

– А что, мысль! – согласился Ключник и чуть дребезжащим голосом позвал: «Эй, ты, там, как тебя, Шандыбакин! Пойдешь в службу».

Названная особь угодливо засеменила к небесному Ключнику.

И что тут поднялось! Толпа «друзей народа» вновь разразилась хором: «Раскольник! Отказник! Пролетарий презренный! Все вы такие! Кто больше даст, тому и служите».

Тут Ключник разобиделся:

– Я с ними как с людьми, а они... Поднял телефонную трубку: «Аллё! Эй, кто-нибудь там, Белиал, Самгабиел, Ахам, вышлите наряд, тут новоприбывшие бунтуют!»

Из чёрных дверей мигом показались крепенькие, хвостатые, в камуфляже и чёрных масках адовы служки и трезубцами загнали мятежников туда, где им давно быть надлежало...

ПОСЛЕДСТВИЯ ПОБЫВКИ

После этого происшествия итальянцы побрели докладывать Всевышнему обо всём, что видели, сперва приватно, потом последовала общая ассамблея.

Юркий в кепочке и Усатый засеменили следом:

– Ну, как? Людишки бунтуют, небось? Не угомонились? – ликовали они. – Нет, не пропал наш скорбный труд!

Недолго, однако же, ликовали. Раздражённые увиденным, итальянцы решили их пыл поубавить.

– А, между прочим, Мумию твою из гроба хрустального выволокли, тоже мне спящая красавица! – съехидничал Гоцци. – У тебя тут пятки не чесались? Сожгли ведь твою Мумию. Напрочь сожгли!

Юркий и Усатый мигом отстали.

На общей ассамблее Саваоф призвал к своему облачному трону Учёного и поблагодарил за дельный совет, данный итальянцам:

– Страна, которую вы им указали, модель мира. И пока там не воцарится порядок, не быть миру на земле. А как вы думаете, Ваше Величество Николай Александрович?

Последний убиенный царь-мученик, польщенный Всевысочайшим вниманием, негромко, но внятно произнёс:

– Только помазанник божий способен вызвать почтение у народа прекрасной и несчастной страны, непохожей ни на какую другую. И уважаемые господа итальянцы достойны всяческого отличия за придуманный ими ход, который высветил всё зло, посеянное этими господами! – царь-мученик обернулся к Юркому в кепочке, который, впрочем, тут же вытащил паричок и попытался замаскироваться, и к Усатому. – Всё, что они посеяли, отравило землю этой страны на сотни лет. Ничто, ничто не изменилось за прошедшие годы после нашей кончины. И даже «конец света», так остроумно придуманный одним из господ итальянцев, никого не испугал и никого ничему не научил. Вот разве что по всей стране Идола в кепке носили, да Мумию сожгли. Хоть маленькая, а победа разума.

Саваоф поблагодарил итальянцев и позвал к себе Сеятелей зла:

– Сегодня из-за чёрной двери вызволяем двух бомжей – так, кажется, называются люди без крова, пищи и денег, – которые в пьяном гневном подрались до смерти. Не хуже чем «друзья народа» из Хоровой Палаты. А вы отправитесь в свою компанию. Может, тоже научитесь петь в хоре! – даже позволил себе сосричь Саваоф. – И захватите с собой вашего Длиннополого. Он в аду пригодится. Опыт у него немалый, может, чему-нибудь более современному научит адских слуг. А то уж больно по старинке работают.

Из проходной послышался звонок.

– Что? Что? Аллё, ничего не слышно! – попытался Саваоф дуть в трубку. – Почему такой шум? Что? Расстрел на площади? Толпа невинных устремилась к нам? Просят хоть здесь покоя? Кто затеял расправу? Щуплец? Он же Крошка?

– ...

– Так, значит, – помолчав, вздохнул Саваоф, – у нас становится тесновато. Так что вы, господин Робеспьер, – ну, я подумаю, кто еще, – тоже освободите место. Следовало бы и вас, господа итальянцы, как комедиантов, а посему заведомых грешников, тоже направить той же дорожкой, да уж очень вы мне удружили. Показали, как всё обстоит на земле на самом деле, а не как в хвалёной прессе. Даже небесной. Оставайтесь. Вы прощены навеки за все прошлые ваши проделки.

* * *

Примерно так мы представили себе заключительный аккорд этого фантазмагорического действия, начало которого приснилось как-то в послеобеденном сне молодой счастливой жене Учёного, снискавшего покой под сенью Всевышнего.

Написав эти строки, мы живо представили, как трое зачинщиков великих преступлений, predeterminedных на века вперед, пытаются сторговаться с Саваофом:

– А, может, в чистилище? Вот и Учёный считает, что нерационально используются площади, а сами говорите, тесновато, мол! Вы могли бы туда и Бородавчатого перевести. Всё-таки он Главный Харизмастик современных прогрессивных сил. И всю Хоровую Палату. Не такие уж они грешники, могли бы и очиститься за два-три века. Ну, что вам стоит? А мы бы там славную ячейку устроили. И никому от нас никакого беспокойства. Пока. А там – ещё чья возьмет...

Саваоф, который, как известно, воплощение высшего Милосердия, начал было прислушиваться к их мольбам. Но тут зазвонил телефон.

– Да, я это, кто же ещё! – строго кинул Всевышний в трубку. – Что, уже успели донести? Ах, голубь пролетал. Да, может, отправлю в Чистилище.

– ...

– Как это вы против, если я так решил? Какое ещё специальное оснащение? Что? Слив для смывки крови? Полагаете, повторится

история с участниками Варфоломеевской ночи? Когда все коридоры и дорожки залило смьгой кровью... Ах, и всё Чистилище тогда затопило? Ну, я подумаю.

Саваоф помолчал. Потом вновь призвал лично Ахама:

– Забирайте помимо Усагого и Юркого в кепочке также и Длиннополого. И господина Робеспьера. Впрочем, захватите и философа Вольтера. Да-да, и его. Смутители умов – исток семи смертных грехов.

– ...

– Ничего, у вас места хватит, в крайнем случае, посадите их по двое в один котёл. Им же веселее будет. В тесноте, да не в обиде.

На том бы ассамблее и кончиться.

Но не мог же, в самом деле, Учёный, который так недавно побывал в пору несостоявшегося конца света в гуще событий тех дней, не мог он не озаботиться судьбой чудаковатых, одиноких, всеми отринутых после сожжения книг обитателей дома, обозначенного на его визитной карточке.

– Господи! – воззвал он. – По моим расчётам они давно должны быть здесь. Но они такие беспечные. Уверен, блуждают где-нибудь среди облаков. Прими их, Господи, они много страдали и никого не предали.

Посланный в разведку верный голубь невдолге, тяжело взмахивая крыльями, опустился на облако у самого уха Саваофа: «Идут!» – сообщил он.

И в конце дорожки в самом деле появились те двое. Они держались за руки. В их давнишнем дневнике звучала шуточная песенка «Добрые зверята ходят лапа в лапу» – вспомнили мы, представив их появление.

– Даруй им покой, господи! – взмолился Учёный и Саваоф подзвал их.

– Здесь, у ног моих опуститесь, чада мои, и здесь пребудете вовек.

– А книги? Наши книги? – взволновался Чика. – Мы писали их усердно, чтобы более не повторилось всё, что натворили Смутители Умов.

Саваоф лишь кивнул головой и у ног его появились груды пепла, которые на глазах у всех превращались в строки, строки сливались в страницы, страницы одевались в переплёт, и вскоре около новоприбывших выросла внушительная стопа толстых и тонких книжек.

Саваоф подзвал голубя.

– Размножь и вели, ну, хотя бы Ахаму, чтобы каждому из изгнанных сегодня выдали по стопке. Пусть читают до той поры, когда смогут дословно повторить себе подобным всё, что прочтут, хотя бы понадобилась на это даже тысяча лет!

Измученные, но убогатворённые, новоприбывшие двое прилегли у ног Всевышнего: «Мы так устали, так устали!» – твердили они, погружаясь в сладостный сон.

* * *

Мы решили подарить этим двум именно такой конец. Ибо по преданию, когда сжигали их книги у подножия нового идола Крошки, они, держась за руки, бросились в кострище и сгнули в нём...

*Алма-Ата – Кемерово,
май 1972, 1996-1999 гг.*

Пётр Ореховский **ПРОСТЫЕ ЛЮДИ**

Геном кувшинки содержит на порядок больше элементов, чем геном человека; последний, оказывается, очень похож на геном крысы. Кто знает, как всё было: может, это деревья деградировали до человека, будучи гораздо более разумными, может, человек – тупиковая ветвь развития обезьяны (крысы?), может, что-то ещё. Одно несомненно – люди всему дают оценки, полагая, что они вправе это делать... договорился же один философ до того, что человек есть мера всех вещей. Смешно даже подумать, будто без человека вещи потеряют свою соразмерность... видите ли, этот философ полагал, что вещам мера без разницы. Вроде как природа у нас безразмерна. Конечно, конечно. Многие и сейчас так думают, но высказываться вслух побаиваются. Экология, знаете ли...

Если люди смотрят вот так на природу, то отчего бы им не смотреть точно так же и на других людей? Внизу, на нижней ступени развития, стоит простой человек. На вершине пирамиды эволюции – президент. Или не президент, а человек успешный и богатый. Сказал же один писатель, что богатые люди – не такие, как мы. И ответил ему другой писатель: конечно, они другие: у них больше денег.

Может, всё не так безнадежно, думал Юрий Васильевич Сидоренко. Может, если найти простого человека, любящего жизнь, традиционные ценности, гетеросексуального... он просто обязан быть душевно чистым. Социальное развитие, которое началось с простого человека, потом пошло не туда, не в ту сторону. И вот вся наша система теперь такая, неправильная, и революции оттуда социалистические с капиталистическими реформами жилищно-коммунального хозяйства... всё оттого, что развитие у нас неправильное. Простые люди... они ближе к корням. И если всё начать сначала, может быть, появится новый шанс.

Юрий Васильевич был непростой человек. К сложным он себя тоже не относил, ибо имел средний денежный достаток... да, а живущие на ограниченные финансовые средства люди редко думают о себе сложно. Непредсказуемость и тяжесть мира их сильно озадачивают, над глобальными проблемами они часто ломают себе голову, но о себе редко думают как о рафинированных изощренных натурах. Сидоренко в своё время пришлось переквалифицироваться из биолога в бухгалтера... впрочем, он не воспринимал это как большую потерю. Давнее его место работы в бактериологической лаборатории при местной клинике плохо оплачивалось, процедуры большинства анализов были рутинными, количество этих анализов и тестов – бесконечным... Юрий Васильевич не жалел, что ушёл. Переквалификация в бухгалтеры далась ему легко; иногда он даже недоумевал, отчего среди его коллег большинство – женщины. Противоположный пол, по его мнению, был неточен и неаккуратен; в сущности, женщины мало приспособлены к постоянной методической работе, которая требуется от бухгалтера. Такое его отношение к коллективу, в котором он был единственным мужчиной, создало ему репутацию зануды, хорошего работника и профессионала. Бухгалтерские дамы не рассматривали его как достойный объект своих посягательств и зачастую делились с ним своими домашними, а иногда, после посиделок на праздники, и интимными проблемами. В результате Сидоренко укреплялся в своём мнении о них, а они – в своём мнении о нём, и все были довольны.

А ведь они были кардинально неправы. Юрий Васильевич был очень даже страстный мужчина, и, кроме семьи, в которую он относил большую часть своей заработной платы, он время от времени

имел романы. Влюблялся он сильно, и если ему отвечали взаимностью, то вскрывались совершенно неожиданные вещи. Юрий Васильевич дарил цветы и духи, читал стихи, становился чрезвычайно нежен, ласков и заботлив. Правда, продолжалось это, как правило, недолго: обычно дамы, которыми он так увлекался, принимали его отношение за решение порвать с семьёй... а это было ошибкой. Несмотря на все свои увлечения, Юрий Васильевич уходил из семьи не собиравшись. Дома он был деспотом, и его жена вполне разделяла взгляды коллег из бухгалтерии – хороший человек, но зануда. Воспоминания о бурном романе, приведшем к замужеству десять лет назад, становились всё бледнее...

Сидоренко же чувствовал себя дома вполне комфортно. Вероятно, при более лёгком характере он мог бы стать обычным ловеласом, но каждый раз он искренне раскаивался в своём новом увлечении, глубоко это переживал... и поэтому в очередной раз увлекался примерно через два года.

Жена Юрия Васильевича тоже была непростым человеком. Она работала библиотекарем, закончив в своё время институт культуры. Ей было тридцать три, Сидоренко – тридцать шесть, их дочери, которая много времени проводила с бабушками, десять лет. Нина Алексеевна Сидоренко остро чувствовала недостаток карманных денег... того, что выделял Юрий Васильевич на содержание семьи, хватало на еду, мебель, какую-то одежду... Одежда была именно «какой-то», на взгляд Нины Алексеевны. Кроме того, они почти никуда не ездили отдыхать в отпуск, проводя время на даче, где основное время уходило на уход за садово-огородными культурами, а общались в основном с родственниками. Изредка ей удавалось выбраться в театр или на концерт с подругами. И так проходили лучшие годы! Это было ужасно. Но Нина Алексеевна искренне уважала и ценила Юрия Васильевича... хотя ей иногда бывало так скучно, так скучно... Но периоды скуки, к счастью, не продолжались долго.

У неё всегда были долгосрочные цели в жизни. В шестнадцать лет она поняла, что ей надо будет выйти замуж, и шла к этому пять лет. Потом надо было родить ребенка, что получилось сравнительно быстро. Но одновременно с этим встала проблема квартиры, которую они смогли, наконец, построить, продав сидоренковскую комнату в коммуналке, считавшейся раньше семейным общежитием, и

экономия на всём. Это заняло ещё семь лет. Потом квартиру надо было ремонтировать, приобретать мебель...

Новая цель появилась только в тридцать два года. Нина Алексеевна колебалась в выборе между рождением второго ребенка и приобретением автомобиля; они обсуждали этот вопрос с Юрием Васильевичем, который, впрочем, склонялся скорее к ребенку, но хотел, конечно же, и автомобиль. В конце концов, победила машина... они совсем недавно получили права, теперь можно было заняться покупкой. Вдобавок теперь всё так упростилось: банк давал кредит под зарплату Юрия Васильевича... и совсем недавно подержанная иномарка заняла место на платной автостоянке. Как оказалось, это потребовало других существенных ежемесячных расходов. И теперь встала цель приобретения гаража... а ещё надо было вернуть кредит банку.

Вот так напряжённо и шла жизнь семьи Сидоренко. Надо было много работать, чтобы приобрести самое необходимое, а потом нужно было сходить в отпуск, чтобы не было противно потом снова много работать... и постоянно семейство испытывало какие-то материальные затруднения. А тут раз в два года – душевная катастрофа главы семьи. И как минимум раз в квартал – депрессия у его жены. Да ещё и дочь угрожающе быстро приближалась к переходному возрасту, хотя пока Юрий Васильевич тихо восхищался её примерным поведением. У них в доме благодаря профессии Нины Алексеевны были книги, и дочь Настенька их читала, что отличало её от большинства своих дворовых и школьных подружек... Нет, размышляя Сидоренко, их нельзя было отнести к простым людям.

Людмила Николаевна Петрищева работала простым пекарем на хлебокомбинате, где Юрий Васильевич Сидоренко был заместителем главного бухгалтера. Молодая пергидрольная блондинка с карими глазами и хорошей фигурой постоянно привлекала внимание мужчин. Людмила Николаевна ничего не имела против, поэтому у неё был весьма широкий круг общения. Проблемой было то, что она развелась с мужем, однако продолжала жить с ним в одной квартире, причём бывший супруг её ревновал, требовал, чтобы Людмила Николаевна продолжала для него стирать и готовить... что, впрочем, она чаще всего исполняла. Разменивать их двухкомнатную

муниципальную квартиру бывший не соглашался: максимум, что они могли за неё получить, это однокомнатную плюс комнату в общежитии. У них был сын Павел пяти лет, который оставался бы жить с матерью, поэтому однокомнатная квартира, очевидно, досталась бы Людмиле Николаевне...

В первые годы после рождения Павлика он много времени проводил у родителей Егора Александровича. Мать Людмилы Николаевны жила в деревне, и после развода оставлять сына вечером стало не с кем. Работа пекаря – это сменная работа, комбинат работал круглосуточно, поэтому Людмиле Николаевне приходилось договариваться с воспитателями в круглосуточном детском саду, который был один на весь город, – и доплачивать им за вечерние и ночные часы. Это требовало больших напряжений как её семейных финансов, так и личного времени: детский сад находился от её дома в семи автобусных остановках.

Бывший, Егор Александрович Петрищев, был в своё время смазливый юношей с развитой мускулатурой, однако работа в качестве одного из тренеров боксёрской юношеской спортивной школы закончилась переходом его в милиционеры, где его семейству и выделили двухкомнатную... а из милиционеров в частные охранники... откуда, в конце концов, его тоже уволили. Для того чтобы добиться этих увольнений, надо было очень постараться, но Егор Александрович, пожалуй, был чересчур простой человек даже по меркам Людмилы Николаевны. Теперь он перебивался случайными доходами, участвуя в экспедициях, которые организовывали то его настоящие милицейские, то – бывшие милицейские товарищи. Случайные доходы Егора Александровича были в несколько раз выше регулярной зарплаты Людмилы Николаевны, но он любил заходить в казино, рестораны, а иногда кроме спиртного в качестве особого знака внимания мог купить домой и продовольствие... К сожалению, при таких больших доходах ему никак не удавалось отложить деньги на покупку автомобиля, и он постоянно ездил на чужих по оформленной на него доверенности.

Егор Александрович сильно пил и получал от этого удовольствие. При росте в сто семьдесят пять сантиметров и весе около центнера выпить он мог много, а поскольку от природы был зол, то во время

долгосрочного состояния легкого опьянения он мог подраться, поругаться и поломать какие-нибудь вещи. Поэтому друзья и подруги Людмилы Николаевны в их дом приходили редко. Сама же Людмила Николаевна или их Павлик, если произносили какие-то ключевые слова или, наоборот, долго молчали, могли тоже получить несколько ласковых тумаков или лещей по мягкому месту: сильно Егор Александрович их никогда не бил – жалел.

Квартира Петрищевых была не обременена книгами, компьютером или инструментами для домашних поделок. В комнате бывшего главы семейства стояли телевизор и видеомаягнитофон; просмотр фильмов и телевизионных программ был основным развлечением их совместной семейной и постсемейной жизни. Однако попасть в комнату бывшего мужа бывало непросто: на дверях в комнаты после развода обеими половинами семьи были поставлены замки. . . К Егору Александровичу похаживали добрые российские женщины, которые полагали, что Людмила Николаевна вела разгульную жизнь, приведшую их семью к распаду, загубив тем самым красивого выдающегося мужчину. Во время своего пребывания в квартире они готовили и стирали Егору Александровичу. . . что радовало Людмилу Николаевну. Однако Павлик просился смотреть к отцу телевизор, а его в таких случаях пускали далеко не всегда. Что огорчало Людмилу Николаевну.

Собственный телевизор был первой целью Людмилы Николаевны Петрищевой, которую она поставила перед собой после развода. Однако прошёл год, а она так и не могла его купить. Как-то всё время находились более неотложные нужды: надо же было во что-то одеваться и посещать парикмахерскую. И иногда вечерами они смотрели с сыном маленький переносной чёрно-белый приёмник «Юность», выпущенный российской промышленностью ещё в советское время. Людмиле Николаевне его подарила более обеспеченная подруга.

Роман Юрия Васильевича и Людмилы Николаевны развивался медленно и неизбежно. На хлебокомбинате работало всего три сотни человек, поэтому все пробывшие здесь более года становились знакомы. Юрий Васильевич долго приглядывался к Людмиле Николаевне, потом несколько раз провожал после утренней смены домой, покупая для Павлика большие упаковки российского мороженого.

Людмила Николаевна поняла всё гораздо быстрее, чем Юрий Васильевич, несмотря на то, что её интимная жизнь была редкой, тайной и порой весьма её разочаровывала. Он был ей симпатичен, и она поощряла его ухаживания. . . как, впрочем, она поощряла ухаживания и некоего Игоря Сергеевича Иванихина, который работал слесарем-ремонтником в автохозяйстве комбината. Иванихин был хорошим слесарем, и в свободное время подрабатывал жестяными работами на ремонте частных автомобилей. Это приносило ему неплохой побочный доход, а поскольку ремонтом он занимался на своём рабочем месте, то делился заодно и со своим непосредственным начальством. Всех это устраивало. Людмила Николаевна находила, что у Игоря Сергеевича золотые руки, практическая сметка и хорошая зарплата: она не задавалась вопросом, отчего ремонтник получает зарплату выше, чем она, высококвалифицированный работник основного производства (Людмила Николаевна в своё время окончила техникум пищевой промышленности). Кроме того, он был едва ли не единственным, кто мог прийти к ней в квартиру: с Егором Александровичем Иванихин был знаком ещё до замужества Людмилы Николаевны. Петрищев его терпел: Игорь Сергеевич починил у них сантехнику, привёл в порядок электрические розетки и выключатели. Однако бывший муж не позволял Людмиле Николаевне и Иванихину оставаться наедине больше чем на пятнадцать минут. . . и всегда наливал автослесарю водки, заставляя пить до дна. Игорь Сергеевич понимал, что Егор Александрович может полезть в драку, покорно выпивал и старался уйти из квартиры, пока ещё держался на своих ногах.

Однажды Юрий Васильевич по каким-то надобностям зашёл в цех, где работала Людмила Николаевна. В пекарне было жарко, и женщины в белых, одетых на голое тело одеяниях сновали вокруг одетого в костюм и галстук Сидоренко. Он поздоровался с Людмилой Николаевной и пошёл в кабинет начальника цеха. И пока шёл, несколько раз оглянулся. Она ему улыбнулась.

Стоял конец сентября, Юрий Васильевич и Людмила Николаевна шли к детскому саду, чтобы забрать оттуда Павлика. Над головой их медленно падали редкие листья. Юрий Васильевич рассказывал идущей рядом молодой красивой женщине о технологических процессах приготовления спиртных напитков. Начал он с процесса

солодования ячменя, постепенно перешёл к производству зерновых спиртов и водки, а также немного поговорил о процессах гидролиза и различии между этиловым и метиловым спиртами: удивительно, как нехватка трёх молекул может менять свойства любимого народом продукта. Дорога была длинной, Людмила Николаевна слушала Сидоренко с внимательным и чуть усмешливым выражением лица. От спиртных напитков Юрий Васильевич неожиданно съехал на трудную судьбу насекомого по фамилии кошениль, поперхнулся, помялся и вдруг поцеловал Людмилу Николаевну.

После поцелуя Людмила Николаевна спокойно и пристально посмотрела в глаза Юрию Васильевичу, и тот, несколько волнуясь, сделал ей непристойное предложение. Оно было принято Людмилой Николаевной как заслуженная победа и улучшило ей настроение. Слово «непристойность» не входило в список её жизненных понятий. Они принялись деловито обсуждать возможности реализации возникшего совместного проекта: и ей, и ему трудно было выкроить время и организовать даже номер в гостинице – в их распоряжении могли оказаться только час-полтора после работы или не больше трёх-четырёх часов из выходных... оба они согласились, что это – серьёзная проблема.

Прошёл почти месяц до того момента, как непристойное предложение стало наконец реальностью... Юрий Васильевич вошёл в свой очередной двухлетний катастрофический вираж, а Людмила Николаевна вдруг обнаружила у себя неожиданные физиологические ощущения. Она и не подозревала о том, что секс может быть так долог и хорош... несмотря на это, она продолжала приходить к Иванихину в подсобку примерно раз в две-три недели. Это были быстрые пятнадцатиминутные случки, во время которых она думала о Сидоренко. Бывало, что она тихо плакала после окончания полового акта, утыкаясь в грудь Иванихину, за плечами которого на стене над топчаном висели полуголые грудастые красотки вместе с рекламой автомобиля «Форд». Игорь Сергеевич утешал её, думая о том, что бабы – дуры, с некоторой опаской ожидая предложений по созданию совместной ячейки общества. Он приготовил уже массу аргументов, почему, будучи разведённым, он не может жениться на Людмиле Николаевне. Он был хитрым, автослесарь Иванихин, он был многослойным и многосложным человеком.

Но Людмила Николаевна не хотела за него замуж. Иногда она брала у него деньги в долг; иногда, когда она этот долг возвращала, Иванихин отказывался у нее брать. И каждый из них после очередной встречи в подсобке говорил себе, что с этим нужно кончать. Но потом, через несколько дней, Игорь Сергеевич шёл в пекарню, подходил к Петрищевой и говорил, что хотел бы встретиться. И она не отказывала ему.

А Юрий Васильевич подарил Людмиле Николаевне цветной телевизор. Ему выплатили новогоднюю премию, которую он частично утаил от семейного бюджета, в магазине электроники была распродажа со скидкой, и телевизор доставили на квартиру Петрищевых. Павлик был счастлив... Приглашённый специально для этого Иванихин настроил программы, изображение и звук. Теперь можно было переключать их, пользуясь пультом управления и не вставая с дивана.

Длинные новогодние праздники не влияли на рабочий ритм комбината: людям нужен был свежий хлеб. Бухгалтерия отдыхала, и Людмила Николаевна не видела Сидоренко. Она тосковала по нему и даже сказала Игорю Сергеевичу, что не придёт к нему больше, чтобы он оставил свои дурацкие мысли насчёт неё. Иванихин ухмыльнулся: он был знаком по крайней мере ещё с двумя работниками комбината, которые утверждали, что имели Петрищеву в различных позициях, и радостно объявил Людмиле Николаевне на чистом матерном языке настоящее название её профессии, а также насколько он хорош для неё, а вдобавок – куда она сейчас пойдёт, и когда и каким способом к нему вернётся. Никуда ты от меня не денешься, объяснил Игорь Сергеевич, потому как такие, как ты, жить без вот этого не могут...

Людмила Николаевна расстроилась. Дома у неё происходили тоже... новогодние праздники: компании бывшего мужа сменяли одна другую. Однажды она проснулась среди ночи от ритмичных женских вскриков и стонов за стеной и даже испугалась, не бьёт ли муж свою очередную подругу, потом подумала, что возможно, там этим занимается не Егор Александрович, а потом подумала, что, возможно, это всё-таки он, но женщин там по крайней мере две... Вдруг она почувствовала поднимающееся ознобом по спине возделение и одновременно поняла, что её сын тоже не спит. Желание

сразу же оборвалось, по щекам потекли слёзы, за стеной стоны сменились довольным хихиканьем... Людмила Николаевна включила телевизор, по которому показывали смелую женщину Рипли, крушащую направо-налево нападающих Чужих... Павлик сразу же увлёкся зрелищем, а она в который раз почувствовала, что ненавидит своего бывшего мужа.

Время продолжало идти в неизвестном никому направлении, но люди думали, что они умеют его мерить, считая смену времён года... вот и закончился срок подачи годовых балансовых отчетов в налоговую инспекцию. Шёл апрель. На комбинате полностью переработали очередную партию муки, а новую пришлось закупать по новым ценам: пересмотр энерготарифов привёл к росту издержек хранения зерна на элеваторах... да и погода стояла совсем не весенняя, а в южных регионах плохо взошли озимые. Правительство объяснило президенту, насколько стал лучше жить народ, а президент объявил об этом народу. Комбинат увеличил цену на свою продукцию, а вот мясо не выросло в цене совсем, как и бананы. Россиянам надо оптимизировать структуру питания и меньше есть мучного, размышлял Юрий Васильевич, отдыхая после составления годового балансового и первого квартального отчётов, вон у нас сколько толстых, скоро на американцев будем похожи.

Сидоренко часто думал о Людмиле Николаевне: в период празднования российской страной праздника мужчин в феврале и праздника женщин в марте им удалось провести вместе почти восемнадцать часов на квартире приятеля Юрия Васильевича, уехавшего в командировку. Павлика после двадцать третьего февраля Петрищева увезла к своим родителям в деревню: Егор Александрович после Нового года был сравнительно трезв едва ли два-три дня и вёл себя всё безобразней.

Это была всего лишь их четвёртая близость за полгода... В эти восемнадцать часов, проведённых вместе, они были счастливы: каждый из них нашёл в партнёре свой идеальный образ и влюбился в него. Реальные личности Юрия Васильевича и Людмилы Николаевны никак не соотносились с этими представлениями: они не то что противоречили им, просто были совсем другими. Но у них не было ни времени, ни желания разбираться...

Людмила Николаевна всё крепче привязывала к себе Юрия Васильевича, совсем не понимая этого. Она боялась, что каждая их встреча будет последней, что она сморозит какую-нибудь глупость; она знала о, в общем, счастливом браке Сидоренко и даже как-то раз видела его жену Нину Алексеевну, захавшую забрать Юрия Васильевича с комбината после работы, в то время как она шла на вечернюю смену... Петрищева не думала о том, что многие женщины на её месте попытались бы женить Сидоренко на себе: точно так же, как она отчётливо представляла себе все возможные обстоятельства совместной жизни с Иванихиным, точно так же она абсолютно не понимала, как они могли бы жить вместе с Сидоренко. Бухгалтерия казалась ей другим, нематериальным и очень сложным миром, трудные рассуждения Юрия Васильевича о каких-либо технических подробностях тех или иных процессов наполняли её голову приятным розовым туманом: Юрий Васильевич произносил множество слов, большая часть из которых были ей непонятны, однако они были чем угодно, только не ругательствами. И – о ней заботились, ей дарили цветы и милые дамские вещицы, а Павлику – игрушки. Нет, Людмила Николаевна не любила Юрия Васильевича в обычном смысле этого слова. Она его обожала и боялась.

К Иванихину она больше не приходила... тем более что у него уже были новые пассии; собственно, они соседствовали с обществом Людмилы Николаевны и раньше. Она стала много думать о своей жизни и о том, что нужно как-то устраиваться... а для этого нужно было всё-таки разменивать квартиру или искать нового поклонника с квартирой. Ни на то, ни на другое у Петрищевой не было ни сил, ни времени. Сидоренко сыграл с ней злую шутку: своим существованием в её жизни он вдруг прояснил Людмиле Николаевне убогость ситуации, в которой она оказалась. Она, которая раньше на всё могла махнуть рукой, подкинуть сына подругам и выпить в весёлой мужской компании, не зная, в чьей постели завтра проснётся, она стала страдать от чего-то. Чего? Она не смогла бы объяснить.

Это всё пошло на пользу её внешности: она сильно похудела, лицо слегка заострилось; впалые щёки сделали глаза загадочными и гораздо более выразительными. Ей повысили зарплату и сделали бригадиром: собственные трудности Людмилы Николаевны сделали её беспристрастной и одновременно понимающей проблемы других,

что особенно ценилось почти на сто процентов женским коллективом пекарни. С точки зрения рабочей мужской части комбината, Петрищева истаскалась и облезла, с точки зрения её подруг и таких мужчин, как Сидоренко, Людмила Николаевна истончилась и в ней стала чувствоваться порода. Юрий Васильевич теперь стал чаще пользоваться машиной: он старался подвезти её и Павлика до детсада или, наоборот, отвезти её с работы... Но всё равно это происходило редко, он хотел её видеть чаще... это было невозможно.

Юрия Васильевича поражало то, что Людмила Николаевна не строит планов совместной жизни с ним, не настаивает на их встречах, не просит его ни о чём при очевидной взаимности их чувств. Необязательность и хрупкость его нового романа удерживали Сидоренко от мыслей о том, что же будет дальше, – этот вопрос являлся ключевым в его прошлых увлечениях и, в конце концов, отравлял их. Здесь же он оказывался полным хозяином положения: он мог позвонить Людмиле Николаевне домой или зайти к ней в цех, а мог не делать этого. Людмила Николаевна никогда не звонила ему в бухгалтерию или в квартиру, если он специально этого не просил; не подстерегала на обычных маршрутах его городских передвижений... Он мог закрыть глаза и представить, что её нет в этом мире... и что её существование полностью зависит от него. Что ж, так оно и было, и тем сильнее душевный комфорт Юрия Васильевича зависел от присутствия светлого образа пекаря Петрищевой в уголке его души.

Юрий Васильевич вообще очень ценил комфорт. Он создавал его в своей квартире долго и упорно, и Нина Алексеевна очень помогала ему в этом. Мало того, что она занималась обстановкой квартиры, но она приносила в дом книжные новинки, которые Сидоренко любил читать. Они вместе смотрели видеофильмы, обустроили дачу, тёща и свекровь, что случается нечасто, были очень дружны и заходили к ним в гости. У Нины Алексеевны, кроме того, были два родных брата и несметное количество кузенов и кузин, которые образовывали вместе заметный клан в городе. Собственно, и в бухгалтерию хлебокомбината его устроили при посредничестве одного из родственников Нины Алексеевны, где он быстро продвинулся до уровня заместителя, а теперь, того и гляди, его сделают финансовым директором комбината.

Прошлые романы Юрия Васильевича не прошли уж совсем незамеченными Ниной Алексеевной. Они развивались в медицинско-врачебной среде, и возлюбленные Сидоренко тоже стремились к комфорту, которого Юрий Васильевич предоставить им не мог. Нина Алексеевна, несмотря на усталость после библиотечного дня, старалась окружить его вниманием и заботой – и Юрий Васильевич чувствовал себя постоянно виноватым перед ней. Роман же Сидоренко с Петрищевой Нина Алексеевна проморгала: жизнь их становилась постепенно более сытой; к весне они должны были достроить гараж, к Новому году – рассчитаться с банком за машину... и Нина Алексеевна начала мечтать о поездках за рубеж. Она хотела, как все порядочные люди, на Канарские острова... Тенерифе... но начать можно было и с Турции. Не всё же ездить летом на дачу... с родственниками.

Тем не менее, Юрий Васильевич волновался за Людмилу Николаевну. Проявлялось это в том, что он незаметно для себя начал её ревновать. Дружба заместителя главного бухгалтера и бригадира пекарей не оставалась совсем незамеченной коллегами по комбинату. Альянс правильного зануды, каким считался Сидоренко, и доброй, но разбитной бывшей жены известного в городе рэкетира рассматривался коллективом по большей части как загадка природы, по типу бывшей социалистической перековки. Женщины считали, что Юрий Васильевич оказывает на Петрищеву положительное влияние. Мужчины же считали, что бедолага бухгалтер хочет залезть к сексапильной барышне под юбку, но не знает, как это делается. Мужчины-то и беспокоили Сидоренко: он полагал, что если Людмила Николаевна кем-то увлечётся, то... он не знал, что и делать. Претензии женатого мужчины к изменам своей любовницы всегда смешны... у него от этих дилемм начинала болеть голова. «Наверное, рожки лезут», – утешал он себя.

Егор Александрович Петрищев в апреле, во время Великого поста, пришёл в себя. Деньги у него кончились совсем, и он, ничтоже сумняшеся, стал пользоваться холодильником своей бывшей супруги для насущного пропитания. Кроме того, он бродил целыми днями по городу, заходя в разные места, однако никаких занятий ему не предлагали, а действовать в одиночку он не умел.

Людмиле Николаевне надоело, приходя домой с малолетним сыном, которого ей привезла мать из деревни после окончания запоя Петрищева («у меня тут огород обиходить надо, корова отелилась... проживёте как-нибудь»), обнаруживать опустевший холодильник, и она попробовала поговорить с Егором Александровичем о перспективах жизни будущей и проблемах жизни текущей. Петрищев с радостью согласился это сделать, поскольку в своих блужданиях по городу наткнулся на упрямое молчание своих приятелей и разговаривать ему было не с кем. Кроме того, уже неделя как он занимался в тренажерном зале восстановлением подорванного здоровья, так что организм его болел, пытаясь приобрести менее расплывчатые очертания.

В ответ на кроткий упрёк в недостатке продовольствия Людмила Николаевна узнала о трудной жизни бывшего российского боксёра Петрищева. Оказывается, бокс – это очень тяжёлый вид спорта, ибо в нём всё время бьют, и по большей части – по голове; а каждый удар – это микросотрясение мозга. И что этим нужно начинать заниматься, по крайней мере, после шестнадцати лет, как это делают кубинцы, а не так, как наши, в том числе и он, Петрищев, – с двенадцати. Неимоверные лишения и страдания, которые он перенёс, занимаясь этим страшным спортом, были понесены им для того, чтобы создать нормальную семью, дом, работу и жить счастливо. Но попалась ему красивая женщина, которая использовала его лучшие годы, здоровье, чтобы покупать себе наряды, косметику, шляться по кабакам и играть на рулетке (тут Петрищев не соврал, однажды он брал с собой Людмилу Николаевну в казино: это было ещё до рождения Павлика). Он старался зарабатывать больше, бросил спорт, и что? она, после того как получила от него прекрасного здорового сына, стала регулярно отказывать ему в интимной близости, а потом и вовсе потребовала развода! а он пошёл на это, что же, пусть оценит его, и всё ждёт, пока она к нему вернётся... а она всё шляется по мужикам, истаскалась совсем, о сыне совсем не думает, а теперь попрекает его куском хлеба! а ведь живёт под его кровом и защитой, сколько он в дом продуктов приносил, и где они...

Дальше пошло совсем непечатное и длинное эссе о драных кошках, которое Петрищев произносил несколько монотонно, ворвавшись на пятках отступающего собеседника в лице своей бывшей жены

в её комнату... сын спрятался от него за стул, а Людмила Николаевна попыталась развернуться и не пустить Егора Александровича дальше. Он нанёс ей точно рассчитанный апперкот в солнечное сплетение и, после того как она скрючилась и задохнулась от боли, схватил её за волосы, разогнул, поднеся лицо Людмилы Николаевны к своему, и сказал: «Был зайчик белый и пушистый, стал седой и лохматый... помни, чьё мясо ела». Если бы он отпустил волосы, голова Людмилы Николаевны точно ударила бы о ручку дивана, но он подхватил её под колени и бережно, мягко уложил. Она тут же, как пружинка, опять свернулась в клубок на диване, хватая воздух ртом, а Петрищев оглядел комнату и констатировал: «Хорошо живёшь, телевизор купила, а из-за колбасы с соком такие скандалы!», посмотрел на сына, улыбнулся ему и вышел.

К концу апреля в жизни Егора Александровича наметились перемены. Он похудел на двенадцать килограмм, вернул себе координацию движений и постригся до модной причёски небритого колобка, став опять неотразимым для женщин. С ним начали снова разговаривать деловые люди, и он часто отсутствовал в квартире, где Людмила Николаевна навела чистоту и распаковала после зимы окна на кухне и в своей комнате. Она более не пыталась выяснить, на каком основании её бывший муж пользуется её холодильником, и уж тем более не пыталась реализовать первоначально возникший план переноса холодильника к себе в комнату.

На майских праздниках Сидоренко сравнительно быстро, с помощью трактора и родственников, посадил картошку на участке неподалеку от дачи и смог выбраться на свидание с Людмилой Николаевной. Жена с Настей были на даче вместе с тещей и свекровью, Павлика удалось пристроить к подруге, у которой тоже был сын такого же возраста, и они устроились на ночь в квартире Юрия Васильевича. В середине ночи Людмила Николаевна рассказала про эпизод своей жизни с холодильником и спросила совета у Сидоренко, что можно сделать в такой ситуации.

Юрий Васильевич был очень озадачен. Его логика подсказывала, что Людмиле Николаевне нужно съезжать с этой квартиры. Но он прекрасно знал заработок бригадира пекарей, рассчитываемый в его бухгалтерии, и понимал, что в этом случае больше половины денег

Людмила Николаевна будет уходить в качестве платы за аренду, а ведь надо ещё платить и за коммунальные услуги... и телефон... и чем-то кормить Павлика. Да и уступать Егору Александровичу казалось неправильным: ведь кто он такой? почему вот Юрий Васильевич не может себя так вести с Ниной Алексеевной, а он – может? Он порассуждал вслух, произнося варианты решения проблемы Людмилы Николаевны, которые казались очень убедительными, пока он их проговаривал, и которые сразу же становились сомнительными, когда она начинала о них думать.

Но думать ей о них сейчас не хотелось... она просто наслаждалась редкими часами покоя, вместо того чтобы анализировать рассуждения Юрия Васильевича. Что-то в них царапало её, но она старалась не замечать этого занозливого предмета. Сидоренко же произнёс ещё пару спокойных умных фраз, где окончательно решались все проблемы одиноких разведённых матерей, которым полагались алименты... Он выстроил логичный и оформленный нормативными актами мир, где Петрищеву защищали суд и милиция, и где он выступал путеводителем в правовом государстве... хотя и не защищая Людмилу Николаевну, но – тем не менее! – решая её проблемы...

За окном в тёплом воздухе цвели яблони. Они часто цветут на девятое мая.

Егор Александрович в этот раз устроился очень хорошо. Он сопровождал цистерны с осетинским спиртом, поступающие на местный ликёроводочный завод. На цистернах была страшная надпись «Метанол-яд!», они были оранжевого цвета и, конечно, перевозили топливо для местной базы гоночных катеров и материалы для местного завода пластических масс. И содержимое каждой третьей цистерны действительно соответствовало надписи на борту. Бывало, что Петрищеву и самому приходилось рулить, бывало, что он ехал рядом с одним из шофёров, посверкивая золотым зубом, выглядывающим из недоброй улыбки... Жизнь стала налаживаться. Как-то он даже дал «на мелкие расходы» Людмиле Николаевне две её месячные заработные платы, после того как она и Павлик съездили с ним пообедать в местный семейный ресторан для солидных... и свозил их на водные гонки. Предварительно они зашли в магазин детской

одежды, и Егор Александрович одел и обул Павлика во всё новое. Людмила Николаевна была потрясена до глубины души: это случилось впервые за всё их совместное, вблизи друг друга существование. Но Егор Александрович Петрищев вовсе не был жадным человеком. Просто ему вечно не хватало денег.

Семейные отношения Петрищевых не возобновились. Стоило Егору Александровичу взять Людмилу Николаевну под руку, как всё её тело вытягивалось в струну, и она слегка прикусывала губу, чтобы не дёрнуться. И в их квартире снова стали появляться женщины, презрительно поглядывавшие на Людмилу Николаевну и жалевшие Егора Александровича и Павлика.

Семья Сидоренко вернулась из Турции. Наступил август, и там стало жарко. Они ходили по городу, загорелые; Нина Алексеевна очень похорошела и слегка поправилась; Настя, как и боялся Юрий Васильевич, стала время от времени говорить колкости... Его самого, наконец, назначили финансовым директором.

В августе им опять удалось встретиться с Петрищевой... они занимались сексом и не разговаривали о семейных проблемах.

В сентябре Павлик пошёл в школу в подготовительный класс. Ему исполнилось шесть лет. Людмила Николаевна старалась помочь ему научиться читать и писать... и в результате стала больше читать сама, найдя в этом неожиданное удовольствие.

Сезонное августовско-сентябрьское обострение борьбы с незаконным оборотом спирта привело к сокращению доходов и поездок Петрищева... он часто сидел дома, заскучал и запил.

Юрий Васильевич, работая финансовым директором, начал по-другому рассматривать денежные потоки... и увидел возможности диверсификации бизнеса хозяев комбината. Он готовил доклад, который должен был бы произвести на них сильное впечатление, не виделся с Людмилой Николаевной больше месяца, поэтому узнал, что Егор Александрович Петрищев умер, отравившись метиловым спиртом, только на ноябрьские праздники, месяц спустя после похорон.

На комбинате живо обсуждали проблему: был ли это несчастный случай, или Людмила Николаевна отравила своего мужа. Как оказалось, было возбуждено уголовное дело, с Петрищевой взяли подписку

о невыезде. Мнения сослуживцев разделились неожиданным образом: женский персонал, знавший некоторые подробности личной жизни Людмилы Николаевны, был убеждён, что отравила именно она... и правильно сделала. Мужчины сомневались, но те из них, которые соглашались с женщинами, считали, что Петрищеву надо гнать с комбината поганой метлой: не дело отравителю работать в пищевой промышленности. В общественном мнении перевешивала версия о том, что Людмила Николаевна – убийца, но все дружно согласились выделить общественного защитника, писали в суд хорошие характеристики, а женщины из бригады Петрищевой проявили инициативу и собрали деньги на адвоката... как ни странно, все были едины в желании того, чтобы преступница не понесла заслуженного по закону наказания.

Милиция же отдавала своему бывшему работнику последний долг. Оперуполномоченные рыли землю, хотя и так всё было очевидно: мотив, возможности, механизм совершения преступления... не хватало только отпечатков пальцев Петрищевой на бутылке «Столичной», в которой был метанол... и не могли выяснить, где она смогла его достать. Тем не менее, в милиции её не били. Избили её уже бывшие милиционеры, ставшие ныне частными охранниками и детективами, а заодно забрали из комнаты Петрищева все деньги, которые там были... они считали, что там их должно было быть гораздо больше и что Людмила Николаевна их куда-то перепрятала.

Адвокат приехал из Петербурга; им оказалась сравнительно молодая женщина, которая произвела на пекарей весьма слабое первое впечатление. Однако она оказалась достаточно грамотной и настойчивой, что выразилось в том, что Петрищева обратилась в больницу вместе с адвокатом, кровоподтеки на её теле были зафиксированы... они отсутствовали только на лице, шее, предплечьях и ногах... Кроме того, она заставила подать заявление о налёте на квартиру Петрищевых и срыве пломбы с комнаты её бывшего мужа в милицию, проследив, чтобы его зарегистрировали...

О всех действиях адвоката немедленно становилось известно в городе. Юрий Васильевич очень переживал за Людмилу Николаевну... и принадлежал к меньшинству, полагавшему, что на убийство у неё не хватило бы пороку. Одновременно его доклад был принят хозяевами здешней хлебной жизни весьма благосклонно, и ему повысили

жалованье. Теперь, кроме его постоянной работы на комбинате, он стал курировать создание и работу мини-пекарен-кондитерских, которые принадлежали сразу трём юридическим лицам. Юрий Васильевич сильно уставал, да ещё и волнения за Людмилу Николаевну... и пожелания жены встретить Новый год за рубежом... Он попал в небольшую аварию, задев при обгоне восьмую модель «жигулей». Пришлось расплачиваться и ремонтироваться.

Жестяные работы на его автомобиле выполнял Иванихин. Придя вечером забирать семейную «Ауди», Сидоренко неожиданно услышал, что это хорошо, что его сейчас давно не видят вместе с Петрищевой, что эта стерва наверняка бы отравила ему жизнь, как вот, например, поступила она с ним, Иванихиным; а то ведь каждую неделю без её прихода не обходилось... бегала за ним липучкой...

Сидоренко взволновался и захотел узнать, когда это с ними происходило. В ответ он услышал неприятный для себя факт, что происходило это у Иванихина с Петрищевой и до, и после того, как Юрий Васильевич и Людмила Николаевна стали близки.

Игорь Сергеевич наслаждался бледным видом финансового директора, но старался не перебарщивать: его богатое воображение могло сослужить плохую службу; он боялся, что этот рохля может решить, что его специально обманывают. И Иванихин старался держаться возможно более искренне, ибо что может сильнее объединять людей, как половая и возрастная солидарность... перед подлостью противоположного пола мы все равны, а благородство никогда не делится поровну, так не лучше ли доказать, что и благородства-то никакого нет? Так мы станем гораздо ближе друг к другу...

И Игорь Сергеевич добил Юрия Васильевича. Он не стал рассказывать про топчанные диспозиции, но назвал ещё пару мужчин, с которыми «она, эта шлюха, путалась», а также добавил, что метанол-то для отравы мужа она забрала у него наверняка... Сидоренко был так оглушён, что даже не подумал спросить, а зачем автослесарю нужен был метиловый спирт? Он кое-как постарался избежать новой аварии и с трудом доехал домой, к такой простой и понятной Нине Алексеевне, к своей стремительно взрослеющей и разговаривающей на смеси английского с русским дочери Насте... Людмила Николаевна, которая всё это время не выходила у него из головы, оказалась Мессалиной, нимфоманкой с холодной головой, которая,

подобно красивым американским девушкам, изобретательно готовящим убийство своих мужей в каждом четвёртом триллере (в каждом третьем – мужья готовят убийства своих жён... о, как устроен мир! неужели это до нас докатилось...), он даже вспомнил о том, как подробно он объяснял Людмиле Николаевне по ходу сентябрьской прогулки свойства метанола...

...Адвокат, однако, спросила Иванихина, а где тот взял метанол и для каких целей он его использовал... Игорь Сергеевич, не будучи настолько предусмотрительным, сказал, что он чистил им детали двигателей, а про источник придумал, что в гараж его принёс кто-то давно, целую канистру, он уже и не помнит, кто именно. Адвокат вдруг придралась к этим убедительным аргументам, заставив Иванихина ответить, что обычно при чистке автомобильных деталей он всё же применял бензин и что на хлебокомбинате метанол ни для чего не применяется... потом выяснилось, что она знает (а следом узнал и зал суда), что Людмила Николаевна была в интимных отношениях с Игорем Сергеевичем и что она была инициатором разрыва этих отношений, что с удовольствием подтвердила одна из работниц бригады Петрищевой («всегда ко мне придиралась, мымра», – подумал обозлённый неожиданным для него оборотом дела Иванихин).

Суд продолжался две недели. Молодая дама-адвокат не смогла запятнать честное имя Петрищева доказательствами его причастности к вымогательствам и производству палёной водки, да и не пыталась это сделать: это бы многих разозлило. Однако она показала неожиданную вещь: по официальным документам получалось, что Людмила Николаевна получала зарплату значительно более высокую, чем её муж, который, тем не менее, позволял себе весьма дорогостоящие развлечения...

Тем не менее, прокурор доказывал, что Петрищева пыталась завладеть квартирой... и поскольку теперь в ней проживает разнополая семья, ей это удалось... таков был глубокий преступный замысел. Опровергнуть эти доводы адвокату так и не удалось. Но Петрищеву оправдали... за недостатком доказательств вины.

Людмила Николаевна всё это время продолжала работать на хлебокомбинате. К ней приехала мать, с которой они практически не разговаривали, но которая могла оставаться с Павликом после

уроков. Крашенные пергидролем волосы Людмилы Николаевны отросли, оказавшись тёмно-русыми, она мало пользовалась косметикой, худоба и неистребимо свежий, с постоянным румянцем, цвет лица приводили к тому, что в её двадцать семь люди принимали её за выпускницу старших классов. Смущало только слишком дерзкое выражение глаз. После суда она многим осталась должна, гонорары адвокату были равны её зарплате примерно за семь-восемь месяцев работы.

До Юрия Васильевича постепенно дошли слухи, что Петрищева регулярно выпивает, что это началось ещё до суда, что она делает это в одиночку и что она уже пару раз отпрашивалась с работы, меняя смены... Сидоренко влекло к Людмиле Николаевне, но он стойко держался, считая, что эта женщина не стоила тех больших и светлых чувств, которые он к ней испытывал. Что она сейчас свободна и вполне может найти себе мужчину по своему вкусу и складу характера. Что вообще деревенское происхождение и средне-техническое образование располагают к распущенности.

Но тихое домашнее пьянство Людмилы Николаевны не входило в представления о её будущей счастливой жизни со здоровым самцом-производителем, которые нарисовал себе Юрий Васильевич. Он позвонил ей домой и по её голосу понял, что слухи были не лишены основания. Петрищева была навеселе и его сначала не узнала. После того как он назвался, она спросила его, что же он теперь хочет. Его задело это «теперь», он начал было её воспитывать и объяснять её неправильное поведение, но она, чего с ней не бывало раньше, перебила его, сказав, что сейчас не может с ним говорить, и попросила о встрече. Юрий Васильевич холодным голосом пригласил её в городской парк. Она сказала, что может не раньше чем через три дня. Через три дня не мог он... и они договорились встретиться в пятницу вечером.

Была середина октября, и листья уже облетели, но до первого снега было далеко. После дождей несколько дней стояла ясная теплая погода... казалось, вот-вот вернётся лето. Петрищева, пришедшая на встречу, была бледна как мел... она опять обесцветила волосы и накрасила губы тёмной помадой... Юрий Васильевич вглядывался в это лицо, ему казалось, что его засасывает какая-то страшная

воронка, ему было приятно и страшно это ощущение... при этом он продолжал говорить себе, что он ненавидит эту женщину, не ставшую уголовницей за недостатком доказательств... Он стал упрекать её за Иванихина... она согласилась с ним, что это было нехорошо с её стороны. Она упрекнула его, что она никогда не знала, а будет ли следующая их встреча... и ей очень тяжело жить совсем без надежды... он согласился, что это тоже было нехорошо с его стороны. Они выяснили, что оба хотят прямо сейчас оказаться в одной постели, и поехали в гостиницу, благо их город был большой и гостиниц в нём было много. Они остались в ней до утра... В полночь Сидоренко звонил домой из номера и что-то врал Нине Алексеевне.

В два часа ночи с Людмилой Николаевной случилась длительная двадцатиминутная истерика. Она билась, зажав зубами одеяло, по щекам текли слёзы, она то прижималась к груди Юрия Васильевича, то вдруг начинала отгалкивать его, царапаться и пинаться. Сидоренко казалось, что это продолжалось целую вечность и что они перебудили весь гостиничный этаж... но им только пару раз постучали в стену. Когда Людмила Николаевна пришла в себя, она рассказала Сидоренку, что он пропал, она не знала, как быть дальше... и выпивала всё чаще... самый дешёвый алкоголь в России – это водка... и она регулярно принимала его уже с июля, уложив Павлика спать. Хватало ей тридцати грамм... и тогда она тоже могла спокойно заснуть. Пила она в основном «Столичную», когда же запил и Егор Александрович, то иногда она пользовалась его запасами, полагая, что при его дозах он ничего не заметит. Несколько раз они выпивали вместе... однажды он напоил её и на её глазах был с другой женщиной, интересуясь, что же не устраивает её в том, как он это делает... и она не могла уйти... ей было *весело*... В другой раз он опять напоил её и хотел сделать это с ней, но она отказалась... а Егора Александровича можно обвинять в чём угодно, но только не в изнасиловании... и тогда он, видимо, и оставил ей в холодильнике бутылку «Столичной» с метанолом, но она пыталась неделю не пить, для чего брала дни в счёт отпуска, ездила с Павликом в деревню, мать водила её к местной бабке и в церковь, а когда она приехала, он был с трёхдневной щетиной и мёртвый не более четырёх часов... а холодильник был пустой, и в его комнате стояли бутылки, валялись использованные презервативы, и вся квартира пропахла блевотиной.

«Ведь ты будешь со мной? Ты же меня не бросишь?» – спрашивала Юрия Васильевича Людмила Николаевна, отвлекаясь от своего сбивчивого рассказа и, если Сидоренко задерживался с ответом, начинала дрожать всем телом... всё у них в ту ночь было по-другому, без того счастья, которое они испытывали, решив, что только что нашли друг друга... Но Юрию Васильевичу было жалко и страшно за Людмилу Николаевну и одновременно хотелось быть от неё подальше, он вдруг подумал, что сам он никогда не испытывал такого чувства к женщине... и пить от безысходности глупо, тем более, когда ты несёшь ответственность за своего сына... и много ещё чего в ту ночь думал Юрий Васильевич, а Людмиле Николаевне было не до мыслей... она сказала Сидоренку в ту ночь гораздо больше слов, чем за все их предыдущие встречи.

Последствия этой ночи доставили Юрию Васильевичу массу неприятностей. Нина Алексеевна неоднократно выясняла с ним по этому поводу отношения, но неожиданно он проявил твёрдость. Сидоренко захотелось добрых дел, и он помог Людмиле Николаевне деньгами... Несмотря на все неприятности, Юрий Васильевич потом ещё почти год встречался с Людмилой Николаевной, пока их роман полностью не исчерпал себя: до Петрищевой вдруг дошло, что он не любит и боится её. К тому времени она уже немного поправилась, на щеках её играл естественный, а не водочный румянец, и за ней уже опять стали ухаживать мужчины, пытаясь познакомиться на улице, в магазинах и транспорте... и она перестала отказываться от новых знакомств. Она долго выбирала и, наконец, выбрала полностью положительного строительного мастера, который был старше её на десять лет, разведён, но чадолюбив и непьющ. Прописывать его в своей квартире она не стала, как он ни настаивал на этом, и через два года родила от него девочку. Она очень уважает своего второго мужа, который многое делает по дому, приносит деньги, оставшиеся после выплаты алиментов, Людмиле Николаевне, а также отдаёт ей полученные от клиентов, которым он ремонтирует квартиры, левые заработки. Она всегда улыбочлива и приветлива и создаёт в доме покой и комфорт... оба они теперь потихоньку собирают деньги на автомобиль, чтобы можно было спокойно ездить к матери Людмилы Николаевны с детьми в деревню. Это – новая задача, которую поставила

Людмила Николаевна, и, когда она выйдет из декрета, она, несомненно, будет быстро решена...

Юрий Васильевич и Нина Алексеевна полностью помирились... следующим летом они были на Тенерифе, после чего Нина Алексеевна сказала, что она теперь всё видела, и они начали строить загородный дом, для чего заложили свою городскую квартиру... и взяли новый большой кредит. Юрий Васильевич много получает, им очень довольны хозяева, он теперь часто рассуждает о государственных финансах, всё понимает в макроэкономической политике и считает, что лучшие бухгалтеры получают из врачей и химиков; экономисты не имеют необходимого уровня подготовки... на все эти темы он рассуждает подолгу, и окружающие слушают его с почтительным вниманием. Нина Алексеевна мечтает о камине и готовится стать матерью: скорее всего, достройка дома и рождение второго ребёнка произойдут почти одновременно. Настенька, в преддверии переезда за город, взяла щенка добермана, из которого вырос здоровенный пёс. Он слушается женщин Сидоренко, сам же хозяин его побаивается, но думает, что с псом дома уютней.

Иванихин ушёл с комбината, став совладельцем авторемонтной мастерской. Дела его не очень хороши, он работает по десять часов в день, но ленивые помощники, жадный партнёр и государственные налоги ужасно его раздражают. В мастерской поменялась уже третья молодая женщина – главный бухгалтер. Все они оказывались в постели Игоря Сергеевича... а потом он с удивлением обнаруживал, что деньги в кассе по его расчётам и по бухгалтерии получаются совсем разные...

Иногда Юрий Васильевич вспоминает о Людмиле Николаевне и метиловом спирте. Сейчас, по прошествии времени, ему кажется, что она всех, включая его, обманула. Посмаковав эту мысль, он приходит к выводу, что в России практически нет простых людей, и особенно их нет среди рабочих и крестьян... их способы выживания требуют исключительной сноровки и приспособляемости. Юрий Васильевич склоняется к тому, что на самом деле простой и неиспорченный человек – это он сам, но таких, как он, в России слишком мало...

Он не жалеет о романе с Петрищевой и, может быть, впервые не ощущает себя виноватым перед своей семьёй. Людмила Николаевна подарила ему неожиданную уверенность в себе. Он понял, что может быть привлекателен сам по себе, и есть женщины, которые примут его таким, как есть, не претендуя на создание семьи и роль новой Нины Алексеевны. Очередные два года катастрофической спирали давно истекли, сейчас они встречаются с его старой знакомой по клинике, которая ушла оттуда на вольные хлеба и организовала процветающий косметический салон. В этот салон стала ходить его жена... и врачебное знакомство возобновилось. У Юрия Васильевича очень гармоничные отношения с хозяйкой салона: они одного возраста и часто говорят о бизнесе и фармацевтике... вдобавок в салоне всё очень удобно устроено...

Правда, в последнее время его часто вызывал к себе собственник хлебокомбината, и там, в приёмной, он познакомился с одной его советницей, которой всего двадцать пять лет, она специалист по PR, у неё прекрасная фигура, тёмные глаза и она платиновая блондинка. Она уже пару раз звонила ему на комбинат, и в субботу днём они договорились встретиться в городском парке... но это, как отлично понимает теперь Юрий Васильевич, будет уже совсем другая история об очень непростых людях.

Обнинск, июнь 2003

Георгий Петрович НА МУТНОЙ РЕКЕ

Глава первая

Тёмной осенней ночью по неухоженной дороге с крутого уклона в ложбину мчался, подвививая на ухабах, новенький «газик». В деревянном кузове машины «ГАЗ-51» на одну треть его длины была сколочена из досок и обшита снаружи кровельным железом будочка. Днём в ней инкассаторы возили деньги, а после работы шофёр использовал остальные две трети кузова в личных целях.

Машина с характерным для «газика» подвиванием набрала на спуске максимальную скорость, для того чтобы легче преодолеть с

разгона предстоящий подъём, а впереди у обочины дороги стоял на нетрезвых ногах квадратного сложения мужик лет пятидесяти.

Мужчина предусмотрительно посмотрел налево, удостоверился в том, что дорога пустая, сделал два шага, намереваясь перейти дорогу, взглянул направо, увидел свет фар мчавшейся с горы машины и остановился. Качнулся в сторону стремительно приближающегося «газика», но осознал опасность и выровнялся. Отступил на размер ступни, неуверенно перебрал ногами, как ребёнок, только что научившийся ходить, и отклонился корпусом назад. Тут его повело в сторону, но он всё-таки удержал равновесие и снова, на этот раз уже с роковой неизбежностью, шагнул навстречу гибели.

Раздался громкий удар, словно по кузову ударили кувалдой. Мужчина взмахнул правой рукой, как будто голосуя, и тяжко упал на спину у обочины.

Удар углом кузова пришёлся прямо в висок. Машина не остановилась, наоборот, водитель надал, влетел на гору, резко свернул у больницы в лес на просёлочную дорогу и помчал в сторону малюсенькой речушки с не подходящим для её размера солидным и верноподданным названием Красный Урал.

Всё это дорожно-транспортное происшествие в его мельчайших подробностях видел проходящий мимо молодой человек с фонариком. Он сошёл с деревянного тротуара и с большим интересом проследил взглядом маршрут удаляющегося «газика». Ему не надо было запоминать номер машины. Зачем? Такая будочка в кузове была единственная в городке, и молодой человек не только точно знал предназначение автомобиля, но и фамилию водителя. Ему ли было его не знать. С детства, с самого раннего детства знал того, кто сидел за рулём «газика». Так хорошо знал, как никто другой в городке.

Молодой человек направил луч фонарика на лицо убитого (на улицах городка в те годы не было ночного освещения, и все ходили с фонариками), узнал погибшего тотчас же и машинально отметил интересные до жути детали – выбитый из орбиты глаз на тонкой верёвочке нерва, кровь в глубокой ямке между кивательными мышцами на мощной шее, как в рюмочке налитой до краёв, тёмную, расплывающуюся лужу под затылком и запах – кровь резко пахла алкоголем.

Подошла бог весть откуда взявшаяся бабёнка (он знал барак, в котором она живёт), запричитала тихонько, как по родственнику, наклонилась, деловито и проворно, не обращая внимания на стоящего рядом свидетеля, сняла с запястья мертвеца часы (в пятидесятых годах часы представляли собой большую ценность), увидела, что со стороны больницы идут люди, и ушла прочь с дороги.

Молодой человек тоже не стал дожидаться приближающихся людей. Он отошёл в темноту, ступил на деревянный настил тротуара и выключил фонарик. Ему было невыгодно быть свидетелем убийства явным, для него лучше было быть свидетелем тайным. Он точно знал, что теперь будет делать сбежавший с места происшествия водитель. Ему ли было не знать, как тот поведёт себя в такой ситуации? Он подъедет к речушке, тщательно замочет угол борта от крови, а на другой день докажи попробуй, что это он сбил мужика, а не другой водитель. Вот так всё бы и проканал, если бы в случайных свидетелях оказался кто-нибудь другой, а не этот молодой человек пониженного питания с запоминающимся лицом.

Молодой человек прибавил ходу и сказал сам себе: «Ну, всё, альбинос. Вот теперь тебе хана!».

* * *

Большая полноводная река Кама подпитывается малюсенькими речушками.

Имя им – легион. На территории проживания молодого человека пониженного питания с запоминающимся лицом протекают: Первая Никитинка, Вторая Никитинка, Широковка и Ермачиха. Все их нужно пересечь, поднимаясь таёжной дорогой в посёлок к староверам. Это восемнадцать километров от городка, и всё в гору.

Само поселение кержаков расположено в месте слияния рек Мутной и Вильвы.

Вильва мало уступает по ширине реке Чусовой, а по весеннему разливу, по буйству, скорости потока и по коварству – значительно превосходит последнюю. Зазевался на крутой излучине – и прямоком под скалу. А оттуда обратного пути нет. Тот счастливец, кто смог благополучно сплавиться по большой воде вниз до города, обязательно должен проплыть мимо места впадения в Вильву всех вышеперечисленных речушек. Все они вливаются в реку с правой

стороны. Слева к Вильве подбирается только одна журчалочка по имени Рассольная.

Года нет, чтобы кто-нибудь не утонул в ледяном водовороте, а всё равно каждую весну поднимаются пацаны трудной дорогой на Мутную, вяжут плоты и сплавляются до городка. Ни разу не сплавившийся и не подвергшийся смертельному риску – не пацан. Молодой человек с запоминающимся лицом тоже тонул. Налетел плот на валун, стал на дыбы и напололам. Пацан плавал недурно – под ледяную воду камнем не пошёл, но потянуло неумолимо течением под утёс. Спасибо Лапше – выгашил из пенистой волны за шиворот и не наслаждался благородством, а хохотал не по делу. И было тогда молодому человеку тринадцать, а Лапше – шестнадцать лет.

А между тем молодому человеку было не до смеха. Бревно от развалившегося плота не слабо приладило его по голове, и это было уже второе сотрясение мозга. Первое случилось, когда пацану было всего четыре годика. Отец открыл подпол (сам вырыл его для хранения овощей в бараке), а малыш спал на диванчике. Вот он сладко потянулся спросонья, повернулся на бочок, ещё раз повернулся и полетел вниз. Две половые доски, закрывающие подпол, были вырезаны параллельно и рядом с диваном. Сначала малыш грохнулся головой, а потом его ещё ударило током. Отец не удосужился или ещё не успел заизолировать места соединения электропроводов для осветительной лампы. И нужно же было так случиться, что именно в это место угодил сынок ладошкой. Дёрнулся всем тельцем и затих без сознания. Прибежал на крик старенький мулла Фардеев, бегло взглянул на малыша, взял со стола ложку, вставил её между зубами, раздвинул их и влил из стакана в рот малышу простокваши. Малыш закашлялся, вздохнул и открыл глаза. Расскажи современным докторам про такой метод реанимации – не поверят.

Болела с детства головёнка. Клинику первого сотрясения малыш позабыл, но вот после второго все симптомы были налицо. Двоились предметы, мелькали мушки перед глазами, поташнивало, и три недели трещала от боли голова. В основном донимали виски.

* * *

В городке есть два Лапши. Отец по кличке Лапша-базарник и его сын – Коля Лапшин с погоняловым простым и удобным, как ладно струганное топорище, – Лапша.

Батя заведует единственным в городке базаром, отсюда и прозвище.

Пьёт Базарник запоем недели по две, но порядок поддерживает на рынке строгий и на работу выходит регулярно. А когда становится лицо цвета перезимовавшей свёклы, директор базара резко прерывает запой и начинает процесс оздоровления. Топит баньку ежедневно, чтобы вместе с потом из организма вышел весь яд, хлещет себя, как будто-то бы он – член запрещённой секты хлыстов, сладострастно истязает себя веничком собственного изготовления (берёзовые ветки со смородиновыми) и гоняет чай с полезными травами до седьмого поту, до появления, как он сам выражается, «красномедности рожи лица».

В запой срывается далеко не после каждой пьянки, что само по себе является загадкой для врачей-наркологов, может по полгода жить, как все люди, – выпивать и не опохмеляться, а потом вдруг становится хмурым без причины, злобным, вредным, опасно раздражительным и начинает вливать в себя зелье литрами, жадно и ненасытно.

Базарник хромой. Охромел уже после войны.

Поставил сеть-мерёжку в старице на ночь. Утром идёт на лодке «на шесте» против течения (дело трудное, новичкам – не под силу), а навстречу бендеровец по кличке Ерёма вниз по течению плывет. Уже мимо проплыл, Базарник глядь ему вслед – в лодке его мерёжка лежит. Он её по берестяным поплавам узнал.

Развернул лодку, стал догонять. Ерёма понял, в чём дело, достал ружьё: «Не подходи, у меня в стволе жакан на медведя».

Базарник подплывает, вроде дула не видит. Ерёма бахнул ему в бедро, но переломить ствол для перезарядки не успел. Раненый упал на колени, дёрнул на себя дуло левой рукой, а правой охотничий нож в бок воришке сунул. Тот ойкнул тихонько, как икнул, и завалился мешком на дно лодки. Базарник перевязал себе ногу, потом Ерёме первую помощь оказал – перебинтовал его рваной рубахой и водным путём до городка доставил.

Лечились в одной палате. Заяву друг на друга не писали. Подружились даже, ходили после выписки пьяные в обнимку: Базарник с костылём, Ерёма – с трубочкой из инфицированной раны. Гной из трубочки-дренажа капал в пузырёк. Веселились.

А зимой Ерёма пропал. Оттаял только по весне в овраге рядом с домом Лапшиных.

Сам целый, вот только чуть ниже подмышечной впадины слева едва заметная дырочка от сапожного шила.

Таскали Базарника на допросы, но ничего доказать не смогли. С тех пор стали люди сторониться директора базара. Сына его тоже недолюбливают. Тех, кого боятся, редко любят.

Куда подевалась мать Коли-Лапши, никто не знает. Людишки они тёмные, но не в смысле общего развития, а в смысле нутра. Ни с кем из ссыльных не дружат, в дом чужих не приглашают, сбывают краденых лошадей татарам (своих имеют для прикрытия тёмных делишек: кобылиц целый табун и племенного жеребца по кличке Гравий), и есть в них почти не скрываемое внутреннее превосходство и откровенное презрение к окружающим.

Последнее понять нетрудно. Лапшины из немногочисленных местных. Они жили в уральской тайге всегда, их всего-то коренных жителей семей восемь-десять, а всё остальное население городка выслано на шахту во время войны и после.

Городок основывался так. Нашли геологи в глухомани залежи каменного угля, доставили своим ходом боевой танк с ближайшей железнодорожной станции, повалили им деревья, растащили стволы в стороны и назвали просеку улицей Чапаева.

Сначала пригнали поволжских немцев, потом крымских татар, затем поселили казанских, через какое-то время доставили под строгим конвоем настоящих фашистов-военнопленных, потом появились те, кто был интернирован и направлен соответствующими органами на спецпроверку, были в городке «шестилетники», были и те, кого в городе обзывали «власовцами», был даже один настоящий полицей с гадкой фамилией Чиряков, а позже других привезли в скотских вагонах бендеровцев. Последнее определение почему-то не прижилось, и стали называть украинцев «западниками».

Когда скопытился, наконец, в пятьдесят третьем году величайший из главнокомандующих, ухитрившийся выиграть войну, положив двадцать миллионов наших граждан против шести миллионов неприятельских, город наводнили уголовники, амнистированные по случаю преждевременной кончины любимого генералиссимуса. Органично вплелась воровская фея в причудливое кружево из

немецких, татарских и украинских слов. И сразу же «жить стало лучше, жить стало веселей», как изволил однажды выразиться безвременно усопший совковый самодержец и «наша слава боевая». Так весело стали жить, что пришлось срочно освобождать тайгу от леса для нового просторного кладбища, а на месте старого погоста построить школу номер три.

Пацаны играли на перемене в футбол жёлтыми черепами с дырочками в затылке. Удар! – Россыпь центральных резцов. Удар! – Отломился клык. Удар! – Капут зубу мудрости.

Ковш экскаватора вырыл безымянные скелеты вместе с грунтом, и они валялись за школьным приусадебным участком. Видимо, их хоронили голыми, иначе как бы они успели так быстро очиститься от грешной плоти? Собирали косточки, привозили для этих целей заключённых с юго-западной зоны. Косточки собрали, а черепа почему-то собрали не все.

Молодой человек пониженного питания с трёхлетнего возраста обитает в холодном бараке на улице Чапаева, а Лапша с рождения живёт в добротном, рубленном из отборного кедрача доме на берегу реки с резными ставнями и огромным наглухо крытым двором.

Что происходит за высокими тесовыми воротами дома – никто не знает. Говорят, что мать Базарника парализована и лежмя лежит на печи, а ещё поговаривают, что денег у него немерено.

Открываются по ночам большие ворота, въезжают люди на телегах с привязанными к задникам поводками ведомых лошадей, живут неделями, шумно по-родственному пируют, внезапно исчезают, и снова за глухими воротами воцаряется тишина.

* * *

Колька-Лапша самостоятельный. Рано превратился в мужика, не то что я. Лет с двенадцати один гоняет семейный табун в ночное. Обходится с лошадаками по-хозяйски властно, но без жестокости. Суждения имеет независимые. Выражается с удивительной для его возраста основательностью и необычностью: «не помешал», а «воспрепятствовал», не «предупредил об опасности», а «упредил». Отца называет родителем. Бросил школу после пятого класса, но совсем не глуп, хотя и говорит вместо «понадобился» «понабился». Лапша презирает всё человечество, и меня в том числе, но почему-то

называет меня полным именем – Ростислав. Последнее обстоятельство мне, безусловно, льстит. А ещё больше щекочет моё самолюбие сознание того факта, что я единственный из чужаков, кому дозволено заходить к ним во двор и помогать Лапше обихаживать лошадей. Он не читал Марка Твена, но интуитивно догадывается сделать так, чтобы его эксплуатация принималась мною как знак особого ко мне расположения. Лапша с таким видимым удовольствием задаёт коньям корм, с таким показным энтузиазмом чистит их специальными скребками, с такой радостью ведёт их на водопой или гонит табунчик в ночное, что я, безумно любящий лошадей, воспринимаю любую работу в конюшне как великое благо. Ну чем тебе не Том Сойер, красящий забор?

Иногда он называет меня по фамилии, но обязательно с приставкой «господин»: господин Барский. И непонятно, что больше в этом его обращении: покровительственной иронии или презрения. Порой мне кажется, что Лапша исповедует принцип: всё, что выше моего понимания, – ниже моего достоинства.

Сам научился недурно играть на гармошке. Поёт под неё, беря мелодию предельно высоко и ничуть при этом не фальшивя. Росту он чуть ниже среднего, но широк в груди, плечист и необыкновенно силён. Ноздри развёрстые, как дула двустволки, зенки круглые, блестящие, с цыганской пыглливостью, но не чёрные, а цвета мутной воды. Он странно холодит улыбку хищными клыками и углубляет при смехе ямочку на подбородке. Рано познал женщин и имеет уже любовницу – Эмму, значительно старше себя по возрасту. Местные блудницы чувствуют в нём животную силу и строят ему глазки. Я откровенно ему завидую. Он любит баб, глубоко и откровенно презирая их при этом за стоворчивость.

Лапша рано научился выпивать, крепок на водку и чем больше пьянеет, тем настороженней становится. Не то что я. Пьяный я болтлив, беспечен и почти угодлив от вечного желания рассмешить окружающих. Единственное преимущество моего опьянения – почти абсолютная утрата страха и развязность в отношении с вожделенными барышнями. Может быть, поэтому я охотно выпиваю с лабухами¹ нашего оркестра. Должен сказать, что развязность моя не реализована до сих пор в постели, но я надеюсь, я ни о чём другом думать не могу и всё надеюсь.

* * *

Я вырвался из необыкновенно яркого, цветного сна, оглядел убогую обстановку комнаты и снова закрыл глаза. Предстоящий день ничего хорошего не сулил, поэтому не хотелось просыпаться. Закрываю глаза и притворяюсь спящим. Ощущаю тяжесть в голове и лёгкую тошноту. Если бы я был писателем, то мне бы хватило для точного описания моего физического состояния всего одного глагола: «мутило». Я бы так и начал повесть с одного слова. «Мутило!» И всё!

Пробегаю глазами по корешкам книг. Имеющие твёрдую обложку удостоены чести стоять на стеллаже (он занимает всю стену до самого потолка), а изданные в мягких обложках роман-газеты лежат аккуратной стопкой на полу. Твёрдая обложка – это знак качества. Почему в таком случае «книги священного писания ВЕТЕХОГО И НОВОГО ЗАВЕТА канонические в русском переводе с параллельными местами» тоже в мягкой обложке? Понятно почему – контрабанда! Чёрным по белому написано: 1945 год, SGP, Box 254 Chicago, IL, дальше цифры невнятно и за ними USA. Ни за что не стал бы читать, если бы запрещенную литературу издали не в Чикаго, а где-нибудь в Бердичеве. Чикаго – это клёво!

Вяло протягиваю руку за лежащей под кроватью Библией, кладу священное писание рядом на подушку и снова прикрываю веки. Размышляю: на подушке Библия, под подушкой – Пушкин. Очень интересно. Как бы не развилось у меня раздвоение личности. Про непорочное зачатие – в Евангелии, а безбожная сатира по тому же поводу – в «Гавриилиаде». Парадокс. Сначала мама изнасиловала меня Пушкиным, даже давала денежку за каждый выгученный мной сонет, а теперь я сам охотно общаюсь с Александром Сергеевичем и много помню из него наизусть. Вот выразился: «помню из него наизусть». Перл! Боюсь, что маминой мечте сделать из меня гуманитария сбыться не суждено. А ещё я помню наизусть любимого маминого Тургенева. Нет, разумеется, помню не всего, но я так ненавижу его приторно сладенькую «Первую любовь», что с каким-то мстительным чувством почти ежедневно открываю книгу и в пику влюблённой в автора маме выискиваю в тексте наиболее фальшивые и пересироленные места. Когда же я

выучил почти наизусть описание первой любви этого барчука, у меня появился ещё один повод для неприязненного к нему отношения. Он стал опреснять мою жизнь, потому что опошляет любое более или менее сильное чувство или переживание. Крупными чёрными буквами помимо моей воли возникает в моей голове цитата этого брехуна и мешает в полной мере понять суть происходящего. Слепая любовь мамы к автору «Первой любви» настолько раздражает, что я специально выискиваю в тексте сомнительные с моей точки зрения места и мстительно обращаю на них мамино внимание. Вот, например, покажу ей сегодня: **«Отлично воспитанный, но пустой и вздорный человек».**

Я скажу маме: «Вздорный человек, способный нести околесицу, не может считаться отлично воспитанным». Предвижу мамины возражения, и даже знаю, в какой форме она мне их преподнесёт и на какой литературный персонаж сошлётся.

Мама скажет:

– Старый князь Николай Андреевич Болконский тоже получил прекрасное воспитание, но дерзил собственной дочери княжне Марье и даже обзывал её душой.

А я тогда выдам, гордясь собой:

– Не вижу в твоём примере противоречия, ибо учиться хорошим манерам – это одно, а стать в результате обучения отлично воспитанным – это другое. Вот если бы твой любимый Тургенев написал: «Получивший отличное воспитание, но оставшийся при этом пустым и вздорным человеком», тогда бы я не имел к нему претензий.

Но как же быть с Библией? С похмелья не рекомендуется читать – загошнит.

Библию нам подарил знакомый баптист с целью приобщения нас с мамой к Богу, а моя официально атеистическая мама приняла подарок с целью расширения моего кругозора. Я должен прочитать Экклезиаста, а потом высказать маме своё неподдельное восхищение мудрейшим из мудрых. Текст набран микроскопически маленькими буквами, глаза быстро устают, я торопливо закрываю писание и пытаюсь проглотить поднимающиеся с самого дна желудка «трай-ляй ляйя тошнотики-рвотики, трай-ляй-ляйя фельбау-абу». Какую глупость мы пели вчера под гитару?

* * *

*Трай-ляй-ляйя тошнотики-рвотики,
Трай-ляй-ляйя фельбау-абу
Родился страусёнок комический
С бородавкой на левой ноздре.*

Очень интеллектуальная песня про зоофилию. Особенно восхищает текст. Благочестивую, но доверчивую юную страусиху соблазнил подлый половой извращенец с бородавкой на левой ноздре, и вот вам результат.

Вечером был на дне рождения у Танечки Свидловой, пил брагу, заедал полусырым пирогом с сорожкой, а ночью стало плохо и меня вырвало.

Моя педагогическая мама аккуратно убрала за мной и в воспитательных целях повесила над кроватью универсальную инструкцию к дальнейшему проживанию.

На листочке в линейку укоризненно-нервным почерком переписан монолог Полония.

*Держи подальше мысль от языка,
А необдуманную мысль от действий.
Всем жалуй ухо, голос – лишь немногим.
Собирай все мненья, а своё храни.*

– Умно! – говорю я Шекспиру. Следующая рекомендация бесит своей абсолютной невыполнимостью, и потому раздражает необыкновенно.

*Шей платья по возможности дороже,
Но без затей. Богато, но не броско.
По виду часто судят человека,
А у французов высшее сословье
Весьма изысканно и чинно в этом.*

Меня сейчас ещё раз вырвет от возмущения! Легко сказать: «Шей платья по возможности дороже», а на какие, интересно,

шиши? Заклятый враг Вальтер Шварцвальд одет с иголочки, друган его Ахмаська Галеев – в клёсах по полметра, а я в чём? Немоден, худ, небросок, непривлекателен на вид. А то, что «по виду часто судят человека», это я и без Полония знаю. Но денег на «дорогие платья» нет, отца нет, защиты от Вальтера с его кодлой нет, ничего нет, а всего хочется. А больше всего хочется на девочек впечатление произвести. Скоро мозоли появятся на ладонях от отсутствия взаимности. Тоска! Ненавижу слова, обозначающие известное действие, ибо это мерзость!

Онанизм – звучит архипакобно. Мастурбация – это вообще рыгалька, драть – ниже всякой критики, «шкурку гонять» – отвратительно физиологично. Рукоблудие – отдаёт святотатством. Пожалуй, самое приемлемое, хотя и пошловатенькое – это выражение «Дуня Кулакова». Сколько раз уже меня удовлетворила Дуня Кулакова – сказать страшно. Сие не поддаётся исчислению, и каждый раз после этого чувство вины и тоска, как будто мама умерла. Закономерная удручённость от задроченности.

Вчера вышел с Танечкой во двор, там пацаны курили, и кто-то пнул в темноте сзади со всей силы по копчику. Знают, суки, что я ещё не успел запьянеть и не дошёл ещё до кондиции, когда мне море по колено и когда ломом буду переть, пока падать не устану. Просто так пнули, чтобы перед Танечкой унижить. Я обернулся – все смеются.

«Кровь во мне загорелась и расходилась». Твари! Мне надо было бить сразу же, кого попало, а я растерялся, меня аж в краску бросило. Вспыхнул от стыда и унижения. Какое может быть у Танечки ко мне уважение, когда меня другие не уважают? Что мне было делать? Драться? Опоздал. Раз сразу промолчал, всё – потом уже не начну. Я себя знаю. Да и пробовал уже. Они старше меня, сильнее, и их всегда много, а я всегда – один. Били до кровоизлияния в роговицы с двух сторон, чудовищные фингалы носил неоднократно, рёбра ломаны не раз. Убьют когда-нибудь. Как пить дать убьют. Жаловаться? Ну, это «западло», и кому, собственно, жаловаться? У Вальтера потенциальный муж сестры – в крупных мусорах ходит. Пнули по копчику? Пенделя дали? Ах, какое безобразие! А справочка о телесных повреждениях где? Давай, предоставь нам справочку. Нет, жаловаться – это смешно и позорно. На перо Вальтера насадить? Заманчиво, но ведь отправят в кондей на срок по максимуму. А мама с

кем? Отца в шахте заморили (попал под завал и умер от жажды из-за ошибки горноспасателей – не там искали), а сына будут гнобить как уголовничка? Нет, такого удовольствия моим врагам я не доставлю: «Муж в могиле, сын в тюрьме. Помолитесь обо мне».

Мама тоже последнее время раздражать стала. Шарит по карманам, сам видел, думает, я деньги от неё шпарую. Педагог называется. А как же с высокими идеалами? Знает ведь, что все денежки за жмуриков² до копейки отдаю, а не верит. И вообще, должен кавалер иметь наличными хоть немного или он должен позориться, как я позавчера? Сели с Любкой Москвиной в автобус, подошёл кондуктор, она замешкалась – ищет копеечки, а у меня самого – ровно на один билет. Ненавижу мать за это. За свой позор ненавижу. Ни за что все деньги в следующий раз не отдам.

Я с седьмого класса играю в духовом оркестре. Мой инструмент – альт второй. Секунда! Почему второй тенор и второй альт зовут секундой – не понимаю, да это и не важно. А может быть, первый тенор и первый альт тоже секунда? Хочу спросить у маэстро, но всё время забываю. Нет, не забываю, а стесняюсь. Вдруг буду выглядеть смешным? Хрен с ней с секундой. Я выучил три марша Шопена: «Слеза», «Увядший цветок» и «Прощай, товарищ», а ещё я выучил туш. Зарабатываю на похоронах и на торжественных мероприятиях. Неплохо получаю, между прочим, если бы мама мне хоть чуточку отстёгивала.

Так, что там дальше у Полония? Читаем дальше:

*В долг не давай и займы не бери.
Легко и ссуду потерять, и друга,
А займы тупят лезвие хозяйства.*

Ну, это, может быть, и мудро, скорей всего, что мудро, но не для меня. Я в долг не даю по причине отсутствия денег, а займы мне тоже никто никогда не даст. Однако запомнить рекомендацию не вредно. Вспомнил: мне же Сашка Вагин (на первой трубе играет) червонец должен. Не отдаёт, а взял, между прочим, давненько уже. На червонец можно купить четыре бутылмента «Сучка» или три пузыря «Столичной» водки и три плавленных сырка. Нет, вместо сырков лучше тюльку в томатном соусе взять на закуску. А ещё лучше для хавки

взять тефтели рыбные в томатном соусе. В соус можно хлебушек помакать. Неужели Вагин червонец зажилит и долг не вернёт? Напоминать не буду – неудобно. Во, как! Ему удобно не отдавать, а мне напомнить – неудобно. А займы тупят лезвие хозяйства!

Мама вернулась из магазина. Успела перед работой сбежать за хлебом.

– Ну, и сколько ты вчера выпил? – Маму не обманешь, по векам просекает, что я не сплю.

– Полстакана браги. (На самом деле я засосал стаканов пять.)

– Ой ли?

– Нет, честно! У них пирог сырой был – одно тесто. Сразу комом в пищеводе стал. Поэтому и вырвало.

– Прочитал, что я тебе написала?

– Прочитал.

– Запомни! На всю жизнь запомни. Никогда глупостей не наделаешь. Про друзей тоже прочитай. Полезно для общего развития. Я пошла в школу. Вникнешь в Экклезиаста и дочитай, наконец, Паустовского, потом поговорим. Получишь плохой аттестат, куда пойдёшь? В шахту? Отец в гробу перевернётся. Котлеты холодные не ешь. Разогрей. Я побежала. **«Она не договорила своей речи и проворно удалилась».**

Мама ушла, а я читаю дальше про друзей:

*Своих друзей, их выбор испытай,
Прикуй к душе стальными обручами,
Но не мозоль ладони кумовством
Слюбым беспёрым панибротом.*

Что-то сегодня я уже вспоминал о мозолях на руках? Вот что значит – педагог! При помощи английского драматурга – прямой укор мне за воображаемую любовницу Дунно Кулакову.

* * *

Я живу двойной жизнью. Двудесятилетний Янус. С мамой я – хороший, послушный, воспитанный мальчик, покорно читающий всё рекомендованное моей педагогической родительницей. За пределами барака в общении со сверстниками я – другой. Единственное, что

объединяет меня с ними, – это мат. Грязное, примитивное, засоряющее речь и мозг сквернословие. Есть ещё один объединяющий меня с пацанами интерес. Интерес к противоположному полу. **«Помнится, в то время образ женщины, призрак женской любви почти никогда не возникал определёнными очертаниями в моём уме; но во всём, что я думал, во всём, что я ощущал, таилось полусознанное, стыдливое предчувствие чего-то нового, неожиданно сладкого, женского».** Почему перед противительным союзом «но» Тургенев ставит не запятую, а точку с запятой? Не потому ли, что уже до союза дважды разделил запятой однородные члены предложения? С грамотёшкой, прямо скажу, у меня слабовато. Но вернёмся к призраку женской любви «без определённых очертаний». Дружил бы с нашими пацанами Иван Сергеевич – знал бы определённо, какие бывают очертания.

Бегаем в подсобку городской женской бани и оттуда через окно подсматриваем за голенькими. Всех девочек из нашего класса уже видел в неглиже. Окно покрашено, но краска местами облупилась, и вот благодаря разгильдяйству директора женской бани и утраты им социалистической бдительности мы их и созерцаем.

Танечку Свидлову тоже видел. Какие прелестные и гладкие округлости. Какие обольстительные зрелые формы! А когда моет там – испытываю невероятное напряжение внизу. Маман её – тётя Клава относится к интимному месту на удивление прозаично, если не сказать – пренебрежительно. Ставит одну ногу на лавку и трет жёсткой мочалкой по нежному, как по спине. **«Une femme tres vulgaire» – эта женщина кажется вульгарной.**

Тётя Клава помешана на чистоте. Она знает секрет стирки белья и никому его не выдаёт. У неё самые белые простыни на нашей шахте, чем она несказанно гордится и умышленно держит выстиранное бельё на верёвке дольше, чем надо. Производит эффект. У Танечки – жестяной крахмальности белоснежный передник. Чернильное пятно на коричневом платье дочери провоцирует у тёти Клавы лёгкую мигрень, то же самое на белом переднике вызывает у маман похожий на эпилепсию родимчик с последующим рукоприкладством.

Паустовский достал меня своим романтизмом больше, чем мама своими разговорами о пользе вегетарианства. Навру маме, что дочитал Паустовского. Недурно, вообще-то, излагает, но всё врёт. Врёт не

потому, что – брехун, а потому, что боится перешагнуть грань дозволенного вольнодумства. Такая осторожная, строго дозированная и потому безопасная фрonda.

А что там у Экклезиаста? Пробегаю поверхностно текст и хочу уже закрыть Ветхий Завет, но обращаю внимание на следующую за мудрецом книгу «Песнь песней Соломона». Донельзя развращённый Дуней Кулаковой, заикливаюсь на стихе: «Я принадлежу возлюбленному, а возлюбленный мой – мне; он пасёт между лилиями». Вот в этих безобидных лилиях усматриваю тайный и, следовательно, необычайно волнующий меня смысл. Но похожа ли Она на лилию? Нужно ещё раз взглянуть на рисунок. О! Я знаю, я точно знаю, где могу проконсультроваться. В книге «Домоводство» какой-то прогрессивно настроенный издатель осмелился вставить главу: «Половое воспитание». Не удивлюсь, если узнаю, что его посадили за растление советской молодёжи. Какое отношение имеет ведение домашнего хозяйства к половому воспитанию – непонятно, но для меня оно очень кстати. Открываю «Гигиену девочек», а там – в профиль и анфас Она. Ещё раз, капая слюной, рассматриваю устройство половых органов девочек.

Дуня Кулакова! Не мешай! Я отдамся тебе, не закрывая «Гигиену девочек». Ну разумеется, не закрывая. Глаза тоже не закрою, наоборот! Но почему лилия? Почему не роза? Ловлю себя на мысли, что не знаю, как выглядит цветок. Открываю ботанику. Ну, что я могу сказать Вам, бесконечно почитаемый мною царь Соломон? При известной доле фантазии малые половые губы в обрамлении больших можно с большой натяжкой принять и за лилию. Однако сколь метафоричен Царь иудейский. Снимаю шляпу. Труссы снимаю тоже и темпераментно скачу «по полю сладострастия». Это уже из другой оперы, но тоже не без Дуни Кулаковой.

Котлеты заводского производства по двенадцать копеек за штуку – отравя: сиськи, письки, хвост плюс пятьдесят процентов хлеба. Однако жрать-то хочется. Всё время ощущаю мясной голод. К татарам придёшь, у них всегда в доме чистенько и вкусно пахнет едой. Жареный лук – символ сытости, слюнки бегут. На столе мясо, картошка прямо плавают в жиру, а у меня сиськи-письки с макаронами. А ещё мама любит давать мне в лес интеллигентные бутербродики: хлеб с маслом и сверху два листика петрушки. Я бы сала зажевал с

лучком, а мне – бутербродики. В принципе, мама не виновата. В полных семьях, там, где есть взрослые мужики, – огороды, сараи для поросят, а у нас откуда? А ещё любимый мамин Маяковский меня достал:

*Тучи, кочки переплыли лётчики.
Это лётчики мои.
Стал словно дерево я.*

И это называется поэзия? Это не поэзия, это – отвратительно рифмованная социальная заказуха! Учись, горлан, у того, на кого ты осмелился открыть корытообразную пасть.

*Ещё бокалов жажда просит
Залить горячий жир котлет,
Но звон брегета уж доносит,
Что новый начался балет.*

Вот это – поэзия! Что-то меня опять на котлеты потянуло. Пойдука я в лес, проверю силки. **«Я отправился в сад, но без ружья».**

* * *

Тайга единственное место, куда я могу отлучаться практически без спроса, что странно. **«Матушка почти не обращала на меня внимания, хотя у ней, кроме меня, не было детей».** Мама не может не осознавать, что я могу заблудиться, утонуть, что меня может задрать медведь (недавно рысь напала на пацанёнка, но он отбилась острой). Понимает, конечно, но, видимо, в этом состоит её педагогический план моего воспитания. Мама хочет, чтобы я из худосочного подростка как можно скорее превратился в настоящего мужчину.

В тайге я, как Лапша, – самостоятельный. Нет, не как Лапша. В тайге я, как Тарзан в джунглях. Сто раз смотрел трофейный фильм. Ну, пусть не как Тарзан, но тоже не льком шит. В этом нет никакой моей заслуги. Просто я здесь вырос, и мне хорошо одному в лесу. Я, вообще-то, и в городе не чувствую себя несчастным, в городе я ощущаю себя невостребованным. Невостребованным в первую очередь чувствую себя у тех, за кем я похотливо подглядываю через окно бани.

Я никогда не хожу. Я всегда бегаю. Может быть, поэтому я такой тощий? Силки на рябчиков стоят чуть выше от того места, где речка-менструалка, так шахтёры называют Красный Урал, впадает в Вильву. Это, как минимум, десять километров от дома. И не по равнине нужно бежать, а по горам. Вверх, вниз, вверх, вниз – и так до берега.

В каждом человеке есть честолубие. Не лишён его и я. Должен я уметь делать лучше других хоть что-нибудь? Должен. Я и умею. Не могу, конечно, как Тарзан, точно изобразить локомотивный голос знакомого слона, но, когда я имитирую ржание лапшинского племенного жеребца Гравия, кобылки начинают стричь ушами и призывно подают голос в ответ.

А как приятно удивить того же невозмутимого Лапшу, когда он доезжает до Мутной на лошади позже меня. Он едет по дороге, а я бегу тропинками через Ермачихинский перевал – этот путь несравненно тяжелее, но в два раза короче.

А вот интересно, почему чистую, прохладную даже жарким летом речку назвали Мутной? Вода в ней, как из родника, пьём за милую душу. Почему Мутная? Не понимаю.

У меня спрятано в разных местах на берегу: коробки спичек в презервативах, чтобы не отсырели, старый бредень из лески – никогда не сгниёт, аммонитовые палочки, штук тридцать, – украл заначку у неисправимого браконьера Давида Бауэра (он взрывником работает), динамка – машинка для подачи электричества на детонаторы – их у меня штук двести, могу и тысячу насобирать на отвале (после «отказа³» их там не считано), несколько острог (одна со сломанным жалом – перекалил плохой кузнец, и теперь это не трезубец, а двузубец), котелок, старая сковородка, вилка, ложка, топор, ножовка, несколько трёхлитровых банок с крышками. В крышках вырезаны пять-шесть отверстий небольшого размера. Крошу в банку хлеб, закрываю крышкой, топлю на три четверти объёма недалеко от бережка, на тёплой отмели. Глупая малявка заплывает в банку целой стайкой, а как обратно выбраться, не знает. В том случае, когда совсем уж не клюёт из-за плохой погоды и «донки» пустые, или не удалось наколоть вилкой жирненьких налимчиков из-под плоских камней – бывает и такое, или нельзя глушануть аммонитом на плёсе рыбу из-за того, что есть нежелательные свидетели в

лесу, тогда я нахожу банки с хлебной крошкой, а в них почти гарантированно малявки на хорошую жарёху.

У меня с собой только хлеб, соль и спички. Этого достаточно. Я бегу не по дороге, а по диагональным тропинкам и ровно через час уже проверяю силки. Попались три рябчика, но один сдох. Брезгливо выбрасываю его, даже не нюхая, а двум другим сворачиваю шею и начинаю священнодействовать.

Вынимаю внутренности, хорошенько промываю тушки в реке и обмазываю птиц слоем глины так, чтобы ни одно перышко не торчало наружу. Разжигаю костёр. Осторожно, чтобы не расколоть обмазку, опускаю в пламя полуфабрикат. Минут через сорок разбиваю огнедышащую керамику камнем – она приобретает крепость глиняного горшка. Внутри сочная вкуснятина. Мясо! Перья прилипли к прокалённой глине и вместе с ней легко отделяются от тушки. Восторг! Побольше соли – так вкусней, и хорошенько утрамбовать хлебушком – так сытней.

* * *

Я сыт, лежу у костерка и думаю о Танечке. Я всегда о ней думаю. Вернее, не так. Я думаю о разном, но Танечка всегда вклинивается между тем. Не «между тем», в смысле «а в это время», а именно между одной темой и другой. Вообще путаница в голове. Я думаю: «Как может моя просвещённая мама читать «Гулящую» Панаса Мирного?»

Ублюдочный стиль, не стреляют диалоги: Парасья сказала, Парасья молвила, Парасья возразила. Примитив! А она читает. А почему? А потому что её, как и всех остальных, интригует название. В каждом есть к этому тщательно скрываемый интерес. В каждом! У меня особенно. Впрочем, у Тургенева тоже: **«Образ молодой девушки носился предо мною, сердце перестало прыгать, но как-то приятно сжималось».**

Какие остренькие розовые сосочки у Танечки Свидловой. Я их ещё в бане рассмотрел. Ну вот, опять она вклинилась между серьёзных тем. Она охотно позволяет целовать их. Я сам с замиранием сердца извлекаю трогательно подагливую округлость груди из бюстгальтера, и она позволяет. Она называет бюстгальтер лифчиком, и я нахожу, что слово «лифчик» звучит интимнее и теплее, чем твёрдое немецкое – «бюстгальтер». Я не поленился и заглянул в словарь.

Бюст – это, разумеется, грудь, а Halter – держатель, подставка, опора. Очень мило – «держатель груди».

Соски твердеют после поцелуя. Сначала я только дотрагиваюсь до них кончиком языка. Они набухают и розовеют, как вишенки. Засасываю вишенки в рот и чуточку прикусываю их зубами. У Танечки углубляется дыхание, и она кладёт руку мне на затылок, словно боится, что я прерву поцелуй. Не бойся, мой ангел, не прерву! Как ароматна её грудь: «Два сосца твои, как два козлёнка, двойни серны». Нет, лучше вот это место из Экклезиаста: «Подкрепите меня вином, освежите меня яблоками, ибо я изнемогаю от любви». Хочу её безумно. Хочу, но боюсь. Я не знаю, кто должен снять с неё трусики, она или я? И позволит ли? Прижимается к нему лобком до боли, до стона. Значит, и ей приятно сознавать, что её хотят? Конечно, приятно. Не буду больше изменять ей с Дунькой Кулаковой, может быть, она даст. Я подожду. **«Это ожидание проникло весь мой состав»**. Я съем её. Я её просто съем со всем её составом. Она не прочитала ни одной книги, она говорит, стараясь не употреблять придаточных предложений, а я её люблю.

У неё большой рот, и это совсем её не портит. Полные, чётко очерченные губы и развратная улыбка. Объяснить не могу, но другого определения придумать не могу, и не хочу: «Разврат, бывало, хладнокровный наукой славился любовной». Мне ли – возлюбленному Дуньки Кулаковой становиться в педагогическую позу.

У неё на редкость свежее дыхание. Я очень тутко обоняю запахи изо рта. Привередлив до брезгливости. Танечка в этом отношении уникам. При мне съела тарелку пельменей с чесночным фаршем, а дышала потом на меня, как ребёнок, парным молоком.

Цвет волос – русский, а там – значительно брюнетистее. Я признался уже, что в бане видел. У неё тёмные, цвета мокрого асфальта глаза необыкновенной влажности, как будто бы она только что прослезилась. Я бы назвал такие глаза томными, но спросите меня, что это обозначает, – не отвечу. Томные глаза на абсолютно круглом лице. Пожалуй, она беспородиста, а я сам сильно породист? Дистрофик на нормальных ногах. И потом, я вижу, какими взглядами её провожают мужики. Правда, они смотрят не на округлость лица, а на другие выпуклости. А там такое! Она белая, как поповская дочь. «Темноокая с белым лицом». У меня такое ощущение, что фраза требует поэтического продолжения, но я тупой и ничего путного придумать

не могу. Хочу, но не могу. Я попытался привязать моё видение самого себя к её образу – безрезультатно. Начинаю с возвышенного тона, заканчиваю – чёрт знает чем.

*Темноокая с белым лицом,
А я – дохлик, но с твёрдым концом.*

У неё тоже нет отца. Взорвался метан в шахте, и он погиб. Успел срубить для семьи уютный домишко, куда я и забегаю на правах друга детства. Танечка старше меня на пару лет. Дважды оставалась на второй год, и я догнал её в восьмом классе. Она значительно крупнее меня, и, может быть, поэтому её маман относится ко мне, как к бесполому существу. Это меня вполне устраивает. До сих пор стыдно, что при Танечке мне дали под зад, но настораживает и её поведение в момент эксцесса. Я, конечно, не среагировал должным образом, но дёрнулся для понта в сторону Вальтера, а Танечка: «Хватит вам драться». Она что, не понимает, что драка – это когда друг друга полощут чем попало, а не тогда, когда мне подлю дали пенделя сзади?

А вот интересно, как бы повёл себя Лапша, если бы с ним обошлись так же, как и со мной? Не растерялся бы, конечно, как я, а вот что бы он сделал? Известно что.

Он однажды поехал за иконой в Оныл. Бабушка к сестре послала, думала, что икона излечит её от паралича. Лапша выполнил поручение, поднимается по трапу на катерок, а вдоль трапа местные угланы⁴ с двух сторон стоят. Двинули ногой по чемодану – его инвалид нёс, чемодан старенький фанерный раскрылся при падении, и содержимое из него выпало. Пассажирам подниматься нужно, а тут инвалид раскорячился, шмотки собирает. Смешно!

Проходит мимо Лапша и руку зачем-то в карман опустил. Пнули по чемоданчику, как по футболу, но не на того напали. Лапша угол⁵ крепко держит. Тем более что в чемодане икона. Лапша взглянул на угланов, вроде как в большом замешательстве, в недоумении и даже в страхе, и один из них, самый главный:

– Дерьгай, дерьгай отседова!

Молнией сверкнула опаска, и упало ухо главному на плечо. По самый корень Лапша ему лопух отсёк. Главное, ухо сначала на плечо упало, потом на перила трапа, а уж потом только полетело в воду.

Зацвиркала кровь на футболку. И никто за товарища не вступился. Наоборот, как увидели аборигены ухо в воде, так и брызнули с трапа в разные стороны. А Лапша доплыл на катерочке до первого причала (знал, что в Усть-Чёрную позвонят, и его там милиция встречать будет), сошёл на берег, лесом добрался до Соликамска и через три дня был дома. Ему всё сходит с рук. У него сущность матёрого уголовника. Вот Вальтер с кодлой меня бьёт, а я его не боюсь. Я знаю, что один на один Вальтер – не боец. А Лапша меня пальцем ни разу не тронул и даже благоволит мне, а я его побаиваюсь. Его все боятся.

Отец называл дочурку Танечкой, точно так же, как и я, а мать зовёт её только Танькой.

Почему? Не любит? Странно. Я тоже – говнюк. При пацанах называю её Танькой – стесняюсь выражения чувств и, в сущности, предаю её. Но ведь и она никогда не танцует со мной и по улице со мной не ходит. Значит, тоже стесняется. Оказывает благосклонность только у неё дома. Ненавижу слово «грех», но сколь греховны мои мысли о ней. Она сама – грех. Почему? Потому что чувствую – она знает об этом больше, чем говорит. А откуда, интересно, знает? Я вчера упёрся ей до хруста прямо под лобок. Вообще обнаглел, расстегнул ширинку и вдавил ей новенькую юбочку между ног.

– Ты мне весь подол уделаешь, – сжалилась наконец надо мной. Подстелила тряпочку, подняла подол и притупила меня между ногами. Ну, конечно, ей нравится, что её безумно хотят. Мне приятно думать, что я тоже вызываю у неё желание. Конечно, вызываю. У неё углубилось дыхание, приоткрылся рот, и она, не разжимая ног, подавалась мне ритмично навстречу. Помогала! Кто её этому научил? Интуиция?

Такое ощущение, что она имеет опыт в таких делах. Но почему не снимает трусики? Боится забеременеть? Или хочет сохранить девственность? Настораживает практично подложенная тряпочка. Сказала, что я не умею целоваться. Откуда она знает, как нужно? Есть с кем сравнить? Ревную, безумно ревную её к тому, что называется опытом, – «напрасно измену мне ревность гадают». У меня опухли гонады от многочасового напряжения.

*Темноокая с белым лицом,
А я шибздик с опухшим яйцом.*

Что-то я совсем уж себя принижаю. «**Но я напрасно клевету на себя**». Я не шибздик, я субтильный.

* * *

Приехали на грузовичке с лабухами на жмурика. На соседней шахте ревнивый муж разобрался по пьянке с супругой, а как увидел утром синее лицо – не выдержал угрызений совести и бросился в грузовой ствол. Сто метров пролететь – это не шуточки. Мешок ломаных костей. Гроб не открывают – смотреть страшно. Жена простила избиение и заказала музыку.

Нервно слюнявлю мундштук альта. Переживаю. Перед выходом из клуба – там у нас инструмент хранится, увидел себя в профиль. Дома вижу себя в зеркало только анфас, а тут трельяж у директора в кабинете. Я, оказывается, не просто худой, я – тщедушный. Шейка тоненькая, как у общипанного рябчика. Позор! Неужели никогда телеса не наем? А может быть, у меня такая конституция? Ноги же у меня не худые? А ручки плоские, как крылышки. Таскаю гирию, бью по мешку с песком. Эффект нулевой. Сила прибавляется, мышцы – нет. Хожу по пляжу, как дурак, в плавках и в рубашке. Стесняюсь верхней части моего тела.

Жарко. Идём за машиной, исполняем похоронный марш «Слезу». Всегда начинаем со «Слезы», а когда зарывают могилу, играем «Прощай, товарищ». Нас сегодня мало (отсутствуют вторая труба и первый тенор), и это хорошо. Экономически выгодней, когда оркестр в не полном составе. На одну марочку больше денежек выходит. Две трубы и баритон по 5 марочек на инструмент, вторая альтушка, второй тенор, бас и барабан – по 3 марочки. Итого – 27 марочек. Если профсоюз поможет избитой мадам, а впрочем, она и без профсоюза не стеснена в средствах – это видно по платью из дефицитнейшего крепмарикена (семейный изувер работал на проходке полевого штрека и приносил зарплату тысячами), то рубликов 500 безутешная вдова отстегнёт. Делим 500 на 27 и получаем на одну марочку примерно рубликов по 18. Значит, на свои положенные мне три марочки я должен буду получить 54 рубля. Маэстро округлит, конечно же, в свою пользу, но в любом случае полтинник я должен заработать. Но не будем загадывать. Загад не бывает богат.

Вдова недурна собой. В чёрном платке, под цвет её синяков. Глаза большие, и синяки ей идут. Где-то я видел женщин с такими глазами. Ну, конечно, видел. В немых фильмах тридцатых годов. Роковые женщины. Демонические женщины. А ведь изменяла она самоубийце, голову даю на отсечение, что изменяла. Порочна на вид и своенравна. Плевала на общественное мнение и даже не пытается изобразить непереносимую скорбь. Печалится без слёз. Даже не печалится, а пребывает в состоянии, близком к меланхолии. Как я оказался прав! Через несколько дней я увижу её в сопровождении молодого маркшейдера, и, судя по тому, как она доверительно шептала ему на ухо, и по тому, как он по-хозяйски держал её под локоток, стало понятно, что лишивший себя жизни муж имел серьёзные основания для ревности. Зачем, спрашивается, нужно было прыгать в грузовой ствол?

* * *

Маму обмануть не смог. Не могу врать. Вернее, не так, врать я, конечно, могу и вру ей ежесекундно, но мама так высоко несёт свой тяжкий крест матери-одиночки, так методично, целенаправленно и неустанно напоминает всем своим видом и поведением о том, на какие жертвы она вынуждена идти, чтобы из последних материнских сил растить, поить и кормить меня, дармоеда, что у меня развился комплекс. Мне стыдно нормально жить. Я должен жить с непроходящим чувством вины и с утра до вечера изображать сыновью благодарность за то, что мама моя не потаскуха, не воровка, за то, что она умышленно обрекла себя на одиночество и не привела в барак отчима, за то, что меня не отдали в детский дом, за то, что я не питаюсь в столовой. Она так и говорит: «Вот уйдёшь из дому, станешь питаться в столовой, тогда вспомнишь мать». А я мимо столовой иду и вижу, как шахтёры гуляшом заедают свои законные сто грамм, – слюной давлось. Куда она вообще деньги деваёт? На книги рубрики тратит, а ещё говорит, что копит мне на образование. А уж когда по радио Юрий Богатиков песню про маму поёт, тут я себя такой свиньёй ощущаю – хоть из дома беги. Мне кажется, что Богатиков поёт мне назло:

*Помнишь, мама моя, как девчонку чужую
Я привел тебе в дом, у тебя не спросив...*

Мама превентивно достаёт платок и прикладывает их к увлажнённым глазам.

*Я её целовал, уходя на работу,
А тебя, как всегда, целовать забывал...*

В этом месте мама смотрит на меня, как на неблагодарную сволочь, и заливается слезами. Горькие слёзы обманутой благодетельницы заливают лицо. Как в такой обстановке я могу сказать, что заработал на похоронах всего сорок рублей, а не пятьдесят? Никак! Я должен до самой смерти отдавать маме всё до копейки. Жизни не хватит, чтобы отблагодарить её за то, что она сделала для меня.

Ненавижу благодарственные песни про мам. Это же так естественное любить своего ребёнка. Вот не любить – это уродство. Даже животные любят своих детей и защищают их, рискуя жизнью. Чем же вы кичитесь? И зачем укоряете тем, что отдали? Укор – не пробуждает чувство благодарности, укор всегда виноватит, а человек так устроен, что не может долго ощущать себя виноватым. Он обязательно постарается самооправдаться и переложить тяжесть вины на чужие плечи. Чаще всего груз с души перекладывается на плечи глупого благодетеля, ждущего благодарности.

В идеале любое благодеяние должно быть анонимным, так как облагодетельствованный невольно ставится в положение «обязанного» по отношению к благодетелю. Сто раз мама перечитывала «Войну и мир» и не обратила внимания на фразу: «Княжна никогда не любила Пьера и питала особенно враждебные чувства с тех пор, как стала обязанной ему». Браво, Лев Николаевич! Только я бы на вашем месте вместо «и питала особенно» написал бы для большей убедительности «но особенно враждебные чувства она питала с тех пор, как стала обязанной ему». Однако я обнаглел.

* * *

Опять я без копейки. Я на пляже. Таким словом шахтёры называют берег Вильвы, покрытый крупной галькой. Лежать на камнях с целью загара практически невозможно, поэтому отдыхающие отходят на полянку и расстилают на траве скатерти с выпивкой и снедью. Стоят торговые палатки. Из динамиков льётся музыка. Владимир

Трошин поёт про тишину: «Ночью за окном метель, метель, белый беспокойный снег. Ты живёшь за тридевять земель и не вспоминаешь обо мне...». Коллективное пьянство на берегу называется «массовым гулянием».

Я сравниваю толщину своих рук с круглыми руками рядом сидящего шахтёра и прихожу в состояние глубокого уныния. Надеваю рубашку, она скрывает не только мои плоские ручонки, но и старомодные плавки с завязками на боку. Мой враг Вальтер – тоже не Аполлон, но у него другая ненормальность – **«неблагообразная фигура»**. У него верх средней упитанности и тоненькие икры, как у эфиопчика. По этой причине он любит ходить с обнажённым торсом, но в любую жару не снимает брюк. Сегодня он без Ахмаськи Галеева с какими-то двумя незначительными пристебаями.

Вальтер уже сдал на права и шоферит. Приехал за отдыхающими шахтёрами с нашей шахты на подержанном грузовичке. Прошёл мимо меня с безразличным выражением лица и присел почти рядом. Я уже разведаль у Добрыни, кто меня пнул сзади при Танечке. Добрынин – прирождённый провокатор и предатель. Азеф! Добрынин-Азеф замёрзнет в шестидесятом году после полочки. На улице будет минус сорок, а он приляжет пьяненький в сугроб отдохнуть. А пока он всё передаёт мне про Вальтера, а Вальтеру – всё обо мне. Со всеми в дружеских отношениях. Когда предаёт, не забывает предупреждать:

- Только я тебе ничего не говорил, хорошо?
- Хорошо.

Очень хорошо, но нужно сначала искупаться, а потом уже решить, как поступить с Вальтером. Вальтер старше меня на три с лишним года. Блондин с поросычыми ресничками.

Его отношение ко мне можно охарактеризовать всего двумя словами: «беспричинная ненависть». Поскольку он первым начал меня терроризировать, то моя ненависть к нему – «причина» и обоснованна. Он пытается унижить меня с первого класса. Когда он был в четвёртом, а я в первом, – ему это удавалось без труда. Необязательно ведь нужно избивать для того, чтобы унижить. Ткнуть кулаком в живот, дать щелбана, целенаправленно и ежедневно отрывать вешалку у пальто в раздевалке. Толкнуть сзади в тот момент, когда ты пустил струю в школьном туалете. Опрокинуть ведро в лесу с

малиной, которую ты собирал полдня. Плунуть в тарелку с едой в школьной столовой.

К шестому классу моя ненависть к мучителю достигла того градуса, когда злость убивает страх. Он подошёл сзади и сунул мне за воротник большого холодного дождевого червя. При этом он специально раздавил червя моим же воротником, и зелёные внутренности измазали мне шею. Я схватил ручку и воткнул ему в шею упругое перо «мышку». Попади я в сонную артерию – и ему конец. От неминуемого исключения из школы меня спасла моя педагогическая мама. Она принципиально отправила меня учиться в другую школу, чтобы я получал оценки за знания, а не за то, что родительница работает учителем, но в данном случае ей пришлось поступиться принципами и воспользоваться связями. С тех пор Вальтер продолжал мне делать пакости, но уже значительно осторожнее, чем прежде. Он не шёл больше на открытую конфронтацию, но стал действовать исподтишка.

Мой заклятый враг дышит шумно, как астматик. Он курит с раннего детства и имеет кликуху Бычок. Будучи ещё в очень нежном возрасте, Вальтер собирал полные карманы вонючих бычков и выкуривал эту гадость. Когда заметил, что я стал обгонять его в росте, он задружил с Ахмаськой Галеевым. Кормит, поит его, лебезит, подлизывается. За это Ахмаська держит за него мазу. Против Ахмаськи мне не устоять. Он, в отличие от Вальтера, бьёт точно, хлётко и очень резко, он бесстрашен и изобретателен в драке. У меня создаётся впечатление, что татары одарённые других в физическом отношении. Во всяком случае, они одарённые Вальтера. У них по-другому работают рефлексы. Равиль Латыпов швыряет гранату дальше преподавателя физкультуры. Маленький Гафур Мавлетов легко уделал противника на голову выше себя. Говорят, что его отец Гиляч поднял в молодости на спор коня. Неужели такое возможно? Они ребята неплохие, непохоже, что врут. А может быть, у них в Казани лошади маленькие, как коровки на Кавказе?

Я разделся и поплыл на другой берег. Снесло течением, и я как-то странно устал. Замёрз и ослабел. Кое-как доплыл. Левый берег отвесно крутой и скалистый. Будет в тени до самого вечера, а мне нужно согреться. Пришлось плыть назад. Вышел на берег, стуча зубами от озноба. Ищу рубашку – её нет. Нашёл. Свёрнутая в тугую жгут и

затянутая в не менее тугой узел. Для крепости узла опущена в воду, а затем выброшена на гальку. Рубашку можно выбрасывать, потому что такой узел развязать невозможно. Гордиев узел? Не знаю. Но зато я знаю, я точно знаю, кто это сделал. Смотрю в сторону Вальтера. Играют в карты неподалёку. Вальтер сидит ко мне спиной. Подойти и спросить, кто устроил такую подлянку, – глупо. Осмеют и не признаются. Жалко, что нет с ними Добрыни-Азефа, он бы дал знак. У Вальтера довольный вид. Пристебаи сидят с нейтральными лицами.

Мне надо выпить. Мне позарез нужно врезать водки, а у меня – ни копейки в кармане. Грёбаная жизнь! Ну, хрен я в следующий раз отдам маме все деньги. Бутерброд с маслом у меня с собой, пошёл бы на закуску, но где раздобыть спиртного? Можно подойти к шахтёрам из нашего барака, они поднесут, но я не пью на халяву.

Мне надо выпить. Не для храбрости, я его слишком ненавижу для того, чтобы бояться. Мне надо выпить для куража и для хладнокровия. Парадокс, но чем я пьяней, тем я хладнокровнее в драке. А сейчас я взвинчен, весь дрожу от холода и от предвкушения мордобоя. Жара, а я дрожу.

Вагин должен мне червонец. Вот он сидит, «массово гуляет» неподалёку с Толей Кабаном из нашего барака. Толя с дамой. Перед ними на траве скатёрка. На ней снедь, бутылки с пивом, с водкой. Фамилия у Толи – Пакеткин, но все зовут его Кабаном. Мне не нужна помощь Кабана, но при Кабане пристебаи не посмеют ввязаться. Поэтому драку нужно начать под присмотром беспристрастных арбитров. Вызову один на один – пойдёт как миленький. Иначе – позор.

Подхожу к Вагину, отзываю в сторону.

– Саш, займи трёшку! На жмурике отдам.

Сашка делает вид, что вспоминает нечаянно забытое:

– Дак я же тебе червонец должен! – бежит к скатёрке, роется в кармане брюк, возвращается с пятёркой.

– Пять рублей отдам после жмурика. Сейчас больше нет – суёт мне денежку.

– Хватит мне за глаза, а я и позабыл.

– Зато я долги не забываю, – Сашка делает назидательное лицо и отходит.

Вот козёл. Меня же и укорил. Я ещё не знаю, что он никогда уже не отдаст мне мои пять рублей, потому что уже никогда он не будет

играть на чужих похоронах траурные марши Шопена. Я узнаю про это вечером. Мне теперь не до него. Подхожу к палатке, заказываю сто пятьдесят беленькой и два бутерброда с колбасой. Выпиваю залпом, мгновенно теплею и успокаиваюсь. Я знаю, я точно знаю, что в поединке, где ни один из участников не обладает нокаутирующим ударом, выигрывает не тот, кто сильнее или злей, а тот, кто выносливее. Когда кончается в крови кислород – усталость гасит злость. У Вальтера нет шансов. Выкуренные за его жизнь бычки отравили лёгкие и уменьшили их вместимость. Не хватит тебе кислороду, гадёньш!

Я отвожу его в сторону.

– Рубашку втроём завязывали?

– А ты видел?

– Не видел, но знаю. Ты – говно! Ты понял меня? Ты – говно!

Я бью его первый. Он мажет, а я попадаю, он снова мажет, а я снова попадаю. Он пытается ударить меня головой и слишком низко наклоняется. Мгновенно сверху обе руки на затылок, рывком голову вниз, и одновременно коленом в лицо. Лязг зубов – попал! Он падает вместе со мной и начинается уже не драка, а борьба без правил. Он тяжелее меня и сначала оказывается наверху, но я выскальзываю изпод него ужом. Он пытается разорвать мне рот – ухитрился сунуть большой палец за щеку и срезает стружкой слизистую щеки грязным ногтем. Солёно во рту! Кусаю за палец и бью, безостановочно бью в ненавистную харю. Успеваю заметить, что нас обступили зеваки. Это хорошо. Я куражлив, и присутствие зрителей утраивает силы. Я устал, и у меня уже не получается акцентированный удар, но он, мерзавец, устал намного сильнее. Когда нас растащили, я сидел на нём сверху. Я в царапинах и кровоподтёках, у него разбиты губы, рот в крови. Знаю, что теперь они с Ахмаськой будут меня пасти, скорей всего и подпасут в укромном месте, но сегодня я победил. Я не просто победитель. Я – триумфатор. Сегодня вечером триумфатор чудом останется живым, но я об этом ещё ничего не знаю.

– Молодец, Ростик, – Кабан одобрительно хлопает меня по плечу, – в два раза тяжелее себя уделал бычка, не смотри, что худой.

– Я не худой, я – изящный, – тут я умышленно женственно виляю бёдрами и делаю руками, как балерина. Я знаю, что это должно выглядеть смешно, и я не ошибаюсь. Смеётся не только Кабан, но и его

собутельники. Я примостился рядом с Вагиным, Кабаном и его сожительницей и пью водку с ними на равных. Кабан полжизни отсидел в тюрьме, но вежливо здоровается с мамой, и она его за это любит, говорит про него, что «он из хорошего теста», хоть он и уголовник. Пожалуй, мама права. У Кабана живого места нет от наколок, у него вымя, как у вола, профиль, как у рассерженного бора, но есть во взгляде что-то такое, что вызывает к нему расположение. Он не злой. Он – несчастливый. Его пожалела и приютила Галима Гайфутдинова. Мама называет такое объединение пресным словом: «сошлись».

Про Галиму говорят, что у неё отец был в Крыму настоящий бай. Она ухитрилась вывезти драгоценности и золотые украшения, спрятала их в подушке, но её первый сожитель-алкоголик, не зная о кладе, отнёс подушку на рынок и продал Лапше-Базарнику за бутылку. И тут Галима совершила ошибку. Ей нужно было наврать Базарнику, что подушка дорога ей как память о любимом отце, переплатить и выкупить обратно, но её подвело незнание российской ментальности. Она пришла к Базарнику, честно во всём призналась и попросила, чтобы он вернул ей хотя бы половину содержимого подушки. Базарник попросил её обождать. Сходил домой, вернулся весь в пуху и радостно объявил, что в подушке ничегошеньки нет, кроме перьев, но, если Галима так настаивает, то он готов продать ей подушку по рыночной цене.

Галима плохо говорит по-русски и считает слово «сволочь» совершенно безобидным и даже нежным. Я подозреваю, что она путает его со словом «глупышка».

Она переживает, что Кабан мало закусывает, боится, что он быстро запьянеет, пойдёт в разнос, патологически подберёт и устроит то, что устраивал уже неоднократно – купит ящик водки и станет угощать всех знакомых. Поэтому она подсовывает сожителю закуску и спрашивает ласково: «Пощему не ел? Тут не ресторанный систем. Своллиц ты такая». Я запоминаю, мне пригодится фраза. Попробую рассмешить её какую-нибудь «своллиц».

Поглядываю в сторону Вальтера. Он за рулём и не пьёт. А хочет, очень хочет залить водкой своё поражение. Вот один из его шнырей вернулся с «мерзавчиком», и Вальтер, оглядевшись, делает пару плотков. Закусывает, жуёт пикан, чтобы отбить запах водки (пикана на

поляне пруд-пруди) и нетерпеливо поглядывает на часы. Хочет скорее отвезти шахтёров домой и нарезать с горя.

Вечер. Я мог бы сесть в машину к Вальтеру, у него в кузове стоят лавки, и все едут сидя, но мне ехать в его машине противно, и я сажусь в непригодный для перевозки людей грузовичок.

Полный кузов пьяных шахтёров. Нескладно поют песню из кинофильма «Разные судьбы». Нескладно орут, но старательно: «Голова стала белою, что с ней я поделаю. Ты любовь моя последняя. Боль моя!».

Я стою в углу между задним и правым бортом, держусь за Вагина и думаю, что он держится, в свою очередь, за Кабана, а Кабан тоже держится за кого-то. У Вагина красивые соломенно-жёлтые волосы. Локоны! Лицо умеренно жёванное, с глубокими носогубными складками, но вот локоны. Они развеваются на ветру и застыт мне свет. Не вижу дороги, вижу только локоны и его спину.

Вагин не держался за Кабана. Он был пьян и беспечен. Машина летит по серпантину горной дороги, опасно заносится на поворотах. «Голова стала белою». Если б знать, что случится через мгновение, если б знать? Тогда лучше подошла бы песня: «Он лежит не дышит, он как будто спит, золотые кудри ветер шевелит».

* * *

«Голова стала белою, что с ней я поделаю?..»

На меня катится огромного размера медная копейка. Подкатилась, упала и стала снова маленькой. Я лежу на Вагине и смотрю на желеподобную субстанцию, выползающую у него из-под окровавленных локонов. Он выпал из машины вместе со мной, но я каким-то образом приземлился на него, а он ударился затылком об ограничительный бетонный столб.

Откуда копейка? Почему она была такая огромная? Я с трудом соображаю: ударился лицом о грудную клетку собутельника и на какое-то время утратил нормальность зрительного восприятия. Галлюцинация. Копейка выпала из кармана Вагина, сделала круг и докатилась до моего лица. У меня разбит нос, но сам я цел. Какое невезение. Почему я не выпал из машины Вальтера? Его бы,

как пить дать, лишили водительских прав. Он же выпил за рулём, сука! А у меня это было уже третье сотрясение мозга.

Цвет головного мозга Вагина сизый с серо-розовым.

Я приплёлся домой, мама жарила розового морского окуня. Я сел за стол, ковырнул в рыбе вилкой, и меня вырвало. Цвет кожи и рыбной мякоти показался мне очень похожим на цвет мозгового вещества Сашки Вагина.

* * *

Нужно играть на похоронах Сашки Вагина, а у меня разламывается голова и болит травмированная вальтеровским грязным ногтем щека. Грёбанный ариец, грёбанный Вагин. Не успел вернуть пятёрочку. «В долг не бери и займы не давай, легко и ссуду потерять, и друга». Во, даёт Полоний! Как в воду глядел! Впрочем, Царствие ему небесное. Я имею в виду Вагина. Отказаться от игры не могу. Играем бесплатно. Могут неправильно истолковать. Ладно, придётся дуть вполсилы.

Сашку посмертно умыли, и теперь он в гробу с его соломенными локонами – вылитый Есенин. Завидно даже. Но герой дня не он. Герой дня – я. Я был свидетелем последних секунд его жизни. Охотно отвечаю на вопросы, а сам обсасываю мысль. Мы выпали вдвоём. Я упал на него, и он своим телом смягчил удар и спас мне жизнь. А если бы он упал один, он бы, пожалуй, не так сильно ударился затылком о бетонный столб или, может быть, вообще не долетел до столба? Значит, косвенно я виноват в его смерти? Придётся простить пятёрочку. Плетёмся до кладбища. Машина дёргается на пониженной передаче и нещадно дымит. Отравился выхлопными газами. И без того голова болит. Дошли, слава богу!

Отыграли «Увядший цветок», засуетились фотографы, Сашку сняли с машины, поставили гроб на две табуретки, фотографы стараются поймать выгодный ракурс. Отпихивают тех, кто им мешают.

Я знаю ритуал наизусть. Сейчас кто-нибудь крикнет организаторским голосом: «Родные, прощайтесь с покойным». И тут начнётся самое интересное. Нужно по православному обычаю приложиться к холодному лбу. Но жара, жужжат зелёные мухи, лезут на лицо, в ноздри, и как же быть с последним лобызанием? Чужие вежливо отходят, родственники становятся в очередь у гроба. По опыту знаю: только

матери целуют, не брезгуя, даже мёртвого ребёнка, но матери у Вагина уже нет, и поэтому родня доходит до изголовья, делает максимально печальное лицо, выдерживает необходимую паузу, якобы пристально вглядываясь в дорогие сердцу черты, и проходит дальше, уступая место следующему скорбящему. Два родственничка наклонились очень близко к челу, но не поцеловали лоб, а только сделали губы трубочкой. «Трубы, ах, трубы! Сделали трубочкой губы, чтобы прохожим выболтать тайну домов». Симулянты! Ну и циник я стал от этих жмуриков. Есть немного времени, пойду погуляю по кладбищу. Лабухи покурят, а я пока погуляю. Тут у меня полпогоста знакомых. Я их провожал в последний путь с духовым инструментом в руках. Имею серьёзные подозрения, что духовые инструменты изначально были придуманы именно для погребальных целей. Само название связано с духом, с душой или ещё с чем-то возвышенным. Ну не играть же на кладбище на гармошке. Щипковые инструменты в принципе подошли бы. А почему нет? Сладко, печально поёт мандолина, а если к ней ещё и скрипочку, вообще изрыдаешься, а вот, нет – не пойдёт. Духовые для погребения нужны, потому как душа отлетает и к небу возносится.

Вот интересный памятник. Не памятник интересен (он из листового железа и весь заржавел), а интересные были похороны.

Мела пурга. Мороз был так себе, градусов под двадцать, но когда с ветерком, то губы пристывают к мундштуку. Залили в инструменты по грамульке, чтобы не замерзли клапаны. Я в кирзовых сапогах. Почему не в валенках? А потому, что в сапогах, какой-никакой, а есть каблучок, а в валенках – нету. Я же хочу повыше ростом казаться. Вот и хожу в школу в кирзачах. Меня прямо с занятий маэстро забрал на жмурика.

Зажмурилась старушка. Отравилась угарным газом и преставилась. Дорогу к кладбищу занесло, денег на трактор у дочери не было – она же и так на оркестр потратилась, и потому решили везти старушку на санях. Вынесли гроб, уложили в сани. Сразу видно по размеру, что покойница дробенькая была, лёгонькая. Видно же, что несут домовину без напряга, да и размер гробика несущественный.

Маэстро махнул трубой, не отрывая мундштука ото рта, подхватила вторая труба в терцию, разорвал морозную тишину ударник: лягнул тарелками и одновременно дал в бок тумака барабану, тот аж

ахнул. Тактично вступила «секунда» не в смысле хорошего поведения, а в смысле правильности предписанного такта, зашёлся в густых переливах баритон, рыкнул на низах «эсный» бас («бэйный», помню, отсутствовал) и зазвучала необыкновенно громко и печально в зимнем воздухе траурная мелодия «Слёзы». Лошадка не вникла в торжественность момента, испугалась, дернулась и понесла. Помчалась с гробом бешеным галопом по дорожке. На повороте сани занесло, гроб съехал, старушка выпала в снег, зарылась лицом в сугроб, и только синенькие ножки из-под снега торчат.

– Ой! Убили! – истерично закричала какая-то сумасшедшая, и завывли старухи, как кликуши, над синенькими ногами ровесницы.

Выгашили убитую из снега, отряхнули, как могли, уложили в гроб, успокоили лошадку и как-то странно все оживились от произошедшего. Вот уже и хихоньки-хизди-хахоньки стали слышны, вот уже на ходу закурили, лошадка резво идёт, скорбящие еле-еле за ней поспевают. И слышу я, как говорит про дочь одна карга с подбородком, как у Бабы Яги: «Она же была Матрёну-ту. Ой, была. Она же гуляшшая».

Я никогда не хожу на поминки. Брезгую есть и пить в доме, где лежал покойник. А тут пошёл вместе с лабухами. Обычно музыканты на поминки не ходят. За стол сядешь, меньше потом заплачат. А тут сначала заплатили, а уж потом в дом позвали.

Ну почему в таком случае не пойти и не врезать для сугреву? И вообще похороны удались. Обстановка тёплая, если не сказать – домашняя. Но я же пошёл не потому, что старушку-покойницу не побрезговал, она бестелесная – значит, не смердит, а потому пошёл, что дочь у неё гулящая. Стоит ли удивляться тому, что моя высококонрастная мама эту ахиною под аналогичным названием читает у Пана Мирного? Гулящая! Очень интересно. Смотрю на дочь пытливым оком. Недурна, хоть и со следами злоупотребления на лице. Подаёт еду, разносит, наливает и плачет не переставая, не меняя выражения лица. Это страшно. Слёзы бегут по щекам, как у людей, режущих лук, а скорбного выражения лица – нет. Это не беда. Это – горе.

– Не погана, – произносит «г» по-украински ударник. Он из «западников». Перехватил мой взгляд и выразил мнение. Интересная особенность славянских языков: «поганая» с мягкой буквой «г»

менее отвратительна, чем с русской твёрдой. Совсем другой смысл. Не поганая – это не страшная, не уродина, не дурная и даже в чём-то симпатичная, а не поганая – это не противная. Или я не прав?

Я выпиваю уже третий стопарь. Нет, она положительно недурна. Приводила в дом хахалей, справляла нехитрую любовь, а мама корила её за блуд. Она жалела её, когда была трезвая, а пьяная озлоблялась и била маленькую, сгорбленную мать. Таскала, озверев от пьянства, старушку за седые космы, а та закрывалась от неё тоненькими, высохшими от старости немощными ручонками с изуродованными скотской работой суставчиками. Мать прожила убогую, безрадостную жизнь в страшной нужде и нищете.

«Вся жизнь её прошла в горькой борьбе с ежедневной нуждой; не видела она радости от мёду счастья». Отдавала дочери последнюю копейку, отрывала от себя последний кусок, в надежде, что подрастёт её кровиночка и станет ей в жизни опорой, а дочь выросла и стала избивать ту, которая её родила, на глазах у пьяных кобелей. В сам момент избияния кровиночка пылала справедливым, как ей казалось, гневом за то, что не даёт старая устроить ей личную жизнь. Протрезвев, жалела мать и злилась на себя за своё поведение, а когда угрызения совести становились совсем уж невыносимыми, она быстренько напивалась, чтобы заглушить душевную боль, снова озлоблялась и снова била. Она думала, что мама будет жить ещё долго, что у неё ещё есть время бросить пить, устроить своё бабское счастье, может быть, даже родить ребёночка, помириться с мамой и вымолить у неё прощение, а мама взяла и внезапно умерла, и, чтобы хоть как-то загладить перед покойницей вину, непутёвая дочь наняла на последние деньги оркестр. На бульдозер, чтобы расчистить дорогу, денег уже не хватило. Но и тут загладить вину не получилось, потому что боязливая лошадка испортила траурную церемонию. Выпала мёртвая мама из гроба. Потому и выпала, что дочь денег на бульдозер не нашла. А надо было найти. Всенепременно надо было денежек раздобыть. Мама же занимала у соседей ей на белое платице к выпускному вечеру. Надо было и для мамы у соседей занять. Плохо это, очень плохо, когда мёртвые из гроба в сугроб лицом. Не по-людски. Грёбаная жизнь! Для этой старушки с синенькими ногами я бы и бесплатно отыграл, но я же в оркестре не один. Отморозил мизинец на ноге в тот раз на похоронах, чуть не ампутировали. Зато был на каблуках.

А плакала горько. Безутешно плакала гуляющая дочь по матери. Дай бог каждому.

Фотографы управились, родные попрощались с Вагиным, и меня зовут к инструменту. Звучит похоронный марш «Прощай, товарищ». Стараюсь настроить себя на лирический лад, говорю мысленно Сашке: «Прощай, товарищ», а сам думаю о той беспутной дочери, которая была свою мать, а потом так горько плакала, когда её не стало.

Подфартило. Играли бесплатно, но подошёл директор клуба – в фойе стоял гроб Вагина – и вручил персонально каждому по двадцатке. Сказал, что спишет деньги на проведение общественного мероприятия. Десять рублей честно отдам маме, а червончик оставлю себе. Имею право.

* * *

Маме деньги я отдал, а себе оставить не удалось, потому что встретил самостоятельного Лапшу. Я его не видел со времени операции под кодовым названием «пиво».

Бутылочное пиво в наше время в городок не завозилось. Чудесный ячменный напиток доставлялся в систему общепита только в деревянных бочках. Его нещадно разбульживали водой и качали насосом в кружки.

Лапша днём прицелил малокалиберную винтовку в нераскрытую бочку со свежайшим пивом и зажал намертво «винт» в двух струбцинах на чердаке конюшни. Ещё раз проверил прицел, остался доволен и загнал патрон в магазин. Осталось только нажать на курок, чтобы пуля из нарезного ствола полетела в нужном направлении. Окончив приготовления, Лапша разбойничьим свистом поздравил меня. По его заданию ровно в полночь я должен был подойти к столовой и встать рядом с бочкой с деревянной затычкой в руках. Затычку при мне выстругал хозяин «винта». При этом в процессе изготовления он неоднократно прищуривал по-кошачьи блестящий глаз и старательно сравнивал диаметр затычки с диаметром патрона, из которого должна была вылететь пиводобывающая пуля.

– Ты пальнёшь в темноту, как в белый свет в копеечку, а вдруг в это время мимо бочки будет кто-нибудь идти?

– А, вот за тем ты мне и понабился. Мигнёшь мне фонариком чуть чего. А так бы зачем ты мне был бы нужен.

Вот, скотина! Ровно в двенадцать я стоял в крошечной темноте рядом со штабелем пивных бочек. Их сгрузили рядом с шахтёрской столовой и поставили друг на дружку в три ряда. Штабель высотой в три бочки – гарантия того, что они останутся целыми и сохранными до утра, ибо не родился ещё силач, способный без технической помощи бесшумно снять верхнюю бочку и выбить из неё пробку.

Больше всего я боялся, что Лапша промажет и продырявит вместо бочки меня, но раздался сухой щелчок, и из бочки второго ряда, на ладонь выше днища, забила тугая струя. Я сунул в отверстие затычку и легонько уплотнил её камушком. На этом моё задание кончилось. Через пару минут из темноты возник Лапша с четырёхведёрной флягой на спине. Он был без бороды, но странным образом очень напоминал лешего. Пили свежайшее и неразбульженное пиво под вяленого леща до икоты.

– Кая барасэн (куда пошёл) ?

– Не куда, а откуда. Вагина схоронили.

– Бесплатно отыграли?

– Да нет, дали по червонцу. – Хорошо, что я догадался соврать. – Директор клуба дал.

– Давай выпьем?

– Голова болит. Наверное, не смогу. Вырвет. Меня и так тошнит.

Сколько лет знаю Лапшу, и только сейчас мне пришло в голову соответствующее его образу определение. Он – варнак! Не убийца, не вор, не грабитель, не разбойник с большой дороги, не мошенник, не конокрад. Он – варнак. Спросите меня энциклопедическое значение этого слова – не скажу, но убеждён, что другое определение ему не подходит.

Варнак опускает на мгновение глаза и проводит пальцем под носом. Нос сухой, и нечего там вытирать, но я знаю, что обозначает этот жест. Лапша думает.

– Хочешь Эммке засадить?

Вопрос риторический. Кто ж не хочет? Если я не гнушаюсь Дуни Кулаковой, то почему бы... Лёгкое облачко в виде Танечкиного имени омрачает радостное предвкушение настоящего сексуального приключения, но я гоню его прочь. Чем опытней я стану в постельной любви, – так я оправдываю свою потенциальную измену моей возлюбленной, – тем больше шансов преуспеть в любви возвышенной.

– Эммке купим красненького, – как о решённом деле говорит Лапша, – а нам с тобой беленького. Бабы любят сладенькое. Посидим маленько, ты прикинься пьяным и усни с понтом на диване. Я ей пару палок кину и уйду, а ты тогда вперёд. – Он делает энергичный жест двумя руками, махнув мимо бёдер, как будто разорвал нить о причинное место. – Тут он читает лёгкое сомнение в моих глазах и добавляет очень убедительно: – Не бзди, она тебе даст, – хохочет, как дурак, – Эммка тебя любит, – опять хохочет, – она говорит, что ты культурный.

Что смешного? Доходим до магазина. Длинная очередь. Магазин универсальный, рядом с селёдкой возвышается уложенное аккуратной пирамидкой хозяйственное мыло. Я становлюсь в конец очереди, мысленно подсчитывая, во что обойдётся мне процесс превращения меня в мужчину. Даже если я куплю пузырёк водки и долгоиграющую бутылку «Рубина» и плюс к тому «тюльку в томатном соусе», то всё равно у меня останется пятёрка. Не так уж и дорого за такое неземное удовольствие.

– Дай-ка деньги, – Лапша в жизни своей не выстоял ни одной очереди. После того, как его родитель разделался с Ерёмой, никто не решается вступить с отпрыском в прямой конфликт. Про отрезанное ухо в Оньле тоже слышали.

Я не желаю присутствовать при хамской покупке продуктов без очереди, и потому жду Лапшу на улице. Он выходит, держа в руках две бутылки водки, термоядерный «Рубин», солидный кусок докторской колбасы и кулёк конфет «Кара-Кум».

– Эммка любит, – кивает Лапша на кулёк с конфетами. Видит моё молчаливое недовольство по поводу такой расточительности и добавляет: – Твоих денег не хватило, на свои пришлось покупать.

* * *

У Эммы однокомнатная квартира. В бараке у всех квартиры однокомнатные.

– Ой, Колька! Хи-хи-хи! Мои любимые! Хи-хи-хи! – Эмма ест конфеты и смеётся одновременно. Она – не насмешливая. Насмешливость предполагает наблюдательность и некоторое паскудство натуры, а в ней вышеперечисленные качества начисто отсутствуют. Эмма – смешливая. Она самая смешливая немка из всех мне известных. Немки на

нашей шахте вообще редко смеются, но зато хорошо работают. Ну, со смехом всё ясно. Какое уж тут веселье, когда по тридцать килограммов в зубы – и невинных, как скот, в товарный вагон. Половину живыми не довели. Мне кажется, что Эмма давилась смехом даже тогда, когда умерших в результате столь необходимой государству депортации поволжских немцев выбрасывали из вагонов прямо на насыпь вдоль железнодорожного полотна. Её муж, брат Галимы Гайфутдиновой, погиб вместе с Танечкиным отцом.

Жутко выли бабы у ствола, когда поднималась очередная клеть с изуродованными телами после взрыва метана. Выли, но каждая в душе надеялась, что вот её-то кормилец поднимется из пылающей преисподней живым. Стояла со всеми вместе и Эмма, когда обгорелого до неузнаваемости Рината вынесли из клетки. Не могу представить себе её плачущей.

Эмма работает банщицей. Представители её профессии свободно заходят в душевые к шахтёрам, снабжают их мылом, мочалками, полотенцами, разговаривают с голыми горняками так, как будто те одеты, и знают размеры мужского достоинства у каждого шахтёра персонально. Говорят, что замначальника вентиляции нагибает её при случае в ночную смену. А почему бы и нет? Мне-то что? Лишь бы мою Танечку не нагибали. Интересно, смеётся Эмма во время процесса или нет? Впрочем, сегодня, может быть, узнаю.

– Первая колом, вторая соколом, – предвещает опрокидывание рюмашки Лапша.

У меня жутко болела голова, но уже после первой рюмки почувствовал, как отпустило виски, и опьянение лёгкое и светлое исцеляет мозги и бодрит.

Эмма – рыжая пышка в веснушках и с ямочками на щеках. Пупсик! Её должны любить мужики, потому что рядом с ней самый унылый тугодум ощущает себя неунывающим остряком.

– Пощему не ел? Тут не ресторанный систем. Сволиц ты такая! – пригодился подслушанный перл.

– Хи-хи-хи, хи-хи-хи...

Эмма заходится в смехе. Ей ли не знать, как выражается бывшая родственница.

– Бог любит троицу, – командует Лапша.

У меня необыкновенный подъём настроения и жизненных сил. Иду по комнате в позе Конька. Закладываю одну руку за спину так, как это делают ворошиловские стрелки из пистолета, наклоняю корпус влево и чуточку вперёд, ступаю одной ногой, как на протезе, и скидываю голову при ходьбе, как норовистая лошадка. Так ходит местная достопримечательность по кличке Конёк. Он, в прошлом смелый до безрассудства мужик (кидался с ножом на Виктора Берга, а Берг из породы гигантов, недаром фамилия переводится с немецкого как – «гора»), был в числе тех, кто выжил после обрыва клетки с людьми. Клеть пролетела больше десяти метров. Когда свободное падение, наконец, прекратилось, раздался удар, и шахтёры попадали друг на друга, – в наступившей тревожной тишине раздались предательские звуки непровольного опорожнения кишечника. Все попавшие в аварию получили тяжёлые увечья и испытали шок, но один Конёк пережил стресс столь эмоционально. Теперь он – инвалид, но продолжает работать с женщинами в ламповой. Хочет дотянуть до пенсии.

Я делаю шаг и закидываю голову назад.

– Хи-хи-хи.

Ещё один шаг на воображаемом протезе и закидон головы.

– Хи-хи-хи, – Эмма в слезах от смеха. Как мало надо человеку для счастья.

Я тоже пребываю в состоянии, близком к эйфории. Безумно весело. Хочу, чтобы от хохота у Эммы увлажнилось между лилиями. Пускаю в ход тяжёлую артиллерию. Никто не может лучше меня подражать девушкам, исполняющим национальные танцы во время праздника Сабантуй. Даже старый и печальный от мудрости Гиляч, который поднял в молодости коня на спор, и тот всегда смеётся и одобрительно похлопывает меня по плечу. Какая лёгкость мыслей! Готов экспромт. Сейчас выдам. Объявляю:

– Украинская народная песня «Выйди кохана працею зморэна хоть на хвылинку в урман». Исполняется на уральском диалекте, отдалённо напоминающем тюркское наречие.

Зажимаю воображаемый платочек между большим и указательным пальцами. Мизинец на отлёте. Поворачиваюсь в танце вокруг своей оси, не забывая приседать в такт мелодии. Жеманная скромность. Веки приспущены. Глаза застенчиво вниз. Пою тарабарщину,

бессмысленный набор неправильно произнесённых слов. В этом вся фишка. Мелодия незамысловатая, и я воспроизвожу её в точности:

Ур манда, ур манда

Кильманда ёшка йонда!

– Хи-хи-хи, – Эмма переходит на визг.

Она точно знает, как надо петь, и поэтому ей смешно. Лапша не знает, как надо, но ему смешно оттого, что он знает, что у Эммы увлажнилась от смеха промежность.

Вот бы мне потрогать!

– Нет там никакой кильманды! Хи-хи-хи.

– Как это нет? О сладчайший персик не из моего сада! Манда есть всегда, и её светлый образ незримо присутствует в нашей жизни вообще и в моей ушибленной голове в частности.

Сажусь за стол. Наливаю. Встаю с рюмкой.

– Господа! Позвольте выпить за хозяйку нашего будуара – неподражаемую мадемуазель Элизабет Руссе.

– Это кто? Я такую не знаю, хи-хи-хи, – Эмма смеётся уже по инерции.

– Это, о достойнейший бриллиант из недостойного барака, главный персонаж рассказа Гюи де Мопассана «Пышка». Она – точная твоя копия. Такие же ямочки и такая же нежно-пышная телесность. Если бы я был режиссёром фильма, я непременно пригласил бы тебя, Эмма на эту роль. Но где румяный хлебец «режанс» из твоей походной корзинки? Не вижу также паштета из жаворонков, копчёного языка, крассанских груш. А куда подевался полневецкий сыр и четыре бутылки вина? Всё сожрали благочестивые попутчики. А потом, когда ты оказалась без продуктов, эти добропорядочные твари... Но не будем о грустном. Я хочу выпить за то, чтобы мрачноватый «Рубин» с нашего стола превратился в твоём безумно пикантном теле в весёлый и легкомысленный бордо. Да будет так! Виват!

– Хи-хи-хи, Колька, ты можешь так говорить? Хи-хи-хи, Ростик, ты белая кость, – берёт мою руку, рассматривает пальцы, поворачивается к Лапше, – Колька, он белая кость?

– Как не белая, если у него фамилия Барский? У меня кот тоже белая кость, его Барсиком зовут.

– Ну, поддел! Однако неслабый каламбур.

– Чево, чево?

– И лицо у него узкое, – Эмма проводит ладонью по моей щеке.

– Как кирпичом придавленное, – комментирует Лапша. Он видит, что Эмма запьянела и показывает мне глазами на диван. Я делаю вид, что не понимаю намёка, включаю радиолу и иду с Эммой танцевать. «Танго – это старая пластинка, друзья, ей веря, любовь забытую зовут...». Я выпил уже много, но мне кажется, что совсем не запьянел. Что-то странное в голове. Такое ощущение, что несколько тем наслылось друг на друга, но я с лёгкостью справляюсь с заданием, так, как если бы я умел читать текст синхронно с двух страниц.

Я думаю: «Лапша не танцует и никогда не ходит на «скачки»... Эмма ущипнула меня за ягодицу и сказала, что меня будут любить бабы, потому что... «Помнишь, как под клёнами, под клёнами зелёными припев знакомый танго...». А зачем Лапше танцевать? Вот я зачем бегаю на танцплощадку? Я хожу на танцплощадку для того, чтобы насладиться искусством танца? Не смешите... Она сказала, что меня будут любить бабы, потому что бабы тоже смотрят кавалерам на жопы. Хорошо, что не мужики. Она не так уж проста. Как только мы оказываемся за спиной Лапши, она начинает елозить передком – хочет полнее ощутить упругость моего желания... Если танго – это вертикальное выражение горизонтальных желаний, то зачем ему ходить на танцы, вступать в конфликты из-за баб, драться, платить за вход, наконец. Он практичный, Лапша. У него же и так есть, с кем устроиться горизонтально. Он ревнует... А почему Пушкин написал:

*И сердцем далеко носилась
Татьяна, смотря на луну,
Вдруг мысль в её главе родилась,
Поди, оставь меня одну...*

Ну, конечно, смОтря, потому что «смотрЯ» не умещается в поэтический размер. Неужели так изъяснялись в его время? Никогда не поверю. Тогда зачем он это сделал? Не лучше ли было использовать слово «глядя» вместо проблемного «смОтря»? А что? Вполне приемлемо: «И сердцем далеко носилась Татьяна, глядя на луну»...

А почему я про Танечку вспомнил? Потому, что я – свинья... Эмма смеётся, чтобы углубить ямочки на щеках. Знает, что это усиливает очарование. Сказала, что у меня упругие ягодицы. Но он явно ревнует... А может быть, она и не от глупости хохочет, а от ума? А может быть, в этом и заключается высшая мудрость – не плакать в этой юдоли печали, а смеяться над этим бардаком... Пусть только Лапша возникнет!!!! В юдоли печали или над юдолью печали? Надо будет спросить у мамы... Ревнует, варнак! Он, конечно, сильней, а я вилкой и в кадык, вилкой и в кадык, вилкой и в кадык! Вон их сколько на столе.

– Лапша, ты не самостоятельный, ты – самобытный. – Зачем, спрашивается, лицемерно? Только что хотел вилкой в кадык.

– Какой, какой?

Лапша прилично подбалдел и стал по своему обыкновению насторожен. Он явно помрачнел. Это невероятно, но у меня такое впечатление, что он интуитивно предполагает ход моих мыслей.

– Самобытный, но ты не знаешь своих корней. – Надо притупить его звериную бдительность, иначе мне кирдык. Поворачиваюсь к Эмме. – Знаешь, какую он песню под гармошку поёт? Он поёт:

*Мать продай-ка бугояшку,
Выйдут люди, выйдет Яшка,
Дону по Дону, До-о-ну!
Мать продай-ка пару лодок,
Выйдет Яша из колодок,
Дону по Дону, До-о-ну.*

– Это же песня донских казаков. – Поворачиваюсь к Лапше, пытаюсь угадать ход его мысли. Он непроницаем. – Твои предки не уральцы, а донские казаки. – Внимательно смотрю на выражение блестящих шаров – не притупил ли я своей болтовнёй его уголовную бдительность? Нет, не притупил. Он мрачноват.

– Знаешь, почему тебе Вальтер пакостить любит?

– Знаю, потому что я умный. – От скромности я, кажется, не умру. Нужно облагородить тон. Хвастунов не любят.

– А ты не умный. Ты культурный. Вальтер это знает.

– Знает, ну и что?

– А то, что у культурных обиды много, а зла для нормальной от-
ветки не хватает.

Это я-то не злой? Знал бы ты про вилку в кадык. Скоро, очень скоро я узнаю про твою готовность к «ответке». Что-то я устал, и пора выполнять задание. Опять заболела голова. «Недолго музыка играла, недолго фраер танцевал».

Ложусь на диванчик и притворяюсь уснувшим. Какое-то время я слышу приглушённый разговор, тяжёлое падение двух тел на кровать, возглас: «Ну, ты и бугояшка, Колька, хи-хи-хи», ещё одно шумное перемещение. Перекинул её через себя к стене? Почему не под себя? Неужели на боку? Ритмичное раскачивание. Стол мешает подсматривать. Борюсь со сном и совсем не возбуждён сексуально, что удивительно. Обрывки слов: «из-под прилавка», хи-хи-хи, «отрез на крепмарикен», хи-хи-хи, «но его же не выбрасывают». Чавкающие звуки непонятого происхождения.

Открываю глаза. Рассвело. Тошнит и разламывается голова. Лапша и не думал уходить. Лежит на боку с краю. Храпит, обняв обнаженную Эммину грудь. Она уснула на спине, заманчиво широко разбросала ноги, и можно рассмотреть всё, что между ними, но бдительный Лапша положил колено точно ей на лобок и прикрыл волосатой голенью интересное. Вот сволочиц!

Глава вторая

Его рвёт одной желчью. – Мама беседует с невропатологом Хаиной Нахимовной, а я сижу на кушетке за ширмой. Вчера меня осмотрел терапевт, ничего не определил, но цепко ухватился за подозрительное признание пациента: «буквочки дwoятся», и с облегчением сбавил меня окулисту. Закапали в глаза атропин. Зрачки стали размером с радужку. Обследовали глазное дно – нашли в нём какие-то отклонения от нормы и записали меня на приём к невропатологу.

Я думаю о том, что если я – двуликий Янус, то мама сколько лиц? С аппетитной соседкой Полиной Кох из сберкассы она говорит на одном языке, со мной – на другом, с коллегами – на третьем. Наиболее рафинированная речь наблюдается при общении мамы с докторами. Речь рафинированная, а тема приземлённая.

– Вы себе представить не можете, Хаина Нахимовна, у меня ничего нет на лето. Мне нечего носить.

Беспронимчивый вариант женского хвастовства, замаскированного под жалобу.

– Это у вас-то нечего носить? А что мне в таком случае говорить, голубушка.

У Хаины Нахимовны муж – зубной техник, и шмоток у неё «вагон и маленькая тележка». Пусть похвастанутся, а мне думать надо. Я – не доктор, но тоже думаю про здоровье. Прокручиваю ретроспективно вечер у Эммы. Вот эта внезапная и, к счастью, не реализованная агрессия на фоне беззаботного веселья – это что? Это нормально – «вилкой и в кадык». Вот такая внезапная радикальная смена настроения – это не фатально?

– Фатальное невезение, прямо рок какой-то. Вы себе представить не можете, Хаина Нахимовна, какая я невезучая, – мама отвлекает меня от серьёзных мыслей бабской чепухой. – Полдня простояла в очереди, и прямо передо мной закончился крепмарикен. Последний отрез забрала Клава Свидлова для дочери. Пришлось взять себе шифон.

Где-то я уже слышал про этот крепмарикен. Ну, конечно, слышал. Эмма про него говорила. Но о чём это я? Ага, о внезапно наступающей агрессии. Когда-нибудь она может и реализоваться. Значит, нужно в профилактических целях ограничить себя в алкоголе? А то ведь самого себя страшно.

*Намёк один, недобрый взгляд,
И сладкой ненависти яд
Сейчас же в кровь, и мозг отравлен,
Был психиатру представлен...*

Дальше не получается, и потом, я же не у психиатра на приёме, а у невропатолога, но всё равно – молодец. Первый раз в жизни в рифму мыслить получилось. Знала бы мама, похвалила бы, наверное. Нет, не похвалила бы, а обязательно указала бы на то обстоятельство, что нужно говорить не «психиатру», а – «психиатру».

Я протягиваю руку к полке и беру без спроса книгу. Открываю наугад. Читаю, напрягая зрение (вчера вообще не мог читать из-за

атропина), но сегодня действие препарата, слава богу, закончилось. Прищуриваю глаза, пытаюсь уменьшить сдваивание букв. Выхватываю куски текста. Сначала воспринимаю то, что написано крупными буквами: «Посттравматический психоз». Смотрю на название книги.

Чёрным по белому написано: «Нервные болезни». Что за чёрт? Какая связь между нервными болезнями и психическими? А чему я, собственно, удивляюсь? Вставил же автор книги о рачительном ведении домашнего хозяйства целую главу о гигиене девочек. И правильно сделал. Снова раскрываю неврологию, хорошо, что держал палец между страницами, а то как бы я быстро нашёл описание посттравматического психоза? Ничего себе! Это же всё про меня. «Травматические психозы – психические нарушения, возникающие в остром, отдалённом и позднем периоде после травмы головы». Пропускаю всё непонятное: энцефалопатии, диплопии, нистагмы, менингеальные синдромы и прочую дребедень. Читаю быстренько, пока меня не позвали, про отдалённые последствия: «Астенические расстройства» – не понимаю. Дальше, дальше: «Нарушение сна, головная боль, опять эта грёбаная энцефалопатия». Вот где про меня: «Энцефалопатия со вспыльчивостью, агрессивностью, ослаблением памяти». Ослабление памяти – не про меня, а вспыльчивость, агрессия, – это про кого? Дальше, дальше: «Под влиянием психогении, злоупотребления алкоголем или соматических заболеваний наступает декомпенсация травматической энцефалопатии – усиливается описанная симптоматика». Дальше: «Истерические реакции, раздражительность, доходящая до взрывов гнева». Твою мать! Всё про меня.

– Как дела у Анюты? Она такая прелесть и умничка.

– А вы думаете, ей есть в кого быть глупой? Пока идёт без четвёрок.

Вот выраженище: «идёт без четвёрок». Мама, конечно, отметила про себя лексическую погрешность, но промолчала. И правильно сделала.

Анюта окончила с отличием музыкальную школу по классу фортепьяно и поступила в Гнесинку.

– Передавайте Анечке от меня большой привет и скажите ей, что я её люблю и помню.

* * *

... «Люблю и помню». Вот это «помню» мама могла бы и не говорить. Где же твоя деликатность, мама? Кто ж её не помнит, а Хаина Нахимовна может расценить последнее слово твоего пожелания, как тонкий намёк на очень неприятные обстоятельства из её прошлой жизни.

Я тоже точно помню год, день и час возникновения моей ненависти по отношению ко всем коммунистическим режимам. Начало отсчёта – душераздирающий крик Анютки Шехтель.

Грустноглазая еврейская девочка. Я всё помню.

Мы с ней учились в третьем классе, когда сухорукий отец всех племён и народов «дал жмура», оставив на ковре кабинета по-детски неожиданную лужицу. В мокрых штанах сучил предсмертно ногами организатор счастливого детства, а должен был по замыслу кремлёвских менеджмейкеров отходить в мир иной торжественно и величаво.

К сожалению, я не умел тогда ещё исполнять на альтушке траурные марши Шопена, и потому не мог предложить свои услуги в качестве музыкального сопровождения в ад конопатого изувера, а жаль.

Сплёл ласты усатый диктатор, но у его опричников было в распоряжении ещё целых четыре года, для того чтобы успеть превратить в лагерную пыль любого, кто недостаточно громко рыдал, слушая по радио трогательные подробности церемонии погребения любимого вождя и учителя.

Педагогический коллектив нашей школы дружно плакал, не забывая зорко присматривать за количеством выделяемой жидкости из слёзных мешков дорогих коллег. Каждый подозревал всех остальных учителей в связи с гэбухой и старался, как мог. Даже те, из особо несправедливо репрессированных, кто плакал от радости, делали это с печальным выражением лица, что трудно.

И в этот непереносимо тяжёлый для всего советского народа час вселенской скорби вбегает в класс Анютка Шехтель и кричит: «Ура, Сталин умер!».

Что произошло с девочкой? Может быть, её доставленные на шестилетнее поселение в «стольпинском» вагоне родители позабыли познакомить дочь с заветами ушлого датского придворного о том, что нужно «держатъ подальше мысль от языка», или просто

пытались вдолбить ей в голову житейскую мудрость: «не болтай», а она в качестве протеста поступила ровно наоборот? Трудно сказать. Но то, что чёрный «воронка» подадут родителям своевременно, в этом никто не сомневался ни на йоту.

Напуганные до смерти учителя коротко посоветовались и вызвали на незапланированный педсовет маму преступницы – врача невропатолога Хаину Нахимовну.

От больницы до школы – пятнадцать минут ходьбы. Хаина Нахимовна имела в распоряжении не более четверти часа, для того чтобы продумать стратегию и тактику спасения семьи и дочери от нового путешествия в «стольпинском» вагоне.

Она вошла в учительскую, оглядела присутствующих, вычислила по лицам процент хороших, но вынужденных притворяться возмущенными учителей и плохих, радостных от предвкушения расправы преподавателей и попросила пригласить дочь. При этом она открыла сумочку, и что-то зажала между пальцами.

Вошла Анюта. Мать не закричала, как того ожидали, на дочь. Она обняла её за плечи и шепнула на ушко:

– У тебя из ротика пахнет. Ну-ка дохни на меня, мой ангел.

Анютадохнула.

– Фу, – скривилась мама, – открой-ка ротик, у тебя, наверное, язычок обложен.

Анюта открыла рот и высунула кончик языка.

– Ну конечно, обложен. Высуни язычок побольше. Ну-ка, ну-ка?

Анюта послушно выполнила приказание. И в этот момент мама коротко и очень энергично дотронулась рукой до языка, как будто что-то воткнула. Пронзительный крик резанул уши, побледнели даже те, кто жаждал крови. Анюта выскочила из учительской и побежала по коридору. Была большая перемена. Девочка бежала и кричала, открыв рот шире, чем нужно для крика. Из кончика языка капала кровь на подбородок и на белоснежный передник, а в середину языка была воткнута медицинская игла средней толщины.

И ведь не приехал за родителями чёрный «воронка». Наверное, те, кто был облачен властью казнить или миловать, содрогнулись от возмущения: «Ну как это можно собственное дитя?». Содрогнулись и решили, что родители Анюты сполна искупили свою вину перед усопшим вождём, а с ребёнком что возьмёшь?

* * *

– Ростислав, иди к нам сюда, – позвала Хаина Нахимовна.

У мамы ярко-красные пятна на лице. Стопроцентный признак того, что она разговаривала с тем, чьим мнением она дорожит, и что она уже переживает по поводу того, что наговорила лишнего.

Мне простучали коленные и локтевые рефлексy, заставили стоять с закрытыми глазами и дотрагиваться указательным пальцем до кончика носа. Уложили на кушетку и поднимали по очереди вверх прямые ноги. Потом доктор больно придавила мне ладонью грудь и попыталась согнуть мою голову так, чтобы я упёрся подбородком в ярёмную вырезку. Меня подняли, заставили следить глазами за движениями молоточка, ещё раз уложили на кушетку и ещё раз попытались максимально согнуть голову. Почему-то этот тест насторожил Хаину Нахимовну больше всего.

– Черепно-мозговые травмы были? Я имею в виду серьёзные. Мама задумывается на мгновение.

– Нет, серьёзных не было.

Ну, конечно, не было. Вот, если бы я не о Вагина шмякнулся головой, а о бетонный столб, тогда это было бы, пожалуй, серьёзно. А бревном по чердаку, когда на Вильве плот встал на дыбы – это тоже несерьёзно?

Хаина Нахимовна моет руки, садится за стол, что-то пишет в историю болезни. Поднимает глаза.

– Я не хочу вас пугать, но у мальчика налицо все признаки ушиба головного мозга. Если не будет наблюдаться положительная динамика, возможно, для уточнения диагноза нам придётся сделать ему спинномозговую пункцию.

Красные пятна на лице мамы стали ещё ярче.

– Это очень серьёзно?

– Если будете выполнять все мои рекомендации, то я почти уверена, что вы избежите нежелательных последствий. Ему необходим строгий постельный режим на три недели, а потом ещё, как минимум, месяц санаторно-курортного лечения. Я дам вам направление в Усть-Качку. Путёвку купите на месте. Если вы хотите, чтобы мальчик успешно окончил десятый класс и получил

хороший аттестат зрелости, Ростислав должен сегодня же лечь в больницу. Хорошо, что это случилось на каникулах.

Очень хорошо. Куда уж лучше? Сначала строгий постельный режим, потом пункция, что тоже не подарок, и до самой осени со старухами на курорте. Вот если бы туда со мной Танечку направили.

* * *

За два месяца произошло больше событий, чем за десять лет, и все в моё отсутствие. Обидно. Зарезали Толю Кабана. Маму повысили в должности, и теперь она заведует учебной частью школы. Гордится. Нам дали квартиру, и мы переехали из барака в брусовой домик на двух хозяев с сарайчиком и огородом. Толя Кабан, про которого мама говорила, что он «из хорошего теста», помог маме перевезти вещи. Светлая ему память. Одних книг перетащил весом не меньше тонны.

Он услышал ночью возню в полутёмном барачном коридоре. Вышел из комнаты, увидел, что трое бьют лежащего. Вышвырнул их на улицу, поднял избитого и тот, ошалев от побоев, не разобрался в полумраке, решил, что Толя был в числе тех, кто его пинал ногами, и ударил своего спасителя перочинным ножом в область сердца. Толя вернулся домой, рухнул сначала на колени, а потом уткнулся лицом в помойное ведро.

– Пощему на пол лежал? Сволиц ты такая! – кричала Галима, но Толя её уже не слышал.

Самую ужасную новость я ещё не знаю и лежу в постели, представляя себе, как встречу сегодня Танечку. Если маман будет на работе, я продолжу начатую атаку. В последний день перед моим отъездом тётя Клава не дала нам уединиться лёжа – шарахалась по дому, пока я не ушёл. Пришлось уединяться, стоя в сарае на глазах у козы Мильки. У Мильки любопытный взгляд вуайеристки. Но моя возлюбленная считает, что у Мильки взгляд укоризненный. Это её пугает. Она думает, что животное осуждает нас за аморальное поведение.

Сначала возбудились и застывали соски от поцелуя, а потом возбудилась неопишимо и она. Я не мог больше вынести томительного напряжения внизу и расстегнул брюки. Приблизил к себе её кисть. Она не убрала руку. Покосилась на наглую козу и восхитила меня прикосновением на манер Дуни Кулаковой. Умница моя – всё понимает.

Прикрыла глаза. Раздвинула ноги. Опёрлась спиной о стену, продолжая делать мне приятное правой рукой.левой обняла за шею. Нежно раздвигает языком угол моего рта. Я тоже выдвигаю язык и уже у неё во рту продолжаю трепетное касание. Поднимаю подол, внедряюсь под просторные трусики и погружаюсь пальчиком в невыразимо знойную, такую пленительную влажность. Нет, это не я погружаюсь в неё, это она нежно обволакивает и осторожно поглощает меня.

Шире развела бёдра. Подалась навстречу.

– Танька! Дом закрою, будешь на крыльце ночевать!

Тётя Клава! Неужели вы думаете, что ваша дочь не согласилась бы остаться на ночь на крыльце? Не на чужом ведь, а на родительском истекла бы со мной гормонами. Глупые люди. Глупый я. Нужно было попытаться снять с неё трусики ещё до того, как тётя Клава вспугнула нас криком. Она бы позволила. Какой я дурак. Ну конечно, она бы позволила. **«Кончая, она попросила у матушки позволения бывать...»**

У нас теперь разные с мамой комнаты, и мама думает, что я не слышу их разговор с Полиной из сберкассы. Полина безумно аппетитна и невероятно пахуча. Я прихожу вечером домой, обоняю воздух квартиры и безошибочно определяю, что Аппетитная Полина из сберкассы (так я называю её) нанесла маме визит. Полина выходит замуж. Пришла к маме шить фату. У мамы есть швейная машинка. Дверь приоткрыта, и я вижу часть маминой спины и круглые колени Полины. Колени направлены прямо на меня. Полина чем-то взволнована и нервно раздвигает и тут же плотно смыкает их, не давая мне возможности рассмотреть её ноги в деталях у самого разъёма.

Я не вслушиваюсь в их болтовню, но они, глупые, понизили голос до шёпота, отчего я тут же насторожил уши.

– А может быть, он не догадается? – колени раздвинулись, и я вижу тонкие белые, не стесняющие плоть панталончики. Вот эта, едва просматриваемая горизонтальная складочка по самой середине? Не внедрение ли это тонкой ткани между лилиями? Ну конечно, ну какие тут могут быть сомнения? Совершенно очевидно, что симметричное продольное выпячивание под бугорком – два лепестка цветка. Какие они, должно быть, сочные. Коварная Полина сама исходит соком. Безумно интересно. Сомкнула ноги. Вот, досада.

– Ну как это не догадается, – голос мамы, – как это он не догадается? Что ты такое, Полина, говоришь? Или один не лезет, или хоть всей тройкой заезжай! – Опять нервный разъём коленей. Не устою, господи!

Ай да мама! Ай да педагогиня! И не простой педагог, а заведующая всем учебным процессом. Как образно изволила выразиться. Образно до вульгарности. Разговор, надо полагать, идёт о попытке симулировать давно утраченную девственность у Полины. Подожди, Дуня Кулакова, не совращай. Я и без тебя чрезвычайно возбудился от одной только мысли о дамском месте. Вру. Не только от одной мысли. Я же вижу натуру. Это ничего, что главное прикрыто тонкой тканью. Так ещё интересней. Моё мятежное воображение дорисует картину, тем более что у меня перед глазами схематическое изображение вождя из раздела «Гигиена девочек». Нет, Дуня, и не уговаривай. И убери, пожалуйста, блудливые ручонки. Вынимаю руки из-под одеяла. Никаких больше измен. Я дожусь свидания с моей желанной, дожусь. Странно, вообще-то, всё очень странно. Ведь мой пальчик проник в неё без затруднений, хотя и ощутил божественно нежное обволакивание. Значит?! Ничего это ещё не значит. Ведь его диаметр, как минимум, в два раза больше диаметра ногтевой фаланги указательного пальца. А как он потом пах ею, как волнующе пах потом мой пальчик! Я предположил, что Аппетитная Полина из сберкассы исходит соком? Нет, это моя девочка исходила соком, когда всосала до гортани мой язык.

Вспоминаю ещё одну странность. У нас не было возможности встретиться после моей выписки из больницы, но мне повезло – в день моего отъезда на курорт я догнал Танечку на улице. Она шла в магазин и решила срезать путь, пройдя через клубный скверик. Там, в безлюдном месте между туалетом и танцплощадкой я её и догнал. Взял за руку и увидел Вальтера с Ахмаськой Галеевым. Они курили, и у нас с Танечкой была с ними всего одна тропинка. Сейчас Вальтер попытается взять реванш за поражение на берегу Вильвы. Из клубного туалета вышел их шнырь Добрыня-Азэф. Значит, они ждали не меня, а его. Уже легче.

Я сунул руку в карман, ничего там не обнаружил, но скосил глаза влево и немного успокоился. Куча крупного щёбня около облезлого памятника шахтёру – это уже кое-что. Ахмаська сильнее, но я кидаю

без промаха. Вальтер уже получал от меня четвертиной кирпича по горбятине. Главное – успеть до того момента, когда они станут обрабатывать меня ногами, добраться до камней, а там посмотрим.

Мы приближаемся – они стоят, не собираясь уступить нам дорогу. Танечка сходит с тропинки в траву, а я прохожу мимо, касаясь Вальтера плечом. Самое ужасное – уходить от них, не имея морального права на боязливое оглядывание назад. Но вот я делаю шаг, второй, вот сейчас, сейчас меня ударят сзади. Я напряжён, и к моему стыду у меня вспотела от страха ладонь. Заметила ли признак моей трусости Танечка? Кажется, нет. А ведь я струсил. Когда мы коснулись с Вальтером плечом, он шевельнул им мне навстречу, а я своё отвёл. Струсил. Сдал назад. Но не самоубийца же я переть на двоих? Не самоубийца, но всё равно – это позор. Вот если бы я был под мухой. Ну, и что было бы? А было бы ещё одно сотрясение мозгов. Вот что было бы.

Мы удаляемся от моих врагов всё дальше и дальше, а они не попытались меня ни унижить, ни избить. В чём дело? У Вальтера сестра вышла замуж за крупного мента, и Вальтер тут же получил новенький «газон» по благу. Может быть, поэтому побоялся отоварить меня среди бела дня? Не логично. Наоборот, когда есть волосатая рука в мусарне, можно беспредельничать, не боясь последствий. А может быть, они распознали, наконец, мерзопакостную сущность Добрыни-Азэфа и не хотели светиться при гнусном осведомителе? Что-то тут не так. Ладно, разберёмся. Никогда больше не выйду из дому без «приправы» в кармане. А у меня есть, что положить в карман.

* * *

Все или почти все песни – про любовь. Вот и сейчас поют в радиоприёмнике:

«Только уехала ты – стало в колхозе темней. Веришь, не веришь – стало в колхозе темней». А может быть, стало «в посёлке темней»? Не обратил внимания. Не до этого сейчас.

Я пришёл к Танечке, и увидел у дома машину с контейнером. Тётя Клава с соседом выносили из дома комод. Танечка с шофёром суетились в кузове. Она кивнула мне так, словно мы с ней расстались не месяц назад, а вчера. Обыденно, если не равнодушно сообщила, что уезжают жить в город Темрюк. **«Серебристый звук её голоса пробежал по мне каким-то сладким холодком».**

Почему в Темрюк? Зачем в Темрюк? Это на Азовском море, что ли?

Я помогал таскать мебель и вещи, ловил глазами взгляд, пытаюсь прочитать в её глазах хоть какие-то признаки тёплого ко мне отношения, но всё тщетно. Танечка смотрела мимо меня.

– А почему уезжаете?

– Она здесь на дне, – тётя Клава кивнула в сторону дочери, и у меня оборвалось сердце. **«Каждое слово так и врезалось мне в сердце».**

Поговорить с Танечкой не удалось. Их внезапный отъезд был похож на побег, и она умышленно не хотела оставаться со мной наедине. Я всё-таки подпас, когда тётя Клава уплотняла в кузове пожитки, и мы остались в доме одни. Подошёл, обнял за талию – она не противилась. Поцеловал шею, потянулся к губам. Она отвернула голову, едва соприкоснувшись губами.

– Не надо.

– Почему?

– Я не хочу. Не надо.

Какая женщина скажет: «Надо»? Я взял её лицо в ладони и попытался поймать её губы. Она оттолкнула меня с такой силой, что я больно ударился спиной о дверную ручку. **«Получил от неё сильный удар».** **«С ней происходило что-то не понятное; её лицо стало другое, вся она другая стала».** **«Она вырвалась и ушла. И я удалился».**

– Я же сказала, не надо.

Злости в глазах не было. В её голосе – тоже. Была решимость выполнить задуманное. Она точно знала дату моего возвращения, знала также и то, что я успею застать её до отъезда и при первой же возможности полезу к ней с определёнными намерениями. Всё она знала и заранее продумала манеру поведения.

Лязнул закрываемый борт кузова. Я не продумывал в отличие от Танечки детали поведения, но твёрдо знал, что нужно молчать, чтобы не завывать в голос. **«Я силится не плакать».** Молча подставил щеку, и она, прежде чем усестыся в кабину рядом с шофёром, чмокнула умышленно мимо. Я тоже только лишь изобразил поцелуй, и упорно безмолвствовал, когда тётя Клава зачем-то перекрестила меня, пригнула голову и нанесла мне в лоб материнский поцелуй. **«И склонившись ко мне, она напечатлела мне на лоб чистый, спокойный поцелуй».**

Махал вслед, очень надеясь, что Танечка видит меня в зеркале заднего вида. Стоял с жалкой улыбкой и думал о таком, в сущности, несущественном: «Зачем тётя Клава не сама села плотно рядом с водителем, а посадила Танечку?». Острогу приступа ревности не ощутил. Очень скоро я узнаю, сколь убийственна и беспощадна ревность, а сейчас все эмоции заслонил собой огромный знак вопроса: «Почему на дне? Почему моя девочка на дне? Это не она, это Лука и Сыгин на дне у великого пролетарского писателя. Надо было уточнить, надо было спросить у тётя Клавы. Надо было выяснить. Это так важно для меня, а я, недотёпа, не спросил». **«Сверху ласково синело небо – а мне было так грустно».**

Машина скрылась за поворотом, и в печальной пустоте души, как на белом куске ватмана, очень выпукло и рельефно, сами по себе, без моего участия, вдруг возникли две вечно требующие поэтического продолжения строчки:

*Темноокая с белым лицом,
С кем ты села кататься в машине?..*

Я слишком тупой для того, чтобы придумать четверостишье, но в сложившейся ситуации я, как утопающий за соломинку, ухватился за бесплодную попытку сочинить что-нибудь подходящее к моему настроению, чтобы хоть чем-то заполнить образовавшийся вакуум в ушибленных мозгах. Как и следовало ожидать, ничего не получилось. Почему я использовал глагол «кататься»? Она же не кататься поехала, она уехала навсегда. Сейчас они доедут до железнодорожной станции, перегрузят контейнер, сядут в поезд и ту-ту до самого Азовского моря. Какую я чушь сочинил?

Я не знал, что уже завтра я поймаю себя на мысли, что точнее и актуальней этих двух строк, требующих поэтического продолжения, не смог бы написать даже гений.

* * *

«Из-за пригорка, как из-за угла, в упор ударили орла» – Сохатик Закиров способный и прилежный мальчик. Он моментально вызубрил стихотворение наизусть, но моя мама требует от него максимального выражения чувств, и Сохатик снова и снова старательно

повторяет стих. Я так и не узнаю, как пишется его имя: Сохат или Сахат? Правильное произношение его имени узнает через много лет сотрудник железнодорожной милиции, когда его пригласят для составления протокола.

Сохатик закончит школу с золотой медалью и поступит в горный институт. После зимней сессии он поедет домой, его выбросят на полном ходу из вагона недалеко от станции Утёс, и он разобьётся насмерть. А пока он готовится прочитать стихотворение на организованном мамой литературном вечере в школе.

Я больше не могу слышать этот бесконечный повтор. Пусть я разочаровываю маму и не становлюсь похожим на гуманитария, но запоминать и я могу.

*Из-за пригорка, как из-за угла,
В упор ударили орла,
А он спокойно свой покинул камень,
Не оглянувшись даже на стрелка.
Быть может, дробь мелка была?
Для перепёлки, а не для орла?
Иль задрожала у стрелка рука,
И покачнулся ствол дробовика?
Нет, ни дробины не пропало мимо,
А сердце и орлиное ранимо.
Орёл упал, но средь далёких скал,
Чтоб враг не видел, не торжествовал.*

Сохатик не выговаривает букву «р», и у него получается:

Чтоб влaг не видел, не толжествoвал.

Это невыносимо. Выхожу на улицу. Сажусь на лавочку у ворот. На противоположной стороне улицы маячит Добрыня-Азэф. Увидел меня и тут же подошёл. Такое впечатление, что он ждал, когда я выйду из дома. Подсел рядом.

– Ахмаську замели.

– Я сейчас разрыдаюсь. Гоп-стоп?

– Как узнал?

– Ну, для этого не надо быть Эйнштейном. Не Эрмитаж же он ломанул. Либо воровство, либо хулиганка, либо гоп-стоп. Третьего не дано. У него плюха завальная, ему удобнее всего стопарить.

– Взял на гоп-стоп мужика. Отоварил его. Мужик притворился, что в полном вырубоне, а сам сёк за ним втихаря. Ахмаська снял котлы, забрал деньги и слинял. А мужик его пропас – и в ментуру. Взяли с поличняком. Пятерик за грабёж обеспечен. Хе-хе-хе.

– Я этого не переживу.

– Главное, он же знал терпилу. Они у одного доктора трепак лечили.

Помолчали.

– А Вальтер говорит, что у твоей Таньки минжеус, как мышинный глазок. – Азэф делает пальчики колечком с едва видимой дырочкой и любуется произведённым впечатлением.

«Я не мог ничего сообразить». «Мне как будто что-то в сердце толкнуло». «Сердце во мне злобно приподнялось и окаменело». Давно ли я говорил, что узнаю, как ранит ревность? Пересохло во рту и сел голос.

Самое глупое – это поинтересоваться сейчас у Азэфа, откуда Вальтер узнал столь интимную подробность. Кажется, я побледнел и чувствую удары сердца под гортанью.

Сейчас сердце выскочит из грудной клетки. Оно бьётся чаще, чем доходит пульсовая волна до конечностей. Может быть, поэтому у меня ослабли руки? Она однажды сказала про Вальтера: «блондинчик». Употребление ласкательного суффикса уже говорит о её лояльном отношении к белобрысой сволочи. А почему бы и нет? Я сейчас сдохну. А почему бы и нет? Он старше, лучше меня одет. Он опытной, наконец, чем я, в любовных вопросах. Спокойно, надо не показывать виду, что я раздавлен известием. Он же, хорёк, именно этого и ждёт от меня. Спокойно: «Орёл упал, но средь далёких скал, чтоб враг не видел, не торжествовал».

– А кто Толло Кабана зарезал? Ты знаешь его? – Молодец я, догадался, как скрыть потрясение.

– Он не с нашей шахты. Баклан какой-то.

Азэф явно разочарован отсутствием интереса с моей стороны к полученному известию, но не сдаётся. Он – провокатор, знает, как разговорить онемевшего.

– Они хитро сделали. Вальтер увёз Ахмаську на бруслианскую деляну. А сам вернулся и подпас Таньку. Давай, мол, до дома доведу. Она села к нему в кабину, а он её напрямиком на деляну. На ходу из машины не выскочишь.

– Изнасиловали? – не надо было проявлять интереса, но я так раздавлен, что мне уже не до дипломатии.

– Да нет. Они с неё трусы стащили. Вальтер достал канистру с нигролом. Он же чёрный, вонючий – не отмоешь. Капнули пару капель на трусы. Сказали, что если будет брыкаться, то всё платье обольют и пешком назад отправят. Десять километров пёхом. А на ней новенькое платье из крепмарикена – тётя Клава ей на день рождения справила – и газовый шарфик. Она убила бы Таньку за крепмарикен. Её бы кондратий хватил.

Только педерасты так тонко разбираются в мелочах, известных одним лишь женщинам. Этот грёбаный Тургенев тоже разобрался: **«Бережёное платье с бледно-синими разводами»**. Ну конечно, он пидар, этот хорёк Азэф. Я его сейчас придушу.

– Газовый платочек на траву постелили. Вальтер наклоняет канистру, с понтом сейчас вещь нигролом обольёт. Ну, она и согласилась. Ахмаська ей сзади вправил, а Вальтер ей спереди предложил. Не соглашалась, но ей легонько ручку закрутили на излом. Вертела головой сначала, а потом вошла во вкус, ухватила за помидоры и лизала, как мороженку. Хе-хе-хе, – Азэф лобуется произведённым эффектом. Он всё видит, но ему нужно словесное подтверждение моего полного поражения.

Не дождёшься. Встаю. Откашливаюсь, говорю бесцветным голосом:

– Пойду, пожру, да надо сбегать силки проверить.

– Только это между нами? – кричит вслед Азэф.

– Между лилиями, – бормочу, не оборачиваясь.

«Я не зарыдал, не предался отчаянию; я не спрашивал себя, когда и как всё это случилось; не удивлялся, как я прежде, как я давно не догадался... То, что я узнал, было мне не под силу: это внезапное откровение раздавило меня... Всё было кончено. Все цветы мои были вырваны разом и лежали вокруг меня, разбросанные и истоптанные».

Сука! Мне не дала, а им двоим дала и с моим злейшим врагом испытала сладострастие. Ну, конечно, испытала, тварь, проститутка,

если ухватила в страстях за помидоры. Испытываю страшное, запретное возбуждение, близкое к кульминации, представляя сцену насилия на деляне. Неужели во мне, как и во всех самцах, есть внутренняя потребность к насилию. Тогда чем я лучше их? Я – латентный насильник?

Но почему, почему мне-то не дала? Лярва! И в последний день даже от поцелуя уклонилась. Курва! То, что мне не дала, в этом виноват я сам. Хиздоградатель! Деликатно проник в неё пальчиком и испытал при этом неземной восторг. А им – сукам – не телачьи нежности нужны, а грубая сила. Нагнуть, задрать подол и никаких тебе церемоний. Грёбаный идеалист! Зачем шлифовать «науку страсти нежной»? Совершенно незачем. Достаточно иметь любое транспортное средство и пузырёк с нигролом в кармане. Грёбаная страна! Где, в каком ещё государстве стоимость грёбаного крепмарикена выше цены человеческого достоинства.

На крыльцо вышла мама с Сохатиком. Прохожу мимо, бросаюсь на кровать.

– Ты дочитал Паустовского? – кричит мама из кухни.

Сейчас мне только Паустовского не хватало.

– Представь себе – нет!

– Но почему? У него потрясающий язык!

– Его языком очень удобно лизать мороженку.

– Что ты сказал? – мама заходит в комнату. – Я не расслышала.

Господи, боже мой, оставят меня сегодня в покое или нет? Прохожу в зал. Мама – за мной.

– Что ты сказал?

– Я сказал, что твой Паустовский – врун. Вся его книга «Время больших ожиданий» и «Книга о жизни» – чистой воды вымысел и беспардонное враньё. Сраный романтик!

– Как ты смеешь, ты, не написавший ни строчки. . .

Я не даю маме договорить. Наклоняюсь, поднимаю с полу роман-газету «Алитет уходит в горы», объявляю на манер провинциального конферансье: «Семушкин Тихон Захарович! Лауреат Государственной премии!» Открываю издание, громко читаю: «Народность чукчей, обречённая царизмом на разграбление и вымирание, приходит к новой жизни и вливается в равноправную семью советских национальностей!».

– Шедевр! Специально написан для таких, как ты, читателей с безукоризненным литературным вкусом!

Рву бестселлер на части. У мамы ужас в глазах. У меня в голове подходящая моменту цитата из произведения классика: «Пьер почувствовал увлечение и прелесть бешенства».

Хватаю с полки «Золото» Бориса Полевого – разорвать не удаётся – книга в твёрдой обложке. Бросаю в угол.

– Всё врут, суки позорные, всё, – срываюсь на крик, хватаю Казакевича. – А твой любимый Эммануил Генрихович хитро жопу лижет властям, хляет за объективного, а сам лижет и всё врёт, конъюнктурщик.

Хватаю его «Двое в степи», швыряю в угол, «Сердце друга» – в угол, «Дом на площади» – в угол. На книге «Весна на Одере» особо заостряю внимание, прежде чем зашвырнуть роман в угол.

– Ты что, не понимаешь, что так нельзя воевать? Если у меня 20 человек, а у Вальтера – 6, то кто в более выгодном положении? Я или Вальтер? А я допускаю немцев до Москвы и трусливо готовлюсь к эвакуации. А потом прикормленные властями писатели поют гимны такой победе. Трусами немцев завалили, а теперь хвалятся. Ты это понимаешь? Что ты мне суёшь этих лизоблюдов. Ты что, не понимаешь, что всем этим инженерам человеческих душ очень выгодно живётся в рамках существующей системы? А система даёт зелёный свет только тем, кто тонко чувствует, о чём можно писать, и о чём – нельзя. Да они по определению не могут быть правдивыми. – Хватаю с полки Тургенева. – Над Тургеневским враньём слезами заливаешься: «над вымыслом слезами обольюсь». Суёшь мне его для обязательного прочтения. Как вообще ты можешь читать откровения этого слезливого неженки и тюфяка? – Безошибочно раскрываю книгу на нужном месте и зачитываю: **«В стене было около двух сажен вышины. Я пришёлся о землю ногами, но толчок был так силён, что я не мог удержаться: я упал и на мгновение лишился сознания».** – А если бы твоему Володеньке бревном от плота по чердаку, а если бы этот маменькин сынок грёбнулся на полном ходу из машины, то на какое время он бы утратил сознание? Всю оставшуюся жизнь на таблетки бы работал, говнюк! Конёк больше десяти метров пролетел, все кости себе переломал, всю клеть обдристал, а сознание не потерял!

Мама делает нетерпеливый жест рукой, но я упреждаю возражение.

– Нет, ты подожди, ты послушай, что пишет дальше твой любимый слонтяй, а ведь ему 16 лет, он мой ровесник: **«Крапива обожгла мне руки, спина ныла, и голова кружилась, но чувство блаженства, которое я испытал тогда, уже не повторилось в моей жизни. Оно стояло сладкой болью во всех своих членах и разрешилось, наконец, восторженными прыжками и восклицаниями».** – Я сейчас зарыдаю от умиления, а потом сблую от сладкой боли во всех своих членах и от всех его восторженных прыжков и восклицаний. Да ты поняла хоть что-нибудь из его «Первой любви»? Этот слизняк придумал себе мужественный образ. Он, трусливое ничтожество и приживала, хотел бы быть похожим на Петра Васильевича. Как это заманчиво – хлыстом даме по руке, и та целует на запястье след его удара. Рубец целует покорённая им женщина. Заманчиво! Но это же вымысел! Чудовищное враньё. Чудовищное! Между лилиями ей кнутом, да ещё и с потягом, тогда, конечно, мороженку полижет, а рубец – никогда!

Мама – педагог от бога. Чем я взволнованней, тем она спокойней.

– Скажи мне, сыночка, тебе нравится город Ленинград?

Это удар ниже пояса. Это запрещённый приём. Слово сыночек не оказывает на меня ни малейшего действия, но то же слово, произнесённое с ударной буквой «ы», действует на меня, как таблетка димедрола. Эта «ы» лишает меня возможности дальнейшего сопротивления. Я утрачиваю способность дерзить из-за грёбаной буквы «ы».

– Я там не был. Не знаю.

– Ну, чисто гипотетически, где бы ты согласился жить? В этой дыре или в Северной столице?

– Разумеется, в Ленинграде.

– Очень хорошо. Теперь слушай. Твой отец, как ты сам понимаешь, не имел ни малейшего отношения к убийству Кирова, но у него хватило ума высказаться в лаборатории своё, идущее вразрез с официальной точкой зрения, мнение по поводу случившегося. Утром он оригинальностью мышления произвёл на окружающих впечатление, а вечером у нас произвели обыск, и я осталась без мужа. Отцу повезло, началась война, и его выпустили из тюрьмы. Но он не сделал соответствующих выводов и опять что-то ляпнул уже после войны.

Он мне не признался, но я уверена, что он наговорил лишнего, и так называемые коллеги тут же стукнули, куда надо, и его отправили под конвоем в это гиблое место. Я не преувеличиваю, умышленно определяя место нашего проживания, как гиблое. Он же погиб здесь. Из-за своего языка погиб. Ты знаешь, что я не балуюсь стихами, но, когда его забирали второй раз, у меня сами по себе возникли в голове следующие строчки. Запомни их, на всю жизнь запомни:

*Ведут отца, как на закланье,
У них пощады не проси.
Неотвратимо наказание
Для невиновных на Руси.*

Сыночек, я тебя прошу, я тебя умоляю, ну, хочешь, я на колени встану, я тебя заклинаю: никогда, слышишь, никогда не говори плохо о тех, кто верноподданно служит системе. Я тебе для чего дала Экклезиаста? Для общего развития? Не только. Там мудрейший из мудрейших сын Давидов непосредственно обращается к таким как ты: «Даже и в мыслях твоих не злословь царя». Всё простят в России, всё, кроме вольнодумства. Почитай «Былое и думы» Герцена, настоятельно рекомендую. У него там священнослужитель, святой отец записался и проворовался, но его простили, а Александра Ивановича за невинное, в сущности, инакомыслие всю жизнь преследовали. Обещаешь мне, мой мальчик? – мама целует мне голову. – А что касается Тургенева? Я не поняла, какое отношение имеет к нему мороженое и лилии, но думаю, что ты просто до него ещё не дорос.

Ещё одно слово по поводу моего литературного кретинизма, и я изорву на мелкие клочки все её идиотские роман-газеты. Дадут мне сегодня остаться одному или будут продолжать хиздеть про грёбаного певца русской природы? Сейчас мне только назидания не хватало, вашу мать!

* * *

Амбулатория больницы расположена в отдельном здании. Значит, на ночь его запирают на ключ. С самого утра пас Хаину Нахимовну. Спросит, что я делаю в больнице, что я скажу?

Дождлся, когда она проследует в кабинет, и только тогда вышел из укрытия. Прошёл в туалет, но не воспользовался оным, а выгащил шпингалет из гнезда, чтобы ночью можно было беспрепятственно проникнуть в помещение. Точно такой же вольт проделал для гарантии и в окне коридора. Полюбовался якобы фикусом на подоконнике, потрогал лакированный лист, огляделся и сделал то, что хотел.

Странно, но я не могу сказать, что провёл ночь в невыразимой печали. Нет. Оскорблённый больше злится, чем печалится. Я должен был всё разложить по полочкам, чтобы, не дай бог, не наказать потом невиновного. Что больше всего травмирует меня? Больше всего меня угнетает то, что меня предпочли другому. Но ведь не она предпочла, а её заставили под угрозой порчи платья из дефицитнейшего грёбаного крепмарикена выполнить их требование. Это в какой-то степени смягчает её вину и абсолютно исключает всякую возможность реабилитации насильников. Так и запишем.

Больнее всего бьёт сознание того, что она получила сладострастие не со мной, а с моим врагом. Больно, но это не её вина. Это физиология. Гораздо хуже, если бы она оказалась столь фригидна, что даже с двумя не получила удовлетворения.

Зачем мне женщина-холодильник. Значит, все эти переживания на подобную тему есть не что иное, как мужской эгоизм, гипертрофированное чувство собственника, оскорблённого самца и прочее такое.

Трудно, невозможно себе представить их обратную дорогу втроём в одной кабине. Разговаривали они или молчали? Если разговаривали, то о чём? Улыбалась она вымученной улыбкой или плакала? Однажды изнасилованная, как правило, безропотно уступает и второй, и третий раз. Она могла сидеть в кабине посередине и держаться за предложенную ей морковку. Могла держаться за две. Страшно себе представить, но она могла быть усажена на неё. И в такой позе ехать до города. Опять это дикое возбуждение при одной мысли об этом. И это – нормально, я же хочу её. Это тоже физиология? Нет, это похоть. А что такое похоть? Похоть – это половое влечение, без которого человечество просто прекратило бы существование. Что ж тут плохого? Плохо то, что вместо сострадания к той, которую силой обстоятельств принудили к половому сношению, я её внутренне осуждаю, но при этом сам её безумно хочу. Люди – скоты! Хуже скотов, те

хоть не лицемерят. Эту тему я должен закрыть, чтобы не сойти с ума. А откуда Вальтер знает, что у неё, как мышинный глаз? Тоже попробовал? Нет, не попробовал, но почему? А мышинный глаз – это признак девственности или особого анатомического устройства её влагалища? В гигиене девочек пишут, что девственная плева может быть достаточно растяжима, для того чтобы не разорваться при первом половом сношении. Опять я пружинно напряжён внизу. Я же решил не касаться больше этой темы. Табу, табу, табу! Нужно всё проанализировать с самого начала. Я должен во всём разобраться сам. Не могу же я, как жалкий рогоносец, обратиться к тому же провокатору Добрыне-Азэфу с унижительной просьбой рассказать мне невыразимо пикантные, интересующие меня подробности. Не дождётесь, суки. «Орёл упал, но среди далёких скал». Вот, когда меня пнули сзади на её дне рождения и я растерялся от неожиданности, но дёрнулся для понта в сторону Вальтера, то почему она сказала: «Хватит вам драться». Есть два варианта объяснения её поведения. Вариант первый: она боялась, что меня избыют, и решила сбукферить. Вариант второй: она заметила, что я струсил, и произнесла эту фразу исключительно для того, чтобы показать мне, что она расценила мою растерянность не как трусость, а как желание немедленно вступить в бой. Одним словом, она таким образом утешила меня, чтобы я не корил себя за малодушие. Умно и благородно с её стороны. Снимаю шляпу.

Когда мы встретились на узкой тропинке с этими скотами, как она себя повела? Она уже была ими изнасилована? По всей видимости – да, потому что она освободила руку из моей и как-то странно улыбнулась. Я ещё тогда подумал, что она могла бы и не улыбаться моим врагам. Что-то я забыл важное, что-то я забыл. Вспомнил! Она уже тогда на остановке уклонилась от моего поцелуя, а я расценил это как обыкновенную стеснительность. Но почему? Почему уклонилась? Однако вернёмся к её улыбке. Это была даже не улыбка, а выражение лица, похожее на что? Похоже на робость, стеснительность, застенчивость, растерянность. Первые три определения её состояния души отбрасываем, потому что это – почти одно и то же, остаётся растерянность. Почему? Там был примерно такой расклад: козлы не знали, как она себя поведёт после изнасилования, и боялись, что она напишет на них заяву. Она, в свою очередь, не знала, разнесут ли они по городу новость о её позоре, и бабским чутьём

догадалась вырвать свою руку из моей, чтобы не вызвать в них ревность и желание тут же отомстить ей за связь со мной, рассказав всему городу о мороженке. Дурочка! Нет, она совсем не дурочка. Освободив руку, она лишала их повода для ревности и, следовательно, спасала меня от неминуемого избиения. Есть ещё одна заслуживающая внимания версия. Она освободила руку, чтобы не дать сволочам насладиться моим унижением: «Мы ей мороженку, а этот влюблённый по уши ложкомойник облизывает её с ног до головы и ходит, держась за ручку...». Это тоже запишем ей в актив.

Почему они меня в тот раз не отоварили? А зачем? Разве физическая боль сравнится с душевными муками? Моя возлюбленная отдалась им без борьбы, возбудилась и даже получила сексуальное удовлетворение, а я, когда узнаю о случившемся, буду унижен, раздавлен и наказан за мою победу в драке на берегу Вильвы. Пиррова победа?! Что-то я опять забыл, что-то очень важное. Ага. Вспомнил. Добрыня-Азэф сказал, что Ахмаська и его терпило вместе лечили у доктора трепак. Вот ключ к разгадке. Если я хочу узнать причину её внезапного ко мне охлаждения, прежде всего мне необходимо выяснить, кто кого заразил венерической болезнью. Неужели она могла заразить Ахмаську? А почему бы и нет? Я уже никому не верю. Ну и тварь же я. Типично мужская психология: её изнасиловали, поэтому я ей больше не верю. Мерзко, но как тогда объяснить её нежелание отдаться мне до конца, без имитации Дуни Кулаковой и без подкладывания между ног тряпочек. Почему мне-то не дала? Вот вопрос из вопросов. Хорошо, мне не отдалась из боязни забеременеть или из боязни утраты девственности. Тогда как объяснить её внезапное охлаждение ко мне после изнасилования? Возненавидела весь мужской пол? Возможно, только я-то тут при чём? Голова кругом идёт. Всё выясню сегодня вечером. Конец августа, темнеет рано.

* * *

Оказывается фамилий на букву «К» в регистратуре амбулатории гораздо больше, чем фамилий на букву «И». А я думал, что Ивановых должно быть больше, чем, скажем, Кузнецовых. Свечу фонариком и ищу амбулаторную карту Ахмаськи Галеева. Закировых много, а Ахмаськи – нет. Танечки Свидловой – тоже нет. Ну не идиот ли я? Все амбулаторные карты больных венерическими болезнями

должны храниться в кабинете лечащего врача. Клятва Гиппократа. Врачебная тайна. Дверь в кабинет закрыта на ключ. Хорошо, что я взял с собой остро заточенную монтировку. Чуть нажал и выдавил дверь из косяка. Нашёл амбулаторные карты Ахмаськи и Танечки. Диагнозы идентичны: острая гоноррея у обоих. Сравниваю даты обращения. Ахмаська обратился на полторы недели раньше. Читаю историю заболевания. Ахмаська указал конкретный источник заражения. Он, оказывается, подхватил вавочку от молдаванки Лягуши. Лягуша – местная жрица любви. Денег с клиентов не берёт. С неё довольно спиртного. Блядёрка. Соглашается на контакт только с молодыми. Не страшная и не старая, но опухоль над щитовидной железой. Шея неприятно раздувается при смехе и при громком разговоре.

Сейчас я узнаю самое главное. Читаю историю заболевания Танечки. Ощущаю сердцебиение, дрожат руки. Источник заражения: была изнасилована незнакомым мужчиной в лесу. Предыдущую половую жизнь отрицает. Дальше идут объективные данные, лечение, но мне это уже не интересно. Я всё выяснил. Надо быстро слинять отсюда. Потом всё осмыслю.

Итак, Вальтер знал, что Ахмаська лечит трепак. Поэтому побоялся вступить в контакт после него. О том, что минжеус, как мышинный глазок, он узнал от Галеева...

Ахмаська, скорее всего, надеялся, что он уже не заразен... У Танечки появились симптомы болезни, она обратилась в больницу, и у неё выявили венерическое заболевание... Как узнала тётя Клава? Городок маленький. Средний медперсонал – мерзавки и сплетницы... На каких тонах происходило объяснение с дочерью – можно только догадываться. Первый порыв – наказать преступников. Но доказать факт изнасилования можно, только обратившись в ментуру. Прошло уже несколько дней. «Почему не обратилась сразу?» – спросит следователь. Почему наврали венерологу про мифического незнакомца в лесу? Кому нужен этот позор? Легче уехать.

Вальтер – гнида. Сценарий изнасилования был предложен им. После поражения на берегу он понял, что проиграл надолго, если не навсегда. Не будет же Ахмаська ходить с ним всегда рядом (он был прав – Ахмаська уже на нарах), а один на один он уже не имеет шансов для реванша. И тогда он придумал дьявольский план мщения. Удар, после которого мне уже не подняться.

Почему она отвернула лицо и уклонилась от поцелуя? Она боялась, что через поцелуй можно заразить меня. Девочка моя! Ты благороднее меня во сто крат. Вальтер! Ты – покойник! Ты слышишь, вонючка? Ты – дважды покойник, потому что есть ещё одна причина, из-за которой моя возлюбленная могла отвернуть от меня лицо. Она ощущала себя настолько осквернённой, что посчитала за подлость дать себя поцеловать в испоганенный рот? Ну, конечно, поэтому. Она же дала мне обнять себя и даже подалась мне навстречу, когда я поцеловал её в шею. Танечка! Ангел!

Мой принудительно падший ангел! Я отомщу за тебя! Вальтер! Ты – труп! Ты – жмур, Вальтер! У меня есть клёвая заточка. Толя Кабан подарил. Ручка наборная и три желобка для стока крови. Но ты не надейся, что будешь заколот благородным стилетом. Ты не заслужил стилет. А моя мама не заслужила наказания – увидеть сына за решёткой. Я вчера прошёл за тобой ночью по улице Торговой, потом завернул на улицу Мичурина и шёл за тобой до самого твоего дома. Я шёл за тобой, а ты этого не заметил. Сто раз я имел возможность заколоть тебя, как свинью, но я не сделал этого и не сделаю. Даже если я самым тщательным образом подготовлю твоё убийство тёмной ночью: маска, чужая спецовка, чтобы случайные свидетели не узнали по фигуре, чужие калоши – всё это я могу своровать в бараке, махорка вокруг твоего тела для того, чтобы собаки не взяли след, то и тогда я обречен на разоблачение. Как только утром обнаружат твой труп – человек по кличке Азэф тут же запишется на приём к оперу, ну а дальше всё известно: «Только это между нами, я вам ничего не говорил, хе-хе...». Железное алиби мне не придумать, а выбивать показания мусора умеют. Нет, Вальтер, ты хитёр, труслив и коварен, но есть и у тебя слабое место. Есть и у тебя ахиллесова пята. Ты, как и я, любишь один шататься по тайге. Я знаю место на берегу, где ты бьёшь уток на осеннем перелёте. Мне лучше других известно, на каком токовище стоит твой шалашик. За грохотом выстрелов ты не услышишь моих шагов. А когда, оглохнув от пальбы, выйдешь из укрытия, чтобы подбратить убитых косачей, ты увидишь в двух шагах от себя дуло моего ружья. Увидишь и всё поймёшь, заглянув в погибельный мрак направленного на тебя ствола. И не жаканом будешь отправлен в преисподнюю, и не картечью. Много чести. Мелкой, как маковое

зерно, презренной бекасиной дробью будешь казнён. Сотнями дробинок ужалит тебя в лицо смерть, а если бы я убивал тебя, будучи пьяным, ты бы позавидовал мёртвым, потому что сначала я бы отрезал твоё хозяйство, а потом выдавил бы у тебя глаза. Заметь, что не наоборот, то есть сначала всё-таки органы размножения, чтобы ты мог увидеть отрезанные помидоры перед смертью, а потом уже органы зрения. Я выдавил бы твои глаза и в каждую пустую глазницу вставил бы по яичку. А что? В обрамлении белёсых поросячьих ресничек смотрелось бы недурно. А твой ампутированный член я вставил бы тебе в рот.

Заманчиво, но неисполнимо. Я должен быть трезв и хладнокровен, а трезвый я не способен на вышеизложенный вариант. Я должен быть трезв ещё и потому, что есть у меня к тебе парочка-другая вопросов. Узнаешь, в чём мой интерес перед смертью. Я не буду, конечно, кричать тебе голосом Макара Нагульнова: «Повернись лицом к смерти, гад», но взгляну, обязательно взгляну в глаза и задам терзающий меня вопрос. А уж упрятать тебя – покойника – в тайге я смогу. Уж в этом ты можешь быть уверен. Никто не найдёт и никогда. Жаль только, что на месте твоего погребения не смогу сыграть для тебя похоронный марш Шопена «Прощай, товарищ».

Не помню, сказал ли я последнюю фразу вслух или – про себя? А ведь это очень важно, поскольку наши мысли слышит Бог, а слова – дьявол.

Я услышал громкий удар кузова по виску, увидел падение тела, проследил глазами за маршрутом убегающей с места дорожного транспортного происшествия машины и направил луч фонарика на изуродованное лицо Лапши-Базарника.

Видимо, всё-таки дьявол услышал про марш Шопена, хотя, по идее, все дела, связанные с погребением, – это прерогатива Господа Бога.

Неважно, кто распорядился ничтожной жизнью запойного пьяницы и неисправимого грешника, а важно то, что Вальтер получил в лице сына убиенного им Базарника врага, куда более беспощадного, чем я. Будем откровенны и посмотрим суровой правде в глаза. Я – трус в трезвом состоянии, болтун и шут гороховый – в состоянии хмельном.

* * *

Похоже, что злой рок занялся вплотную семейством Лапшиных. Вечером убили Базарника, а утром умерла его парализованная мать. Приехали пять кряжистых мужиков самостоятельного вида – братья Базарника – и увезли хоронить родню в деревню Пустынку. Пустыней там и не пахнет, наоборот, там тайга, глухомань, дикость. Лапшины родом из Пустынки. Полдеревни имеют носы двустволкой, грудь колесом и блескучие наглые глаза.

Я подождал, пока схоронят Базарника, выяснил, что Вальтер – вне подозрений, и пришёл к Лапше. Он сидел на лавочке перед домом и насвистывал мелодию любимой песни: «Мать, продай-ка бугояшку, выйдут люди, выйдет Яшка. Дону, по Дону, До-о-ну». Ни малейшего признака уныния на лице. Взглянул в мою сторону, подвинулся, уступая место, сказал, словно прочитал мои мысли:

– А чё горе горевать? Родитель печалиться не велел. Сказал, что если умрёт, чтоб выть не вздумали.

– Коней дядьки забрали?

– Не всех. Ветку с Лыской оставили.

– Вальтеру будочку установили. Инкассаторов теперь возит.

– Не имеет права. У него стаж маленький.

– По благу. У него родак – в крупных ментах.

– Другое дело.

– Узнал, кто батю сбил?

– Как теперь узнаешь?

– Это Вальтер его убил. Я сам видел. – Я точно мог предположить ход мыслей Лапши. Первая мысль, которая могла прийти ему в голову: я вру и хочу его руками разобраться с моим злейшим врагом. Сейчас он потрёт указательным пальцем под носом и опустит глаза. Думать будет.

Лапша потер под сухим носом, опустил глаза.

– Котлы с родителя ты снял?

– Баба. Я знаю барак, где она живёт. Могу показать. Хорошие часы?

– Трофейные. Почему не воспрепятствовал?

– Светиться не хотел. Ты же не хочешь, чтобы с ним менты разбирались? И потом, их всё равно бы санитары в морге сняли.

- Это так.
- Да ты можешь сам машину осмотреть. Там слева угол кузова так от крови замыт, что краска побледнела. Песком тёр, старался.
- Ты не путаешь, может, справа?
- В том-то и дело, что слева. Он же гнал – «газ до полика!». Вилял по дороге, как пьяный. Он хотел выбоину объехать, слишком влево взял, а батя вперёд качнулся – и точно виском. Если бы справа – Вальтер бы мог не прятаться и борта не замывать. Пешехода не видел, удара о борт не слышал, и взятки гладки. Ты зайди в гараж, сам всё увидишь.
- Знамо дело – посмотрю. А главное, на самого мне посмотреть нужно.
- Думаешь, сознается?
- Нашёл дурака. Только меня он не обманет. Я по глазам пойму.

* * *

Впервые в жизни не я к Лапше, а Лапша пришёл ко мне домой. Мамы дома не было. Прошёлся по кухне по-хозяйски, взял с полки стакан, нацедил квасу, выпил, крикнул, вытер тыльной стороной кисти рот.

- Он это.
- Чё бы я сочинял. Он по пятницам с Тосьвы в наш банк деньги возит. Вечером часов в семь, в восемь. Два охранника с ним.
- Сколько у тебя палочек заныкано?
- Штук двадцать, – соврал я. Надо же мне и для себя кое-что оставить.
- На Мутной?
- На Рассольной, – ещё раз соврал я. Для вранья было две причины. Во-первых, я хотел напомнить Лапше про его откат при виде медвежьих какашек – засуетился, как увидел две свежие дымящиеся кучки рядом с задраным лосем, хоть и был с двумя стволами. Сказал, тревожно оглянувшись: «Пойдём, Ростислав, здесь воняет». А я, между прочим, безоружный, ни капельки не струхнул и даже присел и рассмотрел в экскрементах черёмуховые косточки – лакомился мишка ягодой. А во-вторых, Рассольная гораздо дальше от города, чем Мутная, и он вынужден будет дать мне Ветку.
- Отсырели уже, поди?

– Чё бы им сделалось? Аммонит в вощёную бумагу пакуют. А зачем он тебе?

Для того, чтобы быть умным, не нужно быть образованным. Ведь не читал, варнак, благословение отца отъезжающему в Англию сыну Лаэргу, а знал и без наставления датского вельможи о том, что нужно «держаться подальше мысль от языка».

- Рыбку глушить буду, – и обнажил хищные клыки то ли в улыбке, то ли в оскале.
- Динамка нужна?
- Аккумулятор есть.
- А детонаторы?
- Полно. Когда палочки притаранишь?
- Ветку дашь, мигом смотаюсь. Вечером уеду, завтра к обеду вернусь.

– Ветку не дам. Засекаться стала.

Врёт. Ветка кобылка резвая, молодая, грациозная. Не идёт, а танцует. Ноги элегантно ставит, как балеринка, и никогда копытом сама себя по ноге не бьёт. Зачем врёт? Самому нужна. Зачем? Хочет смотаться на Тосьвенскую дорогу и произвести предварительную рекогносцировку. Но ведь у него есть новенький мотоцикл «урал». Есть-то он есть, но ведь на мотоцикле нужно переехать два железнодорожных переезда, а там бабы внимательные. И когда мимо Юго-Западной шахты поедешь, тоже засветишься. Вот он, варнак, и решил напрямую тайгой на Ветке сгонять и всё внимательно рассмотреть.

– Возьми Лыску. У неё спина, как подушка. Жопу не набьёшь. Сильно не гони. Она жеребая.

– Не учи учёного.

* * *

Лапша погибнет нелепо. Вальтер умрёт смертью страшной.

Я привёз Лапше аммонит в четверг перед обедом. Он сунул мешок под крыльцо, не взглянув на его содержимое и не поблагодарив меня по своему обыкновению. Осмотрел у Лыски губы, сунул ладонь ей в пах, поводит её по двору, убедился, что кобыла в порядке, и повел её в конюшню.

- Может, мне её почистить?
- Сам почищу, – сказал, не оборачиваясь.

В субботу утром к маме пришла Appetитная Полина из сберкассы. Я листал Библию, открыл наугад Притчи, прочитал: «Жесток гнев, неукротима ярость, но кто устоит против ревности». Кто о чём, а вшивый про баню. Да уж!

*Темноокая с белым лицом,
Ты зачем к нему села в кабину?*

И правда, зачем?

– Всю ночь деньги сортировали, – донеслось до меня, – все мешки прострелил.

Вошла мама с мстительным выражением лица.

– Твой Лапшин вчера вечером убил инкассаторов вместе с шофёром и сам погиб.

– Один охранник ещё живой, – поправила Appetитная Полина из сберкассы. – Он за мешками с деньгами укрывался.

– Взорвал?

Нет, никогда я не научусь у Полония «держать подалеже мысль от языка», никогда.

– Не взорвал, а расстрелял. Засаду устроил на дороге рядом с Тосьвой. Не шахта, а прямо Чикаго какая-то, – аппетитная Полина из сберкассы взволнованно поправила бретельку на пахучем плече.

В моменты наивысшего переживания мне в голову лезут всякие глупости. Вот и сейчас: «Поправит мама Appetитную Полину из сберкассы или не поправит? Скажет ей, что Чикаго – он, а не – она, или – нет?».

* * *

Я один знаю, как можно войти во двор к Лапше. Нужно подойти к правому опорному столбу, дёрнуть за невидимую непосвящённым леску – откроется маленькое окошечко. Суёшь в него руку, нащупываешь оглоблю, насквозь пропущенную через две скобы на столбах ворот, тянешь оглоблю вправо, и тогда откроется небольшая дверь слева от глухих ворот.

Я прошёл в конюшню. Ветки в стойле не было. Напоил Лыску, задал ей корму и побежал на автобусную остановку. Доехал до Юго-Западной шахты. В автобусе узнал от пассажиров подробности

вчерашнего нападения на инкассаторов. Пробежал бегом пять километров. Безошибочно нашёл место преступления по остаткам сена и пятнам запёкшейся крови. В голову продолжали лезть глупости: «Интересно, смог ли бы я по запаху определить кровь моего заклятого врага?». Постоял. Подумал. Попытался представить живописную картину убийства трёх человек. Особенно интересовала смерть того, к кому посмертно ревновал мою возлюбленную. Произошло следующее.

Лапша не воспользовался моим аммонитом. Всему виной – асфальт. Он не знал, что с Тосьвы начали тянуть асфальт в сторону Юго-Западной шахты, а когда увидел чёрную ленту дороги – отказался от первоначального плана.

Для того чтобы закопать взрывчатку посередине дорожного полотна и провести электропроводку в лес, большого ума не надо. Но это в том случае, когда имеешь дело с обычной грунтовой дорогой. В асфальт тоже можно закопать, но, во-первых, – это очень трудоёмкий процесс, во-вторых, издалека будет виден дефект дороги, а кроме того, практически невозможно замаскировать электропровод. Поэтому Вальтер не взлетел на воздух вместе с машиной. Он умер по другой причине.

Есть только одно место на Тосьвенской дороге недалеко от посёлка, идеально подходящее для нападения. Крутой подъём до вершины горы – около километра, и за ним пологий спуск – километра три. Прекрасный обзор, если стоять на самом вершине подъёма. Но как сделать так, чтобы Вальтер остановил или хотя бы снизил скорость движения автомобиля? Лапша придумал как.

Таскали сено на волокушах с покосов через дорогу на железнодорожную станцию. То там, то здесь валялись клочья сена на асфальте. Валялись и притупляли бдительность.

Лапша занёс на два метра пониже вершины подъёма целую копьёшку и встал за дерево.

В руках убойная «Тулка» двенадцатый калибр с вертикально расположенными стволами. За поясом – топор.

Вечерело. На пустой дороге показалась инкассаторская машина. На пониженной передаче автомобиль доехал до препятствия и остановился. Справа нельзя было объехать сено из-за глубокой канавы. Объехать копьё слева Вальтер тоже не рискнул. В любую минуту

могла выскочить машина по встречной полосе. Охранник, сидящий рядом, достал из кобуры пистолет, вышел из машины и направился к копне. Пнул её в раздражении, убедился, что встречная полоса пустая, повернулся к водителю и получил заряд картечи в спину. Выстрелом со второго ствола Лапша продырявил ветровое стекло, но не убил Вальтера, а только ранил. Хитрый Вальтер успел наклониться лицом к коленям, поэтому всего одна картечина попала ему в переносицу. Он смог включить заднюю скорость, но из-за нарушения зрения не мог контролировать ход движения, и машина не поехала ровно по дороге, а скатилась в глубокий кювет и заглохла. Лапша вытащил Вальтера из кабины и одним ударом топора разрубил ему темя. Переломил «Тулку», прыгнул в кузов, выстрелил по будке дуплетом. Ещё раз переломил, ещё один насквозь пробивающий будку дуплет для гарантийного умерщвления сидящего внутри охранника. Рванул на себя дверцу и выпал из машины с дыркой во лбу.

Истекающий кровью охранник успел нажать на курок.

Где он оставил Ветку? Где этот варнак оставил Ветку. Ему хорошо мёртвым в своей Пустынке лежать (Лапшу похоронят рядом с отцом), а каково ей, накрепко привязанной к дереву? Его, конечно, тоже можно понять. Он же не знал, что его убьют. А мешки с деньгами – вещь не лёгкая. Он хотел их на Ветке увезти и спрятать в лесу. Но где он её оставил? Где-то рядом, надо полагать.

До самых сумерек я ходил по лесу вдоль дороги, ржал голосом знакомого Ветке жеребца Гравия – безрезультатно. Мне не было жалко Лапшу, вернее, не так: чем дольше я бродил по лесу, тем мне становилось жалче Ветку и тем больше я раздражался на Лапшу. Свинство, конечно. Лапша – варнак, но ведь он спас меня, когда я тонул на Вильве. Откуда у меня такое бездушие?

* * *

«Труп врага хорошо пахнет». Кто это сказал? Его Преподлейшество Карл Девятый? Или королева-отравительница Катрин де Медичи? А может быть, герцог де Гиз? А как звали герцога? Вспомнил: полное имя его было: де Гиз Герцог Генрих. Так, по крайней мере, его величает неисправимая фантазёрка английская писательница Виктория Холт. Александр Дюма тоже в этом отношении не без греха, но я уже привык к его «герцогу Генриху де Гизу» и не хочу ставить имя

после фамилии. Сначала титул, а потом уже всё остальное. Так кто же это сказал про запашок? Неважно, главное, что это было сказано про протестантов. Гугеноты – это протестанты? Разумеется. И мама зверски убиенного Вальтера – тоже протестантка. Значит, и он? Очень хорошо, но сказать, что мне приятен его запах, – не могу.

Тётя Марта вела себя на похоронах сына прилично. На публику не работала. Никаких тебе «открой свои глазоньки», никаких тебе «на кого ты нас покинул?». Всё строго, скромно, по-лютерански сдержанно. Стояла в чёрном и неотрывно смотрела не в лицо сыну, а на его руки. Жалел я её? Нет, пожалуй. Я жалел одну только Ветку. Я так измучился за три дня бесплодных поисков, что не мог воспринимать происходящее адекватно и хотел только одного – спать. Должен сказать, что вот в таком полудрёмном состоянии мне лично неплохо думается. Наплывёт мыслишка, не сильно напрягая умственный процесс, пробежится по ушибленным мозговым извилинам и уступит место следующей.

Я спрашивал себя: «Испытываю ли радость по поводу смерти моего врага?». Радости не испытывал. Чему радоваться, если я ему не отомстил? Вальтеру было недолго больно физически (топором по кумполу – это тебе не коленом по губам), а мне всю жизнь будет больно психически. Я не оговорился, поскольку *Psiche* по-гречески – душа. Вот и сейчас я испытал укол ревности. Верно, о, как верно в Притчах сказано: «Жесток гнев, неукротима ярость, но кто устоит против ревности?».

Вот если бы Вальтер был влюблён в даму, а я подъехал бы к ней на машине, предложил её довести до дома, и она бы села, а я отвёз бы её в лесок и силой принудил бы её к половому сношению, и она испытала бы со мной неземное сладострастие, а он узнал бы об этом и в результате испытал бы непереносимые муки ревности, тогда бы я мог считать, что мы квиты. А так – нет. Всю жизнь меня будет терзать двестишьё, требующее поэтического продолжения:

*Темноокая с белым лицом,
Ты с врагом моим села в кабину!*

Ведь она изменила мне не тогда, когда на неё трансформировалось возбуждение двух насилующих её самцов и она, предавшись

похоти, ухватилась в страстях за помидоры моего врага, а тогда изменила, когда села к моему заклятому врагу в кабину. Она же знала, в каких мы находимся взаимоотношениях. Впрочем, она не одинока. Королева Марго, например...

Принесли крышку гроба. Сейчас будут заколачивать гроб. Нужно и мне взглянуть на неординарного жмура. Взглянул. Ничего, ничегошеньки не испытал. Спать хочу. Маэстро махнул трубой. Играл марш «Прощай, товарищ».

Играю, а сам думаю: «Почему я вспомнил про королеву Марго? Какая связь между ней и моей коварной изменщицей? Всё смешалось в голове. Вспомнил. Генрих Манн – честнейший из писателей – утверждает, что в первую брачную ночь Марго в объятиях Генриха Четвёртого вспоминала, как пас её между лилиями герцог Генрих де Гиз. Он, якобы, в отличие от грубоватого Наваррского не смял одежды, а осторожно приподнял кружева и обнажил возделенное. Вот в чём похожесть. Обе думают в самые неподходящие моменты об одежде. Одна боится, что ей обольют нигролом платье из крепмарикена, и потому она на всё согласная, а другая радуется, что ей задвинули под хвост и не помяли при этом платье. Есть ещё одна очень интересная аналогия: обе изменяют своим половым партнёрам с их злейшими врагами. Дело ведь не только в том, что изменяют, а в том, что, лёжа под одним, думают про другого. Тут возникает вечный и неразрешимый вопрос: «Что предпочтительнее, чтобы ты обладал дамой, а она в это время думала про другого, или чтобы она лежала под другим, и думала в это время про тебя?». Для самолюбия, пожалуй, лучше второй вариант, хотя в идеале лучше всего было бы, чтобы дама, лежа под тобой, о тебе любимом и думала. Что-то я совсем зарпортовался. Я же не был для Танечки половым партнёром. А кем я для неё был? Неважно. Если уж дама королевской крови столь распутна, что же ожидать от представительницы подлого сословия? Да в её не засоренном литературным мусором мозгу, стань она моей женой, никогда бы не стёрлось ярчайшее из сексуальных переживаний. Переживаний, испытанных с моим врагом. Я – рогоносец! Я трус, девственник, рукоблуд и жалкий рогоносец. Но где Ветка? Пошли вы все, знаете, куда? Мне Ветку найти нужно».

* * *

Искать Ветку среди ветвей таёжных деревьев (простите за тавтологию) всё равно как искать иголку в стогу сена. Но я искал, я упорно искал, проходя в день десятки километров. После погребения Вальтера (тётя Марга не пожадничала и отстегнула пятисотник) я не стал выпивать с лабухами, а сразу же ушёл в лес, потому что мне показалось, что я догадался, где Лапша мог привязать лошадь. Я почему-то решил, что он мог оставить Ветку на старой просеке. Я не мог объяснить, почему такая идея пришла мне в голову, но был обязан проверить последнюю версию.

Старая просека проходит чуть севернее нашей шахты и упирается в тосьвенскую дорогу недалеко от места нападения на инкассаторов. Просека заросла ольхой и малиной. Летом медведь напугал там до смерти мамину знакомую. Она собирала малину и столкнулась нос в нос с мишкой. Он тоже лакомился ягодой. Женщина закричала и кинула в медведя лукошко с малиной. Медведь остался доволен подарком и не погнался за мадам.

Я прошёл метров двести от дороги, изобразил ржание и услышал в ответ призывное похрапывание. Раздвинул ветки и увидел сначала незнакомую лошадиную морду, а затем и всадника.

– Здорово у Гравия ржать научился, – сказал дядька Кольки-Лапши.

Он видел меня с племянником всего один раз и запомнил. Ни о чём не спросил меня, но всё понял. Спешился, дал мне повод, отошёл в сторонку, шумно отлил. Вернулся, взялся за луку седла, сунул ногу в стремя. Каурый жеребец заложил уши, подался корпусом от всадника, затоптался на месте, изогнул крутую шею вбок, косясь на ногу хозяина.

«Побалуй мне!» – с угрозой сказал хозяин. Каурый послушно выпрямил шею и не двинулся, пока наездник не уселся в седле. Молча дошли до дороги. Остановил коня. Оглянулся. Сказал, пристально глядясь в заросли:

– Ветка – кобылка пугливая, выстрелы услышала, могла оборваться.

– Если Колька разнуздал, то могла, а если – нет, то не оборвется. Удила больно в небо упрутся.

– Это так. Найдёшь – кобылку пригони в Пустынку. Денег дам.
 – Денег мне не надо.
 – Денег не надо? А што так? Зачем ищешь тогда?
 – Она пить хочет, – сдавило глаза изнутри, – потекли слёзы. Мне было стыдно, но ничего не мог с собой поделатъ. Стоял, не вытирая солёную влагу, с нормальным выражением лица и чувствовал, как стекает по щекам и капает с подбородка.

В этом месте хорошо бы приплести, что мне вдруг вспомнился мой бедный отец, умирающий от жажды в заваленном штреке, и мне стало его безумно жаль, и поэтому я залился благородными сыновними слезами. Ничего подобного. Никого я не вспомнил, но, по всей вероятности, жалел не только Ветку, но в какой-то степени и себя. Хотя за что мне было себя жалеть? Не мне же череп топором раскроили.

Дядька внимательно посмотрел на меня. Не с жалостью взглянул, а с интересом.

– У нас в Пустынке на девять дней скорбят, а на сороковины веселятся. Приезжай.

– Почему веселятся?

– Потому что душа на место жительство определилась и успокоилась. Приезжай, помянем Николая. Я тебя с Серафимой познакомлю. Затеяливая баба. Молодая. Кровь с молоком. Она тебя всему научит. Пора уж тебе. Спросишь Якова, тебе мой дом покажут.

Он не обидел коня плетью, не вонзил ему шпоры в бока – у него и не было никаких шпор, он только чуточку привстал в седле и повелительно выбросил руку с зажатым в кулаке поводом в сторону лошадиной головы. Он даже не издал понукающий поцелуйный звук, но вышколенный конь вздрогнул от резкого движения его руки, как от удара, напряг мышцы, чуть присев на задние ноги, и так рванул с места, что взрыл копытами сырую землю, обдал меня комками, перепрыгнул с большим запасом через широкую канаву и пошёл крупным намётом, унося от меня всадника.

«Он сидел так красиво и небрежно ловко, что, казалось, сама лошадь это чувствовала и щеголяла им». Хорошо, Иван Сергеевич, тут я к Вам претензий не имею. В этот раз Вы не опошили как всегда ситуацию, но впервые отвлекли от горестных мыслей. Я даже подумал, глядя дядьке вслед, не подумал, а почти пропел: «Магь, продай-ка буго-яшку, выйдут люди, выйдет Яшка, Дону, по Дону, До-о-о-ну!».

* * *

Я не поехал в Пустынку к затейливой бабе – «кровь с молоком» – Серафиме. Но я, подлый, изменил, наконец, Дуне Кулаковой и предал одновременно Лапшу, посетив Эмму.

На девятый день после его смерти я купил два бутылъмента портвейна «Агдам» и пришёл к Эмме. Между прочим, купил пойло на денежки от жмурика Вальтера – хоть какой-то прок с него. Перед самым баракком меня застиг сильный дождь, и я промок. Постучал, мне крикнули, что открыто, и я зашел в комнату. Не было ещё и десяти вечера, но Эмма уже лежала в постели. Всю дорогу я репетировал, что бы мне такое ей сказать, чтобы рассмешить и очаровать одновременно, но всё позабыл, промямлил что-то про девять дней, про то, что надо бы помянуть, что сорок дней не потому, что душа с постоянным адресом определилась и успокоилась, а потому, что в древнем Египте сорок дней длилось бальзамирование. Чувствовал, что выгляжу непрезентабельно, болтаю неостроумно (Эмма ни разу не хихикнула), в общем, приготовился к очередному провалу и неуспеху в личной жизни. Хозяйка квартиры была в этот вечер серьёзной как никогда.

Эмма встала с постели, я успел заметить, как бесстыдно заголились до самого верха бедра в коротенькой рубашке, увидел, что она без трусиков, и пришёл от этого в необычайное волнение. Она накинула халат, но не запахла его. Подошла, взъерошила мне мокрые волосы:

– Промок и продрог, – подала полотенце, – дождь сейчас уже холодный. – Взяла с полки стаканы. – Выпей, Ростислав, – белая кость, – заглянула в глаза, понимающе улыбнулась, – а то простынешь.

Мы выпили по полному стакану «Агдама». Она приказала мне раздеться и лечь в постель, ещё раз повторив: «А то простынешь». Я лежал в жарком уюте её постели, а она сушила горячим утюгом мокрую рубашку и брюки. Сколько можно их наглаживать? Закончила, наконец, щёлкнула выключателем, приподняла одеяло и легла рядом, обдав меня телесным теплом и лучшим в мире запахом, запахом готовой к соитию женщины. **«О, кроткие чувства, мягкие звуки, доброта и утихание тронутой души, тающая радость первых умилений любви – где вы, где вы».** Ничего подобного, сладчайший Иван Сергеевич.

Конечно, всё оказалось гораздо насыщенней, чем все мои убогие соло. Не страдаю манией величия, но думаю, что я был на нужной высоте. Я бы остался у неё на всю ночь, но, во-первых, меня потеряла бы мама, а во-вторых, я страшно хотел в туалет. Какие уж тут «умиления любви», когда у меня лопался мочевого пузырь, но я боялся в этом признаться.

Когда я вышел от Эммы, дождь прекратился. Светила луна. Ага, вот вам и описание природы. Дождь – это же природное явление. Лунный свет – тоже. Направил струю под завалинку барака, опустил глаза и почувствовал, как у меня зашевелились волосы на затылке. Что-то извивалось на земле в пенистой желтизне лужицы. «Я поймал от Эммы венерическую болезнь, – молнией пронеслось в голове. – Это шевелящееся выпало из меня вместе с мочой».

Присел на корточки и увидел освещённого лунным светом большого дождевого червя. Точно такого же, какого раздавил мне на шее много лет тому назад Вальтер. Слава богу! Это не дурная болезнь. Почувствовал, как наступило «**утихание тронутой души**». Успокоился. Побежали мыслишки. Всё о'кей, Ростислав. Эмма – это тебе не Дунька Кулакова, но эти соски, как две скукоженные редиски, и потом – это дыхание. Нет, я не могу сказать, что у неё дурно пахнет изо рта. Не могу. Ни в коем случае. Но сколь свежо и чисто было твоё дыхание, Танечка: «и запах от ноздрей твоих, как от яблоков!». Заметь, что я умышленно не назвал тебя возлюбленной и даже не процитировал Ивана Сергеевича: «**Последний месяц меня очень состарил – и моя любовь...**»

«Прошла любовь, завяли помидоры». Опять про помидоры. Я же обещал сам себе.

«Пьер решил сам с собой не бывать больше у Ростовых». Что это Вы, граф, неужели так говорили в Ваше время: «тихо сам с собою я веду беседу».

Нет больше никакой любви. Чёрным нигролом загажен светлый крепмарикен моей души.

*Темноокая с белым лицом,
С кем поймала ты кайф сладострастия?*

Вот, оказывается, что больше всего меня волнует, что не со мной, а с моим врагом. Всё. Табу. Я же обещал. И что я зациклился на этом сладострастии? Чем оно, хвалёное, отличается от удовольствия, получаемого при обыкновенном чихе? Отличие небольшое и всего лишь только по двум параметрам: по интенсивности и по продолжительности. И из-за этого люди ломают копья, дерутся на дуэли, кончают жизнь самоубийством, убивают и мучаются от ревности. Глупые люди, глупая жизнь! Девять дней тому назад Эмма хихикала под Лапшой, а сегодня не обмолвилась о нём ни одним словом. Словно его и не было в её жизни. Но, может быть, она, лёжа подо мной, сравнивала нас и думала о нём? Не от того ли она была сегодня столь серьёзна? Кто знает? «**Сын мой! Бойся женской любви, бойся этого счастья, этой отравы**». Ещё один раз, Иван Сергеевич, вы сунетесь, когда вас об этом не просят, мне под руку с вашими патетически-отчаянными воплями, и я порву к такой матери вашу «Первую любовь» на мелкие клочки.

Надо бы закончить повествование описанием природы. Надо бы, но не могу, потому что уже маячат перед глазами крупные чёрные буквы очередного тургеневского перла: «**Весёлый свежий ветер гулял над землёю и в меру шумел и играл, всё шевеля и ничего не тревожа**». Сам-то хоть понял, Иван Сергеевич, что написал? А может быть, я что-нибудь не понимаю. Ну, конечно, я тупой и ничего не понимаю. Примитивно и чисто механически представляю себе, как ветер шевелит клок сена на месте убиенных героев моего рассказа. Сено шевелится, но не тревожится? Но ведь тревожиться может только одушевлённый предмет. Только он может ощущать тревогу. Тогда так бы и написал певец русской природы: «Всё шевеля и никого не тревожа».

Неужели мама права, когда говорит, что я ещё до него не дорос. Неужели он выше моего понимания. Поживём, увидим. Думаю, что никогда из меня не получится гуманитария. А что, если попробовать убогим моим пером описать окружающий меня пейзаж? Ну-ка, ну-ка, и что я вижу в чудном лунном свете? А вижу я...

Грязную зелень лопухов. И не в золотой иванбунинской пыли над жнивьём, а в аспидной угольной и вредоносной необыкновенно. Чахлые умирающие берёзки у подножия угольных отвалов. Сбегает дождевая вода с терриконов и отравляет кислотной жидкостью всё живое, как тут не зачахнуть.

Сортирный запах тлеющего каменного угля. До сих пор не пойму, каким это образом происходит его самовозгорание. Дохлая крыса на дороге. Отвратительно лысый длинный хвост... Запах падали. Тухлятина. Мерзость. Тлен... Кладбищенская тоска. Невыразимая боль раненной навывлет души... Беспредельная печаль.

Но завтра – первое сентября, и надо бы нарвать цветов. Я знаю, у кого лучшие в городе георгины.

Перелез через забор в палисадник Горбуновых. Нарвал цветов на хороший букет, сунулся в него лицом, коснувшись губами холодных лепестков. Вдохнул, пытаясь определить запах бутонов для описания природы. Запах едва уловим. Назовём его ненавязчивым. Ненавязчивый до едва ощутимого. А на что он похож? Ну, это задача не для меня. Увольте. Нашли эстета. Сдаюсь. Нет, всё же попытаюсь дать определение. Слушайте: «Влажные холодные бутоны осеннего цветка георгина изумительно пахнут первым днём сентября».

Уходя, взглянул на краснобокие ранетки. Тоской сдавило сердце: «и запах от ноздрей твоих, как от яблоков». Рвать плоды не стал. Слишком терпко. Слишком горько. Слишком...

Опёрся свободной от букета рукой на шершавую перекладину и легко перемахнул через ограду.

6 сентября 2006 года. Бад Кройцнах

Алиса Поникаровская **ФОНАРЩИК**

Улица была полна странных фонарей. Они обволакивали её молочным мерцающим светом, словно нежной, сотканной из тончайшего вещества сетью. Она шла, и её тень при каждом шаге качалась из стороны в сторону, отражаясь в чуть тронутых льдом лужах. Чёрный кожаный плащ, поглощая этот молочный свет, становился матовым и блестящим. Одиночество давно стало для неё нормой, и редкие машины, проезжающие мимо, казались призраками какого-то другого, недоступного ей мира, поэтому она их почти не замечала. Как не замечала идущих ей навстречу прохожих, сверкающий иней на ветках деревьев, красоту или уродливость стоящих вдоль дороги строений... Только фонари почему-то привлекали к себе её внимание своим странным дрожащим светом.

«Наступит утро, придёт фонащик и убьёт их... – подумала она и неожиданно одернула сама себя. – Фонащиков давно нет... Простое электричество, так примитивно и банально... Да вы романтик, сударыня, – усмехнулась она. – Надо же, столько лет, а до сих пор...»

Ей сегодня ночью исполнялось тридцать. Дома никто не ждал, да и само понятие дом, кроме обозначения стен её квартиры, в которых она иногда пряталась от несовершенства мира, сделал их как можно уютнее, перекроив под себя, ничего большего не означало. Сегодняшнюю дату она праздновала только с собой. С собой и с ночью. Были, конечно, и подруги, и друзья, но все они периодически казались ей призраками прожитых лет, отмечающими вехи её жизни. Сегодня ей не хотелось воспоминаний. И мечтаний тоже не хотелось. Просто ночь, просто улица, просто фонари. И она.

«Я и мир? – подумала она. – Или мир и я? Противопоставление или единство?»

Противопоставления тоже не хотелось.

Маленькое подвальное кафе освещали целых четыре фонаря, пересекаясь светом где-то в районе вывески. «Почему бы и нет? – пожалала она плечами и толкнула дверь. – Надеюсь, здесь будет уютно...»

В кафе горели китайские фонарики, по красным стенам танцевали фигуры экзотических птиц и цветов. Она села за столик в углу, повернувшись лицом к залу, выложила из кармана сигареты и зажигалку и сказала возникшему с ней рядом официанту, не глядяывая в протянутое меню:

– Бутылку красного вина.

– Всё? – удивился официант.

– Всё, – кивнула она, и официант удивленно отошёл, несколько раз оглянувшись.

Глоток вина принёс с собой вкус «изабеллы» и ощущение тепла. Только сейчас она поняла, что успела слегка замёрзнуть. Негромкая китайская музыка создавала впечатление, что она находится внутри большой китайской шкапулки, оббитой красной тканью и увешанной фонариками. Она снова глотнула вина и закурила.

– Девушка, вам не скучно одной? – темноволосый молодой человек склонился над ней в полупоклоне.

«Начинается, – поморщилась она. – Когда, наконец, они устанут говорить эти банальности...» И подняла лицо:

– А вам?

– Что? – опешил молодой человек, явно не ожидавший такого ответа.

– Вам не скучно?

– Да... – молодой человек замялся.

– Если скучно – присаживайтесь рядом, только ради бога, без банальных фраз и приставаний.

Молодой человек заинтересовано и послушно опустился рядом, подозвал официанта и несколько мгновений разглядывал её лицо:

– Вам что-нибудь заказать?

– Спасибо, у меня всё есть.

– А я голоден, – неожиданно улыбнулся он. – С этой работой никогда не успеваешь, как следует, поесть.

– Работа в такое время? – она глотнула вина. – Это интересно.

Молодой человек сделал заказ, официант поспешно удалился.

– И кем вы работаете, если не секрет?

– Фонарщиком.

Рука её дрогнула, несколько капель вина пролилось на красную скатерть.

– Я не ослышалась?

– Фонарщиком, – повторил он. – Почему это вас так удивило?

– Вы гасите фонари?

– И зажигаю их.

– Вы шутите.

– Нисколько.

– Разве в наше время ещё существуют фонарщики?

– А почему бы и нет? Фонари же существуют.

«Верно, – удивлённо подумала она. – Раз существуют фонари, должны быть и фонарщики...»

– И в чём заключается ваша работа? Нажать вовремя на нужный рычаг? Или кнопку, что там у вас, чтобы включить электричество?

– Это слишком примитивное представление, – сказал он. – К каждому фонарю нужен свой подход. Они как дети. Могут обидеться, могут капризничать, могут устать... Я их понимаю. Освещать ночь – занятие не из лёгких.

– Вы меня разыгрываете, – она достала сигарету, и он в ту же секунду щёлкнул зажигалкой.

– Зачем? – искренне удивился он.

– Ну, может быть, это ваш способ знакомиться с девушками...

Или...

– Или что?

– Может быть, вы просто не в своем уме.

– Все фонарщики немного не в своём уме, – улыбнулся он, и она поняла, что он, безусловно, красив.

Официант расставил на столе принесённые тарелки и бутылку такого же, как у неё, вина и бесшумно удалился, пожелав приятного аппетита.

– Вас не будет раздражать, что я ем? Я действительно, очень голоден.

– Нисколько.

Он принялся за еду, она несколько секунд разглядывала зал и вдруг поняла, что тоже очень голодна. «Когда же я ела сегодня в последний раз? – подумала она. – Ах да, утром, чашка кофе и бутерброд...»

– Это вам, – сказал он, подвигая к ней одну из тарелок. – Попробуйте, здесь вкусно готовят.

Она хотела возразить, но блюдо действительно изумительно пахло.

– Спасибо.

Он снова улыбнулся.

– Не считите это за желание вам навязаться, но вам давно говорили, что вы очень красивы? – сказал он, отодвигая тарелку и наливая себе и ей вина.

– Давно, – кивнула, подумав, она. – Но разве это так важно?

– Для меня да, – он поднял свой бокал. – Вы очень красивая.

Она подняла свой:

– Вы тоже.

– Защитный рефлекс у красивой женщины... Вам не идет, – спокойно сказал он. – Я не собираюсь вам навязываться. Если вы хотите, я сейчас уйду.

Она помолчала пару минут:

– Не хочу. Я никогда в жизни ещё не видела ни одного фонарщика.

– Тогда за вас.

Тонко зазвенело, встретившись, стекло.

– Фонарям тоже нужны ласка и внимание. Им нужно, чтобы их понимали и любили. Помните тот фонарь, что стоит на перекрёстке? Вы наверняка шли мимо него. Он ненавидит стоящий напротив светофор, потому что тот своим мигающим красно-жёлто-зелёным светом отвлекает всё внимание на себя и окрашивает свет фонаря... Каждый вечер мне приходится уговаривать его не злиться. Ну что возьмёшь с этого самодовольного идиота-светофора? Он тоже на работе, правда гордится больше, чем следовало бы именно потому, что он разноцветный... Фонарь, который стоит в начале аллеи, очень долго не работал. Знаете почему? Он был влюблён в тополиную ветку, которая касалась его стекла. Они так ласково ворковали по ночам, она ему что-то шептала, касаясь листьями чёрного железа. Она укрывала его от дождя. Во время большого ветра они ссорились, но обязательно мирились, как только он стихал. Фонарь не любил ветер, потому что ему казалось, что ветка к нему равнодушна, и она никак не могла доказать ему обратное... А потом ветку спилили. Она заслоняла кому-то свет. Свет фонаря... Фонарь в переулке – мелкий пакостник и шутник, он очень любит баловаться по ночам, выключаясь при появлении пьяных прохожих. Когда там становится темно, и люди, ругаясь на чём свет стоит, пробираются чуть ли не на ощупь, он смеётся. Я его ругаю, а он говорит, что не любит пьяных... В фонарь у дороги врезалась машина, я долго его лечил и уговаривал не бояться, но он нет-нет, да и погаснет ночью, потому что каждый приближающийся автомобиль внушает ему ужас, а в темноте ему кажется, что его не заметят... Один из четырёх фонарей у кафе – страшный филонщик и лентяй, и если бы его не стыдили периодически остальные три, он, наверное, с чистой совестью не горел бы вообще...

Она, слегка покрасневшись от вина, завороченно слушала.

– Фонарь, стоящий у дома, любит подглядывать в окна. Он старый сплетник, и может рассказать кучу забавных историй, приключившихся с обитателями квартир, в которые дотягивается его свет. Люди иногда не закрывают шторы, особенно когда живут не на первых этажах. Они же не знают, что за ними наблюдают фонари...

– Ты что, знаешь их все? – спросила она, не заметив, как перешла на «ты».

– Конечно. Те, что на моём участке – все до одного. Недавно поставили новенького, взамен только что умершего – великолепный был старик, прожил долгую жизнь, рассказывал такие потрясающие вещи, о которых не прочтёшь ни в одной книге по истории... Мне было жаль с ним расставаться... А новенький – совсем молодой, мнит себя только что зажжённой звездой, вокруг которой вращается весь мир. Фонарь у памятника – бунтарь. Он до сих пор уверен, что сможет переделать вселенную, изменить её по своему образу и подобию, исправить... Я заговорил тебя, – неожиданно спохватился он.

– Ты всё это придумал только что, да? – с надеждой в голосе спросила она.

Фонарщик посмотрел на неё, и она вдруг увидела, какие старые и мудрые у него глаза.

– Тебе хочется, чтобы это было так?

– Я не знаю, – выдохнула она. – Все это слишком странно, чтобы быть правдой... Особенно в такую ночь.

– Чем она так особенна? – удивился он.

– У меня сегодня день рождения... – она посмотрела на часы и в первый раз за весь вечер улыбнулась. – Я только что родилась...

– И ты молчала! – он укоризненно качнул головой и разлил по бокалам вино. – За самую красивую женщину на земле!

– Но это не так, – запротестовала она, чувствуя, как краска залива-ет её лицо и шею.

– Это именно так. И ты всегда должна это помнить, – он поднёс свой бокал к её бокалу. – С днём рождения, самая красивая женщина!

Она выпила вино, поставила бокал и подняла на него сияющие глаза, в каждом из которых зажгётся маленький фонарик.

– Кто ты?

– Я – фонарщик, который зажигает фонари. Подожди минутку, ладно? – он поднялся и пошел в сторону барной стойки.

«Фонарщик, который зажигает фонари... – подумала она, улыбаясь. – Мой фонарщик...»

Он вернулся через несколько минут, держа в руках красный китайский фонарик.

– Это тебе. С днём рождения.

– Спасибо, – сказала она, и в сияющих глазах её блеснули слёзы. Красный фонарик согревал её руки тёплым матовым светом.

– Мне пора на работу, – сказал фонарщик. – Пойдём, я тебя провожу.

– Пойдём, – она поднялась из-за стола, надела предупредительно поданный плащ и прижала к груди красный фонарик. – Пойдём.

Улица была пустынной, редкие прохожие уже давно попрятались по домам, водители машин тоже спали мирным сном, и только фонари, как горящие стражи, освещали их путь. Стоило им приблизиться к очередному фонарю, как он начинал приветливо мигать, и поэтому вся дорога до её дома показалась ей огромной, великолепной иллюминацией. Когда они подошли к её подъезду, небо стало светлеть.

– Ночь кончается... – сказала она.

– Да, – кивнул фонарщик. – Мне пора выключать фонари.

– Я понимаю, – сказала она и ещё сильнее прижала к себе красный фонарик.

– Он никогда не погаснет, – успокоил её фонарщик. – Поверь мне.

– Я тебе верю, – она подняла на него сияющие глаза. – Спасибо.

– Сейчас фонари будут гаснуть в честь самой красивой женщины на земле.

– Пусть они лучше в честь неё зажигаются, – возразила она.

– Сегодня вечером, – успокоил её он. – И всегда.

– Всегда?

– Всегда. Кстати, фонарь за твоим окном давно рассказывал мне, какая у него чудесная соседка. По-моему, он в тебя тайно влюблён... Но это секрет... Мне пора, – фонарщик чуть коснулся рукой её волос. – До свидания.

– Можно... я тебя поцелую?.. – спросила она, понимая, что никакого свидания не будет, и, не дожидаясь ответа, коснулась его щеки холодными губами.

– Пока, – махнула она рукой и скрылась в подъезде, всё ещё прижимая к груди красный китайский фонарик.

Она стояла на балконе и смотрела, как отступает ночь, и вокруг медленно, один за другим гаснут фонари. Внутри неё всё пело и светилося. Она стояла на балконе и курила. Раздался звук чьих-то шагов, она посмотрела вниз и увидела бегущего человека в спортивном костюме. Свет переполнял её через край, ей так хотелось с кем-нибудь им поделиться, чтобы хоть кому-то стало так же хорошо.

– С добрым утром! – сказала она, сама себе удивляясь.

Человек неожиданно остановился.

– С добрым утром. Так рано, почему вы не спите?

– У меня сегодня день рождения, – сказала она. – Ещё осталось вино. Заходите в гости.

– Вы серьёзно? – удивился он. – Вы что же, совсем одна?

– С фонариком, – улыбнулась она.

– Действительно можно зайти?

– Конечно, – снова улыбнулась она, увидела, как гаснет последний фонарь и пошла открывать дверь.

Он сказал ей через полгода, что в тот день, когда она окликнула его с балкона, ему показалось, что в её глазах сияют ночные фонари.

– Они каждый вечер зажигаются для меня, – сказала она.

– Я знаю, – он притянул её к себе. – Потому что ты – самая красивая женщина на земле. Я люблю тебя.

На стене ровным матовым светом светился красный китайский фонарик.

17.11.99. Москва.

Ирина Регеда **СОЛО ДЛЯ ПЕЧАЛИ** **Короткая повесть**

Когда печали много, даже очень много – она уже не растворяется, а опускается на дно души. Потом её осадок прорастает корнями. И люди умирают. Не от болезней или старости. Они умирают от Печали...

Но есть и такие, которые не умирают. Их очень мало, они живут, но это нельзя назвать жизнью. Жить с Печалью невозможно. И тогда к ним приходит великое Знание или Смерть при жизни.

1

«М-м-м-а-а-а», – она так и не поняла, чей это стон – её или его. Но кому бы он ни принадлежал, всё уже не имело значения.

Он умирал и просил прощения за смерть. Он каялся и сам себе отпускал грехи. Она держала в ладонях его ладони, гладила пальцы и

знала, что через секунду, час, месяц – его всё равно придётся отпустить. И тем нелепее ей казался уход, потому что он уже был Там. Или почти Там. Ему ничего не было нужно и с ней его ничто не связывало. Он всегда знал, что умрёт, теперь знал, что умирает, и как все врачи в чудо не верил.

Что он сказал ей тогда?

Прости за то, что уйду и оставляю тебя одну в этом страшном мире.

Почему, когда прошло столько лет, ей стали приходиться воспоминания, нет, о нём она не забывала никогда, но ночами...

...Тоскливая нота и экран появлялись, когда её раскрытые глаза заикливались на невидимой точке тёмного пространства, примерно в одни и те же часы, хорошо, не в полночь, иначе со временем всё происходящее стало бы ей казаться тривиальной мистикой. Но слишком трагично звучала пришедшая из ночи нота, а значит, относиться к тому, что происходит, как к мистике, она не могла. Объяснения она не находила, но знала: если в жизни что-то случается – всегда по заранее проверенной кем-то уже неизбежной закономерности. Поэтому и экран принимала как нечто само собой разумеющееся. Его границы постепенно расширялись, картинки начинали кружиться почему-то против часовой стрелки, и ей приходило в голову, что так, наверное, мельтешат молекулы в капле воды. Молекулы-картинки, когда уставали и им надоедал хаос, замирали и становились яркими, даже слишком яркими и прозрачными. Приносили с собой сладкий запах гниющих листьев, хризантем, свинцовой реки, дождя – всего, что по банальной традиции называют осенью. Назойливая еженочная картотека исчезала под утро, но не от первого петушиного крика, а постепенно, покрываясь молочным туманом, который, растворяясь, уносил её с собой. И так до завтра, до новой ночи.

За окном вечер и ветер, последний осенний тёплый ветер, – его даже больше, чем воздуха – принёс в лоджию сухой лист. Листьев почти не осталось, а этот с выпирающими ребрами уродец непонятного светло-кофейного цвета, каким-то чудом сохранился, чтобы прилететь в последний раз. Потом густая ночь остановит ветер, утром придёт первый мороз и первый снег.

2

Но была не осень, а лето. Как водится в приморском городе – душное, влажное, вязкий запах липы соперничал с тухлым амбре канальной стоячей воды. И чем дольше держалась жара, тем приторнее и невыносимее становилась адская смесь. В полдень лениво палили пушки, пытаясь пробить замкнутое пространство горько-сладкого воздуха, материализовавшегося до такой степени, что хоть разрежь его ножом. Измученное население большого города достигло состояния какой-то нематериальности. Солнце доводило до иступления – выход в открытую дверь квартиры можно было приравнять к выходу в открытый космос.

Чтобы не стать жертвой солнечного удара, она собралась в магазин пораньше, но уже с утра услышала стучащее взхлёб сердце и поняла – без приключений не обойдётся. Однако поскольку некого было просить об одолжении сходить «на Голгофу», – так она мысленно окрестила универсам напротив дома, – захватив пачку валидола и на всякий случай – паспорт, пошла. Пересекла площадь. Когда открывала дверь, сердце сначала поперхнулось, а затем стало судорожно выбивать дробь. Она увидела хвостатую очередь и решила, что не доживёт до её окончания. И оказалась почти права.

... Два сияющих нимба превратились в белые медицинские шапочки двух врачей скорой помощи. Сирены она не слышала, но машина мчалась без остановок, значит, её пропускали даже на красный.

Капельница на фоне окна, казённые захлоренные простыни и тишина – объяснили, куда её занесло. Сердце, слава богу, нашлось на прежнем месте. Ей захотелось отыскать хоть одну живую душу, которой вскоре оказалась медсестра перед настольной лампой в тёмном коридоре. О том, чтобы уйти домой, не могло быть и речи, вот завтра после обхода надо договориться с врачом и – пожалуйста.

Наутро обход не дал ничего хорошего, оказалось, – низкий гемоглобин, с которым выписывать нельзя, и переутомление, сердце ни при чём, во всём виновата жара, так что четыре-пять дней лежания ей обеспечены.

– Доктор, у меня через три дня билет на самолёт!

– Голуба моя, да вы на себя посмотрите – краше в гроб кладут, дойдёте до первого пенька, потом опять к нам? Пусть кто-нибудь из близких сдаст билет.

– Мне некого просить.

Выпученные глаза доктора напомнили ей о базедовой болезни, он с такими и удалился, одновременно задаваясь вопросом и бормоча, не наступил ли конец света, когда такие бабы остаются без присмотра. Профессиональный врачебный цинизм объяснил её стойкую худобу и «бледные кожные покровы» не генетическими остатками древней дворянской крови, а более вескими материальными причинами. Конечно, лекарь был прав, но и её дворянская кровь явно не способствовала увеличению количества красных кровяных телец, провоцировала почти аристократическую бледность. Но имело смысл поискать другого более стоворчивого медицинского покровителя.

Она подошла к коридорному окну, пытаясь просчитать возможные варианты поиска и поразмыслить над дальнейшим планом действий. Кирпичная стена соседнего дома, до которой можно было дотянуться рукой, не могла порадовать взгляд – узнаваемые чёрные потёки, мох в пазах между кирпичной кладкой, где зацепившееся семечко перелётного клёна дало потомство в виде чахлого отростка, жёлтого даже летом.

– Что вы там увидели?

Ей даже не захотелось оглянуться, но это и не потребовалось, объяснять ничего не пришлось:

– Это я вас спасал?

– Может быть, не помню.

– Зато я помню.

– Тогда мне легче просить, чтобы выписали завтра.

– Причины?

Их называть не хотелось – желания наблюдать за периодически повторяющимися признаками «базедовой болезни» так и не появились, но делать нечего, пришлось выкладывать карты – глаза остались на месте, что вселяло надежду. А от их лаконичного владельца последовало предложение зайти попозже.

Пою вам гимн, совдеповские ординаторские! Три стола, один о трёх ногах, пять стульев, кушетка, вскрытая скальпелем точно

посередине, убеждала больных в крепнущем профессионализме студентов-медиков. Самодельные горшки с папоротником и ядовитой геранью – разросшиеся комнатные мутанты, благодаря усилиям нянечек, успешно скрывали убогость стационарного интерьера. Что ещё? Капустный дух витал не только в воздухе, но и расточался даже оконными шторами. При всех попытках Мефистофеля загонять судьбы в локальные проявления человеческого счастья и останавливать прекрасные мгновенья, – чуда здесь не могло произойти по определению. Впрочем, из чего бы парнокопытный ни сотворял конфетку, оно произошло вопреки всем его потугам. Взяло и произошло...

«Я из его ребра», «Она из моего ребра» – подумали оба. И не ослепил их поток света, не отверзлись небеса, не зазвучала музыка – необходимые атрибуты, сопровождающие события подобного масштаба. Чудо случилось вполне буднично. Потом одновременно решили, если мысли читаются, почему их надо скрывать? Нелепость анатомических откровений не понравилась им обоим – рёбра в больнице имеют более прямое предназначение, чем в библейском сюжете. Поэтому он прямо спросил:

– Я завтра вас выпишу и отвезу домой. Можно?

В ответ она только кивнула.

3

На следующий день, когда она села в машину и только собралась назвать адрес, он безапелляционно заявил, что отвезёт домой, но только к себе. Худенькая кисть напряглась, невидимые жилки вздулись – с силой сжала ручку и уже открывала дверь, когда он двумя пальцами – настолько тонко запястье – прихватил и остановил, прижал, на верное, к сердцу.

– Пойдите. Я не хам, неужели подумали, что я смогу предложить неприемлемый для вас вариант?

– Тогда что?

– Хочу немного подправить ваше здоровье, то есть откормить.

– Только и всего? Но почему?

– Вы не ширпотреб, а, извините, штучный товар. Вам двадцать восемь, а мне пятьдесят четыре и, поверьте, я научился разбираться в людях. Вам надо отдохнуть, поживите у меня, в вашем распоряжении

будет комната, а потом отвезу в аэропорт, посажу на самолёт и скажу «До свиданья». Соглашайтесь.

И она согласилась.

Его трёхкомнатная отдельная квартира, что для гиперкоммунального Питера – необыкновенная редкость, всеми окнами выходила на Торжковскую. Обычный средне-старый сталинский дом с недавно сделанным ремонтом. Но она любила высокие потолки и паркет, поэтому, когда искала и снимала свои две комнаты в коммуналке бывшей баронской квартиры на Литейном, долго выбирала, примериваясь на глазок к расстоянию от пола и выше. Ей нравилось засыпать и просыпаться под потолком красного дерева. Камин, несмотря на подпорченную внешность – выкрашен дешёвой голубой краской – видимо, помнил лучшие времена, потому что облупившаяся лазурь являла голландские изразцы, которые не смогла оценить карающая классовое прошлое кисть маляра-гегемона.

Жилище доктора ей не понравились – в таком не живут привидения, нет сумеречной таинственности, пребывающей в вечно спящих петербургских домах. Солнечная комната, в которой она воцарилась на два дня, выходила окнами на двенадцатизэтажный современный «зуб». Рядом – станция метро. Нет, не её это район.

4

- Доктор, куда вы собираетесь?
  - На рынок.
  - А что буду делать я?
  - Подождите, приеду, вас накормлю. Кстати, выбирайте любой напиток кроме шампанского – вам его нельзя.
  - Если нельзя, тогда ничего.
- Ей сладко вздремнулось в ожидании, он приехал с необъятными пакетами, букетом и хорошо, что не роз, которых она не выносила, а жёлтых лилий, пахнущих свежеспиленным деревом.
- Почему не розы?
  - Вы слишком для них оригинальны.
  - Я – ваша фантазия. Вы – хотя доктор, но не Фауст, а я не Елена или Маргарита.
  - Частично согласен – я не Фауст.

Как прошёл их первый совместный вечер? Они почти не разговаривали. Она сидела на диване, что-то мысленно проговаривала, сбивалась, путалась, задавала вопросы. Он отвечал вслух, чему она уже не удивлялась. Оба подошли к окну, её слегка раскосые глаза, ища, на чём бы остановиться, наконец-то выбрали точку опоры – взгляды встретились, она увидела... себя, и это не было просто отражением. В его глазах женщина жила вполне самостоятельной жизнью. Когда она поворачивала голову, улыбалась, тонкими руками пыталась распахнуть штору, – поселившаяся в глазах женщины ничего подобного не продельвала. При более пристальном рассмотрении ей даже показалось, что она мало на себя похожа – так необыкновенна была жительница глаз. Но сомневаться просто надоело. Поэтому, решив, что чудо должно продолжаться, она успокоилась и обласкала улыбкой известную ей незнакомку. Чудо продолжалось...

5

Белая медведица жила в коммуналке на кухне. Её мягкое гуттаперчевое туловище и маленькая змеиная головка как-то не вписывались в строгий цивилизованный коммунальный быт. Она жила одиноко, почти не показываясь на глаза. Медведица голодала. Однажды обитатели мини-коммуны застали её рядом с домашним скарбом, нет, не за воровством припасов, – слишком была горда. Она обнюхивала сковороды, кастрюли и кастрюльки, запрокинув головку, вдыхала кухонные ароматы. А один раз её застучали за добыванием хлебных корок, заваливавшихся за газовой плитой. Прижавшись левым боком к агрегату – при этом изящная голова едва доходила до середины, медведица правой лапой тщательно обшаривала угол и выковыривала «сухой паёк». Услышав шаги и, видимо, устыдясь своего занятия, – не царское это дело – вальяжно переваливаясь на ватных лапах, сначала подошла к двери, ведущей из кухни в недра баронской квартиры, а затем растворилась не то в стене, не то растаяла на пороге.

6

- Дорогая Елена, можно я буду вас так называть? Вечером самолёт. Как, уже собираетесь? Никак не могу поверить, что вы улетае.
- Тем не менее...

– А что я буду без вас делать?
 – Доктор, наверное, то же, что и всегда.
 – Это было до нашего знакомства.
 – Мы будем перезваниваться, а через три недели я вернусь. И тогда обязательно встретимся.

– В этом я как раз сомневаюсь.
 – Не надо. Вы меня спасли, поэтому...
 – Не продолжайте. Вы мне ничем не обязаны.

Они приехали в аэропорт за полчаса до регистрации, присели выпить кофе, но разговор рассыпался отдельными словами, фразами, жестами. Ей предстояло провести бессонную ночь, поэтому принаравливаясь к собеседнику, несмотря на постоянную тихую благодарность, она не могла.

– Послушайте, я обыкновенный и даже циничный врач, вы... В прошлом веке говорили «небесное создание» – это про вас. Подумайте и ответьте сейчас, хотите получить в жизни защитника? Я предлагаю руку. Вы сильная, но обречены на выживание, как и все одинокие, а я хочу, чтобы ваша жизнь была другой. Не ожидали? Что-то смущает, может быть, у вас кто-то есть?

– Вы правы, именно «кто-то», скорее, «никто». Я подумаю.
 – Вы мне ответите сегодня, сейчас?
 – Не знаю. Жестоко ставить перед выбором и не оставлять времени.

Она отвернулась. Ей не хотелось терять независимости – она любила одиночество. Нет, ей никогда не удавалось быть одной, но притягательная и необъяснимая сила одиночества завораживала тем, что ей не было скучно с собой, ей было скучно с другими. Но потом появилась ещё одна тайна одинокого человека – возможность принадлежать себе. Со временем оно переросло в такое яростное желание независимости, что она сама едва ли ответила на вопрос, зачем ей свобода? Она уже научилась снисходительности к чужим слабостям, потом её осенило, что постоянное оправдание чужих грехов и соблазнов отдаляет ещё больше, но открытие не удивило и не разочаровало. Там, где есть снисходительность – любви не бывает. Влюбиться в доктора до такой степени – хоть в омут с головой, она вряд ли сможет. Неожиданно сравнила «омут» и «хомут». Разница всего в одной букве... Но если в этой жизни без «хомута» не обойтись, так

пусть лучше эту принадлежность конского гардероба для счастливой семейной жизни она получит от того, кто сидит напротив.

– Доктор, я согласна. Только прошу – не говорите ничего, через три недели вернусь – и всё обсудим, – проговорила скороговоркой, надеясь, что за это время всё может измениться.

В ответ он молча поцеловал руку.

После трёхчасового перелёта едва она успела войти в дверь, как раздался телефонный звонок.

– Как вы долетели?
 – Спасибо, благополучно.
 – Я ещё надоем за ваш отпуск.

Она промолчала, так начинается прелюдия к счастью – сначала контроль, потом ревность, унижение. А в финале – всё то же расставание. Но, не желая обижать спасителя, – надо принимать правила игры – ответила:

– Конечно, звоните. Вы мне не сможете надоесть.
 – Считаю, что согласие вырвал силой.

И он сдержал обещание: целую неделю звонки раздавались по два раза на день. Потом прекратились.

7

Город Н, омываемый мутной рекой, большой и беспорядочный, с оригинальной и странной судьбой, уже несколько веков оправдывал своё мистическое предназначение. Время от времени приходил в такое оскудение и запустение, что само его имя грозило исчезнуть, но потом по совершенно неведомым законам начинал оживать. А когда времена оживления проходили, их сменяла всеобщая меланхолия, провинциальная скука, хаос и тоска по столичной жизни.

У неё никогда не было желания осчастлививать этот неудобный город своим присутствием, поэтому, как только представилась возможность, она его покинула, не мучаясь угрызениями совести по поводу собственных антипатриотических настроений...

Замолчавший телефон её не удивил. Однако надо было выяснить причины его загибания, поэтому через пару дней она набрала номер докторской квартиры. Никто не ответил. Весь следующий день она

посвятила упорной борьбе с телефонным диском, заучив наизусть цифры, с жестокостью терроризировала аппарат, тем не менее, результат получился нулевой. Неизвестность начинала беспокоить. Но через четыре дня боёв, услышав в трубке знакомый голос, подумала, что наверняка зря забила тревогу.

Сначала она ничего не поняла, но его голос зазвучал так безучастно-безжизненно, что от предчувствия беды у неё сжалось сердце. Он и узнавал и не узнавал её. Что могло произойти за неделю? Ответа не последовало.

– Доктор, вы меня не узнаете?

– Узнаю.

– Что случилось?

Молчание. Вспотевшей ладонью она подхватила выскользнувшую трубку, боясь, что за эту долю секунды могла пропустить что-то очень важное.

– Доктор, вы меня слышите? Можно я приеду?

– Как хотите.

– Я сейчас иду за билетом, первым рейсом вылетаю.

– Да, конечно.

8

В аэропорту её охватил неожиданный страх, не поддающийся объяснению и логическим вразумлениям, которыми она сначала пыталась себя успокоить. Страх разливался какими-то волнами, от него сохло во рту, в голове стучали молоточки, выбивая такт весёлого, с флейтой, марша. Нелепое возбуждение сменялось паническим ужасом. Эта приходяще-уходящая цикличная, почти животная неуправляемость иногда отступала, давая место кусочку здравого сознания, тогда ей становились противны и собственный голос, и ватные ноги, но справиться с собой было уже не под силу...

...Она упёрлась лбом в стену рядом с кнопкой звонка знакомого этажа, пробуя успокоиться, потом, придерживая левой рукой правую, – стали такими тяжёлыми, – позвонила. Страх почти прошёл, осталось чувство безысходности, обречённости и готовность покорно принять всё. Что? Она ещё не знала.

У него изменился взгляд, он, пряча глаза, пригласил пройти. Ей показалось, что ему больно смотреть.

– Доктор, я здесь, что случилось?

– Зачем вам знать? Это не нужно.

– Значит, нужно.

– Уходите и не тешьте себя иллюзиями.

– Что случилось?

– Ну что ж, слушайте, вы сами хотели: у меня рак, через три месяца я стану просто куском сырого мяса, потом смерть, это зрелище не для вас.

– Но ведь через целых три месяца...

– Через месяц я не смогу вставать, потом стану лежачим...

– Но ведь это будет только через месяц... Позвольте мне быть с вами. Вам будет легче... И мне тоже.

– Это не выход, его просто нет и быть не может. А вы так и не ответили, зачем это всё вам нужно?

– Н-н-не знаю, давайте вернёмся к разговору после...

– Когда «после», «после» уже не будет...

– Можно мне только за вами ухаживать...

– Я спрашиваю – зачем?

– Вы правы, наверное, мне сейчас это нужнее, чем вам, но я могу быть хорошей сиделкой, во всяком случае, вы не пожалеете. Просто перестаньте думать, что я – это я. Не обращайтесь на меня внимания, и всё. Наверное, будет лучше, если ухаживать стану я, а не кто-нибудь как-нибудь... И прекратите меня стесняться, я сейчас приготовлю ужин, а потом погуляем. Извольте слушаться!

– Я всегда подозревал, – вы не от мира сего, но не до такой же степени. Хорошо, командуйте, но учтите, что...

– Я всё уже учла, ответственность за вас на мне. Я хочу быть с вами, ну вот, опять мы вернулись к тому, с чего начали, давайте меньше выяснять и объясняться, а больше думать о будущем, о хорошем будущем. Доктор, чего кушать изволите? Лангусты, трюфели, суп-жюльен?

– Ничего.

– Больше всего я этого и боялась. Давайте за маму, за папу, за меня. За меня не хотите?

– За вас... хорошо, готовьте. Только без изысков и...

– Поменьше трагизма в голосе, ещё ничего страшного не произошло. Ведь впереди целая вечность... Подумайте об этом!

– Я только об этом и думаю.

– Простите меня, я неправильно сказала, глупо, а получилось очень жестоко. Кто сейчас может знать наверняка – месяц, год или целая жизнь. А может быть...

– «Может» не быть и вряд ли будет.

– Я верю в спасенье, искупление, воздаяние, судьбу, чудо и, наверное, ещё чёрт-те во что, но жизнь так устроена, что бывает всё, именно всё, что угодно. Богу угодно. Русские философы говорили: не вера от чуда, но чудо от веры. Надо верить, доктор.

– Предоставляю это вам.

– Я не хочу, не могу позволить, чтобы ваши дни были отравлены страхом и ожиданием смерти. Поэтому я здесь. Пойдёмте на кухню, буду готовить, а вы мне поможете. Оцените моё коварство – ведь вы меня готовить не заставляли...

– Ценю, спасибо, пойдёмте.

– А потом покажите мне, что можно и нельзя – как мне позволятся хозяйничать. Я займу прежнюю комнату?

– Да, конечно.

9

... Она не знала, сколько прошло времени – может быть, неделя, две или целый век. Какая разница. Ей казалось – минуты, часы, сутки объединились и продолжают объединяться в нечто враждебное, неотвратимое, вечно тикающее. И этим неотвратимым и враждебным стал... будильник на его тумбочке. Сколько она ни пыталась убрать или спрятать эту тикающую мину замедленного действия, доктор всегда находил и ставил на прежнее место. Ей даже придумалось, что его надо выбросить, – зловещие сигналы не должны напоминать доктору о неизбежном. Или, наоборот, о том, чего ещё можно избежать. Как? Она не знала. Тиканье походило на стук сердца, его сердца – с каждым ударом уходят силы. Тук-тук, тик-тик, тик-тук, тик-тук – эхо шло по квартире, особенно ночами – комнаты становились пустыми, отзвуки кричали даже на балконе, заглушая гул улицы. Если ночами дул ветер, ветки раскачивались и стучали по стёклам в такт тиканью. Она не знала: акустический ли это обман или игра расстроенных нервов. Что можно было сделать? Она не знала...

Однажды с четверга на пятницу ей приснился сон: белая медведица появилась, точнее, выдавилась, из стены рядом со шкафом в комнате доктора. Она заполнила свободное пространство, как белый туман, и это не было удивительным. Переливаясь, как ртуть, в собственном бело-плюшевом теле, подкатилась к тумбочке, мягкой лапой сгребла тревожный будильник и засунула себе в карман, который почему-то оказался у неё на животе, как у сумчатых австралийских кенгуру. Медведица плавно потекла к стене, потом оглянулась, мотнула маленькой головкой и растворилась на прежнем месте.

10

– Елена, куда исчез будильник?

– А он исчез? Вот и хорошо.

– Почему?

– Так спокойнее.

– К этой вещице я привык.

– Давайте купим новую.

– Нет, не нужно.

– Доктор, не пора ли пить лекарство?

– Пить не пора, но пора начинать колоться, я позову знакомую медсестру...

– Не надо, я умею ставить уколы, у меня получится не хуже, чем у вашей медсестры. Я боюсь спросить, как вы себя сегодня чувствуете, мне кажется – лучше...

– Не ошиблись.

– Тогда пойдём, посидим в скверике напротив?

– Елена, ещё не успели пожалеть про ношу, которую на себя взвалили?

– Это не ноша.

– Я не поверю, что вы приносите себя в жертву с удовольствием.

– Это не жертва.

– Удивили... Я был уверен, что, если не знаю женщин, то, по крайней мере, хоть как-то их, то есть вас, понимаю. Значит, я не понимаю ни вас, ни женщин. Поднимите на меня глаза, если не трудно...

– Значит, не понимаете, если вообще стоит говорить о женщинах.

– На мужчину вы как-то не тянете...

– Абстрагируйтесь от принадлежности к полу. И не выйти ли нам на воздух? Посмотрите, август, вечер, ещё рано, а туман уже поднимается.

– Я люблю туман. И вы, по-моему, тоже.

– Только утренний. Доктор, когда вы поправитесь, мы будем гулять ночами по городу и ловить туман... Не смотрите на меня как на душевнобольную. Одевайтесь и не забудьте дома ключи.

Маленький сквер в городе, одетом камнем, где даже мизерный клочок зелени – травы, деревьев – подстрижен и благопристойно ухожен, был таким буйным исключением из общего правила, что Ялта в октябре стала бы самым подходящим для него местом. Полузаброшенная клумба с выродившимися астрами и неистовыми, ранними для этого времени года пёстрыми хризантемами навела её...

– ...Доктор, напоминайте на будущее, люблю хризантемы.

– Слушая вас... Я проживу сто лет, видимо. Вы либо жестокая, либо безбожно глупая.

– Тогда лучше последнее. И не старайтесь – всё равно не обижусь. Особенно, если учесть, что женщин вы совсем не понимаете. Сорвите мне лучше вот эти три астры и две хризантемы, да-да, те, что помохнатистей...

12

Она готовила, убирала, стирала, ходила на работу. Он ждал её дома. Каждое утро ей приходилось ставить ему уколы, потом убежать в институт, приезжать в обед, колоть, опять убежать. Вечерами, возвращаясь к нему, перед тем, как открыть дверь и войти, представляла, что и как будет рассказывать, какое у неё будет выражение лица. Она даже репетировала, прекрасно понимая, – этот безумный театр долго продолжаться не может, в отличие от большинства женщин она не была актрисой. Удивительно, но сейчас она играла... у неё ещё были силы.

Потом она стала бояться выходных. Боялась надолго оставаться с ним, боялась его боли – ей постоянно казалось, что он её скрывает, боялась себя, своего взгляда, его взгляда, подозрений в фальши. Ещё боялась затянувшихся пауз, молчания, своей и его беспомощности, боялась неизвестности, – когда-нибудь придёт день, и он уже не сможет встать. Но больше всего боялась ночами услышать его стоны. Боялась и ожидала, знала, что рано или поздно она их услышит.

Один раз она проснулась, словно её толкнули. Часы показывали два, белые ночи потихоньку сходили на нет, уступая место обыкновенным чёрным. Она даже не стала надевать халат, в белой рубашке, босиком, летучей сомнамбулой проскользнула в гостиную и остановилась перед его дверью. Ей было трудно сказать – приснилось или показалось, будто её кто-то позвал. Но дверь молчала.

Она стояла в холодной комнате, серый фон окна обрисовывал чёрный траурный букет из трёх астр и двух хризантем, горько пахнущих полынью, ванилью и влажной землей. Неожиданно ей пришло в голову, что таков, наверное, запах смерти: терпкий, пряный, хризантемный. Но почему это прозрение пришло к ней именно сейчас и здесь, рядом с ним, спящим в двух метрах, стоило только протянуть руку?... Всё ли предрешено? Всё ли? Она неловко, цепляясь за край стола, опустилась на колени, потом съёжилась так, будто у неё болел живот, уткнулась головой куда-то между ножкой стола и диваном.

– Господи, господи, пошли мне силы... Кто я такая, чтобы идти против твоего испытания. Прости за то, что делю его судьбу, его крест, пусть наказание будет на двоих...

Легче ей не стало. Она прислушивалась к темноте и его дыханию. Но заглянуть в спальню так и не смогла.

13

Полдень – об этом она узнала по пушечному залпу. Сквозь сон она вспомнила – сегодня суббота, скоро должен прийти его друг, тоже врач.

На кухне кто-то шумел, подавал признаки жизни, неужели он? Ведь ей приходилось чуть ли не силой запихивать в него хоть какую-то еду.

– Доктор, вы позавтракали без меня?

– Я не решился будить. Но всё-таки нашумел.

– Тогда приглашаю выпить кофе. Какое сегодня солнце, посмотрите, я открою окно. Ветер с залива – значит, будет пахнуть солью и водой.

– Елена, вы романтичны. Я смотрю, от вас остались одни глаза, опять под ними чёрные круги. Почему бы вам не развеяться, сходите куда-нибудь...

– Скажите лучше «с кем-нибудь».

– Скажу, вы не должны меня нянчить, но именно это и происходит.

– Значит, как сиделка я вас устраиваю?

– Откровенно говоря, я не ожидал от вас такой заботы, никогда бы не подумал, что вы можете быть хозяйкой. У вас слишком маленькие руки, а мизинцы как у детей.

– Вы наблюдательны.

– Делаете самую неподходящую для вас работу, сейчас вы скажете, что её делают миллионы женщин...

– Скажу. Я ничем не лучше – вы ведь не станете отрицать, что я – ваша фантазия, но об этом мы уже говорили.

– Говорили, и всё-таки, почему вы здесь?

– Доктор, вы заметили, мы всё время задаем друг другу вопросы и на них не отвечаем. Я боюсь любого неосторожного слова, часто думаю, что мои ответы вы истолкуете не так, обидитесь. Совсем недавно мне казалось, что нам не нужно даже разговаривать – вы читали мои мысли, а я ваши. Болезнь нас отдалила. Хотя я лезу из кожи, чтобы вы не чувствовали себя одиноким. Помните, во вторую мировую в Чехии был учитель, который пошёл за детьми в газовую камеру?

– А где здесь газовая камера? Значит, вы святая?

– Да какая тут святость? Это не подвиг, а норма. Мы так все оскудоумели, что обычный поступок воспринимаем как нечто необыкновенное. Я делаю то, что должно.

– Вы мне ничего не должны.

– Доктор, я себе уже принадлежу. Меня сейчас что-то ведёт, в таких случаях говорят «судьба». И не возводите меня на пьедестал...

– Когда я умру, вы, конечно, будете меня вспоминать...

– А вам не кажется, что мы общаемся как двое сумасшедших? Вы говорите о собственной смерти как посторонний, а я вам подыгрываю... за пределы какое-то. Конечно, я не могу запретить говорить вам о смерти, но прошу, пожалейте. Вы сказали «будете вспоминать», а может быть, моя жизнь тоже закончится? Умереть – это не значит лечь в гроб, в гробу всего лишь тело. Откуда вам знать, доктор, что будет со мной. Иногда жить страшнее... Почему вы опустили глаза? Слышите, звонят, я открою дверь.

Пришёл хирург-онколог, чтобы осмотреть своего давнишнего приятеля. После осмотра, пока доктор одевался, она перехватила хирурга у порога и завела на кухню.

– Почему вы уходите, скажите что-нибудь, хоть что-нибудь...

– Я не знаю, ничего не знаю.

– Это не ответ, тогда правду, я требую!

Врач отвёл взгляд, её пронзительные огромные уже не глаза, а круглые фонари с чёрными полукружьями и сумасшедшими расширившимися зрачками, хлестали, унижались, умоляли, он почувствовал, как загорелось лицо.

– Сейчас вы с ним. Я не знаю, может быть, это его держит... Он реалист, сам насмотрелся, руку набил на опухолях... Как он может поверить в то, чего в руке не держал. Я ведь тоже в чудеса не очень-то... За мою практику было два случая, но это не его случаи. Вы ведь в стационаре познакомились? Что тут скажешь – ирония судьбы, трагедия... А ты, девочка, молодец. Держись... Я буду чаще заходить.

– Я боюсь, что ночью ему будет хуже. А потом – всё хуже и хуже... с каждой ночью. Что делать, я боюсь, не выдержу!

– Запомни раз и навсегда, ему сейчас тяжелее, чем тебе. Не надо жалеть ни себя, ни его.

– Почему его не надо?

– Потому что он врач – это во-первых, и ещё потому, что в этой жизни всё нужно делать достойно, даже уходить из неё – это во-вторых.

– Вы рациональны, даже слишком.

– Если ему станет хуже – буду приходить и дежурить.

– Вы не заметили – я цепляюсь за вас, мне страшно. Что делать?

– Молитесь.

Она закрыла за ним дверь. Да, он прав – перед Смертью одинок каждый. И доктор тоже не хочет делиться с ней одиночеством. Но почему жизнь этого человека стала для неё важнее всего?

Она почувствовала ванильный запах, доносившийся из гостиной – траурный букет, его давно пора выбросить... Мелочи, глупости раньше совершенно ничтожные, на которые она никогда не обратила бы внимания, стали доводить её до исступления. Ведь все они постепенно, незаметно наполняются новым значением. А доктор? Может быть,

и он мучается так же, как она, но ведь он молчит. Это терпение, или он стал совсем равнодушным к вещам и предметам, которые сейчас тащат её пока здоровое сознание куда-то на грань с безумием?

...Хрустальная вазочка разбрызгалась мелкими осколками, цветы упали на ковёр и неожиданно потеряли запах, сейчас они напоминали старое позапрошлогоднее серо-коричневое сено. И никакого зловещего смысла в них не было. Мокрое пятно на обоях походило на карту Африки... Она увидела глаза доктора. Удивление? Нет. Ужас? Разочарование? Да, похоже...

– Елена, что с вами?

– Ничего.

Больше он ни о чём не спросил. Молча прошёл к себе и закрыл дверь.

14

Теперь она стала ночевать в гостиной на диване рядом с его дверью. Он не задал ей вопроса сразу и потом не задавал, просто принял, как данность. Его молчание она расценила как непощение её полусумасшедшей выходки. Значит, она не имела права на слабость, но эта мысль перестала вызывать у неё раздражение или угрызения совести, она молчала и поступала так, как могла.

Они почти не разговаривали, впрочем, в этом уже не было необходимости. Он замкнулся окончательно. Но их совместная жизнь уже текла по какому-то худо-бедно сложившемуся сценарию, традиций никто не нарушал, впрочем, и нарушать-то особенно было нечего. Что будет потом – об этом уже не задумывалась, впала в оцепенение, как автомат делала всё, что делала раньше, временами ей казалось, что она уже переступила порог боли, – тогда многое становится безразличным.

Она больше не спрашивала себя про отношение доктора к происходящему. Единственным более-менее важным оставалось то, что будет с ним, если с ней что-нибудь случится. Она уже перестала бояться сойти с ума, даже это оставляло её безучастной. Ложилась спать, среди ночи машинально просыпалась, садилась на диван, прислушивалась – никаких подозрительных звуков за его дверью, и она засыпала. Она даже перестала удивляться собственному безразличию, – даже собственное безразличие стало ей безразлично.

15

Она открыла глаза. Ночь. Настолько тёмная, что не было видно ладони, которую она поднесла к глазам – наверное, отключили фонари. Почему прошёл сон? Неожиданно она увидела на пороге его комнаты слабый рассеянный свет, стлавшийся по полу белым туманом.

– Как у Тарковского в «Сталкере», – сказала вслух.

Такое знакомое приближение страха... Она даже вывела собственную формулу: страшнее полустрах, – тогда ещё понимаешь, что происходит. Лучше, когда уже ничего нет, сознание перестаёт цепляться, отключается...

– Здравствуй, страх! Почему он не спит?

Шёпотом стала считать, дошла до семидесяти восьми, свет не исчезал, тогда она поднялась, перекрестилась... Набрала в лёгкие воздух, задержала дыхание, толкнула дверь и вошла – с таким отчаянием можно войти только в чистилище...

Он сидел на кровати, зажав в кулаке шприц, затянув на левой руке зубами жгут. Ему было неудобно. На лбу вздулись вены, капли катились по щекам, сбегали с подбородка на худые руки, ладони. Сначала ей показалось, что это пот. Он поднял голову, шприц выпал из рук, жгут распружинился и отлетел в угол...

Она подбежала, упала на колени, охватила его голову, прижала к груди, стала медленно раскачиваться. Она задыхалась, сипела, – почти без голоса – а – а – а... Он тоже раскачивался, плакал взахлёб и кричал... Она подхватила шприц, быстро поставила укол, потом опять обняла.

Они не сказали друг другу ни слова, она так и не отпустила его голову, оба потом устали и уснули, обнявшись...

16

– Елена, вы...

– Нет, никаких «вы», а только «ты»... Я возьму отпуск, ты не хотел, чтобы я его брала, но я возьму, будем всё время вместе.

– Ты будешь разочарована.

– Ты о чём?

– Какой я любовник?

– И почему все так помешаны на сексе?

- Молодая, красивая – и не помешана?
- Ты ведь сам сказал – я не от мира сего.

17

Она взяла отпуск. Они не расставались ни на час, ни на минуту, ночами она приходила к нему, обнимала, согревала своим теплом, убаюкивала, как маленького мальчика, а он, уже в полусне, с благодарностью целовал её пальцы. Они засыпали вместе и вместе просыпались. Им обоим казалось, что более счастливых дней у них никогда не было, и это состояние удивительной жизни, принадлежности друг другу и одновременно каждого себе, снова стало чудом. Они опять читали мысли, разговаривали без слов, как сумасшедшие хохотали над пустяками...

- Елена, что произошло?
- Ничего, думаю, просто прошёл страх...
- Какой страх? Тебе было страшно? Почему ты не сказала?
- Потому, что спасение утопающих... Со страхом надо сражаться каждому самостоятельно. Подкорка – материя тонкая. Но я не об этом. Просто вспомнила свою девятистопятилетнюю соседку.
- А чем она знаменита кроме возраста?
- Ну, это целая история государства в одном человеке.
- Героиня первых пятилеток?
- Нет, она чистокровная дворянка, такие были не в почёте, про них не писали романы – элита всегда не в почёте.
- Расскажи.
- Тебе интересно?
- Мне интересна ты и всё, что связано с тобой.
- Но это очень печальная история. Я боюсь, что ты...
- Не бойся ничего. Ничего нет. Расскажи.

18

– Это была соседка по коммуналке – живое воплощение древности. Её волосы, даже не седые, отливали каким-то светло-зелёным цветом и светились в темноте, как фосфор. Ногти, сантиметра два в длину, росли как-то самопроизвольно, а на концах загибались, напоминая клювы попугаев. Такими они были, наверное, от древности, но, скорее всего, их просто никто не подстригал. Старуху редко мыли.

А когда это случалось, – то знала вся коммуналка, потому что она пела. Чаще всех звучала песня о юном барабанщике: «Мы шли под грохот канонады, мы смерти смотрели в лицо». Поначалу это смешило, но потом... Кто знает, может быть, к ней возвращалось ощущение жизни. Нет, не полноты жизни, а лишь слабое напоминание об элементарном жизненном комфорте и удовольствии. Все соседи радовались, слушая старушку. Как мало, оказывается, человеку надо!

В туалет её водили, когда я, когда жалостливые соседи, когда дочь, если оказывалась поблизости. Дочь была приходяще-уходящая каждый день на полчаса – жила рядом. Она вечно торопилась, всегда набегом, наскоком, своих проблем хватало.

Однажды старушка поведала историю своей жизни. Она старинной дворянской фамилии, каким-то чудом уцелела в 17-м, в 37-м и в 52-м. А, рассказывая о своём брате, пропавшем в 37-м, почему-то перешла на шёпот: «Вы знаете, деточка, ведь вся эта квартира наша, потом семью уплотнили. У меня ведь мужа-композитора репрессировали, брат куда-то вышел ненадолго и не вернулся. А я и не искала. Тогда, знаете, время было такое...»

Вскоре дочь попросила привести моего знакомого врача-онколога: у матери появились опухоли. Врач оказался отзывчивым человеком, сразу приехал и поставил диагноз. Рак. Неоперабелен. Во-первых, потому что пациентке за девяносто, а во-вторых, кто их, старых, вообще лечит? Было выписано много лекарств и наркотиков, чтобы снимать боль.

А вскоре я заболела – сильный грипп, температура под сорок. Говорят, собственный грипп важнее чужого рака, поэтому я перестала приглядывать за моей старушкой. Как вдруг через пару дней она появилась, как привидение, в моей комнате. Её первые слова: «Деточка, вы так сильно болеете, давайте я вам хоть картошечки сварю...»

Какая сила подняла её с постели и привела в мою комнату? Я не знаю. Ведь она сама не ходила без посторонней помощи, но она доползла бы до плиты, если бы я согласилась на эту злосчастную картошку. Откуда в умирающем теле появилась сила духа, которая заставляет сострадать и заботиться о других?

Она была верующий человек, христианка, – наверное, забота о ближнем пересиливает собственные страдания.

А она страдала. Однажды я проснулась от детского плача. Прислушавшись, разобрала слова не раз слышанной песни. Это пела старушка. Наверное, когда страдания почти затмевают рассудок, и нет сил призвать Господа, тогда ищешь последнюю опору и надежду в себе. Это было как самоотпевание. Ничего не припомню более страшного, когда в ночи раздавался тоненький старушечий голосок:

*Средь нас был юный барабанищик,
В атаку он шёл впереди...*

19

- Вот такая история. Я говорила – она печальная.
- Нет. Она умерла?
- Не знаю. Хорошо хоть, что дочь забрала её к себе.
- Давай к ней съездим. Я мог бы её осмотреть.
- Доктор, мы так давно никуда не выходили. Наверное, пора. Съездим к старушке, проведем. Прямо сейчас.
- Они быстро собрались. На всякий случай она прихватила с собой шприц и сердечные.
- Поедем на такси? Я вызову.
- Нет, лучше метро, я так давно не видел людей.
- Замечательно.

Дочь старушки не удивилась, когда увидела на пороге незваных гостей. Да и чему может удивиться замотанная пятидесятилетняя женщина? Она проводила их в комнату, а через минуту привела мать. Та ходила только с чужой помощью. Сухонькая и лёгкая, почти невесомая, – её, видимо, можно было носить на руках, как ребёнка. Но в отличие от дочери она удивилась, её чувство вылилось в тихую благодарность, когда, взяв Елену за руку, спросила дрожащим голоском:

- Деточка, да как же вы собрались...
- А я привела к вам врача, опытного врача. Сейчас он вас посмотрит и скажет только хорошее. Я в этом не сомневаюсь.

Когда старушка и доктор ушли в другую комнату, дочь, внимательным опытным взглядом оценив посетительницу, выдала резюме:

- Судя по всему, у вас всё сложилось – вышли замуж. По-моему, удачно. Выглядите счастливой...

- Нет. Я не выпляжу. Я счастлива, чего и всем желаю.
- Муж старше вас, разница в возрасте не мешает?
- Мешает чему? Мы только немного позднее, чем хотелось бы, встретились. Но ведь встретились.
- Вас осталось только поздравить.
- Да, поздравьте меня. Лучше и быть не может.

20

- Как тебе моя бабушка?
- Как... Для её диагноза и стадии очень прилично. Да ещё возраст. В чём только душа держится! Не твоими ли молитвами? Это наверняка ты наколдовала?
- Конечно, я. И вообще тебе бы надо меня бояться.
- Я и так боюсь. Марсианка какая-то. Ты знаешь, у тебя глаза... Я всё время как под гипнозом. Не пробовала им заняться?
- Пробую постоянно. На тебе упражняюсь...
- Я хочу завтра на работу. Хоть на часок. У меня там тяжёлые есть, лежат долго. Подумают, что я их бросил.
- Я понимаю, тебе действительно нужно... А ты справишься?
- Не знаю. Как ты про себя говорила? «Меня ведёт»? Так вот, меня ведёт.
- Тебя не остановить. Только ты мне живой нужен.
- Не замечал в тебе этого до сих пор. Наверное, все женщины эгоистки. Вспомни свои же слова, что ты себе не принадлежишь. Я тоже.
- Я не глупая баба – не буду биться в истерике и вопить, что ты только мой. Не можешь по-другому? Тогда поеду с тобой.
- Зачем? Я буду работать. Приглядывать за мной нет необходимости.
- Хорошо. Я буду приглядывать за тобой завтра вечером, когда придёшь. Знаю, ты ведь часом не ограничишься...
- Это у древних римлян такие жёны были – тоже долг понимали.
- Ну, понимали и понимали. Давай, но только «со щитом». А «на щите» уже было. И возвращаться к этому больше не хочу.

Утром она закрыла за ним дверь и ещё не знала – молиться ли ей теперь или рыдать. Когда забрезжила даже не надежда, а надежда на

надежду, – ведь у него только исчезло безразличие к себе, но надолго ли? Страшного диагноза ещё никто не отменял. Бессонные ночи, ужас, который охватывал её по любому поводу и без повода, беспросветная усталость, сколько ещё нужно времени? До сих пор она не знает, что будет с ним завтра, о чём она боялась даже думать. Так где же высшая справедливость? Почему она должна делиться им. Ведь он – только её выстраданное чудо, никто кроме неё не имеет и не может иметь на него прав.

Надо позвонить его другу, пусть как-то тактично осмотрит...

Она поймала себя на том, что стала разговаривать вслух. А раньше за собой подобного не замечала.

В три часа дня она набрала номер ординаторской. Услышав в трубке голос доктора, почувствовала, как мягкая волна пошла по телу, её словно отпустило – сразу прошло напряжение, даже захотелось спать.

– Очень оригинальный вопрос – когда ты придёшь.

– Очень оригинальный ответ – вечером.

– Как ты?

– Не беспокойся, более чем.

– Н-да, говорят, что краткость...

– ...Сестра таланта. Я ещё раз говорю – не надо беспокоиться. Я сейчас здесь нужен. Не скучай, ещё тебе надоем за всю жизнь.

У неё перехватило дыхание, свело скулы. Сказала сквозь слезы:

– Если бы ты только знал, если бы знал, как долго я ждала эти слова. Как дорого они мне достались...

– Ты плачешь?

– Нет, я смеюсь.

– Ладно, марсианка, до вечера.

21

– Елена Прекрасная, я приглашаю вас завтра в ресторан. Ну что ты так смотришь? Опять глаза на мокром месте.

Она боялась пошевелиться, даже сделать вдох. Потом почти в бешеном состоянии, судорожно цепляясь за его рукав, уткнулась носом в плечо и на выдохе забила в истерике. Она не слышала слов, он уговаривал её, как ребёнка, гладил по голове, но безрезультатно.

– Да что же ты, маленькая...

– Значит, тебе совсем хорошо? Я не верю в такое счастье.

– Вот довёл женщину. За счастье считает, что мужик в ресторан пригласил.

– Ну, ты же знаешь, о чём я.

– Знаю. Если бы у меня были горы золота, да что горы. Я не знаю, смогу ли когда-нибудь вообще...

– Не продолжай. Это всего лишь нервы. Доктор, я люблю вас... тебя. Я никогда никому этого не говорила. Только тебе...

В ответ он молча опустил голову перед ней и положил голову на колени.

– Вот так бы всю жизнь. Если я сейчас скажу, что теперь и умирать не страшно, ты, конечно, опять начнёшь что-нибудь говорить. Но я не собираюсь умирать. Я самый счастливый. Меня любит лучшая в мире женщина.

– Откуда ты знаешь, что в мире.

– Чисти пёрышки, а завтра отметим праздник. Какое сегодня число? Давай его запомним, ведь у нас уже есть традиции, правда?

22

Белая медведица затосковала. Наверное, ей всё надоело – запечное житьё-бытьё, завалившиеся сухие хлебные корки и даже тактичные жильцы. По ночам она поднимала длинную морду, вытягивала шею и начинала выть, как собака или волк, на полную луну: У-у-у! Обитатели коммуналки просыпались, но относились к её тоске уважительно и с пониманием. А белой медведице снились вовсе не ледяные горы, айсберги или снежные торосы. По ночам её тревожил пьянящий запах трав, летних полевых цветов и пенё поздних бесстыдных соловьёв, заходившихся от собственных рулад до одури.

После вытья тоска всё равно не отпускала. Тогда она устало закрывала глаза, из которых сбегали горькие медвежьи слезинки, и принималась ожидать утро. Утро тоже не сулило ей ничего хорошего. Но, по крайней мере, хоть не так скучно...

23

Когда доктор ушёл на работу, Елена решила последовать его совету и немного заняться собой. Ей не хотелось смотреться в зеркало, – она не ожидала там увидеть ничего хорошего, потому что уже давно

лишь изредка и наспех что-то проделывала с собственной внешностью. Но отражение её напугало. Нет, не седина или чёрные круги под глазами с застывшей печалью. Наверное, такой пронзительный взгляд у тяжелобольных. Но у доктора глаза были совсем другими – в них читалась угрюмость и боль. Значит, с ней самой что-то не так. Но размышлять по этому поводу не хотелось.

– Доживём до вечера. Устроим праздник. А дальше будь что будет. К кому это относится, она не знала. Опять поймала себя на том, что говорит вслух.

24

В восемь часов она села за столик и принялась ожидать доктора, который должен был появиться с минуты на минуту. Дорогой, потому полупустой ресторан, который она сама выбрала, не будил воображения и не вызывал никаких фантазий – стандартный бар, стандартные официанты, стандартное меню. Она попросила коктейль и стала рассеянно поглядывать то в окно, то на редкие парочки. В углу увидела кукольно красивого парня с выветленной шевелюрой, который, поймав её взгляд, помахал рукой. Она отвела глаза и посмотрела на часы. Восемь пятнадцать. Почему-то доктор задерживается, но она не допускала мысли, что может произойти что-нибудь непредвиденное. Допила коктейль, подошла к стойке. Когда взяла сигарету, бармен щёлкнул зажигалкой.

– Ожидаете?

– Ожидая.

– Нельзя так долго заставлять женщину ждать, – у него, видимо, не хватало зуба, поэтому присвистывал, и получилось «зас-с-став-лять».

– Который час?

– Двадцать пять девятого.

– Дайте ещё эту адскую смесь. Ваш фирменный?

– Да. Почему ад-с-скую?

– Хорошо, райскую.

– У вас с-с-странный юмор...

– У меня его нет совсем.

Она села за стойку, машинально поднесла к губам соломинку. Не сделав глотка, посмотрела на часы. Восемь тридцать. Сейчас

откроется дверь, и доктор войдёт. Не может быть, чтобы он не пришёл. Она почувствовала приближение страха, от которого, как ей казалось, избавилась навсегда. Сейчас она опять превратится в полусумасшедшее, не владеющее собой существо. Нет, это невозможно. Надо во что бы то ни стало узнать, в чём дело. Телефон клиники молчал, она набрала номер ещё раз, долго держала трубку, но никто так и не подошёл.

Восемь сорок пять. Раздался резкий звонок, бармен поднял трубку и удивлённо просвистел: «Кажется вас-с-с».

Она услышала голос друга-доктора:

– Ему плохо, попросил привезти его домой.

– Дайте мне с ним поговорить!

– Он без сознания.

Она бежала в собор, не обращая внимания на холодный дождь, в её суетливых движениях читалась такая тревога, что встречные уступали дорогу. Её память выхватывала только редкие фрагменты, высвечивающиеся из темноты, как из небытия, – вот серо-жёлтая залитая потёками стена, вот на тротуаре мутные ручьи... Ей казалось, что только там, в соборе, должна прекратиться эта невыносимая почти физическая боль. Она автоматически повторяла: «Скорее, скорее, только бы успеть», наконец, вбежала в открытые двери и остановилась на пороге. К какому святому обратиться, ведь она толком не знала ни одной молитвы. Неожиданно увидела на полу женскую фигуру. Женщина в коричневом платке, заломив руки, молча лежала на каменных плитах. В её тонких, сцеплённых на затылке запястьях было столько трагизма, что Елена не смогла встать рядом на колени. В своём отрешенном отчаянии женщина в коричневом словно претендовала на всё пространство, поэтому Елена, прислоняясь к колонне, судорожно зашептала:

– Господи, Мать Пресвятая Богородица, отцы святители, умоляю всех вас – я маленькая, слабая и грешная. Я не стою вашего участия, но прошу за него. Умоляю, только бы он жил. Только бы жил! Со мной, без меня, неважно! Но только бы он жил!

Наверное, она была услышана. Когда, открыв глаза, разглядела в полутьме чёрную рясу, поняла, – нужно что-то сказать, пусть мысли

бессвязны и не оформлены в слова, она не может уйти с таким бременем. Она представила, что вскоре останется наедине со своим горем.

– Святой отец, помогите, умирает человек...

– На всё воля господина.

– Но это несправедливо. Он врач, всю жизнь помогал людям. Вы сейчас скажете, что каждому по его грехам, что любой в грехе рождается. Он не праведник, но...

– Я скажу, что ему надо исповедаться.

– Он без сознания, я не знаю, даже если бы он был в памяти, согласился ли. Я не знаю...

Она вышла на улицу. Теперь она совершенно одна. Она одна. Он один...

25

Его не стало в пять утра. Всю ночь она просидела с ним, что-то нашёптывала распухшими и шершавым губами, гладила пальцы, хотя понимала – вряд ли он что-нибудь слышит. Елена не могла плакать – её так колотило, что прыгала чашка в руках, когда она пыталась его напоить. Но он молчал, ни на что не реагировал и даже не бредил. Больше всего она боялась, что он уйдёт, не сказав ни слова. Она ждала их как последнюю истину, благословение, ждала всю ночь, пристально вглядывалась в его лицо, время от времени подносила к губам зеркальце. У неё не осталось надежды, в чудо тоже перестала верить. Она выполняла долг, как могла – хотела, чтобы спокойно, но у неё тряслись руки и стучали зубы.

– Прости за то, что ухожу и оставляю тебя одну в этом страшном мире.

– Прости за то, что ухожу и оставляю тебя одну в этом страшном мире, – машинально повторила, не поняв сразу, откуда пришли слова.

Он лежал с открытыми глазами. Потом, словно устав, закрыл глаза и умер.

Она молча перекрестила его. Дождалась семи утра и позвонила всем, кого знала. Когда стали приходить знакомые, она попыталась что-то сделать, но не сумела. Знакомый доктор, друг покойного, погладил её по голове:

– Девочка, отдохни, мы уж сами как-нибудь. Поплачь лучше.

– Не могу.

– Пойдём на кухню, я принёс лекарство, накапаю.

– Пойдёмте.

Больше она ничего не помнила. Болезнь подкосила её как-то сразу, она потеряла сознание...

26

Её ломало и выворачивало наизнанку, если бы она могла говорить, и если нашёлся хоть кто-нибудь, кто бы спросил: «Что болит?», – она бы ответила: «Всё». Иногда она видела себя со стороны – вот она лежит на кровати – восковое лицо, серые губы, ввалившиеся щёки. Но она не может быть этой старухой, которой, наверное, лет под семьдесят. Впрочем, недоумение сменялось безразличием. Но она ещё не знала и не могла знать, что тогда её душа на доли секунды покидала тело, тонкая оболочка сознания не смогла бы справиться с таким ужасом, и она опять и опять уходила в почти потусторонний мир. Полубессознательное парение между жизнью и смертью спасало её от сумасшествия. Розовый туман, который она видела каждый раз, как только открывала глаза, представлялся самой что ни на есть привычной реальностью и не вызывал удивления.

...А иногда ей казалось, будто у неё вынули сердце. Только виделась на месте сердца дыра, но боли не было. В тот короткий миг она поражалась, почему не течёт кровь, и она до сих пор не умерла. Первое, что приходило в её бедную голову – наверное, придётся обходиться так, надо как-то притерпеться к дырке и жить дальше...

И опять теряла сознание.

Видения появлялись постоянно, но среди них не было ни одного главного, неизбежно приходящего, неотвратимого и терзающего, от которого невозможно спастись – иначе она сошла бы с ума.

Кто знает, сколько времени она пробыла в полубредовом парении между сном и реальностью, забытьём и явью – неделю, месяц, а может быть, всего одну ночь?

За ней никто не ухаживал, никому до неё не было никакого дела, она боролась за жизнь, а может, уже не боролась, всеми

забытая. Но её это совершенно не беспокоило – привычка к одиночеству спасала от лишних обид и разочарований.

Она пришла в себя совершенно неожиданно, как будто кто-то подтолкнул, позвал или каким-то неведомым способом заставил выйти из забытья. Здравый рассудок работал совершенно отчётливо, она огляделась и увидела на полу в свете фонаря какое-то странное существо – не собаку и не зверя. Длинные светлые спутанные космы – даже не шерсть, – маленькая змеиная головка, на животе – карман, откуда торчала свёрнутая газета. Существо молчало – просто сидело около кровати и смотрело на неё маленькими печальными глазками.

– Ты кто?

– Я белая медведица.

– Медведица? А я подумала – пудель. Что ты здесь делаешь?

– Ничего. Пришла вот. Чего ты хочешь?

– Мне больно. У меня на месте сердца дыра. Сделай так, чтобы можно было или умереть, или успокоиться.

Медведица ничего не сказала. Она легла рядом и обняла женщину пушистой лапой. От медведицы пахло сладко-горькими цветами, такой аромат мог быть только у полевых, вобравших яркое солнце, степное небо и тёплый ветер клевера, медуницы и терпкой полыни. Елена закрыла глаза. Её тело, пропитавшееся болью, постепенно успокаивалось, проходили судороги, исчезала тошнота. Раздувшаяся, как воздушный шар, голова потихоньку возвращалась в первоначальный вид, и у самой владелицы уже не вызывала ужаса. В мягкой дремоте Елене показалось, что она маленькая пятилетняя девочка или даже не девочка, а медвежонок, которого его мама, белая медведица, обогревает материнским теплом, прижимает к себе мохнатыми уютными лапами. Постепенно пришло ощущение давно забытого покоя, потом оно стало таким огромным, что Елена на какой то миг почувствовала себя почти счастливой.

Теперь не стало страха, только тихая печаль и спокойствие. Но как быть с одиночеством? Но разве она одинока, когда у неё есть белая медведица?..

г. Омск

Рифмы и ритмы

Уильям Шекспир
ИЗБРАННЫЕ СОНЕТЫ В НОВЫХ
ПЕРЕВОДАХ

I. ПЕРЕВОДЫ ЕВГЕНИЯ ФЕЛЬДМАНА¹

СОНЕТ 104

Ты для меня всегда неотразим
 И молод, как при первой нашей встрече.
 Три раза при нашествии трёх зим
 Дубрава обнажилась недалече.

И три весны осенней желтизной
 Отметило безжалостное время,
 И трижды сжёг апрель июньский зной,
 И лишь тебя не старит жизни бремя.

Ах, красота, что стрелка на часах,
 За шагом шаг проходит незаметно.
 Стареешь ты, быть может, – но в глазах,
 В моих глазах – ты юн, мой друг заветный!

Был этот мир в объятьях темноты,
 Пока на свет не появился ты.

СОНЕТ 105

Мой друг не идол и моя любовь –
 Не идолопоклонства исступлённость,
 Хоть я пишу о друге вновь и вновь,
 Влагая в песни всю мою влюблённость.

Вчера, сегодня, завтра и всегда
 Моя любовь к нему чистосердечна,

Нанизыванье слов на ниточку от снов – слывёт
 поэзией.

Леонид Крайнев-Рытов

И стих любви свободно, без труда
Поёт о том, кому я верен вечно.

Правдивость, красота и доброта –
Поэзии моей первоначала.
Правдивость, красота и доброта, –
Какое триединство зазвучало!

Все три начала прежде жили врозь,
Но ты пришёл, – и всё в тебе слилось!

СОНЕТ 109

Ты об измене думать не спеши,
Хоть кое в чём успел я измениться,
Когда бежал от собственной души,
Которая в груди твоей хранится.

В ней – храм любви; не раз моя ладья,
Бросаясь вдаль, к нему неслась обратно.
Менялось время, не менялся я,
Раскаянье с души смывало пятна.

Пороков много у меня в крови,
Но не настолько я терял свой разум,
Чтобы всерьёз искать чужой любви,
О наших чувствах забывая разом.

Я в медный грош не ставлю этот мир:
Его мне заменяет мой кумир.

СОНЕТ 110

Смеша зевак со сцены вновь и вновь,
Всё ниже опускаясь с каждым разом,

Минутной связью старую любовь
Я оскорблял, насилуя свой разум.

Я верность с равнодушием презрел,
Я был ей чужд, но я переродился,
Когда внезапно разумом прозрел
И понял, от чего отгородился.

Прими любовь, которой нет конца,
Прости грехи, которым нет названья.
Любовь к тебе, и души, и сердца
Я не подвергну больше испытанью.

Молю тебя, прости меня, прости
И вновь, как прежде, к сердцу допусти!

СОНЕТ 111

В себе всем худшим в случае любом
Обязан я своей судьбине злобной.
Она актёра сделала рабом
Толпы капризной, чёрствой, низкопробной.

Горит клеймо на имени моём.
Мельчая в незавидном окруженье,
Становится художник маляром.
Но жалость друга – средство исцеленья.

Я уксусом болезни напою,
Сраженьё дам своим душевным сквернам.
Любую наложу епитимью
Я на себя в раскаянье примерном.

Но и своею жалостью одной
Ты можешь исцелить мой дух больной.

Продолжение следует...

II. ПЕРЕВОДЫ ПЕТРА КУЗНЕЦОВА²

СОНЕТ 9

Ужели ты боишься увлажнить глаза вдовы,
 Себя растрчивая в жизни одинокой?
 О, ты бездетный, не сносить тебе главы –
 А мир округ лишь плач жены любимой, ясноокой.

Мир без тебя вдова – и вечно ей скорбеть,
 Что ты ушёл **Туда**... здесь не оставив лика,
 Который бы она могла хранить, смотреть
 В глазах детей, душа её на грани срыва, крика...

Ведь всё, что трагил ты, опять округ тебя –
 Меняется лишь Время и Пространство...
 Растрата ж красоты – конец её, себя
 Тебе вновь не узреть, **Там** – пустоты убранство!

Ты не любил других, вот почему в твоей крови
 Мы видим знаки Смерти лютой – не Любви!

СОНЕТ 18

Сравнить ли мне тебя с прекрасным летним днём?
 Ты, безусловно, и красивее, и мягче...
 Бутоны майские летят... за окаём...
 О, лета краткий срок вы в сердце спрячьте!

Как слишком горячо горит небесным глаз,
 Но цвет его золотой порою затуманен...
 Прекрасный лик Судьбы меняет вдруг окрас –
 Неверным случаем, изменой ли Природы одурманен!

Но лето вечное твоё не потускнеет никогда
 И не утратит красоты тебе принадлежащей,
 И Смерть не будет хватать, что в тени его беда –
 Расти со Временем в своих строках ты будешь... уходящий!

Пока мир дышит полной грудью, не ослеп,
 Чтоб строки эти прочитаны – скорей войди в мой склеп!

СОНЕТ 27

Спешу в постель, уставший от превратности пути,
 Чтоб отдых членам дать, расхристанным дорогой...
 Но ум не в состоянии покоя обрести –
 Дар проведения таится в голове угрюмым недотрогой!

И мысли вновь мои бредут издали
 К тебе, друг мой, паломником усердным,
 И широко раскрытые глаза – сквозь все Века,
 Пронзают темноту, слепцом жестокосердным!..

Но в призрачное зрение души моей опять
 Тыходишь, сквозь незрячесть, словно призрак,
 Как драгоценный камень, что в ночи мне не сыскать –
 И ночь прекрасна, старый лик – он молодости признак!

Днём – члены все мои, а ночью – зрелый ум
 Спешат отнять покой, дарованный нам двум!

СОНЕТ 36

Признать хочу, что разлучённым быть с тобой
 Я вынужден, хоть наша суть любви не делима.
 Позора пятна уношу, увы, с собой,
 На мне они лежат и им не надо грима!..

В любовях наших есть привязанность одна,
Но в жизнях наших правит роковое зло...
Не оборвётся от него любви единая струна,
Хоть миги наслаждения, увы, потеряны давно...

Тебя я, может быть, при встрече не узнаю,
Чтобы виной своей тебе не принести позор.
Не узнавай и ты меня публично, я сыграю
Гимн только для тебя, не затевая ссор...

Не делай этого: я так тебя люблю.
Ты был моим и есть – я лишь тебе внемлю!

СОНЕТ 45

Где б я ни пребывал, они всегда с тобой
И воздух быстрый, и бушующий огонь – два элемента жизни,
Ведь первый – мысль моя, а страсть моя – второй...
Неуловимые, они кочуют по брегам Отчизны!

Когда они, легчайшие из всех,
Отправлены к тебе любви моей послами, –
Из четырёх стихий они несут успех, –
То в жизнь мою крадётся Смерть, мерцающая меланхолии очами...

Но вот они вернулись от тебя,
Быстрейшие посланцы, мне поведав,
Что в здравии ты добром, и себя
Подаришь мне опять, любви моей отдавав!..

Весть получив, как мальчик радуюсь, но снова
К тебе их отослав, я жду ответ сурово...

СОНЕТ 54

О, как прекрасна прелесть красоты,
Которую венчает драгоценность – добродетель!

У роз прекрасных алые цветы –
Их сладкий аромат той прелести свидетель.

И у цветов шиповника окрас почти такой,
По колориту он совсем не хуже розы...
Они соседствуют с такою же шипистой иглой,
А летние бутоны их способны ждать морозы!

Однако, внешность их – краса лишь для себя.
Живут они без должного вниманья
И умирают, прожив для себя... Розы же любя,
Мы делаем из них – посмертно – фетиш обаянья!

Когда же красота твоя, друг милый, превратится в прах,
Эссенция твоей земной любви останется в стихах!..

*Александр Цыганков*¹ ПРОНИЗАН ВОЗДУХ БОЕМ ЧАСОВЫМ...

ПРОСОДИЯ пение на ходу

1

В том городе, где средние века
Пересеклись с эпохой расцвета
Науки и печатного станка,
Я в новый век, в сороковое лето,
Вошёл и не заметил, что вполне
Оправдано внезапным переходом
Кочевника к оседлости – в стране,
Освоенной торгующим народом.

Пронизан воздух боем часовым.
Сумятица. Скопление народа.

Поток машин преобразует в дым
 Программу из поэмы Гесиода.
 И над землёй ночной звезды отвес,
 Что выпрямил когда-то человека,
 Как маятник в механике небес
 С картинки девятнадцатого века.

Все связано. Калейдоскоп времён.
 Синоптик по заказу гоминида
 Даёт прогноз миграции племён
 В границах геометрии Эвклида,
 Где свет и время плоские, к земле
 Направлены – к тотальному исходу!
 К падению в единственном числе
 Икара в ледниковую природу.

2

В том городе, где лужи во дворах,
 Планктон, вдруг вылетая в атмосферу,
 Свиристелствует и в парках, и в домах,
 Меня порой испытывал не в меру.
 Когда бы не урок – будь глух и нем,
 Наверное, не выжил бы... Тот город
 Теперь в другой эпохе – вместе с тем
 Двором, где был и голоден, и молод,

Но как любил! И правил черновик,
 Катренами выстраивая строки.
 Так легче было пересилить крик
 И сохранить свидетельства, вещдоки
 Того, чем жил, но забывая – как,
 Склонялся к осмыслению дороги:
 Стремился вверх и попадал впросак,
 Слагал элегии, читал эклоги.

И больше, чем портрет, любил пейзаж,
 Исполненный по осени, с природы,
 В том городе, где небо, как витраж,
 Среди возвышенной архитектуры,
 Где звонницы, одетые в леса,
 И древние постройки на обрыве,
 И жителей тревожные глаза
 Глядят мне вслед в обратной перспективе.

3

В том городе подземная река,
 Как скрытая от смертных Гиппокрена,
 Ещё выносит в мир из родника
 Потоки из эпохи плейстоцена...
 Но дальше – осторожней! Перебор
 Грозит потерей сна, утратой речи
 И памяти, что сводит кругозор
 К отрезку времени и месту встречи.

Труды и дни! Наивный Гесиод
 Не разгадал в Божественной картине
 Простой круговорот проточных вод,
 Как следствие, влекомое к причине,
 Где нет уже ни города, ни той
 Мелодии, что родилась до слова.
 И снится нам тот город золотой
 Под мягкий баритон Гребенщикова.

Расплывчато, но верно. Городов
 Пределы, словно небеса святыми,
 Как воздухом, до самых облаков,
 Пронизаны мечтами золотыми.
 И в окнах золотой вечерний снег
 Горит, как свет, во тьме пирамидальной.

И город, как спасительный ковчег,
Подходит к лирике исповедальной.

3.2006

СТРАСТИ ПО ФАРАОНУ, ИЛИ СОН В ЗИМНЮЮ НОЧЬ

1

Проснувшийся Фараон – всё равно, что цветущий лотос
В песках Сахары, что сама по себе – есть космос
С мириадами планет, империй и фараонов,
Не признающих только мирских законов.
Пробуждение – не есть пришествие Мессии
В проглядевших глаза Палестине или России.
Скорее, оно подобно разливу Нила
Из той стороны света, что всех вскормила.

2

Фараон ещё бессловесен, но уже беспощаден
Ко всем, идущим к нему. Он – ретрограден
И многогранен, как самый большой могильник.
Для одних Фараон – как солнце, другим – светильник
В той первобытной тьме, которая без предела,
Где из собственной кожи лезут в другое тело,
Мечтая стать Фараоном или вселиться в дочку,
Имея в виду, что целое съедается по кусочку.

3

Вожди из былых сатрапий требуют новых капищ
И в них, приносимых в жертву, тучных владельцев пастбищ.
И каждая жрица Храма, словно дитя Изиды,
Вынашивает за пазухой камень для пирамиды.

Жаль, что поход в Галактику закончился в прошлом веке.
На новом витке истории – радение о человеке,
Пред коим не встанет выбор: Голгофа или Гоморра?
Ни это еще увидим – в зеркале монитора.

4

В пустынях, лесах, горах, в просторах степей и прерий
Грядёт эпоха великих династий или империй.
И нечего ждать пощады от времени или места,
Когда и сам Фараон вставлен, как слепок жеста,
В знаковую среду – мир человекобога.
Впрочем, любой тиран в принципе – недотрога:
Коснись – и рассыплется, как прах Тутанхамона.
Мы ещё поглядим на этого Фараона!

5

Ни рано ли нам у трона славословия лить, как воду,
И принимать, как дар, утраченную свободу.
И что ещё непристойней, так это ваять в граните
Какую-нибудь его трёхмерную Нефертити.
Злословить, но лебезить, следовать странной вере,
Подчёркивая достоинства мебели в интерьере.
Прекрасна в нём только та, что, поливая кактус,
Усиливает извив, но не меняет ракурс.

6

Как и сам Фараон ещё не сменил наряда,
Чем выгодно отличается, не выходя из ряда
Собакоголовых предков, что не меняет роли,
Изобразив барана или овечку Долли.
Проснувшийся Фараон – не воскресший из мёртвых, то есть
Можно расшифровать, но не исправить повесть –

Ту, что целый народ гравировал веками,
И шлифовал Господь редкими облаками.

7

Кто учит любви, тот верит в грехопадение мира.
Недаром же я вначале упомянул Шекспира,
Чьё имя – как знак вопроса, но выучил каждый школьник,
Что в центре высокой драмы – классический треугольник.
И Фараон, как призрак, вступает в права пустыни
Там, где совсем другие святые. Но все святыни
По сути – есть пирамиды. Абстрактная форма света –
Луч, то есть угол зренья в мире Творца Завета.

8

Образно говоря, каждый стремится в небо,
Не думая, что под ним чёрный квадрат Эреба.
Жизнь – как потеря Рая, посох да пыль изгнания,
Шествие восвояси – со знаками препинанья,
Лучше с надеждой, верой – без поправки на чудо.
Самые светлые строчки, как письма из ниоткуда
В неведомое – с любовью! Вместо адреса – лотос,
Словно припоминанье, что человек – есть космос.

9

В долгом стихотворенье с ритма сбиваюсь, меру
Теряю – дышу неровно! Словом, беру на веру
Все, что могу расслышать в этом глухом просторе,
И тороплюсь, как спорщик, с репликой в разговоре.
Раз Фараон проснулся, значит, живей, чем классик.
Вместо карандаша Бог выбирает ластик –
Смотрит на лист пустыни, дышит горячим ветром,
Словно услышал голос, но не спешит с ответом.

1. 2006

ДЕРЕВО ЖИЗНИ

1

Наши взоры – как ветви. Звёзды – листва.
Наша планета и есть Древо Познания,
Дерево Жизни в поле Добра и Зла –
Вот и метафора в целом для мироздания.
Так веселее, чем у Эйнштейна, и
Стороны света не надо менять местами.
Как бы там ни было, право самой Земли
Крону наращивать и шелестеть листками,
Краситься осенью, сбрасывать лишний вес,
Прятать охотника или сбивать со следа,
Или вдруг вспыхнуть ярким костром небес –
К тихому ужасу сонного короледа.

2

Белкой по древу... Дивом среди ветвей...
Как это близко! Только что, в разговоре,
Вдруг прозвучало. Терпкой смолой корней
Росы янтарные с кроны упали в море.
Вот и выходит – к лучшему сей пример
Виденья мира животворящим взором.
Пифагорейской музыки высших сфер
Самые тесные связи с крестьянским кровом,
С мерой зерна, со стерней, что прошёл мужик,
С песней девицы и зрелую формой плода.
Наши время и место – и есть язык,
В слово отлитый стихийный глагол народа.

3

Август из лодочки вычерпал звездопад!
Речка журчит в рукавах из гончарной глины.

В лёгкой испарине этот нескучный сад –
 В зеркале водном колеблемый куст рябины.
 Глазом совы проморгнет в облаках Луна.
 Белая рыба выпрыгнет из потёмок.
 Так и хочется крикнуть, допив до дна,
 Берегу дальнему – с берега: «Эй, потомок!»
 Звёзды, как листья, ночью сгорят в костре.
 И на восходе лодка качнётся в кроне,
 Тенью взволнованной, в дымчатом сентябре,
 Там, где шумит золотой березняк на склоне.

2. 2006

Ирина Маркова
ПОЭЗИЯ

Чувства бьют по щекам мыслями:
 Что сказать и как дальше жить;
 Скачут в небо конями быстрыми,
 Заставляя Землю кружить.

Понимаю, галоп без стремени,
 Без рифмовок, размеров стихов
 Не удержит меня во времени
 Заблуждений, бреда и снов.

И держусь я за гриву скользкую,
 Что из ветра небытия
 Сплёл волшебник ночью морозною
 На главе у Пегаса-коня.

20.10.07

Зоя Соснина
НЕ ГОВОРИТЕ ГОРЬКИХ СЛОВ...

НЕ УПРЕКАЙТЕ ДОРОГИХ

Не говорите горьких слов.
 Они, как пули, душу ранят.
 Родных они лишают снов.
 Слова, преследуя, тиранят.

Осенний ветер рвёт траву,
 Нагими делая деревья.
 Весною листья отрастут.
 Не возвращается доверье.

Весенний луч растопит лед.
 И холода забыть несложно.
 Но снять с души словесный гнёт
 Порой бывает невозможно.

Не упрекайте дорогих.
 От гневных слов немного прока.
 Найдёте ль лучших вы других,
 Любимых потеряв до срока?

Январь, 1996 г.

* * *

Беда стране, где раб и льстец
 Одни приближены к престолу.
 А небом избранный певец
 Молчит, потупя очи долу.

А.С. Пушкин

На Руси все Поэты – изгои.
 Им готова сума и тюрьма,

Безнадёга, петля и запои,
 Тьма изгнания и вечная тьма.
 Потому что хвалебные оды,
 Те, что ждёт от них каждая власть,
 Не рождаются, власти в угоду.
 Ох, упрямыцы! Поели бы всласть.
 Нет, они выбирают голгофу,
 Пулю, каторгу и эшафот.
 И рождает мятежные строфы
 Рыцарь Музы, смешной Дон Кихот.

10 декабря 2004 г.

* * *

В заре купался месяц золотой.
 Он был пригож, и шаловлив, и весел.
 Берёзкой любовался молодой.
 Серёжки ей янтарные развесил.
 Ей тонким гребнем косы расчесал.
 Расцеловал ей стан под шёлком белым.
 И с юною красавицею сам
 Был робким и немного ошалелым.
 Она в заре купалась вместе с ним.
 Но вечер в синий омут погружался.
 И месяц в путь отправился один.
 Костёр зари погас, иль расплескался.
 Он, уходя, любимой подарил
 Из самоцветов крестик и монисто.
 Прощаясь, нежно голову накрыл
 Прозрачную фатой из звёзд лучистых.

1995 г.

КАНДЫК

Зиме по ночам ещё снится,
 Что сможет вернуть холода.
 Но днём по сосулькам – ресницам
 Стекает как слёзы, вода.
 Задело слегка акварелью
 Берёзу и куст тальника.
 И вот оно – чудо апреля –
 Упругий бутон кандыка.
 В хрустальную вазу из снега
 Он тоненькой ножкой ступил.
 Наполненный солнечной негой,
 Проснулся и веки открыл.
 Не встретилось дива иного.
 И вряд ли приснится во сне.
 Прелестной головкой лиловой
 Кандык поклонился весне.

Март 1995 г.

ОДУВАНЧИК НА АСФАЛЬТЕ

Где в асфальт закован серый
 Городской панельный дом,
 Появился цветик первый,
 Путь пробив себе с трудом.
 Неухоженный, ненужный,
 Позабывтый и ничей,
 Он живёт, судьбе послушный,
 Весь из солнечных лучей.

2000 г.

София Петрова
МИМОЛЁТНОЕ...

* * *

Звон колоколов
Больную душу лечит.
Морозное утро.

* * *

Протяни руку
К ночному небу.
Звёзды рядом...

* * *

Сбрасывает дерево
Свой наряд.
Тоже хочет перемен...

* * *

Дождалась спичка
Своего часа.
Чайник закипел.

* * *

Облака, небо
И зелёные листья,
Мне показало окно.

* * *

С земли
Солнце маленькое.
Нищий на паперти...

* * *

На улице снег.
Зима.
На ковре лето цветов.

* * *

Первый снег...
Я ждала его,
Но он выпал внезапно...

* * *

Дождь моросит по луже
Оставляет свой след.
Он часть её, основа её...

* * *

Не со скуки паук
Плетёт паутину...
Поёт кукушка.

* * *

К полудню
Росы не будет.
Мокрый луг у реки.

* * *

Не знает роза,
Что её осень ждёт...
Летний сад.

* * *

Сосулька до земли
Дотянулась.
Оттепель.

* * *

Звенит тишина,
Шум в ушах...
Где вы, цикады?

* * *

Сахар
Чай не любит.
Скромный ужин.

* * *

Прохладный ручей.
Даже летом не может
Согреться...

* * *

Дыхание осени
Вначале не заметно...
Седая прядь волос.

* * *

Летний дождь устроил
Праздник цвета.
Радуга над лесом.

* * *

Старое дерево коснулось
Ветками земли, ища опоры...
Жаворонки вылетели из гнезда.

* * *

Голуби хватают одну крошку,
Наступая на другую.
Пресека в лесу.

* * *

В муравейнике,
Муравей... одинок.
Незнакомый город.

* * *

Как вкусен чёрствый хлеб,
Как ароматен...
Бездомный Человек.

Цветы усопшим

Александр Лейфер
ДВА ОЧЕРКА

Задумал книгу, которая будет называться «Выбранные места» и иметь подзаголовок – «Из переписки с друзьями».

Специально для тех, кто уже готов произнести в мой адрес обвинения в кощунстве, в неуважении к отечественной литературе и в элементарном плагиате, сообщаю: первая глава этой книги будет озаглавлена «Извинение перед Гоголем». Извиниться перед классиком я намерен не только и не столько за заимствование названия (не такая уж и большая это вина, просто приём), а за то, что наше поколение эту печально знаменитую его книгу просто-напросто толком не прочитало, ограничившись в её «изучении» знакомством с широко известным хамским письмом «неистового Виссариона». А ведь сам Николай Васильевич считал её главной в своей писательской жизни. Хочу попытаться популярно рассказать о тяжёлой истории этой несчастной книги, а главное – попробовать «примерить» некоторые её моменты к сегодняшнему времени. В последние годы российские и украинские литературоведы стали чаще писать о «Выбранных местах...», но их исследования помещаются в малодоступных для обыкновенного читателя изданиях, – получается, что пишут учёные друг для друга.

Но пока первая глава находится ещё «в чернильнице», а готовы две других, они и будут предложены сегодня вниманию читателя.

Вообще же впервые о замысле своей книги я заговорил ещё лет семь назад. Тогда в журнале «День и Ночь» (2000, № 7-8) было напечатано моё эссе «Личный фонд, или Отпуск на Канарских островах».¹ В нём есть место, по сути дела, являющееся своего рода программой задуманной работы. Речь идёт об ответе на вопрос анкеты – про времена, «которые не выбирают», и про то, что бы мы стали делать, если бы возможность выбрать время для проживания каким-то чудом всё-таки была бы нам предоставлена. Дальше цитирую сам себя:

Все мы слишком быстро забываем о том, о чём, как нам казалось, мы никогда не забудем.

Дидьен Джоан

«Карикатура – не помню где, не помню чья (не Меринова ли?): двое бомжей роются в помойке, и один – наверняка вчерашний интеллигент (не исключено, что член Союза писателей) – говорит другому: “А всё-таки в какое интересное время мы живём!..”»

Присоединяюсь к его мнению.

Шутка.

Плохо, что я, у которого вечно не хватало от аванса до полочки, никак не могу представить себя богатым. Фантазии не хватает. А что делать без денег и положения, допустим, в России того же воспетого поп-звездой 1913-го года? Без денег, как говаривала моя бабушка Глафира Алексеевна, везде худенек.

Однажды, много лет тому назад, не помню уже точно, в каком году, в иркутской гостинице «Ангара» сидела в одном из её прокуренных номеров не очень большая компания, весь состав которой я также не припомню. Все были участниками какой-то большой литературной тусовки, которые когда-то так любил и так умел собирать тогдашний руководитель иркутских литераторов – незабвенный Марк Сергеев. Сидели в том номере Вильям Озолин, живший тогда уже в Чите, читинский поэт Слава Филиппов, наверняка кто-то из местных литераторов.

Бывает ведь, что в той или иной компании целый вечер повторяют какой-нибудь понравившийся на тот момент, попавший на язык слоган – цитируют его по разным поводам и без повода. Тогда, весь этот прекрасный вечер вместо тостов звучало одно и то же: «Плохо, но... хорошо!» А в следующий раз – наоборот: «Хорошо, но... плохо!»

Я пришёл туда позже всех, и вскоре взяло любопытство – попросил прокомментировать эту, показавшуюся загадочной, фразу.

– Глядите-ка! Он не понимает, – с поборота завёлся Озолин.

– Ты где сейчас должен быть, на телевидении?

– Да не поехал я, устал, без меня там участников хватит...

– Это же плохо: выступил бы перед иркутским народом, общил бы его к своей нетленке... Плохо это. Но... хорошо!

– Как это?

– А так, что вместо какого-то там телевидения ты здесь сидишь, с нами – когда ещё вот так все вместе соберёмся? Хорошо это?

– Лучше не бывает.

– Вот видишь... Но хорошо-то хорошо, а одновременно и плохо!

– ?

– Так ведь завтра-то всё равно разъезжаемся...

Озолинская диалектика с тех пор прочно засела в моей голове. Как, впрочем, и многое другое из того, что было связано с моим многолетним другом – прекрасным поэтом и ярким, весёлым и глубоким, несмотря на всегдашнюю внешнюю лёгкость, человеком.

Плохо, до сих пор очень мне плохо от того, что нет больше Вильяма, что никогда не получу я от него разрисованного цветными фломастерами письма, никогда не услышу его гитары, не прочту ни одной новой его строки. Никогда не обниму его самого – ни в Омске, ни в Барнауле, ни в Иркутске, ни в Москве, ни в Чите...

Но как хорошо, что он был в моей, не очень-то складной, жизни, всегда буду благодарен за это судьбе. Как и за встречи со многими другими людьми – Ваней Токаревым, волшебным детским поэтом Тимофеем Максимовичем Белозёровым, Виталиком Поповым. Никогда не забуду рано погибшего Николая Разумова, иркутян – Марка Давидовича Сергеева, Сашу Вампилова и Женю Раппопорта, новосибирцев – Колю Самохина, Виталия Коржева, впервые напечатавшего меня в «Сибирских огнях», и гигантски много сделавшего критика Николая Николаевича Яновского, давшего мне рекомендацию в Союз писателей (храню вместе с письмами Вильяма более 50-ти писем и от него)...

Каждый из этих людей – вольно или невольно, чаще всего – совершенно и не подозревая об этом, что-то вложил в меня. Пора отдавать долги, пора записать, что помню о них обо всех.

Некогда мне обретаться в каких-то новых временах. Мне и в нашем работы ещё по ноздри. И это уже совсем не шутка.

Об Озолине я написал небольшую книгу – «Мой Вильям (эпизоды литературной жизни)», она дважды выходила в Омске – в 2003 и в 2006 годах.

Ещё раньше написал небольшие очерки про омского прозаика Ивана Анисимовича Токарева (1933-1973) и Александра Валентиновича Вампилова (1937-1972).

Сейчас хочу рассказать о недавно ушедших от нас Анатолии Ивановиче Кобенкове (1948-2006) и Романе Харисовиче Солнцева (1939-2007).

«ТВОЙ ТОЛЬКА» Штрихи к портрету

У меня есть шесть стихотворных сборников Анатолия Кобенкова – от тонюсеньких «Вечеров» (1974) до итогового солидного тома «Строка, уставшая от странствий...» (2003). Куда-то задевалась книга эссе о сибирских поэтах «Путь неизбежный» (1983), хорошо помню, что её он тоже мне присылал, я даже рассказывал о ней по Омскому радио, но вот не могу найти...

Две чёрно-белых фотографии. Обе сделаны в Омске летом 1975 года фотокорреспондентом «Молодого сибиряка» Эдуардом Савиным. Тогдашняя жена Анатолия Тамара была родом из Омска, и они приезжали погостить у её родителей. Я работал тогда в «Молодом сибиряке», и мы печатали в газете его стихи.

Недавно появились у меня и несколько цветных фото – его могила в Переделкине, на которой я побывал в январе 2007 года. И с десятков писем, поздравительных открыток. Все, как нарочно, не датированы, поэтому их хронологическую последовательность пришлось устанавливать по «вторичным» признакам: почтовые штемпели, упоминание выхода какой-либо книги или публикации, а также – увы – сообщение о чьей-нибудь смерти.

В последние годы поэт Анатолий Кобенков руководил в Иркутске региональным отделением Союза российских писателей, и, без всякого сомнения, это руководство отнюдь не способствовало укреплению здоровья, надорвало сердце, приблизило безвременный конец. Плюс к общероссийским писательским заморочкам – стабильное отсутствие финансирования, время от времени возникающие проблемы с помещением, невнимание (опять же стабильное) к негромким литературным делам со стороны местного начальства, плюс ко всему этому в Иркутске, судя по рассказам, то и дело становится нетерпимой сама литературная

атмосфера. У нас в Омске противостояние между двумя писательскими организациями внешне почти не проявляется, мы не считаем нужным смешить честной народ и играть в «литературную борьбу». В Иркутске иной расклад: взаимная неприязнь между писательскими Союзами то и дело всплывает наружу. Постоянно ощущать недоброжелательность, постоянно быть настороже, находиться как бы под прицелом – не хотел бы я такой жизни...

Об этом вполне недвусмысленно сказал в некрологе Кобенкова Олег Хлебников: «На него писали некрологи при жизни. Неоднократно. Не по ошибке. Им очень хотелось, чтобы Анатолия Кобенкова не было. Чтобы никто не мешал им ксенофобскую графоманию выдавать за гражданскую лирику. Чтобы не существовало в Иркутске никакого “демократического” Союза писателей и не приезжали на Байкал, на ежегодный международный фестиваль, лучшие российские и зарубежные писатели, не любящие урапатриотической риторики.

Удивительно, что заклятым врагом для провинциальных черносотенцев стал такой мягкий и добрый человек, как Толя. Но в том-то, наверное, и дело, что сами его интеллигентность и бесспорная поэтическая одарённость их раздражали. Всем, что писал и делал, он напоминал об утраченной норме, хорошем вкусе, необходимости знать и чувствовать родной язык... Господи, почему подавляющее большинство наших нынешних “патриотов” так плохо пишут и говорят по-русски?!

Когда Толе перевалило за пятьдесят пять, отдавать силы постоянной борьбе, да и просто жить в поле ненависти стало уже невозможно, обидно тратить на это годы жизни. Хотя кто мог знать, что их оставалось уже совсем немного...

Он переехал в Москву».

(«Новая газета», 11-13 сентября 2006).

Но, несмотря ни на что, Кобенков сделал за семь лет своего секретарства немало – к сожалению, знаю об этом далеко не всё. Но именно он пробил для организации приличное помещение. Именно он организовал грандиозный (ежегодный – !) международный фестиваль поэзии на Байкале и Дни памяти о. Александра Меня. Активно помогал молодым авторам, основал альманахи

«Зелёная лампа» и «Иркутское время», был членом редколлегии журналов «День и Ночь» и «Сибирские огни». Кроме того, широко печатался и издавался сам. У него всё получалось. Мало того что он был как рыба в воде в Сибири, его печатали в «Новом мире», «Знамени», «Континенте», «Арионе», «Крещатике», «Зарубежных записках», переводили на английский, французский, чешский, польский, латышский и другие языки... Живя в Иркутске, он был далеко не «местным» писателем, но всё-таки решил уехать в Москву. Сердце в столице не выдержало и года: говорят, ему стало плохо в метро.

Никогда не прошу себе последней «невстречи» с ним: мы с его однокашником по Литинституту Николаем Березовским знали, когда проходит через Омск увозящий его из Сибири поезд, знали, но не пришли на вокзал – время было неудобное, ночное, а живём мы оба далеко от вокзала. К общей боли от его ухода прибавляется ещё и это – запоздалые досада и стыд за отказ от последней встречи.

А когда именно мы познакомились, честно говоря, точно не помню. Произошло это, разумеется, в Иркутске, но вот когда – в 1971-м или 1972-м?..

В 1971 году я был приглашён на Иркутское совещание критиков Сибири. Знакомств там было столько, что голова закружилась, – одна иркутская «стенка» чего стоит, в ту осень она ещё была в полном составе – Валентин Распутин, Александр Вампилов, Геннадий Машкин и Вячеслав Шугаев. Тогда среди моих знакомых появились Женя Раппопорт, Анатолий Шастин, Василий Прокопьевич Трушкин, Елена Викторовна Жилкина, Сергей Иоффе – это всё иркутяне. А ещё: Гена Михасенко из Братска, Лёва Пичурин из Томска, Элла Фоякова из Ленинграда, Антонина Ивановна Малютина из Лесосибирска, Володя Липатов из Улан-Удэ, Боря Юдалевич из Новосибирска...

Кобенков жил тогда в Ангарске, но на совещании, конечно же, был, т.к. проводилось оно широко, не как нечто узко профессиональное, а как общелитературное событие. Ездили мы, кстати сказать, и в Ангарск, Кобенков мог присоединиться к нам и там.

Через год, поздней осенью 1972-го, в Иркутске проводилась очередная конференция «Молодость, творчество, современность»,

меня пригласили и на неё. Уже зияла невосполнимая брешь в «иркутской стенке» – в августе погиб на Байкале Александр Вампилов. Боль от утраты была ещё свежа, помню, на премьере «Прощания в июне» в Иркутском театре имени Охлопкова, которая показывалась в рамках конференции, у многих были слёзы на глазах. Что же касается Кобенкова, то он мог участвовать в конференции и в качестве семинариста: тогда в его «активе» было всего две тоненьких стихотворных книжки – «Весна» (Хабаровск, 1966) и «Улицы» (Иркутск, 1968). Но конкретных встреч с ним в 1971 и в 1972 годах не помню.

Зато хорошо помню его приезд в Омск летом 1975-го. Я работал тогда ответственным секретарём газеты «Молодой сибиряк», в то утро немного припоздал. Едва переступил порог редакции, как мне сказали: «Где ты ходишь, тебя тут целый час уже ждут». В приёмной сидел Кобенков. Мы обнялись, и я повёл гостя к себе в секретариат.

В Омске, как и во всех остальных областных городах, выходили тогда две газеты – партийная и молодёжная. Обе давали иногда подборки стихов, рассказы, рецензии на книги местных писателей. Особенно отличался вниманием к литературе «Молодой сибиряк». В 60-х годах литературным консультантом «МС» был поэт Владимир Пальчиков, он придумал ежемесячные литературные альманахи: подвалы всех четырёх газетных полос заполнялись стихами, потом низ номера можно было отрезать, соответствующим образом сложить – получалась стихотворная книжечка. Иногда она была коллективной, иногда посвящалась одному автору.

В конце 60-х Пальчиков из Омска уехал, альманах на некоторое время заглох, но потом мы возобновили его выход.

Гостю, насколько я помню, был предоставлен отдельный выпуск альманаха. Иду в областную библиотеку, заказываю подшивку «Молодого сибиряка» за лето 1975 года. Действительно: вот он, «персональный» кобенковский альманах – в номере за 2 августа с рисунком Анатолия Билюевского, название – «Ветер». Небольшое предисловие не подписано, но, как правило, сочинял такие предисловия я.

«Ежемесячный литературный альманах “Молодого сибиряка” стремится познакомить своих читателей с творчеством молодых поэтов, живущих не только в Омске, но и в других городах необъятной Сибири. Например, в последнее время он предоставлял свои

страницы иркутянину Василию Козлову, красноярцу Роману Солнцеву. Сегодня мы представляем вам Анатолия Кобенкова, молодого поэта из молодого сибирского города Ангарска. Он – автор трёх поэтических книг: “Весна”, “Улицы” и “Вечера”. Коренной сибиряк, Анатолий работал слесарем, токарем, рабочим в геологических партиях, сопровождающим грузы на реке Лене, заведующим клубом, редактором кинопроката. Печатался в “Комсомольской правде”, “Литературной газете”, в журналах “Байкал”, “Советский воин”, “Сельская молодёжь”, в коллективных сборниках.

А. Кобенков – участник VI Всесоюзного совещания молодых писателей».

Начал читать стихи и невольно вздрогнул – первым стоит стихотворение, которое тридцать один год спустя процитирует в его некрологе «Литературная газета»:

*Ночами в родительском доме
с трудом засыпал иногда...
Но было ли что-нибудь кроме
желания славы тогда?*

*Ты медлишь заметно с ответом...
Я зла на тебя не таю –
скажи,
неужели поэты
так жизнь начинают свою?*

*...По Волге гулял на пароме,
умел боронить и косить,
но было ли что-нибудь кроме
желанья слова находить?*

*Неужто не спал до рассвета,
в глаза целовал лошадей
затем,
чтобы только поэтом
прослыть среди добрых людей?..*

«Он был поэтом Божьей милостью, – написала в некрологе “Литературка”, – ни разу – несмотря на все выкрутасы времени – не взявшим фальшивой ноты в своих светлых, всегда до боли честных стихах» (ЛГ, 13-19 сентября 2006).

А тогда, летом 75-го, живя в гостях у тётки, он не раз приходил к нам в редакцию. Я познакомил его с друзьями, иногда, сбегав в соседний гастроном, все вместе мы потихоньку нарушали трудовую дисциплину – не без этого.

Потом он уехал, вскоре из Ангарска пришло письмо:

<Осень 1975 г.>

«Дорогой Саша!

Получил сегодня твоё письмо и вырезку – спасибо!

Добрались хорошо настолько, что уже позавчера я пришёл в себя. Устраиваюсь на работу – на радио: надо поправить свой бюджет. Был в Иркутске: Марк в отпуске, Лапина в городе нет, так что пока подожди.

Гурулёв кланяется тебе и Малиновскому. Машкин – тебе. Получил сказку Геннадия – сделаю всё так, как и обещал. Омск подарил мне чудные дни – спасибо тебе, Малиновскому, Юре, Генке.

Пиши, присылай материалы.

Твой Толька.

P. S. “Сиб. огни” ещё не видел. Не огорчайся – со временем ты будешь иметь право устраивать скандалы за пропущенную запятую».

В письме упоминаются иркутские писатели – Марк Давидович Сергеев, Борис Лапин, Альберт Гурулёв; с Кобенковым я посылал что-нибудь для альманаха «Сибирь», где в те годы иногда печатался.

Михаил Малиновский, Геннадий Гаврилов, Юрий Орлов – мои омские друзья, литераторы, с которыми Анатолий познакомился во время своего гостевания в Омске.

В том году «Сибирские огни» напечатали моё эссе о Ф.М. Достоевском «Всегда со мной» (№ 7, 1975). Напечатали, сильно сократив, – видимо, на это я пожаловался Анатолию. (В скобках замечу, что это несчастное эссе не опубликовано по-человечески – без искажений и сокращений – до сих пор).

<Конец 1975 – начало 1976 г.>

«Дорогой Саша!

Прости – долго молчал: был в Москве, и, пока общался с москвичами, тебя дали в нашей газетёнке, – посему высылаю только один экземпляр с полутвоим Достоевским. Сокращал я его сам – как потребовалось, до 6-7 страниц. Ты понимаешь, дать всё не могли. Материал твой в “Сибири”, по слухам, идёт.

Видел твою работу в “Альманахе библиофила” – порадовался и посему поздравляю.

Гены Гаврилова вещь хороша (это не только моё мнение), но поставить её нельзя – она лучше читается как притча и вообще оригинальна и интересна. Кланяйся ему. Если сделает сугубо детскую сказку, пусть вышлет.

Как ты?

Как ребята?

Юра, кажется, не поступил?

Всем приветы.

Твой Толька».

По упоминанию моей публикации во втором выпуске московского «Альманаха библиофила» я и датирую это письмо, т.к. вышел АБ-2 ближе к концу 1975 года. В нём был напечатан мой очерк «Вольность не даётся даром...» – о томе сочинений Николая Шелгунова, который вышел в 1871 году и на свободных от текста местах которого в 1918-1921 годах вёл что-то вроде дневника красный партизан Шишкин.

В следующем письме – горестное упоминание о смерти нашего общего друга – иркутского литератора Евгения Раппопорта, которая случилась в феврале 1977 года.

<Февраль-март 1977 г.>

«Саня, твоё письмо настигло меня только вчера, я переехал в 3-комнатную хибару, и посему все пушкинские юбилеи прошли без тебя.

Но будут и другие – всё, что касается Сибири + литературы, присылай – отдай в нашу страницу, где ты уже однажды прозвучал с Достоевским. Только договоримся: большие материалы, если не удосужишься сам, буду сокращать я.

Ты, вероятно, знаешь о смерти Жени Раппопорта.

Не буду травить себя и описывать всё это.

В следующем году у меня выходит новая книжка – если возьмёшься вновь представить меня омским читателям, могу подкинуть.

Пиши, присылай, ребятам – привет.

Твой Толька».

О Жене Раппопорте, о моих встречах с ним в моей книге будет рассказано отдельно. Он был по-настоящему дорог и Анатолию. Новая книжка, о которой он упоминает в письме, это сборник «Два года» (Иркутск, 1978). В ней есть два стихотворения, посвящённые Евгению: «Давно меня смерть не пугает...» и «Сегодня полгода, как умер мой друг...».

На книжке «Два года» надпись:

«Саше Лейферу как критику, сибиряку и мудрому хорошему человеку – моих два сибирских года. С любовью – Толя. 1.6.78.»
Читая её, я с удовлетворением нашёл стихи, знакомые ещё по «молодосибиряковскому» альманаху, – «Первые танцы в солдатском клубе», «Волос твоих тёмная сила...», уже цитировавшееся выше «Ночами в родительском доме...», «С песнями не стоит торопиться...». Нет, совсем не проходные вещи предложил он тогда, в 75-м, для нашей скромной газеты.

Следующее письмо датирую весьма приблизительно – имея в виду слова «ты работаешь на наше издательство». В конце 70-х годов я предложил Восточно-Сибирскому книжному издательству подготовить к 1981 году, юбилейному году Ф.М. Достоевского, оригинальное издание «Записок из Мёртвого дома». Скажу об этой книге чуть позже, а пока само письмо:

<Конец 70-х гг.>

«Здравствуй, Саша!

Деньги тебе обещали выслать. Поскольку ты работаешь на наше издательство, ты должен нагреться – вот тебе мой телефон.

Я пока вольный художник. Последний месяц заматался по командировкам: Братск, Усть-Кут, Магистральный, Усть-Илим, Черемхово.

По уши в долгах.

Мою новую книжку поставили на 81 год.

Кстати, Березовский грозился выслать гонорар за “Землю сибирскую-дальневосточную” – узнай, пожалуйста, если там что-то прошло моё, пусть озолотят.

Можешь подбросить что-нибудь ещё для нашей газеты.

Приветы Омску и омичам.

Твой Толя».

Мы, чем могли, помогали друг другу: он пристраивал мои материалы в ангарские и иркутские издания, я и Березовский пытались ответить тем же в Омске. Получалось это далеко не всегда.

<Конец 70-х гг.>

«Дорогой Саша!

Получил твоё письмо.

Не ответил сразу – замотался.

Твой материал передам Мутину в нашу “Знамёнку” – говорил с ним, он заинтересовался, но тут же умотал отдыхать на Байкал.

Сейчас в “Сибири” все у тебя свои: Гурулёв и Кобенков, который вместе с Филипповым отвечает за его (т. е. альманаха – А. Л.) поэтическую морду.

Мне очень надо было написать тебе пораньше, потому что я веду на телевидении постоянную передачу “Сибирская лира”, и сейчас дошла очередь до Драверта, а ты мог бы мне кое-что подсказать. Если сможешь сразу что-нибудь подкинуть (хоть черновики) – буду вечно благодарен.

Жду вызова в Москву – на защиту диплома.

Может быть, придётся завернуть в Омск на день-два.

Приветы Березовскому.

Пиши, шли – жду.

Твой Толя».

В письме, отосланном в декабре 1979 года, – опять печальное сообщение: ушёл из жизни иркутский писатель Константин Седых – автор знаменитого романа о гражданской войне «Даурия».

<Декабрь 1979 г.>

«Здравствуй, Саша!

Огромное спасибо тебе за книжку, с днём рождения которой надо поздравить тебя.

Книга хороша – читать её интересно – и мне, и людям, далёким от литературы и науки. Мне кажется, ты захочешь её дописать, дабы

сделать второе издание и, может быть, тогда уберётся некоторая журналистская поспешность, и Драверт как поэт будет более убедителен.

Твой материал об Иванове пойдёт у нас, как только найдётся для него место.

В начале декабря пройдёт моя телепередача о Драверте, где я буду говорить о тебе.

Я слетал в Москву – защитился на “отлично”, залез в долги и посему высылаю тебе стихи, которых у меня в последнее время не густо.

Вчера умер Седых.

Гуруль залёг в больницу, и я не могу вырваться к нему, дабы решить насущные вопросы и узнать, что с твоим материалом для “Сибири”. Думаю, всё решится в твою пользу.

Приветы – Березовскому.

Пиши.

Твой Толя».

Книга, с которой поздравляет меня Кобенков, – первая в моей жизни: «Сибири не изменю!..» (Страницы одной жизни). Она вышла в 1979 году в Новосибирске и была посвящена учёному и поэту Петру Драверту.

Новогодняя поздравительная открытка:

<Декабрь 1981 г.>

«Дорогой Саша!

Уходящий год был для тебя славным (ты подарил нам прекрасный том Достоевского – спасибо тебе за это!!!).

Я надеюсь, что грядущий <год> будет не хуже, – даже верю в это, даже очень хочу, потому что всегда относился к тебе очень тепло.

С Новым годом!

Толя.

Приветы от Тамары».

Полное название тома Достоевского, о котором говорится в открытке: «Записки из Мёртвого дома. Письма из Сибири. Воспоминания современников. <Сибирская тетрадь>. Документы.» И письма Ф.М. Достоевского, и воспоминания о нём, и документы касались сибирского периода его жизни. Я был составителем

книги, автором послесловия и комментариев. Восточно-Сибирское издательство выпустило её труднопредставимым для нынешних времён тиражом – 100000 экз. Правда, должен признаться, что не всё в данном издании было так прекрасно, как это казалось Анатолию: и в текст комментариев, и в текст самого Достоевского (что особенно обидно) вкрались опечатки.

1981 год был удачным и для Кобенкова: та книга, о которой он сообщал мне ещё в письме конца 70-х годов, вышла – «Я однажды лежал на зелёной траве...».

Я получил в подарок и её – с дарственной надписью, с авторской правкой неистребимых опечаток.

*Друзья мои, как труден наш союз
в середине дня на первом перевале!
Молюсь земле,
кузнечикам молюсь,
чтобы они о вас не забывали,
стучусь в деревья,
кланяюсь ручью,
далёким звёздам и дорожной пыли...
Ни долгих дней,
ни славы не хочу –
хочу, чтобы о вас не забыли...*

Это из «Послания друзьям» – стихотворения во многом, видимо, программного для автора. Неслучайно он даст потом такое название сборнику 1986 года.

А это письмо, видимо, относится к первой половине 70-х годов: «Дорогой Саша!

Был пролётом в Москву в Омском аэропорту – звонил. Увы, тебя не было дома. Летал на ЦТ – там 6 марта в передаче “Шире круг” прозвучит моя песня – хочешь – послушай.

Твой материал редакция бессовестно потеряла, но не потому, что она плохо относится к тебе и твоему перу, а по чистой безалаберности.

Присылай что-нибудь ещё, а я прослежу за тем, чтобы подобное не повторялось.

Книжка моя подписана к печати – скоро я её увижу, а ты получишь. С издательскими делами у меня сейчас лучше, чем бывало прежде (тьфу-тьфу!). Высылаю тебе плёнку со своим голосом и стихами – не славы для, а сам понимаешь...

Присылай свои новые работы – протолкну.

Приветы омичам.

Твой Толька».

Здесь прокомментирую лишь абзац про плёнку с голосом. Скорей всего, она была выслана для использования на Омском радио, я много тогда писал для него, в частности, вёл ежемесячную передачу «Сибирская литература: день сегодняшний», в которой рассказывал о книжных новинках, в том числе и о книгах Кобенкова. Но поскольку в его письме было высказано недвусмысленное пожелание – использовать плёнку «не славы для», мы с радийным редактором Инной Антоновной Шпаковской, постоянно подкармливавшей нас, грешных, наверняка сделали из присланного Анатолием отдельную передачу – с тем, чтобы потом заплатить ему.

Последнее из сохранившихся у меня писем содержит сообщение о предстоящем выходе книги критических эссе:

<1983 г.>

«Дорогой Саша!

Сие послание тебе передаёт мой друг, славный и честный человек, которого я за многое люблю.

Он сдаёт госы в вашем институте культуры и, если ты ему почему-либо понадобишься и он обратится к тебе, – не отказывай.

Он, в отличие от меня, не сочиняет, а думает.

По поводу твоего сотрудничества с нами – ничего не понимаю: к тебе у нас очень по-доброму относятся, поминают добрым словом и Гуруль, и Марк, и многие другие; в феврале у нас была конференция “Молодость. Творчество. Современность”, и прошёл слух, будто ты прикатишь, но слух оказался напрасным.

С Аликом я поговорю о тебе конкретно, за публицистику у нас отвечает Марк – надо бы тебе написать ему письмо, выяснить отношения и прислать что-нибудь новое.

Я пурхаюсь в быте, в своём разросшемся и расшумевшемся семействе, к осени выскочит книжка моих литэссе – боюсь, после

её выхода придётся мне бежать отсюда: я не очень хвалю поэтическую работу Марка, браню Горбунова, Скифа, кого-то ещё, а о ком-то просто помалкиваю.

Книжка стихов сложилась, но судьба её зависит уже не от меня.

Минувшей осенью был в Германии – разразился странной прозой на два печатных листа.

С тоской думаю о том, что время стихов уходит.

Шлю тебе при всём при этом кое-что из своих виршей (если сможешь пристроить – скажу спасибо, выпив за твоё здоровье молочишко).

Приветы Омску и омичам.

Пиши!

Толя.

Если понадобится для врезки, то стихи из новой, шестой по счёту, книги – “По краям печали и земли...”.

Человека, который принёс мне это письмо, звали Виталий – высокий, здоровый, но начинающий полнеть. Он по какой-то причине резко бросил полупрофессиональные занятия спортом, и это сказалось на здоровье. О Толе Виталий отзывался с большим уважением, рассказывал, что в Ангарске его буквально на руках носят, но... Но, вздыхая, упомянул и о традиционной для нашей пьющей страны Толиной слабости.

«Германскую» прозу Кобенкова я так и не читал, сейчас очень хотелось бы узнать, что это такое.

А книга «По краям печали и земли» вышла в Москве аж в 1989 году.

Следующий приезд Анатолия в Омск носил весьма своеобразный характер: приехал он сюда тайком – от своих бывших омских родственников (с Тamarой он к тому времени уже развёлся) и поначалу... от нас с Березовским. Последнее объясняется элементарно. Приехал он в Омск работать – Омский музыкальный театр ставил тогда, в 1990 году, мюзикл Грегга Оперки «Чарли-бар» и заказал Кобенкову написать для него зонги (или переводы таковых – ?). Работа была срочной, напряжённой, и Анатолий опасался, что встреча с нами может помешать ей. Опасался, чего уж греха таить, не без оснований.

Но не вынесла душа поэта: к концу своего пребывания в Омске одному из нас он всё-таки позвонил. Хорошо запомнилось выражение ужаса в глазах очаровательной завлитши театра в тот момент, когда мы уводили от неё соавтора будущего спектакля, – зонги были на тот момент ещё недописаны.

Но опасалась она напрасно: повели мы тогда себя вполне разумно, т.е. напитки, оскорбляющие человеческое достоинство, могущие помешать творческому процессу и развитию театрального искусства, употребляли в дозах вполне гомеопатических.

А если серьёзно, то незримая тяжесть недоделанного Толей, нависшая над всеми троими, встречу эту, разумеется, скомкала. Видимо, поэтому весьма смутно помню, о чём мы тогда говорили. Но зонги были дописаны вовремя, спектакль выпустили в срок. Однако, даже я, человек абсолютно не театральный, помню: особенного успеха он не имел, в репертуаре продержался недолго, несмотря на участие в постановке целой компании американцев, в том числе и самого Г. Оперки. Не знаю, как Березовский, а я посмотреть мюзикл так и не успел.

Наступили новые времена. В 1993 году в Омске было зарегистрировано местное отделение Союза российских писателей, и мы сразу же стали готовить своё издание – сборник «Складчина», выходящий в первое время как ежегодник. «Складчина» существует до сих пор, прошла за эти годы непростой путь. Вначале один за другим вышли три ежегодника – солидные книги в твёрдых чёрных переплётах. Затем наступил 98-й год с его дефолтом, и готовый четвёртый выпуск надолго застрял – по финансовым, естественно, причинам (вышел он только в 2004 году). Пока решался вопрос с четвёртым выпуском, мы решили издавать «Складчину» в виде газеты, это было во много раз дешевле. Газета выходила с 2002 по 2005 год, но потом её отказалась распространять «Роспечать». Немного подумав, мы начали выпускать «Складчину» уже в виде небольшого, выходящего трижды в год альманаха. В таком виде наше издание существует и сейчас.

А тогда, в середине 90-х, вся эта эпопея только начиналась. Мы собирали первый выпуск ежегодника. Опыта было маловато, искали поддержки у коллег по писательскому Союзу из других сибирских городов и каким-то образом вышли на Иркутское отделение

СРП, на его тогдашнего руководителя – критика Виталия Камышева (через несколько лет его сменит на этом посту А. Кобенков). Так в первом выпуске «Складчины» появилась до сих пор в ней существующая рубрика «У нас в гостях». Первым нашим гостем стал выходивший тогда в Иркутске альманах «Свой голос».

В. Камышев прислал нам рассказы молодых авторов – Александра Карпачёва, Петра Голованевского и Николая Петренко, а также подборку стихов Анатолия. Камышев же написал ко всему этому небольшое предисловие, в нём вполне недвусмысленно рассказывалось о той нездоровой обстановке, которая в конце концов и заставила Кобенкова уехать из родной Сибири в Москву:

«Рождение нового иркутского альманаха “Свой голос” было обусловлено двумя, пожалуй, обстоятельствами. Во-первых, разделением известной далеко за пределами Сибири Иркутской писательской организации на две. Многим литераторам, в том числе таким авторитетным, как М. Сергеев, А. Шастин, Дм. Сергеев, Ю. Самсонов, В. Трушкин, Е. Жилкина, А. Кобенков, оказалось не по пути с новыми “неистовыми ревнителями” – сторонниками откровенного шовинизма и ксенофобии, и они образовали иркутское отделение сперва “Апреля”, а затем – Союза российских писателей. Тогда же Дм. Сергеев, А. Шастин, В. Захарова вышли из редколлегии журнала «Сибирь», начавшего печатать “Протоколы сионских мудрецов” и откровения нынешних “национал-патриотов”» («Складчина», Омск, 1995, с. 159).

Присланные В. Камышевым новые стихи Анатолия говорили о многом. Их лирический герой в чём-то утратил былую романтику, прошёл через немалые испытания, понял, что не всё – и вокруг, и в самом себе – гармонично и радостно:

*А я уже знаю, что вышел в тираж:
для новых – «не наши», и для старых – «не наши».*

*Ещё я люблю, но Отечества дым,
который мне сладок, не сладок другим.*

*Ещё я по свету гуляю, но свет,
который я знаю, истаял на нет.*

*Ещё я топчу эту землю, но ей
важнее топтаться на жизни моей...*

*Мне сорок четыре, почти – сорок пять,
и кто я такой, чтоб об этом не знать?..*

Тогда, кроме этого стихотворения, мы напечатали «Это я, невыспавшийся, страшный...», «Фреску», «Корзину», «Бегство в Египет» и «Два окна. И оба – на восток...».

А через одиннадцать лет, в ноябре 2006-го, «Складчина» попрощалась с Анатолием Ивановичем, поместив его подборку, составленную по иркутским сборникам «Осень: ласточка напела» (2000) и «Строка, уставшая от странствий» (2003) – последним прижизненным сборником поэта. Одно из стихотворений этой подборки было прислано из Новосибирска – из личного архива Марины Акимовой.

*Пёс умирает, а в мире светло.
Друг угасает, а в мире светло.
Сердце чернеет,
а в мире светло;
горя по горло, беды намело
выше окошка,
а миру – светло...*

*Тем и утешимся смерти назло:
с близкими – страшно,
а с миром – светло...*

Но до этого судьба подарила мне ещё две встречи с Анатолием. В 1998 и в 2000 годах меня приглашали в Красноярск – на Всероссийскую конференцию «Литературные встречи в русской провинции». Между собой мы, литераторы, называли эту конференцию проще – Астафьевские чтения, ибо душой, эпицентром этих встреч был Виктор Петрович Астафьев. Хотя сам он возражал против такого наименования: «Вот умру, тогда и называйте, как хотите». Кроме Астафьева там было немало известных литераторов, называю не по чинам, а просто, как вспоминается: москвичи – Алексей Варламов,

Светлана Василенко, Леонид Бородин, Виктор Куллэ, Евгений Попов, Мариэтта Чудакова, Михаил Кураев (Санкт-Петербург), Валентин Курбатов (Псков), Геннадий Машкин (Иркутск), Александр Казанцев и Вадим Макшеев (Томск), Геннадий Прашкевич и главный редактор «Сибирских огней» Виталий Зеленский (Новосибирск), красноярцы – Роман Солнцев, Эдуард Русаков, Марина Саввиных, Сергей Кузнечихин...

И в первый, и во второй раз мне хотелось побольше пообщаться с Анатолием. Заходил по вечерам к нему в номер, несколько раз гуляли вдвоём по набережной Енисея. Разговаривали о чём попало – сравнивали, как живут «его» и «моя» писательские организации, вспоминали общих знакомых по Иркутску и Омску, говорили о собственных литделах, о семьях...

Однажды заговорили даже о Боге, о религии – ни больше ни меньше. Я знал, что Кобенков несколько лет назад окрестился, стал искренним православным. Он же, разумеется, знал про меня, что я по-прежнему безбожник.

Я стал говорить, что мне претит не сама религия, а мода на неё, что, разумеется, чувства верующих людей я уважаю, но стремление церковников ввести преподавание начал православия в общеобразовательных школах явно противозаконно, что, например, в северных районах нашей Омской области количество татарского населения доходит до 50%, и непонятно, для чего нужны уроки Закона Божьего школьникам-татарам...

– Ладно, – помолчав, сказал тогда Кобенков, – это всё внешнее, это всё со временем как-нибудь устаканится. А вот о главном – неужели не задумываешься?

Я, помню, ответил, что, конечно же, задумываюсь, что зря он держит меня за чурку с глазами.

– Вот-вот, – поставил точку на бесконечной теме Кобенков, – сомневающийся атеист в сто раз лучше твердолобого верующего. Так что не бойсь: не совсем ты пока пропащий...

На разных круглых столах и дискуссиях я старался сесть либо рядом с ним, либо просто поближе – так, чтобы его было получше видно. Нравилось наблюдать, как он держится, – уверенно, с чувством собственного достоинства, неторопливо. Не упускает случая высказаться, говорит опять же не спеша, не опасаясь, что его

перебьют и не дослушают. Одним словом, запомнилось то, чего мне самому всегда не хватало и не хватает.

Во время первых Чтений он подарил мне свой довольно солидный иркутский сборник 1997 года – «Круг (Книга стихотворений в семи частях)». В выходных данных обозначена целая компания издававших её организаций: Агентство «Комсомольская правда – Байкал», газета «Советская молодёжь», изд-во «Символ». У семи нянек дитя оказалось без глаза – книга несёт на себе черты издательской расхристанности, свойственной 90-м годам. Толя внёс поправки от руки, и поправок таких многовато – опечатки, пропуски слов и строк, непроставленные знаки препинания... И теми же чёрными чернилами – дарственная надпись на титульном листе: «Собрату по горькому счастью Александру Лейферу. С радостью общаюсь – Толя. 1998, сентябрь, Дивногорск».

Эта книга – уже зрелый Кобенков, тот, про которого сказано в прощальных колонках «Литературки»: «Он создал в стихах целый мир, который и оставил нам... Мы прощаемся с прекрасным другом и человеком, но не прощаемся с его светлыми стихами».

*Чего не хватало огромной стране,
когда она губы тянула ко мне? –
и угля, и стали хватало,
и хлеба – по осени, а по весне –
уценок на спички и сало.*

*И горя хватало у этой страны,
но каждый имел и пиджак, и штаны –
а многие – шляпу в придачу;
и было работы полно для штаны –
и рынки, и лавки, и дачи.*

*И рук ей хватало, чтоб землю пахать,
чтоб фабрики строить и голосовать
за лучших в стране коммунистов,
и было за что ей судить и стрелять
предателей и уклонистов.*

*Всё было у этой страны: и леса,
и реки, и степи, и бог при усах,
и барды при лесоповалах...
Ей Лемешев пел, ей Фадеев писал,
и только меня не хватало...*

Во время вторых Чтений, в сентябре 2000 года, Кобенков познакомил меня с молодым иркутским поэтом Виталием Науменко. Тот застенчиво улыбался, а Толя не очень уверенным голосом ругал земляка за стабильно нетрезвое состояние. В те же дни Анатолий подарил мне только что вышедшую книжку «Осень: ласточка напела», где в авторском предисловии про В. Науменко чётко сказано: «Мой юный друг Виталик был первым, кто прямо сказал, что у меня вышло, а что не получилось».

Честно говоря, тоненькая «Ласточка» понравилась мне больше солидного «Круга». Она собранней, чётче, яснее. Сказать об этом я автору не успел – сравнивал две книги уже дома, а писать не стал: что передашь записанными на бумаге словами?..

Прочитав из «Ласточки» два стихотворения.

Вот это мы напечатали потом в «Складчине» – в уже упоминавшейся посмертной подборке:

*Когда проснусь от яркого огня
Капризной музыки, не подвластной мраку,
Люблю не женщину, спасающую меня,
А женщину, спасающую собаку...*

*Когда проснусь, чтобы найти во тьме
Табак припрятанный, и путаюсь в пелёнке,
Люблю не женщину, что плачет обо мне,
А женщину, что плачет о ребёнке...*

*Когда проснусь, окликнутый как брат
Звездою дрогнувшей иль каплей дождевою,
Люблю не женщину, которой я богат,
А ту, которая всю жизнь бедна со мною...*

И ещё одно, – посвящённое неизвестному (неизвестной – ?) мне В. В.:

*Я-то и прежде об этом не мог,
да и сегодня случайно
вдруг я подумал, что родина – Бог,
в нас вырастающий тайно.*

*С ним и светло, и, конечно, темно,
радостно и одиноко...
Родина... – может быть, это письмо,
может, и правда, от Бога...*

*Родина – это... А ты – про овсы
да про луга, да криницы...
Родина – это та капля росы,
в коей не грех утопиться.*

*Это, конечно, и ты, дуралей,
галстук за родину рвущий.
Это и я, дуралей –
над твоей
музой кривой хохотнувший...*

Во время нашей последней встречи Кобенков сделал мне ещё один подарок: с гордостью преподнёс большой (47 усл. печ. листов) прекрасно исполненный полиграфически том – «Вернитесь живыми (Повести фронтовиков)»: «Усвятские шлемоносцы» Евгения Носова, «Убиты под Москвой» Константина Воробьёва, «Дожить до рассвета» Василя Быкова, «Сашка» Вячеслава Кондратьева, «Пастух и пастушка» Виктора Астафьева и «Полевая жена» Дмитрия Сергеева. Предисловие к книге написал Валентин Курбатов, а оформление сделал Сергей Элоян. Издание было подготовлено руководимым Анатолием Иркутским отделением Союза российских писателей к 55-летию Победы. Одна из лучших книг в моей библиотеке.

В 2001 году А. Кобенков напечатал в «Знамени» (№1) статью «Иркутск: новое положение». Помещена она, как и все подобные статьи, под рубрикой «Литературный пейзаж». Нам в Омске тоже примерно тогда же позвонили из «Знамени» и попросили написать о местной литературной жизни, писали мы об омских литделах вместе с моим другом Михаилом Малиновским, напечатали наше сочинение в том же году, только в 10-м номере, название – «Мы должны научиться свободе...» – по строке из стихотворения омички Вероники Шелленберг.

Вообще, раз уж я отвлёкся, то скажу, что «Знамя», несмотря на свою «высоколобость» и неизбежный столичный снобизм, о литературных делах российской провинции пишет много и регулярно. Например, о нашей скромной «Складчине», когда та была литературной газетой, писала дважды – и довольно подробно. А та же рубрика «Литературный пейзаж»: она ведь специально придумана для освещения местной писательской жизни.

Так вот, статью Кобенкова мы экземплярах в десяти отксерили: сами все прочли да ещё в некоторые другие города землякам послали, чтоб те не пропустили. Одна такая ксерокопия сейчас передо мной.

Кратко рассказав о послереволюционном иркутском литературном прошлом, Анатолий переходит к дню сегодняшнему и рисует примерно ту же картину, что мы видели в цитировавшейся выше статье Виталия Камышева: «Протоколы сионских мудрецов» в альманахе «Сибирь», борьба СПР с «масонами» и «руссофобами» и прочие прелести...

И очень много схожего с делами в наших омских палестинах:

«В течение десяти последних лет наше отделение (Союза российских писателей – А..Л.) существовало без крыши – общались и общались мы где придётся...».

Или:

«Сегодня, как ни сопротивлялись этому руководители области и города, как ни тешили они себя надеждой на возможное наше воссоединение, в Иркутске сосуществуют два писательских Союза»...

Для меня же, давно знающего и любящего Кобенкова, прежде всего была важна в этой статье его искренность, обнажённая

наивность, которую он не растерял в литературных и околотелитурных баталиях и суете.

«В те давние времена, – читал я статью дальше, – когда мои старшие товарищи были все до единого живы и, за редким исключением, молоды, когда Союз наш насчитывал чуть больше двадцати человек и руководил им мягкий и всепрощающий Марк Сергеев, я был влюблён в каждую их книжку, ещё недописанную или уже покорёженную цензурой и вставшую на мою полку».

«Я до сих пор люблю, – продолжал я читать, – и не могу отказаться – прозу Распутина и Машкина, некоторые строки и даже стихотворения Михаила Трофимова и Василия Козлова² (да, да, того самого, что с некоторых пор полюбил «сионские протоколы»), я никогда не забуду той радости, что случилась со мной после первой встречи с прозой Альберта Гурулёва и Евгения Суворова».

А в самом деле, подумалось мне тогда, как можно забыть, что делали со всеми нами, влюблёнными в литературу молодыми людьми, «Деньги для Марии», «Последний срок», «Прощание с Матёрой», «Живи и помни», «Уроки французского». Отказаться сегодня от ощущений, которые вызвала когда-то в нас эта проза, отказаться из-за того, что её автор выбран некоей чуждой нам группой людей своим знаменем, это всё равно, что отказаться от своей молодости.

Анатолий цитирует стихотворение своего молодого друга Виталия Науменко, и для того, чтобы понять дальнейший ход его мыслей, стоит привести это стихотворение и здесь:

*Дух увлекает, и тянет земля –
Как уклониться от выбора? Для
Первого взгляда есть нивы, поля
с рисом и яблочный стук.*

*А для второго – смутительный свет,
Ангельский лепет, которого нет
В собственном смысле. И только поэт
слышать считает за честь.*

*Шум города не питающих вод,
Где отражается вечности свод...
Стебель надрезан, кувшинка плывёт,
если течение есть.*

И дальше идёт узловое, главное рассуждение автора этой далеко выходящей за изначальные рамки литературно-краеведческой рубрики статьи:

«Я читаю это стихотворение как размышление о свободе – духовной и творческой. Меня глубоко ранит этот “смутительный свет”, равно открывающий надрезанный стебель и полёт ангела, поровну освещающий село и город, кувшинку и настольную лампу.

И вот я думаю о том, что, благодаря молодому поэту, я не теряю то счастье, которое, казалось бы, у меня отняли, – любить всё сразу и всех сразу, мучаясь вечным и одним-единственным вопросом: кому сегодня подчиниться прежде – земле или небу, деревенской избе или городскому камню, хотя хочется, как Науменко, – всем сразу».

Почему мы отксеривали и взахлёб читали эту статью? Видимо, ещё и потому, что, объевшись высоколобых размышлений и бесконечной и бесполезной политической трескотни, устав от картонных страстей постмодерняги, как по чёрному хлебу, соскучились по простым вещам, о которых прямо говорил Анатолий Иванович:

«Я по сей день не могу избыть того чувства, которое ведёт меня от одной книжки к другой, – того ощущения, из которого следует, что всякий пишущий – это мой брат, всякая сочинительница – моя сестричка: и они живут словом и из-за слова, и я».

Диалог – единственное наше спасение, панацея от всех бед, лекарство от всех непоняток.

«Для диалога многое уже есть: Пушкин, боль за порушенную деревню, тревога за уходящий город, элементарное счастье писать».

Счастье писать... Этими словами и заканчивается статья.

В ноябре 2002 года под Новосибирском состоялся IV Съезд писателей Сибири. Я на него не ездил, но коллеги – Галина Кудрявская и Александр Сафронов – привет от Анатолия мне оттуда привезли.

На следующий год в «Сибирских огнях» появились «Воспоминания о Круглом столе поэтов, имевшем место состояться в

конце ноября 2002 г. на IV Съезде писателей Сибири» (№ 7). Судя по этим «Воспоминаниям» (автор – Станислав Золотцев), Кобенков вёл себя на этой «тусовке» резко и нервно. Чувствуется, что он устал:

«Кобенков (с усталым вздохом): – Да не по сердцу мне сегодня читать стихи свои. Поймите, мне (да и многим из нас, только не все в этом могут признаться) стихи – свои собственные – не то чтобы надоели, но неинтересно стало загонять свою душу в ямб, хорей и анапест. Твоя, Стась, теория о натурфилософской лирике как о предмете зрелости тут не годится. Наша зрелость – иная. Лет 30 назад я не умел писать стихи, они были беспомощными, но в них звучала моя живая боль, звучала моя радость – звучала! Вот главное. Музыка в них жила!..»

И дальше:

«...сейчас, как ни страдаем, как ни стараемся, получается больше литература, а не музыка. Слова, слова... Меня уже раздражает умение, и своё, и чужое. Мы пишем прежним языком, а он уже не годится для того, чтобы выразить себя нынешних. А нового языка найти не можем. И потому нас не слышат, нет у нас читателя. Хотя состояние – полная свобода от всех. Только ненадолго, а что будет завтра? послезавтра? так и будем без языка, без музыки и без читателя?»

С. Золотцев называет тогдашнее кобенковское красноречие «отчаянным». Что ж, сегодня можно предположить: вполне возможно, уже тогда у Анатолия вызревало решение сменить обстановку, начать новую страницу – уехать из Сибири.

Усталость видна и в реплике, брошенной им в ответ на приглашение принять участие в критическом споре:

«– Не хочу и не буду, это мне не по душе, получится полемика, спор, перестрелка снова, а мы все уже налаялись за минувшие годы, я лично настрадался, мне по душе писать о любимом, о заветном...».

Выше уже упоминался итоговый, двенадцатый по счёту, сборник – «Строка, уставшая от странствий... (Стихи разных лет)» (Иркутск, 2003). Он достаточно велик по объёму (почти 10 усл. печ. листов) и, по сути дела, представляет из себя избранное поэта.

Поэтому писать о нём подробно в моём очерке вряд ли нужно – ведь я и так уже в меру своих сил, пусть пунктирно и отрывочно, но всё же попытался показать литературный путь своего товарища – от омского альманаха «Ветер» (1975) до сборника «Осень: ласточка напела» (Иркутск, 2000). Анализировать «Строку...» – значит, в какой-то степени повторяться, ибо все или почти все уже цитировавшиеся в очерке стихотворения в неё тоже включены.

Примечательно, что составлял своё избранное автор не сам, а доверил это деликатное дело друзьям – уже знакомому нам Виталию Науменко и известному иркутскому издателю Геннадию Сапропову. Корпусу стихов предпослано предисловие составителей. Прочитую из него два места.

«Кобенкова, который был и остаётся больше лириком, чем эпиком, куда живее интересуется, как смотрит на него любимая женщина, чем родственны ему бабочка и кузнечик, дождь или солнце придут в его город с утра, нежели то, какую медаль повесили на грудь очередному вождю или какая новомодная литературная эра провозглашается со страниц литературных журналов».

И ещё:

«От прозрачной по слову, по-детски беззащитной ранней лирики он перешёл в том числе и к высказываниям весьма жёстким, реминисценциям, бесстрашно вызывающим самые великие тени. В чём-то он столь же сентиментален, что и прежде, но это сентиментальность, поддержанная новым опытом, – опытом, жадно пропустившим через себя бездну информации, – той, что не объясняет мироздание, но настаивает на его многоэлементности».

Много ещё верных и метких наблюдений в этом не таком уж и большом предисловии. В одном только ошиблись его авторы. «Неверно считать эту книгу итоговой, правильно – этапной», – написали они в заключение. К несчастью, состояться следующему этапу было не суждено. Поэтому так дороги мне дарственные строки на традиционном месте – титульном листе: «Александру Лейферу, сомученику и сосчастливцу на просторах литературной Сибири – сердечно – Толя. Март 2003, Иркутск».

Последний его подарок, последние адресованные мне строчки...

Пожалуй, стоит рассказать о том, как я попал на Толину могилу, т.к. есть в этой небольшой истории нечто символическое, во всяком случае – для меня.

В январе 2007 года я прилетал по делам в Москву. Дел этих, как и во всякий приезд в столицу, было много, но одно из них – особое: хотел побывать на могиле. Олег Хлебников в «Новой газете» писал о ней так: «В «Автоэпитафии» Толя всё предсказал – он похоронен на Переделкинском кладбище у колодца “к виску наискосок”, родника и дороги».

Вот эти строки из стихотворения «Автоэпитафия»:

*Ничего не остаётся –
только камни да песок,
да соседство с тем колодцем,
что к виску наискосок.*

Остановился я в переделкинском Доме творчества и в один из первых дней пришёл в музей Бориса Пастернака – просто «отметиться», т.к. и до этого бывал там не раз. Случайно услышал, как в ответ на вопрос одного из посетителей девушка-экскурсовод назвала своё имя – Татьяна Нешумова.

– А Вы знаете, – улучив момент, сказал я ей, – у нас в Сибири был такой поэт – Владимир Нешумов.

Оказалось, что это её родной дядя!

О том, что мы с В. Нешумовым оба состоим в редколлегии красноярского журнала «День и Ночь», я говорить не стал – ещё подумает, что хвастаюсь, а вот о том, что в Сибири до сих пор помнят и любят покойную супругу Нешумова – Лиру Абуллину, сказал. Оказалось, Татьяна знает и её, больше того – сама пишет стихи, выпустила два сборника.

Договорились встретиться и поговорить уже не на ходу.

На следующий день я пришёл в пастернаковский музей в удобное для Татьяны время, она усадила меня в соседней с экспозицией комнате за огромный старинный стол и начала поить чаем.

Оказалось, что не в таком уж далёком прошлом за этим столом пила чай семья Пастернаков!..

Я листал подаренные мне Татьяной её сборнички – «Нептица» (М., 1997) и «Простейшее» (М., 2004), а потом решил заговорить о печальном – спросил, не знает ли она, в каком именно месте переделкинского кладбища похоронен поэт Анатолий Кобенков.

– Сама я точно не знаю, – сказала Татьяна, – где-то недалеко от моста через Сетунь. Сейчас позвоним моему приятелю, он хоронил Кобенкова. Знаете такого поэта Веденяпина?

И вот я сижу за столом Пастернака, держу возле уха Танин мобильник, и поэт Дмитрий Веденяпин, стихи которого я, конечно же, не раз читал в московских журналах, объясняет мне, как именно пройти к Толиной могиле... Ну, какова ситуация?..

Веденяпин навёл меня абсолютно точно: светлый лакированный крест, ещё не успевшие пожухнуть венки возле него были видны уже с дороги. Вот и забранный в трубу-колодец родник. И та же, что и на траурной полосе «Новой газеты», фотография – Толя в вельветовом пиджаке; только скадрировано по-другому – справа срезаны книжные полки, на фоне которых он снялся. Журчит внизу речушка Сетунь, шумят над головой деревья. Рядом – тоже недавняя могила умершего непонятной смертью известного журналиста и политика Юрия Щекочихина.

Хотел прямо с могилы позвонить в Омск Березовскому, но треклятая техника не сработала. Да и хорошо – это, пожалуй, был бы уже перебор.

В следующий раз мы пришли сюда с земляком – давно уже живущим в Москве моим другом Михаилом Сильвановичем, приехавшим в Переделкино ко мне в гости и прихватившим по моей просьбе фотоаппарат. Когда-то, в далёком 1975 году, он, редактор омской газеты «Молодой сибиряк», печатал в ней Толины стихи, в частности, и тот поэтический альманах «Ветер», о котором говорилось в начале этого очерка. И вот теперь, тридцать два года спустя, он, привычно меня выдержки, фотографировал могилу своего давнего автора...

Не люблю Москву, не люблю стойкой, испуганной нелюбовью вечного провинциала. Верно написал про А. Кобенкова Евгений Евтушенко: «Москва не поверила и его слезам».

ДРУЗЬЯ МОИ ОТ ОМСКА ДО ЧИТЫ...

тот очерк – единственный во всей книге – соответствует позаимствованному у Гоголя заголовку: он и в самом деле основан на *переписке* – переписке Романа Солнцева со мной, т.е. для полноты картины в текст очерка включены и мои письма. Сделано это, конечно же, не из самолюбования и излишнего «уважения» к собственному «эпистолярному наследию», а для того, чтобы на нашем, омском примере читатель яснее увидел, какое большое значение имело в недавние годы для провинциальных российских писателей сотрудничество с журналом «День и Ночь», какую реальную помощь оказывал его главный редактор нашей молодой, только ещё становящейся на ноги писательской организации. Ведь, должно быть, в подобном положении находились и многие другие местные, в частности, сибирские отделения Союза российских писателей.

Итак, наша переписка в основном касается дел журнала, приходится на 90-е годы и на начало нынешних, двухтысячных.

Но познакомились мы с Солнцевым задолго до этого.

Если уж брать с самого начала, то я услышал о нём ещё в 1962 году, когда поступил в Казанский университет, стал сотрудничать с местными газетами, интересоваться местной литературной жизнью. Солнцев в этом же году наш университет окончил, из Казани сразу же уехал, но помнили его в местных литературных кругах хорошо. Называли его местные молодые авторы и Романом Солнцевым, и настоящим именем – Ренат Суфиев.

В 1967 году я получил диплом, вернулся в Омск, стал работать в «Омской правде». Начал посещать занятия литобъединения при Омской писательской организации. Тогда регулярно, раз в два года в Омске проводились семинары молодых авторов, руководить которыми приезжали профессиональные писатели из других городов. На один из таких семинаров приехал и Роман, тогда мы и познакомились. Почему-то получалось так, что встречать Солнцева в аэропорт всегда посылали меня. Он даже как-то сказал, когда мы ехали на такси из аэропорта в центр города:

– Как приземляюсь в Омске, так думаю: «Ага, сейчас Сашку увижу...»

Хорошо запомнил поэтический семинар 1971 года, который проходил в самом начале весны. Руководить им приезжали Ростислав Филиппов из Читы, Александр Плитченко, критик Виталий Коржев из Новосибирска и Роман. Один день семинара совпал с днём рождения жены Вильяма Озолина – Ирины, и тот пригласил на него Филиппова, Солнцева и нас с омским прозаиком, моим близким другом Михаилом Малиновским. Сидели до полночи.

<Осень 1974 г.>

«Милый Саша, здравствуй!

Прекрасно тебя понимаю и постараюсь что-нибудь сделать. Одно плохо – прислал ты такой мёртвый, слепой экземпляр, что, видимо, придётся отдать перепечатать – у нас тут народ обидчивый и такие слепые экз-ры не читает даже у нас, своих бандитов. Попробую.

Книгу тебе новую высылаю.

Можешь показать, если хочешь, каким-нибудь рецензентам. Можете написать о ней. Нашим издателям – маслом по сердцу.

Наверное, сам я буду проездом (по смутным личным делам – из-за “Сиб. огней” и избранного в Новосибирске) в Омске числа 15. Было бы чудно, если бы вы дали – если сможете, если понравятся стихи, конечно – в эти дни (1-10-12 ноября) – подборочку. Посылаю тебе кое-что. Но это – если получится. Даю новые. Заеду – мои экз-ры вернёте. Мне они нужны в Москве будут.

Что нового – вот стихи в “Москве” и “Новом мире” (№8, №9), статья обо мне в “Сиб. огнях” №10. Если у вас продают “Сиб. огни”, купи мне хотя бы экз-ра 3-4 – приеду – рассчитаюсь. Нынче Красноярск по вине торгующих орг. вообще (!) “Сиб. огней” не получает!!!

Ну, Саша, всё! Привет Витальке. Только что получил от Вильки письмо. Пересылаю бирку АВИА тебе. Это – как эстафета – будь весел и счастлив!

Обнимаю. До встречи!!!

(Да, гостиницу мне СП сможет сделать? Дам за 2-4 дня телеграмму).

Саша, подумал и посылаю две подборки: дай в “Молодой сибиряк” и в вашу парт. обл. газету. Это стихи из новой книги стихов – выходит в “Молодой гвардии” через несколько месяцев, название: ПТИЦЫ С ЯРКИМИ ГЛАЗАМИ. Стихи о КамАЗе, всё, что тебе покажется проще, – отдай в парт. газету (Старик Фёдор, Одному для счастья, Красноярские стихи, 22 июня, Борис Кольцов, Присела птица...), а перед этим всё – в молодёжную, эти интереснее.

Обнимаю.

Р. Солнцев».

У меня много книг Солнцева, главным образом – с дарственными надписями, но некоторые покупал я сам. Книга, о которой идёт речь в письме, – это, скорее всего, сборник повестей «Имя твоё единственное» (М., 1973).

Виталька, которому передаётся привет, – это наш общий друг – омский журналист, прозаик, отчасти поэт Виталий Попов.

Сборник «Птица с яркими глазами» вышел в 1975 году (по ней и датируется письмо). Стихи из него мы, помню, в «Молодом сибиряке» печатали.

...Листаю сегодня эти, вышедшие тогда чуть ли не ежегодно стихотворные сборнички Романа Харисовича. На некоторых страничках лёгкие карандашные пометки: значит, эти стихи мы отбирали для литературных передач, звучавших по Омскому радио, в частности, для передачи «Сибирская литература: день сегодняшний», которую я вёл в течение нескольких лет. На страницах сборника «Та осень» (М., «Советский писатель», 1970) много поправок, сделанных самим автором, причём это отнюдь не исправления опечаток, а возвращение подлинного текста после того, как над ним «поработала» цензура. Например, у стихотворения «Всё так же во дворах играли дети...» было снято посвящение В. Шефнеру. Или в стихотворении «Был спор. Буфет. Ночной вокзал...» вместо строки «Приму ли пулю, под топор ли?..» в книге напечатано: «Приму ли пулю, мухомор ли?..»

Книжки Солнцева потрёпаны, их тогда то и дело брали у меня почитать, передавали из рук в руки. Нашумевшая «Необщая тетрадь» (Красноярск, 1968) с эпатажным *однострочным* стихотворением:

«Ушла. Надкушенное яблоко чернеет...». «Вечные леса» (М., «Молодая гвардия», 1969). «Малиновая рубаша» (Красноярск, 1972).

Вот это стихотворение из «Вечных лесов» некоторые мои друзья знали наизусть, сегодня перечитываю его, и кажется, что написано оно не тридцать с лишним лет назад, а совсем недавно:

*Большие перемены на Руси.
В умах и закромах те измененья.
Сегодня каждый – подойди, спроси, –
имеет каждый собственное мнение.
Своё – о гордости и о прозренье.
О напечатанном произведенье.
И надо же – о форме управленья!
(Большие перемены на Руси.)
Ведь очень важно: собственное мнение
иметь, пусть не имея положенья,
пусть не имея сил для претворенья
тех мнений в жизнь, господь меня прости...*

«14 января 1980 г.
Дорогой Александр,
С Новым (старым) годом!
Счастья тебе, здоровья,
новых (старых) друзей,
новых (новых) прекрасных книг!
Посылаю тебе № 1 “Енисей” с материалом о Драверте. Молчал, потому что не мог найти номера. Украл на радио – из шкафа. Книгу твою прочитал – молодец. Человек он был прекрасный, и поэт отличный.

Насчёт Малютиной – она, брат, в Москве, что-то там пишет, живёт у родных. Увижу – скажу, что ты спрашивал. Книга наверняка не пропала, но, может быть, ждёт её дома.

Теперь – когда ваша “Омская зима”? С какого числа?

Дело в том, что я лечу на премьеру в Москву 25 января и вернусь числа 7-8, ну – не раньше 6. Черкни мне – как и что. Привет всем знакомым и друзьям.

Обнимаю!
Увидеться бы надо – давно не виделись!
Твой Роман Солнцев.
Вилька будет???)»

В первом номере «Енисей» за 1979 год была напечатана подборка материалов о Петре Драверте – воспоминания о нём, его стихи. 1979 год был годом столетия со дня рождения учёного и поэта. Осенью наконец-то вышла моя книжка о нём – «Сибири не изменю!..» Я посылал её знакомым – Роману, литературоведу А.И. Малютиной из Лесосибирска.

На ежегодный литературный праздник «Омская зима» Солнцев приезжать любил, такие тусовки хороши прежде всего тем, что на них встречаешься с друзьями. Поэтому и вопрос: будет ли на празднике Вильям (к тому времени он давно уже жил в Чите).

Омские театры несколько раз ставили спектакли по пьесам Р. Солнцева. В мае 1981 года в Омском драмтеатре состоялась премьера по пьесе «Поверю и пойду», на которую приезжал автор. Журналист «Молодого сибиряка» В. Карнаухов взял у гостя интервью, некоторые его моменты, думаю, будет интересным прочитать и сейчас.

«Среди читающей публики Вы известны как автор поэтических и прозаических книг. Правда, несколько лет назад на одной из гастрольных афиш мелькнуло имя Романа Солнцева как автора пьесы “Моя бабушка Гулливер”. Но это, скорее, казалось случайностью. Теперь омский зритель знакомится с Солнцевым-драматургом. Ваша пьеса “Поверю и пойду” поставлена в нашем театре, она на московских афишах. Так что, расскажите, пожалуйста, историю Солнцева-драматурга.

– В 1965 году, когда в Чите принимали в члены Союза писателей двенадцать молодых поэтов и прозаиков, в том числе Александра Вампилова и меня, после торжества Саня вдруг начал читать пьесу. Мы знали рассказы Вампилова и недоумевали, зачем ему терять время на эти драматические упражнения. В театр мы не ходили и не понимали его, то было время поэзии, исповедальной прозы – всё было около стихов...

Но прошло немного времени, и мы почувствовали, что центр интереса к литературе, адрес читательского внимания сместился в сторону прозы. В те годы очень много поэтов ушло в прозу. И поскольку почти все мы были сельские ребята, попавшие в город, мы разбежались по деревням – поближе к людям, к жизни. У меня результатом этого стали семь прозаических книг, вышедших в Москве и Красноярске.

В 1972 году мы потеряли Вампилова. Если бы Саша был жив, мы бы не писали пьес – работать так истово, как он, никто из нас не умел. Размышляя о том, что сделано Вампиловым, я поразился его чутью...

...Всего за шесть лет написано двенадцать пьес. “Поверю и пойду” идёт в Московском театре имени Станиславского, “Ждём человека” – в театре имени Пушкина, “Возвращение” – в театре “Ромэн”. Репетируются две новые пьесы...» («Молодой сибиряк», 7 июня 1983).

Наступили перестроечные времена. Именно на них пришлось мои три попытки вступить в Союз писателей. Об этом я уже рассказывал в книге «Мой Вильям». Вначале меня с моим заявлением просто не допустили на общее собрание, ограничившись разговором (без моего присутствия) на бюро. Потом собрание всё-таки состоялось, но кандидатуру мою забаллотировали. Следующую попытку я предпринял в 1990 году, после выхода новой своей книжки. С перевесом в один голос прошёл, но... Но многоопытный Л.И. Иванов задал на собрании вопрос – как я отношусь в «письму 74-х»? (Под письмом стояли подписи и нескольких омских литераторов, см. «Литературная Россия», 2 марта 1990 г. В этом печально знаменитом письме, с которого, по сути дела, и начался непосредственный раскол российского Союза писателей, подписавшие его литераторы подробно жаловались в ЦК КПСС и Совет Министров СССР на засилье в литературной жизни представителей национальных меньшинств.) Я закусил удила и напомнил, что «Литературка» назвала данное письмо «нацистским документом». Вопрос и ответ были занесены в протокол собрания, который вместе с другими моими бумагами отправился в Москву, и, конечно же, там меня «отодвинули». К тому времени

как писательская организация России раскололась, в Москве скопилось три таких омских дела – кроме меня «отодвинутыми» оказались прозаик Раиса Абубакирова и поэт Евгения Кордзахия.

А вскоре из газет я узнал об образовании Союза российских писателей, о том, что Р.Х. Солнцев – член его Правления. От Омска на Учредительный съезд СРП (1991 год) ездил критик Эдмунд Шик. Он и Михаил Малиновский отказались подписывать «письмо 74-х» и в знак протеста против него вообще демонстративно вышли из состава Омской писательской организации.

В тот смутный и беспокойный период Роман помогал нам своими советами.

<Начало 90-х гг.>

«Милый Саша!

Нас в Красноярске – членов СРП – человек 7. Но мы входим в одну Красноярскую писательскую организацию, помещение не делим, уживаемся. Ибо из-за политической смуты и страха перед будущим все тянутся друг к другу – не в пример москвичам.

Другое дело – Литфонд. Этот каверзный и опасный вопрос нынче нужно всё же доразрешить. Чтобы у нас были свои права. Как и у СПРФ.

Мой друг, член СРП – Миша Успенский, работает в газете “Свой голос”. Его дом. телефон ...

Другой член СРП – Эдуард Ив. Русаков, тел. ...

Мой телефон домашний – ...

Позванивай!

Думаю – к лету соберём коорд. Совет и переизберём Правление.

Обнимаю!

Роман».

В 1992 году весь омский «интернационал» – Р. Абубакирову, Евг. Кордзахия и меня – приняли в СРП. И мы вместе с Э. Шиком и М. Малиновским начали организовывать местную «ячейку» нового, построенного на демократических началах писательского сообщества. Зарегистрировали наше отделение в июле 1993-го. В «актив» новой областной литературной организации вошли люди, имеющие за плечами книги, публикации в журналах, альманахах и коллективных сборниках, – Александр Лизунов,

Георгий Бородинский, Александр Дегтярёв, Алексей Декельбаум, Игорь Егоров, Николай Кузнецов, Елена Миронова (Злотина), Сергей Поварцов, Владимир Чешегоров, Сергей Денисенко, Роберт Удалов, Сергей Лексутов, Елена Мурашова и другие. С тех пор в Омске существуют две параллельно работающие писательские организации.

(Кстати, красноярского «единения» тоже сейчас уже нет, существовало оно до начала нового века – насколько мне известно, – до того момента, когда целая группа тамошних писателей перешла из СПР в СРП.)

Итак, мы зарегистрировались и начали работать, начали думать о своём печатном органе. И тут, как на заказ, на литературном горизонте появился новый журнал, который за весьма короткий срок стал для всех нас родным – конечно же, в первую очередь благодаря Роману Харисовичу.

Литературный журнал для семейного чтения «День и Ночь» начал выходить в 1994 году в Красноярске. И состав редколлегии, члены которой жили не только в Красноярске и других сибирских городах, но и в обеих столицах, Пскове, Старом Осколе, Казани, Владимире, Латвии, и – главное – география проживания авторов, охватывающая не только всю Россию, но порой и ближнее и дальнее зарубежье, – всё это говорило о том, что «ДиН» – явление далеко не местное. Подкупал и курс на неполитизированность, выраженный в девизе-эпиграфе нового журнала:

*Болящий дух врачует песнопенье.
Гармонии таинственная власть
Тяжёлое искупит заблужденье
И усмирит бунтующую страсть.*

Е.А. Баратынский.

С самого начала коллеги избрали меня секретарём Омского отделения СРП (по-нынешнему – председателем). И, естественно, я воспринял журнал «ДиН», главным редактором которого был старый товарищ и единомышленник, как вполне реальную «площадку» для публикации наших произведений – как товарищей по СРП,

так и, возможно, своих собственных. Ведь первый выпуск «Складчины» мы тогда ещё только начинали собирать, ещё не заглохнувший на тот момент омский альманах «Иртыш» был органом традиционной писательской организации, членов которой мы между собой в шутку называли «братья по разуму». «Сибирские огни» возродились позже. Прямая дорога была нам именно в «ДиН». Поэтому наша переписка с Романом Харисовичем в основном и посвящена делам журнальным.

Сохранились копии нескольких моих писем, которые были посланы Солнцеву ещё до того, как он пригласил меня в редколлегию. Ещё и не подозревая, что удостоюсь когда-нибудь такой чести, я, судя по этим письмам, посылал для журнала стихи Михаила Симонова и Евгения Серебренникова, рассказы Алисы Поникаровской, только что вышедшую книгу убитого киллером депутата Законодательного собрания Омской области, поэта Олега Чертова...

«Сборничек», о котором идёт речь в приводящемся ниже моём письме в Красноярске, вышел после семинара молодых авторов, проведённого нами в самом конце 1995 года, – «На первом дыхании. Стихи и проза молодых авторов», Омск, 1996. Это и вправду «сборничек» – тоненький, с невзрачным оформлением. Но для многих он стал стартовой площадкой в литературу, это прозаики Виктор Богданов, Алиса Поникаровская, Александр Сафронов, поэты Вероника Шелленберг, Михаил Симонов, Марина Кузнецова, детский поэт Нина Саранча...

Упомянутая в письме открытка от Вильяма Озолина из Барнаула оказалась последней – жить нашему общему с Романом другу оставалось меньше года. Я потом воспроизвёл эту новогоднюю открытку в своей книге «Мой Вильям».

А прекрасная изданная, красочная коллективная книга «Пегас ворвался в класс. Стихи, рассказы, сочинения, сказки, афоризмы и рисунки школьников Красноярского края», составленную Р.Х. Солнцевым (Красноярск, 1996), я и сейчас нет-нет да и открываю – полюбоваться. Мои попытки «вдохновить» кого-нибудь в Омске на издание чего-либо аналогичного успехом не увенчались.

«Роман!

Вот выпустили прилагаемый сборничек. В связи с этим у меня к тебе вопрос, который я тебе уже задавал: нельзя ли подумать о подборке в «ДиН» «Молодые поэты Омска»? Полистай сборничек, полистай обе «Складчины» – там есть неплохие ребята.

«Складчину-3» составлять закончили. На этот раз ещё больше получилось – что-то под 40 листов. Твоя «Маша Х.» там. Издавать, правда, не на что пока, т.к. на этот раз «Инкомбанк» (наш основной спонсор), видимо, не поддержит – ему подавай более шумные проекты. Но мы не унываем – у кого-нибудь да выклячим...

Слышал я, что съезд будет. Не знаешь – не определились со сроком?

От Вильяма получил хреновую весьма открытку – он серьёзно болеет, что-то с лёгкими.

За «Пегаса», который ворвался в класс, спасибо! Он, конечно, впечатляет. Попытаюсь показать его нашему начальству; если вдохновится, – буду у тебя выспрашивать подробности процесса составления и издания – организационные и финансовые.

У меня, вроде бы, (тьфу х 3!) всё на мази с книжкой, которая будет называться «Вокруг Достоевского и другие очерки». К весне должна появиться.

Пока всё. Жду твоего решения относительно подборки.

Обнимаю!

А.Л.

Омск, 20 января 97 г.»

Ответ на это письмо я получил в феврале того же 1997 года, он был написан на бланке журнала «День и Ночь»:

«Дорогой Александр!

В первом же номере за этот год идёт подборка молодых поэтов Омска (ты же мне уже присылал этот сборничек – я взял оттуда).

Рад, что у тебя будет издана книга о Достоевском. Если что-то интересное предложишь в журнал (Сибирь + Достоевский), мы тут же рассмотрим.

Жму руку! Твой Роман».

Подборка молодых омских поэтов в «ДиН» № 1-2 за 1997 г. была нашим первым коллективным «десантом» на страницы журнала,

она напечатана под заголовком «Письма из Омска»: Л. Телятникова, Н. Саранча, Катя Сычёва, В. Шелленберг, А. Колокольникова, А. Мысливцева, Лена Завьялова, М. Симонов и Д. Круглова. Потом такие «многофамильные» омские публикации появятся в «Дне и Ночи» ещё не раз.

Что же касается приглашения напечататься в журнале самому, то впервые это осуществится только через четыре года

<2-я половина 1997 г.>

«Милый Саша!

Рассказы вашей писательницы получил – но почему нет обратного адреса???

Во-вторых, М. Симонову передай этот листок – пусть ответит – и тоже с адресом!

И в-третьих – скажи Шелленберг и жене Серебренникова – надо на стихах, на каждой странице писать, чьи стихи. Мы с Астафьевым и Русаковым не можем держать в голове, где что лежало, – и начинаем уже путаться. Пусть, если хотят, повторят свои подборки. Надоела небрежность. Сил нет и времени тоже.

Обнимаю!

Твой Р.

Е. Серебренников идёт в № 1-2».

«Дорогой Александр!

Рассказ посылаю. Позвони или напиши. Привет коллегам по СРП.

Дела мы наладим (в СРП). Время тёмное.

Поникаровскую держим – нет денег. Журнал завис. Если у неё что-то есть новое, пусть подсылает.

С Новым (старым) годом!

Твой Роман С.

5.1.98.»

«Здравствуй, Роман!

Вчера получил «ДиН» № 5-6 за прошлый год. Один экз. А обычно присылали 2-3. Пожалуйста, распорядись, чтоб выслали ещё – ведь в этом № Вильям!

Рассказ твой (“Деревянная шляпа”) всем понравился. Пойдёт он в “Складчине-4”, которая в основном уже сформирована. Пожалуйста, не печатай этот рассказ нигде до выхода нашего ежегодника, а произойдёт это в конце 98-го или в самом начале 99-го года.

Приятно было увидеть в анонсе «ДиН» два омских имени (Симонов, Серебренников). Спасибо! Поникаровская высылает, как ты и писал, дополнительно несколько рассказов и новую повесть. Очень прошу отнестись к ней внимательно. В “Складчине-3” идёт её роман, а в “кассете” молодых нынче к лету выходит первая книжечка. Будем принимать в Союз.

Рад был увидеть в списке претендентов на большую Премию твоё имя. Желаю удачи!

Пожалуйста, – пошли телеграмму Михаилу. Тем более что когда-то (тоже примерно лет 30 назад) он жил в Норильске, работал там электриком и печатался в норильской городской газетке. А работал он на знаменитом Норильском комбинате и попал в аварию (взрыв детонатора в топке котельной), стал инвалидом по зрению. Телеграмму посылай на мой адрес.

Жму лапу!

Обнимаю – А.Л.

Омск, 31 янв. 98 г.»

«Ведь в этом № Вильям!» В этом номере «ДиН» фамилия Вильяма Озолина в списке членов редколлегии обведена траурной чертой: он скончался в Барнауле 16 августа 1997 года, не дожив день до своего 66-летия, от рака лёгких. В номере помещена подборка «Памяти Вильяма Озолина»: некролог, воспоминания его друга Роальда Добровенского, стихи. Некролог «Прощай, светлая душа!», подписанный «Редакция “ДиН”», наверняка писал сам Солнцев:

«Умер талантливый человек... И не просто талантливый – фантастически талантливый! Прекрасный поэт, дивный рассказчик, самобытный художник... Если не вся страна, то уж наверняка Сибирь наша с Магаданом и Сахалином содрогнётся, узнав о смерти Вильяма Озолина...»

Рассказ Романа Солнцева «Деревянная шляпа» в «Складчине-4», конечно же, помещён. Но я был наивен: вышел наш сборник

не в конце 98-го и не в начале 99-го, а аж в 2004 году. И о том, как он выходил, можно целую повесть написать, одна только переписка с начальством и спонсорами займёт в этой повести страниц сто. Скажу только, что с одной стороны «Складчину-4» поддержал депутат Государственной думы «прокоммунист» О.Н. Смолин, а с другой – Фонд имени антикоммуниста №1 А.И. Солженицына. Ну чем не основа для остросюжетной литературной коллизии?

Упомянутый в моём письме Михаил – это М.П. Малиновский.

О «большой Премии» стоит сказать особо. Тогда мы получили письмо от председателя Красноярской краевой писательской организации С.К. Задереева с просьбой поддержать книгу Р. Солнцева «Волшебные годы», выдвинутую Красноярской организацией на Государственную премию за 1997 год. «Вдруг, да в кои годы, – писал С.К. Задереев, – будет отмечена работа провинциала, много сделавшего для поэзии, для литературной жизни Сибири». Сообщалось также, что «Волшебные годы» заметили «Литературная газета», газета «Труд», журнал «Итоги», что выдвижение поддержали Союз российских писателей, а В.П. Астафьев обратился в Комиссию по премиям с личным письмом.

«Волшебные годы» были мне присланы, друзьям по писательской организации я их, конечно, показывал. Книга представляла из себя избранное за многие годы работы в поэзии. Она была хорошо исполнена полиграфически, остроумно (с использованием старых фото) оформлена.

Конечно же, мы послали письмо в поддержку выдвижения, но...

Весной 1998 года Роман пригласил меня стать членом редколлегии «Дня и Ночи». Разумеется, я счёл это предложение большой честью для себя. И после того, как моя скромная фамилия появилась в списке членов редколлегии рядом с такими именами, как Виктор Астафьев, Борис Стругацкий, Василий Аксёнов, Валентин Курбатов, Евгений Попов, Светлана Василенко, сотрудничество омских авторов с лучшим литературным журналом российской провинции стало ещё более активным. Я стал регулярней посылать в Красноярск письма. Печатал их на машинке,

оставляя копию в специальной папке, на обложке которой выведено фломастером: «ДиН». Из неё я и вынимаю сейчас письма – Романа и копии своих – для этого документального повествования.

Как я уже рассказывал в предыдущем очерке, посвящённом Анатолию Кобенкову, осенью 1998 года меня пригласили в Красноярск на Астафьевские чтения.

Во время Чтений я впервые увидел изящные книжечки серии «Поэты свинцового века», выходящей при «ДиН». Редколлегия: В.П. Астафьев, С.Д. Кузнечихин, М.О. Саввиных и Р.Х. Солнцев. И короткое вступление к каждой из книжек:

«В отличие от золотого века и серебряного века русской поэзии наш трагический XX, наверное, можно назвать проще – веком свинцовым.

И если двух-трёх гениев нашего столетия, расстрелянных и умерщвлённых по лагерям, народ знает, то десятки блистательных, талантливейших мало кому известны. Их задавили нищета и водка, их сломил страх, они ушли в тень, и минуты не побывав на свету...

В силу своих возможностей мы хотели бы вернуть их – пусть не всех, не многих – современному читателю».

Во время наших встреч на Чтениях Роман Харисович сообщил, что в новой серии будет издана и книжка Вильяма Озолина. Я же в свою очередь рассказал ему об Аркадии Кутилове, покойном омском поэте-бомже, как о вполне возможном авторе этой серии, пообещал прислать его стихи.

Вернувшись в Омск, тотчас же встретился с другом и собирателем литературного наследия А. Кутилова – Геннадием Великосельским. Тот сразу же загорелся и вознамерился с ближайшей же оказией передать в Красноярск только что вышедшую большую книгу А. Кутилова «Скелет звезды» (Омск, 1998).

«Роман!

Скоро мы с Великосельским вышлем тебе “Скелет звезды”, и ты убедишься, что наш Кутилов прямо-таки в аккурат подходит в вашу серию “Поэты свинцового века”. Если ты с нами согласишься, то скажешь, как нам поступить дальше: подготовить текст и

предисловие самим или доверить всё это вашей редколлегии. Мы согласны на любой вариант – как вам будет удобней.

Вышла ли книга Вильяма? Напоминаю тебе, что мне была обещана присылка такого количества экземпляров, с которым мы бы смогли тут организовать нечто вроде презентации.

Как здоровье “ДиН”?

Жму лапу – А.

Омск, 17 ноября 98 г.»

<24 декабря 1998 г.>

«Дорогой Саша!

Планирую на весну выход книжки Кутилова. Использую выдержки из предисловия Г. Великосельского (сохранив его подпись). Отобрал 45 стихотворений. Посмотрим объём – м.б., ещё добавим.

Спасибо!!!

Знал ли его Озолин? Напиши.

Твой Роман.

С Новым годом! Озолина выслал много – получишь на днях».

Из Красноярска пришла посылка с 80-ю книжечками В. Озолина. Сорок мы передали в городские библиотеки, остальное раздали людям, помнящим поэта. 18 февраля 1999 г. в Центральной городской библиотеке был проведён вечер, посвящённый выходу этой книжечки.

<Конец февраля 1999 г.>

«Дорогой Роман!

Вечер Вильяма прошёл весьма неплохо. Вёл его Поварцов, выступали – и с воспоминаниями, и молодёжь, впервые прочитавшая его стихи. Была довольно большая выставка. Звучали песни и стихи в авторском исполнении (сохранились на Ом. радио). Была видеоплёнка, сделанная примерно за полгода до смерти в Барнауле, куда ездила его дочь Ира (которая от Людмилы). Специально к вечеру прислала письмо вдова Мартынова. Два или три канала телевидения приезжали. Народу был полный зал. И вообще – атмосфера была хорошая.

Теперь о “ДиН”.

1) Кое-кто из тех наших авторов, рукописи которых я тебе послал для журнала, начинают меня спрашивать об их судьбе. Это

Р. Удалов (детские рассказы), Декельбаум (юмор), Витя Богданов (рассказы), Поникаровская (повесть и рассказы), рассказ Маринкина. Что-то сам, помимо меня, посылал С. Лексутов (тоже проза). Стихов я, кажется, пока не посылал. Если есть про кого-то какая-то определённая (в ту или в другую сторону), – напиши, пожалуйста. Особенно это касается Роберта Удалова.

2) Уж извини, но корректорская культура «ДиН» оставляет желать лучшего. Когда это касалось чтения журнала вообще, – как-то проходило мимо, т.к. сейчас это повальная грех всего нашего книгоиздания. Но вот прочитали Кудрявскую... Там десятка два опечаток, и среди них: “силы” вместо “сны” и особенно – “огромный” вместо “скромный” (это про денежный вклад!). А ведь журнал-то наш читают по всем городам и весям... И даже за российскими пределами... А? Я не маленький и понимаю, во что в конце концов упирается хорошая профессиональная корректура, – в хорошую оплату за эту работу. Но тем не менее...

За присланные книги (Шкапская и особенно “Тайное общество”) большое спасибо!

Жму лапу!

Твой А.Л.»

<Март 1999 г.>

«Уважаемые члены редколлегии!

Мы получаем горестные письма от авторов – почему, дескать, в публикациях встречаются опечатки? Отвечаю: журнал издаётся на общественных началах, платить корректорам нет денег, последние номера я вычитывал сам, мне помогали жена, друзья... Ваши же областные администрации так и не поддержали журнал, несмотря на призыв Астафьевских чтений в сентябре 98 года. Поэтому просьба: присылайте подборки ваших авторов на дискете! Или: присылайте тексты на машинке ЧЁТКИЕ, 1-й экземпляр – перенабирать некому, мы сканируем, а сканер плохой, шрифт не видит...

И второе. На последней странице ВСЕХ нынешних журналов написано: рукописи не возвращаются и не рецензируются. Привыкните, что это, к сожалению, правда.

Итак, журнал авторский, держится на честном слове. Посему Вы, авторы и – тем более – члены редколлегии, должны помогать мне. Если, конечно, хотите. Ничто у нас не теряется, но идёт в

печатать то, что ярче соседних рукописей... или – было отложено в связи с тем, что слишком много авторов уже было из вашей области или города...

Не обижайтесь, я просто не успеваю. С уважением – гл. ред. Роман СОЛНЦЕВ».

«Дорогой Александр!

Посылаю тебе дискету с текстом “Деревянной шляпы” и новой своей пьесы “Дедушки и бабушки” – если будет бумага, отпечатай мелким шрифтом и передай в ваш драм. театр – я давно им обещал что-нибудь прислать... Но пишу тебе, стоя на одной ноге, – улетаю к родным, не отдыхал год ни минуты...

Серия “ПСВ” пока зависла. Во 2-м номере “ДиН” я напечатал огромную подборку Кутилова. Или она в 3-м идёт? Я уже от усталости путаюсь. Директор завода, наш спонсор, разбился весной... или его убили... И пока планы наши зыбкие.

Но как-нибудь.

Передай Серебренникову эту пару снимков, которые я сделал в Питере на конгрессе поэтов.

Обнимаю. Твой Роман Солнцев. 12 августа 1999, Красноярск».

«Дорогой Роман!

В этот предпоследний день месяца, года, века и тысячелетия позволь пожелать тебе – человеку, которого я с гордостью считаю своим старым другом, – здоровья и много новых счастливых страниц. Давай, старик, попытаемся отхватить от века 21-го кусочек потолще и поудобоваримей. Пожить, как это ни странно, ещё хочется...

.....

Недавно я был в столице на фестивале “Культурные герои XXI века”, наконец-то познакомился с Василенко, и знакомство это произвело на меня само благоприятное впечатление.

Всего доброго! Обнимаю. Твой А.Л.

Омск, 30 дек. 99 г.»

«Дорогой Саша!

С Новым, 2000-м годом, тебя и твоих близких, а также с Рождеством!

Писать подробно и времени нет, и душа не на месте – всё кажется, что вот-вот что-то наладится с журналом и серией “ПСВ”, но увы!.. Наш генерал в разъездах, а его помощники – пииты, члены СПРФ... я думаю, тебе всё понятно.

Идти к ним на поклон в свои 60 лет я не могу и не хочу, а они, видимо, и ждут, что сломаюсь. А В.П. Астафьев практически отстранился от наших забот – устал, 75 лет и пр.

Чего жду? На что надеюсь? Пару номеров как-нибудь выпущу, собирая по крохам деньги... а дальше? И я ведь устал. И ни одна писательская организация Сибири не помогла деньгами, только напоминают и торопят: а почему наших нет?.. Причём умудряются вырвать у своих губернаторов на СВОИ издания, как будто здесь ТОЖЕ САМО СОБОЙ должно длиться наше маленькое счастье. Прашкевич говорил, будто бы в Новосибирске кто-то (КТО?) объявил, что Сибирское соглашение решило помогать “Сиб. огням” и – будто бы! – “ДиН”. Но никто не пишет и не помогает! Ты там рядом с Полежаевым, а он – как бы начальник в СибСоглашении – так что они решили???

Единственная подвижка по серии – Астафьев в ночь на Новый год побожился, что хоть Кутилова да мы издадим. У кого он денег возьмёт? Пока молчит.

Что касается твоих авторов, то все они интересны. Кстати, ваша П-ская – тоже, но и мне такая проза не близка. Будем издавать – будем печатать. Но не романы. Вещи покороче.

Обнимаю! Привет коллегам! Твой Роман Солнцев.

7 января 2000 г.

Красноярск.

Поздравляю и с премией! У вас, я вижу, власть потеплее».

Несколько пояснений.

Генерал – это, кто не помнит, – тогдашний губернатор Красноярского края генерал А.И. Лебедь. С предыдущим губернатором Роман Харисович был в хороших отношениях, даже входил в его «команду», с А.И. Лебедем было посложнее.

Утверждение Р.Х. Солнцева насчёт того, что я нахожусь «рядом» с омским губернатором Л.К. Полежаевым, комментировать лучше не буду.

«Ваша П-ская» – это Алиса Поникаровская, о прозе которой я писал Роману (цитирую своё письмо от 30 декабря 1999 года): «Мне то, что она делает, нравится, хотя я воспитан совсем на других текстах и от других до сих пор получаю как читатель большой кайф. Но... Но прав был нехороший председатель Мао, который сказал хорошие слова про то, что пусть цветут все цветы. Не знаю, что уж он там имел в виду, я же думаю, что линия линией, но и разнообразие стилевое “ДиН” тоже не помешает, а наоборот».

Что же касается денег, о которых в нашей переписке говорится чуть ли не больше, чем о самой литературе, то...

То напомним читателю стихотворение Р. Солнцева «В гостях у спонсоров (с В.П. Астафьевым)»:

Пресмыкаемся. Гоп со смычком.

Так полено пилят смычком.

*К чёрту б этот позор, да с криком –
в ледяной Енисей ничком.*

*Но сидишь ты в галстуке пёстром,
улыбаясь, как бритый ёж.*

*И внимательным взглядом острым
ум, конечно, не выдаёшь.*

*Этим нравится, если в натуре,
пьяной глупостью вдруг удивил...*

Помогите же литературе!

Так бы галстуком и удавил...

«15 янв. 2000 г.

Дорогой Роман!

Письмо твоё получил. Судя по нему, живёшь ты весьма и весьма трудно. И легче, я уверен, не будет. Никто тебе в деле продолжения выхода “ДиН” не поможет – имею в виду другие писательские организации. Чем, например, можем помочь мы? Вот только что опубликовали бюджет области на 2000 год. Из него убрана строка о помощи творческим организациям. В переводе на русский язык это означает, что те несколько губернаторских стипендий, которые мы получали до сих пор (на одну содержали бухгалтера) накрылись теперь женским половым органом. Счета наши

находятся уже два года на картотеке у Пенсионного фонда (т.е. арестованы), перед которым мы задолжали, и долг этот за счёт пени растёт. Если какой спонсоришка и даст что-то, то получать приходится либо окольным путём, либо эта подачка автоматически сжирается ПФ. Из каких таких капиталов мы бы могли помочь “ДиН”? Что же касается нашего Полежаева, то он давно уже в “Сиб. соглашения” не начальник.

Нынче осенью в Новосибирске проходил какой-то съезд сибирских писателей, ездили наши, как я их называю, “братья по разуму” из “параллельной” организации – СП РФ. Насколько я понимаю в медицине, цель главная этого так называемого съезда и была – попытаться подоить “Сиб. соглашение”. Нас к этой предполагаемой кормушке никто не приглашал. Я слышал, что в Новосибирске были разговоры о помощи “Сиб. огням”, но вот о помощи “ДиН” я что-то не слышал, вряд ли...

Все мы сильно надеемся и уповаем на выход красноярского Кутилова. Неужели и тут ему не повезёт?

Посылаю корректуру “Деревянной шляпы” – вычитай и возврати без промедления. “Складчина-4” потихоньку идёт, хотя конец её пути опять-таки в тумане и опять-таки – по денежным причинам. Но надеемся...

Что же касается премии, с которой ты меня поздравил, то никакая это не премия, а просто красивая бумажка, и дала её не местная власть, а Москва – по представлению Василенко.

Я рад, что наши омские авторы не появляются пока в “ДиН” не по причинам творческого характера, а по иным. Очень надеюсь, что положение изменится в лучшую сторону. Печататься негде. И в этом смысле гибель твоего журнала была бы для многих и многих людей крушением надежд.

Обнимаю! Держись!

Повидаться бы... Астафьев нынче не будет опять народ в своей Овсянке собирать?

Пиши. Шли корректуру.

Твой А.Л.»

Осенью 2000 года мы опять съехались в Красноярске на Астафьевские чтения.

Роман Харисович воспользовался тем, что на Чтения приехали Светлана Василенко и Евгений Попов (Москва), Сергей Донбай³ (Кемерово), Геннадий Прашкевич (Новосибирск), Валентин Курбатов (Псков), Анатолий Пчёлкин (Магадан), Анатолий Кобенков (Иркутск) и я, собрал заседание редколлегии. В редакцию, расположенную в одной из квартир жилого дома на улице, носящей имя когда-то сосланного в Красноярск видного революционера-анархиста Ладо Кецховели, пришли также члены редколлегии – красноярцы Сергей Кузнецихин и Марина Саввиных. Молниеносно организовали застолье и замечательно посидели. О делах нудел один я: пытался что-то сказать о необходимости дальнейшего повышения качества корректуры. Помню, Роман Харисович посмотрел на меня, вздохнул, но ничего не сказал.

<2001 г.>

«Дорогой Роман!

Пока собирался написать тебе, с тем чтобы изложить свои впечатления от “большого” номера, прислали 3-4.

О “большом”. Впечатление, конечно, грандиозное. Для нас же весьма приятно, что Омск в нём так широко представлен, – честно говоря, не ожидал. Спасибо! Об этом деле напишут в газете “Новое обозрение”, пришлю вырезку.

Правда, есть и ложка дёгтя: к рассказу Кудрявской дана чужая фотография. Галке вообще не везёт: в первый раз, когда давали её стихи, обозвали Таней, во второй раз в рассказе было много опечаток, и вот с фото... Но сама она воспринимает это дело с юмором, говорит, что раз дамочка на фото лет на... её моложе, то и ладно».

Вырезка из еженедельника «Новое обозрение» (№26 за 2001 г.), которую я обещал послать Роману, сохранилась и у меня: Людмила Першина. «Омский десант на страницах “ДиН”», процитирую текст целиком:

«На рубеже веков – так обозначен временной, пространственный и философский охват недавно вышедшего в свет первого сдвоенного номера литературного журнала “День и Ночь”, который издаётся в Красноярске. Напомним читателям, что главным

редактором его является известный писатель Роман Солнцев. А в редколлегию входят такие авторитетные представители литературного мира России как Виктор Астафьев, Валентин Курбатов, Николай Панченко, Борис Стругацкий, Илья Фояков. Омск представлен в редакционной коллегии Александром Лейфером.

Так вот, первый выпуск журнала в новом тысячелетии действительно привлекает своей неординарностью – от невиданного для нашей периодики объёма (752 страницы) до обширной географии имён авторов, и малоизвестных, и маститых – от Петербурга до Магадана, от Таймыра до Хакасии. Тем более приятно, что в этом многообразии не затерялись и наши земляки омичи.

А их в этом “рубежном” издании немало – шестнадцать представителей и поэтического жанра, и прозы. Хочется обратить внимание потенциальных читателей, что примечательная рубрика “Знаменитые строки Сибири”, проходящая сквозь весь журнальный номер, открывается стихотворной эпиграммой Леонида Мартынова:

*Не упрекай сибиряка,
что у него в кармане нож.
Ведь он на русского похож,
как барс похож на барсука!*

Судя по строкам других поэтов, сибирякам присущи кроме отваги, широты натуры, мужества, дерзости и такие черты характера, как незлобивость, добродушие и готовность улыбнуться над собой и другими. Кстати, эта рубрика завершается также омичом, чьё творчество широко представлено в журнале, – Аркадием Кутиловым:

*Я не видел тебя во сне,
но другие меня видали –
будто профиль мой – на Луне,
будто выбитый из медали...*

Кроме ставших уже классиками современной литературы Л. Мартынова, Г. Маслова, А. Кутилова, В. Озолина в этот номер

“Дня и Ночи” удостоились попасть омичи Сергей Лексутов, Лариса Телятникова, Нина Саранча, Анна Мысливцева, Вероника Шелленберг, Катя Сычёва, Евгений Серебренников, Галина Кудрявская, Дмитрий Румянцев, Николай Березовский, Юлия Пророкова.

Внимательный глаз сразу же отметит, что омский литературный десант на страницах “ДиН” не посрамил художественный уровень Омска, достойно представив самые разные жанры и сделал очень многообещающую заявку на будущее. А иначе и нельзя расценивать дебют в журнале юной талантливой Юли Пророковой. Пятнадцатилетней омичке отдали целую страницу! Это при том, что, как заметила в своём предисловии редакция, приходилось отбирать тексты, дорожка каждой страницей.

Поздравим же наших земляков со столь заметным в их творческой биографии событием и пожелаем, чтобы и в нашем городе с таким же вниманием и пониманием отнеслись к необходимости печатать периодические издания литературных сил Омска».

«Дорогой Александр!

Прошу Галю Кудрявскую извинить моего Пашку Р. – ну, рассеянный парень. Хорошо ещё, что не мужскую фотку поставил. Поскольку мы перед Галей виноваты очень, пусть пришлёт пару новых рассказов, сразу дадим. Ей-богу.

Гонорар, к сожалению, небольшой, Алле Поникаровской вышлем как только получим очередную спонсорскую помощь. И номер пошлём на днях же в Москву.

В осенний номер поставим твою документальную работу – подсократив, как ты сам просил... там есть вещи, повторяющие то, о чём писал Ваш же Флаум и Гена Николаев в очерке о Марке Сергееве...

Регистрационное свидетельство мы получили – наконец-то! Ну, тут под боком у генерала такая шайка бездельников сидит – вот, полгода ухлопали, даже больше! Тебе спасибо, ты начинал... а потом мы сотни рублей истратили на телефонные переговоры...

Свидетельство ПИ № 77-7176 от 22 мая 2001 г.

Насчёт взаимоотношений с отделением СПРФ... У нас пятеро членов СПРФ (Астраханцев, Корабельников, Немтушкин, А. Третьяков и С. Кузнечихин) ПЕРЕШЛИ к нам, в СРП. Мы же работаем.

А те больше треплются... А молодёжь – эгоистична, это понятно, кто им больше обещает, туда и идёт... Даже такие модернисты, как ваш Трофимов... способный парень, но как его терпят там, в СПРФ?

Пиши, звони. Жду фотку Гали и рассказы. Обнимаю.
Твой Роман Солнцев. 9 июля 2001».

«Роман!

Поздравляю со Свидетельством! Это называется: сколько ни болела, но всё же померла...

Но...

Но теперь надо, не откладывая ни на один день, добиваться включения во всероссийский каталог. Там тоже сидят бюрократы ещё те. И денег тоже, кстати о птичках, понадобится, видимо, немало. Это надо обращаться в ваше краевое управление федеральной почтовой связи.

Как только журнал попадёт в каталог, я начну тут пропаганду и агитацию за его подписку.

Может, приедешь? Тогда бы сделали под твой приезд вечер в Пушк. биб-ке о журнале, ещё что-нибудь бы придумали.

Но нужно попасть в каталог – не упустить сроки, т.к. там всё делается загодя.

Пока!

Про рассказы Ореховского Петра из Обнинска я спрашивал тебя в предыдущем письме – в том, где послал вырезку из “Нов. обозрения” со статейкой о гигантском “ДиН”.

14 июля 01».

Документ, о котором идёт речь в наших письмах, это Свидетельство о регистрации средства массовой информации, оно даёт право на всероссийскую подписку. До этого «ДиН» был зарегистрирован только на местном уровне и права такого не имел. Журнал посылал выправлять этот документ меня – как живущего поближе к Москве, и я ходил по этому поводу в Министерство РФ по делам печати, где отнесли ко мне на удивление радушно и сделали всё в один день. Правда, коллегам пришлось потом досылать кое-какие документы уже из Красноярска, много раз звонить и пр.

Осенью 2001 года впервые напечатался в журнале и я: эссе «Личный фонд», как и обещал главный редактор, было помещено в № 7-8.

«Дорогой Роман!

Ещё ни разу не обращался я к тебе с такой серьёзной и с такой большой просьбой. Слово “большой” следует понимать и в прямом, и в переносном смысле, т.к. речь идёт о полновесном романе.

Роман этот недавно закончил мой близкий друг – Гена Гаврилов. А работал он над ним не знаю уж сколько лет – практически все те годы, что мы с ним знакомы. А знакомы мы с ним столько, сколько, как сейчас модно говорить, не живут.

Я знаю, что романы интересуют наш журнал не в первую очередь. Но ведь иногда и они в нём появляются.

Сейчас роман пока в машинописи (не буду пока пугать тебя количеством страниц, т.к. при переводе в компьютерный вариант идёт некоторое сокращение). Если же роман в принципе будет журналом принят, то вы с Русаковым – люди опытные и, взглянув на текст свежим взглядом, в свою очередь тоже найдёте места, поддающиеся сокращению. Так в результате и может получиться журнальный вариант.

Хвалить роман в письме этом не стану, т.к. попытался сказать о нём добрые слова в небольшом вступлении к некоторым книжечкам.

Всего доброго!

Твой А.Л.

11 сентября 2001 г.

Посылаю также (впервые) стихи Серёжи Денисенко, он тоже из нашей писательской организации».

Роман незабвенного Геннадия Гаврилова (1936-2006 гг.) «Маленький человек в проёме большой двери» «ДиН» напечатан, но не полностью. Полностью он пока так и не опубликован. При жизни автор выпускал небольшими книжечками его отдельные главы. После смерти его вдова Нина Борисовна Гаврилова выпустила прекрасную книгу, куда включены рассказы и часть романа; книга, кстати, так и называется – «Главы из романа» (Омск, 2007).

<Конец 2001 г.>

«Дорогой Роман!

Посылаю ещё две подборки. Их авторы – муж и жена, поэтому и адрес одинаковый. Фото – в дискете.

Год кончается, а с 1-го января, говорят, станет дороже книгоиздание. Судя по всему, так и не удастся нам выпустить “Складчину-4”, никак не могу раздобыть на неё деньги. “Параллельная” организация поставила крест на своём альманахе “Иртыш” уже несколько лет тому назад. И недавно они начали выпускать “Лит. Омск” – более дешёвое, тонкое издание. Видимо, придётся пойти по этому пути. Хотя и на это тоже надо где-то раздобывать тугрики... И вообще – уставать я, честно говоря, начал от этого “спорта”.

Только что пришёл журнал с Великосельским и моим эссе. Спасибо – ведь это моя первая публикация в “ДиН”...

...Несколько слов о прилагаемых подборках. Этих поэтов ты мог читать в выпусках нашей “Складчины”, книжки их вряд ли до тебя доходили. У Саши подборка получилась, на мой взгляд, излишне политизированная, первое стихотворение, во всяком случае, я бы снял. А Ирина – очень глубокий автор, как-то несколько лет назад мы устроили её творческий вечер – до сих пор помню его тональность. Для “ДиН” стихи и Лизунова, и Павельевой посылаются впервые».

«Только что пришёл журнал с Великосельским и моим эссе». Геннадий Великосельский напечатал тогда в «ДиН» ироническую повесть «Комета Кузькина», а я уже цитировавшееся в самом начале эссе «Личный фонд».

«Дорогой Александр!

С Новым годом!

У нас вот такая забота. Мы собрались посвятить № 2 “ДиН” памяти В.П. Астафьева. Нет, не намерены делать угрюмый, “мемориальный” номер. Здесь будут произведения лауреатов премии имени Астафьева, молодых писателей (за шесть лет их набралось три прозаика и три стихотворца). Кроме этого, все, кто был близок с Астафьевым, встречался с ним, пообещали в номер краткие живые воспоминания о нём... либо просто стихотворение, рассказ,

необязательно с посвящением, но с каким-то внутренним откликом на творчество Виктора Петровича, на его большую и страстную жизнь... А уж членам редколлегии, подумали мы, сам Бог велел принять участие в составлении этого номера.

Пришлите, уважаемый коллега, что сами сочтёте возможным.

Номер мы начнём складывать и верстать в самые первые числа марта. Выйти в свет он должен до дня рождения Астафьева – 25 апреля. Так что крайний срок для присылки текстов (и непременно Вашей фотографии) – 1 марта. Лучше раньше. Можно электронной почтой, можно прислать дискету. Или, за неимением электронной техники, – текст, отпечатанный на машинке.

С надеждой, что Вы откликнетесь...

Гл. редактор журнала “День и Ночь” Роман СОЛНЦЕВ.

11 января 2002».

«Привет, Роман!

Пришёл номер “ДиН”, посвящённый Красноярску. И хочу тебе сказать, что очень легла мне на душу твоя подборка. То ли потому, что сам я из того же “промежуточного поколения”, то ли потому, что и у меня теперь (вот уж больше года) чуть не лучший друг – овчарка немецкой национальности Эльза Ивановна, которую оставил на моё попечение сын, уйдя служить в армию. И я каждый день надеваю по утрам валенки и иду с ней гулять в ближайший парк.

Сын, кстати сказать, сейчас в месячном отпуске, половину срока прослужил. Всё задаёт мне вопросы на тему: почему, мол, ты такой бедный, если ты такой умный. Что тут скажешь? Разве что во втором утверждении он весьма ошибается...

Дела наши литературные находятся тоже в каком-то “промежуточном” положении. Всё чего-то ждём, на что-то надеемся, что-то пытаемся планировать.

Приехал один наш парень из Иркутска – с вампиловского театрального фестиваля, общался там неоднократно с Кобенковым. Говорит (с Толиных слов), что живут они там крайне напряжённо, в весьма натянутых отношениях с “параллельной” писат. организацией. Слава Богу, хоть этого здесь нет.

Ну, будь здоров!

Ещё раз – спасибо за подборку!
Твой А.Л.
20 янв. 02».

Думаю, не будет лишним привести здесь хотя бы два стихотворения из этой большой подборки («ДиН», № 9-10, 2001).

* * *

*Мы – промежуточное поколение.
Слова, которые мечтали мы сказать,
в дни наши школьные, весенние
придворная провела рать.
Нет, благодарен им до гроба с музыкой,
хоть кость держащему и льстили
смельчаки...
А мы остались с детской мукой,
взведя ладони, как курки.
Но в час, когда с полей доносит
холодом,
Но в час, когда падает огромная звезда
и чёрная листва мерцает золотом,
я говорю вам: не беда.
Отныне ложь не мучит душу, властвуя,
теперь-то ей на кухне место по стране!
– Ну, а про то, что жизнь не задалась
твоя?
– Так это интересно только мне...*

ОДИНОЧЕСТВО

*Глядя в тёмные зрачки собаки,
всё ж боюсь поверить до конца,
что она всё понимает... враки,
думаю я тускло у крыльца.
И, погладив лошадь возле речки,
заглянув в огромные глаза,
полагаю я, чтоб было легче:*

Два очерка

*ничего не смыслит, ни аза.
И синичке я подсыплю проса,
я с улыбкой даже подпою,
но я знаю: проживает просто
птичка жизнь недлинную свою...
Но порой задумаешься в страхе,
как во сне, среди тишины ночной:
вдруг они умны – собаки, птахи,
лошади над лунною рекой?
Да и все восторженные твари –
среди трав живые фонари,
и пустынь безбрежных государи,
и морей бунтующих цари...
И они все мучаются, глядя,
как мы мним, что одиноки мы,
лошадь холя и собаку глядя,
и кормя синичку среди зимы...*

ПИСЬМО В КРАСНОЯРСК

Красноярск,
Главному редактору журнала
«День и Ночь» Р. СОЛНЦЕВУ

Дорогой Роман!

Ты приглашаешь меня принять участие в номере “ДиН”, посвящённом памяти Виктора Петровича Астафьева. Честь для меня немалая. Однако сильно сомневаюсь, надо ли мне высказывать свои мысли на данную тему именно в этом, “мемориальном”, номере журнала...

Конечно, ты заметил, что в своём эссе “Личный фонд” (“ДиН” №7-8 за минувший год) я, с одной стороны, называю В.П. “моим любимым писателем”, а с другой – говорю, что его автокомментарии к пятнадцатитомнику “местами припахивают антисемитизмом”. Эссе писалось, когда В.П. был ещё жив, но не могу же я сейчас, попав под гипноз “мемориальности” или следуя старой истине, требующей говорить о мёртвых только хорошее, изменить своё сложное, “двойственное” отношение к Астафьеву. Тем более

Александр Лейфер

что в своё время его громкий конфликт с Натаном Эйдельманом был окрашен для меня неким личным оттенком, т.к. Натана я немного знал, был с ним на “ты”.

Но всё-таки на всякий случай попробую изложить свои мысли, ощущения и воспоминания, а ты уж сам решишь – уместны они или нет.

Начну издалека. Много лет назад – вскоре после разгона “старого” “Нового мира”, когда лучшая проза сосредоточилась в “Нашем современнике”, в этом журнале напечатал свой очерк мой близкий приятель – омский писатель Иван Яган. А Яган в своё время участвовал в знаменитом Кемеровском семинаре молодых писателей, где его руководителем был Виктор Петрович. И вот вдруг к огромной радости Ивана (да и всех нас) вскоре после публикации очерка в Омск пришло письмо от В.П. Астафьева. Помню, как часа, наверное, два мы по словечку, буквально по буквке расшифровывали это письмо – почерк астафьевский ужасен. Может быть, из-за того, что процесс этой расшифровки был таким долгим и мучительным, я почти дословно запомнил главную фразу письма: В.П. поздравлял своего бывшего семинариста с появлением на страницах “Нашего современника” и подчёркивал, что напечататься в “нашем журнале” весьма непросто, и это “приводит в ярость многих именитых писателей, не умеющих писать”. Повторяю, что письмо это было праздником и событием не только для самого Ягана, но и для всех нас – далёких от московских литбatalий и неизбалованных вниманием “маститых”.

Огромным потрясением для меня стала повесть “Пастух и пастушка”. Тут я долгу распространяться не буду, т.к. такое, наверняка, ощутили тогда многие. По-новому взглянул я после “Пастушки” и на самого В.П. Астафьева, и на всю военную прозу, а если по самому большому счёту – то и на саму войну, на её непрекращающееся влияние на всю нашу жизнь и на нас, пороха не нюхавших (родился я, напомню тебе, в 43-м году). После «Пастушки» я уже не пропускал ни одной астафьевской строчки.

А потом пошла-поехала “перестройка”, и появился “Печальный детектив”. А в тексте “Детектива” неприятно резануло словечко “еврейчат”, нарочито пренебрежительно брошенное автором в адрес сокурсников главного героя, относящихся к соответствующей

национальности. И опять же уверен: словечко это дёрнуло за душу, конечно же, не только меня одного. Думаю, что именно оно-то и толкнуло замечательного писателя и историка Натана Эйдельмана написать Виктору Петровичу письмо, с которого началась их печально знаменитая “переписка”.

Тут отступлю немного назад и расскажу тебе о Натане Яковлевиче, точнее – о моих мимолётных с ним отношениях. Познакомился я с ним в 70-м, кажется, году – он тогда ездил в Тобольск и на обратном пути в Москву остановился на несколько дней у нас в Омске. Поразил он меня тогда прежде всего своей открытостью, доступностью, полным отсутствием столичного снобистского прямо-таки вьевшегося в плоть и кровь многих москвичей налёта, которого они, общаясь с нами, провинциалами, сами, конечно, не замечают. Был он прямо-таки начинён юмором, всяческими хохмами, весельем, остроумием. Помню, садились в такси, и я сказал водителю “До Рабиновича” (так у нас называется улица и соответствующая транспортная остановка). Натан вдруг начал хохотать:

– Это надо же было Эйдельману проехать несколько тысяч вёрст, попасть в Сибирь, чтобы его повезли не куда-нибудь, а на улицу Рабиновича!..

Причём все хохмы как-то очень естественно и гармонично сочетались у него с самыми серьёзными разговорами. Узнав, например, что я занимаюсь сибирским периодом Достоевского, он тут же начал рассказывать мне о тех сибирских, московских и ленинградских архивах, где, по его мнению, мне следовало бы побывать, называл конкретные фонды в этих архивах, фамилии хранителей вспоминал, чуть ли не телефоны диктовал... Потом мы встречались и в Москве, немного переписывались, посылали друг другу свои книжки и публикации – вплоть до самой его ранней смерти...

Вот поэтому-то, когда и в наших сибирских палестинах заходили слухи о какой-то переписке Астафьева и Эйдельмана, я навёл справки и, заранее испытывая неприятное чувство, потащил себя в библиотеку – читать злополучную “Даугаву” (№6 за 1990 г.), где эта так называемая переписка зачем-то была напечатана.

Надо ли это комментировать?.. И вообще – надо ли сейчас, когда оба этих замечательных человека ушли в мир иной, судить их, разбирать, кто прав, а кто виноват?.. Некоторые в своё время погрели руки на этой “переписке”, нашли в ней лишний повод для сведения идеологических счётов, для передёргиваний... Господь, как говорится, им судья. По большому счёту, всё это забудется, а книги того и другого будут переиздаваться и переиздаваться.

Но тогда, после похода в библиотеку, на душе у меня, прямо скажу, было погано.

Роман, мы с тобой знаем друг друга просто уж какое-то “неприличное” количество лет – столько, как говорится в расхожей шутке, не живут. А вот на эту традиционно российскую, национальную тему никогда не говорили. Ты, скорее всего, просто не знаешь, что еврейской крови во мне 50 процентов – по отцу. Воспитывала меня до 13 лет русская бабушка – бывшая вятская крестьянка Глафира Алексеевна. Есть две семейные легенды. Согласно первой Глафира Алексеевна, когда я родился, хотела окрестить меня, но мать запретила это делать строго-настрога – боялась, что уволят с работы (работала она преподавателем в педучилище). Согласно же легенде номер два бабушка всё-таки меня окрестила, но факт этот скрыла. Сколько себя помню, ощущал я себя всегда русским, бывали времена, когда о своей причастности к “нетитульной”, так сказать, национальности буквально годами не вспоминал. У нас в Сибири, как ты сам знаешь, вообще антисемитизм не в чести. Учился же я, как и ты, в Казанском университете. Поступил в тот год, когда ты его закончил. А Казань (не знаю, как сейчас) в наши времена была городом вполне интернациональным. И никогда никаких неприятностей у меня на национальной почве не было, врать не стану.

Кто ж знал, что придёт “перестройка” с её дурно понимаемой “свободой”, включающей в себя и свободу оскорблять людей по национальному признаку...

Заканчивая эту шепетильную часть своего письма, выскажу тебе, Роман, следующее предположение. Тогда, получив письмо Эйдельмана, Виктор Петрович скорее всего просто-напросто, что называется, удила закусил, из чистого упрямства не захотел

“отступить”, а полез напролом дальше. Вот разберут сейчас архивы, вполне может и найтись подтверждение такому моему предположению – не прямое, так косвенное. Поживём, как говорится, – увидим.⁴

Разговоры же “с другой стороны” – после того как В.П. из редколлегии “Нашего современника” вышел, как письмо в “Известиях” подписал, такие разговоры и у нас в Омске ходили: Астафьев, мол, переметнулся, скурвился, чуть ли не продан... Я только раз не сдержался и сказал одному нашему литератору, рассуждавшему подобным образом, что у Астафьева в одном мизинце столько ума и таланта, сколько всем нам вместе взятым не снилось, и за это ему всё, что он в своей жизни делал и ещё сделает, на наш взгляд неправильного и нехорошего, можно и должно простить.

Историк академик Тарле переписывался с Анной Григорьевной Достоевской, и в одном его письме есть замечательное место (цитата – извини – будет длинная, но она стоит того):

“Судить о Достоевском на основании его политических (и иных) воззрений – это всё равно, что судить на подобном же основании Рентгена: Рентген открыл способ проникать взором в твёрдые тела, – Достоевский открыл в человеческой душе такие пропасти и бездны, которые и для Шекспира, и для Толстого остались закрытыми. Если кто захочет судить и порицать Рентгена, великого физика, за то, что он консерватор, а другие будут его за это же хвалить, – всякий поймёт, чего стоят и много ли понимают в значении Рентгена эти хвалители и порицатели. Но когда критика начинает Достоевского, великого художника и психолога, осуждать или венчать лаврами за то, что он держался каких-то мнений Каткова или не держался каких-то мнений Михайловского, – многим почему-то это не кажется смешным и нелепым. Только тогда, когда поймут, что, при всей своей публицистической последовательности, Катковы и Михайловские – карлики в сравнении с непоследовательным Достоевским, – когда раз навсегда отрешатся от публицистического взгляда на него, придут к заключению, что публицистика Достоевского есть только биографическая подробность, – а его великий гений есть один из немногих светочей всемирной литературы, – тогда и только тогда изучение Достоевского станет на правильную дорогу”.

Изучение Достоевского, если не встало на правильную дорогу полностью, то во многом уже встаёт, и произошло это прямо на моих, Роман, глазах. Уверен, что правильным – рано или поздно – станет наш взгляд и на Астафьева. Только – жить в эту пору прекрасную...

Пятнадцатитомное собрание сочинений, которое я привёз в 98-м от вас, со Вторых “астафьевских” чтений, – может быть, самое дорогое и самое нужное для меня, что на сегодняшний день имею. Какой всё-таки подарок В.П. сделал всем нам тогда!.. Представляю, как он сидел и добрых полдня трудился, подписывая все первые тома, – подписывая, положив перед собой список наших фамилий... Мою-то он наверняка видел раньше и в “ДиН” – среди фамилий членов редколлегии. Но и в этот раз, и в 2000 году (на Третьих чтениях) я так и не решился подойти к нему. Вот не решился – и всё. Хотя в первый раз мог попросить подвести меня и познакомить Сашу Плетнёва, давно с ним знакомого; в другой раз Плетнёва не было, так был и подходил к нему другой омич – Николай Березовский, состоявший с ним в переписке. Но я так и не решился. Во-первых, всегда вокруг было много народу: кто с книжкой для автографа, кто в надежде сфотографироваться рядышком, кто просто словом перемолвиться... Суетно как-то, многолюдно – ещё и поэтому не решился подойти. Но не только, видимо, поэтому. Скорее – не знал, что сказать, если придётся. Какие-то незначашие слова?.. А теперь вот вообще никаких не скажешь...

Кстати, десятый том из этого Собрания сочинений, где “Прокляты и убиты”, у меня самый зачитанный – то и дело выпрашивают почитать. И возвращают, потрясённые.

И в заключение напомним тебе, Рома, одну вещь, которую сам ты, может быть, и не помнишь, – один разговор. Много лет назад, когда прошло года два или три, как В.П. вернулся в Красноярск, ты мне рассказывал, что после его возвращения сама атмосфера в городе изменилась. Постоянно, говорил ты, чувствуешь его зримое и незримое присутствие. В.П. читает всё, что касается литературы, в местной прессе, и при этом не ленится снять трубку и высказать, если надо, автору своё к прочитанному отношение. Иной раз – весьма и нелицеприятное. Любую проходную статейку или рецензушку пишешь, а сам невольно думаешь: а как В.П.

на неё отреагирует?.. Не говоря уже о книгах. Не помнишь такого разговора? Тогда я просто ему подивился. А сейчас всем вам, столько лет рядом с Виктором Петровичем прожившим, дикой завистью завидую.

Жму лапу, обнимаю!
Твой Александр Лейфер.
Омск, 6 февраля 2002 г.»

Осенью 2003 года я приезжал в Красноярск – добирать материал для документальной повести об учёном А.Н. Горбане, который много лет прожил в этом городе. Остановился в Академгородке – в Доме учёных, т.е. рядом с Романом. Но увы – мы с ним разъехались, и домой он вернулся (из Томска, куда был вызван на очередную литературную тусовку) только накануне моего отъезда. Но уезжал я поздно вечером, и весь день мы провели вместе. Ездили на дачу, где убирали не очень-то богатый урожай. Я любовался красавцем Енисеем, погода стояла замечательная – полноценное бабье лето. Среди сосен, которые с трёх сторон обступают дачный участок, звучала включённая хозяином классическая музыка...

Потом пили чай на втором этаже дачного дома. Потом поехали к Солнцевым, и пока Галина Николаевна готовила ужин, сидели с Романом в его кабинете, разговаривали. Нас внимательно слушал, положив голову на лапы, его крупный чёрно-белый пёс – тот самый, с которым Роман сфотографировался для уже цитировавшейся выше подборки в журнале.

О чём говорили? Сейчас надо бы вспомнить всё в точности, – ведь это был последний наш разговор (не считать же за разговоры деловые перезвоны по межгороду). Но нет, толком не вспоминается...

Он рассказывал о своих соседях по дачному посёлку. Днём мы прогуливали пса, и я хорошо рассмотрел стоящие на высоком берегу Енисея трёх- и четырёхэтажные дворцы – с английскими газонами, спутниковыми телеантеннами, круглосуточной охраной. Солнцевым повезло: охрана была у соседей и слева, и справа... Судя по всему, дачу свою Роман Харисович любил, хотя она гораздо скромнее соседских: писалось ему здесь хорошо.

На мои расспросы о здоровье Роман махнул рукой – пора, мол, уже об этом всерьёз и не говорить...

[Далее небольшой абзац удалён составителями во время вёрстки по просьбе автора. *Сост.*]

О журнале почти не говорили. Журнал, как всегда, находился в состоянии неустойчивого равновесия. А расспрашивать своих друзей о «творческих планах» я всегда стеснялся...

После ужина мы обнялись на прощание, и я спустился во двор. Там, зажатый среди сверкающих никелем шикарных и огромных иномарок, – дом был, что называется, крутым, – стоял заезженный автомобильчик Романа, на котором, как он сам мне признался, можно ездить только до дачи и обратно...

Через два часа я уже сидел в поезде.

<Конец 2003 г.>

«Саша, привет!

Спасибо за книгу. А в “Сиб. огнях”, гады, даже не сослались, из какого стихотворения название.

Адрес Роальда: Латвия, ...

Обнимаю, Роман».

Солнцев благодарит меня за книгу «Мой Вильям», вышедшую в Омске в конце 2003 года. До этого её журнальный вариант печатался в «Сибирских огнях» под заголовком «Друзья мои от Омска до Читы» (№9, 2003). Это строка из давнего стихотворения Романа «Похвала друзьям». Само стихотворение в журнальной публикации «Мой Вильям» должно было быть, по моему тогдашнему замыслу, целиком процитировано в качестве эпиграфа (разумеется, с подписью автора). Но эпиграфа в журнале не оказалось.

ПОХВАЛА ДРУЗЬЯМ

*Друзья мои от Омска до Читы,
умеющие спичку резать волосом
на две, умеющие тихим голосом
рассеивать влиянье темноты,*

*я помню вас, бродяги, мастера!
Как пёс, что лезет на берег из озера,
я лапами сучу, ворча незлобиво,
за пишущей машинкою с утра.
Но если кто мне телеграмму даст,
куплю билет... И на лесной полянке
я плюну на бессмертье ради пьянки:
на что мне вечность, милые, без вас?
Или из вас любому – без меня?
(А все мы вместе – точно! – не бессмертны.)
Налейте ж мне. А ты оставь советы,
печальный страж не вечного огня!*

И сегодня, назвав этот очерк первой строкой стихотворения, я как бы проясняю давнее недоразумение.

<Лето 2004 г.>

«Александр, добрый день!

...Газету получил. Слегка резануло – хоть я уже ко многому привык – что в отчёте о съезде СРП у тебя не нашлось даже 1 сантиметра для упоминания журнала “День и Ночь” и его роли для СРП в Сибири. Быстро вы, друзья, по ветру бежите.

Всего доброго. Роман».

«Дорогой Роман!

Сейчас принесли твоё короткое письмо, которое вызвало у меня весьма противоречивые чувства.

Но о чувствах потом. Вначале о деле.

В прошлом году наша газетка напечатала док. очерк Серёжи Поварцова “Партийные тайны Георгия Маркова” (№3). Речь в нём идёт о середине 30-х годов, когда Марков был редактором омской комс. газеты и подвергался партийным гонениям. Неожиданно Сергей получил письмо от дочери Маркова – Ольги Георгиевны. Оказывается, она – член СП, переводчица, адрес её в “Справочнике СП” 1986 года. А сейчас она заведует музеем знаменитого Дома на набережной (помнишь у Ю. Трифонова?). Так вот, Поварцов дал мне прочитать её письмо. Кроме благодарностей за то, что вспомнили её отца, она мельком сообщила, что у неё хранится

неопубликованная документальная (полумемуарная) рукопись отца, рассказывающая о событиях 30-х годов в Сибири (Омск, Новосибирск, Иркутск).

Не так давно я послал ей ксерокопию своего очерка о Владимире Шунько – первом секретаре Ом. обкома ВЛКСМ, который пострадал за связь с Косаревым. В очерке этом (он опубликован в нашей областной “Книге памяти жертв политич. репрессий”) упоминается и Г. Марков (они с Шунько дружили). Я попросил прислать для нашей газеты кусок из этой док. рукописи, а также сообщил, что являюсь членом редколлегии “ДиН” и можно в принципе повести речь о публикации в “ДиН” этой рукописи целиком. И вот недавно Маркова мне позвонила (перед своим отпуском, который поехала проводить куда-то в Югославию). Предложения мои её заинтересовали, обещала прислать кусок для газеты и подумать о публикации в “ДиН”. Хотя, как я понял, журнала она не видала. Обещала заняться этим после своего возвращения из отпуска.

О чём я тебе и докладываю. Посмотрим, а вдруг это интересно?

А вот упрёк твой в невнимании к “ДиН”, к тебе и т.д. принять никак не могу, т.к. вины своей совсем не вижу. Первое, о чём я спросил у Декельбаума, когда он вернулся со съезда, – упоминался ли в съездовских выступлениях ты и журнал. Он ответил, что фамилия твоя и название журнала упоминались там неоднократно и каждый раз в благожелательном контексте. Попросить Декельбаума специально написать об этом в отчёте я просто не догадался, а когда увидел в конце текста твою фамилию среди руководителей СРП, вообще подумал, что конфликт, о котором ты мне говорил в прошлом году, исчерпан.

Такие вот дела.

Жму лапу – А.Л.

30 авг. 04».

Отчёт Алексея Декельбаума «Особенности творчества в ледниковый период (Заметки о III съезде Союза российских писателей)» был напечатан в нашей газете «Складчина» (№3 за июль 2004 г.).

«Дорогой Роман!

Посылаю альманах с первой частью книги о Горбане, про которую уже несколько раз тебе говорил. Окончательный текст всё ещё не готов, т.к. Горбань хочет внести в него какие-то поправки, а поскольку он сейчас в Англии, то... Как только книга будет закончена, сразу же пришлю тебе – для журнала...

.....

Всего доброго!

А.Л.

9 сентября 05.

На следующей неделе и пошлю тебе рукопись Маркова, хочу вначале снять с неё ксерокс (а вдруг да когда-нибудь удастся её в Омске издать?)».

Документальная повесть Георгия Маркова «Не поросло бильём» в журнале была напечатана (№ 3-4, 2006).

Опубликовал «День и Ночь» и мою работу – «Разгадать замысел Бога...» (Из жизни российского учёного Александра Николаевича Горбаня. Документальная повесть-мозаика) – см. №№ 5-6 и 7-8 за 2006 год. Почему-то в журнале её называли романом...

Писем от него я больше не получал.

Роман Харисович порекомендовал меня в ПЕН-клуб. Напечатал в журнале ещё одну мою работу – литературную запись омички Эльвиры Михайловны Картелайнен «Меня окружали добрые люди» – бесхитростный рассказ о тяжёлом жизненном пути (№ 5-6, 2004).

По моей рекомендации журнал поместил также талантливую повесть пишущих в соавторстве супругов Светланы и Николая Пономарёвых «Боишься ли ты темноты?» (№ 1-2, 2005), за которую они получили престижную в нашей области литературную премию.

Роман Харисович прислал свой двухтомник «Из» – прекрасно продуманное капитальное избранное: «Замечательному писателю Александру Лейферу и всем нашим друзьям в Омске – поэтам, романтикам от автора – сердечно. Р. Солнцев. 28 мая 2004 г.» После выхода «Из» ему оставалось жить ещё три года, но сегодня я листаю этот двухтомник как нечто конечное, итоговое, последнее...

На это настраивает и завершающее двухтомник стихотворение:

ТЕАТР

*Нам ещё далеко до финала.
В старом бархате красных кулис,
что знамёнами были сначала,
мы столкнулись с тобой, обнялись.
Где-то рядом, внизу, в тёмном зале
в ожидании дышит толпа.
И двух слов мы с тобой не связали,
а уж сыплется снега крупа.*

*И шипит режиссёр наш великий:
– Большие темпа! Гореть, как огонь!..
А тебе я принёс земляники,
а ты медлишь, уткнувшись в ладонь.*

*И куда нас, куда нас торопят?
Скоро занавес рухнет, шурша...
– Этим кончится жизненный опыт? –
напряжённо тоскует душа.*

*Час всего-то и был нам отрадный:
на заре, на заре незакатной
мы трудились, тащили свой крест...
И мы верим – не надоест...*

*Не включайте свой свет беспощадный.
Не вставайте же, ангелы, с мест.*

* * *

Он умер в апреле 2007-го, а в июне мы выпустили очередную «Складчину», в которой, кроме некролога, поместили написанную за год до ухода короткую заметку:

«Мне, Солнцеву Роману Харисовичу, посчастливилось родиться 21 мая 1939 года и ходить в школу на берегах славной реки

Камы, которая, как отмечают учёные, на самом-то деле полноводнее Волги в месте их слияния. Но как река Кама звание великой уступила своей сестре, так и я всю жизнь привык быть на втором месте во всём, что касается вечных писательских споров: кто гений.

Но особенно радостно, что мне посчастливилось увидеть белый свет в “шишкинских” лесах: был такой замечательный русский художник Шишкин, именно в том краю он создал многие свои знаменитые картины, например “Утро в сосновом бору” (помните?.. где резвятся медвежата). Поэтому, куда бы я позже ни попадал в скитаниях своих по России, в какую гостиницу или столовую ни зашёл, мне казалось – я снова на родине: везде на меня со стен смотрели родные “мишки”. Это сейчас в моде абстрактные треугольники и кружочки...

А ещё мне повезло, что первые мои стихи заметил знаменитый писатель Константин Симонов и что он одарил меня своей взыскательной дружбой, которая длилась до его кончины. А немного позже мне выпало счастье дружить и работать рядом с великим писателем Виктором Астафьевым...

Мне повезло, что многие мои пьесы были поставлены в лучших театрах СССР, а позже – в России, что повести и рассказы мои печатались в лучших русских журналах, что я ещё не потерял рассудок и продолжаю писать свои книги на вполне достойном, как говорят мои собратья по перу, уровне.

Знаю свои недостатки – горячность, торопливость... но ведь первая любовь – она главнее, а моя первая любовь, сводившая меня с ума с самого детства, – это поэзия... Стихи пишу до сих пор, когда они сами приходят, как удивительные гости среди ночи... Но пишу и пьесы – недавно закончил работу над трагической историей “Режим Аська” (об одиночестве людей), пишу и прозу – летом надеюсь закончить работу над романом “Наслаждение”. О чём он – как расскажешь в двух словах? Наверное, о великом даре, который вручён каждому из нас отцом и матерью, Господом Богом и судьбой, – о жизни, которая несмотря на мерзости бытия, на огромные испытания наши, всё равно есть чудо и радость.

Вот и всё. Половина времени уходит на преподавание (надо же зарабатывать на хлеб), на издание журнала “День и Ночь”,

который мы учредили с В.П. Астафьевым, чтобы помогать молодым сибирским писателям, ставить их на крыло. Эта работа ведётся мною и двумя-тремя моими братьями по перу, по сути, на общественных началах.

Конечно, добрые дела наказуемы, есть коллеги, злобно шипящие на нас. Так они шипели на Астафьева (правда, сейчас выдают себя за любимейших его друзей), так шипят на всех, кто “в очках” или “в шляпе” – наша трагическая революция, помимо того, что создала великую империю, поощрила и всё тёмное в людях.

Читая современные книги, листая с раздражением и свои, порою думаю: если бы не повесился Есенин и не застрелился Маяковский, не сгнил в тюрьме Мандельштам, не умерли в изгнании Шмелёв и Бердяев, Ильин и Бродский, если бы не расстреляли Павла Васильева и не полезла в петлю Марина Цветаева, если бы не сломали судьбу Анне Ахматовой с её арестованным сыном и Твардовскому с его высланной за Урал семьёй, если бы!.. вот была бы литература! Увы, имеем, что имеем...

Великое счастье, что не погиб на войне мальчиком Астафьев, что бандиты не убили в семидесятых годах Распутина (жив остался), что есть ещё Александр Солженицын, есть Михаил Успенский (Красноярск), Евгений Попов (Москва), Михаил Вишняков (Чита), Валентин Курбатов (Псков), Михаил Кураев (Питер)... Наберётся с десяток русских писателей, труды которых позволяют надеяться, что страна с великой историей не превратится в третьеразрядную гостиницу для иностранцев...

Надо работать.

Роман Солнцев.

Весна 2006 года,

Красноярск».

Работать – увы – ему оставалось недолго.

Этим мне и хочется завершить очерк – малую дань благодарности человеку, так много сделавшему для меня и для десятков таких, как я.

2007 г.

Омск

Рецензии

Ксения Тилло
О НЕДОСКАЗАННОЙ ЛЮБВИ И
УПУЩЕННОМ ВРЕМЕНИ
(на выход в свет сборников рассказов
и повестей Евгения Асташкина)

С увлечением читала книги Евгения Асташкина. Все сюжеты его прозы как будто незамысловаты, но проникнуты единой щемительной тональностью. Горечь, тревожный звон оборвавшейся струны – вот настрой его рассказов и повестей. Недосказанные истории едва проклюнувшейся робким стебельком, так и необозначенной любви – «то, для чего не знаю слова» – объединяются в рассказы книги «Вне подозрений». Отнюдь не робость, а духовное целомудрие героя – обычно тому причина. Однако не высказанное оставляет глубокие зарубки, не свершившееся остаётся вечным миражом, к которому герои стремятся всю жизнь.

Поражает рассказ «Невозвратимое». Студент-заочник ежегодно снимает комнатку у бабы Шуры в ещё не застроенном частном секторе Алматы. Ничего особенного не происходит. Как всегда у Асташкина – «намёк на влюблённость», под знаком коего проходят все годы учёбы, а вокруг – своей повседневной горемычной жизнью живут добродушные люди, горемычности своей не сознавая, – этакий тёплый, какой-то «пересадочный» мирок. Но вот последний приезд – вместо привычного дома «отгрохано» занимающее чуть не квартал здание, и там, где жила девушка Лена, теперь офис с табличкой «Бюро находок». На вопрос, что герой разыскивает, в пору лишь ответить: «Потерянное время», хотя, скорее, – надо бы сказать: «упущенное время».

«Упущенное время» также лейтмотив «Малолетки». Герой, мужчина средних лет, многожды в своей жизни пережив разочарования, полюбил девушку-подростка Настю, вечно голодную, переболевшую всеми болезнями, дочь алкоголиков, которая живёт с пятнадцатилетним бой-френдом, хамом и наркоманом. За что мог полюбить её герой повести? Оказывается, за всплывшую в памяти некогда «недосказанную» любовь, за мираж упущенной в юности любви к тогдашней своей сверстнице.

Радуйся любой статье о себе, если только она не в траурной рамке.

Брендан Бихан

Повесть трагична. Впрочем, как и многие произведения Асташкина. Копоятся и «переживают» жизнь всё те же не сознающие своего падения люди. Подростки, что стаями бродят по улицам, попрошайничая, воруя, и даже пытаясь прибегать к шантажу. Не они виноваты – время. И барачная среда, где люди рождаются и умирают в унижении и нищете.

Все герои повести – как бы обломки общества. Девочка Настя откровенно «продаётся» влюблённому в неё герою в повести «Малолетка».

Нет – это не «Лолита» Набокова, избалованное и капризное дитя порока, пресыщенное жизнью в довольстве. Настя – издёрганное существо, которое «не ведаёт, что творит». Она просто – выживает, «как умеет». Как и другие тинэйджеры, вышвырнутые в водоворот смутного времени на задворках жизни. Чтобы её спасти от опасной болезни, влюблённый в неё герой должен купить для неё очень дорогое лекарство. И он решается: продаёт антикварщику старинную семейную икону, которую тот давно у него выпрашивает. Решается, хотя уже узнал, что мираж молодости так и остался миражом – девочка Настя отнюдь не покинула своего юного хама, вора и наркомана, и выбирает именно его.

Значит, любовь ещё не мертва? Но в ком? Мы находим её как синоним милосердия в «среднем поколении». А что станет с поколением «малолетки»? Вопрос открыт...

Удивляет, как Асташкину, постоянному автору «Голосов Сибири», удаётся всякий раз уловить болочий «нерв времени». В рассказе «Пол-Коли» все герои – обломки, они никогда уже не всплывут на поверхность и «праздник жизни» для них – «заказан». На него они не попадут никогда.

Инвалид без обеих ног, Коля, который бодро разъезжает по задворкам большого города на своей тележке, упираясь руками в тротуар, или «афганец» в мятом вельветовом пиджаке, или пенсионер со «сливовым» носом – все они составляют неразрывное сообщество живущих от бутылки до бутылки и катастрофически редующих от пагубительного самогона некой Савелишны. Но все дорожат своим достоинством, никто не осознаёт степени своей отверженности.

Сосед Коли назвал его в шутку из-за отсутствия ног «Пол-Коли», и тот обижается всерьёз, и съезжает из комнаты друга, умудрившись

исколотить его палкой так, что тот попадает в больницу. За что? «Он назвал меня Пол-Коли, значит, полчеловека».

Но ведь они все лишь – «полчеловеки», и отнюдь не по своей вине. Они – обломки некогда устоявшейся, худо ли, бедно ли, – жизни, которые сейчас не могут вписаться в новые правила игры.

Герои Асташкина – это не обитатели «дна» Горького. Это будущие «обитатели» «Старого кладбища», где могилы давно всеми забыты, кресты повалены и стёрты имена. В этой повести особенно тревожно звучит постоянно будоражащий Асташкина мотив связи времён, сохранения памяти, неразрывности между настоящим и прошлым.

Слог Асташкина прост и выразителен, умение подметить незаметные, казалось бы, штрихи внешности, характера или окружающей среды порой даже изумляют. Равно и умение «придумывать» незаезженные слова: «она лучезарила синими глазами», или: «он давно съел свою жизнь и сейчас лишь доедал её объедки».

Не в том ли и состоит дар литератора, чтобы подмечать то, мимо чего все мы проходим не вздрогнув, и находить верные слова, которые разят сердце читателя?

*Кемерово
Январь 2008г.*

Марианна Фаликова
«СТРАНЕ МОЕЙ ПОРА ЛЕЧИТЬСЯ...»
(о сборниках стихотворений Зои
Сосниной)

Передо мной две книги Зои Ивановны Сосниной. Второй день читаю, и испытываю полное созвучие с душевным настроением автора.

Разве не знаю и я, да и многие, что «глубинка» как была в тени, так и осталась. Так что призыв Сосниной («Истоки»): «Как родниковые потоки, / Что чудом бьют из-под земли, / Талантов чистые истоки / ... Ты им внемли» не голословен.

Коварное слово – «Провинция». Коварное и обманчивое.

Известно, история делается в столицах. А кипит, хоть и потаённо, – Глубинка. Отсюда глубоко гражданственные стихи Сосниной. Ведь

все мы, в 2000-е, знали: «Стране моей пора лечиться. / Россия тяжело больна».

В Провинции не бывает, или почти не бывает, протестных выступлений, но разве же и здесь не шептались в тревоге: «Народ идёт ко дну!».

И разве все мы, провинциалы, не перестаем удивляться, доколе же кичиться Тютчевским «Умом Россию не понять...» – потому что надо бы – именно умом!

Соснина как бы продолжает тютчевские строки: «У нас особенная статья. / Вокруг враги, одни мы – люди». А между тем, утверждает автор, в иных краях: «Там государство – для людей. / ...А мы живём лишь для идей. / Кто против них – враги народу. / Живёт Европа без войны. / Через границы ходит в гости. / России верные сыны / Мир обретают на погосте. / Приватизировав страну, / Остались прежние при власти. / Ну, а народ – идёт ко дну. / И верит. В призрачное счастье».

И есть ли в стране семья, где не хранится заветное «письмо из прошлого», в котором: «Синие строки / Размыты слезами. / ...Краткие строчки / Как пули в висок. / Жуткое прошлое. / Страшная драма. / “Родина. Родина неблагодарна”».

Без зла, без «праведного гнева», – лишь с любовью и родственной печалью задаётся вопросом Соснина («На смерть поэтов»): «О, Русь моя, ты мачеха иль Мать?! / Доколе гении твои в загоне, / Зачем у них дыханье отнимать? / Доколе власть бездарная – в законе?!».

Кто вместо гениев? Герой нашего времени. Так называемый прагматик («Кто он?»): «Скажу о нём: он вороватый. / Ещё добавлю: нагловатый. / С начальством часто трусоватый, / А потому и подловатый».

Но как же часто, однако, «слепой ведёт слепого!» И отдалённая от просвещённых столиц Провинция «Пойдёт бездумно за любимым / С мечтой неясною, как дым».

В книге Сосниной есть раздел – «Против течения». Но ведь она вся – против царящего разгула антикультуры. Её возмущает, что на экранах под фонограмму – «слов ничтожность, антигаммы». Её удивляют «секса судороги». «Полуголые, убогие / Машут гривой наркоманы» на телеэкранах, тогда как «... книг, увы, / Россия не читает».

И потому недостроенный дом и высящийся над ним «безработный» кран тут же вызывают у поэтессы ассоциации с недостроенной Родиной: «Русь моя непутёвая страна, / Что ни шаг – то преграда, барьер, / Как лихая безумная тройка / Все дела – без разбега – в карьер».

И зарешённый проём недостроенного окна тут же отзывается в строке: «Русь похожа порой на острог!» И – размышление: «Ещё не близится рассвет / В стране и хаоса и лени, / Ещё совсем надежды нет... / Но мы бредём, умам не веря» («Непутёвая страна»).

Соснина сердцем прикипела к этой «непутёвой стране». Она ей прощает все недочёты, как любящий мирится со всеми недостатками горячо любимого человека. Иногда, впадая в отчаяние, просит: «Нет веры в миражи. / Отпусти меня, Русь, отпусти, / Душе стало тесно в твоей колыбели / ...Красный призрак идёт за тобой. / Не напился он кровушки, видно». Но как бы ни было тяжело – от Родины не уйти, Соснина не сможет. А потому – «отпусти меня, Русь, отпусти», потому что «оторваться самой мне так трудно».

Стихи поэтессы, которые посвящены размышлениям о культуре, да и о самом стихосложении, проникнуты ясностью, искренностью и чистотой мысли.

Соснина – «спорит» с Ахматовой, отвечая на известные её строки: «Когда б вы знали, из какого сора / Растут стихи, не ведая стыда». На это Соснина отвечает: «Стихи текут из сердца, не из хлама. / Из нежной и восторженной души / Под куполом божественного Храма / Небесной очарованной тиши». А потому поэтесса уверенно заявляет: «Стихи мои не пасынки стыда. / Они – свидетели восторга или муки».

Её возмущает так называемый стиль «современного» стихосложения, не менее, чем «вихляние ног» в экранном безумии шоу: «Слог иного поэта подобен / Лабиринту глухих катакомб. / Темнотою укрытых колдобин, / Новизной упоённый апломб... / Ясность мысли не хаос словесный. / Простоты незавидная роль...».

Как пишет она сама? Вот её кредо: «... Не плету стихотворных кроссвордов, / Не петляю словесной тропой. / Словоблудию рифмы слепой / Предпочла ясных мыслей аккорды».

Она даже приводит некий образец «модного» стихотворного стиля («Пародия на “современный” стих»): «... Без слов речи / Ответить нечем. / ... Свеча погасла. Гроб. / Собак вой. / Куда ты? Стой!».

Впрочем, сама о себе она считает, что не «опоздала» родиться, а, скорее, родилась «вперёд своего века». Потому что, конечно же, конвульсии любого начинающегося столетия в конце концов унимаются, и мир возвращается к потребностям и желаниям простым и добрым, как хлеб.

Может, потому Соснина и признаётся, как бы с некоторым стеснением: «Мои стихи, наверно, архаичны / И не ищущу надуманных слов я. / Мои стихи, наверно, старомодны, / Ну кто в наш век про ландыши поёт? / Стих современный должен быть холодным / С надрывом, птицей, раненой в лёт».

Её стихи, множество стихов о любви. Без секса. Глубоко лиричны, а потому не могут быть «старомодны». Лирику ещё никто не отменял.

Её стихи о природе – прозрачны, акварельны. Скорее, отражение состояния души при виде сломленной веточки клёна – бесполезно сочится сок, – и веточке никогда больше не зардеть и не зазолотиться осенней листвою. Не так ли падает сражённый пулей юноша на далёкой чужой войне, а на нём обрывается цепь поколений. . .

Глубоко взволновало стихотворение «Крутой». Явно про нувориша, который обзавёлся дорогой породистой собакой и «обламывает» её, заставляя ползти. Долго, униженно, бесполезно, а она преданно и испуганно глядит на хозяина – знает, какой он в гневе – и молит о пощаде. Но поэтесса спешит по делам, садится в трамвай и долго мается, вспоминая собаку: «А как она спасти просила. . .».

Соснина – «вросла» в окружающий мир природы, она его чувствует, она синхронно с ним дышит, она удивляется его мудрым законам («Лесные законы»): «Загадочен мир леса – смешалось добро в нём и зло. / Здесь каждый, как жертва отмечен / И если он жив – повезло. / . . . Коварны лесные законы, / Но в них и достоинства есть. / Пред сильным не бьются поклоны. / Отсутствует лживость и лесть». И в самом деле, ведь лесные обитатели не придумывали ни бомб, ни снарядов, чтобы убивать ради убийства: «Зверьё не придумало ядов. / Здесь ценятся верность и честь». И совсем по-киплинговски завершаются эти стихи: «Смешны мне досужие толки / Про злые законы волков. / Я знаю, как пестуют волки / Своих (и не только) щенков. . .».

Вот такая она, своеобразная, «сама по себе», утвердительница добра и справедливости, «старомодная» Соснина.

Но на добро и чистоту души моды ещё не придумали. Такой, чтобы менялась согласно «историческому сезону». Эти категории – вечны. Им Соснина и служит.

Кемерово
Январь 2008г.

Мария Шамова
ПОЭТИЧЕСКИЙ СБОРНИК
АЛЕКСАНДРА РАЕВСКОГО
«ЗАБУРАЕННЫЙ РАЙ».

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ МИР ПОЭТА

Сборник «Забуранный рай» стал четвёртым в творческой судьбе сибирского поэта Александра Дмитриевича Раевского. В новую книгу вошли как новые стихотворения, так и хорошо известные, ставшие своеобразной визитной карточкой поэта, – «Детство», «Зимняя трава», «Железные цветы», «Прощальное», «Час придёт – тоскою смертной заболело».

Самые разные темы звучат в стихотворениях Раевского: это и родина, и деревня, и любовь, война, поэт и поэзия. Автор размышляет о современности, о вечных ценностях, о смысле человеческой жизни.

Особое место в поэзии Александра Раевского занимает тема родины, «шестая, седая часть суши» ли это, или Сибирь, или «деревенская ляга». Эта тема тонко переплетается с темой природы. Так рождаются удивительные образы. Перед глазами читателя возникают деревенские пейзажи, где «по канаве – лопухи, лопухи», где «пролетает востроглазая птица», где «дырявый чугунок на бугре» и «прокисло в сенцах молоко». И всё это становится родным сердцу читателя, и волнует, и зовёт прикоснуться к чудесному деревенскому миру.

Природа у Раевского одухотворена. В ней есть целостность, небесная гармония, божественное начало. Всё в природе и мило, и радостно.

Тема природы в творчестве поэта часто связана с философскими темами жизни и смерти, поиска смысла жизни, странничества. Это и «снегом брюхатая осень», и «тучи-пилигримы», и берёза – «символ отчизны», что не только радует своей красотой, но и призвана греть человека теплом своего догорающего тела.

*Ты прости меня, символ отчизны,
Всё же это не худшая смерть –
Перед тем как бесследно исчезнуть
Напоследок кого-то согреть.*

(«Чтобы в лютую зиму не мёрзнуть...»)

Жизнь берёзы, её гибель – это символ жизни и смерти человека, лирического героя. Поэт провозглашает великую ценность: отдать тепло кому-то – «кого-то согреть» – прежде чем покинуть этот мир.

Но человек, вторгаясь в гармонию природы, несёт ей гибель («Промозона»). Лирический герой негодует, ему больно видеть «дымы, как подземные тени», домны, мартены «на фоне кипящего шлака». Люди будто не ведают, что творят. Трубы, источающие дым, подобны сатанинским храмам. Возникает аллегория, в которой человека, «отлучившегося от жизни» на земле, где «серые задворки отчизны», «прокопченные одежды», не устрасит даже загробный ад. Урбанистическому мироощущению противопоставляются вечные ценности: «пронзительное небо», раздолье, друзья, мама.

Здесь же возникает смятение и боль за судьбу человека в прекрасном мире природы и недружелюбном мире людей. Так появляются гражданская и историческая темы. Поэт размышляет о человеке, о стране.

Судьба страны – непосильная, неисповедимая, противоречивая и тревожная. Здесь «условность в форму законов облакает всесильная ложь». Возникает ощущение не потерянных, не погибших, но несчастливых поколений в стране циничной и фальшивой, где «горизонт» «беспросветным враньём загрязнён», он «кровью пенится» «на вражде, на игле да на водке». Человек раздавлен, когда его превращают в функцию. И как оплот равнодушия страны – война, страдание, смерть. Война – великое зло. Простая, частная, человеческая жизнь не защищена. Жертвою войны становится молодость, жизнь – великие ценности – и эти жертвы бессмысленны («Печальный гарнизон», «Колосок»). И всё будто сжирается временем, самоуничтожается, превращается в обломки, в огрызки, в ничто («Загадка XX века»). И, может, поэтому «по кругу... стакан мутный и хмельной» становится прибежищем русского человека... и здесь нахлынет буйство и заиграет широта русской необузданной души:

*Правда иногда взыграет что-то,
Может быть, плебея естество –
Поозоровать найдёт охота,
Только это злое озорство.*

(«Раньше было проще и счастливей...»)

Но здесь же и надежда, и призыв:

*Встань, родимая, с белых коленей,
Паразитов и пепел стряси,
Приголубь хоть одно поколение,
Хоть одно поколение спаси.*
(«Голуби»)

Своеобразным проводником света в этот зыбкий проявленный мир является душа поэта. Он творец и глашатай, он носитель чистого, божественного духа. Поэт способен постигнуть некие истины и тайны, не доступные другим.

Стихи Раевского исполнены светлой ностальгией, печалью о невозвратности детства, юности. Это тоска по маме, бабушке, желание обрести былую радость, прикоснуться к родным и любимым душам. Поэт представляет молодость и старость в ярких образах. Молодость – жизнь, свежесть, красота; старость – увядание, печальная неизбежность. Их встреча символична, она скрывает те законы жизни, которые не может одолеть простое человеческое сознание. И такой нежной, трогательной печалью пронизаны эти строки о невозвратности дней, о немолитости времени («Встреча»).

В ностальгических строках о детстве, в размышлениях о молодости угадываются вечные вопросы. Так в поэзии Раевского появляется философская тема, мотивы жизни и смерти. Конечность жизни иногда пугает («Позднее прозрение»), иногда представляется шагом в иной, то ли неизведанный, то ли позабытый мир.

*Я ещё ни к чему не готов –
Ни к мольбам, ни к бессмертью, ни к смерти.*
(«Просьба»)

Или такие строки:

*Пусть когда и шатнусь, но я жить не устал,
Это сердце в груди не готово разбиться!..*
(«Свет вечерний высок. Еще нету семи...»)

Покидая мир, душа «в астрале зябнет обнажённая» и глядит на голубую планету замороженно, где «никому там счастья нету» и «всё мгновенное, напрасное». Лирический герой будто не вполне доверяет бессмертию, боится оторваться от родного, любимого, земного:

*На земле душе нет пристанища,
Ведь не вечный я, лишь прохожий я.
Только как же здесь ты останешься,
Уголок ты мой неухоженный...*
(«Стареющий двор»)

Необычайно символично стихотворение «Чёрное и белое». Здесь скрыта философская мысль о дуалистичности мироздания. Здесь жизнь и смерть, свет и тьма – вечно противостоящие и вечно единые. Они всегда полярны, они всегда рядом и одно переходит в другое. Мысль эта вошла в необыкновенные, таинственные образы: «чёрный камень с белой точкой», «белый череп с чёрной точкой». И неодолимо влечение человеческое, что находится на перепутьи тёмного и светлого, познать эту страшную тайну перехода одного в другое, уловить мгновение в вечности – мгновение столкновения двух начал.

Поскольку лирический герой Раевского – человек земной, не лишённый страстей, его душа бунтует, требует сопротивления злу без смирения. Ему будто не достаёт чего-то: радости ли, покоя, его томит жажда высокого, влечёт к дальнему, неземному, неизведанно-прекрасному:

*Как много в судьбе алкоголя,
Как мало божественных снах.*
(«Раба выжимаешь по капле»)

Мечта облачается в живые образы летящих оленей, крылатых коней («Где-то на севере»). Так поэт возвращается к исконному миру природы, к его божественно-мудрой истине, в которой лирический герой может отыскать утраченное.

Тема любви в поэзии Раевского представлена сложно, многогранно. В первую очередь это высокая ценность, которая всегда рядом с молодостью, жизнью. С ней всё легче, проще, светлее. Автор

обращается к простой, земной любви, к эросу. В ней соединение двух дыханий, двух жизней. Эта любовь находится под покровительством природы, благословлена языческим божеством:

*Святой вечер, сладкий стон, катится колечко...
И славянский Купидон сам держал им свечку:*
(«Храм любви»)

В стихотворении «Зодиакальная несовместимость» любовь представляется как дисгармония, противоречие, противостояние себе и ей. Такая любовь – наваждение, она способна даровать минутное счастье, но только взамен на мучительные страдания. Она – «любовь пропадающая» – может быть неотвязным проклятьем, она же остаётся неразрешимой загадкой.

По-особому привлекательно звучат стихи, где любовная лирика сочетается с живым и простодушным юмором:

*Так устал он актрису любить,
Полубил из котельного цеха.*
(«Любовь земная»)

Юмор, замечательный, свежий и чистый, наполняет многие стихотворения поэта с самой различной тематикой. Иногда в стихах Раевского появляется ирония («Преданный»), которая раскрывает его поэтический талант с новой стороны.

Необыкновенно богат и широк художественный мир поэта Александра Раевского. В его стихах можно отыскать много прекрасных, новых, но знакомых сердцу образов. Здесь «пуливы розовые снега», «пылают главы облаков», «отяжелев от сумерек пахучих, мерцает росами трава». Такие живые, очеловеченные образы природы оказываются особенно привлекательными; они созвучны внутреннему состоянию лирического героя: печальные, тревожные и светлые, дарующие силы и обновление. Автор использует самые разные средства художественной выразительности, его строки метафорически ёмки, его речь богата яркими эпитетами и необыкновенными сравнениями. Поэзия Раевского свойственны есенинские откровенность, тревожность, порывистость, буйство и в то же время задумчивость и тихая печаль.

Язык его стихотворений лёгок и прост, а ритмы их разнообразны и мелодичны.

Очень точно охарактеризовал творчество А.Д. Раевского рецензент его первого сборника Виктор Баянов: «В его стихах обыкновенная, привычная жизнь, здоровый дух чаще всего деревенского, сельского мира. Широко и добро вглядывается автор в этот мир, незаметно и властно вовлекая и нас, читателей, в круг своих привязанностей, мыслей и чувств. Стихи А. Раевского упрочнены, если можно так сказать, искренностью, ощущением несочинённости, подлинности происходящего».

Вышедшая в 2005 году книга Александра Раевского «Забураненный рай» – поэтический сборник, достойный самых высоких оценок за его динамичность и тонкость, искренность и простоту. Он открывает талант поэта во всей его широте и многогранности. Если говорить словами автора, то «талант он и в тайге талант» и это как нельзя лучше подходит к личности самого Раевского.

В заключение приведём несколько наиболее полюбившихся нам стихотворений этого автора:

Детство

По канаве – лопухи, лопухи...
 За канавою ковром – лебеда.
 Растеряли своих кур петухи,
 Ни квохтанья, ни пера, ни следа.
 От жары сухой плетень – серебром.
 Хмель с козявками на том серебре;
 Как рубахи, облака за бугром,
 И дырявый чугунок на бугре...
 В холодке лохматый псина с утра
 Дразнит улицу большим языком.
 В сенцах мамка звякнет дружкой ведра –
 Скоро летушку звенеть молоком.
 И с какой-то погремушкой в руке,
 Понимая этот пёстрый мирок,
 Как на троне ты сидишь на горшке,
 Раз-два летний деревенский царек.

Встреча

Молодость гуляла, бёдрами качала,
 Старость наблюдала, сидя у дороги.
 Молодость гуляла и не замечала,
 Как туман цеплялся ей за босы ноги...

Выйду на дорогу, молодость решила,
 Нарвала цветов я, что мне в поле делать?
 Старость на дороге тень свою сушила,
 Из-под тёмной шали ласково глядела.

Молодость на старость глянула брезгливо,
 Ветхую черницу обходя надменно,
 Старость улыбнулась: «Как же ты красива!
 Но тебя сгублю я, девка, непременно...»

Встала и вдогонку рукавом махнула –
 Зашумели в поле белые бураны,
 В сердце ретивое холодомдохнуло...
 Всё бы ничего бы, но зачем так рано?

Ну зачем так рано, ну зачем так быстро
 Пухом лебединым разлетелись годы,
 Горькою морщинкой, прядью серебристой
 Крепко зацепила злая непогода?..

...Молодость другая в голубую кружку
 Ягоды сбирала, по цветку гадала...
 Молодость былая седенькой старушкой,
 Сидя у дороги девку поджидала.

Душа

Над бездной космоса – могила,
 Крестом надёжно заземлённая...

Душа на землю приходила,
Ушла больная, изумлённая.

В коре оставив оболочку,
В астрале зябнет обнажённая...
На голубую эту точку
Глядит, глядит, заморожённая:

Лениво вертится планета,
Такая теплая, атласная;
А никому там счастья нету,
А всё мгновенное, напрасное...

Прощальное

Всё! Не вижу платья из-за зарева...
До свиданья, август, и прощай.
Только зря ты на себя не наговаривай
И печалей мне не завещай.
Завтра осень.
С ней тебе не справиться.
Так узнай же, прежде чем умрёшь:
Это я любимой разонравился,
Ты же был воистину хорош!

Час придёт – тоскою смертной заболею.
Растворюсь в невыносимо вечной мгле...
Ни о чём таком как будто не жалею,
Жалко, Пушкина не встретил на земле.

Свечка выгорит – и время всё залижет.
Риск большой, но и надежда велика:
Вдруг его в полях заоблачных увижу,
Пусть случайно... сквозь туман... издалека.

Роман Светланы Василенко - в Польше

От составителей

5-9 декабря минувшего года сразу в нескольких городах Польши прошла презентация романа члена нашей редколлегии Светланы Василенко «Дурочка», переведённого на польский язык и изданного там отдельной книгой. Об этом романе «Голоса Сибири» уже писали. Как справедливо отмечает американская писательница Виктория Кинг, «Беззащитность ребёнка перед взрослыми и их бессмысленными схватками “за идею”, суть которых противоестественна, представлены в романе в щемящей наготе. В центре фантазмагории тридцатых годов – символ поверженной России – Ганна-дурочка, глухонемая, изъясняющаяся только песней. Какие только беды не рушатся на неё – она выживает, выплывает, сохраняется в мироздании, чтобы, наконец, воспарить к солнцу... “Дурочка” едва ли не лучшее, что мне довелось прочесть за последние годы» («ГС» №3, с.355-357).

Мы рады успеху, с которым прошли презентации романа Светланы Василенко, о чём свидетельствует и несколько восторженных откликов польских литераторов, опубликованных ниже; об интересе польских читателей красноречиво говорит также интервью, взятое у автора «Дурочки» Магдаленой Талик. По случайному совпадению, недолге после визита Светланы Василенко в Польшу там состоялась и презентация альманаха «Голоса Сибири» (см. рубрику «Сибирь – Восточная Европа»), постоянным автором которого она является вот уже несколько лет.

Как отметила Светлана Василенко в упомянутом интервью, ей редко хочется писать о странах и городах, где она побывала (а разъезжает она часто), но поездка в Польшу её впечатлила особо, судя по её своеобразным поэтическим «путевым заметкам», приведённым в этом разделе.

О чём романы, рассказы и стихотворения Светланы Василенко? Случайно ли автор четвёртого выпуска «Голосов» в рецензии на её рассказ «Город за колочей проволокой» задаётся вопросом: «Так не в том ли мудрость, чтобы до конца жизни сохранить праведность детства?... Легенда живёт в маленькой девочке из степного городка, ставшей известной писательницей. В разноголосице, рёве и зловещем уханье мятущегося мира ей всё ещё слышится золотой звон – несётся на просторе ханский конь, что вырвался на волю...» («ГС» №4, с.202-204).

Автор пишет только половину книги: другую половину пишет читатель.

Джозеф Конрад

Если считать, что у каждого писателя «есть своя ниша», как утверждает С. Василенко в своём интервью, то её «ниша» – это внутренняя свобода, внутренняя воля, позволяющая ей самым причудливым образом соединять действительность, со всеми её непривлекательными реалиями, с чарующими мифами и легендами, почерпнутыми из детства, проведённого в маленьком городке астраханской степи.

ОТКЛИКИ ПОЛЬСКИХ ЛИТЕРАТОРОВ НА РОМАН СВЕТЛАНЫ ВАСИЛЕНКО «ДУРОЧКА»

Ярослав Чехович¹

На скрипучих качелях взлетает и опускается Надька. Стоят шестидесятые годы двадцатого века, захолустная российская деревня, брат Надежды разглядывает свою умственно отсталую сестру. Так начинается волнующая повесть Светланы Василенко, стилизованная на манер старорусской притчи, в которой как в аллегорическом зеркале отражается Россия с её болячками, абсурдами, угнетённой жизнью, отмеченной тавром страданий и несправедливостей. Я написал, что так начинается повесть. Но она так же и заканчивается, как бы в самом своём начале, а прожитое время драматически свивается в адский круг, в котором Надька являет собой спасающую мир святую.

Быстрое течение реки Ахтуба уносит плот с колыбелью, в которую родители уложили своё несмышлёное дитя, которого они, возможно, стыдятся. Девочка доплывает до берега некоего села, откуда потом попадает в детдом, которым правит жёсткая и преданная коммунистическому режиму заведующая. Проникнутый жестокостью мир нежеланных детей и мрачный призрак НКВД, который контролирует каждый их шаг и каждую мысль, доводит до того, что «дурочка» сбегает оттуда и принимается бродить по деревням и соседним степям. Её реальные скитания превращаются как бы в символический путь сквозь историю России. Ребёнок окружён людьми, которые обездоливают других, но прежде всего губят самих себя, собственной жестокостью и неумением принимать во внимание окружающих. Смерть и стремление выжить неустанно сопутствуют друг другу в течение всего сложного пути умственно ущербной девочки.

Отклики польских литераторов на роман С. Василенко

«Дурочка» не привязывается ни к кому – ни во время пребывания в детдоме, ни впоследствии, в пути. Она постоянно убегает от людей, встречая каждый раз новые гнусности, притом что сама она является как бы вместилищем добра, сила которого проявляется необычным образом после встречи ребёнка с Богоматерью. Для неё единственным способом проявления своих надежд и чувств является песня. С помощью песни она объединяет окружающих, песня действует сильнее, чем любые высказанные другими слова. Её молчание – способ выразить внутреннее сопротивление грубости окружающего мира, которое во время скитания «дурочки» находит правдивое отражение в исторических привязках к прошлому российского народа.

Почему «дурочка» превращается в олицетворение добра? Когда тётка Харита везёт её в детдом, она произносит знаменательные слова: «Бог избрал святую глупость, чтобы устыдить мудрых». Эсхатологический смысл этой притчевой повести подчёркивает, как сильно в течение многих лет России не хватало присутствия Бога. Того Бога, которого россияне чувствовали бы сердцем, и которому могли бы довериться. И потому начинают верить «дурочке». Агрессивный энкавэдист пытается выказать ребёнку свой человеческий облик. Супруги, свозившие на погост тела умерших от эпидемии, пытаются стать для девочки семьёй, хотя их домом является степь, а крышей – небо... Но «дурочка» сама не хочет никому принадлежать и ни от кого зависеть. Постоянно в движении, в паническом страхе и с трепещущим сердечком, полным тепла и добра, которое никто не хочет оценить, Надька (Ханна) продолжает свои скитания. Скитания, которые вернут её туда, откуда её изгнали. И с её возвращением мятущееся течение времени возвращается к своим истокам, а «дурочка» спасает людей от ядерного взрыва.

Аллегоричность этой книги очевидна. Повествование также проникнуто и мифами. Слог как бы предлагает читателю некую игру. А всё вместе глубоко его волнует. России нужна такая книга. Польскому читателю «Дурочка» высветляет переменчивость и относительность некоторых понятий и чувств, которые в наиболее стабильной иерархии живут в сердце и мыслях той, которую все считают дурочкой...

Отклики польских литераторов на роман С. Василенко

Марта Дворак²

«Дурочка» – как бы законченный киносценарий фильма (автор повести и есть киносценарист) – кинофильма аллегорического, сходного с преданием. Покоряющий по форме, ужасающий по содержанию. В общих чертах – идиллический, и злоеущий в подробностях.

Героиня этой небольшой повести – святая и целительница, деревенская «дурочка», которая попадает в детдом. Своего дома она лишилась ещё младенцем, уплыв в корзинке, спущенной родителями по реке. Выросла в деревне, у набожной тётки Хариты. Из детского дома, где потом оказалась, она сбежала. Во время долгих скитаний по степи, она узнаёт людей, добрых и злых, и, наконец, возвращается в родные места и спасает мир от атомного взрыва.

Идилличность этой современной аллегии передаёт обрисованную в сказочном колорите хмурую советскую действительность. Надька родилась в Капустином Яре, в военном посёлке среди степи, построенном около ракетного полигона. Тётка Харита должна отдать девочку в детский дом, потому что в раскулаченной советской властью деревне царит голод. Кошмарный детский дом, где дети тоже голодают, возглавляет садистка и ярая коммунистка Тракторина Петровна.

Овеянная сказочной аурой, история странствий одинокой девочки по степи – это одиссея, рассказ о чудесах, содеянных святой «дурочкой». Святая – напуганное и беззащитное дитя, которое ожидают встречи с красным террором, его палачами и жертвами. В степях гарцуют совершенно реальные разбойники, девочку пытаются «приручить» энкавдист, который в частной жизни – «порядочный человек». Но вот встречается в степи и гротесковая, как бы из иного мира, и уж точно не вписывающаяся и не подчиняющаяся системе семейная пара, блуждающая по степи на верблюде...

Ибо степь в «Дурочке» – колдовское место. Кружат по ней, заклятием превращённые в русалок, дочери хана Золотой Орды, искателей ожидают зарытые в кургане сокровища, преследуемого странника спасают от гонителей кусты терновника. Здесь неустанно воюющие коммунисты, во имя служения идее, убивают «попа» у Крещенской проруби... хотя их отцы и матери пытаются священнослужителя защитить.

В кружении этой обманчивой нереальности, где так явно отражается безнаказанный абсурд истории Советского Союза, немая девочка кажется единственным существом, которое стремится к какой-то цели и не поддается общему безумию. Даже когда на Капустин Яр должна обрушиться атомная бомба. Ибо и тогда тоже Надька знает, как спасти мир...

«Дурочка» это захватывающая, хоть и короткая повесть. Прочно выстроенная, выразительно, образно. Это мнимая сказка, которая, однако, никак сказкой не является (потому что нельзя не представить на месте «дурочки» десятки детей, которые попали в такие приюты, как тот, где царит Тракторина Петровна) и позволяет увидеть человека в нечеловеческих условиях. Что и помогает по достоинству оценить дар повествования писательницы Светланы Василенко.

Пётр Гуневич³

Описание целого круга людских свидетельств через судьбу ребёнка считается в литературе одним из наиболее впечатляющих, но и наиболее сложных литературных жанров. Возможно, эта работа так удалась Светлане Василенко оттого, что своей героиней она сделала как бы обобщённое дитя – «ничью», большую и немую деревенскую «дурочку», которая хотя и не умеет говорить, но воспринимает всё – добро и зло – вдвойне остро.

Польский читатель до сих пор имел лишь ограниченную возможность встретиться с творчеством Светланы Василенко. Рождённая в 1956 году, в местечке Капустин Яр (где размещался советский полигон для запуска ракет дальнего действия, в 120 км от тогдашнего Сталинграда), автор многих повестей, рассказов и киносценариев, приоткрыла в «Дурочке» забытый мир первозданной человеческой непорочности, изничтоженный историей и людьми.

С точки зрения фабулы, «Дурочка» это метафорическое сказание, но одновременно и горькое повествование о деревенской девочке, прозванной «дурочкой», которая появляется «ниоткуда» и уходит «в никуда», повсюду оставляя за собой знамения и чудеса, изменяющие судьбы людей, равно и деяния всего мира. «Дурочка» живёт в семье советского офицера, а на дворе – начало 60-х годов 20 века и мир – на пороге ядерной войны. Её ещё недолгая жизнь

это беспрестанное блуждание то через советский детдом, жестокость которого – квинтэссенция зверства системы в целом, то астраханские степи, рыбацкие селения, деревенские базары.

Судьба несёт «дурочку» по свету, полному сельских легенд и преданий, свидетельств зла и доброты, с немим изумлением наблюдает она за деяниями НКВД, живёт среди пионеров с обязательными красными галстуками, познаёт таинства природы и религии, православные обряды. Проникнутое безмолвным терпением, странствие Надьки как бы вписано в некий высший план Господа Бога. Её жизнь – замкнутый круг – некогда найденная на реке как Моисей, она возвращается в ту же деревню, чтобы предотвратить мировую катастрофу. «Дурочка» – немое дитя. Единственный её контакт с внешним миром – это песня. Трудно уловимая внутренняя доброта, «устроенная» на детский лад, – она и есть то самое евангельское «милосердие действия».

Молчание «дурочки» – порой, это молчание-упрёк, иной раз – «молчание-мольба». Это молчание в повести проникнуто непередаваемой силой, а жесты и взоры говорят об окружающем мире больше, чем тысячи сказанных слов. В этом смысле «Дурочка» являет собой явную аллегорию Ангела, несущего милосердие и спасение. Не случайно же в конце повести она, наподобие святой, возносится на небо.

Огромным достоинством небольшой по объёму повести Светланы Василенко является возможность целого ряда интерпретаций её сверхсмысла. «Дурочку» мы можем читать как хронику трагедийного пути одинокого человека, больно ущемлённого тоталитарной действительностью. В этом смысле повесть Светланы Василенко – это крик осуждения человеческой жестокости и несправедливости, против системы, которая рушит религиозные, нравственные и мировоззренческие основы человеческого общества. Но в более широком смысле – это рассказ о человеческом предназначении, полном терпения и несправедливости, и о вечном блуждании, что заранее вписано в жизненный путь каждого человека.

Захватывающая языковая образность и филигранность языка этой прозы, полная наивных детских наблюдений в столкновении с жестокой действительностью делают «Дурочку» мудрым и вневременным сказанием о силе милосердия, о праве человека на свободу и

уважение, об его месте в истории, наконец, – о достоинстве, даже перед лицом смерти. Мир Светланы Василенко это нередко как бы «мир наоборот», мир, где мудрости и достоинству мы научаемся не от сильных мира сего, а от хромых, немых и увечных – «Бог выбрал святое неразумие, чтобы устыдить мудрого» – говорит одна из героинь повести (тётка Харита). В «Дурочке» Светланы Василенко удалось объединить – что нечасто встречается в литературе – отдельную драматичную одиссею девочки с описанием окружающего мира, из коего строится сюрреалистичная действительность.

Если говорить о богатом и отточенном языке, сотканном из пластичных, выразительных слов, то образцом может послужить проза Светланы Василенко. Это один из важных поводов, привлекающих внимание к её творчеству. Василенко с помощью простых, казалось бы, литературных приёмов и наивных образов «поставила диагноз» и описала условия, в которые поставлен человек в кризисные и переломные для данного общества моменты. Она поставила фундаментальный и вневременной вопрос об источниках зла и терпения, и с горьким юмором отказалась на этот вопрос ответить.

Якуб Ковальски⁴

Даже не прибегая к анализу, можно сказать, что эта книга – скорее радиопередача или пересказ, потому что «Дурочка» похожа на притчу или аллегорию, на народный сказ, будто бы переданный устами запыхавшегося ребёнка, а, может, – фантазматическая или мираж.

Словом, это повествование можно слушать два часа подряд – примерно столько длится прочтение «Дурочки».

Маленькая Надька – как бы призрак, а, может быть, – святая, у неё удивительная – как у животных, – острая реакция на любой, самый незначительный импульс, но она не умеет или не хочет говорить, а временами только поёт. Люди – как люди, некоторые считают её «больной на голову», а некоторые – русалкой, или сказочной княжной, но мы видим, как за Надькой постоянно следуют беды, как некая особая метка. История девочки – это описание её блужданий сквозь сердца людей, когда выявляются все нравственные ущербы встреченных по дороге попутчиков, а деревенская

«дурочка» – зеркало, отражающее истинный образ их души. Некоторые хотели бы ей помочь, но им не удаётся, другие могут предложить ей только самих себя, потому что ничего другого у них нет, причём, чем более тощ их кошелёк, тем сильнее резонируют их сердца. Большую роль здесь играет религия, но не столь Бог всемогущий или Церковные ритуалы, а Вера, чистая, наивная и сильная. Такая народно-мистическая, что будит в душе тревогу и сжимает сердце. Часть действий условна, поскольку разворачивается в межвременьи, но если читать дословно, то это год 193... , время перемен и крушений на грани между старой богобоязненной Россией и новой – молодой, социалистической, революционной. В эту пору Надька попадает в детдом, которым правит фанатичная коммунистическая садистка. Вообще же история девочки довольно таинственна, как рассказывает женщина, отдающая её в приют. Ещё младенцем Надька якобы приплыла к ней как Моисей, которого в корзинке пустили по реке. Подобные мистические ассоциации никак не соответствуют идеалам социализма. Так Надька сразу же попадает в немилость к своим новым опекунам. События разворачиваются довольно быстро, упомянутый конфликт между религиозной традицией и нравственным переворотом постоянно отражается в повседневных обстоятельствах, перетягивая судьбу маленькой «дурочки» то в одну, то в другую сторону. Девочка убегает из приюта и бродит по степи, где встречает то сочувствующих, то враждебных ей людей. Добрыми оказываются, в основном, люди богобоязненные, хотя и они тоже, чтобы открыть своё сердце, нуждаются порой в жестокой встряске. Аллегорическое путешествие маленькой девочки оборачивается аллегорическим же кругом, который приводит её (и нас) к моменту, когда мир достиг препокалиптической кромки, к точке предназначения всех нас, и тогда выше всех «главных ролей» оказывается именно роль «дурочки».

Притча Светланы Василенко разворачивается в двух плоскостях. Причём ни одну из них по стилю повествования нельзя считать доминирующей. Всё здесь может быть сказанием, и всё может быть правдой, так что не знаешь, чему верить. А Вера здесь именно первостепенная тема.

Во что верить, как верить, является ли Вера истиной, и есть ли в ней смысл? Судьба девочки превращается здесь в линзу, в которой

фокусируется Россия поры ломки, Россия контрастов и непримиримых противоречий, в пору тяжких страданий миллионов людей, символом которых является жизнь маленького мистического существа. Остаётся лишь громко аплодировать госпоже Василенко, ибо «Дурочка» – это истинно прекрасная повесть, трогательная и, несмотря на свою фантастичность, изумительно правдивая.

Матей Дуда⁵

Маленькая Надька – обыкновенная деревенская «дурочка», одарённая необычайным инстинктом выживания и хрустальным голосом, которым она поёт пролетарские и рождественские песни. Это – религиозная (если не святая) социалистка. Звучит неправдоподобно, но это именно те оксимороны, что надёжно скрепляют небольшую повесть Светланы Василенко «Дурочка».

Впечатляюще изображённая история Надьки напоминает образы Никифора. Детскость и простота повествования сплетаются в них с необыкновенной тщательностью передачи деталей, с выразительностью и яркостью контрастных сопоставлений колорита и образов. Описывая странствия святой «Дурочки», Василенко одновременно обращается к народным сказаниям и мифам, к легендам и преданиям о святых. Она сплела воедино истории атаманов и русалок, Моисея и Богоматери. И сотворила параболу, которая не только придала главный смысл отдельному житию героини, но и подчеркнула значение наиболее важным для автора местам. Благодаря этому абсурд реализма, что гнездится в Капустином Яре – военном посёлке, где хранятся российские ракеты, построенном на случай военного столкновения оружия Востока и Запада, – уступил реализму абсурда, в котором добро побеждает зло, и любая дорога, даже если она – побег, всё равно приводит к цели. Таким образом, главная героиня, Надька, совершает побег как бы по кругу. Неудачливая «дурочка», а, может, просто недоразвитая девочка, которой родные стыдятся, оказывается изгнанной, а, верней, «сплавленной» из родительского дома. На малиновой подушечке, в колыбели, установленной на плоту, плывёт она по водам Ахтубы. Но, возможно, что это кулацкое дитя, которое так спасли от произвола властей. Волею судьбы она попадает в разные селения и в руки случайно встреченных людей.

В сжатом, фрагментарном повествовании Василенко мы видим различные эпизоды из странствий героини. Обрисованы персонажи, которые могли быть потенциальными поводырями «дурочки» по жизни, могли бы объяснить ей этот мир, стать её опекунами. Но такая возможность пресечена, уничтожена властями. Возможно, такая перспектива провидчески не сбывается, для того, чтобы главная героиня, «дурочка», сама стала поводырём для неприкаянных, которые являются движущим стержнем всей повести. Её присутствие меняет ход событий, решительно влияет на судьбы других, коим, несмотря на обиды, она всегда отвечает добром.

Трудно не заметить, что наивная история святой «дурочки» как бы дополнительный рассказ, который мы узнаём от её брата, стремящегося обелить и поднять Надьку во мнении окружающих. Он хочет раскрыть более глубокий смысл её жизни, чтобы она не была только жертвой и посмешищем. Даже ценой оскорбления Веры и развенчания чудес, которые трактуются как опиум для народа, даже ценой противопоставления себя властям, опровергая слова коммунистки-заведующей детдома и пионерской дружины, которая в финальных сценах повести открывает факты из жизни Надьки. В версии её брата побег Надьки из детдома, путь через муки и смятения, подаётся как рассказ о прекрасном путешествии, которое кончается возвращением к исходной точке, где происходит чудодейственное зачатие и вознесение на небеса, как искупление, посланное жителям Капустина Яра.

Это дополнительное повествование оказывается двояким. Когда брат Надьки пытается придать смысл житию своей незадачливой сестры, Светлана Василенко одновременно пытается объяснить и атмосферу своего собственного детства с эпоху Сталина и Хрущёва. Она оплетает её древнерусской легендой, библейскими притчами, в том числе об Армагеддоне, который должен воплотиться в виде атомной атаки капиталистического врага.

Повесть написана с целью сплавления исторических пластов, однако автор зорко всматривается в читателя. Сохраняя дистанцию, даёт всё же волю ироническому чувству юмора, что проявляется то в именах разных героев, например, в случае коммунистки Тракторины Петровны, или в сцене «ветропильного» зачатия Искупителя. Автор не опускается до прямолинейной иронии над

абсурдным реализмом эпохи (вместе с автором мы улавливаем очевидный, глубоко тоталитарный облик коммунизма), который с помощью произвола властей отнял у людей все их святыне права. Василенко обрисовала фантазмагорию, где НКВД соседствует с легендой и апокрифом, а читатель пытается угадать, кто есть протагонист, а кто антагонист: коммунист или атаман, русалка или колхозница. «Дурочка» – это впечатляющий палимпсест, который (как отмечает в введении к чтению Адам Поморский) напоминает ироническую inferнальную прозу Конвицкого.

Катажина Рыцанбел^б

«Дурочка» – первая переведённая полностью книжка Светланы Василенко, российской писательницы, автора повестей и киносценариев, награждённой в своей стране многими премиями, например, Сергея Эйзенштейна и премией Набокова. В прошлом году польский читатель мог познакомиться с её творчеством, когда в книге «Исчезающая Европа», опубликованной в издательстве «Чарне», появилась повесть Василенко «Город за колючей проволокой», где описано угасание «малой родины» автора – Капустина Яра. Теперь это забытый городок, который во время «холодной войны» являлся стратегическим центром – в нём в 1945 году возник жилой посёлок для персонала военного полигона.

Героиня повести Василенко, Ханна-Надька, прозванная «дурочкой», это умственно недоразвитая девочка, которая не умеет говорить, но очаровывает людей своим пением. Мы знакомимся с ней, когда её отдают в детдом под опеку Тракторины Петровны. Это страшный дом, откуда девочка должна бежать, поскольку оказалась свидетельницей, когда повесился Марат – её единственный друг. И вот она бродит по городку, а потом по степи.

Это аллегорическая повесть, переплетённая с мотивами, почерпнутыми из фольклора и легенд, где мистическое время накладывается на время историческое – Кубинский кризис, события 30-х годов прошлого века, и современность, так что эта повесть есть истинное сказание о встрече с Потусторонним.

Небольшая, отнюдь не эпопейных размеров, повесть Светланы Василенко соткана из мифов, легенд российских и татарских, и

проникнута религиозными мистериями. Главная героиня, словно Моисей, приплывает к деревне по реке, и словно Одиссей блуждает, в путешествии к дому, но не знает, куда приведёт её Богоматерь, которая ей является. Некоторым образом её дороги похожи на пути Христа в евангельских притчах. Она убегает от НКВД, а Иудой, который отдаст её в руки офицеров, окажется один из рыбаков, который некогда выловил её из реки Ахтубы (попутно узнаём, что Туба – дочь хана Мамаю, жившая много веков назад).

Оседлое военное поселение около ракетной базы – это и есть родина автора – в её повести превращается в место, где происходит чудо. А именно – всеми гонимая девочка спасает мир от ядерного взрыва. Всё это рассказано, как бы увиденное глазами другого ребёнка – брата «дурочки», который утверждает, что Надька родила солнце. В дни усиления советско-американской «баталии за Кубу» дети офицеров, обслуживающих полигон, оказались вывезенными в степь – такова была задуманная «пробная» эвакуация Капустина Яра. Ибо в первую очередь ракеты должны были поразить военные объекты стратегического значения. И дети знали, что погибнут во время второй, настоящей, атаки. Надьки не оказалось в списке, потому что школу она не посещала, но несмотря ни на что, эта беременная тринадцатилетняя девочка (изнасилованная пьяными солдатами – или, по версии её брата, в которую он свято верит, – Надьке «ветром надуло») тоже увезена. Эту историю Светлана Василенко описывает в упомянутом выше «Городе за колючей проволокой», только там Надька, которую автор встречает через много лет, не попала в автобус, потому что никто о ней не побеспокоился, не увёл, но через несколько дней она сама нашлась в городе, где спряталась в котловане, оставшемся от строительства. Впечатления, пережитые автором в детстве, стали её тавром – неистребимой памятью, к которой она возвращается несколько раз.

Автор с необычайной бережностью сплетает различные традиции и архетипы, появляются атаманы, воины, зарытые сокровища, комсомольцы, энкавэдисты. С одной стороны, это полуиллюзорный мир, где сосуществуют явь и сон, миф и реальность, воображение всеми обиженного ребёнка и грубая советская, но и общечеловеческая действительность, всё это – история о страданиях,

предназначенных «малым сим». С другой стороны – эта история представляет действительность новой России. Что и является в этой книге самым захватывающим.

Светлана Василенко сотворяет катастрофическое, немного как у Конвицкого, видение мира, осуждённого на забвение. То, что может от него остаться – это легенды, истории, передаваемые друг другу изустно, именно они как бы продлевают жизнь городка, о котором «официально» никому помнить нежелательно.

Автор создала именно подобную легенду – о «дурочке», что спасла мир от атомного взрыва. Каждое общество имеет свои истории, и каждая пора такие истории создаёт. Те, что сотворила женщина, воспитанная на военном полигоне во время апогея «холодной войны», отмечены клеймом катастрофы, что постоянно возвращается к автору как наваждение. Но эти истории пересказаны ею как бы будучи «пропущенными» через призму детского восприятия. И именно потому чрезвычайно выразительно возникает перед нами образ современности – советской, и постперестроечной России.

Станислав Любьенски⁷

«Дурочка», короткая повесть Светланы Василенко – это стилизованная притча о реалиях советской России. Действие разворачивается среди опалённых солнцем астраханских степей в пойме реки Ахтубы, в атомном городке Капустин Яр. Это место рождения автора, там появляется и героиня книжки, на первый взгляд – обыкновенная деревенская «дурочка». Молчаливая, замкнутая девчушка одарена необычайной внутренней силой, позволяющей ей исцелять больных. Ханна-Надька, святое дитя, появляется одновременно в двух временных пластах повести – в 30-е годы XX века и в пору более близкую, неясно очерченную, – во время «холодной войны» (возможно, близко к 1956 году – год рождения автора). И обе эти действительности – одинаково удручающие.

В «Дурочке» всё зыбко. О чём, собственно, её содержание? То ли это счёт, предъявленный репрессивной советской системе? Несколько мистическая тематика повести Василенко наводит на мысль об аллегорической её основе. Автор описывает жестокий облик советского мира в нескольких ярких ипостасях его проявления.

Героиня повести Василенко попадает в детдом, как в кошмар. Правит им тиранически директор Тракторина Петровна, которая говорит о себе: «Меня крестила советская власть... Она назвала меня Тракторина. И никакой я не человек! Я только коммунистка!». И она действительно скорее «Тракторина», а не человек. Её противница в борьбе за детские души – богобоязненная кухарка Харитина Савельевна. Это она противостоит холодной, нечеловеческой коммунистической доктрине, которую исповедует директриса детдома. И выказывает своим подопечным преданность и милосердие, продиктованные искренней Верой, запрещённой советской властью. Тракторина без колебаний выдаёт «тётю Хариту» НКВД, когда та окрестила детей. Но Бог всё видит и за всяческое зло коммунистку постигает суровая кара – смерть. Подозреваемая в убийстве Тракторины, Ханна-Надька вынуждена бежать из детдома.

Крестьяне, раскулаченные насильственно, отлучённые от религии, гибнут от голода. Это, наверное, самые жестокие годы сталинского режима. Не так уж далеко от Капустина Яра, на Украине, советская власть искусственно вызывает «голодомор», истребивший 5 миллионов жертв. Ничуть не преувеличивая, «Дурочку» можно бы назвать «антипропагандистской повестью». Светлана Василенко показывает российскую деревню, которая безнадежно пытается защититься от коммунистической системы. Так борется совершенно сюрреалистическое семейство алкоголиков, которое блуждает по степи на верблюде. Они убегают от раскулачивания и от принудительного труда в колхозе, проехав через пустыню, добравшись аж до Ташкента. Но оказалось, что и там уже искать нечего. Власть вклинивается во все аспекты их жизни, а они пытаются храбро барахтаться, хотя уже втянуты в вихри истории. Традиционные крестьянские семьи расколоты – большинство молодёжи зомбировано и вступает в комсомол. В повести Василенко неизбежный конфликт между поколениями разворачивается во время православного праздника Крещения. Из деревни к реке движется процессия во главе со священником Василием. Люди пробивают в реке прорубь, сооружают изо льда крест, и некоторые намереваются в прорубь окунуться, как в купель. В этот момент появляются комсомольцы, пытаясь помешать празднику.

Дело доходит до символической «войны» отца и сына, пожилого крестьянина и комсомольца. Извечный конфликт поколений, «приправленный» советской идеологией, достигает небывалой остроты. Под одной крышей вместе сосуществуют люди, совершенно чуждые и враждебные друг другу. Отец, хоть и «проливал кровь за советскую власть», пытается защитить ледовый крест, потому что «против Бога не воевал». Драка отца и сына перерастает в общее побоище между защитниками ледового креста и комсомольцами. Драка напоминает старую русскую традицию «кулачного боя», ритуальные битвы между жителями двух соседствующих деревень. Но тогда всё происходило по правилам и без всякого зла, а сейчас между крестьянами и комсомольцами пролегла глубокая пропасть. Развязка этого пока ещё не жестокого «боя» оказалась страшной и скандальной. Ханна-Надька «слышит гром, будто стучит каменное сердце». Это конный отряд НКВД, пытаясь навести порядок, избивает и крестьян, и комсомольцев, а священника кидает в прорубь. Ледовая поверхность реки становится его гробом, увенчанным ледяным крестом. «Дурочка» это также и повесть о ломке всего российского народа. НКВД – «зло с каменным сердцем» противостоит добрым простодушным крестьянам, обречённым в этом столкновении на неизбежное уничтожение.

Очень искусно вплетает в свою повесть Василенко фрагменты российских легенд. Крестьяне уверяют, что «сердце колокола», которым священник созвал верующих на праздник Крещения, отлито из золота, найденного в кургане Стеньки Разина. Другие рассказывают, как хан Мамай скачет по астраханской степи на золотом коне. Но светлота легенд гаснет, затоптанная грубой советской действительностью. Иногда автор прибегает к рифмам, использует тавтологии, постоянные эпитеты – как былинные черты. Ибо «Дурочка» – это как бы старорусское предание в современном пересказе, и как положено в предании, в ней встречаются благостные моменты, но и столь патетические, что напоминают звон бронзового колокола. И всё в повести Светланы Василенко вроде бы мучительная, скорбная фикция, но притом – проникновенно правдивая.

Перевод с польского Лавинии Мятлевой

Магдалена Талик
У КАЖДОГО ПИСАТЕЛЯ СВОЯ «НИША»
Интервью со
Светланой Василенко¹

В книжке «Дурочка» Вы описываете процесс созревания девочки Надьки из Советского Союза. Ваше детство тоже было нетипичным, поскольку Вы росли в городе, где проходили испытания ядерного оружия.

– Да, действительно, Капустин Яр это уникальное, исключительное место, которое находится недалеко от полигона. Правда, ядерное оружие оттуда убрали, но остались ещё баллистические ракеты. Полигон возник сразу же после войны, в 1946 году, после того, как советские и американские войска вступили в Германию и обнаружили там весьма грозное оружие поражения. Решено было его изъять, так, чтобы дракон-Гитлер был как бы рассечён между двумя полушариями. Капустин Яр был первым пунктом в Советском Союзе, где оказалось это оружие. В этот военный городок, после окончания военного училища в Петербурге, был направлен мой отец. Тогда город был настолько засекречен, что даже не имел своего названия, а только обозначение Москва 400. По первости отец считал даже, что его посылают в столицу, но проехав тысячи километров, увидел степи, и ему было сказано, что это и есть место его назначения. Город был окружён колючей проволокой, были только два прохода, где спрашивали пропуска. Впрочем, так осталось всё и до сих пор, так что недавно, когда я хотела туда войти с киногруппой, меня не пустили.

– Но Ваша героиня живёт в каком-то ином мире – сказочном, мистическом, как бы вневременном. Использовали ли Вы в повести местные предания, известные с детства?

– В «Дурочке» образы действительности почерпнуты в другом месте, поскольку героиня сперва живёт в тридцатых годах не в городе, а в деревне, которая на самом деле находилась рядом с моим городом. И сказочная атмосфера была мной почерпнута в российской деревне. А если говорить о городе, образ его можно найти в моём эссе, которое оказалось в сборнике «Исчезающая Европа», опубликованном в издательстве «Чарне».

Светлана Василенко: «У каждого писателя своя “ниша”»

– Надька глухонемая. Почему Вы решили так «обездолить» главную героиню?

– На самом деле в начале я думала, что героиня будет слепой и глухонемой. Некогда я прочла монографию, посвящённую таким людям, и меня необыкновенно впечатлило то, каким образом они воспринимают мир и вступают с ним в контакт – буквально только на ощупь. Но мои визуальные впечатления, которые очень активны, когда я пишу книги, не позволили мне осуществить эту идею. Надька осталась глухонемой, хотя и здесь имеется возможность множества интерпретаций. Моя героиня может слышать, но, возможно, просто не хочет говорить. Почему? Можно считать и так, что это связано с детской травмой – ведь я написала, что Надька приглыбла на плоту, на малиновой подушечке. Может быть, это означает, что она была ребёнком зажиточных украинских крестьян, которые убегали со своих мест во время великого голода. И возможно, её тётка Харита запретила ей вспоминать об этом, чтобы в будущем не навредить себе. Но есть и другое объяснение: согласно российской традиции женских монастырей, монахини дают обет молчания. А поскольку семейство Надьки было глубоко религиозным, она предположительно могла быть такой маленькой послушницей, которую тётка Харита готовила к принятию пострига. Надо также не упускать из вида, что героиня хорошо поёт, но это исключительно религиозные гимны.

– Надька кажется мне необычной девочкой, поскольку в мире, полном жестокости, ей удаётся отвечать добром на зло. Так, как будто бы она знает, что зло порождает зло. Была ли у Вас такая мысль, когда Вы описывали Вашу героиню?

– Мысль была такая, что это повесть-житие, то есть история человека, который достигает святости. Но, чтобы человек мог стать святым, он должен пережить многие жизненные испытания. Надька в «Дурочке» проходит через ряд адских кругов и уже потому она – святая. Но что означает святость? По моему мнению, это значит, что человек достигает величия. Если это область поэзии, то он великий поэт, если живопись – то он выдающийся художник. Но обязательно должен быть талант, Дар Божий, который проявляется у человека с самого начала. Вы говорите, что Надька не делает зла? Может быть, она и причиняет кому-нибудь зло, и только я вижу её такой, какой описала. Но, в самом деле, девочка обладает особым даром – необыкновенным

Светлана Василенко: «У каждого писателя своя “ниша”»

сердцем. Это наводит на мысль о православной традиции, согласно которой человек чистого сердца может покорить весь мир, ментально даже не отдавая себе в том отчёта. Встречая противников, соприкасаясь с ними душой своей, он делает их лучше, открывает в них добро. Как, например, Надька в энкавэдисте, который благодаря встрече с ней вспоминает самого себя во времена его крестьянского бытования. Другая героиня, Тракторина Петровна, инстинктивно ощущает, что в девочке кроется мистическая сила, которая может разрушить мир её идеологии, и поэтому женщина хочет девочку убить. Когда это не удаётся, погибает Марат, приятель Надьки, который её любит.

– Читая «Дурочку», неизбежно возникают ассоциации с фильмом Елема Климова «Иди и смотри». Там главный герой белорус видит сцены, подобные дантовскому аду, встречаясь со злом в чистом виде. У Вас Надька тоже проходит через мир, погружённый в хаос. Скажите, этот фильм в какой-то мере вдохновил Вас в написании повести?

– Конечно, я видела «Иди и смотри», но очень плохо его помню. Впрочем, весьма правдоподобно, что впечатления от фильмов, которые я вижу, могут оставаться в подсознании. Если говорить о вдохновении, исходящем от фильмов, то на меня очень большое впечатление произвёл Андрей Тарковский и его «Иваново детство». Но, конечно же, наиболее сильным импульсом послужила для меня литература. Книги российских писателей, таких, как Владимир Тендряков или повести Чингиза Айтматова. Это киргизский автор, который пишет по-русски, и у него именно я почерпнула образ киргиза с овцами. А ещё есть Андрей Платонов и его «Котлован», отсюда сцена, где мужики плывут на плоту. Поскольку мы живём в пору постмодернизма, прежде всего импульсом для создания общего образа повести дают высказывания читателей.

– Под сказочным покровом Вашей повести подразумеваются конкретные времена, а именно жестокого режима – пропаганды, убийств и голода. Как была воспринята в России эта книжка, которая клеймит подобную систему?

– Если критик в России напишет рецензию, то уже это само по себе считается успехом и идёт на пользу книжке. После издания «Дурочки» появились рецензии, но их авторы в моей повести несколько заплутались. Тексты о книжке не были аналитическими, а скорее

описательными, но это черта характерна вообще для критики, поскольку обычно описывается содержание книжки в целях рекламы. Зато весьма заинтересованно среагировали писатели. Одна из молодых российских писательниц проанализировала книжку с точки зрения феминизма. Для меня это было довольно неожиданно, но не скрою, показалось интересной точкой зрения. С другой стороны, другой писатель обратил внимание на соотношение власть-система-личность. С большим интересом подошёл к моему творчеству также Александр Солженицын, у которого создалось впечатление, что повествование является стилизацией народного, мифологичного описания страданий ребёнка-сироты. Но ему очень понравился такой способ стилизации, где использовались народные легенды. Интересными мне показались также интерпретации режиссёров. Некоторые из них хотели бы создать фильм по «Дурочке» и их сценарии были для меня авторским пересказом повести. Именно они выделили в моей книжке наиболее важные черты.

– Используемые в «Дурочке» легенды и песенки оригинальные или это стилизация?

– Конечно, основой были предания, которые я слышала в детстве, ибо всегда в любом регионе существуют легенды, касающиеся происхождения названия данной местности. Как раз моя околица изобиловала такими интересными преданиями. Но есть там и много стилизации. Какие-то штрихи я добавила сама.

– В Польше большой популярностью пользуются книжки Оксаны Робски о мире так называемых «новых русских», которые издаются миллионными тиражами. В мире тоже рекламируется образ России, динамично стремящейся к прогрессу. А Ваша книжка возвращается к теме непопулярной сегодня, и касается мест, Богом забытых. Может быть, Вы своего рода этнолог, пыгающийся защитить от забвения исчезающий мир?

– В отличие от Робски, мне не посчастливилось оказаться среди «новых русских» (*смех*). Но я считаю, что она также выполняет некую этнографическую миссию, только она работает в своей среде. Существует такая линия русской литературы, которая описывает специфику быта данного места, например, Одессы. Робски пишет сейчас о Рублёвке, новом городе, который вырастает под Москвой. По моему мнению, эта тема очень подходит для сатирического описания, но она

трактует её иначе. Я, прежде всего по своему месту рождения, тесно связана с моим Капустиным Яром. Впрочем, я заметила, что когда возвращаюсь из иных краёв, потому что разъезжаю я часто, нет у меня никакой охоты о них писать, тогда как мой мир не перестаёт быть для меня источником вдохновения. Например, как Фолкнер, который тоже сотворил своё особое пространство, описывая одних и тех же героев и выстраивая специфические города. Когда я говорила с российскими писательницами, одна из них заметила, что каждая из нас имеет свою нишу. Одна Петербург, другая Москву, а у тебя, – обратилась она ко мне, – есть свой Капустин Яр. Тогда я с ней не согласилась, потому что мне ещё казалось, что я – новый Достоевский, и ещё напишу много великих повестей. А теперь вижу, что она была права, но думаю также, что само время диктует сужение тематики, ибо мир так велик, что его сейчас не удастся объять, как это было в девятнадцатом веке.

Перевела с польского Марианна Нугер

Светлана Василенко
СТИХИ О ПОЛЬШЕ

* * *

Польша, Варшава,
Старое място, –
пан у паненки
целует запястья.

Возле цветущего
красным куста –
пан у паненки
целует уста.

Мнёт её всю –
от макушки до пяток,
острых грудей
и цыплячьих лопаток.

Смотрит сурово
на них езуит,
а под сутаной
сердце стучит.

Бьётся и рвётся,
и плачет оно.
Рыжий котёнок
смотрит в окно.

Видит он сердце:
в красный клубок
острый вонзить
он готов коготок.

Ниток моточек
он разматывает.
Пан всё паненку
кохает, кохает...

*06.12.2007 г.,
Познань*

* * *

Дождь над Познанью. Зима.
День святого Николая.
Ёлка вся стоит в огнях,
Перед ней стоит малая.

Смотрит грустно на шары,
На нее собачка лает,
Для нее подарка нет
У святого Николая.

Просит грошики она,
Счастья всем в году желая.

Положи ей золотой
В день святого Николая.

07.12.07
поезд Познань – Вроцлав

ПОЗНАНЬ

Познань – познанье
Польши упрямой:
Козлики бьются
На башне рогами.

Ровно в двенадцать
Идут на закланье
На ратуше древней
Всем в назиданье:

Чтоб не утихли
гонор и страсть
Польские,
Чтоб не пропасть, –

Не надо сдаваться,
Не надо бояться,
Надо бороться,
Надо бодаться!

07.12.07
поезд Познань – Вроцлав

ПОЛЬША

Польша, весна,
и грачи прилетели,
гнезда на вётлах, –
чтоб она не згинела.

Польша, поля,
и ручьи зазвенели,
лошадь на пашне, –
чтоб она не згинела.

Польша, Шопен,
и зелёные ели,
лебедя крылья, –
чтоб она не згинела.

Польша, Мицкевич,
и ангелы пели
хором в костёле
нам до утра, –

чтоб не згинела,
чтоб не згинела, –
Польша – мятежная
наша сестра.

06.12.07 г.
Варшава – Познань

* * *

Во Вроцлаве семейство
гномиков живет:
один всем варит кашу,
другой шары везёт.
Третий краснолюдек¹
домик сторожит,
а четвертый стражником
у тюрьмы сидит.
Пятый им стирает –
он-то не палач –
у него простое
имя: гномик Прач.

Гномики весёлые
бродят там и тут,
в колпаках оранжевых
Вроцлав стерегут.

*08.12.07 г.
поезд Вроцлав – Краков*

* * *

В городе да Кракове
танцуют краковяк,
туфли мать купила
себе на каблуках.

Пары разойдутся,
сходятся опять,
ах, ты моё детство
в военных городках!

Мама с офицером
парою пошла,
в результате скоро
меня и родила.

Краков, краковяне,
я у вас в гостях,
спляшем что ли вместе
танец краковяк!

В городе да Кракове
танцуют краковяк,
туфли я купила
себе на каблуках...

*08.12.07 г.
поезд Вроцлав – Краков*

Памятки истории

Владимир Исупов **ДРУГАЯ СТОРОНА ВОЙНЫ...**

«23 июня 1941 г. осведомитель, идя в военкомат с призывниками Анисимовым и Смирновым, слышал следующие разговоры: “Мы их разобьём, русских костей хватит дорогу мостить”».

*Из спецдонесения начальника
Управления НКГБ Алтайского края*

Если бы не память, жизнь была бы невозможна;
если бы не забывание, жизнь была бы невыносима.

Владислав Гжегорчик

В российской истории нет такого сюжета, который привлекал бы более пристальное внимание, чем Великая Отечественная война. О событиях 1941-1945 гг. написаны сотни фундаментальных научных работ и множество популярных книг. Тем не менее, самая кровавая в истории России война по-прежнему остается «неизвестной». Идеологические табу, надёжно подкреплённые недоступностью многих архивных документов, прочно закрывали дорогу всем, кто пытался докопаться до истины. В «запретной зоне» долгое время пребывал и тот очевидный для многих исследователей факт, что война была выиграна не за счёт мудрого руководства вождей и коммунистической партии. В основе Победы лежит прежде всего абсолютное ресурсное превосходство Советского Союза. Время, гигантское пространство, огромные запасы стратегического сырья, а главное – огромный численный перевес – всё было на стороне Красной армии.

Перед началом Второй мировой войны Советский Союз обладал крупнейшим в Европе людским потенциалом. Перепись 1939 г. показала, что в СССР (в границах до 17 сентября 1939 г., т.е. без Западной Украины и Белоруссии, Прибалтики, Бессарабии и Северной Буковины) проживало 170,6 млн. человек. Население нацистской Германии (включая Австрию и протекторат Богемия и Моравия, на территории которых проводился призыв в вермахт) в 1939 г. насчитывало 80,6 млн. человек. Совокупная численность населения европейских стран, чьи солдаты сражались на стороне Германии, составляла около 77 млн. человек. В Италии проживало

43,8 млн. человек, в Венгрии – 9,2, в Румынии – 19,9 млн., в Финляндии – 3,7 млн. человек. Таким образом, Советский Союз превосходил третий Рейх и его союзников прежде всего по возможностям развертывания армии. За годы Второй мировой войны (1939-1945 гг.) в Вооруженные силы СССР было мобилизовано свыше 34 млн. человек. Гитлеру такая армия и не снилась. Численность мобилизованных в германские вооруженные силы составила около 18 млн. человек. Сегодня вряд ли кто-либо оспорит утверждение ветерана Великой Отечественной войны В. Крысова: «Победили количеством, а не умом».

Но до сих пор остаётся «за кадром» другая сторона войны – те напряжения и конфликты, которые вызвала предельная мобилизация советского людского потенциала. Историки, увлекшись рассказом о мощи Красной армии, о боевых и трудовых подвигах народа, забыли об огромных людских потерях, острой нехватке рабочей силы в тылу, о цинично пренебрежительном отношении власть имущих к человеческой жизни. А заниматься такими «грязными» вопросами, как дезертирство и уклонение граждан от выполнения своего воинского долга вообще считалось неприличным. «Гнойник» был загнан внутрь исторического «тела», но от этого проблема не исчезла.

При подготовке статьи автор исходил из того очевидного положения, что в основе всякой исторической работы должен лежать факт, подтверждённый документально. Всё остальное от лукавого. Поэтому в статье много цифр, так или иначе характеризующих военно-мобилизационную работу тыловых органов. Но сухая цифра подчас наполнена глубоким содержанием. Она может сказать вдумчивому читателю больше, нежели десятки страниц словесных изысков.

Вопрос об источниках информации для профессиональных историков, к которым причисляет себя автор, является первостепенным. При работе над текстом автор основывается главным образом на материалах, хранящихся в различных архивах страны: ГАРФ (Государственный архив Российской Федерации); РГАЭ (Российский государственный архив экономики); ГАНО (Государственный архив Новосибирской области); ГАКО (Государственный архив Кемеровской области); ЦХАФАК (Центр хранения

архивного фонда Алтайского края); ЦДНПО (Центр документации новейшей истории Омской области). Для экономии места (статья и так получилась очень большой), автор решил ограничиться перечислением использованных архивов, не делая специальные сноски с нудным перечислением фондов, описей, номеров дел и листов.

Перед грозой

Крупномасштабные мобилизации людских ресурсов для Красной армии в народном сознании, как правило, связываются с нападением Германии на Советский Союз. На самом деле массовая воинская мобилизация развернулась значительно раньше. Ещё 1 сентября 1939 г. Верховный Совет СССР принял закон «О всеобщей воинской обязанности», согласно которому каждый мужчина был обязан пройти срочную воинскую службу. Реализация закона сразу же превратилась из обыденного призыва молодежи в армию мирного времени в беспрецедентную по масштабам, но тщательно скрытую военную операцию. Первыми под действие нового закона попали юноши 1919 и частично 1918 гг. рождения. Они были призваны в Красную армию осенью 1939 г. Тогда же была организована приписка к призывным участкам молодежи 1920-1921 гг. рождения. В сентябре-октябре 1940 г. молодые люди 1920-1921 гг. рождения отправились в армию, а юноши 1922 г. рождения прошли процедуру приписки. В Новосибирской области¹ в 1939 г. в Красную армию было направлено почти 47 тыс. призывников, в 1940 г. – около 50 тыс. Практиковались и дополнительные мобилизации военнообязанных запаса старших возрастов. Так, в сентябре 1939 г. была развернута мобилизация резервистов, замаскированная под Большие учебные сборы. Помимо этого, в 1940 г., для возмещения потерь, понесённых в ходе Зимней войны с Финляндией, проводился призыв военнообязанных 1910-1914 гг. рождения, а также набор добровольцев. Для некоторой части военнослужащих срочной службы демобилизация была задержана. В результате численность Красной армии быстро увеличивалась. И если на 1 января 1938 г. в советских Вооруженных силах служили 1,6 млн. человек, то на 22 июня 1941 г. – свыше 5,8 млн. человек. Из них 4,6 млн. – в сухопутных войсках,

0,5 млн. – в ВВС, 0,4 млн. – в ВМФ и 0,4 млн. в пограничных и внутренних войсках НКВД. Красная армия, таким образом, стала одной из самых крупных в мире, уступая по численности только армии Германии. Вермахт (вместе с войсками СС) в 1941 г. насчитывал – 8,2 млн. человек. Однако из-за повышенной секретности никто в мире, даже Гитлер, обладавший таким эффективным инструментом разведки, как Абвер, не догадывался, как быстро Советский Союз разворачивает свою армию.

Масштабный призыв военнообязанных выявил огромное количество сбоев в работе государственных структур, призванных обеспечить мобилизацию. Практика продемонстрировала, что государственные органы, ответственные за определение мобилизационных ресурсов страны, не имеют ясного представления о численности и составе призывного контингента. Всесоюзная перепись населения 1939 г., которая могла быть положена в основу установления военно-мобилизационных возможностей Советского Союза, дала недостаточно точную картину демографического состояния страны. В ходе переписи численность населения СССР была завышена, а сама перепись из-за маниакальной подозрительности властей так и не была полностью опубликована. Только позднее, уже в годы Великой Отечественной войны, стало понятно, что, искажая в угоду идеологическим фетишам демографическую статистику, советские руководители обманывали сами себя.

Материалы переписи 1939 г., несмотря на засекреченность её основных показателей, всё же попали в Германию и их небезуспешно использовали немецкие военные аналитики. Отдел «Иностранные армии Востока» Генерального штаба сухопутных сил Германии положил перепись 1939 г. в основу выявления военно-мобилизационного потенциала СССР и успешно справился с поставленной задачей. Из этого следует, что секретность, созданная вокруг переписи 1939 г., была рассчитана на внутреннее потребление, на сокрытие информации главным образом от советских людей. Это причиняло ущерб самому Советскому Союзу.

Изъяны в использовании результатов переписи 1939 г. усугублялись недостатками советского статистического учета. На основе недостоверных данных о естественном и механическом приросте

были получены ненадёжные данные о численности населения Советского Союза на 1940 и 1941 гг. Этому способствовали и объективные причины – отсутствие достоверных сведений о населении «новых» советских территорий. Как известно, после 17 сентября 1939 г., в ходе так называемых «освободительных» походов, в состав СССР были включены Западная Украина и Западная Белоруссия, в 1940 г. – Бессарабия, Северная Буковина, Литва, Латвия и Эстония. Кроме того, к СССР были присоединены некоторые районы, отторгнутые у Финляндии. Территория Финляндии досталась Советскому Союзу пустынной – местное население было эвакуировано. Но этого нельзя сказать обо всех остальных присоединённых территориях. Однако численность их населения пришлось устанавливать на глазок.

На 1 января 1941 г. население Советского Союза (с учетом присоединённых территорий) было определено почти в 199 млн. человек. В действительности численность населения СССР составляла 195 млн. человек². В 1941 г. ни один государственный орган не имел точных данных о численности населения и количестве мужчин боеспособных возрастов. Великая Отечественная война началась при отсутствии достоверных сведений о людских ресурсах, что сильно путало все планы по их использованию.

Но даже те материалы, которые имелись, отчётливо демонстрировали ахиллесову пяту Советского Союза – явный перекося в структуре населения в пользу женщин. Женский перевес, который в годы Великой Отечественной войны играл крайне негативную роль в укомплектовании Вооруженных сил личным составом, образовался «не вдруг», но явился результатом длительного предшествующего развития демографической сферы. Согласно данным «царской» переписи 1897 г., численность мужчин и женщин в Российской империи являла собой сбалансированную величину с небольшим перевесом в сторону женщин. Первая мировая война, а затем и Гражданская война внесли свои негативные коррективы в соотношение полов. Перепись 1920 г. наглядно продемонстрировала, что в населении страны образовался значительный перекося в соотношении полов. Как писал русский учёный с мировым именем, П.А. Сорокин, население России после завершения мировой и Гражданской войн «обабилось».

Когда Советский Союз вступил в стадию форсированной индустриализации и коллективизации, ситуация ещё более ухудшилась. Построение «нового» общества проводилось за счёт жесточайшей эксплуатации населения, что привело к гигантскому перерасходу человеческих ресурсов, в частности, к увеличению смертности. Особенно резко выросла смертность мужчин. Значительный урон мужскому населению страны нанёс голод 1932-1933 гг. «Сильная половина» не выдерживала ухудшения условий существования и интенсивно вымирала. Женщины оказались биологически более устойчивыми. Значительный урон понесли мужчины в ходе массовых репрессий конца 1930-х гг. В СССР во всей своей силе дал о себе знать феномен, который в демографии именуется «сверхсмертностью» мужчин. К концу 1930-х гг. диспаритет полов обострился до такой степени, что соотношение полов стало таким, каким оно обычно бывает после завершения крупной военной кампании. Удельный вес женщин в населении СССР составлял по переписи 1937 г. – 52%, а по переписи 1939 г. – 53%.

Значительные просчёты в определении мобилизационного потенциала допускали работники Наркомата обороны (НКО) СССР. В 1940 г., после окончания советско-финляндской войны разгневанный Сталин снял с поста наркома обороны К.Е. Ворошилова. В процессе передачи дел новому наркому обороны С.К. Тимошенко были вскрыты вопиющие промахи не только в боевой подготовке войск, но и в состоянии учёта личного состава. Как подчеркивалось в акте приёмки, он находился в *«исключительно запущенном состоянии»*. НКО не обладал даже информацией о точной численности Красной армии. Отсутствовали данные о количестве военнообязанных запаса. Переучёт резервистов в Советском Союзе не проводился с 1927 по 1940 г. Война была на носу, а сведения о численности и составе потенциальных солдат были очень приблизительны.

Основная масса хозяйственных руководителей, равно как и самих военнообязанных, не придавала значения правильной постановке воинского учёта. Немаловажную роль сыграли и шапкозакидательские настроения. Лозунг «На чужой территории и малой кровью» способствовал несерьёзному отношению к такому кропотливому делу, каким является воинский учёт. Очень показательным в этом

отношении письмо Кемеровского военкома, старшего политрука Фадеева от 31 января 1938 г., адресованного председателю Кемеровского горсовета и руководителям крупных предприятий города. В письме указывалось, что согласно постановлению Военного совета Сибирского военного округа (СибВО) требовалось ещё к ноябрю 1937 г. проверить списки всех военнообязанных. Это постановление, писал Фадеев, *«полностью никто не выполнил. В четвёртый раз прошу выслать в Райвоенкомат списки всех приписанных»*. Такая ситуация была характерна не только для Кузбасса, но и для других районов Западной Сибири. В справке «О состоянии учета военнообязанных в Новосибирской области», подготовленной Военным отделом³ обкома в конце 1939 г. указывалось: *«Состояние военного учета в области явно неудовлетворительное и не отражает действительного положения, как в количественном, так и в качественном отношении»*. В Новосибирской области осенью 1939 г., к изумлению работников военкоматов, на призывные пункты явилось на 8 тыс. юношей больше, чем состояло на воинском учете.

В таких условиях о каком-либо строгом планировании и эффективном использовании огромного людского потенциала страны не могло идти и речи. Летом 1941 г., с началом боевых действий, в деятельности штабов, не обладавших точной информацией о советском людском потенциале, произошёл сбой. Решения о воинской мобилизации носили не планомерный и упорядоченный характер, а являлись ситуационными и подчас бессистемными.

Генштаб предполагает...

Важнейшим элементом использования людских ресурсов в случае войны является направление боеспособной мужской части населения в армию. С этой целью Генштаб должен был создать мобилизационный план. Работа над ним – сложное дело, требующее высокой квалификации штабных работников и уточнённой демографической информации о численности и составе населения по полу и возрасту. В довоенные годы задача создания эффективного мобилизационного плана так и не была решена полностью. В период с мая по июнь 1941 г. мобилизационный

план перерабатывался четыре раза, но работа так и не была закончена. Согласно одному из вариантов плана, созданного в начале 1941 г., так называемого «МП-41», советские Вооруженные силы после развёртывания и перехода на штаты военного времени должны были насчитывать 8,7 млн. красноармейцев и командиров. Кроме того, в Красной армии предполагалось использовать 188 тыс. вольнонаёмных, а военизированные формирования гражданских наркоматов должны были получить 242 тыс. человек. Самыми крупными были военизированные формирования Наркомата путей сообщения – 111 тыс. человек и Наркомата здравоохранения – почти 83 тыс. человек. МП-41 касался только собственно армии и не предусматривал мобилизацию резервистов во внутренние и пограничные войска, которые в ведомственном отношении подчинялись всеильному НКВД. Они комплектовались по особым планам. Следовательно, совокупная численность вооруженного контингента в Советском Союзе должна была, вероятно, достигнуть, а может быть, и превзойти 10-миллионный рубеж. Помимо этого, на покрытие возможных боевых потерь Красной армии первого года войны дополнительно требовалось мобилизовать 3,8 млн. человек.

Исходя из весьма приблизительных наметок о численности людей, которые потребуются в случае войны, потенциальные призывники были развёрстаны по всем военным округам. Войска внутренних округов должны были служить резервуаром живой силы, необходимой для пополнения Действующей армии. В СибВО, который перед началом Великой Отечественной войны охватывал Алтайский и Красноярский края, Новосибирскую и Омскую области (по административно-территориальному устройству 1941 г.), предполагалось довести численность дислоцируемых войск до 224 тыс. человек. После прохождения боевой подготовки и по мере необходимости они должны были направляться во фронтовые подразделения, а на их место призываться другие.

Иди и умри...

Катастрофическое для Красной армии начало Великой Отечественной войны полностью опрокинуло все прикидки Генштаба. От использования «МП-41» пришлось отказаться. Реальные

потери оказались несоизмеримо выше предполагавшихся. Согласно расчетам военных историков⁴, безвозвратные потери Красной армии, флота, пограничных и внутренних войск погибшими, пропавшими без вести, попавшими в плен, расстрелянными по приговорам военных трибуналов, умершими от ран и болезней во второй половине 1941 г. составили 3138 тыс. человек. Санитарные потери (ранеными, контуженными, обожжёнными и больными) достигли – 1336 тыс. человек. К ним необходимо приобщить 500 тыс. резервистов, призванных, но не зачисленных в штаты воинских частей, погибших, попавших в плен, пропавших без вести или дезертировавших по пути в свои подразделения. Следовательно, общие потери советских Вооруженных сил летом и осенью 1941 г. составили около 5 млн. человек, а, возможно, и больше.

Самые крупные потери живой силы в 1941 г. Красная армия понесла в так называемых котлах. В двойном котле под Белостоком и Минском в июне-июле оказалась 10-я армия. В сводке германского верховного командования от 11 июля сообщалось, что здесь было взято в плен 329 тыс. советских военнослужащих. В Уманском котле, где были уничтожены 6-я и 12-я армии, немцы взяли в плен 103 тыс. человек. В сентябре в районе Киева был загублен практически весь Юго-Западный фронт. Главным виновником этой катастрофы был Сталин, который отказался отдать приказ на отвод войск из явно наметившегося окружения. По немецким источникам в Киевском котле было пленено 665 тыс. красноармейцев и командиров. В октябре под Вязьмой оказались в окружении сразу четыре армии – 19-я, 20-я, 24-я и 32-я. Тогда же под Брянском образовалось сразу два котла, в которых почти полностью были уничтожены 50-я, 3-я и 13-я армии. Весь кадровый состав Красной армии, с таким трудом обученный и вооружённый перед началом войны, был почти полностью погублен.

Данные немецкой стороны о количестве взятых в плен красноармейцев и командиров, возможно, преувеличены. Стремление победителя зависеть потери побеждённых общеизвестно, а гитлеровцы никогда не стремились к правде. Вместе с тем, сведения противника о численности советских военнослужащих, взятых в плен в котлах, находят подтверждение в советских источниках.

Так, согласно сводке германского верховного командования к 13 октября, когда котлы под Вязьмой и Брянском были ликвидированы, в немецком плену оказалось 663 тыс. советских военнослужащих. В действительности убыль личного состава окружённых войск, как показали новейшие изыскания военного историка С.Н. Михалева, достигла 789 тыс. человек. Разница в 126 тыс. человек между отечественными и немецкими цифрами объясняется тем, что часть красноармейцев и командиров погибли в бою. Другим удалось избежать пленения и вырваться из окружения. Те, кому это не удалось, ушли в партизаны или пристроились примачами в крестьянские семьи. Многие из них были призваны в Красную армию вторично, после изгнания оккупантов.

Сведения о потерях Красной армии, опубликованные в статистическом исследовании «Гриф секретности снят», скорее всего, сильно занижены. Это прикидочные оценки, основанные на расчётах, а они в принципе не могут быть точными. Поэтому, когда в книге приводятся данные о потерях с точностью до одного человека, это вызывает только иронию. Людские потери Красной армии определены на основе донесений фронтов, флотов, армий, военных округов и отчётов Центрального военно-медицинского управления. Между тем, подсчёт боевых потерь в советских Вооружённых силах был организован из рук вон плохо. Летом и осенью 1941 г. учёт людских потерь практически полностью отсутствовал. Фронтные командиры в обстановке отступления не имели времени и сил заниматься учётом личного состава. Многие документы, содержащие данные о потерях и считавшиеся строго секретными, во время окружения целых армий преднамеренно уничтожались. Часть из них исчезла при форсировании рек, при пожарах, просто при бегстве. Арестованный 30 июня 1941 г. командующий Западным фронтом генерал Д.Г. Павлов на допросе показал: *«До дня ареста сведений о потерях, как людей, так и материальной части у меня не было»*. Штабы Западного, Резервного и Брянского фронтов после окружения семи советских армий под Вязьмой и Брянском доложили в Генштаб о потере всего 45 тыс. человек, тем самым занижив реальные потери почти в 18 раз.

Огромный недоучёт потерь Красной армии, помимо объективных обстоятельств отступления, дополнительно обуславливался

рядом субъективных факторов. С одной стороны, явный недоучёт потерь свидетельствует об отношении сталинского режима к человеческой жизни как к чему-то малоценному, но количественно неограниченному. Эта позиция чётко зафиксирована в выступлении Сталина на параде Красной армии 7 ноября 1941 г. Исключая всякую двусмысленность, вождь заявил: *«Наши людские резервы неисчерпаемы»*. Не меньшую роль играло отвратительное советское администрирование, выстроенное на бездушно-бюрократических принципах. Примерно через месяц после начала Великой Отечественной войны, 29 июля 1941 г. в НКО было спешно создано Главное управление формирования и укомплектования войск Красной Армии (Главупраформ). С августа 1941 г. и до осени 1943 г. его возглавлял армейский комиссар 1-го ранга (с 1942 г. генерал-полковник) Е.А. Щаденко, бывший одновременно заместителем наркома обороны. Затем на этом посту был утверждён генерал-полковник И.В. Смородинов. Главупраформ, ведавший вопросами формирования и укомплектования армии, а также учёта военных потерь, в условиях беспорядка и путаницы 1941 г. оказался не в состоянии собрать полную информацию об убыли живой силы.

Специальная организация, занимавшаяся сбором сведений о потерях – Центральное бюро по персональному учёту потерь личного состава Действующей армии – была сформирована только через полгода после начала Великой Отечественной войны, в январе 1942 г. Но создание дополнительной специализированной структуры не изменило ситуацию. Между тем, органы, ведавшие вопросами укомплектования и формирования войск, из Генштаба были переданы Главупраформу. В Оперативном управлении Генштаба остался только организационно-учётный отдел, главной задачей которого был учёт войск и их дислокации. Это в ещё большей степени усложнило регистрацию воинов, павших на поле боя. Примечательны строки из приказа начальника Главупраформа Е.А. Щаденко от 12 апреля 1942 г. *«О персональном учёте безвозвратных потерь на фронтах»*. Приказ гласил: *«...учёт личного состава, в особенности учёт потерь, ведётся в действующей армии совершенно неудовлетворительно... На персональном учёте состоит в настоящее время не более 1/3 действительного состава»*.

убитых. Данные персонального учета пропавших без вести и попавших в плен ещё более далеки от истины». Регистрация боевых потерь в Красной армии была поставлена неудовлетворительно не только в начале, но и в конце войны. В приказе наркома обороны от 7 марта 1945 г. указывалось, что «военные советы фронтов, армий и военных округов не уделяют должного внимания этому (учёту потерь личного состава – В.И.) важному вопросу». Таким образом, это было не ситуационное явление 1941 г., но широко распространённое генеральское равнодушие к жизни солдат. Только за два послевоенных года по запросам родственников дополнительно пришлось оформить около 2 млн. похорон на погибших солдат и офицеров.

Обратимся к свидетельству непосредственных участников событий. Прошедший всю войну и занимавший в Красной армии крупные командно-политические должности Н.К. Попель вспоминал: «Беда с учётом... Никто не знает, сколько человек было накануне боя, сколько осталось, сколько убито, ранено». К.А. Мерецков, в 1942 г. командующий Волховским фронтом, характеризуя боевую работу Военного совета 2-й Ударной армии, вынужден был признать: «Персональный учёт раненых и убитых находился в запущенном состоянии, в армии не знали даже приблизительных потерь». К.А. Мерецков в своих мемуарах сообщил, что потери 2-й Ударной армии составили погибшими всего 6 тыс. человек, а пропавшими без вести 8 тыс. человек. Современные исследования показали, что 2-я Ударная армия с 7 января по 30 апреля 1942 г. в ходе Любанской наступательной операции потеряла 81 тыс. человек. В кровопролитных боях по выводу 2-й Ударной армии из окружения (между 13 мая и 10 июля) советское командование загубило ещё 47 тыс. красноармейцев и командиров. Стало быть, К.А. Мерецков почти в 12 раз занижил потери 2-й Ударной армии.

Одной из причин неполного учёта боевых потерь в начале войны было отсутствие у красноармейцев документов, удостоверяющих личность. Красноармейские книжки были отменены ещё в 1940 г. Красноармейцы и младшие командиры оказались на фронте без документов. Вновь красноармейские книжки были введены только 7 октября 1941 г. Фактически они стали выдаваться в частях

Действующей армии не ранее января 1942 г. Личные медальоны, в которые вносились сведения о военнослужащих, у многих бойцов отсутствовали. Красноармейцы их просто выбрасывали, так как на фронте широко распространилось поверье, что ношение «смертных» медальонов является плохой приметой. 17 ноября 1942 г. медальоны вообще были отменены.

Крупным изъяном представленных в статистическом исследовании военных историков сведений является то, что они не учитывают гибель бойцов и командиров в подразделениях, структурно не входивших в состав РККА и ВМФ. Исключение составили только потери внутренних и пограничных войск НКВД. Но авторы исследования игнорируют потери партизан, подпольщиков, народных ополченцев, бойцов истребительных батальонов, военнизированных формирований гражданских наркоматов, а также гражданских работников железнодорожного, речного, морского и автомобильного транспорта. Между тем, эти потери были весьма значительны.

Но особенно скверно в военные годы был организован учёт советских военнослужащих, пропавших без вести и попавших в плен. Командиры подразделений не без оснований опасались докладывать начальству о «позорных» фактах. За всю Великую Отечественную войну всеми командирами по официальным каналам было доложено о 36 тыс. (!) плененных. На самом деле в плену оказались миллионы военнослужащих. По вопросу о количестве бойцов и командиров, погибших в плену, высказывались многие историки. Но они так и не пришли к единому мнению. Как считает Е.И. Рыбкин, в 1941-1945 гг. в немецких концлагерях погибли 4,5 млн. советских солдат и офицеров. По мнению Б.В. Соколова, в плену закончили жизнь 3,7 млн. советских военнослужащих. Ближкую к этой оценке высказывает такой солидный исследователь, как М.И. Семиряга – 3,3 млн. погибших в плену. Между тем, по данным статистического исследования «Гриф секретности снят» в плену оказалось 4059 тыс. советских военнослужащих. Из них 1836 тыс. вернулись по домам после окончания войны, а почти 940 тыс. человек из числа ранее пропавших без вести и бывших в плену были призваны вторично. Судьба 1283 тыс. человек неизвестна. Надо полагать, большая их часть погибла. На наш взгляд,

эта цифра не отражает даже приблизительно потери военнопленных. Уточнить данные о количестве погибших советских военнопленных можно только на основе немецких источников. По этим, куда более достоверным, данным, в немецкие лагеря к декабрю 1941 г. поступило 3350 тыс. красноармейцев и командиров. К январю 1943 г. их число выросло до 5001 тыс. человек. В феврале 1945 г. в германском плену томилось 5735 тыс. советских военнопленных. Немецкие историки признают, что из общего числа советских военнопленных погибли 3,3 млн. человек.

Вместе с тем, советская сторона всеми способами стремилась преувеличить потери противника. Известно, например, утверждение Сталина, сделанное в докладе на заседании Моссовета 6 ноября 1941 г., что вермахт потерял убитыми, ранеными и пленными более 4,5 млн. человек. На самом деле на Восточном фронте за 5 месяцев войны, с 22 июня по 23 ноября немцы потеряли убитыми 155 тыс. солдат и офицеров, пропавшими без вести – 31 тыс., ранеными – 540 тыс. Советское тыловое население в большинстве своём воспринимало заявление Сталина о потерях противника как стремление выдать желаемое за действительное. Материалы о восприятии тыловиками сообщений с фронта сосредоточены в информационных сводках, составлявшихся органами НКВД на основе отчётов «осведомителей» – секретных носчиков НКВД. Так, в беседе с одним из так называемых «стукачей» работник алтайского «Снабсбыта» Колесник сказал: *«Нашим газетам верить нельзя. Газетные сообщения Совинформбюро брехня. Говорят, что РККА имеет меньшие потери, это выдумка»*. Бригадир Барнаульского хлебокомбината Тушев перед началом митинга заявил: *«В сводке о потерях наших войск показывается очень мало, а фактически потери больше»*.

Реальные боевые потери Красной армии в 1941 г. намного превзошли наметки о вероятных потерях, сделанные Генштабом перед началом войны. Советскому военному руководству пришлось кардинально пересмотреть всю стратегию мобилизации. Этому способствовала и быстрая оккупация западных регионов СССР, что существенно сократило резерв призывников. Начальник Главупраформа Е.А. Щаденко в сентябре 1942 г. докладывал Сталину, что на занятой противником территории осталось 5,6 млн. потенциальных

призывников. Военно-мобилизационный потенциал Казахстана, Средней Азии и Северного Кавказа был ограничен из-за особенностей менталитета их жителей и слабого знания русского языка. В результате воинская мобилизация в 1941 г. всей своей непомерной тяжестью обрушилась на центральные, южные и восточные районы России, Армению, Грузию и Азербайджан.

В первый же день войны, 22 июня 1941 г., был обнародован указ Президиума Верховного Совета СССР «О мобилизации военнообязанных». Указ предусматривал с 23 июня развернуть мобилизацию граждан 1905-1918 гг. рождения. Первая волна воинской мобилизации завершилась в начале июля 1941 г. В Красную армию было направлено 5,3 млн. человек. Численность РККА была доведена до 9,6 млн. красноармейцев и командиров. Однако к 1 августа 1941 г., согласно данным Оперативного управления Генштаба, фактическая численность Красной армии из-за огромных потерь понизилась до 6,7 млн. человек. В этой связи, 10 августа 1941 г. ГКО принял постановление «О мобилизации военнообязанных 1890-1904 гг. рождения и призывников 1922-1923 гг. рождения». Вторая волна мобилизации должна была возместить огромные боевые потери, понесённые Красной армией в ужасное лето 1941 г. К 1 декабря 1941 г. в Красную армию дополнительно было направлено свыше 16 млн. человек.

Вследствие двух волн воинских мобилизаций, организованных спешно, непродуманно и бессистемно, резерв военнообязанных в тыловых районах был в значительной степени исчерпан. Это был явно «избыточный» призыв. Такое количество новобранцев страна не могла быстро вооружить, обмундировать и обучить. Вместе с тем, экономика лишалась миллионов рабочих рук. В армии оказались сотни тысяч квалифицированных инженеров, техников и рабочих, без которых военная промышленность была поставлена на грань остановки. Достаточно сказать, что за первые четыре недели массовой мобилизации в ряды армии влилось 650 тыс. офицеров запаса – те самые инженеры и техники, которых так не хватало оборонным заводам. Это был серьёзный стратегический просчёт. Масштабные мобилизации в Вооружённые силы пришлось прекратить. Теперь в армию призывалась молодежь, по мере взросления вступающая в призывной возраст.

Проводились также частичные мобилизации резервистов старших возрастов.

Западная Сибирь, где накануне Великой Отечественной войны проживало свыше 9 млн. человек, а сельские жители составляли большинство населения, рассматривалась советским руководством как важный источник живой силы, необходимой для укомплектования Вооруженных сил личным составом. Мобилизационные телеграммы пришли в Сибирь вечером 22 июня, а уже на следующий день на призывные участки прибыли первые тысячи мужчин. За пять месяцев после начала Великой Отечественной войны, к 1 декабря 1941 г. Западная Сибирь отдала в армию свыше миллиона человек. Это составило 67% мужчин призывного возраста. В городских поселениях было мобилизовано 52% мужчин, а в сельской местности, где бронирование военнообязанных использовалось в ограниченном масштабе – свыше 75%. К концу 1941 г. в тылу остались непригодные к службе в армии по состоянию здоровья, а также забронированные за отраслями экономики, имеющими оборонное значение, или сумевшие уклониться от призыва.

Но фронт требовал всё больше людей. Война, как ненасытный Молох, пожирала человеческие жизни. На запад уходили сотни тысяч необученных, плохо вооружённых бойцов, которые закрывали своими телами бреши в линии фронта, пробитые немецкими танковыми клиньями. В 1942 г. Красная армия лишилась убитыми, ранеными, контуженными, пленными, пропавшими без вести и больными около 8 млн. человек. Демянская наступательная операция (январь–май) обошлась, по самым скромным подсчётам, в 246 тыс. убитых, раненых и пропавших без вести. Почти 800 тыс. красноармейцев и командиров погибли и были искалечены в наступлении под Ржевом и Вязьмой. В мае был разгромлен Крымский фронт. Бездарное командование сталинского «политрука» Л.З. Мехлиса обошлось Красной армии в 162 тыс. солдатских жизней. Тогда же несколько советских армий были окружены и уничтожены в районе Харькова. *«Из окружения, – писал Маршал Советского Союза А.М. Василевский, – сумела выйти лишь меньшая часть нашей ударной группировки».* Совинформбюро 31 мая 1942 г. заявило, что в ходе боёв наши войска

потеряли убитыми до 5 тыс. человек, пропавшими без вести – 70 тыс. человек. Это было явной ложью. На поле боя, как считают авторы исследования «Гриф секретности снят», пало свыше 171 тыс. красноармейцев и командиров. По мнению известного военного историка, генерала Д.А. Волкогонова, под Харьковом число погибших и плененных советских военнослужащих достигло 230 тыс. человек. Немцы в своих сводках сообщили о 240 тыс. взятых в плен. Оборона Севастополя (октябрь 1941 г. – июль 1942 г.) обошлась в 200 тыс. жертв. В Синявинских болотах летом и осенью 1942 г. советские генералы бездарно погубили почти 112 тыс. красноармейцев и командиров.

В бессмысленных лобовых атаках погибал цвет нации, лучшие из лучших, здоровые, полные сил молодые мужчины. Но на место убитых, искалеченных, плененных и пропавших без вести вставали новые тысячи бойцов. В 1941 г. вермахтом было разгромлено 186 советских расчётных дивизий⁵, однако в глубоком тылу было сформировано дополнительно 526 дивизий. В 1942 г. противник уничтожил почти 130 советских расчётных дивизий. Но тыл, напрягая все силы, выделил бойцов для укомплектования 270 дивизий. Немецкий фельдмаршал фон Манштейн в книге своих воспоминаний, оценивая советские людские ресурсы, писал: *«Мы встретили поистине гидру, у которой на месте одной отрубленной головы выросли две новые».*

В Западной Сибири в 1941 г. формировались сразу 14 стрелковых и 3 кавалерийских дивизии, 5 отдельных лыжных и морских стрелковых бригад. Среди созданных в регионе соединений были такие, как: 362-я дивизия омичей, 368-я дивизия тюменцев, 370-я дивизия новосибирцев, 376-я дивизия кузбассовцев, 380-я дивизия алтайцев, а также 71-я, 72-я, 73-я морские стрелковые бригады, 43-я отдельная курсантская стрелковая бригада и другие. В 1942 г. в Омской области⁶ были созданы 308-я (позднее 120-я гвардейская), 229-я, 282-я стрелковые дивизии и 75-я стрелковая бригада, на Алтае – 312-я и 315-я дивизии и 74-я стрелковая бригада. В Новосибирской области были сформированы 235-я, 150-я и 140-я стрелковые дивизии, 278-я истребительная авиадивизия, в Кузбассе – 237-я и 303-я дивизии, в районе Томска – 284-я (позднее 79-я гвардейская) дивизия. Из добровольцев всей Западной

Сибири была создана 91-я стрелковая бригада. Чтобы были понятны масштабы событий, укажем, что по штатам мирного времени численность советской стрелковой дивизии равнялась 14,5 тыс. человек. В декабре 1942 г., после реорганизации, штатная численность стрелковой дивизии составляла 9,4 тыс., гвардейской стрелковой дивизии – 10,7 тыс. человек. В действительности, из-за больших потерь реальная численность стрелковых дивизий редко превышала 5-7 тыс. бойцов и командиров. Стрелковые бригады, как правило, насчитывали в своём составе по штату от 4 до 6 тыс. человек, морские стрелковые бригады – до 5 тыс. человек. Кроме того, на пополнение уже сформированных боевых частей, находившихся на фронте, уходили бойцы маршевых батальонов и рот. Их подготовка осуществлялась в запасных стрелковых бригадах, дислоцировавшихся в глубоком тылу. 23-я запасная стрелковая бригада СибВО в 1941-1942 гг. отрядила в Действующую армию 706 маршевых батальонов и рот. В их составе находились свыше 300 тыс. рядовых и командиров. 39-я запасная стрелковая бригада за полтора года войны отправила на фронт – 1000 маршевых рот. 29-я запасная стрелковая бригада с 15 сентября 1941 г. по 1 января 1944 г. направила в Действующую армию 1103 маршевые роты.

Выдержать страшные удары вермахта Советский Союз смог только благодаря миллионам спешно мобилизованных и быстро переброшенных на фронт резервистов. В сущности, они не были солдатами в полном смысле этого слова. Это были гражданские люди, надевшие шинели и не овладевшие даже основами военного дела. Из них немногие остались в живых. Солдатские жизни расходовались щедро, без счёта. Мысли многих, если не большинства советских военачальников были прямыми, как гвозди: иди и умри. На твоё место придут другие – ведь наши людские ресурсы неисчерпаемы. *«Мы по-прежнему атакуем его опорные пункты в лоб, несём при этом лишние потери»* – констатировал в своих мемуарах генерал А.В. Горбатов. Вот как описывает штурм Новгорода, состоявшийся 15 марта 1943 г. участник боев, сибиряк М.И. Сукнев. Атака проводилась без предварительной артиллерийской подготовки через замёрзшую пойму реки Малый Волховец. *«Только наши достигли плотными цепями поротно, со*

итыками наперевес, льда Малого Волховца, грозowymi вспышками замерзали орудийные залпы противника. По цепям пронеслись трассы крупнокалиберных пулемётов. Трасса – несколько человек падают. Но цепи смыкаются и убыстряют бег. Это был воистину массовый героизм. И вдруг видим – грохочущая стена стали. Немцы открыли огонь из 500, если не более, орудий, и все снаряды осколочно-бризантные или шрапнель. Не достигая земли, они рвались над ней в 10-15 метрах, поражая всё живое. Стену огня и дыма пронизывали тысячи пулемётных трасс и град автоматных очередей. Мы умылись кровью. Потери тяжелейшие и абсолютно неоправданные». Новгород так и не был взят. Г.К. Жуков в своих «Воспоминаниях и размышлениях» прямо писал о *«растранижении»* людских ресурсов.

На 12-й день войны начальник Генерального штаба сухопутных войск Германии генерал-полковник Ф. Гальдер, пребывая в состоянии победной эйфории, записал в своём служебном дневнике: *«задача разгрома главных сил русской сухопутной армии выполнена... Не будет преувеличением сказать, что кампания против России выиграна в течение 14 дней».* На 34-й день войны в записях Гальдера появились нотки тревоги: *«Задача осталась прежней: разгромить живую силу противника... Неиссякаемые людские резервы».* И только на 51-й день войны до сознания немецкого генерала дошла страшная для него истина: *«Колосс-Россия... был нами недооценён. К началу войны мы имели против себя около 200 дивизий противника. Теперь мы насчитываем уже 360 дивизий противника. И даже если мы разобьём дюжину таких дивизий, русские сформируют новую дюжину».* К аналогичным выводам пришла и немецкая разведка. Начальник отдела «Иностранные армии Востока» Р. Гелен писал: *«Несмотря на то, что русские в сражениях под Киевом, Вязьмой и Брянском понесли огромные потери, мы установили к настоящему времени наличие в Красной армии примерно такого же числа дивизий и частей, что и в начале войны».*

Однако ни Гальдер, ни Гелен не представляли, какое перенапряжение испытывает советский тыл. В Алтайском крае уже к октябрю 1942 г. было мобилизовано 279508 человек. Кроме того, было призвано 66053 призывника 1922-1924 гг. рождения.

К 10 июня 1943 г. число отправленных в Действующую армию жителей Алтайского края достигло 459784 человек. С 1 января по 1 октября 1944 г. в Красную армию было призвано ещё 31924 человека. Таким образом, за 3 года и 4 месяца войны Алтайский край отдал фронту почти полмиллиона бойцов – практически всех мужчин призывного возраста.

В Новосибирской области с 22 июня 1941 г. по 1 октября 1942 г. было мобилизовано 558758 человек. Тем не менее, Главупраформ потребовал в первом полугодии 1943 г. призвать дополнительно 86 тыс. новосибирцев. Выполняя мобилизационные задания, военкоматы области с 1 января по 1 июля 1943 г. призвали и направили в войска 83005 человек. Помимо этого, для укомплектования специальных частей в армию были мобилизованы «особо проверенные» коммунисты и комсомольцы: для пополнения Сталинской дивизии добровольцев-сибиряков – 1335 человек, для 4-го гвардейского миномётного полка – 120 человек, для укомплектования новосибирского батальона добровольцев-сибиряков – 300 человек, в Сталинский гвардейский корпус добровольцев – 546 человек. В результате крупномасштабных изъятий людей, к 1 июля 1943 г. на воинском учёте в Новосибирской области осталось 148697 человек. Однако из этого числа призвать в Действующую армию можно было только 487 человек, годных к строевой службе и 7446 человек, годных к нестроевой. Людской потенциал области, казавшийся в начале войны неисчерпаемым, к середине 1943 г. был истощён почти полностью.

Невзирая на это, во втором полугодии 1943 г. Главупраформ установил наряд на призыв ещё 57 тыс. человек. Путём перенапряжения всех сил, проведя разбронирование, организовав медицинские переосвидетельствования и перерегистрации военнообязанных, направив в Вооружённые силы призывников 1926 г. рождения и женщин, область сумела в основном выполнить мобилизационное задание. За период с 1 июля по 31 декабря 1943 г. из Новосибирской области на фронт ушли 2676 человек сержантского состава, 33220 человек рядовых, 18898 призывников 1922-1926 гг. рождения, а также 482 офицера запаса. Сверх того, область выделила бойцов для укомплектования специальных частей. В гвардейскую Сталинскую дивизию добровольцев-сибиряков

было направлено 150 человек, для 4-го миномётного полка – 45 человек. Всего в 1943 г. Новосибирская область направила в армию свыше 142 тыс. человек. Стало быть, с начала войны до конца 1943 г. область передала в РККА около 742 тыс. бойцов.

В Омской области к июлю 1944 г. в Красную армию было направлено 476 тыс. человек, из них около 11 тыс. женщин. Весь запас людских ресурсов области в середине 1944 г. определялся мизерной цифрой – 118 тыс. человек. Из них нестроевых и годных к физическому труду насчитывалось 12 тыс. человек, военнообязанных, получивших отсрочку от призыва и красноармейцев-отпускников – 630 человек, отсеянных по политическим и национальным признакам – 2675 человек, негодных со снятием с военного учёта – 44 тыс. человек. Число забронированных за сельским хозяйством составляло всего 7 тыс., за промышленностью – 52 тыс. человек. Кроме того, в области проживало 21 тыс. инвалидов войны, из них 287 инвалидов I группы.

По сути дела, Западная Сибирь отдала фронту всё, что могла. Численность и удельный вес (и без того низкий) мужчин активного возраста сократились до минимальных величин. В западно-сибирской деревне по данным переписи 1939 г. численность мужчин призывного возраста (18-49 лет) составляла приблизительно 1081 тыс. человек. К 1 января 1945 г. их осталось всего 225 тыс. Свободных ресурсов, годных к службе в армии, по существу, не осталось. Миф о неисчерпаемости советских людских ресурсов развеялся как дым. Армия и экономика испытывали острейший дефицит людей, многократно усиленный их неэффективным использованием.

Начавшаяся 9 августа 1945 г. война с Японией не потребовала дополнительных людских ресурсов. Поэтому 20 мая 1945 г. из Западной Сибири ушли последние воинские эшелоны. С этого момента чрезвычайная воинская мобилизация в Действующую армию была прекращена. Молодые люди 1928 г. рождения, поздней осенью 1944 г. – в начале зимы 1945 г. взятые на воинский учёт и прошедшие приписку к призывным участкам, в 1945 г. в армию не призывались и на фронт не попали. А 26 июня 1945 г. в Западную Сибирь прибыл первый эшелон с демобилизованными воинами старших возрастов.

В целом, в течение Второй мировой войны (1939-1945 гг.) в Вооружённые силы СССР было мобилизовано 34,5 млн. человек, в том числе за четыре года Великой Отечественной войны – 29,6 млн. человек. В СибВО в 1941-1945 гг. в Красную армию, согласно официальным данным, было мобилизовано 2621,3 тыс. человек, что составило 23% от численности населения на территории, подведомственной СибВО на начало 1941 г.

Красные командиры против красных директоров

Дефицит людских ресурсов породил множество конфликтов. В борьбе за живую силу столкнулись между собой военные и гражданские руководители. Генералы настойчиво требовали людей для фронта. Директора предприятий не склонны были отдавать лучшие кадры в армию. Производственники мотивировали свою позицию нехваткой не только квалифицированных, но любых работников и необходимостью срочного выполнения оборонных заказов. При этом важно не упустить из виду, что Западная Сибирь с началом войны превращалась в мощный боевой арсенал Красной армии. Потребность в рабочей силе резко увеличилась. Главный инженер Кемеровского азотнотукового завода Сичков, характеризуя кадровую ситуацию на предприятии осенью 1941 г., отмечал: *«В связи с мобилизацией в ряды РККА были старые кадровые рабочие, а вновь прибывшие на завод молодые рабочие начинают только осваивать сложную технику»*. Директор новосибирского завода № 617 в отчёте о работе предприятия за годы войны писал: *«основная масса набранных рабочих – это бывшие школьники от 14 до 17 лет и домохозяйки, в большинстве не работавшие на производстве. Вопрос о кадрах являлся одним из актуальнейших вопросов нормальной работы завода»*. И хозяйственники, и военные пожинали плоды стратегической ошибки высшего руководства Советского Союза – призыв в начале войны квалифицированных рабочих, инженеров и техников, они оставили производство без опытных кадров.

В основе «решительной и смелой» борьбы директоров промышленных предприятий за кадры лежало не только осознание важности их продукции для фронта, но и страх сурового наказания. Ещё 17 ноября 1941 г. ГКО принял постановление № 903сс,

подписанное лично Сталиным. Отныне невыполнение задания ГКО расценивалось как особо опасное государственное преступление, каравшееся как контрреволюционное деяние по 59 статье УК. Это была одна из самых «тяжёлых» статей уголовного кодекса того времени, предусматривавшая расстрел или лишение свободы на длительный срок. Безопаснее было вступить в конфронтацию с военными и даже партийными органами, чем рисковать жизнью и свободой.

Конфликт между гражданскими и армейскими руководителями принял до предела обострённую форму. В затруднительных ситуациях производственники апеллировали к своим наркомам. Они, как правило, приходили на помощь. Директор крупнейшего в стране предприятия по производству боеприпасов новосибирского комбината № 179 А.С. Новиков в ответ на попытки военных призвать в Красную армию рабочих, направил письмо командующему СибВО Н.В. Медведеву, в котором заявил: *«Народный Комиссар Боеприпасов тов. Ванников телеграммой от 3/III-42 г. приказал не отпускать ни по каким мобилизациям без указания из Наркомата рабочих, инженеров и техников»*. В особых случаях к решению проблемы подключался лично председатель ГКО, председатель Ставки Верховного Главнокомандования, Верховный Главнокомандующий Вооружёнными силами СССР, нарком обороны Сталин. Известна, например, его телеграмма в Новосибирские обком и облисполком от 24 апреля 1942 г. Телеграмма гласила: *«...Продлить до конца 1943 г. отсрочки (бронь) от мобилизации в Красную Армию рабочим, ИТР и служащим авиационной промышленности, имевшим бронь и отсрочки в 1942 году и в первом квартале 1943 года, включая призывников всех возрастов»*.

Директора крупных оборонных предприятий, от которых зависело обеспечение армии вооружением, чувствуя за плечами мощную поддержку из центра, действовали напористо, а в иных случаях даже нагло. Для «красных» директоров областные, краевые и городские военкомы, а тем более райвоенкомы, не были силой, с которой нужно считаться. П.Е. Казанцев, в годы войны работник ряда военкоматов Кузбасса, вспоминал, что директор Кузнецкого металлургического комбината им. Сталина Р.В. Белан называл

работников военкоматов, проводивших мобилизацию, не иначе, как «грабителями и разбойниками». Военкомы часто оказывались в неприятной ситуации, когда против них выступали такие авторитетные хозяйственники, как директор особого завода №69 им. Ленина А.С. Котляр, директор авиационного завода №153 им. Чкалова В.Н. Лисицын, директор комбината №179 А.С. Новиков, директор Кузнецкого металлургического комбината им. Сталина Р.В. Белан и другие. Новосибирский облвоенком, старший батальонный комиссар Н.Г. Шемякин и начальник 2 части облвоенкомата интендант 2 ранга Шаровьев в сентябре 1942 г., пытаясь противостоять уверенному давлению руководителей оборонных предприятий, писали: «Нужно отметить факт игнорирования директорами оборонных заводов приказа Горвоенкоматов о явке рабочих призывников 1924 г. на призывные пункты, особенно по гор. Новосибирску, где директора заводов 69, 51, 153, 208 и 350 отдали приказание своему аппарату отбирать повестки и призывников на призыв не пускать, а на заводе №69 до мастеров включительно повестки райвоенкоматов просто уничтожать».

Конфликт не только не угас, но, напротив, принял самую острую форму в ходе укомплектования личным составом сталинской дивизии добровольцев-сибиряков. За подбор личного состава и укомплектование этого соединения непосредственно отвечали местные партийные организации. Наркомат обороны должен был предоставить для этого соединения командный и политический состав. Младший командный и рядовой состав комплектовался добровольцами под ответственность партийных органов. Инструкторы Новосибирского обкома Захватаева и Нарожнова 29 июля 1942 г. жаловались заведующему Военным отделом обкома Белусову: «Директор завода №590 т. Мецераков и парторг ЦК ВКП(б) т. Иванов считают невозможным отпустить добровольцев с завода, дали согласие только на 2-х человек».

В свою очередь военкомы, а это в большинстве своём были искалеченные на фронте командиры Красной армии, прошедшие «огонь, воду и медные трубы», действовали настойчиво и дерзко. Им было хорошо известно, что наряды на мобилизацию рассматривались как важнейшие правительственные задания. Постановление ГКО от 17 ноября 1941 г. распространялось не только на

хозяйственников, но и на военных. Учитывая суровую кару, предусмотренную постановлением ГКО, многие военкомы подходили к делу исключительно с бюрократических позиций – выполнить количественные показатели наряда по мобилизации, не считаясь с потребностями экономики. Заместитель начальника Томской железной дороги Чернышев 21 мая 1943 г. гневно писал командующему СибВО генерал-лейтенанту Н.В. Медведеву: «Прошу дать немедленное указание Новосибирскому, Кемеровскому облвоенкоматам и Алтайскому крайвоенкомату о прекращении какого бы то ни было призыва работников ж.д. транспорта». В качестве аргумента Чернышев привёл материалы о действиях военкома Первомайского района Новосибирска Жаркова. «Несмотря на постановление НКО от 13 мая 1942 г. и последующих указаний НКО о запрещении призыва работников жел. дор. транспорта без разрешения и специальной развёрстки НКПС, Первомайский райвоенком г. Новосибирска т. Жарков систематически самовольно разбронировывает и призывает железнодорожников».

Военный комиссар Кемеровской области, полковник Исупов в приказе по облвоенкомату от 12 декабря 1944 г. вынужден был констатировать: «За последнее время установлены случаи грубого нарушения порядка призыва и отправки в войска военнообязанных запаса. Некоторые военкоматы призывают военнообязанных запаса, пользующихся правом на отсрочку от призыва в Красную Армию без проверки законности их призыва, продолжают призывать прибывших по нарядам НКО для работы в промышленности. Этот порочный стиль работы является прямым следствием погони за количественным выполнением нарядов». Директор особого завода №69 А.С. Котляр 31 июля 1944 г. сообщал секретарю Новосибирского обкома М.В. Кулагину: «За последнее время райвоенкоматы г. Новосибирска, в особенности Заельцовский, стали на путь нарушения ГОКО от б. II-43 г. за №2828 о бронировании военнообязанных, работающих на нашем заводе, т.е. без ведома завода призывают в Красную Армию высококвалифицированных рабочих, имеющих отсрочку от призыва... Райвоенкоматы поставили Завод под угрозу срыва задания ГОКО по выпуску срочного вооружения для Красной Армии».

Конфликт был перенесён в самые высокие сферы. В него были втянуты не только наркоматы, но и секретари ЦК ВКП(б). В июле 1942 г. секретарь Новосибирского обкома М.В. Кулагин направил докладную записку Г.М. Маленкову. В записке М.В. Кулагин отмечал, что в сталинскую добровольческую дивизию к середине июля было подано свыше 25 тыс. заявлений. Но *«некоторые наркоматы дали распоряжение не отпускать с производства добровольцев в дивизию. Такие запрещения даны НКПС товарищем Хрулевым, Наркомуголь товарищем Вахрушевым, Наркомчермет товарищем Тевосяном, НКАП товарищем Шахуриным, НКВ товарищем Устиновым. Прошу, товарищ Маленков, Вашей поддержки»*. Даже первый секретарь обкома без содействия с самой вершины власти не мог обуздать директоров крупных промышленных предприятий оборонного значения.

Одним из узловых объектов конфронтации стали молодые рабочие оборонных предприятий, имевшие среднее и полное школьное образование и потому направлявшиеся в военные училища. Для них это была возможность не только реализовать свой патристический порыв, но вырваться из тисков полуголодного существования на заводах и, одновременно, повысить свой социальный статус. Стать командиром (а с 1943 г. – офицером) РККА было очень престижно. Работники военкоматов, выполняя наряды Главвупраформа, всеми способами стремились призвать молодёжь, годную для обучения в военных училищах. В марте 1943 г. омский облвоенкомат мобилизовал для укомплектования военных училищ рабочую молодёжь одного из крупных оборонных заводов, не поставив в известность руководство предприятия. Директор завода Манин срочно известил наркома вооружения Д.Ф. Устинова. Окрик из Москвы не заставил себя ждать. 15 марта 1943 г. секретарь Омского обкома М.А. Кудинов получил грозную телеграмму: *«Категорически возражаю против призыва в армию рабочих завода Манина постановлением ГОКО работающие заводе освобождены мобилизации до 1 января 1944 года. Устинов»*.

Несколько месяцев спустя, в июле 1943 г., военком Омской области полковник Старушкин, выполняя приказ командующего СибВО генерал-лейтенанта Н.В. Медведева, произвёл призыв для обучения в пехотных училищах молодых рабочих заводов №№29, 166, 20.

Хозяйственники обратились с жалобой в обком. Секретарь Омского обкома М.А. Кудинов, в конфликте между военными и производственниками принявший сторону производственников, 14 июля отправил протестную телеграмму начальнику Главвупраформа Е.А. Щаденко: *«Просим дать указание возвратить на заводы наиболее квалифицированных рабочих»*. Через два дня, 16 июля было принято постановление бюро Омского обкома, содержащее нападки на действия военных. В постановлении подчёркивалось: *«Довести до сведения ЦК ВКП(б) о том, что командующий СибВО тов. Медведев, а также его заместитель тов. Дзенин, зная об отсутствии свободных ресурсов в промышленности, дали указание облвоенкому тов. Старушкину провести набор в пехотное училище промышленных рабочих, причём это указание сопровождалось нажимом»*.

Крупный наряд на призыв молодежи в военные училища весной 1943 г. получили военкоматы Новосибирской области. 15 мая они приступили, как тогда говорили, «к вербовке» кандидатов. К 25 июня военкоматы получили 1547 заявлений от молодых добровольцев. Однако в училища удалось отправить только 1022 человека, остальные были задержаны руководителями оборонных предприятий. Парторги ЦК ВКП(б) и директора заводов №№644 и 153 просто не пустили вербовщиков на территорию предприятий для проведения бесед с молодёжью. Они мотивировали свои действия тем, что это ведёт к дезорганизации производства, так как многие молодые рабочие уйдут в армию, и некому будет работать. Призывник Епишкин, работавший на новосибирском заводе №153 им. В. Чкалова, был зачислен в военное училище и ожидал на вокзале поезда. Но помощник директора завода по кадрам Глазков и сотрудник отдела кадров Дыденко, отобрав у Епишкина документы, чуть ли не под конвоем увели его на завод. Начальник цеха завода №69 Шестаков говорил молодёжи: *«Что вы рвётесь в армию – хотите, чтобы вас там поубивали? Работая на заводе, вы останетесь живы!»*. Директор завода №564 Безбородов заявил: *«Когда возьмёте меня в армию, тогда берите моих людей»*. Его помощник по кадрам Денисов был даже направлен в Мичуринское военно-инженерное училище (летом и осенью 1944 г. училище дислоцировалось в Новосибирске, затем в Томске) с

заданием вернуть на завод курсанта Дорфман, бывшего рабочего завода. В результате противодействия директоров, наряд НКО на мобилизацию молодежи в военные училища по Новосибирской области был выполнен всего на 47%. Новосибирский облвоенком, подполковник Н.Л. Степанов и начальник 2 части облвоенкомата майор Шаровьев в справке «О ходе вербовки кандидатов в военные училища по Новосибирской области» отмечали: *«На сегодняшний день создавалась такая обстановка, что благодаря тормозам – чинимым директорами заводов и руководителями предприятий дальше вербовку кандидатов на заводах и предприятиях вести совершенно невозможно».*

Тяжба между производственниками и военными, то затухая, то вспыхивая вновь, длилась всю войну. Иногда «поле боя» оставалось за «красными командирами», и тогда работники оборонной промышленности, строек и железнодорожного транспорта призывались в армию. В иных случаях побеждали «красные директора» и люди оставались на производстве. Командующий СибВО В.Н. Курдюмов, подписавший 9 сентября 1944 г. постановление Военного совета СибВО «О состоянии организационно-мобилизационной работы в военных комиссариатах СибВО» открыто обвинил «командиров производства» в сокрытии людей, особенно молодых инженеров и техников, составлявших основу офицерского корпуса от мобилизации. *«Борьба за изыскание людских ресурсов, при наличии недостатка рабочей силы в народном хозяйстве приобретает серьезное значение. Однако Военный совет не может отказаться от мобилизации людских ресурсов или сократить наряды».* Таким образом, приемлемого решения, удовлетворяющего как военных, так и хозяйственников найдено не было. Конфликт разрешился сам собой только после окончания войны.

Броня крепка

В качестве значимого ресурса, необходимого для укомплектования Вооружённых сил, рассматривалось разбронирование закреплённых за производством специалистов. Это только подливало масло в огонь разгоревшегося конфликта между производственниками и военными. В первые дни войны, когда ещё не

были осознаны масштабы обрушившегося на страну бедствия, а людские ресурсы казались неисчерпаемыми, бронь предоставлялась довольно щедро. Согласно постановлению Комиссии при СНК СССР по освобождению и отсрочкам от призыва по мобилизации (председатель Маршал Советского Союза К.Е. Ворошилов) от 26 июня 1941 г., на спецучёт ставились руководители предприятий, инженеры, техники и рабочие, начиная с 3 разряда. Постановление содержало длинный список ведомств, работники которых получили право на отсрочку от мобилизации. Помимо работников индустрии, бронь предоставлялась служащим областных и районных земельных отделов, работникам машинно-тракторных станций, машинно-тракторных мастерских, селекционных станций, госплемрассадников, заготживконтор, госсортфонда. Всего в 1941 г. в Западной Сибири бронь от призыва получили 204 тыс. человек. В общей численности мужчин призывного возраста удельный вес забронированных в городах достигал 28%, в сельской местности – 5%. Отметим, что в Западной Сибири, где численно преобладало сельское население, прослойка забронированных была несколько ниже, чем во многих других регионах РСФСР. Регион, таким образом, сыграл очень большую роль в укомплектовании Вооружённых сил.

13 сентября 1941 г. Главупраформ сделал расчёт по мобилизации военнообязанных рядового состава. Он показал, что из-за критической нехватки мужчин пополнить ряды Действующей армии без разбронирования части рабочих и служащих невозможно. Через день, 15 сентября 1941 г., Сталин подписал приказ, согласно которому количество специалистов, поставленных на спецучёт, значительно сокращалось. К.Е. Ворошилов был снят с поста председателя Комиссии по освобождению и отсрочкам. Назначенный на его место Н.М. Шверник 14 декабря 1941 г. подписал постановление, согласно которому к 1 марта 1942 г. все таблицы бронируемых специалистов пересматривались. Новые нормы бронирования предусматривали мобилизацию 20-30% военнообязанных, закреплённых за предприятиями и учреждениями тыла. Многие тыловики, забронированные за отраслями военной экономики, из трусости или из других соображений, но почти всегда опираясь на поддержку руководителей предприятий, отчаянно

противились призыву. Использовались все доступные способы. Штаб СибВО, пытаясь переломить ситуацию, ещё 5 ноября 1941 г. разослал всем военкомам телеграмму: «Комвойсками приказал разбронирование военнообязанных проводить смело и решительно наряды выполнить немедленно полностью предупредить что за бездеятельность нерешительность невыполнение нарядов будете привлечены суровой ответственности». Но, несмотря на грозные окрики начальства, «смелость и решительность» военкомов, процесс разбронирования наталкивался на «ватную» стену.

Собственно, никто не протестовал против разбронирования незанятых в промышленности военнообязанных, но когда дело касалось работников тяжёлых и военных отраслей, транспорта и строительства, разгорался конфликт. Из-за латентного, а в иных случаях и открытого сопротивления хозяйственных руководителей, наряды по разбронированию не выполнялись. В Омской области, например, осенью 1941 г. при выполнении приказа о разбронировании из 32 тыс. человек, поставленных на спецучёт, удалось призвать всего 8 тыс. человек. Разбронирование было фактически провалено. Хозяйственники одержали победу. Секрет их успеха заключался в том, что первичные списки лиц, подлежащих постановке на спецучёт, составлялись директорами предприятий при участии руководителей цехов, управлений и отделов. Каждый руководитель стремился оставить на производстве ценного специалиста или нужного человека. Списки на бронирование специалистов разрастались до невероятных размеров. В некоторых случаях руководители предприятий шли даже на подлог документов. «Руководители предприятий, исходя из стремления удержать кадры, – свидетельствовали в отчетном докладе “О работе Военного отдела Новосибирского обкома ВКП(б) за второе полугодие 1943 г.” секретарь обкома Остапюк и заведующий Военным отделом обкома Шайдаров, – становятся на незаконный путь и дают военкоматам ложные сведения о занимаемой должности военнообязанных».

Нередко в списки на бронирование попадали за взятку, «по знакомству», «по блату». В справке «Об извращениях брони лиц, подлежащих к призыву в РККА со стороны отдельных руководителей организаций и учреждений по гор. Омску», подготовленной

25 февраля 1942 г. ответственным организатором оргинструкторского отдела ЦК ВКП(б) Игаевым, подчёркивалось: «Имеется много фактов, когда отдельные организации обращаются в городские военкоматы и районные военкоматы об освобождении от призыва лиц призывного возраста, которые могут и должны быть призваны в ряды РККА». Хозяйственники, укрывая некоторых военнообязанных от призыва, создавали запас кадров, который мог быть использован при внезапном увеличении производственных заданий. В военные годы это случалось сплошь и рядом. Горвоенком Новосибирска подполковник Орлов, характеризуя действия директора особого завода №69 по бронированию работников, с раздражением отмечал: «Своими действиями тов. Котляр грубо попирает закон о всеобщей воинской обязанности, берёт на себя в вопросах освобождения от призыва в РККА функции ГКО». Отметим, однако, что особый завод №69 был в то время одним из немногих предприятий Советского Союза, выпускавший необходимые фронту оптические приборы. Их производство требовало от работников очень высокой квалификации и практического опыта. И такому успешному руководителю и талантливому организатору производства, каким был А.С. Котляр, прощалась любая выходка.

Поиск лиц, незаконно поставленных на спецучёт, превратился у военкомов в манию. Но даже в масштабах страны разбронирование не могло дать большого количества бойцов. Ещё 26 июля 1942 г., согласно постановлению ГКО «Об укомплектовании действующей армии», было проведено одно из самых крупных в ходе войны разбронирований специалистов. Согласно этому постановлению подлежало передаче в армию из числа забронированных рабочих и служащих 100 тыс. человек. Но Наркомат авиационной промышленности в 1942 г. без ущерба для производства смог передать фронту всего 5 тыс. человек. Наркомат путей сообщения снял со спецучёта 15 тыс. человек, Наркомат угольной промышленности – 4 тыс. человек. Наркомат танковой промышленности выделил для фронта 2,5 тыс. человек, Наркомат боеприпасов – 2 тыс. человек. В лихорадочном поиске людей власти обратились даже к такому источнику, как отправка на фронт частей НКВД. По постановлению ГКО от 26 июля 1942 г. в районы боевых

действий было направлено 75 тыс. человек из внутренних войск, причём ряд дивизий и бригад НКВД – в полном составе. Этим же постановлением было разбронировано 35 тыс. военнообязанных, числившихся за милицией, военизированной охраной лагерей и колоний и другими учреждениями НКВД.

Вместе с нарастанием волны разбронирования росло число тех, кто стремился закрепиться в тылу незаконно. Самым распространённым способом незаконной постановки на спецучёт была ловкая подмена документов, при которой окопавшийся на продкляде тыловик записывался производственным работником, трудившимся непосредственно у станка. Военный комиссар Ленинского района Омска капитан Макаров 5 октября 1943 г. довёл до сведения секретаря Омского обкома Кузика: *«проверка лиц неправильно забронированных даёт возможность установить, что эти военнообязанные не являются высококвалифицированными производственниками, а являются снабженцами и некоторые из них с довольно тёмным прошлым, неоднократно сужденные (так в источнике – В.И.) за воровство и хищение и за другие проступки»*. К докладной записке капитан Макаров приложил длинный список из 107 фамилий военнообязанных завода №513, числившихся слесарями, трактористами, шоферами, бригадирами, кузнецами, а фактически работавших в Отделе рабочего снабжения (ОРС). Отдельные личности, в стремлении уклониться от мобилизации, действовали предельно бесцеремонно. Так, в июне 1943 г. начальник одного из отделов кемеровского Коксохимзавода В.⁷, забронированный как строительный рабочий 7 разряда, явился в военкомат на проверочную перерегистрацию одетым в грязную рабочую спецовку, делая вид, что занят на оборонном строительстве.

В Новосибирской области при проверке бронирования в марте-апреле 1943 г. было выявлено 223 незаконно забронированных, из них 165 человек, годных к строевой службе. Во втором полугодии 1943 г. в области было обнаружено 194 человека, поставленных на спецучёт с нарушением закона. В первом полугодии 1944 г. в Новосибирской области работники военкоматов выявили 237 незаконно забронированных, из которых годных к строевой службе насчитывалось свыше 150 человек. Большинство из них получили бронь с помощью руководителей предприятий.

В Омской области в феврале-марте 1944 г. было разоблачено 44 незаконно забронированных. Военнообязанный Ц. был забронирован по должности техника инструментального хозяйства, фактически же являлся начальником сектора заготовок ОРСа. Начальник производственно-бытового отдела ОРСа Р. был забронирован по должности судосборщика 6 разряда. Некто С. был забронирован по должности начальника производственного отдела, а фактически работал начальником ОРСа. Военнообязанный Г. работал начальником спецколонны немок, но был забронирован как мастер на производстве. На заводе №69 в 1944 г. военнообязанный Ч. был поставлен на спецучёт как сборщик-механик, тогда как фактически являлся агентом по заготовке продуктов. Военнообязанный А., проходивший по документам как сборщик-механик, на самом деле был завхозом.

В Алтайском крае в феврале-марте 1944 г. были разбронированы как незаконно получившие отсрочку от призыва 253 человека. В Кемеровской области в июле-августе 1944 г. выборочными проверками было выявлено незаконно забронированных в Химлаборатории треста «Кемеровоуголь» – 27 человек, треста «Ленинуголь» при заводе №587 – 14 человек. В Кузедеевском районе Кемеровской области в ходе проверки правильности бронирования, организованной в начале 1945 г., было выявлено и отправлено на фронт 34 человека, нелегитимно пользовавшихся бронью.

Сын за отца отвечает

Одним из факторов, сильно затруднявших работу военно-мобилизационных органов, были так называемые политико-моральные соображения (ПМС) и отсеивание призывников по национальному признаку. Красная армия, созданная как инструмент классово-вой войн, изначально укомплектовывалась личным составом на основе строгого политического отбора. В ходе Гражданской войны вынужденно допускались отклонения от этого принципа. В РККА принимались так называемые «военспецы» – бывшие офицеры царской армии. Но большинство из них по окончании военных действий были изгнаны из Красной армии, а некоторые репрессированы.

В годы Великой Отечественной войны, несмотря на острую нехватку людей, партийные ортодоксы с маниакальным упорством настаивали на обязательном отсеке тех, кто по тем или иным причинам лишился «доверия партии»: отбывших срок политзаключённых, граждан, имевших близких родственников, подвергавшихся репрессиям или проживавших за границей. Не призывались и представители отдельных этнических групп. Принцип равенства наций, закреплённый в конституции 1936 г., ничего не значил. Так, в приказе Новосибирского облвоенкомата от 2 октября 1941 г. предписывалось без каких-либо ограничений на укомплектование запасных частей Красной армии *«отобрать призывников следующих национальностей – русских, украинцев, белорусов, казанских татар, мордву, евреев, армян, грузин и азербайджанцев, владеющих русским языком. Призывников всех остальных национальностей использовать на пополнение строительных частей и формирование рабочих колонн»*. Немцев, румын, финнов, болгар, греков, турок, японцев, корейцев, китайцев, венгров, австрийцев предписывалось направлять исключительно в рабочие колонны. Кроме того, долгое время не призывали поляков, чехов, эстонцев, латышей и литовцев. В конце 1942 г. было запрещено призывать граждан, ранее проживавших в Чечено-Ингушской, Кабардино-Балкарской, Дагестанской АССР.

Некоторые незначительные изменения в национальной политике отсева от мобилизации произошли только в 1943 г. В приказе по войскам СибВО от 16 октября 1943 г. (с отсылкой на постановление ГКО от 13 октября 1943 г.) латышей, литовцев, эстонцев было разрешено направлять на укомплектование запасных национальных частей. Вместе с тем, предусматривалось освобождение от набора в армию граждан *«узбекской, таджикской, туркменской, казахской, киргизской, грузинской, азербайджанской, осетинской, чечено-ингушской, черкесской национальностей»*. К.М. Симонов со слов адмирала И.С. Исакова, в конце зимы 1941-1942 гг. присутствовавшего на докладе Е.А. Щаденко Сталину, писал, что начальник Главупраформа жаловался на низкую боеспособность красноармейцев из национальных республик. В ответ Сталин якобы сказал: *«Вы говорите, что некоторые национальные кадры плохо воюют. А что вы хотите? Те народы,*

которые десятилетиями откупались от воинской повинности и у которых никогда не было своей военной интеллигенции, всё равно не будут хорошо воевать, не могут хорошо воевать при том положении, которое исторически сложилось».

Ограничения на призыв в армию представителей отдельных этнических групп не отменялись даже в конце войны, когда страна испытывала предельное перенапряжение людских ресурсов. Так, 31 октября 1944 г. командующий войсками СибВО генерал-лейтенант В.Н. Курдюмов, ссылаясь на постановление ГКО от 25 октября 1944 г. и директиву Главупраформа от 27 октября 1944 г., приказал призвать в Красную армию мужчин 1927 г. рождения. По этому приказу категорически запрещалось направлять в армию представителей репрессированных народов – крымских татар, калмыков, чеченцев, ингушей, а также карачаевцев и балкарцев. Солдаты, сержанты и офицеры этих национальностей, ранее призванные в Красную армию, в спешном порядке увольнялись из армии и направлялись на спецпоселение. От воинской мобилизации были освобождены также, как гласил приказ командующего войсками СибВО от 31 октября 1944 г., *«призывники местных национальностей Грузинской, Азербайджанской, Армянской, Туркменской, Таджикской, Узбекской, Казахской, Киргизской Союзных Республик, Дагестанской, Кабардинской, Северо-Осетинской Автономных Социалистических Республик, Адыгейской и Черкесской Автономных областей, независимо от того, где будут проживать эти призывники к моменту призыва»*.

Ближе к концу войны появились и некоторые новые мотивы при отсеке по ПМС. Они диктовались изменившейся обстановкой, главным образом освобождением советской территории от оккупантов. В упомянутом выше приказе по войскам СибВО от 31 октября 1944 г. запрещалось направлять в танковые войска и части самоходной артиллерии, в части и школы ВВС и в войска НКВД граждан, ранее проживавших на оккупированных территориях. Они направлялись исключительно в пехоту или рабочие колонны. Всем военнообязанным, отсеянными по политическим и национальным мотивам, выдавались приписные свидетельства, в которых ставилась отметка, сразу превращавшая их в изгоев: *«Призыву в Красную Армию не подлежит»*.

В начальный период Великой Отечественной войны, когда страх властей перед активизацией мифической пятой колонны достиг масштабов «политической шизофрении», политотсев был особенно значителен. Как следует из доклада начальника 2-й части Новосибирского облвоенкомата майора Бурдилова (октябрь 1941 г.), при призыве в воздушно-десантные части из общего числа призывников под топор ПМС попали сразу 89 человек. Военнообязанные Цирюльников, Кузьмин, Ломакин оказались близкими родственниками арестованных органами НКВД. У призывников Юрьева, Чурилова, Николаева, Яковлева и других были арестованы отцы. Поздней осенью 1941 г., в ходе укомплектования стрелковых бригад №4360 в Новосибирске и №4510 в Кемерово, из 30 призывников, прибывших из Каргатского района, половина была возвращена по домам как не прошедшие мандатную комиссию. Из 19 человек, прибывших из Чулымского района, были отсеяны 10 человек. В Томске для прохождения службы в стрелковых бригадах военкоматы отобрали 126 человек. Из них 23 человека были отвергнуты органами НКВД, в их числе 9 бывших заключённых и 1 поляк.

В Омской области осенью 1942 г. при призыве граждан 1924 г. рождения по ПМС было отсеяно 308 человек, в том числе по национальным признакам – 164 человека. Кроме того, мандатные комиссии военкоматов отвергли 48 уроженцев Западной Украины и Белоруссии. В Новосибирской области в ходе призыва граждан 1924 г. рождения на основании ПМС в зачислении в Действующую армию было отказано 1661 человеку, а по национальным признакам было отсеяно 338 человек. Помимо этого, не было призвано 162 уроженца Западной Украины и Западной Белоруссии. В отдельных сельских районах Западной Сибири, где концентрировались спецпереселенцы, удельный вес отсеянных по ПМС был особенно высок. Так, в Тегульдетском районе из 165 юношей 1924 г. рождения на призыв явились 164 человека, что само по себе свидетельствовало об их желании отправиться на фронт. Тем не менее, 81 человек (почти 49%) были отсеяны по ПМС как дети трудпоселенцев. В итоге наряд Главупраформа остался невыполненным.

По ПМС отсеивали не только на этапе призыва, но даже после зачисления граждан в списки воинских подразделений. Секретарь Новосибирского обкома И.А. Волков в циркулярном письме,

направленном 10 декабря 1941 г. секретарям райкомов и горкомов области, писал: *«Проверка сформированных в последнее время стрелковых и лыжных бригад показала, что многие райвоенкомы при выполнении нарядов по отбору людей в Красную Армию стали допускать серьёзные ошибки. Главная ошибка состоит в том, что ослаблено внимание к проверке политической благонадёжности призываемых в ряды РККА... Командование СибВО вынуждено отчислять из частей большое количество лиц по мотивам политической неблагонадёжности. Политическая беспечность приводит к засорению частей недостойными элементами»*. В декабре 1941 г. из 23-й лыжной бригады по ПМС было «вычищено» 536 человек. Из 43-й лыжной бригады было отчислено 2731 человек, частично по состоянию здоровья, но главным образом по ПМС и национальным признакам. Среди изгнанных преобладали бывшие колчаковцы, бывшие участники антибольшевистских восстаний, а также те, кто имел родственников за границей.

По ПМС «вычищались» даже граждане, изъявившие желание пойти на фронт добровольцами. Нелепость и даже идиотизм ситуации усугублялись тем, что люди изъявляли желание идти на фронт, а не на продсклад с конфетами. Летом и осенью 1942 г. в Сибири развернулось формирование Сталинской стрелковой дивизии добровольцев – сибиряков. В Тайгинском районе к 25 августа 1942 г. для зачисления в дивизию было подано 140 заявлений. Но 15 добровольцев были отсеяны по ПМС. В Асиновском районе из 29 заявлений по мотивам ПМС не было удовлетворено 2, так как эти добровольцы когда-то служили в армии Колчака. Ленинск-Кузнецкий райвоенкомат из 127 добровольцев отклонил от зачисления в дивизию по ПМС 35 человек. Гурьевский райвоенкомат из 449 добровольцев, подавших заявления, «вычистил» по ПМС 11 человек, в том числе одного члена партии.

ПМС держали в напряжении не только тыловики, но и закалённых в боях фронтовых офицеров. Герой Советского Союза Е.П. Мариинский вспоминает, как, будучи боевым лётчиком, отличившимся в жестоких воздушных схватках, он опасался изгнания из Красной армии из-за отца, который был репрессирован в 1937 г. При поступлении в военное училище Е.П. Мариинский скрыл

этот факт. Друг Е.П. Мариинского, военный лётчик В. Королёв советовал: «Ты и сейчас так скажи: отец умер. Докопаются, что отец репрессирован, вообще из полка и авиации вылетишь. Ты ж знаешь – “Смерш” пронюхает и скажет: “Что ему стоит перелететь к немцам”».

На фоне столь расточительного отношения к людским ресурсам, военкоматы всё чаще сталкивались с проблемой нехватки живой силы. Наличие в тылу большого количества людей, которых не призывали по ПМС, вызывало раздражение у простых граждан, чьи родственники находились на фронте, ежечасно рисковали жизнью, а нередко и погибали. Начальник Отдела трудовых и специальных поселений ГУЛАГа К.И. Жиллов в докладной записке от 16 марта 1942 г. на имя начальника ГУЛАГа Наседкина констатировал: «*Все трудпоселенцы оказались как бы забронированными от мобилизации. У окружающего трудпосёлки колхозного населения, да и не только у него, возникают в связи с этим нездоровые настроения, особенно в период проведения мобилизации*». Среди военных формировалась группировка прагматично настроенных лидеров, которые трезво оценивали ситуацию. Они всеми силами стремились переломить «тупое упрямство» ортодоксов. В частности, 1 августа 1942 г. увидел свет приказ по войскам СибВО «О призыве в Красную Армию граждан 1924 года рождения». Его подписали командующий войсками СибВО генерал-лейтенант Н.В. Медведев, за члена Военного совета – бригадный комиссар Г.Н. Захарычев, за начальника штаба интендант 1 ранга А.И. Быргазов. В тексте приказа подчёркивалось: «*При отборе по политико-моральным качествам обращать внимание не на родственные связи, а на политические и деловые качества самих призываемых*». Несомненно, эта вполне здравая мысль не могла быть личной инициативой командования СибВО. Слишком велика была политическая ответственность. Для принятия такого рода решений необходим был значительно более высокий властный уровень. Поэтому в приказе СибВО «на всякий случай» имеется соответствующая отсылка к приказу наркома обороны №0355-1941 г.

Первая попытка привлечь к службе в Действующей армии людей с клеймом «ПМС» была обставлена большим количеством

оговорок. В приказе СибВО от 1 августа 1942 г. особо подчеркивалось: «*На призывников, имеющих репрессированных близких родственников, но по своим деловым и политическим качествам могущих служить в Красной Армии, призывным комиссиям выносить специальное решение, которое за подписью призывной комиссии высылать в войсковые части вместе со списками отправляемых*». Никто из членов призывных комиссий, а, тем более, её председатель, которому и пришлось бы первым ставить подпись, не хотел проявлять инициативу, тем более брать на себя ответственность. Сдвинуть с «мёртвой точки» проблему не удалось. Попытки военкоматов направлять в армию граждан с клеймом «ПМС» на начальном этапе Великой Отечественной войны сурово пресекались. Заведующий Военным отделом Омского обкома Григорьев 10 марта 1942 г. в справке «О грубейших нарушениях в мобилизационной работе Тарского райвоенкома Волгина» доносил: «*При проведении мобилизации Волгин допустил грубейшие ошибки, искривления и притупление политической бдительности, направив в Красную Армию более 20 человек враждебных элементов – бывших офицеров колчаковской армии, лиц, административно-ссылных, сыновей попов, кулаков, подлежащих аресту за контрреволюционную деятельность*». Омский облвоенком подполковник Малов 10 апреля 1944 г. докладывал начальнику штаба СибВО, что перерегистрация, проведённая в февралемарте 1944 г., выявила 600 человек, отсеянных по политико-моральным соображениям. Но было разрешено из этого числа мобилизовать только 35 военнообязанных. «*В отношении остальных, – писал Малов, – имеется категорический отвод органов НКГБ*».

Отдельные нечестные граждане, используя трепетное отношение властей к «идеологической чистоте» Красной армии, чтобы избежать отправки на фронт, давали о себе ложные сведения. Командующий войсками СибВО генерал-лейтенант Н.В. Медведев и член Военного совета СибВО, бригадный комиссар Н.Н. Кузьмин 6 декабря 1941 г. разослали военкомам округа и секретарям крайкомов и обкомов письмо, в котором подчеркивалось: «*Стремясь избежать отправки на фронт, отдельные элементы, дают о себе ложные сведения, чтобы уволиться в запас или направиться*

в стройбат. Необходимо организовать проверку всех, отчисленных по политико-моральным соображениям, привлечь к ответственности всех уклоняющихся от службы в Красной Армии». Уклонисты заявляли о наличии родственников за границей, так как проверить эту информацию было очень сложно или же пытались приписать себе и родителям «нелояльную» национальность. Так, призывник из Пихтовского района Новосибирской области некий К. по прибытии в январе 1943 г. в Асиновскую школу снайперов сообщил, что его отец поляк, а мать немка, а сам он поляк. На этом основании К. был исключен из школы снайперов и отправлен домой. Следствие показало, что К. по национальности белорус, и родители его белорусы. К. был отдан под суд военного трибунала.

К середине войны людские ресурсы тыловых районов страны столь резко сократились, что сторонникам национальной и политико-моральной «чистоты» Красной армии пришлось волей-неволей поступаться некоторыми принципами. Прагматики занимали всё более твёрдую позицию. В справке «Об итогах призыва на действительную военную службу граждан рождения 1926 г. по Новосибирской области», составленной в конце 1943 г. начальником 2-й части Новосибирского облвоенкомата, майором Шаровьевым, очень осторожно, со многими оговорками, но всё же отмечались факты «неправильного зачисления в отсев по национальным признакам». В справке указывалось также, что некоторые военкоматы в отсев по ПМС неправоммерно зачисляли призывников, у которых родственники (отцы и братья) репрессированы органами НКВД. «Этот факт говорит за то, – писал Шаровьев, – что состав призывных комиссий при зачислении призывников в политотсев допустил явную перестраховку». В Новосибирской области в 1943 г. военные власти решились призвать на фронт почти 6 тыс. военнообязанных с клеймом «ПМС». Мысль о перестраховщиках из призывных комиссий Шаровьев настойчиво повторил в начале 1944 г. Сославшись на высказывание члена Военного совета СибВО, генерал-майора А.Ф. Колобякова, Шаровьев нанёс своим идеологическим противникам удар ниже пояса, напомнив слова Сталина: «Сын за отца не отвечает». На практике же пока властвовал противоположный принцип – сын отвечал за отца.

Красная армия, после разгрома немцев под Сталинградом и сражения на Курской дуге перешедшая в стратегическое наступление, по-прежнему несла очень большие потери. В 1943-1944 гг. они составили 10,6 млн. человек, из них свыше 4 млн. человек было потеряно безвозвратно. Война требовала всё больше живой силы. С 1 по 12 сентября 1944 г. в Сибири была проведена самая крупная за все годы войны отправка маршевых рот в Действующую армию. Запасные бригады СибВО обезлюдели. Теперь необходимо было новое комплектование запасных бригад переменным составом. Учитывая истощённость призывного контингента, Военный совет СибВО 9 сентября 1944 г. принял решение пересмотреть в специальных комиссиях дела граждан, не допущенных к военной службе по ПМС. Собственно, такой пересмотр начался ещё весной 1944 г. Так, в Новосибирской области с целью выполнения мобилизационного наряда в период с 26 марта по 1 мая 1944 г. было пересмотрено 11879 дел «политически неблагонадежных» граждан. Из них 5297 человек были направлены на фронт как годные к строевой службе, а 616 человек были призваны как годные к нестроевой. Таким образом, решение Военного совета СибВО от 9 сентября 1944 г. лишь подтвердило то, что уже проводилось на практике.

Осенью 1944 г. в тылу развернулся последний в годы войны воинский призыв. В Красную армию направлялись юноши 1927 г. рождения. (Призывники 1928 г. рождения в конце 1944 – в начале 1945 гг. прошли процедуру приписки к призывным участкам, но осенью 1945 г. в армию не призывались). В Новосибирской области из числа 15887 призывников 1927 г. рождения, явившихся на призывные участки по ПМС, было отсеяно всего 18 человек. Из этого количества один призывник проживал ранее на оккупированной территории, а у 17 молодых людей, как указывалось в отчёте облвоенкомата «О призыве граждан 1927 г. рождения», «родители были изъяты органами НКВД». В Омской области было отсеяно всего 10 призывников 1927 г. рождения. Война и объективная ситуация, вызванная нехваткой людских ресурсов, принудила ортодоксов к отступлению. Прагматики выигрывали одну позицию за другой. Развернувшаяся борьба отражала не просто конфликт между прагматиками и ортодоксами. Проблема

лежала значительно глубже. Это была схватка между теми, кто рассматривал Красную армию как инструмент классово-борьбы и теми, кто считал армию силой, создаваемой для защиты Отечества от внешнего врага. Красная армия, сменившая в 1943 г. форму одежды, а после войны переименованная в Советскую армию, из орудия классово-борьбы мучительно медленно, но бесповоротно превращалась в защитницу национальных интересов страны.

Смыть вину кровью

Для пополнения рядового состава Красной армии использовались и заключённые. Не прошло и месяца после начала Великой Отечественной войны, как 12 июля 1941 г. Президиум Верховного Совета СССР обнародовал указ об освобождении от наказания осуждённых, уходивших на фронт. В этот же день пленум Верховного суда принял постановление «Об освобождении лиц, призванных в ряды Красной Армии и Военно-морской флот, от отбывания исправительно-трудовых работ на общих основаниях и о прекращении незаконченных дел в отношении указанных лиц». Вскоре действие этого постановления было распространено на тех, кто вступил в народное ополчение.

С начала Великой Отечественной войны и до конца 1941 г. 420 тыс. заключённых влились во фронтовые части. По постановлению ГКО от 26 июля 1942 г. были пересмотрены дела ещё 30 тыс. узников ГУЛАГа, годных к несению строевой службы и осуждённых за бытовые и имущественные преступления. Число бывших заключённых в Красной армии стремительно увеличивалось. Те, кто совершил незначительные имущественные и бытовые преступления, как правило, попадал в обычные части Действующей армии. После 28 июля 1942 г., в связи с приказом №227, лиц, отбывавших сроки по «тяжёлым» статьям, стали направлять в штрафные подразделения. М.И. Сукнев, в 1943 г. командир одного из штрафных батальонов Волховского фронта, писал, что одно подразделение было полностью сформировано из *«рецидивистов, которым заменили штрафным батальоном длительные сроки отбывания наказаний в тюрьмах и лагерях. Несколько привезены с приговором к смертной казни – расстрелу. Это медвежатники, аферисты, громилы по квартирам и налётам»*.

Согласно приказа от 26 января 1944 г. «О порядке применения примечания 2 к статье 28 УК РСФСР и направления осуждённых в Действующую армию», подписанного заместителем наркома обороны, А.М. Василевским, наркомом внутренних дел Л.П. Берией, наркомом юстиции Н.М. Рычковым и прокурором СССР К.П. Горшенининым, военкоматы принимали заключённых непосредственно в местах лишения свободы и отправляли их в штрафные батальоны военных округов для последующей отправки в штрафные части Действующей армии. Нередко на фронт отправлялись прямо из зала суда – отбытие наказания заменялось боевой службой. Сроки пребывания в штрафных подразделениях устанавливались командирами войсковых частей. Штрафники были смертниками, поэтому редко кто из них отбывал свой срок полностью. Получить освобождение они могли только двумя путями – за особо выдающееся боевое отличие или по ранению. Считалось, что штрафник, проливший кровь за Родину, смыл свою вину. Все, освобожденные из штрафных подразделений, восстанавливались в правах и направлялись в обычные части Красной армии. За все годы Великой Отечественной войны через 65 штрафных батальонов и 1037 штрафных рот прошли 428 тыс. человек. В живых остались единицы.

Наличие в войсках значительного количества лиц с криминальным прошлым не могло не беспокоить власти. Однако спохватились они довольно поздно. В упомянутом выше приказе от 26 января 1944 г. констатировалось, что судебные органы необоснованно применяют отсрочку исполнения приговора и направляют в Действующую армию осуждённых за контрреволюционные преступления, бандитизм, разбой, грабежи, а также воров-рецидивистов и тех, кто в прошлом уже неоднократно дезертировал из Красной армии. Всего за годы войны из мест заключения в армию было передано свыше 1 млн. человек.

Политические заключённые, осуждённые по 58-й и 59-й статьям УК РСФСР, в Красную армию не допускались. Для них была закрыта дорога даже в штрафные подразделения. Исключение было сделано только для спецпереселенцев, бывших кулаков. Однако их массового призыва в Действующую армию, вопреки возникнувшему недавно очередному квазидемократическому

мифу, никогда не было. Идеологические опасения, подозрительность властей, страх перед несправедливо наказанными людьми были не менее сильными, чем ужас перед гитлеровцами. Подозрительность партийных руководителей, особенно в начале войны, была близка к панике и столь сильна, что они вполне серьёзно опасались диверсий и даже массовых восстаний спецпереселенцев. Так, 7 июля 1941 г. секретарь Новосибирского обкома М.В. Кулагин разослал всем секретарям городских и районных комитетов области письмо с пометкой «Весьма срочно». В письме утверждалось, что обком располагает данными, будто бы в связи с началом войны контрреволюционные элементы: выселенные кулаки, поляки и бывшие белогвардейские офицеры готовят диверсии и восстание. В связи с этим местным партийным комитетам предписывалось спешно организовать боевые оперативные группы из числа работников НКГБ, НКВД и партийного аппарата.

Когда выяснилось, что никаких восстаний, диверсий и парашютных десантов не предвидится, а спецпереселенцы в целом сохраняют лояльность, было решено призвать некоторую часть бывших кулаков и членов их семей в Действующую армию. Призыв в РККА бывших кулаков и членов их семей осуществлялся в соответствии с постановлениями ГКО от 15 апреля и от 22 июня 1942 г. К концу 1942 г. из 28-ми регионов спецпоселений было мобилизовано 92 тыс. человек. В Западной Сибири с апреля по октябрь 1942 г. в Красную армию ушло свыше 12 тыс. спецпоселенцев. Учитывая, что в это время в Западной Сибири насчитывалось более 200 тыс. выселенных кулаков, это было совсем немного. Удельный вес призванных в армию бывших кулаков по отношению к их общей численности составлял в Западной Сибири 6%. Имея в виду приведённые цифры, вряд ли будет правильным признать призыв спецпоселенцев «массовым». Это был скорее «штучный» призыв, предварявшийся тщательной проверкой. В любом случае, солдат с криминальным прошлым на фронте было значительно больше, чем спецпоселенцев.

Люди «третьего сорта»

Стремясь аврально решить задачу обеспечения фронта и тыла людскими ресурсами, советское руководство обратилось к опыту

Гражданской войны. Ещё в 1918 г. большевистское правительство приступило к формированию так называемого тылового ополчения, куда направлялись граждане, лишённые избирательных прав. Из них формировались подразделения, использовавшиеся на хозяйственных работах. На основе подразделений тылового ополчения позднее были созданы строительные батальоны РККА, где проходили службу все, не заслуживавшие политического доверия.

В годы Великой Отечественной войны стройбат стал основой создания рабочих батальонов РККА. Они и послужили фундаментом для формирования многочисленной трудовой армии, личный состав которой комплектовался на общих основаниях с воинскими частями РККА из состава, не подлежащего направлению в Действующую армию по политико-моральным соображениям (кроме начсостава). Рабочие батальоны подчинялись Военному совету СибВО, а в производственном отношении – гражданским директорам и начальникам промышленных и строительных организаций. Батальоны содержались на полном хозрасчёте и получаемое из органов НКО обмундирование и продовольствие должны были оплачивать за счёт заработанных ими средств. Гражданские организации обеспечивали бойцов строительных батальонов общежитиями, инвентарём и выплачивали стоимость выполненных работ.

Приказом наркома обороны СССР от 26 сентября 1941 г. была проведена кардинальная реформа рабочих батальонов РККА. Большая их часть была преобразована в рабочие колонны. Они изымались из военного ведомства и передавались в подчинение гражданским наркоматам, а также НКВД. Бойцы рабочих колонн снимались со всех видов интендантского снабжения по линии НКО и передавались на довольствие гражданским наркоматам. Решением ГКО от 21 марта 1942 г. рабочие колонны из военных подразделений были превращены в полувоенные трудовые формирования. Вместе с тем, бойцам рабочих колонн присваивалось воинское звание «красноармеец». Рабочие колонны сохранили военную форму одежды, а командный состав формировался за счёт резервов Наркомата обороны.

В течение всей Великой Отечественной войны рабочие колонны пополнялись личным составом исключительно через военкоматы по

нарядом Комиссии ГКО, функционировавшей под руководством Н.М. Шверника. Рабочие колонны комплектовались за счёт бывших кулаков, подкулачников, торговцев, фабрикантов, дворян, белогвардейцев, лиц, побывавших за границей или граждан, имевших родственников за границей. Значительную прослойку бойцов рабочих колонн составляли те, у кого близкие родственники были подвергнуты репрессиям. Важным источником пополнения личного состава рабочих колонн были граждане, освобождённые из заключения. В первую очередь в рабочие колонны направлялись те из них, кто был осуждён по 58 и 59 статьям УК. При укомплектовании рабочих колонн личным составом учитывался и этнический признак. В начале Великой Отечественной войны туда призывались: поляки, эстонцы, латыши, литовцы, чехи. В течение всей войны – румыны, болгары, корейцы, китайцы, греки, переселенцы из Западной Белоруссии и Западной Украины. В рабочие колонны попадали также плохо владевшие русским языком представители народов Средней Азии и Казахстана.

В рабочие колонны направлялись и женщины. Но, по-видимому, единственной этнической группой, поставлявшей женщин для рабочих колонн, были советские немцы. Мобилизованные немки направлялись в женские спецколонны. Отношение к советским немцам, а также к румынам, венграм, болгарам, словакам, финнам вообще было особым. Представители этих этнических групп, годные к физическому труду, как депортированные, так и проживавшие в Сибири постоянно, направлялись исключительно в рабочие колонны НКВД. Положение этих людей почти не отличалось от положения заключённых. В Алтайском крае, например, так называемые «мобнемцы» размещались непосредственно в зоне Алтайского исправительно-трудового лагеря. Много спецколонн НКВД дислоцировалось в Кузбассе. Секретарь Прокопьевского горкома М. Гусев 26 мая 1944 г. докладывал секретарю Кемеровского обкома С.Б. Задионченко, что все мобнемцы *«размещены в специальном бараке, обнесённом забором, проход производится охраной через контрольные ворота»*. Единственное различие между собственно заключёнными и немцами состояло в том, что последние, не совершив

никакого преступления, попадали на положение заключённых не через суды и трибуналы, а мобилизовывались через военкоматы.

Период бурного формирования рабочих колонн пришёлся на осень 1941 – начало 1942 г. К весне 1942 г. в СССР насчитывалось 1402 рабочие колонны. Совокупная численность личного состава рабочих колонн на 15 марта 1942 г. достигла огромной величины – 1265 тыс. человек. Несмотря на многочисленность личного состава рабочих колонн, власти и в дальнейшем стремились к наращиванию их численности, тем более, что часть их бойцов с 1942 г. стала направляться в Действующую армию. В 1943 г. через военкоматы для работы в промышленности и строительстве дополнительно было направлено 722 тыс. человек. В 1944 г. военкоматами страны в рабочие колонны было направлено – 674 тыс., а за 7 месяцев 1945 г. – 129 тыс. человек.

В Западной Сибири первые рабочие колонны были сформированы к 12 октября 1941 г. Укомплектование рабочих колонн региона личным составом первоначально происходило за счёт контингента военнообязанных Новосибирской, Омской и Семипалатинской областей, отсеянных от службы в Действующей армии по ПМС и национальным признакам. К концу декабря 1941 г. в СибВО имелось 72 рабочих колонны. В одной только Новосибирской области в октябре 1941 г. в рабочих колоннах проходили службу 55 тыс., в феврале 1942 г. – 159 тыс. бойцов. В Алтайском крае по состоянию на 12 октября 1942 г. в рабочие колонны было призвано 53 тыс. человек, из них 14 тыс. немцев. В Омской области к лету 1943 г. для работы в промышленности и строительстве военкоматы мобилизовали почти 60 тыс. человек.

Бойцы рабочих колонн сыграли без преувеличения выдающуюся роль в наращивании военно-промышленной мощи Советского Союза. Они участвовали в строительстве большинства оборонных объектов Западной Сибири. В регионе не было скольких-нибудь значительной стройки, на которой не выполняли бы самые тяжёлые, в основном земляные и погрузочно-разгрузочные работы красноармейцы из рабочих колонн. Они использовались на строительстве и реконструкции таких промышленных гигантов, как комбинат №179, заводы №№153, 335, 174, 29 и другие. В Кемерово силами личного состава девяти рабочих колонн строились и

реконструировались заводы №№219, 391, 392, Азотнотуковский завод и Коксохимзавод. В Бердске они трудились на строительстве заводов №№296 и 318. В Сталинске бойцы рабочих колонн работали на Кузнецком металлургическом комбинате, на возведении Аллюминиевого завода, завода Металлоконструкций им. Молотова. Значительный трудовой вклад бойцы рабочих колонн внесли в расширение Беловского цинкового завода. Бойцы рабочих колонн принимали участие в перешивке имеющей стратегическое значение Транссибирской железнодорожной магистрали, в реконструкции Чернореченского цементного завода (в Искитиме) и Томской ТЭЦ.

И всё же в течение всей войны они оставались людьми «третьего сорта». Суть отношения начальства к личному составу рабочих колонн довольно ясно выразил секретарь Новосибирского обкома М.В. Кулагин: *«Все эти батальоны собраны с бора да с сосёнки, неблагонадежные люди, чуждые советской власти... Эти люди непригодны для армии, среди этих людей есть и такие, которые в прошлом сделали много плохого для советской власти... Бдительность, товарищи, должна быть проявлена в батальонах... Враг всеми средствами пытается заслат к нам диверсантов, под любым предлогом, с прямой задачей взрывать, вредить, убивать, когда нужно будет и собиране всяких секретных данных и передача разведке. В этих батальонах наиболее благоприятная обстановка для действия врагов».*

Политическое недоверие, которое испытывали бойцы рабочих колонн, усугублялось рядом факторов организационно-административного характера. Красноармейцы-строители оказались сидящими между двумя ведомственными стульями. Никто не хотел заниматься вопросами материально-бытового обеспечения. Гражданские руководители строек считали их военными. Руководители военного ведомства своими их не признавали. Размещались бойцы скученно, без соблюдения элементарных гигиенических норм, в бараках, подвалах, клубах, школах и даже в палатках. Обмундирование бойцам рабочих колонн выдавалось так называемой 4-й категории. Многие рабочие колонны вообще не обмундировывались. Зимой и осенью бойцы выходили на работу, завернувшись в одеяла, а вместо обуви использовали так

называемые «ЧТЗ» – подобие галош, вырезанных из покрышек. Во многих рабочих колоннах пищу выдавали раз в сутки. Качество продуктов питания было столь отвратительным, что Особый отдел НКВД фиксировал случаи коллективного отказа голодных людей от пищи.

Предоставим слово рядовым бойцам, высказывания которых тщательно собирались осведомителями Особого отдела НКВД, внедрёнными в рабочие колонны. Красноармеец И.Ф. Иванов: *«Загнали нас в барак. Обмундирование не дали, валяемся на голых нарах. В бараке темно, находимся 500 человек. Кормят плохо, хлеба не хватает, хожу раздевшись в одной рубахе».* Красноармеец Гаук: *«Заключённых и то лучше кормят, чем нас».* Командир отделения Фоминых: *«Нас взяли в армию только мучить, дают кушать столько, чтобы только не умереть с голоду».* Красноармеец Усолкин: *«Разве мыслимо так кормить, с голода скоро сдохнем, что нас сюда морить что ли собрали».* Боец Сергеев: *«Наверное, Гитлер своих солдат так не кормит, а ещё хотят, чтобы мы им чего-то построили».* Красноармеец Н.Ф. Худяков: *«Жизнь наша красноармейская похожа на жизнь осуждённых и отбывающих наказание... работаем помногу, одевают же плохо, обмотки надоели и прочее».* Красноармеец Ф.Я. Федоров: *«Лучше помереть с пули, чем здесь с голоду помирать».*

Бойцы рабочих колонн, доведённые голодом до потери человеческого облика, рылись по помойкам, ели мёрзлую картошку, сгнившие капустные листья и даже нищенствовали. Начальник 5 отделения Особого отдела НКВД СибВО, сержант госбезопасности Козлов в справке «По рабочим колоннам СибВО», направленной 2 января 1942 г. начальнику Особого отдела СибВО, капитану госбезопасности Крысанову, фиксировал: *«Бойцы после обеда, придя на работу, следуют к цеховым столовым добывают картофель и устраивают приготовление её – пекут в кострах или же достают капустные листья и употребляют. Бойцы посещают нач. составовские столовые и собирают хлеб, что является дискредитацией Красной Армии... Боец Краус 15.X.41 г. был задержан нач. составовской столовой, который собирал куски хлеба. Краус по национальности немец имеет*

высшее медицинское образование. В 724, 725 и 752 раб. колоннах бойцы ходят по рабочим общежитиям и собирают хлеб как подаяние».

Грязные, оборванные, завшивленные красноармейцы шныряли по городским рынкам, возле столовых и магазинов и тащили всё, что попадётся под руку. Женщины, стоявшие в длинных очередях за хлебом, пожалуй, наиболее точно определили социальный статус бойцов рабочих колонн: *«Вы не красноармейцы, вы похожи на сбежавших из тюрьмы».* Бойцы рабочих колонн организовывали банды, грабившие местное население. Массовым явлением стало дезертирство. Справка Особого отдела НКВД содержит следующую информацию: *«Всеми... недочётами и безобразиями пользуется а/с (антисоветский – В.И.) элемент, вовлекая в свою вражескую работу неустойчивых бойцов. Так, в 725 раб. колонне вскрыта к-р (контрреволюционная – В.И.) бандитская группировка Терентьева в составе 9 чел., ставившая задачей организацию в тайге банд из дезертиров и уничтожения отдельных коммунистов. В раб. колоннах г. Кемерово вскрыта к-р группировка немцев. В 746 раб. колонне группа бойцов во главе с Бушко организовала побег, но была своевременно ликвидирована нами».*

Эффективность принудительного милитаризованного труда была, несомненно, очень низкой. В первом полугодии 1941 г. выработка на одного бойца рабочей колонны составляла в среднем 68% нормы, а производительность труда не достигала и до 30% нормы. В октябре 1941 г. на строительстве комбината №179, где трудились бойцы девяти рабочих колонн, средняя выработка не превышала 60-70% от принятых норм. В приказе Политуправления СибВО от 26 августа 1941 г. подчёркивалось, что *«батальоны используются на работах плохо. Норм не вырабатывают, дисциплина в батальонах низкая, организованность на работах почти отсутствует... Руководители предприятий смотрят на бойцов батальонов как на дармовую рабочую силу, присланную на короткий срок в помощь вольнонаёмному составу рабочих».* Но справедливо ли требовать чего-то иного от насильственно мобилизованных людей третьего сорта, вырванных из семьи, одетых в обмундирование четвёртого срока носки, питавшихся по предельно сокращённым тыловым нормам, проживавших

в неблагоустроенных бараках и землянках? Компенсировать столь низкую результативность труда бойцов рабочих колонн можно было только за счёт массовости. Многочисленность бойцов рабочих колонн, использование их дешёвого труда на самых тяжёлых, неквалифицированных работах в условиях общего острого дефицита рабочей силы делали их труд незаменимым.

Здоровье как боевой ресурс

В условиях острого дефицита людей всё более важным источником пополнения фронтовых подразделений Красной армии становились бойцы, находившиеся на излечении в госпиталях. Советские медики добились очень высокого «выхода в строй» раненых. В целом за войну из общего числа раненых, поступивших в военно-медицинские учреждения, свыше 70% были возвращены в строй. Однако в течение первого года Великой Отечественной войны прослойка военнослужащих, комиссованных по состоянию здоровья, была очень велика. Она достигала 30%. Особенно большой удельный вес уволенных из Красной армии был характерен для эвакогоспиталей глубокого тыла. В эвакогоспиталях Новосибирской области за период с 30 июня по 31 декабря 1941 г. из числа прошедших лечение красноармейцев и командиров были комиссованы 14%. В кемеровском госпитале №1230 в течение первых 10 месяцев войны в часть было выписано всего 60% бойцов и командиров, а 10% пришлось полностью снять с воинского учета.

Причина низкого выхода в строй заключалась в том, что в сибирские эвакогоспитали направлялись тяжело раненые воины, требующие длительного лечения. Легко раненые, а также получившие ранения средней степени тяжести, оставались во фронтовых госпиталях или в эвакогоспиталях ближайшего тыла. В результате, медикам сибирских эвакогоспиталей в течение войны так и не удалось добиться высокого выхода в строй раненых и больных военнослужащих. Удельный вес выздоровевших раненых, направляемых в воинские части, увеличивался очень медленно, несмотря на все усилия медицинских работников. Так, в Омской области в целом за годы Великой Отечественной войны в строй возвратилось только 29% раненых и больных военнослужащих. Такая ситуация

была характерна для всех эвакуогоспиталей, дислоцированных на территории Западной Сибири.

Помимо тех, кто отчислялся из армии через госпитали, значительную часть резервистов отсеивали медицинские комиссии на этапе призыва. Удельный вес мужчин, не призванных по состоянию здоровья, на начало декабря 1941 г. в Западной Сибири достигал 10%. Начальник отдела политической пропаганды Алтайского крайвоенкомата старший батальонный комиссар Картенев 29 июня 1941 г. докладывал первому секретарю Алтайского крайкома В.Н. Лобкову: «По людскому составу край полностью укомплектовал положенные части, но имеем нездоровое явление – большой процент больных среди военнообязанных». В ходе военно-мобилизационной кампании 1941 г. в Алтайском крае были аттестованы как полностью непригодные к службе в армии с исключением с воинского учета почти 5% резервистов. В Новосибирской области при призыве молодежи 1924 г. рождения в 1942 г. негодными со снятием с воинского учета были признаны 1,2% юношей. Кроме того, 8% призывников получили отсрочки по болезни. В Омской области в ходе призыва граждан 1924 г. рождения 2% призывников были сняты с военного учета как негодные к службе, 6% получили отсрочки по болезни, 5% были признаны годными только к нестроевой службе. Власти пожинали плоды своей собственной довоенной политики, распространения остаточного принципа финансирования здравоохранения, крайне низкого уровня жизни населения. Люди, пережившие голод, проживавшие в бараках, лихих коммуналках и сырых полуподвалах, подверженные многочисленным инфекционным, желудочно-кишечным, кожным и гнойничковым заболеваниям, в принципе не могли быть здоровыми.

Для того, чтобы сократить число непригодных к несению воинской службы по состоянию здоровья, организовывалось принудительное лечение резервистов, а также повторные медицинские переосвидетельствования военнообязанных, получивших отсрочку от службы в армии по болезням. Военкоматы априори исходили из того, что какая-то часть резервистов симулировала болезнь. Так, летом 1942 г. при проведении медицинского переосвидетельствования ограниченно годных в Омской области было

выявлено 1312 человек, которые были признаны годными для несения строевой службы. Но все меры не приносили ожидаемого эффекта и в конце 1942 г. было решено кардинально изменить подход к медицинским противопоказаниям от службы.

Приказом наркома обороны от 24 октября 1942 г. №336 нормы военно-врачебной экспертизы были существенно пересмотрены в сторону снижения требований к здоровью бойцов. Призывным комиссиям было разрешено направлять в армию больных трахомой, кожными заболеваниями, а также с компенсированным туберкулезом, органическими пороками сердца и различного рода функциональными расстройствами. Минимальный рост при призыве был снижен до 145 см., вес – до 42 кг.

12 ноября 1943 г. увидел свет приказ наркома обороны №0882. В приказе подчёркивалось, что существующие ранее положения по определению годности к военной службе были приспособлены к условиям отбора людского контингента в мирное время и не отвечают условиям военных лет. В результате, как указывалось в приказе, физически здоровые люди, имеющие незначительные и легко излечимые заболевания, освобождаются от службы в армии, а ряд военнотружущих зачисляются в группу нестроевых по формальным признакам или вовсе снимаются с воинского учета. Нарком обороны приказал в срок до 15 ноября 1943 г., руководствуясь новым расписанием болезней, повторно освидетельствовать всех резервистов в возрасте до 50 лет, получивших отсрочки или вовсе негодных к военной службе, а также всех мужчин, переданных в состав рабочих колонн из-за непригодности к строевой службе. Всех, годных к строевой службе в возрасте до 47 лет, предписывалось направить на укомплектование фронтовых подразделений, а в возрасте от 48 до 50 лет – в запасные стрелковые бригады для укомплектования рот тылового обеспечения. Годных к физическому труду зачислить на воинский учёт, но использовать исключительно для формирования тыловых учреждений в качестве рабочих на складах, в мастерских, на строительстве и в промышленности, а также в военизированной охране. Приказом наркома обороны предусматривалось также призвать всех военнообязанных до 50 лет включительно, больных грыжей, трахомой, экземой, по физическому состоянию годных к строевой и

нестроевой службе. Больных граждан требовалось предварительно направлять в госпитали для принудительного лечения, а в запасных частях бывших больных приказывалось выделять в особые батальоны (роты), размещая и обучая их изолированно.

Вследствие применения положений приказов №336 и №0882, отсев призывников по состоянию здоровья резко сократился. Первое же медицинское переосвидетельствование военнообязанных запаса и призывников, организованное в Кемерово после выхода приказов №336 и №0882, выявило из числа 368 человек, ранее полностью снятых с учета, 12 человек годных к строю, 150 человек, годных к нестроевой службе в войсках, 206 человек, годных к физическому труду. Медицинское переосвидетельствование граждан, признанных ранее негодными к службе в армии, проведенное в январе 1943 г. в Омской области, выявило 4 тыс. военнообязанных, годных к службе. Проверочная регистрация военнообязанных в июне 1943 г. обнаружила 2968 человек, годных к строевой службе.

Военкоматы Новосибирской области в конце 1942 – в 1943 г. совместно с Военным отделом обкома организовали повторное медицинское освидетельствование военнообязанных запаса, которые ранее были признаны негодными к службе в армии по состоянию здоровья. Из числа военнообязанных, признанных ранее годными к нестроевой службе, 27% оказались годными к строевой службе. Среди лиц, полностью снятых с воинского учета по состоянию здоровья, при переосвидетельствовании подтвердили статус 68% призывников. Но 4% были признаны годными к строевой службе, а почти 15% оказались годными к физическому труду. Из числа военнослужащих, находившихся в отпусках по ранению и болезням, годными к строевой службе в войсках были признаны почти 13%. Среди бойцов рабочих колонн годных к строевой службе оказалось почти 60%. Главным результатом переосвидетельствования стала отправка из Новосибирской области на фронт почти 26 тыс. человек, которых в народе называли «грыжевиками». В марте-апреле 1943 г. в Новосибирской области было проведено ещё одно медицинское переосвидетельствование, которое выявило из числа непригодных к службе 4276 годных к строевой. По итогам перерегистрации военнообязанных

запаса, проведенной в июне 1943 г. в Кемерово, в Красную армию было направлено 1084 «грыжевика». В Омской области повторное медицинское освидетельствование «грыжевиков» было организовано с 1 марта по 4 апреля 1944 г. по приказу Наркомата обороны от 2 января 1944 г. Освидетельствование выявило из числа ранее числившихся негодными к службе в армии 2449 человек, годных к строевой службе, 7689 годных к нестроевой и 1645 человек, годных к физическому труду.

Отметим, что военные по прежнему были недовольны «выходом в строй», оценивали его как «низкий» и постоянно оказывали усиленное давление на медицинские комиссии, добиваясь ещё более высоких показателей. Контрольные проверки, организованные в 1944 г. штабом СибВО в ряде городских военкоматов Западной Сибири, вскрыли, по субъективному мнению военных, удручающую картину. В Гурьевске в группе нестроевых и полностью непригодных к службе якобы оказалось 43% вполне годных к строю, в Барнауле и Сталинске – по 22, в Белово – 24%. В постановлении Военного совета СибВО «О состоянии военно-мобилизационной работы в военных комиссариатах СибВО» от 9 сентября 1944 г. специально указывалось: *«Медицинские комиссии работали плохо. В результате контрольной проверки в группе нестроевых и негодных обнаружен большой процент годных к строю».*

Но проблема была значительно сложнее, чем просто «плохая работа» медицинских комиссий военкоматов. Юноши – призывники и резервисты старших возрастов, испытавшие на себе все трудности военного времени, в принципе не могли быть здоровыми. В докладе «Об итогах призыва в Красную Армию призывников 1927 г. рождения по Омской области» секретарь Омского обкома С.С. Румянцев и председатель Омского облсовета Токарев констатировали: *«Годность к строевой из года в год снижается – тяготы Великой Отечественной войны отразились на состоянии здоровья».* Достаточно сказать, что медицинские комиссии военкоматов Омской области выявили среди призывников 1927 г. рождения 807 юношей, имевших рост менее 145 см, а вес – менее 42 кг. Кроме того, 334 призывника имели рост от 145 до 150 см. Никакие ухищрения призывных комиссий не могли

кардинально увеличить число призывников за счёт признания ограниченно годных по состоянию здоровья годными к воинской службе в Действующей армии. Удельный вес призывников, аттестованных комиссиями военкоматов годными к строевой службе, из года в год сокращался, тогда как прослойка тех, кто получал отсрочки по болезням или полностью исключался с воинского учёта, увеличивалась. Это не зависело от работы военкоматов. Такова была объективная ситуация.

Учитывая столь сложное положение, в которое были поставлены призывные комиссии, и стремясь максимально использовать людские ресурсы, Наркомат обороны приказом №336 ввёл в обиход понятие «трудоспособность», которое было максимально приближено к понятию «годность». Соответственно приказ устанавливал формулировку: «негоден к службе в войсковых частях, годен к физическому труду». Те мужчины, которые были признаны годными к строевой службе, направлялись в боевые подразделения РККА. Лица, годные к нестроевой, проходили службу во вспомогательных подразделениях Красной армии. Годные к физическому труду направлялись в строительные подразделения Красной армии или в рабочие колонны производственных наркоматов и НКВД. Мужчины, которые признавались годными к нестроевой или к физическому труду, заменяли годных к строевой службе и они отправлялись на фронт. Кроме того, за счёт годных к физическому труду в 1943 г., но главным образом в 1944-1945 гг. удалось несколько снизить удельный вес призывников, получавших отсрочки от службы по болезням и годных только к нестроевой службе.

Я хочу жить

В лихорадочном поиске людей военные и гражданские власти придавали очень большое значение выявлению лиц, уклоняющихся от учёта и мобилизации, а также поиску военнослужащих, дезертировавших из воинских частей. Первая волна мобилизации, поднявшаяся в Западной Сибири летом 1941 г., судя по отчетам военкомов, прошла организованно и без каких-либо эксцессов, если не считать многочисленных случаев пьянства среди призывников. Однако на это власти смотрели сквозь пальцы, так как по-

нимали, что стародавнюю народную традицию проводов в армию не изменить.

Но когда полоса патриотических митингов начала войны канула в Лету, люди столкнулись с суровой действительностью, а вместе с этим выросло и количество тех, кто любыми способами стремился остаться в тылу. В одном из сельских районов Омской области в июне 1941 г. призывник К. пытался симулировать болезнь ноги, которая у него якобы не разгибалась. Эта наивная попытка симуляции была быстро разоблачена. В Октябрьском районе Новосибирска в первый же день мобилизации было выявлено сразу 7 симулянтов. В Тогучинском районе, как доложил 10 июля 1941 г. заведующий Военным отделом райкома В. Юхнев, военнообязанный З., колхозник колхоза им. Щетинкина Коуракского сельсовета, притворился хромым. В Пышкино-Троицком районе три, а в Таштагольском – сразу двенадцать новобранцев не явились на сборный пункт, скрылись в тайге, где разыскать их было почти невозможно. Военнообязанные Т. и Х., проживавшие в Ленинск-Кузнецком районе, пытались симулировать болезнь и просили предоставить отсрочку, но, уличённые фактами, признали, что струсил. Встречались и случаи преднамеренного членовредительства. В Чулымском районе гражданин К., 1907 г. рождения, работавший конюхом, чтобы избежать мобилизации, нанёс себе ножевую рану в ногу. Военнообязанные И., С. и Б. с целью уклониться от мобилизации отрубили себе пальцы на правой руке. Они были арестованы и преданы суду. Резервист Д. выпил раствор формалина и ожёг себе полость рта. Всего по Новосибирской области в ходе первой и второй волн мобилизации (июнь-сентябрь 1941 г.) было зарегистрировано 39 случаев членовредительства.

Партийные работники, а также осведомители НКВД и НКГБ фиксировали если не многочисленные, то и далеко не единичные антисоветские высказывания. Люди пережили тяжелейшие 1930-е годы с их варварской коллективизацией и массовыми депортациями крестьян. Ещё не стёрся из народной памяти страшный голод 1932-1933 гг., унёсший миллионы жизней. Страна была переполнена теми, чьи близкие заживо гнили в ГУЛАГе. На стене туалета Барнаульского Горпрофсовета кто-то нацарапал

развесёлые стихи, характеризующие всю сложность взаимоотношений властей предержавших и простых людей:

*Курятину, гусятину французам отдадим,
А конницу Будённого мы сами поедим.
Братишка наш Будённый, война уж на носу,
А конница Будённого пошла на колбасу.*

С началом войны пришло время «собирать камни». И если на Украине, в Белоруссии и Прибалтике солдат вермахта встречали цветами, то в Сибири некоторые отчаявшиеся граждане наивно полагали, что гитлеровцы идут освобождать Россию от большевиков. В Коченевском районе на сборный пункт отказался прибыть гражданин В.: «*Воевать против Гитлера я не пойду, Гитлер идёт нас освобождать*». В. оказал сопротивление работникам милиции, нанёс ранение одному из милиционеров, пытался бежать, но был задержан и предан суду. Некто Е. (шофёр из Сузунского района) сказал: «*Если меня возьмут в армию, то я вместе с машиной перейду в плен к Гитлеру*». Жена военнообязанного Г. говорила своим подругам: «*Наши мужья на фронте, а мы в тылу будем свергать советскую власть*». Колхозник колхоза «Большевицкая смена» Тогучинского района Лебедевского сельсовета Ш., 1914 г. рождения, заявил, что не пойдёт в РККА, так как «*советское правительство весь хлеб запрдало в Германию и Финляндию, а свой народ посадило на полуголодный паёк*». Военнообязанный М., 1909 г. рождения, проживавший в Мариинском районе, прибыв в военкомат, сказал: «*Германия нас разобьёт, мы идём на котлеты и колбасу, так как Германия сильнее нас*». Военнообязанный Ш. (Ленинск-Кузнецкий район), позднее арестованный, говорил: «*Лучше отсидеть год в тюрьме, чем идти на войну*». Наивный Ш. не знал, что за уклонение от службы в Красной армии отделаться годом тюрьмы было бы слишком лёгким наказанием. В Первомайском районе Новосибирска, к примеру, лейтенант запаса К. за уклонение от мобилизации был осуждён на 10 лет.

Стремление уклониться от мобилизации стимулировалось тем, что партийное и советское начальство, в отличие от рядовых коммунистов, призывалось в армию только по специальным нарядам.

Секретари обкомов, крайкомов, окружкомов, горкомов, райкомов направлялись на фронт исключительно с разрешения ЦК ВКП(б). Получали бронь и другие работники партийного аппарата. Постановлениями Комиссии по освобождению и отсрочкам от призыва при СНК СССР от 22 января и 17 февраля 1942 г. отсрочки щедро предоставлялись работникам государственных и общественных организаций. Освобождение от воинской мобилизации для членов партийной номенклатуры было подтверждено 26 февраля 1943 г. В боях сложили головы сотни тысяч рядовых членов ВКП(б). Попадала в армию, главным образом на должности политических руководителей, некоторая часть партийно-советской номенклатуры. Но за все годы Великой Отечественной войны в Красной армии оказалось всего 48 тыс. партийных, советских и хозяйственных работников. Если учесть, что в военный период под ружьё было поставлено свыше 34 млн. человек, то 48 тыс. на этом фоне меньше, чем капля.

Сам факт, что в ходе многомиллионных призывов члены партийно-государственной номенклатуры в основной массе остаются в тылу, вызывало возмущение простых людей и стимулировало стремление отдельных граждан закрепиться в тылу. В народе говорили: мол, простых людей отправляют на бойню, а «ташкентские фронтовики, у которых броня крепка» окопались в тылу. Очень характерно высказывание директора подсобного хозяйства Барнаульской городской больницы, члена ВКП(б) Кудышкина. Согласно докладной записке секретно-политического отдела УНКВД по Алтайскому краю, в мае 1942 г., по-видимому, не подозревая о присутствии осведомителя, Кудышкин заявил: «*Идёт какое-то уничтожение человечества. На войне бьют миллионы, в тылу дохнут от голода и все самый молодой народ. Тут есть какое-то вредительство со стороны нашего правительства*».

Многие тыловики видели, в какой нищете, оставшись без кормильца, живут семьи фронтовиков. Крохотное пособие, которое выплачивало государство семьям военнослужащих, не позволяло вести даже полуголодное существование. Согласно указу Президиума Верховного Совета от 26 июня 1941 г. «О порядке назначения и выплаты пособий семьям военнослужащих рядового и

младшего начальствующего состава в военное время», семьи красноармейцев и младших командиров получали пособие в размере от 100 до 200 рублей в месяц в городе и 50% от этих сумм в сельской местности. Обязательным условием выплаты пособия было отсутствие в семье фронтовика трудоспособных членов семьи. Рыночные цены в годы войны резко выросли. По сравнению с 1940 г. они возросли в 1943 г. в 15 раз и превышали уровень пайковых цен в 20 раз. В 1944 г. цена на 1 кг говядины составляла около 150 руб., масла – 600 руб., литр молока – 50 руб. Деньги обесценились, а вместе с этим теряло значение и пособие.

Газетным статьям про «сталинскую заботу» о семьях фронтовиков никто не верил. В жизни люди видели совсем другое. В справке «По обслуживанию семей военнослужащих в ОСМЧ-60 и Энергокомбинате по состоянию на 15 марта 1943 г.», составленной инструктором Кемеровского горкома Шведовым, подробно описаны мытарства семей фронтовиков: «...Семья красноармейца т. Шатохина в январе месяце находилась в исключительно тяжёлом материально-бытовом положении, сама Шатохина и её трое детей совершенно раздетые и абсолютно не имели обуви (для выхода из квартиры пользовались пальто и обувью соседней), так же не было никакой постельной принадлежности... окна в квартире не застеклены, дверь дырявая, печь неисправная, в квартире холодно... Красноармейка Тишкина работает на ГРЭС на колке соли, имеет троих детей: двое из них в больнице, материально крайне нуждается, сама ходила в чужом платье, дома нет ни топчана, ни постельной принадлежности».

Это не отдельный отрицательный пример, но скорее типичный случай, по сути, повсеместное явление, распространённое как в городе, так и в деревне. М.В. Кулагин, секретарь Новосибирского обкома, в марте 1942 г. был вынужден разослать секретарям райкомов и горкомов секретное письмо следующего содержания: «В Обком ВКП(б) и войсковые части поступает большое количество писем и заявлений с жалобами на бездушно-бюрократическое, а порой преступное отношение отдельных руководителей предприятий, учреждений и колхозов к удовлетворению законных требований красноармейских семей об оказании им необходимой помощи». Начальник УНКВД по Алтайскому краю

К.С. Волошенко в записке о политических настроениях колхозниц 12 февраля 1942 г. писал: «Жена красноармейца Попова заявила – “Хлеба нисколько не дают, некоторые колхозники сидят без хлеба и голодают”. Жена красноармейца Ландарева сказала – “Хлеба нет. Все сушат картофельные шкурки”. Жена красноармейца Вотникова сказала – “Живем мы сейчас очень плохо, хлеба у нас нет, картошки тоже нет, вообще нет ничего”». Колхозница колхоза «2-я пятилетка» Здвинского района Новосибирской области К.К. Еремина, муж которой находился на фронте, в феврале 1942 г. писала в обком: «Я в течение нескольких дней со всей семьей оставалась совершенно голодная... Дети все плачут – просят есть... Я решила тогда задавить всех детей и сама покончить жизнь самоубийством, но в этот день узнала, что в колхозе пал бык, которого вывезли на свалку. Я вместе с сыном нарубила мяса этого быка и в течение шести дней питались. В январе в течение нескольких дней мы питались жмыхом, который воровали на скотном дворе колхоза». Несмотря на горы исписанной бумаги, ситуация не менялась до конца войны. Руководитель Называевской (Омская область) районной госсанинспекции Михалева в марте 1944 г. сообщала председателю исполкома райсовета: «При проведении подворного обхода в колхозах Называевского района установлено полное отсутствие хлеба. Вместо хлеба колхозники на трудодни получают семена сорняков, главным образом дикой горчицы, лебеды. Их размалывают на жерновах, а из муки темно-серого цвета пекут лепешки черного цвета горького вкуса. Внешний вид детей производит тяжёлое впечатление. Совершенно бледные лица с большими впалыми глазами, атрофичной мускулатурой». Инструктор Военного отдела Новосибирского обкома в справке «О результатах проверки состояния разбора жалоб и писем, а также и обслуживания семей военнослужащих и инвалидов Отечественной войны в Здвинском районе» в конце 1944 г. писал: «Большинство колхозников, семей военнослужащих с декабря и января не имели ни хлеба, ни картофеля, ни овощей. В колхозе “6-й съезд Советов” обследовано 32 семьи, из них с резким истощением и безбелковым отёком 18 семей, продуктов не имеют никаких, употребляют в пищу древесные опилки, мякину, картофельную ботву. В колхозе “Прибережье” обследовано

15 семей военнослужащих, из коих у 5-ти семейств безбелковый отёк, у 8-ми сильное истощение, у двух семейств голодная смерть. Имеется смертность от голода, употребление в пищу мяса павших животных, лисиц, собак».

Вместе с быстрым наступлением немцев появлялись растерянность, неуверенность в силах Красной армии. В тыловые районы страны хлынул поток похоронок. Страшные истории об ужасах войны рассказывали эвакуированные. В городах и сёлах Западной Сибири появились первые раненые и искалеченные фронтовики. Безногие, безрукие, ослепшие, они собирали подаяние, торговали семечками, играли на базарах в «верёвочку» и «напёрстки», показывали карточные фокусы. Неловкие попытки Совинформбюро скрыть информацию о потерях и повальная реквизиция радиоприёмников только увеличивали недоверие людей к официальным источникам.

У кого-то наступление немцев вызвало решимость сражаться. Архивные документы доносят до нас многочисленные случаи, когда люди шли добровольцами на фронт, отказывались от предоставленных отсрочек. Но в истории войны можно найти множество примеров, как мужества, так и трусости. Когда большинство тыловиков хорошо усвоили, что лозунг «на чужой территории и малой кровью» всего лишь пропагандистский блеф, выяснилось, что число симулянтов и уклонистов не так уж и незначительно. Уклонение от призыва и мобилизации стало острой проблемой, которая серьёзно затрудняла выполнение нарядов Главупраформа. Военкоматы с целью выявления уклонистов приступили к проведению регулярных перерегистраций военнообязанных запаса. Первая в СССР перерегистрация была организована в декабре 1941 – январе 1942 гг. по директиве начальника Главупраформа Е.А. Щаденко. Для проведения перерегистрации Военные советы округов, военкоматы, краевые и областные комитеты ВКП(б) формировали специальные комиссии. На регистрационные пункты должны были явиться все военнообязанные запаса и призывники, получившие отсрочки от призыва. Регистрационные пункты работали круглосуточно. В директиве Главупраформа содержалось требование обратить особое внимание на граждан, уклонившихся от призыва, тщательно проверяя по документам

возраст, воинскую специальность, состояние здоровья каждого. Перерегистрация 1941-1942 гг. сразу же выявила большое количество командиров запаса, не состоявших на воинском учете. Но большинство этих людей уклонистами не являлись. Скорее, это свидетельствует о плохой работе военкоматов, чем о попытках уклониться от призыва.

В июле-августе 1942 г. была проведена вторая перерегистрация, по итогам которой только в Новосибирской области к судебной ответственности за уклонение от учёта было привлечено 213 человек. За уклонение от призыва и мобилизации под суд военного трибунала попали 92 резервиста, за дезертирство – 85 военнослужащих. Отныне перерегистрации следовали одна за другой. В период с 1 июня по 1 июля 1943 г. по приказу наркома обороны в Западной Сибири была проведена повсеместная проверочная регистрация всех военнообязанных и призывников. В ходе этой акции только в Кемерово проверочную регистрацию прошли 24963 военнообязанных. Из них 973 человека были отправлены в рабочие колонны, 1084 человека – в Красную армию. Но 240 человек так и не удалось разыскать – они скрылись от учёта.

25 ноября 1943 г. в Новосибирской области была организована дополнительная проверка правильности предоставления отсрочек от службы в Красной армии, которая завершилась 25 декабря. Чтобы не отвлекать работников, проверка проводилась специально созданными комиссиями непосредственно на производстве с участием представителей городских и районных комитетов ВКП(б), в увязке с органами прокуратуры и НКВД. В результате этой проверки было выявлено: незаконно забронированных – 194 человека; дезертиров – 74 человека; нарушителей воинского учёта – 394 человека; уклонившихся от призыва по мобилизации – 60 человек. Под суд были отданы 51 человек за уклонение от учёта и призыва, 2 человека за пособничество уклонению.

Самая крупная за все годы Великой Отечественной войны перерегистрация военнообязанных запаса была организована в феврале-апреле 1944 г. по приказу заместителя наркома обороны А.М. Василевского. Основной целью перерегистрации было выявление уклонившихся от воинского учёта и призыва, а также незаконно забронированных. Кроме того, в ходе перерегистрации

проводилось повторное медицинское освидетельствование мужчин, ранее получивших отсрочки по состоянию здоровья; пересматривались дела непризванных по национальным признакам и политико-моральным соображениям. По итогам этой перерегистрации в Омской области было разыскано 6 дезертиров, 653 уклониста, 12 человек с просроченными документами, 24 симулянта и членовредителя. Всего в процессе перерегистрации в Омской области было выявлено 2949 годных к строевой службе, 7689 человек, годных к нестроевой службе и 1645 человек, годных к физическому труду. В Новосибирской области перерегистрация по приказу А.М. Василевского проводилась с 1 марта по 1 апреля 1944 г. В ходе перерегистрации была проверена работа всех военно-учётных столов и состояние учёта на предприятиях и в сельских советах, сверены списки военнообязанных с учётными карточками. На перерегистрацию явилось 151338 военнообязанных, из них 57693 человека, ранее получивших отсрочки от службы в армии, были подвергнуты медицинскому переосвидетельствованию. Переосвидетельствование показало, что 2766 военнообязанных запаса, ранее признанных негодными к службе по состоянию здоровья, вполне пригодны к несению строевой службы в войсках, 2604 человека годны к нестроевой службе, а 739 человек могут быть использованы как годные к физическому труду. За время перерегистрации и в период подготовки к ней было выявлено 100 дезертиров, покинувших подразделения Красной армии, 516 уклонистов от призыва, 534 нарушителя правил военного учета, 63 военнообязанных с просроченными документами, 269 незаконно забронированных. В итоге всей перерегистрации было выявлено дополнительно 7525 военнообязанных, из которых 5441 человек были призваны в армию. В Алтайском крае в ходе перерегистрации 1944 г. было задержано 92 дезертира, обнаружено 333 уклониста от учёта и призыва, 40 военнообязанных с просроченными документами. Кроме того, 253 человека были разбронированы как незаконно стоящие на спецучёте, а под суд военного трибунала попали 123 дезертира и 65 уклонистов.

К поиску уклонистов и дезертиров были подключены органы прокуратуры, НКВД и НКГБ. Милиция совместно с партийными и комсомольскими активистами организовывала дневные и ночные

подворные обходы, а также облавы с целью внезапной проверки документов в местах скопления людей – на базарах, железнодорожных вокзалах и станциях, в театрах, клубах, кинотеатрах, в очередях за хлебом. Так, 5 мая 1943 г. в Новосибирске была организована крупная облава, в ходе которой было задержано 32 военнослужащих, дезертировавших из Красной армии (18 из них были преданы суду военного трибунала). Помимо этого, было выявлено 8 уклонистов от мобилизации и призыва (7 человек осуждены), 93 уклониста от воинского учёта (16 человек осуждены), 43 уклониста от перерегистрации (3 человека осуждены), 16 человек с просроченными документами (1 человек осуждён).

Заведующий Военным отделом Пышкино-Троицкого райкома Галков 22 сентября 1943 г. докладывал заведующему Военным отделом Новосибирского обкома Звездину: *«Работа по выявлению уклонившихся от воинской службы проделана следующая: в райцентре и сёлах были организованы облавы, подворные обходы, где выявлено 2 человека, на которых дело передано в органы НКВД и прокуратуры»*. Оперуполномоченный Колпашевского отделения милиции Волков в мае 1943 г. в докладной записке об очередной облаве сообщал: *«Доношу, что бригадой было проверено 9 мая на базаре лиц 650 человек, из которых было без документов 70 человек, оказалось уклоняющихся от мобилизации 1 человек и один не прописан»*. В Кировском районе Кемерово с целью выявления тех, кто уклонился от переосвидетельствования, а также дезертиров, 14 марта 1943 г. была проведена внезапная ночная проверка документов, в которой участвовало 200 человек милиционеров и партийно-комсомольских активистов. В облавах, организованных органами милиции в начале мая 1943 г., в районе было задержано 7 нарушителей правил воинского учёта и лиц, не имеющих воинских документов. Заведующий Военным отделом Саргатского райкома Сметнев 12 января 1945 г. докладывал в Военный отдел Омского обкома, что в течение 1944 г. в районе ежемесячно проводились облавы в населённых пунктах, на предприятиях и клубах. В ходе облав были выявлены 7 уклонистов от учёта и призыва и 2 дезертира с оружием. Все были преданы суду военного трибунала, получили большие сроки или направлены в штрафные роты. Облавы и внезапные ночные

проверки документов особенно интенсивно проводились в конце войны. Так, заведующий Военным отделом Кузедеевского райкома Егорин доносил в Кемеровский обком, что в первом полугодии 1945 г. в районе было организовано 4 облавы, в ходе которых были обнаружены 27 нарушителей правил воинского учёта, из которых 7 человек направлено в РККА, 3 человека привлечены к уголовной ответственности.

Одновременно с облавами был ужесточен паспортный контроль. Проживание без прописки не допускалось, а правила учёта военнообязанных были усовершенствованы. Принимались энергичные меры для ограничения перемещений резервистов. Военнообязанным и призывникам категорически воспрещалось выезжать за пределы населённых пунктов без специального разрешения военкомов. Для получения разрешения военнообязанные и призывники должны были лично подавать в военкоматы письменное заявление с указанием мотивов выезда и предполагаемого адреса с приложением военного билета (приписного свидетельства). По прибытии на новое место жительства граждане обязались в течение 48 часов встать на воинский учёт. Все, уклонившиеся от постановки на учёт, а также лица, содействующие этому, привлекались к уголовной ответственности по ст. 193-10а УК РСФСР и предавались суду военного трибунала. Согласно совместному приказу Наркома юстиции СССР и прокурора СССР от 27 июня 1942 г. военные трибуналы рассматривали дела об уклонении от воинского учёта в местностях, объявленных на военном положении, в двухдневный, а в тыловых районах – в пятидневный срок.

Нередко устраивались сверки документов по месту военного учёта и проживания. Однако уклонисты придумывали всё более изощрённые способы избежать фронта. Немаловажную роль в этом играли коррумпированные работники военкоматов. В Новосибирске весной 1942 г. были арестованы и преданы суду военного трибунала райвоенком Октябрьского района и начальник 2 части этого военкомата. За взятки они освобождали военнообязанных от призыва. При обыске было обнаружено 370 паспортов, изъятых у граждан, отправленных в Действующую армию. Это и позволяло махинаторам совершать подлоги. В сентябре 1943 г. в

Омске была изобличена группа, продававшая документы, которые изымались у призывников. Главари группы был бывший работник райвоенкомата З. На его квартире было выявлено большое количество паспортов, комсомольских билетов, приписных свидетельств и около 200 подлинных свидетельств об освобождении от военной службы. За подлоги документов к судебной ответственности в 1944 г. в Кемеровском облвоенкомате были осуждены 3 офицера. *«На путь укрывательства, – указывалось в постановлении Военного совета СибВО от 9 сентября 1944 г., – встал новосибирский горвоенком подполковник О.»*. Военком Полтавского района Омской области в 1943 г. за взятки незаконно забронировал 16 человек. Тогда же были уличены райвоенком Исилькульского района П. и начальник 1-й части райвоенкомата М. Их сообщница, врач Д. на пункте медицинского освидетельствования военнообязанных за взятки в военно-учётной карточке ставила секретный знак: «№31». Это означало освобождение от службы якобы по состоянию здоровья. Окончательное освобождение оформлял муж врача Д., являвшийся сотрудником райвоенкомата. Встречались и случаи подделки документов самими военнообязанными. Так, военнообязанный Л. из Кемерово в воинском билете самовольно произвел запись о снятии с воинского учёта.

Нередким явлением по-прежнему были симуляция и членовредительство. И это несмотря на то, что самым мягким наказанием для симулянтов и членовредителей была отправка в штрафные подразделения. Самые злостных преступников приговаривали к длительному лишению свободы, а в отдельных случаях – к расстрелу. Заведующий Военным отделом Омского обкома Григорьев, докладывая о результатах перерегистрации военнообязанных 1942 г., специально подчеркнул, что в некоторых районах области были зафиксированы перевязки рук с целью вызвать отеки. Отдельные симулянты, имеющие доступ к химическим реактивам, ставили себе уколы, вызывающие на коже язвы и нарывы. Все выявленные симулянты были привлечены к уголовной ответственности. В августе 1942 г. в Татарском районе Новосибирской области, согласно докладной записки заведующего Военным отделом райкома И. Карпова, был зарегистрирован совершенно дикий случай – один из призывников отрубил себе ногу.

Большое количество уклонистов оказалось и среди коммунистов, которые по партийному набору должны были служить в Сталинской добровольческой дивизии. Беспартийные направлялись в дивизию исключительно добровольно. Члены ВКП(б) откомандировывались в дивизию по решению партийных комитетов. Среди беспартийных граждан и рядовых коммунистов было очень много добровольцев. Но далеко не все члены партии стремились попасть на фронт. Категорически отказался пойти добровольцем член ВКП(б) с 1929 г. Л., трудившийся дорожным мастером на станции Купино. Член партии с 1941 г. К., работавший в Кемерово главным госторгинспектором, мотивировал свой отказ болезнью. Врачебная комиссия признала его годным к службе в РККА. Коммунист В., сотрудник отдела милиции Сузунского района пытался уклониться от службы, ссылаясь на заболевание, но медицинское переосвидетельствование подтвердило его годность. Все отказчики были исключены из партии с формулировкой: за «шкурничество и трусость».

Довольно сложным способом уклонения от призыва было проживание без документов. Жить на нелегальном положении без прописки, работы и карточек, «выпасть» из структуры сталинского государства было непростым делом. Такие случаи быстро выявлялись. Летом 1942 г. при проведении перерегистрации военнообязанных Омской области было выявлено 55 человек, не состоящих на воинском учёте и 20 человек, ранее уклонившихся от призыва. Призыв в январе 1943 г. граждан 1925 г. рождения обнаружил дополнительно 224 человека, не состоявших на воинском учёте. В Алтайском крае при организации приписки граждан 1926 г. рождения (июль-август 1943 г.) было выявлено 583 человека, избежавших учёта. В 1944 г. при проведении весенней перерегистрации военнообязанных запаса военные власти обнаружили 1795 человек, уклонившихся от постановки учёта.

Тем не менее, отдельные «ловкие» люди умело обходили все законы и постановления. Так, некий Ц. был забронирован до 1 июля 1943 г. как работник Управления снабжения СибВО. С истечением срока отсрочки Ц. уволился под видом добровольного поступления в военное училище, но на самом деле устроился на работу в Новосибирский железнодорожный институт, где вновь

получил бронь. *«Пользуясь невнимательностью и беспечностью военкоматов, – указывали в приказе от 11 ноября 1943 г., – командующий войсками СибВО, генерал-лейтенант Н.В. Медведев, член Военного совета округа генерал-майор А.Ф. Колобяков и начальник штаба округа А.И. Помощников, – многие военнообязанные, подлежащие отправке на фронт, находятся вне армии».*

Делом вполне реальным было проживание без документов в отдалённых, труднодоступных местностях Сибири. С 15 апреля по 3 июня 1943 г. командование СибВО совместно с Военным отделом Новосибирского обкома направили в Нарымский округ комиссию для проверки работы окружного военкомата. В Каргасокском районе было обнаружено 16 человек, не состоящих на воинском учёте. В Молчановском районе в шести проверенных сельсоветах было выявлено 88 человек, не учтённых райвоенкоматом, в Парабельском районе – 45, в Кривошеинском – 404, а в Колпашево – 69 человек. Несомненно, большинство таёжников не уклонялось специально от учёта. В данном случае основную роль играла халатность работников военкоматов и объективные сложности природно-географического характера. Во всяком случае, областная комиссия определила, что из числа не состоящих на учёте только 7 человек сознательно уклоняются от встречи с работниками военкоматов. Так, военнообязанный М., 1919 г. рождения, проживающий в Молчановском районе, уклонялся от воинского учёта в течение года. Житель Кривошеинского района П., 1920 г. рождения ловко уклонялся от учёта в течение 2-х лет, а в Каргасокском районе военнообязанный С., 1918 г. рождения в момент проверки скрылся в тайге, где обнаружить его по существу было невозможно. Военнообязанный М., проживавший в Кемерово, в подвале своего дома устроил жильё с большим количеством ходов сообщения. Здесь он намеревался отсидеться до конца войны.

Принимаемые по поиску уклонистов меры, равно как и ужесточение правил учёта далеко не во всех случаях давали положительный результат. В постановлении Военного совета СибВО от 9 сентября 1944 г. «О состоянии организационно-мобилизационной работы в военных комиссариатах СибВО» указывалось: *«учёт военнообязанных и призывников 1927 г. рождения во многих*

военкоматах находится в неудовлетворительном состоянии». В Омской области при призыве осенью 1942 г. граждан 1924 г. рождения, по неуважительным причинам на призывные пункты не явилось 472 человека. При призыве молодых людей 1925 г. рождения в 1943 г. из области выбыли, не снявшись с воинского учёта, и не были разысканы 53 человека. В ходе призыва в 1944 г. граждан 1927 г. рождения, 9 призывников выехали из области, не поставив в известность военкоматы. Согласно докладной записке «Об итогах призыва в РККА граждан рождения 1926 года по Алтайскому краю», подготовленной Военным отделом крайкома в январе 1944 г., при организации приписки к военкоматам (июль-август 1943 г.) из 31728 призывников на приписку не явились 655 человек. Большинство из тех, кто не прибыл в военкоматы, в конце концов, представили справки: болезнь, командировка, арест и т.д. Они были признаны отсутствующими по уважительным причинам. Но 7 человек так и скрылись от приписки. При призыве граждан 1927 г. рождения (декабрь 1944 г.) в призывные комиссии без уважительных причин не явилось уже 17 человек.

Помимо гражданских уклонистов, в Западной Сибири нередко встречались случаи дезертирства военнослужащих многочисленных запасных подразделений Красной армии. Бежали также из эшелонов, направлявшихся на фронт. Особенно много дезертиров было в начале войны. В 104-м полку 39-й запасной стрелковой бригады только в ноябре и декабре 1941 г. дезертировало сразу 6 бойцов. Некоторые военнослужащие бежали после совершения воинского преступления. Так, старшина батареи 126 полка, 39 запасной стрелковой бригады Т. весной 1942 г. продавал воинское имущество и на вырученные деньги пьянствовал. В ходе ревизии обнаружилась крупная недостача и Т. дезертировал.

Имели место и случаи членовредительства военнослужащих. Инструктор Военного отдела Новосибирского обкома Строев, инспектировавший в январе 1942 г. 22-й запасной полк, дислоцированный в Куйбышеве, докладывал, что в полку установлено «явное членовредительство, заключающееся в употреблении не удобоваримой пищи (сырого картофеля и жмыха). Это делалось с целью вызвать искусственное заболевание и отстать от лыжных маршевых подразделений, отправляемых на фронт». Но в

данном случае не исключён сговор начальства. Нечистое на руку командование полка так нагло воровало из солдатского котла, что красноармейцы голодали. За 3 месяца 1941 г. (октябрь-декабрь) в полку умерли 10 красноармейцев, из них трое от желудочно-кишечных болезней. Так что красноармейцы могли употреблять в пищу жмых и сырой картофель не с целью членовредительства, а от голода. Недаром эта скандальная история закончилась арестом командира полка Х. и комиссара полка К. Всего же за период с 4 июля по 1 января 1942 г. в полку было зарегистрировано 43 случая дезертирства. Возможно, люди бежали не от фронта, а от невыносимых условий существования.

Типичным для дезертиров военного времени было нелегальное проживание в лесных массивах Сибири. Так, красноармеец А. дезертировал из воинского эшелона со станции Ялуторовск 22 сентября 1941 г. Красноармеец В. бежал из воинского эшелона 7 ноября 1941 г. со станции Исилькуль. Оба дезертира до августа 1944 г. скрывались в лесах Лебяжинского сельсовета Омской области. Пищу добывали охотой на дичь, воровали зерно с колхозных токов. Оба попали в засаду, организованную участковым уполномоченным Исилькульского райотдела НКВД Зубковским.

Общее количество дезертиров, а, следовательно, и степень распространённости этого явления нам пока неведомы. Для этого необходима тщательная работа с ещё недоступными для историков архивными документами военных трибуналов. Однако шила в мешке не утаишь и рано или поздно всё станет достоянием общности. Сегодня же нам известно, что за годы войны число расстрелянных по приговорам военных трибуналов солдат и офицеров Красной армии составило жуткую цифру – 136 тыс. человек. Если исходить из того, что штатная численность советской стрелковой дивизии равнялась 9 тыс. человек, то получается, что доблестные сотрудники карательных органов своими руками уничтожили более 15 дивизий.

Полная и достоверная история Великой Отечественной войны ещё не написана. С тех пор, как были открыты ранее недоступные исследователям архивные документы, открывается всё новые, малоизвестные или вовсе неизвестные страницы истории войны. Великая Отечественная война явила потомкам примеры

величайшего самопожертвования и мужества. Но она же, как и всякая социальная аномалия, дала многочисленные примеры человеческого эгоизма и трусости.

Алексей Тепляков
РАССТРЕЛЯННОЕ ЛЮБОПЫТСТВО
Судьба русского офицера
А.К. Иноевса

С фабрикованное летом 1921 года дело «Петроградской боевой организации» (ПБО) унесло жизни множества петроградцев, причём чекисты вылавливали своих жертв по всей России и после августовского расстрела профессора-биолога В.Н. Таганцева, поэта Н.С. Гумилёва, выдающегося химика М.М. Тихвинского и других замечательных людей. Петроградская губЧК и ведущие работники ведомства Дзержинского изо всех сил старались показать свою необходимость и после окончания гражданской войны. По делу ПБО было арестовано в общей сложности более восьмисот человек; в переписке Ленина с соратниками оно именовалось как «дело икс».

Фактически заказчиком знаменитого дела ПБО был сам глава советского государства. Примерно 21-22 апреля 1921 года Ленин направил В.М. Молотову для Ф.Д. Дзержинского записку с поручением чекистам быстро «выработать систематический план» основных мероприятий ВЧК на лето-осень 1921 и начало 1922 года. Этот план должен был быть готов через одну-две недели и доложен на Политбюро. В ленинской установочной записке первыми пунктами значилась «доликвидация» эсеров и меньшевиков, а затем требовалась чистка партии от нестойких коммунистов. По иронии судьбы во время партийной чистки как раз очень сильно пострадали сами чекисты, которых партийные комитеты усиленно изгоняли «из рядов» за различные злоупотребления, коррупцию, пьянство и постоянные попытки выйти из-под партийного влияния¹. Через две недели новый заместитель Дзержинского – исключительно жестокий И.С. Уншлихт – представил необходимый план, полностью соответствовавший ленинским тезисам². План доказывал, что наступление нэпа и разгром антикоммунистических

мятежей никоим образом не означали смягчения карательной политики.

Окончательная ликвидация политических врагов требовала расширения круга ликвидируемых. Откликаясь на приказ верхов и демонстрируя бдительность, летом 1921 года петроградские чекисты нанесли удар по интеллигенции, значительная часть которой была куда правее столь ненавистных Ленину эсеров и меньшевиков. Уже 5 июня 1921 года Петроградской губЧК и Особым отделом Петроградского военного округа был раскрыт «контрреволюционный заговор», во главе которого стоял 32-летний секретарь Российского сапропелевого комитета, преподаватель кафедры географии Петроградского университета В.Н. Таганцев.

ВЧК 24 июля 1921 года опубликовала доклад, в котором представляла классическая для того времени схема: заговорщиков насчитывалось несколько сотен и они были связаны с заграничным шпионажем: «...Организация через своих ответственных курьеров находилась в постоянных сношениях с финской контрразведкой, американской, английской и французской разведывательными организациями в Финляндии... Ближайшей целью организации, по признанию Таганцева, была “подготовка людей для переворота, постепенно подготавливая почву для сближения между культурными слоями и массами”». По признанию того же Таганцева, в организации в одном Петрограде было свыше 200 членов, главным образом бывших офицеров, моряков, адвокатов, бывших директоров и пр., пробравшихся на видные посты в советские учреждения». Всего же в июне-июле 1921 года в Петрограде, Северной и Северо-Западной областях было «раскрыто» несколько контрреволюционных организаций³.

Ленин немедленно получил сведения о заговоре и 5 июня нервно написал председателю Госплана Г.М. Кржижановскому: «По секрету: В Питере открыт новый заговор. Участвовала интеллигенция. Есть профессора... Осторожность!!!» Вскоре Дзержинский сообщал Ленину, что Таганцев – организатор «контрразведки от Финляндии», состоял в «Союзе возрождения России» и в списке членов этой организации, составленном питерскими чекистами, шёл четвёртым. Также Таганцев готовил диверсии, террор и восстание. Главным действующим лицом заговора объявлялся агент

французской контрразведки Ю.П. Герман, бывший царский офицер, убитый во время перехода границы с Финляндией в ночь на 31 мая 1921 года. Заговорщики якобы планировали убийство виднейших питерских большевиков – председателя Петросовета Г.Е. Зиновьева, помощника командующего Балтфлотом Н.Н. Кузьмина и председателя губпрофсовета Н.М. Анцеловича.

А 19 июня глава ВЧК направил Ленину ещё одну, столь же не очень грамотную, справку, в которой снова уверял вождя относительно крайней опасности заговора: «... Таганцев Вл. Ник. (сын, арестованный) – активнейший член террористической (правой) организации “Союз возрождения России”, связанной и организующей матросов из Кронштадта в Финляндии, взорвавшей для опыта памятник Володарского. Непримиримый и опасный враг Соввласти. Дело очень большое и не скоро закончится. Буду следить за его ходом.

Ф. Дзержинский. (...)

P.S. Организация организовала убийство на Зиновьева, Кузьмина, Анцеловича, Красина». Таким образом, немного подумав, Дзержинский включил в число объектов террора и наркома внешней торговли Л.Б. Красина⁴.

Тогда же, 19 июня, железный Феликс, вцепившийся в дело (ещё не именовавшееся ПБО) железной хваткой, написал записку начальнику Секретного отдела ВЧК Т.П. Самсонову: «За делом Таганцева надо наблюдать. Имеет огромное значение. Можно разгромить все очаги правых белогвардейцев. Не стоит ли важнейших перевести в Москву в нашу одиночку? Из писем надо сделать выписки мест, имеющих политическое значение, и переслать Чичерину и членам Цека. Это дело может нам раскрыть пружины Кронштадтского восстания». Дзержинский надеялся скомпрометировать западные державы информацией о раскрытии их разведывательной деятельности, а также связать Кронштадтский мятеж с зарубежными кознями.

Сразу после этой записки Дзержинского допросы, надо полагать, ужесточились, так что в ночь на 22 июня Таганцев попытался повеситься на скрученном полотенце. Помог чекистам сломать Таганцева внутрикамерный агент А.О. Опперпут, бывший видный боевик Б.В. Савинкова, приговорённый к расстрелу и

купивший жизнь согласием стать агентом-провокатором. Как изящно написал автор новейшей книги о доблестной работе ВЧК-ОГПУ А.М. Плеханов, посаженный к профессору Опперпут, «познакомившись с Таганцевым... вычислил руководителей заговора». За это его уже в январе 1922 года освободили⁵ и сделали одним из главных действующих лиц знаменитой провокационной операции «Трест».

Чекисты подавали «Дело Таганцева» как «второй Кронштадт», арестовав по нему 833 человек. Из них было расстреляно – 95 (и один убит при задержании), отправлено в концлагерь – 83, переведено из пределов губернии – 11 и один – заключён в детскую колонию. Среди расстрелянных оказалось 25 женщин. 448 человек было освобождено с учётом и без учёта заключения, судьба ещё 194 человек неизвестна⁶.

Спустя 70 лет Прокуратура РФ совместно со следственным управлением Министерства безопасности, изучив все 382 тома этого дела, 29 мая 1992 года заключила, что «ПБО, ставившей целью свержение советской власти, как таковой не существовало, она была создана искусственно следственными органами из отдельных групп спекулянтов и контрабандистов, занимавшихся перепродажей денег и ценностей за границей и переправкой людей, желавших эмигрировать из России, а уголовное дело в отношении участников организации, получившей своё название только в процессе расследования, было полностью сфальсифицировано».

Юридическая реабилитация объективно не должна являться препятствием для изучения запутанной и трагической истории антибольшевистского сопротивления в России и за её пределами. Историкам известны факты, которые указывают и на существование антисоветского подполья в Петрограде (вопрос в том, насколько оно было организационно оформлено), и на активные попытки эмигрантского «Союза защиты родины и свободы», руководимого Савинковым, связаться с противниками большевиков в Советской России.

Косвенные свидетельства того, что попытки организовать антибольшевистскую организацию в Петрограде были, имеются. В письме бежавшего из Петрограда в 1921 году участника Таганцевской

организации профессора-германиста Б.П. Сильверсвана писателю А.В. Амфитеатрову, написанном десятилетием позже, сообщалось, что организация существовала и даже охватывала армию. А в 1996 году в нью-йоркском «Новом журнале» было опубликовано письмо известного поэта Георгия Иванова В.А. Александровой (от 1952 года) о Н.С. Гумилёве, где содержалось следующее признание: «Я был и участником несчастного и дурацкого Таганцевского заговора, из-за которого он погиб. Если меня не арестовали, то только потому, что я был в “десятке” Гумилёва, а он, в отличие от большинства других, в частности, самого Таганцева, не назвал ни одного имени»⁷. Хотя Г. Иванов и был человеком, склонным к мистификациям, но отвергать его версию, видимо, не стоит, поскольку и Гумилёв показал о своём (пусть и формальном) участии в организации.

Поводом для вступления Таганцева в политическую борьбу стал расстрел его знакомых, являвшихся руководителями конспиративного «Национального центра». Максим Горький уговаривал Таганцева бросить политику, уехать за границу и заниматься там наукой, но в конце 1920 – начале 1921 года молодой учёный всё же попытался создать антикоммунистическую организацию. Её программа включала установление «народноправства», отстранение от власти большевистской партии, упразднение однопартийной системы, перевыборы советов, отказ от восстановления привилегий и частных владений, утраченных в революцию, передача земли крестьянам, государственный контроль над производством, деполитизацию и укрепление армии, пересмотр мирных договоров, заключённых большевиками. К организации вооруженного восстания таганцевцы оказались неспособны. По мнению В.Ю. Черняева, благодаря случайным арестам, вербовке чекистами некоторых кронштадтских моряков и действиям провокатора Опперпута «Петроградская боевая организация» была разгромлена, хотя полностью и не раскрыта. Основное число привлечённых по делу ПБО не имело к ней никакого отношения.

Объясняя причины создания организации, В.Н. Таганцев на допросе показал: «В январе 1921 года разруха невероятно усилилась... картина гибели страны стала очевидной... Мы знали,

что воинственное настроение наблюдается среди крестьянства в разных губерниях... было ясно, что это движение легко может вылиться в анархию, предвидеть результаты её было невозможно. Явилась мысль – о необходимости взять в руки и связать такие движения и переместить их на Север в Великороссию... На ряде собраний, начавшихся во время кронштадтских событий, мы сговорились: Герман, Шведов (*В.Г., полковник артиллерии царской армии, расстрелян*) и я создать начало “Боевого Союза”. Надежд на успех было мало, но мы сознавали, что наши формы борьбы были всё-таки новой формой, а не старой изжитой тогда интервенции или походом зарубежных русских на Россию... Начиная с половины мая, оппозиционные настроения шли на убыль. Смысл борьбы пропал».

Следователи Петроградской губЧК Губин и Попов 25 июня 1921 года составили доклад о результатах следствия, указав: «Определённое название (*организации*) следствием не установлено... Не имея определённого названия, организация не имела определённой, строго продуманной программы... как не были детально выработаны и методы борьбы, не изысканы средства, не составлена схема... Действительно, несмотря на то, что само возникновение организации можно считать январь – февраль с.г., т.е. незадолго до кронштадтских событий... наличный состав организации имел в себе лишь самого Таганцева, несколько курьеров и сочувствующих... Террор, как таковой, по словам Таганцева и других... не входил в их задачи... Знакомство с Германом Таганцев использовал как связь с заграницей, откуда ему необходимо было получать информацию, лишённую буржуазной или партийной окраски... Связь с курьерами ...квартиры которых были явочными, имела исключительно спекулятивную подкладку, как перепродажа вещей, отправка эмигрирующих русских за границу, передача писем. Что же касается непосредственных связей организации Таганцева с финской и другими контрразведками, то в действительности установлены частные случаи... сама же организация, как таковая, ни связи, ни поддержки не имела... Таганцев – кабинетный учёный, мыслил свою организацию теоретически».

После этого доклада следователей их фамилии в материалах «дела Таганцева» больше не упоминались, а к расследованию

приступил особоуполномоченный ВЧК Я.С. Агранов, известный по участию в крупном деле «Тактического центра». Доверенное лицо Ленина и Дзержинского, Агранов с помощью шантажа и внутрикамерной обработки быстро добился от Таганцева показаний о том, что его организация была вовсе не «теоретической». И уже в докладе председателя Петроградской губЧК Б.А. Семёнова на пленуме Петроградского совета 31 августа 1921 года утверждалось, будто в организации Таганцева «90% участников составляют потомственные дворяне, князья, графы, бароны, почётные граждане, духовенство и бывшие жандармы», что Таганцев предлагал «уничтожать всё», настаивал на взрыве центрального городского водопровода, нефтяных складов Нобеля, артиллерийского склада на Выборгской стороне, лесопильного завода Громова...⁸

Весьма неожиданно некоторый дополнительный материал, относящийся к делу «Петроградской боевой организации», обнаружился в новосибирском облгосархиве. Там хранится следственное дело человека, который хорошо знал ряд лиц, причастных к делу Таганцева, и поплатился за это⁹. Материалы шпионского дела на морского офицера А.К. Иноевса не только в очередной раз характеризуют советскую судебную систему, но и позволяют несколько лучше понять ту атмосферу, в которой жили петроградцы начала 20-х годов, увидеть активность тех, кто не смирился с властью большевиков.

...Осенью 1921 года с Лубянки в полномочное представительство ВЧК по Сибири (в Новониколаевск) и Госполитохрану Дальневосточной Республики (в Читю) ушли две телеграммы идентичного содержания:

«По делу Миганцева и другим делам (е) Петрограде арестован Нач Мовуза адмирал Зарубаев. Зарубаев сознался в том что состоит (е) связи (с) врангелевским резидентом (е) Финляндии Бунаковым, которому доставлял сведения. Предшественник Зубарева в этой организации был его непосредственный начальник по Советской службе адмирал Иноев. Иноев (е) настоящее время командирован (е) ДВР. Найдите способ вызвать Иноева и арестовать №14443/7198

26 сентября

Замнач ООВЧК Артузов
Верно Секретарь Представительства ВЧК (по Сибири) М. Дз(ел-
тынь)»

Наспех составленное послание содержало в основном ошибочную и прямо фальсифицированную информацию. «Адмирал Иноев» на самом деле был каперангом или даже лейтенантом А.К. Иноевсом, таинственный Миганцев – несомненно, несчастным профессором В.Н. Таганцевым, а контр-адмирал С. В. Зарубаев (тут же названный Зубаревым) не подчинялся Иноевсу, а, наоборот, был его начальником. Уже месяц как Таганцев, Гумилёв и другие были казнены в Петрограде, а томившемуся в тюрьме Зарубаеву оставалось жить меньше месяца. Но Особый отдел ВЧК продолжал «раскручивать» этот заговор, представляя Кремлю всё новые и новые «факты» заговорщицкой деятельности. Видный военный контрразведчик Артур Артузов, отчаянный карьерист и, позже, один из столпов советского заграничного шпионажа, был в числе главных организаторов масштабной политической провокации. По всей видимости, от арестованного Зарубаева и были получены первые сведения об Иноевсе.

Дело морского офицера Алексея Иноевса, хранящееся в фонде Новониколаевского губревтрибунала, открывается копиями многочисленных шифротелеграмм, которыми обменивались чекисты Москвы, Новониколаевска и Читы. Каждая из них заверена подписью секретаря и заведующей шифротделом полпреда ВЧК по Сибири Мильды Дзелтынь – жены полпреда ВЧК Ивана Павлуновского, до назначения в Сибирь занимавшего в Особом отделе ВЧК ту же должность заместителя, что и сменивший его в 1920 году Артузов.

Переписка продолжалась несколько недель. 6 октября руководитель Госполитохраны ДВР Л.Н. Бельский сообщал в Москву, что у них адмирала Иноева нет, но **«есть капитан второго ранга Иноев Алексей Константинович (на) должности Главпорта морсил(;) вращается в шпионских кругах...»**

Фамилия, имя и звание каперанга были перевраны и при пересылке телеграммы в столицу, и при ответе Артузову. 22 октября

Павлуновский сообщал в Особый отдел ВЧК: **«Иноева розыскать не удастся. Есть Гноев Александр Константинович, капитан первого ранга. Срочно ответ».**

Три дня спустя в Новониколаевск пришёл не более внятный ответ:

«Записка По прямому проводу Шифром ПП ВЧК Сибири Павлуновскому

№2552 розыскивается Сноевс повторяю Сноевс Алексей Константинович зпт возможно имя Александр капитан первого ранга тчк №15089.

25 октября Замнач ОО ВЧК Артузов».

Ещё через день Бельскому в Читу ушла шифровка от Павлуновского (сибирские чекисты в период 1920-1922 годов в конспиративном порядке осуществляли шефство над дальневосточными ми и давали им прямые указания):

«В телеграмме №17 Указанный вами Гноев Алексей Константинович розыскивается Сноевс повторяю Сноевс Алексей Константинович Капитана первого ранга Арестуйте со всеми материалами секретно препроводите (с) Представительство тчк. №2589/с

27 октября Павлуновский».

Неразбериху с фамилией подозреваемого в конце концов преодолели. 15 ноября 1921 года Военный отдел Главного управления Госполитохраны (так называлась служба госбезопасности ДВР, где военный отдел выполнял функции особого отдела) сообщил Павлуновскому о высылке к нему А.К. Иноевса, которого арестовали сразу после приезда в Новониколаевск. Дальневосточные чекисты направили в столицу Сибири и рапорт сотрудника по особым поручениям при Секретном отделе ГПО от 9 ноября, в котором говорилось, что «сегодня я узнал» от бывшего заместителя уполномоченного Главпорта Морсил ДВР Белоусова, что Иноевс просил у того ящик патронов «для товарищей бывших офицеров», обещая взамен продукты и «вообще кое-чего многое». Белоусов Иноевсу отказал, направив к заведующему складом. Тот,

дескать, тоже оказался твёрд и не дал разбазарить казённые боеприпасы. Этот бестолковый донос заурядного чекистского провокатора, кстати, так и не был востребован – Иноевса быстро обвинили в шпионаже и не стали припоминать разные мелочи вроде якобы имевшей место попытки выменять патроны на масло «для товарищей бывших офицеров»...

Доставленного в Новониколаевск офицера допросили первый раз 21 ноября 1921 года. Подпись сотрудника, ведшего допрос, в протоколе отсутствует. Алексей Константинович Иноевс показал, что ему 42 года, он бывший дворянин, уроженец Риги, беспартийный, имеет высшее специальное образование. До начала первой мировой войны служил на Балтийском флоте, занимая должность старшего офицера крейсера пограничной стражи «Кондор»; до февраля 1917-го был командиром военного транспорта Балтфлота «Слово»; до октября 1917-го – командовал минным заградителем «Припять» и возглавлял 1-й дивизион минных заградителей. С апреля 1918 года Иноевс командовал ледоломом «Трувор», с июля – минным заградителем «Березина». Затем был начальником морской базы и гарнизона г. Лодейное Поле – пристани на реке Свирь в 240 километрах от Петрограда.

В 1920 году каперанг получил должность начальника штаба учебных отрядов Балтфлота, а в марте следующего года убыл в Читу начальником Главпорта морских сил ДВР. Кстати, во всех материалах дела Иноевс именуется капитаном первого ранга (полковником), а в телеграмме Бельского – второго ранга; в анкете же его флотское звание не указано.

Иноевс в день допроса написал показания собственноручно. Он был вполне откровенен, не считая свою связь с подозрительными для большевиков людьми предосудительной. Эта откровенность и погубила его. Ниже следует текст показаний «бывшего лейтенанта» (видимо, офицера сознательно именовали по его званию при старом режиме), цитируемый по рукописи с полным сохранением особенностей орфографии не слишком искушённого в правилах грамматики моряка (курсивные вставки в скобках, как и везде в тексте статьи, принадлежат публикатору):

«Показания»

(В) 1920 году я служил в штабе учебных отрядов и школ Балтфлота в качестве нач. штаба. Начальником отрядов был – бывш. командующий Балтфлотом адмирал Сергей Валерианович Зарубаев – двоюродный брат бывшего командарма 7 Зарубаева. С Зарубаевым у меня были очень близкие и товарищеские отношения. Ни я, ни Зарубаев не принимали участия ни в каких политических обществax и кружках.

В начале января (1921 г.) – до кронштадтских событий – когда политическое положение в Петрограде осложнилось – у меня естественно явилось сильное желание знать, что делается за рубежом, а также узнать и отношение зарубежной публики к Петроградским событиям. На высказанное об этом одному из моих знакомых желаний – Мой знакомый молодой Мейзе Теодор Теодорович (Федор Федорович) – сын бывшего Петроградского крупного фабриканта (фабрика Мейзе находилась на Бассейной ул, рядом с баней. Отец Мейзе служит кажется в Трамоте [транспортно-материальный отдел губисполкома – А.Т.], а сын Теодор в Артиллерийском Управлении), выразил желание идти мне на встречу и познакомиться меня с неким гражданином “Лион” – повидимому бывшим офицером, который служил в белогвардейской организации в Финляндии – за последнее время инкогнито приезжал в Петроград с различными и неизвестными мне поручениями и между прочим приносил с собой зарубежные газеты, новости и сведения политического характера. Через несколько дней Мейзе пришел ко мне вместе с “Лионом” познакомил меня с ним и сообщил, что на днях “Лион” едет в Финляндию и нет ли у меня каких либо к нему поручений. Я просил “Лиона” привести мне из Финляндии газет, сигар и лекарство. “Лион” выразил полное желание и просил, чтобы я выполнил его просьбу – если понадобится какая либо информация – дал бы освещение вопросов по (своей) специальности. Я ответил “чем могу быть полезен – с удовольствием выполню”. По истечении месяца, возвратившийся из Финляндии “Лион” передал мне через Мейзе приблизительно пять вопросов информационного характера, касающихся положения дел во флоте. Вопросы, как я помню следующие: 1. В каком состоянии и сколько подводных лодок может плавать. 2. Сколько имеется угля. 3. Количество боевых припасов судовой артиллерии. 4. Положение на командных курсах. 5. Количество судов готовых к плаванию. На все эти вопросы по мере

возможности я должен был дать “Лиону” сведения через Мейзе. Считая, что лично сам я ни на один вопрос не могу ответить, а также не придавая государственного значения, предложенным мне вопросам, так как просимья у меня “Лионом” сведения не являются государственной тайной, в виду того, что каждый может эти сведения получить простым расчетом из-за отсутствия плавания и небоготовности судов за исключением “Петропавловска” и “Севастополь”, стоящих в Петрограде неразоруженными – о которых все знали(;) я за получением просимых “Лионом” сведений обратился к Зарубаеву, который на некоторые вопросы сведения дал, пользуясь своим знанием и служебным оставшимся у него знакомствам. Одновременно с получением от Мейзе информационных вопросов от него же я получил две три старых Ревельских газеты. Не считая просимья у меня “Лионом” сведения государственной тайной, выдача которых дала бы возможность противнику их использовать (в) своих целях, а также желая быть в курсе зарубежной жизни, что было важно, ввиду переживаемых Питером событий – Зарубаев согласился дать ответы на вопросы, что он и сделал. Зарубаев сведения передал мне, а я Мейзе. Зарубаев знал, что сведения, которые он дает мне пойдут в Финляндию.

За две недели до Кронштадтских событий, я получил предписание об откомандировании меня в ДВР. Не желая, чтобы связь Зарубаева с зарубежом с моим отъездом порвалась – я познакомил Зарубаева с Мейзе, через которого Зарубаев мог быть в курсе зарубежной жизни. Через две недели после Кронштадтских событий я с эшелом моряков уехал в Читу и какая после моего отъезда установились взаимоотношения между Зарубаевым, Мейзе и “Лионом” я не знаю.

За время моего знакомства с Мейзе кроме прочтения двух трех старых газет и обывательских сплетен – я от Мейзе ничего не получал. Мною же помимо указанных уже сведений – даны были Мейзе (по его Мейзе просьбе) газетные сведения о положении топлива в Петрограде. Топливные сведения по словам Мейзе интересовали “Лиона”. Больше мною Мейзе ничего дано не было. Добавляю, что ни я ни Мейзе, ни Зарубаев, ни в каких противосоветских организациях не состояли даже больше со стороны “Лиона” никому из нас не было предложено вступить в организацию, либо получать компенсацию за передаваемые нами “Лион(у)” те или другие сведения не являющиеся гостайной.

Утверждать точно, что “Лион” работал от Врангеля или кого другого я не берусь. Его же осведомленность, а также и местопребывание

(Финляндия) давали основания предполагать, что он близко стоит к зарубежным белогвардейским кругам и может дать точные сведения о зарубежной жизни, хотя ничем этого «Лион» не подтвердил.

Я и сейчас после моего ареста не считаю, что я совершил какое либо государственное преступление, так как даваемые «Лиону» сведения являлись ни чем иным, как мнением отдельных спецов, не могущих ни в коей мере влиять на ход и исход Петроградских событий.

21-го ноября 1921 года.

А. Иноевс.»

Упомянутые каперангом Теодор Мейзе и Николай Лион, по официальной советской версии, изложенной в известной книге Д.Л. Голикова «Крушение антисоветского подполья в СССР», являлись ведущими деятелями одной из белогвардейских организаций, работавшей на французскую разведку. Бывшие русские офицеры Н. Лион и Степанов (Стефан) были связаны с французским консульством в Гельсингфорсе (Хельсинки); в Петрограде организацию возглавляли «бывший колчаковец капитан Мейзе», врио начальника 2-го отдела Петроградского окружного артуровского управления подполковник Дурново и бывший контр-адмирал С.В. Зарубаев. Основываясь на версии чекистов, Голиков указывал, что эта организация вначале преследовала «разведывательные цели в пользу Франции, но после кронштадтского восстания по предписанию из-за границы перед нею была поставлена задача создания боевых групп из матросов, присланных при посредничестве барона Вилькена (бывшего командира линкора «Севастополь» – А.Т.) из Финляндии, и распределения этих матросов по заводам». Характерно, что Иноевс в своих первых показаниях прямо говорил (хотя и, видимо, со слов Т.Т. Мейзе), что Лион был представителем подпольной белой организации. Впрочем, версия о «французском следе» у ВЧК сложилась не сразу, что подтверждает приводимая ниже телеграмма главного сибирского чекиста.

23 ноября Павлуновский направил шифротелеграммой Артузову краткое изложение приведенных выше показаний Иноевса, добавив в него от себя, что «Мейзе Колчаковский офицер, при

Колчаке работал, кажется (в) Английской Миссии. Возможно что Мейзе (в) Петрограде связан (с) Английским шпионажем. Протокол Иноевса выслан 22 (ноября) скорым».

Вскоре из Москвы пришел ответ:

«Получил Материал по делу Иноевса. Мейзе и Лион арестованы еще месяц назад (в) Петрограде. Особой надобности (в) немедленной высылке Иноевса нет. №16068/9197/ш 29 ноября Замначоо ВЧК Артузов».

Две недели спустя Артузов поставил точку в судьбе Иноевса, охарактеризовав его дело с одним-единственным протоколом допроса как уже готовое для суда:

«Следствие по делу Иноевс считаем исчерпывающим, показания Иноевса проверены признанием лиц по делу французской разведки. Ликвидируйте дело на месте.

15-го декабря №16402/9625/ш Замначоо ВЧК».

Арестованный офицер не мог, конечно, знать, насколько быстро будет решена его судьба. Через два дня после первого допроса он направляет Павлуновскому подробное объяснение своих действий, стараясь вывести из-под удара не только себя, но и Мейзе с Зарубаевым.

**«Представителю ВЧК в Сибири.
Сов. Секретно.**

**Арестованного военмора резерва
Народного Флота Д.В.Р. Алексея
Константиновича Иноевс при
арестном помещении комендатуры
ВЧК, камера №9 в г. Новониколаевске**

Показание

Для правильного освещения дела, если можно считать это делом, возникшего по совершенно неизвестным мне причинам (я

уверен, что также и в этом деле ищут контр-революцию и т.д., когда все так просто и ясно, что невольно, если есть вообще справедливость, густоту красок обвинения надо отбросить и тогда перед Вами самая обывательская картина легкомыслия и неосторожности) – и в целях преследования истины я считаю, что надо быть вполне откровенным, так как это дает право не затруднять следствие и не предполагать худшаго, стараясь истиной дела не только себе помочь, но и другим, как в(оен)/м(ору) Зарубаеву и Мейзе.

Долгое пребывание в рядах Красного Флота с самого начала революции до настоящего момента, участие в бою против белофинн при Виднице в 1919 г.(.) переживание за этот большой период всевозможных политических событий и вообще всего того, что мы пережили в Совроссии (не будучи ни разу под судом за политические дела и вне всяких подозрений, благодаря чему был всегда на службе) дает мне право сказать, что вряд ли есть еще люди которые могли бы, выдержав такой стаж, поступать в какие либо белые организации, которые, даже ребенку ясно, лопаются одна за другой, а тем паче шпионить – я могу смело сказать, что будучи так воспитан, имея совершенно не политические взгляды, я будучи вне всякой политики не способен ни поступить в жандармы, ни в 3 охранное отделение, ни убить, ни украсть, а тем паче дойти до того, чтобы как-то низко шпионить в то время, когда все мы научились крайней осторожности, крайней недоверчивости друг к другу, встречая на пути и кругом доносы, провокации – я, объясняя только это дело неосторожностью, легкомыслием под влиянием остро переживаемого момента крайней напряженности в Петрограде, когда в конце 20 и в начале 21 года при отсутствии топлива, забастовках на заводах, всюду перешептывание на углях, то говорят, что опять Польша с Францией с севера, а Румыния с Петлюрой с юга идут на Петроград, то другая комбинация и таких услышишь сколько угодно, то тов Зиновьев или Троцкий скрылись и так далее. Такому вранью обывательскому не было конца, все это вызвало сильное острое желание узнать что делается “там по ту сторону”, поговорить с кем-нибудь “из тех”, почитать газету (–) вот в чем главная причина. Таким лицом “из тех” совершенно случайно явился некий “Лион”, с которым меня познакомил молодой Федор Федорович Мейзе. “Лион” при первой же встрече предложил свои услуги рассказать что-либо о положении дел у белых, но ничего интересного не рассказал, а говорил то, что мы знали, что Врангель там, Миллер в Париже и вообще взгляд и нечто. Принадлежал ли Лион

к какой либо организации он не говорил, а говорил что он часто инкогнито перебегает из Финляндии в Петроград и обратно, при чем хвастался, что кому то отнес бриллиант в Финляндию – все это теперь показывает, хотя я и в то время думал, не провокатор ли он, (ведь) если бы он был бы агент, или шпион, то он не занимался бы контрабандой и исполнением других не важных поручений; он предложил мне принести в следующий раз сигар, но этого не сделал. Кроме того если бы он был бы агент, то он естественно стал бы так или иначе вербовать, просить, чтобы мы приняли то или другое участие более активное, чем слышать от него рассказы про Врангеля и т.п. Правда “Лион” не давал нам никаких обещаний в чем либо помочь, вообще держал себя вполне корректно, так что трудно разобрать что он из себя представлял. Прошло больше месяца после первой встречи и Мейзе передал мне несколько старых газет Ревельских (2-3) и бумажку с несколькими вопросами, чтобы я поделился своим ответом. Разсматривая эти вопросы я смело могу сказать, что нет ни одного пункта, который бы во 1ых представлял бы из себя государственной тайны. Не есть (это) передача военного секрета, шифра, сигнальной книги, расположения войск, вообще всего, что могло бы служить пользой противнику. Во 2ых дело происходило зимой когда ни один корабль не мог выйти а выйти дальше (одно слово *нрзб*) маяка тоже нельзя, а было готовых более или менее два (*линейных корабля* –) «Петропавловск» и «Севастополь», а все остальные стояли под крышей, команда на берегу, боевого флота не было и в 3их все эти ответы давно известны заграницей, по простому подсчету. Не считая, повторяю, чтобы это из себя представляло военный секрет, я все таки не знал как ответить Лиону и передал записку в/м Зарубаеву, с которым будучи в очень хороших отношениях, крайне уважая его, делился всем переживаемым. Он ответил на некоторые вопросы, не помню именно на какие в отрицательном духе – Ответ дан был письменно, только потому, чтобы не встречаться с “Лионом” из предосторожности, и я передал Мейзе – (всем было известно что у нас ничего нет; но забыли, что у нас самое главное есть (–) дух и сознание – нет угля, нет специалистов), заводы плохо работают, бастуют, вообще, если внимательно читать Совгазеты, из них вполне можно узнать о жизни в Совроссии. Такие вопросы, я повторяю, не представляли тогда в январе месяце никакой важности, про активный флот никто и не думал (а до весны целая зима). Если бы “Лион” был бы агент, то он предсказал бы про Кронштадтские события, а он не слова. Я

тогда подумал еще раз, что не провокатор ли он, кроме этого еще раз Мейзе спросил меня про состояние топлива в Петрограде и я дал вырезки отчета тройки состоящую из членов ВЧК из газеты, так что все даваемые сведения противник мог иметь без нашей помощи, которую мы бы и не дали, по нашему убеждению, если это было бы что-либо преступное. За две недели до Кронштадтских событий я получил предписание из Москвы выехать в ДВР и стали формировать эшелон и после Кронштадтских событий 23 марта выехал по назначению. После моего отъезда что было не знаю, во всяком случае все изложенное дает право мне утверждать, что ни в коем случае ни я, ни Зарубаев, по сколько я его знаю, не могли принимать участие в каких либо организациях, а прямо были продуктом крайней неосторожности в погоне за новостью переживаемого момента(,) за зарубежной жизнью. В/м Зарубаев, будучи крайне выдержанным, пережив столько событий, будучи занесен белыми в список к разстрелу, конечно, сделал ошибку (и) неосторожность, что стал говорить со мной и Мейзе. До моего отъезда Зарубаев “Лиона” не видел, а прочел всего 2-3 газеты, больше ничего, и написал на машинке, что угля нет или вроде этого. Зарубаев храбрый моряк, честный был командующим флотом при Центробалте. Мейзе очень молодой человек, хорошо воспитанный его видел я два, три раза у знакомых, происходящий из трудовой семьи, производит очень хорошее впечатление и ни в коем случае я не могу подумать, чтобы он был бы шпион либо служил бы у белых в организации. Я могу повторить мои слова, когда в споре я кричал: “Лучше быть под командой русского хама, чем под начальством белогвардейщины”. Что касается своей лояльности, то это могут подтвердить многие моряки, например Панцержанский, Азарьев, и другие все что угодно только не это. В/м Зарубаев виделся с Мейзе раза два, (а) с “Лионом” никогда до моего отъезда. Я с “Лионом” (встречался) раз дома, раз на улице и с Мейзе несколько раз, идя на службу. Взаимоотношения у меня (и у Зарубаева с Мейзе) с Мейзе и с Лионом (–) шапочное вежливое знакомство, так что тут нет никакой конспирации, отсутствие всякого участия в организации белых, нет основания к обвинению в шпионаже (если считать белых безграмотными – тогда еще можно заподозрить). Во всяком случае какие либо просимые сведения о флоте не были важны тогда зимой, и были известны всем за границей по расчету. Про “Лиона” я довольно ясно дал отзыв, но все таки ссылаюсь, что только его пребывание в Финляндии, мое знакомство через Мейзе, давало

мне надежду, что либо узнать про зарубеж, но я ничего не узнал и увидел, что “Лион” ничего не может дать нового т.к. я чувствовал, что он по моему занимается скорее контрабандой чем лицо обремененное заданиями белых. Мой отъезд, вызванный моим желанием ярко подчеркивает и дает повод видеть Вам мое полное отсутствие всяких желаний принимать какое либо участие в организации а острота напряжения после Кронштадтских событий и нового ничего нет, я бросил всякую мысль что либо узнавать про зарубеж и уехал. Предполагая, что может быть другие обвиняемые и внесут какой либо диссонанс в мое показание от всего сердца, но я настаиваю на точном признании, что до моего отъезда ни я, ни Зарубаев ни Мейзе не были ни участниками белорган(изации), не давали сведений гостайны противнику и не Лион(у). Факты письменного сношения с зарубежом (отсутствуют), т.к. кроме Мейзе я и Зарубаев ни с кем не говорили, а я говорил с Лионом в присутствии Мейзе. Убедительно прошу в скорейшем рассмотрении настоящего дела, т.к. нет сил, чтобы переживать столько волнений, когда нет дела, когда я чувствую себя совершенно невиновным, (ведь я) при первом же требовании явился и тотчас же сказал все, что знаю – больше ничего не могу показать.

23 XI 21 №3 А. Иноев».

Это послание Павлуновскому написано торопливым неуверенным почерком, карандашом, на листках серой бумаги. Военмор плохо себя чувствовал ещё при долгой перевозке с Дальнего Востока в Новониколаевск. Семьи у него не было, так что на передачи рассчитывать не приходилось. Бросается в глаза, что Иноев прямо написал о доносах и чекистских провокациях как обыденных приметах подсоветской жизни. В своих расширенных показаниях арестованный старался представить Н. Лиона скорее как контрабандиста, нежели заговорщика, а также превратил сына крупного фабриканта Т. Мейзе, занимавшегося производством автомобильных кузовов, в выходца из трудовой семьи (впрочем, офицер Иноев вполне искренно мог считать предпринимателя человеком труда, ведь если тот не рантье, то обязан трудиться для сохранения и приумножения капитала). Но для чекистов факт передачи любых сведений за границу, да ещё через белогвардейца, был достаточным для определения политического лица обвиняемого.

Каких-либо свидетельств того, что каперанга допрашивали ещё, в деле нет. Как раз в это время органы ВЧК были преобразованы в ГПУ и потеряли на местах право на осуждение арестованных. В связи с этим дело Иноевса оказалось в Новониколаевском губревтрибунале. Там 25 февраля 1922 года подготовили необходимое заключение, базировавшееся на материалах дела: дескать, Иноевс «...имел связь с финляндским шпионом “Лион” и передавал... сведения о состоянии флота. Показаниями арестованных по делу французской разведки Зарубаева и других показания Иноевса подтвердились». Между тем, никаких других показаний, кроме приведённых выше и написанных рукой самого обвиняемого, в деле нет. В губревтрибе просто процитировали телеграмму Артузова, в которой говорилось о признании «французских шпионов», а Лиона автоматически определили финским шпионом.

1 апреля член президиума губревтрибунала 25-летний П.А. Предместьин, выпускник симбирской духовной семинарии, подвизавшийся на судебной работе с 1919 года, предъявил Иноевсу обвинение в шпионаже. Алексей Константинович на это заявил, что ничем новым свои предыдущие показания дополнить не может. Готовя материал к судебному заседанию, Предместьин подчеркнул, что «свою лояльность по отношению к советской власти он пытается доказать брошенной презрительной фразой по адресу Рабоче-Крестьянского командования и вообще к советской (*власти*)», имея в виду слова Иноевса о том, что «лучше быть под командой русского хама, чем под начальством белогвардейщины». Для Предместьина не было сомнений в том, что каперанг «вошёл в сношение с находившейся в Финляндии белогвардейской организацией» и сделал это «с целью содействия ниспровержению Советского Социалистического строя Российской Республики». Попутно бывший семинарист отметил, что никаких вещественных доказательств преступления Иноевса в деле нет.

В своём заявлении 4 апреля военмор опровергал предъявленное обвинение, доказывая, что в его основе лежит его «первое показание, данное на допросе тов. Павлуновскому». Руководитель полпредства ВЧК Павлуновский, вернувшись из Москвы,

где познакомился с результатами дела Таганцева и других, 24 января 1922 года вызвал Иноевса на допрос и заявил ему – по словам подследственного – следующее: «Ваше дело мы рассмотрели и постановили, что через 2 месяца Вас отпустим, если не будет никакого другого материала». Протокола этого допроса в деле нет. Поскольку дополнительных улик добыто не было, Иноевс потребовал от губревтриба вызвать в качестве свидетеля самого Павлуновского – как единственного в Новониколаевске человека, знакомого с делом на всех участников «шпионской организации».

Далее Иноевс доказывал, что в обвинении нагромождены сплошные ошибки и подтасовки, поскольку оно базируется на сумбурных и искажённых первоначальных телеграммах, шедших из Москвы в Сибирь и обратно. Весной 1921 года он никак не мог войти в контакт с белогвардейской организацией, так как в это время уже был на Дальнем Востоке. Связывался он не со шпионом Николаем Лионом, а с человеком, который ходил через российско-финскую границу, и вообще, «Лион скорее провокатор, чем шпион». Сведения, переданные Лиону, можно было обнаружить в открытой печати, в том числе флотских справочниках. Иноевс понятия не имел, что контр-адмирал Зарубаев был связан с резидентом Врангеля Н.Н. Бунаковым. И, наконец, «Зарубаев был мой начальник, а не я его». Но это никого из судей не волновало. Процесс они начали уже на следующий день.

Заседание военного отдела губернского ревтрибунала было открыто 5 апреля в 5 часов 50 минут. Судили капитана Иноевса три человека: председатель губревтриба 32-летний рабочий-кошелечник С.Г. Чудновский, член партии с 1906 года, одиннадцать лет проведший в тюрьмах и ссылках, в недавнем прошлом глава Иркутской и Томской губчека, печально известный своей жестокостью и крайней развращённостью; бывший штабс-капитан 28-летний член коллегии ревтриба Н.И. Шапошников; 27-летний сын чиновника, председатель основного отдела ревтриба А.С. Александровский (как и Шапошников, обладатель среднего образования; у Чудновского оно было «домашним»).

По решению президиума губревтрибунала, принятому двумя днями ранее, свидетели, обвинение и защита на процесс не вызывались. Посовещавшись, судьи решили, что шпионский процесс они объявили открытым совершенно напрасно и попросили публику покинуть зал. Таким образом, это заседание совершенно не отличалось от заседания коллегии губчека, разве что только подсудимый находился перед судьями, а не в камере. Затем красному офицеру было предъявлено уже известное обвинение, которое он тут же отверг. Повторив аргументы в свою защиту, Иноевс добавил, что «если бы это было в Москве, то там меня знают многие ответственные работники (*упоминавшийся им ранее в своих показаниях Э.С. Панцержанский являлся командующим Морскими силами Республики – А.Т.*), которые за меня сказали бы много хорошего. Я служил Советской Власти, и были времена, когда я мог перейти на сторону белых, но я этого не сделал, а оставался честно служить...» Он процитировал на память переданные Лиону от Зарубаева сведения: подлодок, годных к плаванию, во флоте было три; командный состав на кораблях отсутствовал; «угля нет нисколько»; надобности в новых выпусках комсостава нет; боеготовых судов – два («Севастополь» и «Петропавловск»). Чувствуя решительное настроение судей, каперанг просил их учесть аргументы в его пользу и не расстреливать – как человека, готового работать «на пользу Республике».

В 19 часов суд удалился в совещательную комнату. Два часа спустя Чудновский огласил приговор: Иноевса Алексея Константиновича, бывшего лейтенанта (уже не каперанга! – *А.Т.*) Балтфлота, признать виновным в шпионаже и приговорить к расстрелу с конфискацией имущества. Амнистии по случаю четвёртой годовщины Октября было решено не применять, кассационного обжалования судебного постановления не допускать. Потрясённый узник разборчиво вывел на выданном листочке полагавшиеся формальные слова, оказавшись, однако, не в силах написать правильно слово «приговор»:

«Копию пригова в 21 час получил А. Иноевс»

В тот же день Павлуновский, путаясь в падежах, написал председателю трибунала:

«По встретившейся надобности прошу по окончании процесса по обвинению в шпионаже ИНОЕВСА последнего направить в тюрьму П(олномочного) П(редставительства) ГПУ. Иноевса передать командируемым мною конвою».

Допрашивал ли Павлуновский смертника (а иначе зачем было переводить во внутреннюю тюрьму «по встретившейся надобности»?), сведений в деле нет. Скорее всего, главный чекист Сибири напоследок рассчитывал выудить у Иноевса ещё что-нибудь, ложно обещая помилование – это было общепринятой чекистской практикой. Во всяком случае, 7 апреля у каперанга приняли «кассационное прошение» в адрес Сибирского отделения Верховного Трибунала ВЦИК, которому подчинялись все военные суды края. Аргументы моряка были всё теми же. В конце апелляции он восклицал: «Довольно крови, не надо всюду видеть предателей...»

Поскольку отделение тоже находилось в Новониколаевске, прошение попало в него мгновенно. Не менее быстро заведующий кассационным отделом Верхтриба (его подпись, увы, оказалась совершенно неразборчивой) подготовил рукописное заключение – уже 8 апреля. В нём честный чиновник записал, что все сомнения полагается толковать в пользу обвиняемого, и что к уже имеющимся документам необходимо приобщить материалы по делу французской разведки. Отсутствие свидетеля Павлуновского, наиболее хорошо представлявшего обстоятельства данного дела, а также необходимой экспертизы, свидетельствовали о явных процессуальных нарушениях. Отсюда следовал вывод: дело Иноевса необходимо перевести в Петроград на новое рассмотрение.

Эти серые листочки, исписанные мелким почерком, три дня спустя были жирно перечёркнуты красным карандашом члена коллегии Верхтриба А.А. Ганина, который на свободном месте там же накарябал своё мнение. Иноевса этот вполне образованный выпускник юрфака Московского университета,

работавший перед революцией помощником присяжного поверенного при Петроградской судебной палате, именовал «Инсевсом», а Зарубаева – «Зарубьевым». Невольно вспоминается, как Николая Степановича Гумилёва в ПетроЧК полугодом ранее именовали «Гумелевым» и «Николаем Станиславовичем»...

По мнению Ганина, доводы осуждённого не заслуживали уважения, поскольку повторяли уже известные судьям аргументы: «Наконец, последнее соображение жалобщика о неполноте следствия ввиду неприобщения к делу материала в отношении Мейзе и Лиона – не существенно», так как квалификация действий Иноевса «как акт содействия последнего врагам строя РСФСР [есть] дело Революционной совести Губревтрибунала и проверке в этом отношении не подлежит».

Тем не менее, 19 апреля председатель Сиботделения Верхтриба В.Е. Опарин запросил Павлуновского о судьбе Мейзе и Лиона – «во избежание нежелательного несоответствия» приговора ожидавшемуся кассационному определению. Павлуновский поверх полученной бумаги размашисто написал: «Мейзе и Лион расстреляны ВЧК...» Судьям всё стало ясно – раз расстреляны, то, стало быть, виновны. Судьба Иноевса была решена окончательно. 22 апреля кассационная коллегия Верхтриба в составе старого юриста Опарина, Д.Ф. Хроматко (венгра, плохо знавшего русский язык) и С.Г. Вележева (начальника разведотдела штаба СибВО) постановила оставить кассационную жалобу без последствий.

...Последним днём каперанга стало 24 апреля 1922 года. Следующие сутки для А.К. Иноевса продлились менее получаса. За узником пришли в полночь и отвели в подвал внутренней тюрьмы. Там с ним остались три человека: конвоир, член губревтрибунала С.К. Садковский и комендант полпредства ГПУ по Сибири Ф.М. Гуржинский. Комендант, привезённый в Новониколаевск Павлуновским, приводил в исполнение многочисленные смертные приговоры уже третий год подряд. Бывший польский крестьянин Феликс Гуржинский привычно выстрелил в связанного человека. Врача, чтобы официально констатировать смерть, не было – тёзка и соплеменник

железного Феликса не давал промахов. Сделав свое дело, палач отложил револьвер и взялся за перо. Социализм – это, как известно, учёт... Вскоре на скверную советскую бумагу легли неровные синие строчки:

«Акт

1922 г. 25 апреля Комендант ПП ГПУ Гуржинский в присутствии члена Губревтрибунала Сагковского и кр-ца Максимова, составил настоящий акт в следующем: на основании приговора Военного Отделения Н. Николаевского Губ. Ревтрибунала от 5 апреля сего года по которому обвиняемый Иноевс Алексей Константинович приговорен к высшей мере наказания расстрелу... сего числа в 12 ч. 25 минут ночи в присутствии вышеуказанных лиц привел приговор над Иноевс в исполнение.

Комендант
П.П.Г.П.У по Сибири
Гуржинский

Присутствовали:
Садковский
Максимов»

Неизвестно, что сделали с телом капитана: зарыли где-нибудь в неприметном месте или бросили (что часто практиковалось) в только что вскрывшуюся Обь... Но и посмертная судьба его тоже была предана полному забвению. Дело Иноевса, как и другие политические дела, мирно хранящиеся в давно открытом для исследователей фонде губревтриба, за прошедшие 85 лет так и не было затребовано прокуратурой. А.К. Иноевс до сих пор не реабилитирован и остаётся справедливо покаранным иностранным шпионом. Не избежали посмертной клеветы и связанные с ним лица: в опубликованном в 2006-м «фундаментальном» труде по истории ВЧК-ОГПУ 20-х годов его автор, профессор Академии ФСБ А.М. Плеханов, спокойно называет в числе опасных шпионов и заговорщиков множество людей, давно реабилитированных, в том числе и профессора В.Н. Таганцева¹⁰.

Зато давным-давно реабилитированы расстрелянные в 1937-м чекисты И.П. Павлуновский, А.Х. Артузов, Б.А. Семёнов, С.Г. Чудновский, Ф.М. Гуржинский, а также в своё

время посаженные, но уцелевшие будущий крупный разведчик С.Г. Вележев, живший в Перми Д.Ф. Хроматко и председатель спецколлегии Западно-Сибирского крайсуда в годы террора С.К. Садковский (вот штрих к портрету последнего: 30 апреля 1933 года Садковский, будучи прокурором Томского оперсектора ОГПУ, вместе с восемью чекистами участвовал в расстреле 104 человек по делу так называемого «заговора в сельском хозяйстве»)¹¹. Не реабилитированы остались такие активисты террора, как Я.С. Агранов и Л.Н. Бельский, хотя относительно последнего полной ясности о реабилитации нет. В нашей стране до сих пор умеют ценить кровавую работу – палачам даровано посмертное уважение, их жертвы остаются безмянными и оболганными...

г. Новосибирск

Алексей Тепляков **ДЕЛО НОВОСИБИРСКИХ ВРАЧЕЙ И** **ИНЖЕНЕРОВ 1941 ГОДА**

Известный российский композитор Александр Зацепин, написавший музыку к самым знаменитым комедиям Леонида Гайдая и массу популярных песен, в 2003 г. выпустил мемуары «Есть только миг...». В них есть воспоминания об аресте его отца – известного новосибирского врача Сергея Зацепина.

«В одну из декабрьских ночей сорок первого, – пишет Зацепин-младший, – я спал, как вдруг меня разбудила мама. Слышу – шепчет:

– Приехало НКВД, отца забирают!..

Спросонья ничего не понимаю. Вижу – ходят незнакомые люди в штатском, свет зажигают, из шкафов забирают вещи. Отцовское охотничье ружьё, мой фотоаппарат... Отец, бледный, подошёл ко мне попрощаться. Сказал:

– Помни, отец твой ни в чём не виноват!

И его увели.

Конечно, все мы знали про НКВД, видели зловещие чёрные «воронки». Но что-то недопонимали. Всё воспринималось

как-то абстрактно. Страшновато, но не очень. Пока не коснулось лично. Мы даже глупости делали: стучали кому-нибудь в дом и кричали: «НКВД!..»

А отца посадили вот за что. В начале войны был издан такой указ, – за опоздание на работу – судить. И отец как-то сказал:

– Наконец-то за лодырей взялась советская власть!

Сам пунктуальный до педантичности, он не любил лентяев и прогульщиков. А многие опаздывали.

Следователь спрашивает:

– Значит, вы считаете, что наконец-то советская власть взялась за лодырей? Значит, раньше советская власть ничего не делала? (...)

Отца посадили в камеру, зверски избивали, вышибли зубы. Его будили по ночам, свет – в глаза, снова били. Требовали, чтобы подписал, что он контрреволюционер... (...)

Потом мы узнали, как было дело. Пару раз в месяц отец, его приятель, тоже доктор, Леонид Сырнев, инженер Александр Рукавицын и ещё один, случайный, неинтеллигентный человек, играли в преферанс. Мама ещё всегда отцу говорила, мол, он же не вашей среды, зачем вы с ним общаетесь?..

Для отца этот преферанс был редким отдыхом, отвлечением от дел. И вот как-то за игрой отец и сказал свою фразу про лодырей и советскую власть. А этот, четвёртый, и капнул. И получил орден за бдительность. А потом случилось так, что он умер раньше всех, заболел чем-то... (...)

Отца мучили полгода. Потом он не выдержал и подписал. Его осудили и сослали в Тайшет. Врачи были нужны, и ему дали возможность работать по специальности. Он же был высококлассным хирургом.

Ему было сорок семь лет. И, конечно, вся его жизнь пошла под откос».

* * *

В момент ареста отца будущему композитору было 15 лет, но он всё хорошо запомнил: и арест, и позднейший рассказ отца

о следствии. О деле Сырнева, Зацепина и Рукавицына свидетельствует папка за номером 3898, хранящаяся в архиве местного управления ФСБ.

Начальник отделения дезинфекции облздравотдела Леонид Михайлович Сырнев, доцент мединститута Сергей Дмитриевич Зацепин и инженер-строитель Александр Мефодьевич Рукавицын (заведующий сектором капитального строительства облплана) давно были на примете у НКВД как некогда служившие в колчаковской армии. Санинспектор облздрава Сырнев происходил к тому же из семьи дьякона. Для госбезопасности не имело никакого значения, что доцент кафедры акушерства и гинекологии Института усовершенствования врачей Зацепин – автор более двадцати научных работ, что после начала войны он сформировал хирургическое отделение в новосибирском эвакуационном госпитале. Накопив достаточное количество агентурных сведений о сомнительных разговорах интеллигентов-преферансистов, работники НКВД, если пользоваться их жаргоном, «ликвидировали разработку». Постановление на арест 24 декабря 1941 г. вынес начальник секретно-политического отдела (СПО) капитан госбезопасности Д.К. Вишневецкий (позднее стал министром госбезопасности Таджикистана). В ночь на 27 декабря компанию арестовали. Курировал следствие начальник следственного отделения СПО М.П. Ермолин – представитель набора 1937-го.

Подобные встречи за преферансом сыграли роковую роль в жизни многих тогдашних интеллигентов. Чекисты при разных обстоятельствах расценивали обычные домашние посиделки за карточной игрой как «сборища» враждебно настроенных лиц и нередко записывали поклонников таких встреч в различные «контрреволюционные организации».

В этот раз следователи предъявили своим жертвам статью об «антисоветской агитации», но, учитывая начало военной обстановки в стране, стали развивать наиболее характерную тему – «измены Родине». Уже 28 декабря 1941 года следователь Г.В. Антонов предъявил Сырневу обвинение в намерении перейти к немцам в случае мобилизации на фронт. Логика

была удивительно проста – раз восхвалял немцев и ругал советскую власть, стало быть, потенциальный изменник.

Антонов был основным следователем этого дела. Вместе с Ермолиным он составил в апреле 1942-го обвинительное заключение, где говорилось, что все трое арестованных ещё в 1936 г. «образовали антисоветскую группу». На своих «сборищах» они «восхваляли буржуазно-демократический строй западных стран и монархию в России», «высказывали пораженческие настроения, клеветали на советскую печать и сводки Информбюро». В «пораженческие высказывания» чекисты записали мнение о плохой подготовке нашей армии и хорошей организованности и оснащённости армии гитлеровской. Сюда же было включено мнение об «отсутствии демократии в стране» и «критика колхозного строя».

Л. Сырнева изобличали показаниями врачей – «врагов народа», расстрелянных в 1937-м. Присутствовали и агентурные показания: агенты НКВД «Буж», «Мензурка» и «Фильтр» утверждали, что в 1933-1934 гг. Сырнев якобы способствовал распространению эпидемии сыпного тифа в Новосибирске. А С. Зацепин изобличался агентами в том, что «выражал намерение изменить родине». Давление на подсудимых, которые признались не сразу, оказывалось постоянное и всестороннее. Дежурный помощник начальника тюрьмы сержант госбезопасности Зубрилин в рапорте от 10 марта 1942 г. доносил Ермолину, что заключённый Сырнев в нарушение порядка спит днём, для чего «взял тюремную подушку, запрягал её в брюки для того чтобы удобнее было сидеть и сидя спать». Бдительный тюремщик просил назначить арестанту «карцер для исправления»... Подследственных мучили не только ночными допросами, запретом отсыпаться днём и карцером. В период реабилитации Зацепин показывал о применении к нему «физического воздействия»...

Из Новосибирска дело было направлено в Особое совещание при НКВД СССР с предложением назначить: Сырневу – высшую меру, Зацепину – 10 лет, Рукавицыну – семь лет лагерей. В Москве согласились. 19 августа 48-летний Сырнев был заочным порядком осуждён и 8 сентября 1942 г.

расстрелян. Зацепину определили десять лет, Рукавицыну – восемь.

Сергей Зацепин сидел в Тайшетлаге и работал по своей специальности. «За высокие производственные показатели» в апреле 1944 г. ему на год снизили срок. Он был хирургом и заведующим акушерским отделением центральной больницы при управлении Ангарского лагеря МВД, пользовался авторитетом и доверием. 27 декабря 1950 г., девять лет спустя после ареста, доцент Зацепин был освобождён и сослан на поселение в Казахстан.

Что касается Александра Рукавицына, то он сидел в Кемеровской области и был освобождён из мариинских лагерей 27 декабря 1949 г. Вскоре после освобождения он устроился начальником производственного отдела искитимского стройуправления треста «Черноречцестрой».

Рассказ о невинно осуждённых врачах стоит дополнить небольшим, но столь же типичным описанием ещё одной трагической судьбы новосибирского инженера, подвергшегося аресту в начале войны. Речь идёт о 57-летнем Николае Ивановиче Подбельском – начальнике производственного отдела треста «Стройматериалы» наркомата путей сообщения. Этого специалиста арестовали в июле 1941-го, также накопив донесения об «антисоветских высказываниях» (до сьё на Подбельского было солидным – ещё полутора десятилетиями раньше чекисты отмечали его отрицательное отношение к советской власти). Выбили показания о работе на германскую (хотя сначала записали в японскую) разведку и осудили на 15 лет лагерей. Дочери Марине, которая получила короткое свидание с ним, инженер рассказал, как его мучили лишением сна, заставляли трое суток без отдыха стоять... Дочь писала маршалу Ворошилову, что отца «били и следы этого были видны у него на лице». В июле 1952 г. Н.И. Подбельский, отбывая срок приговора, умер в Братске, а несколько лет спустя был реабилитирован. Но драматический список репрессированных в годы войны новосибирских интеллигентов далеко не исчерпывается фамилиями Сырнева, Зацепина, Рукавицына и Подбельского...

Михаил Шмулёв
ВОСКРЕШЕНИЯ ИЗ МЁРТВЫХ НЕ
БЫВАЕТ...
(из книги «Эпистолы в прошлое и настоящее»)

Зачем пишу? Кому это нужно?

Прежде всего, для себя. На склоне лет, когда мне уже далеко за 80, появляется желание как бы снова пройти по жизненной дороге, высвечивая в памяти былое, оценить те или иные события, дела, поступки. Почему я тогда поступил так, а не эдак? И кто виноват в моих бедах? Я, со своими необузданными амбициями, или время, власть, идеология? Ведь в жизни не всё так просто складывается, иногда ошибки молодости, незрелости ума вполне простительны, а какие-то совесть не прощает, и за них до сих пор стыдно.

«Если б молодость знала, если б старость могла»...

Конечно, писать сейчас – задача трудная. Много из памяти стёрлось, затуманилось, остались только яркие эпизоды. Ровного, плавного повествования не получается.

Итак – пишу для себя!

Второе. Для своих потомков. Не вообще, а потомков по линии родства, крови. Когда мне было лет 9-10, я, разбирая отцовские бумаги, наткнулся на его дневник времён Первой мировой войны. Он воевал на Румынском фронте, под конец войны был ранен и возвратился домой после Октябрьских событий 1917 года – отец называл их переворотом, а большевики Великой революцией.

То была лишь часть дневника, и я многого в отцовских записях не понимал. При так называемой «сплошной коллективизации» бумаги были растеряны и утрачены. Отец мой умер почти молодым – в 35 лет, сказались ранение и отсутствие полноценной медицинской помощи. Наша семья, оставшись без отца, переехала в соседний посёлок к родным матери. Став взрослым, я тщетно пытался разыскать те дневники. Ах, как онигодились бы мне... Может быть, меньше было бы в

голове тумана, обмана и я не совершал бы по жизни столько ложных шагов.

Третья причина. В старые времена в каждой порядочной родовой семье имелаась *Книга рода*, поколений, своеобразный Гроссбух, в который записывались все важнейшие события на протяжении многих поколений. Там были даты рождений и смертей, венчаний, переездов и болезней. Кстати, по таким свидетельствам можно было узнать и о наследственной передаче болезней в роду. А если кто-то мог изложить историю рода наиболее художественно, то и такие записи приобщались в единую книгу.

Известность немецкому писателю Томасу Манну принёс его первый роман «Будденброки», где он описал судьбу четырёх поколений, историю его любекского, патрицианского рода. Томас Манн, конечно, мировая величина, его имя известно всему человечеству. Однако можно, казалось бы, писать и для отдельной семьи, для своей фамилии. Хотя – кто стал бы описывать свои «семейные тайны» при всеобщем доносителе, сыске, арестах и репрессиях?

Можно ли было, скажем, вписать в собственную семейную книгу такое событие, какое произошло в 1920 году во время Гражданской войны с мужем моей двоюродной сестры? Он вернулся домой после поражения Колчака, в армии которого служил. Его сразу же выдали красным. Он, конечно, знал о своём неминуемом конце и отстреливался до последнего патрона. Последний выпустил в себя. Такая семейная книга стала бы обвинением для всей семьи, путёвкой в ГУЛАГ всем ближайшим родственникам.

Тоталитарный режим зловещей тенью покрывал всё видимое и невидимое в стране и пытался овладеть душой и телом каждого. Вся социальная структура прошлого была объявлена вредной, почти вражеской. Кого только не считали врагами – царя, князя, графа, дворянина, купца, белогвардейца, кулака, служителя церкви, монастыря, подкулачника, правого и левого «уклониста» и многих других, получивших общее название – «враги народа». Все боялись попасть в разряд изгоев, а в анкетах писали: социальное положение – из крестьян или рабочих.

Получалось, что только эти две категории имеют право на жизнь, да ещё «гнилая интеллигенция».

А были ещё «враги» внешние – капитализм, империализм, буржуазия и т.д. В целом весь мир, где иная модель власти. Ну не безумие ли это?

В общем, я задумал написать о своей жизни, и тем положить начало *родовой книге*.

Мой дедушка по отцовской линии – Тимофей Кузьмич Шмулёв. Жил на Дону, потом перебрался в Белгородскую область, в город Старый Оскол, откуда в 1907 году, по столыпинской реформе, отправился в Западную Сибирь (ныне Алтайский край), к реке Чарыш, где обосновалась новая деревня Усть-Камышенка, что вблизи города Барнаула. Двигались они через всю Россию и Урал своим ходом, на лошадях. Моему отцу в то время было 12 лет. Это была длинная, и, конечно, интересная дорога: впечатления, встречи, события, новые имена...

Мой отец – Павел Тимофеевич – умер, когда мне было 7 лет. В моей памяти он остался очень добрым, но и очень вспыльчивым человеком.

Запомнился такой случай. На пашне, весной, в поле работали все братья: они уже вели самостоятельную взрослую жизнь, но пользовались общей земельной площадью. Жена младшего брата – Агафья – в ссоре, которые бывали обычными в большой семье, сделала неприличный жест, приподняв подол платья, что надо было понимать так: «вот тебе»! Отец в порыве злости схватил топор и замахнулся на неё. Она – в обморок, да такой, что перешёл в припадок. Я, стоявший почти рядом, страшно перепугался. У отца отобрали топор и увели подальше. Подобная вспыльчивость случалась у него неоднократно. И моя беда в том, что я всю жизнь несу эту наследственную черту характера. Много раз я так же вспыхивал, что-то творил, почти в беспамятстве, затем также мгновенно становился совершенно иным, я бы сказал – добрым. Гнев мой возникал неожиданно. Я, конечно, пытался с этим бороться... Увы, безуспешно...

В крайне обострённой ситуации я вспыхивал, бросался в драку, не думая о последствиях. Зная, что я иногда бываю «бешеным», в лагере, позднее, остерегались меня заводить.

О материнской линии, к сожалению, мало что знаю. Моя мать – Бочарова Анастасия – умерла, когда мне было 3 года. Бабушка – её мать – всегда оставалась для меня самым дорогим человеком.

Дедушка меня очень любил, брал с собой на рыбалку, в поездку и на железнодорожную станцию, это было тогда большим событием. Я ведь сирота, отсюда – его тёплое внимание ко мне. В деревне его уважали, выбрали церковным старостой, то есть самым авторитетным лицом. У него был большой дом под железной крышей – признак состоятельности! – да ещё «малушка», малая изба, в которой жили старики.

Фамилия у меня несколько странно смахивающая на еврейскую, но в деревне все нас называли просто – Шмули. Дед Шмуль, Пашка Шмуль и т.д. Наверное, всё-таки изменённое от *шмеля*. Деревня не признавала официальных фамилий и давала свои. Иногда получалось, что семья имеет две фамилии – казённую и уличную.

В 1907 году обосновались на новой земле, обустроились, а через 7 лет началась Первая Мировая война, на которую взяли двух сыновей. Всего их было четверо и одна дочь – Дарья. Именно у них были, естественно, православные: Иван, Павел, Григорий, Пётр. Дедушка с бабами и двумя малолетними сынами сумел выдержать трудности и разруху двух войн: Мировой и Гражданской. Хозяйство не пошло прахом, а после объявления НЭПа окрепло, стало совсем богатым. Трёх сыновьям нужно было срочно отделяться и заводить собственное дело. Дедушка предчувствовал, *что* последует после окончания НЭПа и разделом имущества спас всех от «раскулачивания» и от ссылки в далёкие места.

Один мой знакомый рассказал, что у него на родине в Красноярском крае живут Шмули, когда-то сосланные туда из глубины России. Да, всё правильно. Один из братьев моего дедушки остался в Старом Осколе, не переселился. И, видимо, жил более чем зажиточно, если в страшные 1928-30 годы угодил в ссылку после «раскулачивания».

За «сплошной коллективизацией», которую дедушка всё же проигнорировал и не вступил в колхоз, последовал страшный

голод – от разрушенного сельского хозяйства, принудиловки, обязаловки и прочих «виражей» Советской власти. Большинство моей родни умерло от голода, умер и мой дедушка. Мы же спаслись тем, что переехали в соседний посёлок к родным нашей второй матери. Там была Коммуна, а власть эти Коммуны поддерживала, давая кой-какие льготы. Я, как сирота, стал получать хлебный паёк, 800 грамм печёного хлеба – единственный в деревне, кому выдавалась такая помощь. Позднее я узнал, что это была благотворительная поддержка каких-то организаций Западных стран. Мир видел, что в СССР голодают, и помогал.

Мы пережили страшные годы. Ждали весну и лето, чтобы можно было питаться какой-нибудь травой, щавелем, рыжиком, огурцами. Не от стихийных бедствий голод, а от разрушенных хозяйств, принуждения вступать в колхозы. Мужик был беззащитен, когда на него накладывались одна за другой так называемые «хлебопоставки», натуральный налог – зерно, пока у него ничего не оставалось в амбаре.

Зерно прятали в ямы, пытаюсь хотя бы что-то оставить на семена к весне. Специальные бригады «комбедов» ходили по дворам и длинными металлическими стержнями тыкали повсюду, разыскивая зерно. Этот произвол властей сегодня кажется невозможным, немыслимым даже, наверное, не в вовсе цивилизованном государстве. Потому что право собственности, при всевозможных переворотах, оставалось, как правило, незыблемым, священным.

Память высвечивает ряд эпизодов. Бабушка – свекровь – держит в строгости снох. Одна из них – как бы дежурная по кухне, готовит обеды на всю семью, и, естественно, свекрови что-то не нравится, она устроила тартарам – «хоть из хаты выбегай!». Появляется дедушка и пытается урезонить старуху, но она сварливая, жестковатая – на него ноль внимания. Они называли друг друга «стара», «старый», а иногда он звал её просто «Параська».

– Уймысь, Параська, уймысь! – говорил дедушка, но она уже «завелась» и, видно, не скоро остынет.

Тогда он бросает на пол свою шапку, в ярости топчет её ногами и кричит:

– Ах, ты, бисова скотына, уймысь же, уймысь!

Вот, наверное, откуда и идёт вспыльчивость у отца и у меня. Наследственные гены – от них никуда не уйти!

В доме говорили на двух языках. Старые – на украинском, молодые – на русском. Трудно даже представить, как могли размещаться три семьи, пусть даже в большом доме. Детей было семь. Естественно: ссоры, драчки, потасовки – нередки. Что же скрепляло такую многочисленную семью? Религия и подчинение младших старшим. Уважались прежние, домостроевские, правила: «жена, да убоится мужа».

Все религиозные праздники, посты строго соблюдались, как и церковные службы: «заутреня», «обедня», «всенощная». Перед общим обедом в воскресенье после службы в церкви непременно молитва. Обеды отличались обилием блюд и разносолов. Деревенская кухня была у нас знатной, и чего только не готовилось к большим праздникам.

То было время, когда всё дореволюционное сохранялось, а советское ещё не набрало силы. После смерти Ленина во главе Государства стоял Председатель Совета Народных Комиссаров А.И. Рыков, позднее расстрелянный Сталиным как «враг народа», «правый уклонист». Подумать только! Первый пост в стране! Сталин мало помалу прибирал власть в свои руки, чтобы потом стать полновластным диктатором, да таким, что мир ужаснулся от его «подвигов». И ничего! Народ вначале молчал, лепетал, безмолвствовал, чтобы потом безумствовать, неистовствовать от неслыханных, неизведанных восторгов в его адрес. Вот уж воистину – чума нашла на ряд поколений в бывшей Российской Империи. Были грозные цари, все их боялись, но никогда так не прославляли.

Иван Грозный! Перед смертью его совесть за тысячи замученных заговорила и он стал каяться. А Сталин? Жаль, что в его последний час никого рядом с ним не было, и никто не знает, что он говорил, и просил ли у кого прощенья этот деспот, тиран и злодей. Таким он и вошёл в историю народов. Удивительно, что его нынешние эпигоны всё ещё пытаются воскресить дух того времени, словно не ведают, что *воскрешения из мёртвых не бывает*.

Воскрешения из мёртвых не бывает...

Сибирские воспоминания

